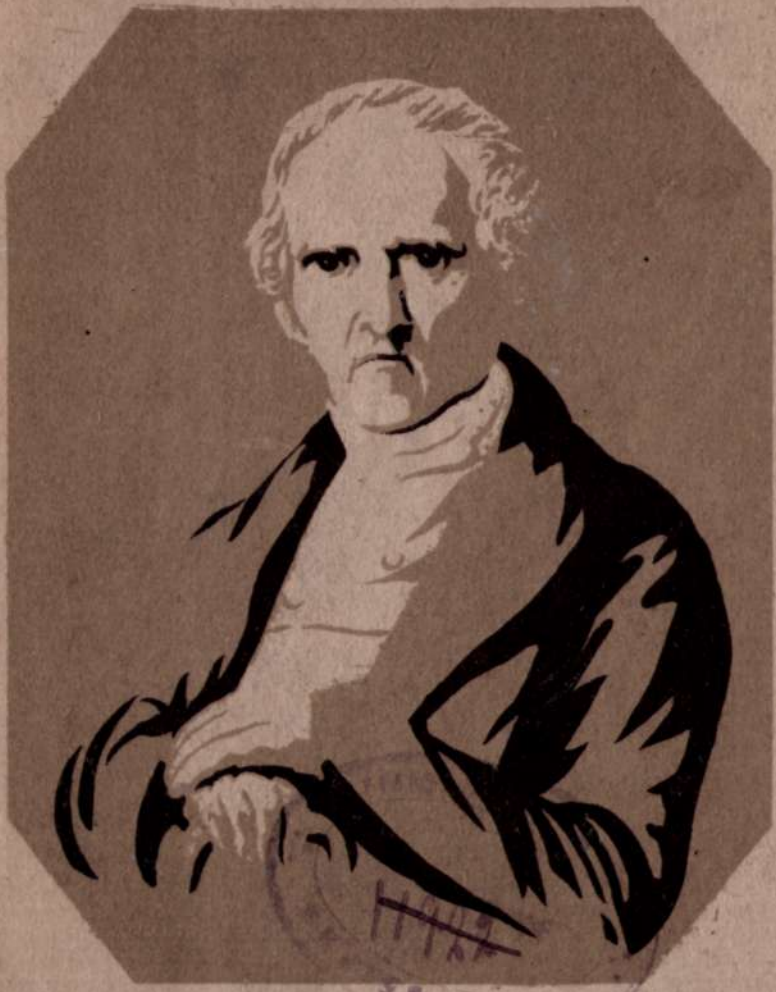
АРК. А–Н

ШАРЛЬ



ФУРЬЕ

Арк. А—н

Шарль Фурье

Его личность, учение
и социальная система

28949

...щей №
...195 г.

ПЕРЕВІРЕНО
1982 р.

Второе переработанное и дополненное издание

ПЕРЕВІРЕНО
2005

11922

ПЕРЕВІРЕНО
2007

1979 р.
Інвентарізовано

„ПРОЛЕТАРИЙ“

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Первое издание настоящей работы, начатой составлением в Москве, пришлось оканчивать в провинции; поэтому заимствования из второисточников и известная незаконченность были неизбежны.

Предлагаемое второе издание целиком переработано по первоисточникам и значительно расширено, хотя план и расположение материала остаются приблизительно прежними.

В настоящем издании, как и в первом,—но в гораздо большей степени,—выдвигаются и подчеркиваются те элементы критики и учения Фурье, которые делают его предшественником современного научного социализма.

Изложение воззрений Фурье часто ведется цитатами из его сочинений, ибо давать сухую перефразировку мыслей знаменитого утописта значит обесцвечивать их, лишить того саркастического букета, того злого и блестящего по временам остроумия, которые составляют душу его произведений. Таким образом, читатель имеет перед собой не только систематическое изложение и оценку взглядов знаменитого утописта, но его мысли в той форме, в какой они вышли из-под его пера, и знакомится с его стилем, литературной манерой, своеобразным остроумием и странностями—одним словом, имеет перед собой в известной степени доподлинного Фурье.

Автор.

ГЛАВА I

Краткие сведения о жизни и характере Фурье, его произведениях и литературной манере.—Отношение к Великой Французской Революции.

§ 1. Жизнь и сочинения Фурье *).

Шарль Фурье родился во Франции в городе Безансоне 7 апреля 1772 года. Он был единственным сыном в семье, где, кроме него, было еще трое дочерей. Отец его был состоятельный коммерсант, торговавший сукном. Желая сделать единственного своего сына преемником своего дела, отец уже в раннем возрасте поставил Шарля за прилавком; но мальчик не обнаруживал никаких способностей в благородном ремесле лжи, т.-е. в искусстве торговли. Мало того, как рассказывает о себе сам Фурье, он не только не содействовал родителям в этом прибыльном искусстве, но нередко отзывал в сторону покупателей, которым угрожал обман, и открывал им глаза на ложь, жертвой которой они должны были сделаться. Один из таких покупателей оказался недостаточно скромным и выдал маленького Шарля, которому за такой некоммерческий образ действия досталось несколько увесистых колотушек. Пораженный его поведением отец в отчаянии заявил: «Шарль никогда не будет дельным торговцем!»

Действительно, Шарль чувствовал глубокое отвращение к торговле и семи лет от роду, по уверению его ученика и последователя Консидерана, дал клятву, подобную той, которой некогда клялся против Рима Ганнибал: «Клянусь в вечной ненависти к торговле». И эту клятву он свято соблюдал до конца дней своих,—ненавистью к торговле и торговым махинациям пропитаны все страницы его многотомных произведений; и можно с уверенностью сказать, что едва ли найдется писатель, который с такой едкостью и глубиной заклеймил торговлю, как это сделал Фурье.

*) До нас дошли скудные сведения о жизни Фурье. Сам он не любил рассказывать о своем прошлом, и ученики Фурье поэтому не могли дать обстоятельную биографию своего учителя. В нижеследующем мы сообщаем то немногое, что повторяется у всех его биографов. Более обстоятельно трактует о жизни Фурье Ch. Pellarin в своей книге „Charles Fourier, sa vie et sa théorie“ (Шарль Фурье, его жизнь и теория). I изд. Париж. 1843 г., 5 дополненное изд. 1871 г.

В детстве Шарль отличался мечтательностью и религиозностью. Как он рассказывал сам, его часто водили на разные службы и проповеди. Он до того был напуган горячими угольями и кипящими котлами, которыми проповедники запугивали грешников, что начал тосковать и метаться без сна по ночам в страхе, что его ожидает подобная участь в загробной жизни; и он решил покаяться. Боясь опустить какой-нибудь грех, семилетний мальчик на исповеди обвиняет себя в сладострастии и симонии, чем приводит в гнев священника, не сообразившего, что имеет перед собой ребенка с болезненно обострившейся фантазией.

Шарль отличался не только прекрасными способностями к наукам, о чем скажем еще несколько слов ниже, но рано обнаружил выдающийся музыкальный слух: сам без чужой помощи научился он играть на нескольких инструментах; впрочем, впоследствии он забросил занятия музыкой, хотя до конца жизни сохранил влечение к ней, в особенности к оркестровой музыке. Этим, быть может, в значительной степени об'ясняется та роль, которую он отвел в созданном им новом строе (который он назвал строем Гармонии) музыке и ритму. Точно также он с раннего возраста пристрастился к цветам. Под старость, ведя скромное, почти нищенское существование, он тем не менее не мог отказаться от своей страсти к цветам. Его убогая комната, скудно меблированная, была так заставлена цветами, что посетитель с трудом пробирался среди них и еле находил место, где усесться. Мы далее увидим, как, благодаря этой страсти к цветам, он отводил очень видное место цветоводству в строе Гармонии, где культивировкой одних роз всевозможных пород, заняты десятки организаций (называемых им группами и сериями).

Говоря о детстве Фурье, нужно отметить еще один факт, сообщаемый его биографами и относящийся к его 12-летнему возрасту. Свой завтрак, который он брал с собой в школу, он по дороге отдавал одному нищему, всегда поджидавшему его на одном и том же месте. Об этом домашние узнали лишь тогда, когда после случайного от'езда Шарля из Безансона, нищий пришел осведомиться о его здоровье. Когда ему ответили, что Шарль на некоторое время уехал, он не мог удержаться от слез и сообщил, что теперь принужден будет голодать, так как лишился постоянного приношения своего ангела хранителя.

В безансонской школе Шарль учился прекрасно, получая часто награды, в особенности за латынь и поэзию. Но, кроме обязательного учения, он занимался самостоятельно, интересуясь в особенности географией и математикой. По окончании безансонской школы он обратился к матери с настойчивой просьбой отдать его в военно-техническое

училище в Мезиере. Так как доступ в это училище был открыт только для дворянских детей, то для поступления туда нужно было затратить значительную сумму на приобретение дворянского диплома. Мать (отца уже тогда не было в живых) категорически отказалась от такого расхода, тем более, что была против продолжения им образования. После этого Фурье сделал еще одну попытку уговорить мать послать его для завершения образования в Париж, где он намерен был изучать логику и физику; но один из друзей матери, к которому она обратилась за советом, высказался против этого плана, находя, что столица представляет много соблазна для юноши и может его сбить с пути истины; к тому же будущему купцу, — ибо мать твердо решила сделать из него купца, — совершенно не нужны эти науки. По совету ближайших родственников, мать отправила юношу в Лион к одному банкиру, но он вскоре оттуда бежал. То же самое повторилось с попыткой г-жи Фурье пристроить своего сына в Руане.

В конце концов Шарль покорился своей участи и, согласно воле своей матери, поступил в качестве приказчика в торговое дело в Лионе. Таким образом, как говорит сам Фурье, лучшие годы жизни ему пришлось провести в «мастерских лжи», т.-е. в торговых и промышленных предприятиях, где ему суждено было всегда занимать последние места, так как он питал непреодолимое отвращение к профессии, навязанной ему насильно.

По окончании своего коммерческого образования он получил место коммивояжера у руанского купца и по своей должности об'ехал много городов Франции, побывал несколько раз в Париже. Имея, кроме своего жалованья, некоторый доход от оставленного ему отцом наследства, он много путешествовал по Германии, Голландии и Бельгии. Путешествия эти дали ему немало для умственного развития и расширения кругозора.

В 1793 году с ним случилось несчастье. В этом году он на деньги, доставшиеся ему по наследству от отца (около 20 тысяч рублей), открыл колониальную торговлю в Лионе; но вскоре потерял все свое состояние, вследствие революционных событий того времени, а именно, вследствие осады и разгрома Лиона войсками Конвента. После этого он до конца дней своих влачил жалкое материальное существование, добывая себе в более зрелые годы хлеб преимущественно конторской работой и зарабатывая от 1.000 до 1.500 франков в год. Но бедность свою, как свидетельствуют все писавшие о нем, он переносил не только с большим достоинством, но с полнейшим спокойствием духа. Мало того. Он очень много сам помогал бедным и делал это скрытно от близких ему людей.

Во время осады Лиона Фурье привлечен был городскими властями к защите города и при одной вылазке только случайно избег смерти. Он вернулся с поля битвы только с немногими товарищами. Его товары тоже были пущены в ход для целей защиты. Так, его тюки с хлопком послужили материалом для забаррикадирования городских ворот, а колониальные товары пошли на продовольственные нужды сражавшихся и раненых. Когда город после продолжительной осады был взят и разгромлен, были арестованы и казнены не только те, которые действительно участвовали в восстании, но многие заподозренные в несочувствии Конвенту. Вместе с другими был арестован и Фурье, которому удалось обмануть следователей Конвента и таким образом спастись от казни. Как он сам впоследствии рассказывал, он трижды обманул комитетских следователей, производивших дознание, и лиц, делавших у него обыск, и таким образом он трижды избежал гильотины. «Я полагаю,— говорит он по этому поводу,— что поступил вполне правильно, что бы об этом ни думали господа моралисты». По возвращении в Безансон он снова был арестован, так как бумаги его были не в порядке; не желая огорчать родных, он не дал никому из них знать о своем аресте и развлекался в заточении игрой на скрипке и гитаре. Но родственники вскоре узнали о его аресте и поспешили помочь ему освободиться.

Вскоре, вследствие об'явленного Конвентом набора, Фурье принужден был отправиться в качестве солдата для защиты границ Франции и, прослужив больше года в отряде конных стрелков, был уволен от службы, как негодный к ней по своему слабому телосложению и хрупкому здоровью, причем получил похвальный аттестат от начальства за усердную службу.

Фурье на всю жизнь остался врагом революции, разорившей его и чуть не приведшей на эшафот. Его несочувствие революционным методам борьбы увеличивалось по мере того, как он убеждался, что революция, стоившая стольких потоков крови, обманула голодные массы, дав им ничего не значащие «права», между тем как все материальные выгоды достались классу, столь им ненавидимому—классу торговцев.

Еще с юных лет Фурье обнаружил любовь к науке. Долгое время он увлекался географией и все свободные деньги тратил на приобретение географических карт и учебников. С течением времени жажда учиться увеличивалась, но будучи занят по службе, он в продолжение дня не находил свободного часа для занятий и принужден был урывать для этого время от сна. Он занимался, главным образом, анатомией, физикой и астрономией. Часто проводил он ночи напролет, углубляясь в Платона, Сократа, Лейбница и Руссо. Свое

образование он дополнял урывками в библиотеках и читальнях и на всю жизнь остался гениальным недоучкой, с высокомерием третируя философов всех времен; в особенности от него доставалось экономистам, которых он считал попросту шарлатанами, продавшимися торговцам.

Его склонность к фантазированию и страсть к творческой деятельности обнаружились в ранней молодости в сочинении проектов, относившихся к разным специальностям.

Так, плодом увлечения музыкой явился его проект реформы нотописания, отличавшегося в то время крайней сложностью; проект этот по мнению специалистов, представлял значительное усовершенствование в этой области. Несколько лет спустя он предложил усовершенствование в области путей сообщения, а именно: проект устройства деревянных, а потом металлических рельс. Этот проект, принцип которого впоследствии произвел переворот в путях сообщения, был признан непрактичным и неосуществимым инженерами того времени, к которым обращался Фурье.

Во время своей военной службы он составил план наиболее удобного перехода французскими войсками Рейна и Альп и передал его на рассмотрение высшего военного управления; за этот план он получил благодарность от знаменитого организатора французских военных сил эпохи революции—генерала Карно. Его долго занимал вопрос об улучшении транспорта, и вот он обращается к правительству с предложением учредить особый класс маклеров для транспортирования кладей, но этому проекту не было дано движения. С целым рядом проектов социально-реформаторского характера он обращался то к правительству, то к депутатам, но безрезультатно. К этому же времени относится начало его публицистической деятельности в виде сотрудничества в «Лионском Бюллетене».

Одна из его статей «Континентальный триумвират и непрерывный мир в продолжение 30 лет» заслуживает особого внимания, так как в ней Фурье впервые обнаруживает свои выдающиеся способности анализировать события и предвидеть их результаты. В то время, как европейские политики занимались гаданиями о планах Наполеона, высказывая самые фантастические предположения, и немало было голосов, заявлявших о близости мира, Фурье в своей статье категорически отвергает возможность близкого мира и рисует картину ближайших мировых столкновений. Из четырех борющихся государств (Франции, России, Австрии и Пруссии) первой выйдет из строя Пруссия, которую ждет разгром и участь Польши (что в известной степени оправдалось на деле). Оставшиеся три государства заключат триумвират, и тогда наступит продолжительный мир; но если триумвират не будет заключен, тогда в дальнейшей борьбе пострадает

Австрия, которую Франция и Россия поделят между собой, начав над трупом ее спор о мировой империи. Государство, оставшееся победителем, примется тогда за Англию и покорит ее, захватив Ост-Индию и другие ее колонии, закрыв для нее доступ во все порты Европы и Азии. Таким образом, он предсказал борьбу не на жизнь, а на смерть между Францией и Россией.

В 1808 году Фурье издал свое первое основное сочинение под заглавием «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (Théorie de quatre mouvements et des destinées générales) В этом произведении *) уже изложены с достаточной полнотой основные идеи его системы.

Но не все элементы его системы здесь развиты с одинаковой равномерностью. Более или менее подробно останавливается он на судьбах вселенной и человечества, делая предсказания о тех чудесных преобразованиях, которым должна подвергнуться наша планета и вся вселенная, затем об эволюции, которую должно пережить человечество и сам человек (отсюда название книги «Теория всеобщих судеб»). Второй вопрос, особенно занимающий его внимание в рассматриваемом произведении, это—любовь и брак, основы которого в строе цивилизации он подвергает самой резкой критике, набрасывая затем план преобразований в этой области, которые послужат переходной ступенью к полному освобождению женщины и установлению свободы любви. Но в то же время он почти не останавливается на вопросах воспитания, которым он в следующих сочинениях отводит почетное место. Третий пункт, которому отведено значительное место в «Теории четырех движений», это—критика коммерции, где он высказывает много глубоких и остроумных мыслей. Наконец, здесь хотя и в недостаточно законченной форме, дано его учение о социальных периодах, составляющее одну из наиболее глубоких частей его теории. Учению о страстях он посвящает в этой книге сравнительно мало места (подробно это учение развито в дальнейших двух главных его произведениях), но и здесь уже даны основы этого учения. Страсти при современных порядках эпохи цивилизации являются разрушительным началом и проклятием для людей; они превращаются в силу творческую,

---

*) Полное заглавие этого сочинения след.: „Théorie de quatre mouvements et des destinées générales, Prospectus et annonce de la découverte". Эпиграф: «Mais quelle épaisse nuit voile encore la nature» (Voltaire). „Теория четырех движений и всеобщих судеб. Краткое изложение и об'явление открытия". Эпиграф: „Но какая густая тьма еще окутывает природу". (Вольтер). Первое издание носило пометку „A Leipzig", что сделано из цензурных соображений, хотя книга была издана в Лионе; второе издание сделано в 1841 г. в Париже. «Обществом для пропаганды и осуществления теории Фурье и составляет I том полного собрания сочинений Фурье» изданного указанным Обществом. В нижеследующем мы будем цитировать указанное сочинение по изданию 1841 г.

организующую и потому благодетельную—при новом строе, где люди будут об'единены в небольшие ассоциации (фаланги) приблизительно по 1.600 человек в каждой. Фаланги по характеру организуемых в них работ, распадаются на группы, которые об'единяются в серии групп. Труд фаланги доброволен и притягателен, вследствие его чрезвычайного разнообразия, что удовлетворяет одной из главных страстей—к перемене; он стимулируется не борьбой за существование, а страстью к интриге (подробнее об этой страсти будет сказано ниже), прелестью обстановки и хорошим вознаграждением. Фаланга об'единит богатых и бедных, представителей капитала и труда, королей и рядовых граждан, так как при необычайной производительности труда, организованного на разумных началах и в соответствии с природой человека, для всех хватит продуктов в изобилии. Не будет поэтому надобности в борьбе и резне для достижения общего блага. Фаланга, подобно клиновидно построенным отрядам македонских войск (откуда Фурье заимствовал это название), врежется в современный строй цивилизации и расколет его на части. Уже здесь Фурье обнаруживает во всей яркости свои утопические надежды в деле осуществления этого грандиозного плана на помощь какого-нибудь великого деятеля. В тот момент он возлагал эти надежды не более и не менее, как на самого Наполеона, которого он называет «новым Геркулесом» и которого рекомендует народам в следующих выражениях: «Народы! Ваши предчувствия исполнятся; самая блестящая миссия предназначена величайшему из героев; он должен водворить всеобщую гармонию на развалинах варварства и цивилизации».

Говоря о «Теории четырех движений», необходимо заметить, что в смысле изложения она является самым удобопонятным из всех его сочинений. Правда, Фурье здесь уже вводит новую терминологию и обнаруживает свои странности в отношении распределения материала по главам и рубрикам, но здесь он не доходит до тех крайностей, с которыми мы встречаемся в его следующем большом сочинении.

Первое произведение Фурье встретило у публики более чем сдержанный прием и навлекло на автора насмешки критики за фантастические предсказания о судьбах мира и человечества. Книга имела ничтожный сбыт и средства Фурье были истощены. Небольшим подспорьем, спасшим его от нужды, было полученное им от матери наследство. Согласно завещанию матери, умершей в 1812 г., сестры, к которым перешло наследственное имущество, должны были выплачивать Фурье ежегодно 900 франков; но эту выплату, как можно предполагать, они производили недолго и неаккуратно. Фурье попрежнему продолжал заниматься службой в торговых предприятиях, перейдя от должности приказчика к должности биржевого маклера, а затем — конторщика.

В 1816 г. Фурье временно переселился в деревню, где всецело посвятил себя своим исследованиям. Плодом этих работ был изданный им в 1822 г. самый обширный двухтомный труд: «Трактат о домашней земледельческой ассоциации» (Traité de l'association domestique—agricole), переизданный впоследствии под названием «Теории всемирного единства» (Théorie de l'Unité universelle) в 4 частях *).

Фурье не имел средств на издание этой книги, но здесь ему на помощь явился состоятельный безансонский чиновник Жюст Мюирон (Just Muiron). Это был первый его ученик, первый человек из публики, признавший в Фурье гениального социального мыслителя и заразившийся энтузиазмом, которым проникнуты его писания. Жюст Мюирон не только дал средства на издание «Трактата о домашней ассоциации», отличавшегося солидными размерами, но и потом в продолжение многих лет оказывал Фурье значительную материальную поддержку. Нужно отметить следующее обстоятельство. Так как этот первый последователь Фурье страдал глухотой, то учителю часто приходилось об'ясняться с учеником письменно; отсюда возникла обширная переписка, дошедшая до нас и имеющая некоторое значение для выяснения миросозерцания и учения Фурье.

В этом сочинении, самом обширном из всех его работ, он наиболее подробно развивает идеи, изложенные в первом труде и очень подробно рисует устройство общежития, в котором будет помещаться фаланга и которое он называет фаланстером, и образ жизни его населения. Подробно останавливается он на ассоциации и именно той ассоциации, которую он считает необходимой основой строя Гармонии и столь же подробно выясняет выгоды кооперативной формы производства и потребления. Критика строя цивилизации получает более широкий размах, чем в «Теории четырех движений», хотя в этой критике меньше научности и больше странностей, свойственных его манере. Вообще же в этом сочинении теория Фурье разработана с наибольшей полнотой и всесторонностью, и из этого сочинения более всего черпали его ученики. Немало места уделяет он полемике с ненавистными ему презираемыми им философами, моралистами и экономистами,

*) Полное заглавие книги в первом издании „Traité de l'association domestique-agricole ou Attraction industrielle" с эпиграфом: „Aures habent et non audiunt, oculos habent et non videbunt (Psal) —„Трактат о домашне-земледельческой ассоциации или о промышленном притяжении". Эпиграф: „Имеют уши и не слышат, имеют очи и не увидят". В сокращенном виде эта книга была издана в 1828 году под заглавием „Sommaire de la théorie de l'association agricole. В 1841 г. Théorie de l'Unité universelle вошло в полное собрание сочинений, изданное „Обществом для пропаганды и осуществления учения Фурье". В этом собрании 4 части названного сочинения составляют томы 2—5. В последующем мы будем цитировать „Теорию всемирного единства" по указанному изданию.

и нужно ему отдать справедливость, он по временам отделывает их чрезвычайно остроумно. В то же время в этом сочинении наиболее ярко проявились все странности его литературных приемов, его метод аналогий и малодоказательных, хотя и остроумных, сближений и обобщений; вот почему эта книга несравненно труднее читается, чем предыдущая, если вдобавок принять во внимание ее об'ем.

В 1829 г. вышел труд Фурье под названием «Новый промышленный и сосьетарный мир». (Le nouveau Monde industriel et sociétaire)*). Как и предыдущий труд, этот тоже был издан не на собственные средства Фурье, а на средства его ученицы и последовательницы Клариссы Вигуре (Vigoureux). Книга эта, состоящая из одного тома, является наиболее законченным из всех его произведений и вместе с тем наиболее удобопонятным. В этой книге, по совету своих учеников, которых к этому времени у него уже было несколько, он уделяет мало места своим необоснованным, навлекшим на него насмешки, фантазиям о вселенной и его судьбах, и больше занимается практическими вопросами своей системы. А. Бебель называет эту книгу квинт-эссенцией воззрений Фурье. «Тот—говорит он,—кто хочет, не изучая первых пяти томов, (т.-е. «Теории четырех движений», I том, и «Теории всемирного единства», IV том), достаточно познакомиться с идеями Фурье, найдет все нужное в «Новом промышленном мире». Вообще нужно заметить, что все произведения Фурье по своему содержанию сходны друг с другом, повторяя в деталях и даже в тех же выражениях одни и те же мысли и отдельные части его теории, и потому можно также согласиться с Ш. Жидом, что кто прочел хотя бы один его том (наиболее типичным сочинением по мнению указанного автора является «Теория всемирного единства»),—тот прочел всего Фурье **).

---

*) Полное заглавие этой книги: „Nouveau Monde industriel et sociétaire ou invention du procédé d'industrie attrayante et naturelle distribuee en seiries passionnés" с эпиграфом: „Ce sont des aveuyles qui conduiséent des aveugles". „Новый промышленный и сосьетарный мир или открытие привлекательной и естественной индустрии, организованной в страстные серии". „Это слепые, ведущие слепых". 4 изд. этой книги вышло в полном собрании сочинений Фурье в 1870 г., стр. 489 XVI. Нижеприводимые цитаты сделаны по этому изданию.

**) По мнению многих писателей в „Теории четырех движений" выражена вся сущность фурьеризма (таково мнение Тотомианца, Бибикова, Коперника, Чинского и др.). Сам Фурье, как нами указано, назвал свое первое крупное сочинение „проспектом". Издатели первого полного собрания сочинений Фурье 1841 г., т. е. „Общество для пропаганды и осуществления учения Фурье", членами которого были ученики и последователи Фурье, в своем длинном „Предисловии" к „Теории четырех движений" между прочим пишут: „Эта книга вызвала столько неправильных мнений, что Фурье решил совсем ее уничтожить. Он совершенно не упоминает о ней в своих позднейших сочинениях, даже когда заимствует из нее целые куски"... „Теория еще не была достаточно им развита,—говорил он,—когда опубликовал эту книгу; она содержит много заблуждений, это—недостаточно продуманная книга, в ней нет научного стиля, слишком много поэзии и пр. и пр.". И когда мы говорили ему о переиздании этой книги, он повторял, что книгу нужно

В 1836 г. появился последний большой труд Фурье «Ложная промышленность». (La fausse industrie morcelée repugnante mensongère) в 2 т. *). Но эта книга в значительной своей части является повторением всего высказанного в предыдущих сочинениях и потому не представляет самостоятельного интереса.

Кроме перечисленных крупных произведений Фурье написал много статей, главным образом, по вопросам, затронутым в его основных произведениях. Эти рукописи были опубликованы после смерти Фурье под заглавием «Манускрипты Фурье» (Manuscripts de Charles Fourier).

В 1848 г. ученики Фурье издали двухтомный сборник, озаглавленный «Мировая Гармония и Фаланстер». (L'Harmonie universelle et le Phalanstère, recueil méthodique des morceaux choisis), в котором учение Фурье изложено на основании выдержек из его сочинений **).

переделать с самого основания. Отсюда ясно, что совершенно ошибутся те, которые, доверяя заглавию и не зная, что книга, вышедшая под этим заглавием, является только прологом к большому многотомному произведению, подойдут к этому „полупроспекту" с надеждой найти в нем теорию Фурье; точно так же необходимо заметить, что эту книгу не следует рассматривать как краткое изложение фурьеризма или как подходящую для целей пропаганды; ее место в библиотеке, где она должна образовать часть полного собрания сочинений Фурье; при чтении ее всегда нужно иметь в виду дальнейшие произведения нашего автора, ее об'ясняющие, дополняющие и исправляющие. Это не книга, которую можно дать в руки каждому". (Théorie de quatre mouvements, изд. 1841 г. Предисловие издателей, стр. IV—V).

Не вдаваясь в рассмотрение того, чем об'ясняется такое отношение издателей — учеников Фурье — и самого Фурье, согласно сообщения его учеников, к рассматриваемому сочинению, скажем следующее. Хотя в этом сочинении не дано многого из практических построений Фурье, развитых с особенной подробностью в следующих его двух крупных сочинениях, но теоретическая сторона его учения здесь дана почти вся целиком; а по глубине отдельных мыслей, по остроумию, легкости, ясности изложения это произведение значительно превосходит все написанное им впоследствии. Поэтому не только следует присоединиться к мнению Тотомианца, Коперника, Чинского и др., что в этой книге выражена почти вся сущность (теоретическая сущность, добавим мы от себя) фурьеризма, но необходимо признать, что это самое блестящее из произведений Фурье.

Если даже согласиться с тем, что по одной этой книге нельзя составить полное представление о всех сторонах доктрины Фурье, в особенности о практической стороне его социальной системы, необходимо признать и подчеркнуть, что всякий желающий вкратце познакомиться с Фурье, должен начать с этой книги, а тот, кто хочет иметь о нем законченное представление, не может пройти мимо нее.

*) Полное заглавие этой книги: „La fausse industrie morcelée repugnante, mensongère et l'antidote l'industrie naturelle, combinée, attrayante, veridique, donnant quadruple produit Mosaique de deux progres, de ridicules et cercles vicieux de civilisation, parallèle de deux mondes industriels, l'ordre morcelé et l'ordre combiné". Paris 1835 — 6, 2 vol. (Ложная индустрия, раздробленная, отталкивающая, лживая и ее противоядие индустрия естественная, комбинированная, привлекательная, правдивая, дающая четверной продукт. Мозаика двух прогрессов и порочных кругов цивилизации, параллель двух индустриальных миров, одного с строем раздробленным, а другого с строем комбинированным. Париж. 1835—6 г.г., 2 тома).

**) Дополнительные сведения о сочинениях Фурье и о литературе о нем можно найти в „Записках научного о-ва марксистов", 1922 г. № 3. Наиболее полные библиографические сведения только о сочинениях Фурье у Bourgin Hubert. Fourier. Contribution a l'étude du Socialisme français. Paris, 1905.

В конце 20 годов Фурье переселился в Париж. Мало-по-малу вокруг него сгруппировался кружок последователей. Первыми из них были вышеуказанные Мюирон и Вигуре, а самым выдающимся, талантливым и ревностным—Виктор Консидеран, впоследствии член сенского генерального совета и депутат парламента *).

В 1832 г. Фурье при содействии своих учеников основывает журнал «Промышленная Реформа или Фаланстер» (La Reforme industrielle ou le Phalanstère), прекративший свое существование в 1834 г. Вместо него в 1836 г. появилась «Фаланга, журнал социальной науки, открытой и изложенной Шарлем Фурье». (La Phalange, journal de la science sociale, découverte et constituée par Ch. Fourier), выходивший до 1843 г., а потом превратившийся в ежедневную газету под названием: «Мирная Демократия» (La Democratie pacifique).

Ни о ком из знаменитых утопистов XIX века не осталось так мало биографических сведений, как о Фурье.

Присоединим к вышеизложенному некоторые черты из его характера. Старый холостяк, он всю жизнь прожил в меблированных комнатах. Жалкая конторская служба, а потом занятие перепиской на дому отнимали у него большую часть дня, давая ему очень скудные средства к существованию; остальное время он посвящал своим работам. Ведя удивительно размеренный и аккуратный образ жизни, он знал только две страсти — страсть к мышлению и страсть к цветам. Углубленный в разработку основных положений своей системы, он отличался чрезвычайной рассеянностью, часто говорил вслух на улице и проводил ночи без сна за письменным столом. Мы выше отметили его страсть к цветам, кроме этого он питал еще нежные чувства к кошкам; и своих любимиц из тех, что водились на дворе того дома, где он жил, он кормил из собственных рук в определенные часы дня.

По описанию его современников Фурье обладал очень привлекательной наружностью, вернее говоря, привлекательными чертами лица. Невысокого роста и худощавый, он имел большую, пропорционально развитую красивую голову, большой «сократовский» лоб, нос с горбинкой, голубые глаза, светившиеся умом, проницательностью и энергией; выражение его лица было столь привлекательно и многозначительно, что всякий, приходивший с ним в близкое соприкосновение, проникался симпатией к его личности и доверием к его назначению быть пророком и вождем нового социального направления.

Его утопизм особенно ярко выразился в вере, что найдется какой-нибудь великий государственный человек или богач, который осуществит

*) Подробнее о французском фурьеризме см. Приложение 1.

его систему. Он поочередно обращался ко всем: к людям, выдающимся по своему политическому положению, к миллионерам Европы, ко многим коронованным лицам. Сначала он старался привлечь на свою сторону Наполеона, обещая ему господство над всем миром, преобразованным по его системе; впоследствии он обращался к Ротшильду, которого он старался прельстить возможностью восстановления иудейского царства; после революции 1830 г. он старался привлечь к своему делу выдающихся политических деятелей эпохи—Тьера, Лафитта, Гизо, Казимира Перье и, наконец, самого короля Луи-Филиппа; он обращался даже к людям, которых более всего недолюбливал (чтобы не сказать сильнее—ненавидел)—к философам и экономистам, далее к Роберту Оуэну и сенсимонистам, которых за равнодушие к его проектам пробрал в 1831 г. в злом и содержательном памфлете. «Pieges et charlatanisme de deux sectes Saint Simon et Oven qui promettent l'association et le progres». («Ловушки и шарлатанство сект Сен-Симона и Оуэна, обещающих ассоциацию и прогресс»).

Наивность его надежды на великих людей и богачей была так велика, что он даже анонсировал в печати, что от двенадцати до часа будет ждать в своей квартире тех, которые пожелают отдать свои средства на создание фаланги, и, как уверяют его ученики, в продолжение 20 лет ни разу не пропустил об'явленного часа, ожидая «кандидатов», которых у него было намечено до четырех тысяч человек. Но он ждал напрасно—никто не появлялся. И он умер в 1837 г., не дождавшись устройства пробной фаланги, если не считать неудачной попытки, сделанной его учениками в 1832 году.

§ 2. Внешние особенности произведений Фурье.—Классификации и аналогии.—Предсказания Фурье о судьбах вселенной и человечества.

Раньше, чем приступить к изложению идей Фурье, необходимо сказать несколько слов о тех странностях и оригинальностях, которыми изобилуют его произведения. Эти странности, благодаря которым он вошел в историю с названием чудака и даже полупомешанного, по сию пору делают его сочинения недоступными для широкой публики.

Уже одна внешность его произведений с первого взгляда наводит на мысль об умственной ненормальности или, по крайней мере, свидетельствует о болезненном стремлении к оригинальности, способной вызывать насмешку у одних и чувство недоумения у других. Достаточно взглянуть на оглавления томов «Теории всемирного единства», чтобы получить некоторое представление об указанных особенностях. Здесь мы увидим название глав и отделов *), специально изобретенных

*) Например, Pré-ambule Cis-ambule, Trans-ambule, или просто Prac, Cis, Trans, Post, Citeer Ulter, Inter, Initile, Final, Citra-Pause или вместо „Introduction" „Extraduction" вместо „avant-propos" „arrière-propos" и т. п.

для того искусственного и порой нелепого расположения материала для обозначения тех своеобразных способов рассмотрения вопроса, к которым прибегает наш автор как бы для того, чтобы затемнить смысл излагаемого и сделать свои произведения возможно более неудобочитаемыми. Той же цели служат иксы и игреки, поставленные боком или вниз головой. Создаваемая таким образом своеобразная система изложения в действительности приводит к бессистемности и хаосу; изложение спутанно, доказательства обрываются, чтобы быть продолженными в другом месте и в другой связи, где они лишены значительной доли своей убедительности.

Прибавим к сказанному, что книги Фурье пестреют множеством им самим изобретенных слов, часто совершенно неудачных и непонятных, множеством исторических и политических терминов, собранных из летописей всех стран и без надобности приспособленных к обиходу общественной жизни фаланги; и мы поймем, почему Фурье даже во Франции мало кем читался в оригинале и стал доступным широкой публике только в изложении его учеников.

Но указанные странности и оригинальности относятся не только к его манере изложения,—ими проникнуты сами идеи; они заслоняют при первом чтении многое из того, что есть ценного и научного в этих идеях, превращая, на первый взгляд, своеобразные страницы произведений Фурье в собрание нездоровых курьезов.

Прежде всего бросается в глаза страсть Фурье к перечислениям, классификациям, аналогиям, таблицам.

В своих перечислениях он проявляет особенное пристрастие к цифрам 7 или 9, 12 и 36, хотя не брезгает и другими цифрами. В основу своего социального механизма Фурье кладет 9 основных страстей и три направляющие страсти; сложное действие 9 аффективных страстей порождает страсть коллективную, составленную из 7-ми других, на подобие того, как белый цвет состоит из 7 цветов радуги. В своем социальном развитии человечество должно пережить 36 периодов, из коих каждый разделяется на фазы; фазы имеют также свои подразделения. Чтобы стать притягательной, социальная индустрия должна удовлетворить 7 условиям. Всемирное единство найдет свое выражение в 7 общностях. Говоря о великом значении принципа ассоциации, Фурье перечисляет 7 недостатков индивидуального труда, к которым прибавляет еще два. В каждой сельско-хозяйственной фаланге пища приготовляется по 7 разрядам. Говоря о бедствиях, созданных философией, Фурье перечисляет 12 таковых; столько же бедствий создала современная цивилизация; современный строй имеет 24 (12×2) недостатка; что касается банкротств, то он, Фурье составил перечень 72 (36×2) разновидностей банкротств. Проповедуя

свободную любовь и обличая супружескую неверность, он указывает на существование 36 способов нарушения супружеской верности; в своем социальном развитии человечество должно пережить 36 периодов и т. д. и т. п.

Образчики его классификаций и аналогий мы приводим ниже*), а пока что перейдем к его предсказаниям о судьбах вселенной и человечества, вызвавших по его адресу столько насмешек и дававших дешевому остроумию на многие десятилетия пищу для зубоскальства и издевательств. Мы увидим дальше, что эти нелепости не так нелепы, как кажутся на первый взгляд и что за некоторыми из них скрывается больше научности, чем за многими, якобы научными открытиями его современников. Но все же нельзя не признать, что с первого взгляда мудрствования Фурье, высказываемые им таким самоуверенным тоном, не могут не поразить и не оттолкнуть даже того читателя, который подходит к нашему автору с самыми благими намерениями.

Каждая планета, говорит Фурье, рождается и, подобно человеку, проходит фазы детства, юности, зрелого возраста, упадка и смерти. Подобно этому, и человечество не будет жить вечно, но проделает определенный цикл развития, который продолжится в общей сложности 80.000 лет, из коих 5.000 лет приходится на период детства (в конце которого мы сейчас пребываем), 35.000 лет—на период возмужалости или развития, 35.000 лет—на период упадка, после чего наступит период старческой слабости с продолжительностью в 5.000 лет,—и, наконец, земля и человечество исчезнут.

В продолжение этих 80.000 лет человечество переживает 32 социальных периода, соответственно числу зубов у человека и числу планет вселенной. Каждый период есть период совершенствования человека и вместе с тем совершенствования климата, растительного и животного царства. С наступлением восьмого периода «Гармонии» (мы живем в пятом периоде «цивилизации») для человечества наступает эра счастливого существования. Вместе с этим произойдут радикальные перемены в окружающих его естественных условиях. Появится «северная корона» (couronne boréale)—второе солнце, и в результате климат ледяных сибирских берегов получит тот же характер, что и климат Марсельского и Генуэзского залива, климат Ленинграда и Охотска уподобится климату Кадикса и Константинополя. Сибирские тундры превратятся в плодороднейшие равнины. Горько-соленая вода морей превратится в приятный напиток, по вкусу похожий на лимонад. Звери, животные, гады, насекомые,

*) См. напр., §§ 5, 6, 7, гл. II; § 4, гл. III и др.

опасные и вредные человеку, как на суше, так и на море превратятся в свои противоположности: львы и тигры—в анти-львов и анти-тигров, акулы и киты—в анти-акул и анти-китов и т. д. На спине анти-акулы человек будет спокойно и безопасно переплывать море, а на спине анти-льва—путешествовать по пустыне, которая впрочем усилиями людей будет превращена в цветущий сад.

Вокруг земли с течением времени появятся четыре луны, более светлые, чем наша луна, вследствие чего ночи в будущем станут светлее нынешних дней. Вследствие приближения к нам планет, жители земли постепенно заведут сношения с жителями всех планет, и таким образом осуществится царство Гармонии, которая охватит всю вселенную.

На каждой планете, входящей в состав вселенной, имеется центральный пункт, главное местопребывание верховного управления планеты. На нашей планете таким местом является, Константинополь самый удобный по своему местоположению и самый красивый пункт на всем земном шаре. После исправления температуры путем культурных усовершенствований и изменения направления дующих с Черного моря вредных ветров, Константинополь и по климату станет самым привлекательным на земле городом. Благодаря всему этому, Константинополь будет избран столицей мира третьим поколением жителей «Гармонии»; первые два поколения будут заняты перестройкой города, возведением зданий фаланстер и, вообще, приведением его в тот вид, который ему надлежит иметь в строе Гармонии. В этой очаровательной столице будет жить правитель всей земли, признанный всеми фаланстерами «омниарх».

Сначала под влиянием улучшившихся условий жизни, народонаселение начнет быстро возрастать, но, по мере усовершенствования женщины в духовном и физическом отношении, ее плодовитость будет уменьшаться, и рост народонаселения замедлится. Вместе с тем, жизнь человека удлинится до 144 лет; средний человеческий рост достигнет 3 аршин и 3 вершков; произойдет необычайное усовершенствование всех органов человека. Люди научатся пользоваться пальцами ног с такой же ловкостью как пальцами рук, и через какие-нибудь двенадцать поколений у человека произойдут такие изменения в желудочках сердца, что он станет способным, подобно амфибиям, жить и воде.

После смерти человек будет странствовать с одной планеты на другую. Благодаря преобразованиям, которым вместе с земным шаром подвергнутся и прочие планеты, человек в своих посмертных скитаниях будет иметь возможность переходить от менее совершенной планеты к более совершенной, черпая все более возвышенные

и утонченные наслаждения в гармонии звездного мира, где сумеет проявиться человеческая душа во всей полноте и гармоничности своих 810 свойств*).

Руководителем мира и всех его судеб, по воззрениям Фурье, является бог. Разбираясь в свойствах этого бога с ловкостью и искусством средневекового теолога, излагая его намерения с такой подробностью и отчетливостью, как если бы он с ним, по крайней мере, был знаком лично, Фурье без преувеличения может сказать, что для него нет ничего неясного и загадочного, как в прошлом, так и в будущем человечества. Он видит все промахи и ошибки, сделанные этим человечеством и его идейными вождями в продолжение предшествовавших веков, и уверен, что открыл средства для исцеления всех социальных и даже физических недугов, включая в число последних чуму, холеру, подагру, желтую лихорадку и пр. Ознакомившись с предначертаниями божества, он открыл божественный план, т.-е. божественный порядок, соответствующий этим предначертаниям и основанный, с одной стороны, на всемирном притяжении, а с другой,—на притяжении страстей. В сравнении с его познаниями, как ничтожны познания философов—Платона, Сенеки, Вольтера, Руссо и им подобных. Правда, его, Фурье, открытия люди еще не признают, его осмеивают. Но разве Колумб, утверждавший, что по ту сторону океана должна существовать еще неведомая часть света, не подвергался насмешкам и издевательствам?

Вообще, Фурье, чрезвычайно скромный в практической жизни и в сношениях с людьми, в своих писаниях ничего общего не имеет с добродетелью, называемой скромностью.

Ставя свое открытие в мире моральном (закон притяжения страстей) на одну доску с открытием Ньютона в мире физическом (закон всемирного тяготения), он с наивным самомнением рассказывает о том, как он дошел до этого открытия: «Случай всегда играет огромную роль в гениальных открытиях... В этом я убедился на опыте открытия мною закона притяжения Толчком к открытию, как и для Ньютона, было яблоко. Это яблоко достойное стать знаменитым, было куплено мною за 14 су в одном парижском ресторане. Я приехал туда из местности, где такие же или даже лучшие яблоки продавались по 14 су за целую сотню. Эта разница в цене, при наличности одинакового климата, так поразила меня, что я стал думать о коренных

*) Мы привели только часть—и то самую умеренную—космогонических построений Фурье; если захотеть с должной полнотой изложить эту сторону его воззрений, то пришлось бы этому предмету отвести немало страниц, которые в лучшем случае явились бы совершенно излишними, так как между космогонией и социальным учением Фурье нет ничего общего и первая может быть выброшена без всякого ущерба для понимания последнего.

недостатках всей системы торговли; и эти размышления привели меня в конце концов к открытию теории о разрядах промышленных групп и далее к всемирному закону тяготения в той его части, которую просмотрел Ньютон... Я заметил, что в общем имеются четыре знаменитых яблока: два, приведших к разрушению и отчаянию,— Адама и Париса, и два, оказавших важные услуги науке,—ньютоновское яблоко и мое. Не заслужили ли эти четыре яблока особую страницу в истории?»

Его необузданное хвастовство достигает гиперболических размеров и внушает сильное подозрение в душевной ненормальности, когда он, например, пишет следующее: «Я о д и н *) вывел наружу политическое слабоумие, господствовавшее двадцать столетий, и мне одному современные и будущие поколения обязаны началом того счастья, которое их ожидает. До меня человечество потеряло много тысяч лет на безумную борьбу против велений природы; я первый преклонился пред ней, изучив Влечение, орудие ее декретов. Она удостоила улыбкой единственного смертного, который ей поклонился; она мне вручила все свои сокровища. Владея Книгой Судеб, я рассеял политический и моральный мрак и на развалинах неточных наук я воздвигаю здание Теории Всемирной Гармонии» **).

Само собой понятно, что враждебная критика осмеиваемых Фурье философов и экономистов или замалчивала его произведения, или знакомила публику с ними по тем абсурдным измышлениям и хвастливым фразам, из которых при желании можно состряпать очень забавную книжонку на потеху буржуазному интеллигентному миру и в назидание увлекающейся молодежи и мечтателям из среды рабочих.

И все же можно сказать, что в нелепостях Фурье больше научности, чем в якобы научных произведениях многих современных ему писателей. Конечно, для тех, которые представляли себе, что вся вселенная и земля со всеми ее видами растений и животных возникли в один или несколько дней по повелению божию или каким-нибудь другим чудом, все идеи Фурье о происхождении вселенной и человечества должны были казаться абсурдом от начала до конца. Но совсем иначе может посмотреть на эти идеи сторонник теории эволюции ***). Если возможно возникновение всей нашей солнечной системы из первичного раскаленного газа, носившегося в пространстве, или появление

*) В тексте слово: один (seul) набрано большими буквами.

**) „Théorie de quatre mouvements", изд. 1841 г., стр. 285.

***) Правда, Фурье исходил из той же отправной точки, т.-е. из создания мира богом, но согласно его учению, бог, создав мир, в дальнейшем предоставил его своему собственному развитию.

в сфере доступных нам наблюдений новых звезд и комет; если возможно, что из первичной протоплазмы путем долгой цепи приспособлений и метаморфоз возникли все виды растений и животных, и среди последних человек, ведущий свою родословную от обезьяны, то почему невероятны те или другие новые преобразования во вселенной и в организмах населяющих землю животных и людей, если не через 12 поколений, как уверяет Фурье, то через 12 тысяч или 120 тысяч поколений. Во всяком случае, Фурье во всех этих ненаучных измышлениях придерживается в известной степени того же метода, при посредстве которого потом сделал свои блестящие научные открытия Чарльз Дарвин *).

Ведь издевались же над Фурье его современники за его уверения, что скоро наступит время, когда можно будет, выехав из Марселя, в тот же день завтракать в Лионе и вечером обедать в Париже. А разве теперь не производятся изменения в почве и климате путем осушки болот и вследствие обмеления рек? И разве мы не пользуемся чудесными явлениями магнетизма (электромагнетизма) для передачи наших мыслей на расстояние? Все это тоже предсказал Фурье, а ученые его эпохи насмешливо пожимали плечами, читая эти «абсурды» **).

На той же эволюционной точке зрения стоит Фурье при рассмотрении исторических явлений. А ведь должно признать, что в его

---

*) Ф. Энгельс пишет: „Фурье подверг существующие социальные отношения такой блестящей и остроумной критике, что ему охотно прощаешь его космологические фантазии, основанные тоже на гениальном миропонимании" (см. „Отрывок о Фурье", журн. „Под знаменем Марксизма" 1922 г., № 4).

В статье „Французский утопич. социализм" Г. В. Плеханов пишет: „Можно, пожалуй, сказать, что даже странные и—нечего греха таить—смешные мечты Фурье об анти-львах, анти-акулах, анти-бегемотах и других подобных им добрых животных, которые явятся со временем к услугам человечества и тем увеличат удобства его жизни, были не более, как одетыми в крайне фантастический костюм признанием важности и беспредельной обширности будущего технического прогресса" (См. сборник статей Г. В. Плеханова „Историч. подготовление научн. соц.", стр. 166).

**) В своем „Будущем Обществе" А. Бебель, говоря о возможностях, которые наука в союзе с естественными силами природы откроет в будущем человечеству, между прочим, цитирует слова французского министра народного просвещения профессора Бертело, который в своей речи о значении химии на банкете синдикатов химических фабрикантов в 1894 году раскрыл баснословные перспективы:

Сначала Бертело перечислил те открытия и чудеса, которые химия сделала за последние 10 лет в области металлургии, медицины, производства взрывчатых веществ, красок, благоуханий, антисептики и проч. „Но это лишь начало, уверял профессор Бертело, скоро будут разрешены более значительные проблемы. К 2000 году не будет существовать более ни сельского хозяйства, ни крестьян, так как химия сделает ненужной нынешнюю обработку земли. Не будет больше угольных шахт... Топливо заменится химическими и физическими процессами... Индустрия найдет для замены топлива источники силы, неисчерпаемые и возобновляемые с возможно меньшей затратой сил. Необходимо будет подумать о том, как использовать солнечную теплоту и жар земных недр. Существует основательная надежда получить оба источника для безграничного пользования, даже для современного инженерного искусства, не говоря уже о будущем: не представляется невозможным вырыть шахту в 3 — 4 тысячи метров глубины. Этим был бы

эпоху эта точка зрения была чужда исторической науке, и, во всяком случае, она далеко не была усвоена наукой во всей полноте. Между тем, в своей классификации периодов развития человеческого общества Фурье совсем недалек от современных взглядов на этот предмет, различая три основные эпохи: первобытную, промышленно-индивидуалистическую и промышленно-общественную; и различая далее в первобытной эпохе периоды: хаотический—без человека, период Эдема и примыкающий к нему период дикого состояния; в промышленно-индивидуалистической эпохе—периоды патриархата или мелкой индустрии, варварства или средней индустрии и цивилизацию или современный капитализм, и, наконец, в промышленно-общественной эпохе—три переходные ступени к совершенному строю Гармонии: полуассоциацию, ассоциацию простую и ассоциацию сложную. Точно так же он не очень был далек от общепринятых взглядов в своем делении цивилизации на фазы, из коих фаза детства характеризуется дворянским феодализмом, рыцарскими иллюзиями и установлением гражданских прав женщины; фаза юности—освобождением производительного труда и представительной системы, а фаза дряхлости — промышленным феодализмом и иллюзией ассоциации.

Вот почему следует признать, что нелепые и абсурдные измышления Фурье являются все же фантазиями гениального ума и, не

открыт источник для всякого рода теплоты и для всякой промышленности... С помощью земной теплоты удалось бы разрешить многочисленные химические проблемы, в том числе высшую задачу химии: приготовление питательных веществ химическим путем... Придет время, когда каждый будет носить в кармане дозу химических веществ, которыми он будет удовлетворять свою пищевую потребность в белке, жире и углеводах, независимо от времени дня и года, дождей и засухи, морозов, града и вредных насекомых. Тогда наступит переворот, которого в настоящее время невозможно себе представить. Хлебные поля, виноградники и пастбища исчезнут... отпадет различие между плодородными и бесплодными местностями, и, быть может, пустыни сделаются любимым местом пребывания людей, так как там будет житься здоровее, чем на заряженной наносной почве и болотистых, гнилостных равнинах, где теперь занимаются хлебопашеством. Земля превратится в сад, в котором можно, по желанию, предоставить расти траве и цветам, кустарнику и лесу, и в котором человеческий род будет жить в избытке и золотом веке...".

А. Бебель в своей книге приводит далее подобные же взгляды естествоиспытателей Кольрауша, Томсона, Сименса и Мейера. „Профессор Томсон уже в 1887 году на берлинском с'езде естествоиспытателей заявил, что с помощью электричества возможно будет элементы превращать прямо в пищевые вещества. Вернер Сименс полагал, что возможно будет, хотя и в далеком будущем, углевод, как например, виноградный сахар; а затем и химически близкий к нему крахмал производить искусственно, чем будет дана возможность „камни превращать в хлеб"; а химик доктор В. Мейер полагал, что будет возможно деревянные волокна превратить в источник человеческого питания. Между тем физиолог Пизлер уже фактически искусственно приготовил виноградный сахар, сделав, таким образом, открытие, которое Вернер Сименс считал возможным лишь в отдаленном будущем". (А. Бебель, „Будущее Общество". изд. ВЦИК, 1918 г., стр. 17—19).

Мы видим, таким образом, что настоящие патентованные ученые в конце XIX века, опираясь на научные открытия, предрекали „абсурды", похожие на те, которые в начале XIX века, под градом насмешек, предрекал Фурье.

обладая должной ценностью в смысле прогноза будущего, не должны от нас заслонять то, что есть действительно ценного и великого в его произведениях, из которых впоследствии немало черпали основоположники социализма и коммунизма. Говоря обо всем этом, мы не можем не привести слов известного французского кооператора Шарля Жида, который в своей лекции о Фурье (Пророчества Фурье), читанной перед товарищами-кооператорами в Ниме, приводя примеры из области фантастических предсказаний Фурье, замечает:

«Поэтому тот, кто при чтении произведений Фурье, в досаде на эксцентричности, немногие примеры которых я вам привел, и на неудобопонятный язык автора, бросит книгу в корзину, как негодный хлам, окажется более безумным, чем сам Фурье. Он окажется столь же смешон, как и тот вор, про которого любопытную историю рассказывает некий древний автор. Вор этот, пробравшись в дом к афинянину, чтобы похитить у него драгоценности и дорогие статуи, был весьма огорчен, найдя только одну грубо отделанную фигуру из обожженной глины, которой он не придал никакого значения и которую он презрительно отбросил в сторону. Глупец, он не знал, что древние, обыкновенно скрывали изображения богов своих из золота, серебра или слоновой кости под аляповатой глиняной оболочкой, представлявшей какого-нибудь фавна или лесного бога, и что, если бы он догадался разбить безобразную форму, то нашел бы изображение божества ослепительной красоты. То же самое ждет того, кто, при чтении произведений Фурье, не остановится на внешности и очистит их от грубой накипи; он придет в восторг при виде драгоценных блестящих истин, которые за ней скрываются».

Вот почему в дальнейшем, излагая взгляды Фурье, мы не будем возвращаться к этой «накипи», о которой дали представление на предшествующих нескольких страницах *).

---

*) Фурье сам признавал шаткость своей космогонии и психологии, теории о судьбе человечества и вселенной и требовал от критики, чтобы она не смешивала этих наук с его теорией земледельческо-промышленной ассоциации. „Люди, клевещущие на меня,—говорит он,—обвиняют самих себя нападениями на новые открытые мною науки: космогонию, психологию, аналогию, которые нисколько не касаются моей теории промышленной или земледельческой ассоциации. Если бы и справедливо было, что эти новые науки ошибочны, мечтательны, тем не менее справедливо то, что я один и первый предложил средство составлять ассоциации (соединять неравенства) и учетверить количество произведений, употребляя для этого страсти, характеры и инстинкты в том виде, как их создала природа. На это должно быть обращено внимание, а не на науки, которые только обозначены. Странный деспотизм осуждать все произведения автора за то, что некоторые из них ошибочны. Ньютон писал рассуждения об Апокалипсисе; он пытался доказать что папа—Антихрист. Нет сомнения, что это—ученые глупости, но его теории притяжения и лучей света тем не менее хороши и приняты. Произнося суд над ученым или художником, должно отделить настоящее золото от фальшивого. Почему для меня одного критика делает исключение?"

§ 3. Явления личной и общественной жизни, повлиявшие на миросозерцание Фурье.—Его отношение к Великой Французской Революции и философам, ее подготовившим.—Стремление к созданию новой социальной науки.

Миросозерцание Фурье, его социальные и политические взгляды складывались под влиянием его личной жизни и общественной обстановки, в которой протекала его юность.

Отвращение к торговле, к «ремеслу лжи», как он ее называл, повело к ненависти ко всему строю, основанному на торговле, обмане, конкуренции, эксплуатации и гнете. Если в детстве ему приходилось наблюдать обыкновенные в торговой среде обманы при купле-продаже, то в более зрелом возрасте ему, как коммерческому служащему, приходилось сталкиваться с явлениями, неопровержимо доказывавшими всю нехозяйственность, неэкономность для общества строя, основанного на торговле и наживе. Неизгладимое впечатление произвел на него случай, когда, будучи приказчиком в Марселе в 1799 г., он получил от своего хозяина приказание потопить в море шестьдесят тысяч пудов рису, который испортился от того, что хозяин его долго держал в надежде на повышение цены товара. Он, таким образом, воочию убеждался, как предметы народного потребления, масса продуктов человеческого труда, служат купцам для преступной спекуляции. Он далее убеждался на опыте, как стесняются и удорожаются производства, вследствие искусственного удорожания торговцами и спекулянтами сырья и всех продуктов сельского хозяйства. И немало его возмущал бич современного народного хозяйства—свободная конкуренция, превращающая людей в звериное стадо.

Он вырос в самую выдающуюся эпоху истории Франции—в эпоху Великой Французской Революции—и урок, который он из нее вынес, была ненависть к современным политическим формам, которые он считал основанными на обмане, мистификации и лжи.

Причины его разочарования революцией были одновременно и личного и общественного характера. Фурье органически ненавидел насилие; между тем, он в эпоху революции был неоднократно предметом насилия; несколько раз он был близок к гибели, от которой спасся, при посредстве хитрости и обмана; благодаря гражданской войне, он потерял все свое состояние. Но еще более оттолкнуло его от революции отрицательные на его взгляд последствия этих насилий. Великая Французская Революция,—говорил он,—написала на своем знамени свободу, равенство и братство и для утверждения этих великих принципов прибегала к бесчисленным убийствам. Фурье не мог понять, что вожди революции были поставлены в необходимость

для удержания в своих руках захваченной ими власти и для подавления контр-революционных замыслов дворянства и духовенства прибегнуть к террору со всеми его отрицательными сторонами. Борьба, начатая королями и императорами всей Европы против революционной Франции, привела к длительным войнам, поглотившим миллионы человеческих жизней. Во время этих войн генерал Наполеон, воспользовавшись тем, что партия, стоявшая на страже народных интересов, была ослаблена непосильной борьбой буржуазии, жаждавшей мира и прочного порядка для защиты своей собственности, захватил власть, и под предлогом защиты завоеваний революции усилил резню и взаимоистребление народов. Какие же результаты дали все эти бесконечные жертвы—спрашивал себя Фурье,—какие блага они дали человечеству и в частности Франции? Если бы Фурье способен был подойти к вопросу с политической стороны, если бы он был сторонником постепенного социально-политического развития Европы, если бы он был способен понять, что из этой социально-экономической и политической эволюции может в конце концов возникнуть социальный переворот, он, быть может, иначе отнесся бы к Великой Французской Революции и в частности к революционным методам борьбы. Но такое социально-политическое миросозерцание было совершенно чуждо Фурье, как и всем его современникам. Фурье подходил к вопросу только с одной стороны; совершенно не замечая громадного переворота, произведенного революцией в политических отношениях, он считал, что революция не дала народу ничего кроме пережитых бедствий. Он ждал от революции обещанного общечеловеческого счастья. Разве философы-просветители *) и все примыкавшие к ним экономисты и идеологи не уверяли, что осуществление проповедуемых им теорий приведет к всеобщему благу?—восклицает Фурье. Разве сами деятели революции не уверяли, что все неисчислимые жертвы, все потоки проливаемой ими крови необходимы для водворения равенства и братства?

*) Просветителями (от слова „просвещение") назывались жившие в XVIII веке во Франции философы и ученые, которые своими учениями содействовали уничтожению предрассудков и суеверий своей эпохи, положили прочное основание либерально-научному миросозерцанию (в противовес нетерпимости, лицемерию и гнету церковно-схоластических и официально-государственных взглядов и порядков) и таким образом подготовили умы к грандиозному политическому взрыву, получившему название Великой Французской Революции. Во главе этой знаменитой плеяды ученых и мыслителей стоял Вольтер, Монтескье и Руссо. Еще левее в своих воззрениях были энциклопедисты—Дидро, д'Аламбер Гольбах, Гельвеций, получившие свое название по издававшейся ими, под руководством Дидро, „Большой энциклопедии наук, искусств и ремесл", где они хотели дать полное законченное изложение своего миросозерцания, основанного на материализме и атеизме. Фурье на каждом шагу обрушивается на просветителей и энциклопедистов за их будто бы вредное влияние на умы и за то, что они своими учениями содействовали еще большему порабощению человечества, между тем, как мы увидим дальше, он сам немало заимствовал у этих „лжеучителей".

Между тем, заявляет Фурье,—революция не только не водворила обещанного рая на земле, но, наоборот, привела к усилению и обострению тех бедствий, от которых до сих пор страдало человечество. Усилились спекуляция, ажиотаж, торговые обманы, фальсификация, безработица, унижение и порабощение народа; вместо обещанного равенства, человечество увидело еще большую пропасть между богатыми и бедными, вместо братства—беззастенчивую эксплуатацию бедняка богачем, вместо свободы—цепи нужды и забот для всего трудового народа.

Во всех этих бедствиях Фурье обвиняет более всего философов-просветителей, экономистов и моралистов—одним словом всех ученых и мыслителей своей и предшествовавших эпох, за исключением представителей точных наук.

Питая ненависть и презрение к современной ему эпохе, которую он называл эпохой «цивилизации», с ее торговлей, переворотами, хвастливыми фразами, пустозвонными конституциями, неисцелимыми народными бедствиями, он переносил свои чувства на теоретиков, философов и экономистов, своими учениями подготовивших Великую Французскую Революцию, расхваливших в своих книгах торговлю и политические перевороты «отца якобинизма» Руссо и «хвастливого болтуна, сеятеля неверия» Вольтера. Заодно с этими философами он неодобрительно и презрительно отзывался и о философах всех предшествовавших времен, о всех представителях неточных наук (sciences incertaines), о всех политиках, моралистах и метафизиках, потративших 25 веков на нелепые умствования, приведшие человечество к пучине бедствий. Слова «философ», «экономист» звучат в его устах, как бранные.

Придя к выводу, что вся современная цивилизация построена на ложных началах и что ложна также наука, обосновывающая и защищающая эту цивилизацию, Фурье задается целью создать новую научную систему, которая поможет водворить на земле столь тщетно отыскиваемое общественное счастье.

«Со времени той неумелости и малоспособности,—говорит Фурье,—которые философы проявили в своем первом опыте—французской революции, все единодушно считают их науки заблуждением. Потоки их политического и морального просвещения кажутся теперь не более, как иллюзиями. И действительно, можно ли видеть что либо иное в писаниях этих ученых, которые, затратив 25 веков на усовершенствование своих теорий, собрав воедино все знания древних и нынешних времен, своим первым практическим выступлением породили больше бедствий, чем ими было обещано счастья, и привели цивилизованное общество в состояние варварства.

«Таков был результат первых пяти лет, в продолжение которых Франция подвергалась испытанию философских теорий.

«После катастрофы 1793 г. иллюзии были рассеяны, политические и моральные науки были развенчаны и дискредитированы навсегда. С этого момента для всех стало ясно, что нет смысла искать в этих науках средства для водворения человеческого счастья; все поняли, что достижение общественного блага нужно искать в какой-нибудь другой науке, что нужно найти новые пути для политического гения; все, наконец, убедились, что ни философы, ни их противники не в состоянии рекомендовать действительных средств для исцеления социальных бедствий и что те и другие своими догмами продолжают прикрывать самые позорные бичи человечества и среди них самый тяжелый—нищету.

«Таковы были мои первые соображения, заставившие меня предположить существование неизвестной еще никому социальной науки, которую я решил открыть, нисколько не смущаясь своими ничтожными познаниями; я руководился одной только честолюбивой мыслью: сделать достоянием науки то, что в продолжение 25 веков не могли открыть ученые всех стран.

«К этому меня подбадривали многочисленные указания на заблуждения моих предшественников и в особенности зрелище бедствий, тяготевших над общественной и экономической жизнью: нищеты, безработицы, господства обмана, морского тиранства, коммерческих монополий, торговли рабами и многих других бедствий, от перечисления которых я воздерживаюсь; при виде всех этих общественных и индивидуальных несчастий поневоле приходит в голову мысль, не ниспослан ли богом этот ужасный строй, т.-е. цивилизация, в наказание человеческому роду.

«Тогда у меня возникла другая мысль, что современная индустрия является извращением естественного порядка вещей *), что она в своих основах противоречит предначертаниям божьим, что неискоренимость всех существующих несчастий следует приписать отсутствию в этом строе элементов, угодных богу, но не познанных философами. Наконец, я подумал, что если прав Монтескье, уверяющий, что человеческие общества «поражены бессилием и страдают от внутреннего порока, отравленные каким-то неведомым ядом», то в таком случае исцеления следует искать не там, где его искали представители неточных наук, которые не могли найти средств этого исцеления в продолжение 25 веков. И я принял за правило в своих изысканиях а б с о л ю т н о е с о м н е н и е и а б с о л ю т н о е у д а л е н и е о т п р е ж н и х п у т е й...

*) Идея о „естественном порядке вещей" (ordre naturel) не самостоятельная идея Фурье; она принадлежит всей политической и экономической науке XVIII века, т.-е. тем философам и экономистам, против которых ополчался Фурье.

«И так как я не имел никаких связей ни с одной научной партией, я решил приложить свой метод сомнения безразлично ко всем существовавшим до сих пор воззрениям, даже к тем, которые до сегодняшнего дня пользовались всеобщим признанием, каковы воззрения на цивилизацию, этого идола всех философских партий, цивилизацию, в которой все без исключения склонны видеть венец совершенства.

«Между тем, что может быть более несовершенного, чем современная цивилизация с ее бесчисленными бичами и скорпионами, что может возбуждать больше сомнений, чем необходимость ее существования? Не нужно ли считать более вероятным, что она является этапом в социальном развитии. Если до нее человечество пережило три периода: дикое состояние, патриархат и варварство, то есть ли основание предполагать, что четвертый период явится последним? Не вернее ли предположить, что за этим четвертым последует пятый, шестой и седьмой периоды, которые, быть может, будут менее бедственны, чем цивилизация, и которые до сих пор остались неоткрытыми, потому что их не пытались искать. Необходимо поэтому подойти с сомнением к этому строю цивилизации, с сомнением в его необходимости, в его превосходстве, в его вечности. Вот вопросы, которые философы не осмеливаются себе ставить, ибо, беря под сомнение качества цивилизации, они этим самым рисковали бы вызвать сомнение в действительности и правильности их теорий, которые все основаны на восхвалении цивилизации и которые все рухнули бы в тот момент, когда был бы открыт новый социальный строй, долженствующий прийти ей на смену» *).

§ 4. Действительное значение Великой Французской Революции.

Все содержание произведений Фурье можно разделить на две части: на критику строя цивилизации и на обоснование и изображение строя «сосьетарного», «гармонического» или строя «прогрессивных серий», который ему явится на смену и водворит всеобщее благоденствие. При дальнейшем изложении воззрений Фурье мы будем придерживаться этого порядка, т.-е. сначала остановимся на его критике цивилизации, а потом перейдем к рассмотрению его собственной системы. Но предварительно рассмотрим, насколько был прав Фурье в своем отношении к Великой Французской Революции и философам, подготовившим ее своими учениями. Такое предварительное рассмотрение необходимо для правильного понимания нижеизлагаемой критики

*) Théorie de quatre mouv., стр. 3 — 6

строя цивилизации, где мы на каждом шагу встречаем нападки на идеи Великой Революции и на философов, ее подготовивших. Такое рассмотрение поможет нам также разобраться в вопросе о том, насколько верны те принципы, которые он кладет в основу рекомендуемого им строя.

Французская Революция 1789 года является величайшим событием в новейшей истории не только одной Франции, но и всей Европы, да и всего мира. От этой даты начинается новая эра в политической и социальной жизни народов.

Великая Французская Революция велика не только своими делами, которых ей не удалось довести до конца, но, главным образом, своими идеями, завещанными ею истории,— идеями, которыми многие поколения политических деятелей пытались в продолжение XIX века и продолжают питаться поныне.

До французской революции в государственной жизни европейских стран (за исключением отчасти Англии) господствовал так называемый вотчинный принцип; согласно этому принципу, короли смотрели на государства, во главе которых они стояли, как на свою собственность, наследственную вотчину, которой они могли распоряжаться по своему усмотрению, а на жителей этих государств, как на своих крепостных, пользующихся жизнью, свободой и имуществом по милости своего властелина. В более смягченном виде эти отношения формулировались, как отношения между отцом и детьми, но, во всяком случае, они обозначали полное бесправие подданных и зависимость их от произвола и милости властелина и хозяина. Свои права на землю и на людей короли на известных условиях уступали высшим представителям дворянства и духовенства. Таким образом, рядом с главным властелином существовало множество второстепенных и мелких властителей, которые в своих владениях чувствовали себя маленькими королями. Идеологи французской революции с удивительной простотой и логичностью разрушили это миросозерцание; они перенесли центр тяжести государственной жизни от королей, с окружающей их кучкой дворян и попов, в народную массу и вернули народам утраченное ими право распоряжаться своими судьбами. Отныне народы должны стать властелинами, а короли их приказчиками, которые терпимы на своих местах до тех пор, пока они добросовестно и честно исполняют волю своих хозяев. Так впервые идеологи французской революции с бесстрашной последовательностью обосновали принцип народовластия и, таким образом, по крайней мере, теоретически, освободили народы от произвола деспотов. Французская революция после некоторых колебаний внесла этот принцип в конституцию, но экономическое развитие Франции, и, в соответствии с этим

умственное и культурное развитие ее населения, в особенности крестьянства, не были достаточно высоки для полного восприятия этого принципа, и наступившая вскоре реакция его сильно урезала, но все же не уничтожила его окончательно. Вместе с тем революцией была подорвана другая основа старого общества — привилегии дворянства и высшего духовенства, ставившие небольшую часть граждан выше других и над другими и делавшие их угнетателями и эксплуататорами в силу рождения. Отныне подданные стали гражданами, равенство коих перед законом стало в значительной степени фактом и, во всяком случае, требованием, которому правительства постепенно подчинялись.

Рядом с принципом народного суверенитета (верховенства) и равенства всех перед законом, идеологи французской революции дали законченное обоснование политическим правам личности *) и главным из них — неприкосновенности личности и свободе совести, об'явив этим беспощадную борьбу, с одной стороны, против королевско-дворянского произвола, а с другой — против невыносимого гнета господствующей религии и духовенства. С этими основными правами были связаны все прочие политические права — свобода слова и печати, свобода союзов и собраний вся та совокупность прав, которые образуют политическую свободу, и обладание которыми является необходимым условием правильного развития личности и общества. Правда, Великая Французская Революция не установила свободы союзов, боясь об'единений трудящихся; но свобода союзов вытекала из других элементов политической свободы и раз последняя была признана, то она раньше или позже должна была повести к признанию первой.

Но не одной только политической области коснулась своими преобразованиями французская революция. Она совершила также великий социальный сдвиг, освободив земледельца от полукрепостной зависимости, передав значительную часть дворянских земель крестьянам и фактически лишив, таким образом, дворянство той опоры, с которой были связаны его главные привилегии и возможность эксплуатировать беспрерывно крестьянскую массу.

Провозглашение народного суверенитета, равенства всех граждан перед законом и политической свободы, освобождение крестьян от остатков крепостничества, а также земельный передел,— вот великие

*) Политические принципы, провозглашенные Великой Французской Революцией, не были предметом личного творчества ее деятелей. Эти принципы развивались и входили в сознание передовых людей в результате долгого исторического процесса, начиная с гуманизма XIV—XV в.в. через религиозную реформу XVI в., через политическое развитие Англии, воспринятое и усовершенствованное Северо-Американскими Соединенными Штатами, и кончая философией XVIII в., их углубившей, систематизировавшей и обосновавшей.

дела французской революции и ее идеологов. Трудно сказать, какое из этих дел величественнее и плодотворнее.

И все же приходится признать, что Фурье в значительной степени прав в той жестокой критике, которой он подвергал идеологов и революцию.

Народные массы и защитники их интересов вправе были сказать, что они обмануты идеологами и деятелями французской революции, обещавшими им гораздо больше, чем они им дали и могли дать. Эти идеологи и деятели, начертавшие на своем знамени великие слова: — свобода, равенство и братство, искренно стремились водворить всемирное благосостояние, исцелив человеческие общества от тех недугов, от которых они страдали. Эти недуги они видели в порабощении личности государством, в незаконных привилегиях одних и бесправии других, в сосредоточении громадных земельных владений в руках немногих, в мертвящей всесторонней опеке правительства, связавшего по рукам и ногам экономическую самодеятельность индивида.

Этот взгляд защищала новая школа «экономистов», главой и основателем которой был англичанин Адам Смит. Эта школа, как впоследствии и сам Фурье, исходила из анализа человеческой природы и даже отчасти человеческих страстей, беря личность, как она есть; главный двигатель человеческой деятельности она (в известной степени сходно с Фурье) видела в стремлении личности к всестороннему удовлетворению всех своих потребностей (страстей, по терминологии Фурье), т.-е в присвоении себе наибольшего количества благ. Таким образом, основой человеческой деятельности, согласно воззрениям экономистов, являлся эгоизм, и они не стеснялись подчеркнуть, что считают его здоровым и полезным общественным двигателем, ибо, как они уверяли, человек, руководясь эгоизмом, т.-е. стремлением к наилучшему удовлетворению своих собственных нужд, в то же время содействует общему благу. Это достигается путем свободы конкуренции, свободы договора между личностями. До сих пор государство, в видах общей пользы, стремилось ограничить конкуренцию и свободу договора, но такая политика приводила к результатам прямо противоположным, так как она задерживала развитие личной инициативы, развитие экономического оборота и, таким образом, парализовала промышленность и торговлю и препятствовала в конечном счете росту национального богатства. Свобода конкуренции и свобода договора направят силы индивидов в отрасли наиболее полезные и нужные для общественного блага. Не государство должно определять, что нужно или не нужно для общества или индивида, а само общество в лице составляющих его индивидов путем свободного спроса и предложения, т.-е. путем свободного предложения своих экономических услуг

и товаров на рынке и свободного их приобретения по рыночным ценам. Свобода конкуренции, свобода договора, свобода спроса и предложения, содействуя развитию индивидуальных экономических сил, в то же время приведут к удешевлению продуктов, к направлению экомических услуг индивидов в те отрасли, где на них будет наибольший спрос; таким образом, индивид, руководясь эгоизмом, будет содействовать наиболее разностороннему и дешевому производству продуктов и следовательно наилучшему и наиболее выгодному удовлетворению потребностей всего общества.

Таковы были основные принципы учения экономистов. Громадная заслуга Фурье заключается в том, что он, как мы это увидим из дальнейшего, с удивительной глубиной и проницательностью подметил отрицательные стороны этого учения, которых не замечали современные ему экономисты, ослепленные быстрым расцветом капитализма.

Великим злом, от которого страдали в ту эпоху трудовые массы и с которым были связаны громадные привилегии дворянства, была крупная дворянская собственность. Крупная промышленность была уже в некоторой степени развита в виде домашней системы и мануфактур,— и промышленная буржуазия стремилась к политической власти и освобождению от опеки бюрократии; но преобладающей формой промышленности все же была мелко-ремесленная цеховая, при которой подмастерье всегда мог надеяться со временем стать самостоятельным хозяином. Промышленность страдала не от неправильного распределения собственности, а от вмешательства государства, своей опекой тормозившего свободное развитие производства. Вот почему идеологам французской революции казалось, что, с одной стороны, необходимо уничтожить крупную земельную собственность, разделив ее равномерно между тружениками-крестьянами, а с другой,— освободить самодеятельность промышленных элементов от опеки государства. Деятели и мыслители этой эпохи не предвидели, к каким последствиям должны привести свобода конкуренции и свобода договора между предпринимателями и рабочими; а те, которые предвидели, малодушно закрывали на это глаза или сознательно обходили этот вопрос. Только немногие имели мужество заглядывать в даль и поднимать свой голос против грядущих бед капитализма; но голоса этих немногих терялись в общем хоре «философов» и «экономистов», восхвалявших свободу торговли и экономической деятельности, из коих одни это делали в искреннем убеждении, что эта свобода поведет к общему благу, а другие,— защищая интересы класса, выступавшего на политическую арену.

Таким образом, блага, возвещенные идеологами и осуществленные в известной степени французской революцией, оказались однобокими. Равенство, оказавшееся только равенством перед законом,

еще сильнее оттеняло продолжавшее возрастать неравенство экономическое. Свобода оказалась не только свободой от правительственного и королевского деспотизма, но свободой эксплуатации предпринимателем рабочего.

Указанные отрицательные стороны учения идеологов и вредные для пролетариата последствия послереволюционных порядков сумел (как мы увидим дальше) с удивительной глубиной вскрыть Фурье, и в этом немалая его заслуга, как предшественника научного социализма.

ГЛАВА II

Критика современной системы цивилизации.

§ 1. Общая характеристика цивилизации. — Цивилизация есть война каждого против всех и всех против каждого. — Девять бичей цивилизации.

Главный порок современной цивилизации Фурье видит в том, что это есть строй, который управляется всеобщим себялюбием и двойственностью во всех поступках, в котором индивид приносит себе пользу, обманывая других,— строй, который можно назвать «войной каждого против всех и всех против каждого».

Вот как он характеризует эту войну каждого против всех.

«Врач желает, чтобы было как можно больше болезней, а прокурор и адвокат — судебных процессов. Архитектор и строитель мечтают о пожарах, которые бы уничтожили четверть города, а стекольщик о граде, который перебил бы все стекла. Портной и сапожник очень довольны, если покупателям всучивают непрочные материи и гнилую кожу, так как они заинтересованы в том, чтобы одежда и обувь изнашивались как можно скорее. Духовенство радуется повышению смертности, в особенности среди богачей, за похороны коих иногда можно получить по тысяче франков. Судья потирает руки от удовольствия, видя, что число преступлений увеличивается; ведь, для содержания судов во Франции необходимо, чтобы ежегодно совершалось 120.000 преступлений. Хлебный спекулянт жаждет неурожая, а виноторговец счастлив, когда град уничтожил урожай виноградников. Таков этот смехотворный строй цивилизации, где каждый индивид находится в состоянии непрерывной войны с коллективом, где счастье одних основано на неудаче и даже гибели других».

В нашей цивилизации,— говорит он в другом месте,— между различными классами, между людьми, принадлежащими к различным сословиям и имеющим неодинаковое положение в обществе, замечается вражда, ненависть, враждебность или презрительное отношение друг к другу. Высшее дворянство свысока относится к дворянам менее

благородного происхождения; все дворяне вообще свысока смотрят на буржуазию, а эта последняя в свою очередь считает себя гораздо выше народа. Во всех этих отношениях проглядывает более или менее непримиримая враждебность и презрение, и такие же чувства питают низшие к высшим. Крупный купец презирает мелкого, ученый — неученого, буржуа — крестьянина и рабочего. При этом материальные интересы заставляют людей скрывать свои чувства, и кто искуснее умеет притворяться, тот считается более ловким и умным. Если в «цивилизации» встречается сближение высшего с низшим, то оно об'ясняется почти всегда какими-нибудь задними мыслями и скрытыми побуждениями, порождающими зло и неурядицы. Так, если человек, занимающий солидное положение в обществе, приближает к себе женщину из простонародья, то обычным результатом этого сближения бывает появление на свет незаконнорожденного ребенка; если же такая пара вступает в брак, то этот последний приводит большей частью к семейным ссорам.

Критикой цивилизации заполнено больше половины писаний Фурье, но подчиняясь своей страсти к перечислениям и рубрикам, Фурье (в «Теории всемирного единства», ч. II, стр. 53) дает «таблицу девяти бичей цивилизации». Эти бичи суть: 1) нищета, 2) мошенничество, 3) угнетение, 4) взаимная резня, 5) крайняя переменчивость климата *), 6) искусственно вызываемые болезни, 7) заколдованный круг, 8) и 9) стержневые особенности — общий эгоизм и двойственность всех общественных действий.

В раз'яснение этой таблицы он прибавляет: «Каждый из этих бичей заключает в себе подразумеваемым образом много других; поэтому каждое общественное бедствие может быть отнесено к одному из перечисленных девяти; например: государственные долги можно отнести в рубрику «нищета»; ажиотаж есть порок, подразумеваемый словом «мошенничество»; ростовщичество и монополии подходят под понятие «угнетение»; истребление лесов и ухудшение климата следует отнести к «порочному кругу», ибо это есть результат злоупотреблений культуры, эксцессов культуры, как словопрения суть результат умственных злоупотреблений; то и другое — заколдованные круги, встречаемые на каждом шагу в строе цивилизации».

Вот еще пример «заколдованного круга».

Философы уверяют, что в цивилизации все равны перед законом. Почему же бедный лишен однако правосудия? Правда, бедняк официально имеет такое же право на восстановление нарушенной справедливости, как и богатый. Но какое значение имеет для него это официальное

*) Фурье уверяет, что в сосьетарном строе разными мероприятиями удастся урегулировать климатические крайности.

признание, раз он не в состоянии покрыть расходов по ведению дела. Пусть бедняк пред'явит в суд самое справедливое требование, богатый грабитель изведет его своими апелляциями и контр-апелляциями, и бедняк принужден будет отступиться, будь даже справедливость его требования самоочевидна. В том то и беда, что современный общественный строй представляет собой сплошной заколдованный круг, в котором переплетены все вышеуказанные пороки цивилизации *).

В другом месте того же сочинения Фурье перечисляет 12 бедствий цивилизации, созданных в продолжение одного века лжеучениями философов. Отметим из них следующие:

Концентрация или рост больших городов, поглощающих все ресурсы страны, привлекающих к себе все капиталы, что ведет к вредным последствиям для земледелия.

Растление науки (прямое и косвенное), т.-е. меркантильный дух, развившийся среди ученых, благодаря чему они превращают храм науки и искусства в трактир для торговцев и интриганов и дают возможность использовать успехи химии для фальсификации, т.-е. для порабощения бедняков. Благодаря такому извращенному использованию науки, хлеб приготовляется из картофельной муки, фальсифицируются уксус, вино, масло, кофе, сахар, индиго — одним словом, все съестные продукты,— что отзывается прежде всего на бедняках, являющихся жертвой всех этих химических превращений. Таким образом, изобретения, которые могли бы приносить громадную пользу, если бы люди должным образом относились друг к другу, в действительности приносят громадный вред в строе цивилизации.

Наконец, Фурье с свойственной ему силой и рельефностью стиля отмечает еще одно зло цивилизации: господствующие классы, составляющие меньшинство, вооружают рабов и при помощи этих последних угнетают безоружных рабов, составляющих большинство. Но обман и мошенничество, замечает Фурье, все же являются главной отличительной чертой цивилизации, к которой вполне применима пословица: «крупные воры гуляют на свободе, а мелких отправляют на виселицу».

---

*) Под „заколдованным кругом", в котором переплетены все пороки цивилизации, Фурье подразумевает то, что мы ныне называем противоречиями капиталистического строя. Далее мы увидим, с какой глубиной и остроумием Фурье умел вскрывать эти противоречия.

„Ошибка наших, так называемых, реформаторов,— говорит Фурье,— заключается в том, что они нападают на то или иное злоупотребление вместо того, чтобы обвинять цивилизацию, которая есть не что иное, как порочный круг злоупотреблений во всех своих частях. Нужно сделать все усилия, чтобы выйти из этой пропасти".

§ 2. Мнимая свобода строя цивилизации.— Преимущества дикаря перед современным цивилизованным человеком.— Недовольство большинства цивилизацией.

В строе, основанном на указанных началах, все — ложь, все — противоречие. Если философы «цивилизации» кричат о свободе, то знайте, что речь идет не о действительной, а о призрачной свободе.

Фурье, как выше уже было сказано, различает свободу физическую, установленную в цивилизации с отменой рабства, и свободу социальную, которой, по его мнению, нет у цивилизованного.

«После здоровья и богатства,—говорит он,— нет более ценного блага, чем свобода, которую следует разделить на телесную и социальную. Этого второго вида свободы не хотят нам предоставить софисты. В продолжение тысячи лет не признавали также и первого вида свободы, т.-е. свободы материальной или телесной. Только благодаря вмешательству христианства, произошло освобождение рабов; но до христианства древние философы низводили род людской на положение вьючных животных и даже ниже их, заставляя двадцать тысяч рабов в искусственных морских сражениях убивать друг друга для потехи римских граждан или устраивая для этой же цели гладиаторские бои».

Фурье напоминает, каково было отношение к вопросу о рабстве двух светил древности:— Платона и Аристотеля. «Если бы мы обратились по вопросу об освобождении рабов к оракулам древней мудрости — Платонам или Аристотелям,— они нам ответили бы словом «невозможно», унаследованным от них современной Францией. Знаменитый Аристотель смотрел на рабов, как на грубых животных, лишенных разума и даже всяких понятий о добродетели».

Но вот рабы, благодаря христианству, получили свободу при последних римских цезарях. Извлекли ли отсюда философы надлежащий урок? Обнаружили ли они больше понимания в вопросах свободы? Этот вопрос приводит нас к рассмотрению трех родов свободы, подразделенных на виды:

«1. Свобода простая или телесная без социальной свободы. Это — удел малосостоятельного человека, имеющего очень незначительный доход: только самое необходимое — солдатский паек. Он пользуется активной телесной свободой, потому что он не прикован к работе, как рабочий, лишенный всяких доходов, но в то же время он скован по рукам и ногам, поскольку речь идет об удовлетворении его страстей и стремлений. Фебон имеет полное право пойти в оперу, но для этого нужна монета, которой у него нет; у него еле хватает средств, чтобы как-нибудь себя пропитать и одеть. Он имеет право добиваться звания депутата, но для этого нужно

хорошее состояние, а он от этого очень далек; гордое звание «свободного человека» дает ему мираж вместо социальной свободы. Он остается у дверью хорошего ресторана или оперы и не имеет доступа к избирательной урне; он пассивный член общества, его страсти не имеют средств для своего активного проявления, его мнением общество не интересуется.

«Но все же он свободнее рабочего, принужденного трудиться под страхом умереть с голода, имея в продолжение недели только один день активной телесной свободы — воскресенье; во все остальные дни рабочий пользуется только пассивной свободой, так как мастерская является для него косвенным рабством.

«Подобно телесной свободе мы и социальную свободу будем делить на активную и пассивную. Заметим предварительно, что эта свобода не существует для указанных двух классов лиц; они пользуются только простой или телесной свободой, которая носит активный характер у мелкого рантье и пассивный — у рабочего, в свою очередь, стоящего выше раба, лишенного совершенно телесной свободы, как активной, так и пассивной.

2. Свобода сложная расходящаяся (Liberté composée divergente). Она состоит из активной телесной и активной социальной свободы, дающих полный простор удовлетворению страстей. Такова свобода, которой наслаждается дикарь» *).

Фурье сравнивает современного свободного человека с дикарем и находит положение последнего несравненно более выгодным.

«Дикарь пользуется обоими указанными видами свободы, так как он кроме активной телесной свободы наслаждается активной социальной. В самом деле, дикарь участвует в решении всех важнейших политических вопросов своего племени, например, вопросов войны и мира, которые у нас решаются министрами и монархами. Он даже наслаждается, поскольку это возможно в его орде, полной свободой удовлетворения своих страстей, в особенности беззаботностью, о которой подавляющее большинство цивилизованных не имеет ни малейшего представления. Правда, он принужден заниматься охотой и рыбной ловлей для поддержания своего существования, но этот привлекательный для него труд ничуть не нарушает его активной телесной свободы. Труд, который приятен, ни в коем случае не может быть назван рабством. Труд дикаря несравненно привлекательнее труда цивилизованного. В самом деле, достаточно сравнить ловлю рыбы и охоту на диких зверей с трудом фабричных рабочих. От фабричной работы люди хиреют и преждевременно умирают, между тем как охота и рыбная ловля развивают ловкость и закаляют

*) Почему свободу, которой пользуется дикарь, Фурье называет расходящейся мы увидим дальше.

Цивилизация, отняв у человека семь естественных прав, не дала ему взамен соответствующего эквивалента. Спросите у несчастного рабочего, страдающего от безработицы и голода, преследуемого кредиторами и откупщиками, не предпочел ли бы он, подобно дикарю, пользоваться правами охоты и рыбной ловли, правом на дикорастущие деревья и дикопасущиеся стада? Без сомнения, он согласился бы поменяться с дикарем. Ибо что дает ему взамен этого цивилизация? Счастье жить при конституционном строе. Но бедняк не может заменить недостающий ему обед чтением конституционной хартии; предложить ему такую замену значит издеваться над его бедностью. Он счел бы себя счастливым, если бы он мог наслаждаться свободой и семью правами, которыми пользуется любой дикарь и которые не существуют для него в строе цивилизации *).

Вот почему большинство цивилизованных ненавидит строй, при котором они живут.

«Довольных этим строем — по мнению Фурье — едва ли наберется 1/8 всего населения, между тем как остальные 7/8 следует причислить к недовольным. Некоторые недовольны этим строем наполовину, не помышляя о том, чтобы восстать против него; но подавляющее большинство, состоящее из рабочих и другого мелкого люда, восстали бы немедленно, если бы не страх наказания. Таково настроение бедного большинства, принужденного довольствоваться простой или телесной свободой. Его труд для него — косвенное рабство, мучение, от которого он охотно освободился бы.

«Возьмем другую часть общества — буржуазию, самостоятельных ремесленников, мелких собственников. Значительная часть из них недовольна существующим строем и жаждет перемен или расширения прав той или иной категории. Указанные общественные слои не пользуются активной социальной свободой или, вернее говоря, пользуются ею наполовину, а потому враждебно настроены против существующего строя.

«Остается очень незначительное меньшинство, довольное этим строем. Это меньшинство состоит из людей праздных, непричастных производительному труду и из немногих привилегированных,

*) Прислушайтесь к ропоту, доносящемуся с той стороны пролива (т.-е. из Англии), не слышите ли вы оттуда крика нужды; прислушайтесь к ропоту, доносящемуся из более отдаленных стран, из Соединенных Штатов, этого республиканского Эльдорадо, не доносится ли оттуда тот же вопль: нужда! Между тем ведь там народ наслаждается теми политическими формами, которые нам рекомендуются, как чудесная панацея от всех зол. Ведь там народом управляют президенты, а не короли... Но в том то и дело, что и там существует такая же анархическая индустрия, как и у нас, и такая же анархическая коммерция, и там народ живет в строе цивилизации, т.-е. на арене раздробленности и неупорядоченности (Considerant, La Destinée Sociale, ч. I, стр. 98).

захвативших все хорошо оплачиваемые должности. Эта часть общества наслаждается сложной «полусходящейся» (Semi-convergente) свободой. Численность этой части очень незначительна; к тому же лица, относящиеся к этой категории, питают нерасположение к современной индустрии, желают много перемен в административных и социальных порядках и не обеспечены в своем благоподучии на будущее время. Таким образом, мы видим, что в цивилизации очень мало людей, приближающихся к истинной свободе; легко доказать, что ни один из них не обладает ею целиком, и что монархи и министры также далеки от нее; широкие же слои населения принуждены довольствоваться простой или телесной свободой, которая к тому же сильно урезана военными наборами и подчиненным состоянием, в котором находятся женщины и дети, не пользующиеся в полной мере даже телесной свободой.

«Что касается политической или социальной свободы, то ее совершенно лишен весь бедный класс общества, принужденный закабаливать себя наемным трудом, порабощающим душу в неменьшей степени, чем тело. Подчиненный, который позволил бы себе высказать мнение, противоречащее взглядам его начальника, был бы уволен и лишен заработка. Бедный не пользуется активной социальной свободой даже в отношении свободы мнений и взглядов. Отовсюду, где он позволил бы себе высказать мнение, противоречащее взглядам богача, его вежливенько выпроводили бы, даже в случае, если бы он был совершенно прав. При таком положении можно ли говорить о существовании социальной свободы в цивилизации. Конечно, нет, потому что ею пользуется незначительное меньшинство богатых людей — и то не всем из них предоставлено право свободно высказывать свои мнения *).

Из изложенного мы видим, что Фурье сумел с удивительной глубиной отметить и осветить отрицательные стороны свободы, установленной капиталистическим строем, и в противовес ей выдвинул свободу социальную, без которой политическая сводится к нулю, к свободе голодовки. Он принадлежал к числу первых, отметивших это вопиющее противоречие капиталистического государства, это политическое лицемерие, заключающееся в гарантировании подавляющему большинству граждан прав на бумаге; при первом желании воспользоваться этими правами пролетарий и малосостоятельный человек убеждаются, что эти громкие фразы о «неот'емлемых» правах человека и гражданина, о равенстве перед законом и в особенности «незыблемой» и «свято-охраняемой» свободе — сплошной обман, ловушка и провокация.

*) Théorie de l'Unité univ., ч. II, стр. 157—159.

ибо, как правильно говорит Фурье, подчиненный, пожелавший использовать предоставленную ему в конституции свободу мнения и высказавший мнение, противоречащее взглядам его шефа, будет уволен со службы и лишен заработка.

Фурье, таким образом, ясно понимал классовый характер современного государства, обеспечивающего права только богатым и прислушивающегося только к их мнению; он устанавливает неоспоримый тезис, что политическая свобода часто превращается в пустой звук при необеспеченности существования, при зависимости одного класса от другого.

Для правильного изучения проблемы свободы Фурье советует, между прочим, отказаться от практикуемого нашими политиками и публицистами злоупотребления словами. «Трудно представить более постыдное злоупотребление словами,— говорит он,— чем восхваление «свобод», созданных цивилизацией, которая при всех политических режимах и более всего в эпоху якобинцев опиралась и опирается на военную силу, удерживаемую в повиновении железной дисциплиной и, в свою очередь, имеющую назначение укрощать и подавлять голодные массы. Цивилизация, это — система не сложной свободы, а сложного порабощения, т.-е. система, порабощающая солдат, которые, в свою очередь, порабощают граждан. Наши софисты открывают в этом рикошете порабощения какой-то народный суверенитет. Не вправе ли мы, при виде такого злоупотребления словами, назвать этих софистов нанизывателями слов, строющими на основе нескольких пустозвонных фраз механизм либеральных конституций, где номинальными двигателями являются свобода, равенство и братство, а действительными — принуждение, сыщики, и виселицы» *).

§ 3. Тягостный и непроизводительный труд строя цивилизации.

Несовершенство строя цивилизации особенно рельефно проявляется, когда мы посмотрим, в каком положении находится труд при этом строе; с одной стороны, труд здесь является проклятием человека, а с другой,— существует множество общественных групп, труд которых мало полезен и даже не нужен, а иногда прямо вреден для общества.

Труд в цивилизации является проклятием человека, потому что основан не на свободном влечении человека, а на насилии, нужде, угрозе голодной смерти. Даже у дикарей наш строй и его формы труда вызывают презрение и насмешку. Самое сильное проклятие дикаря выражается в пожелании своему врагу жить так, как живут

*) Théorie de l'Unité univ., ч. II, стр. 184.

цивилизованные. «Пусть тебе придется обрабатывать землю» — восклицает в гневе дикарь по адресу своего недруга... Это занятие, т.-е. обработка земли, дикари считают проклятием самой природы *). «Я заявляю, утверждает Фурье, что труд при современных условиях противоречит законам природы; он ненавистен всем свободным народам, которые только тогда с радостью примутся за промышленную деятельность, когда эта последняя будет гармонировать с человеческими страстями», и труд будет основан на влечении; а это, как намерен доказать Фурье, возможно лишь в его социальном строе, в фаланге, при организации коей приняты во внимание все особенности человеческой природы и, главным образом, лежащие в ее основе инстинкты и страсти, из коих наиболее важны три направляющие страсти — к интриге, разнообразию и энтузиазму.

Труд в цивилизации — проклятие, потому что однообразно длительная работа вызывает отвращение, переутомление, расстройство организма. Двенадцатичасовая, а тем более четырнадцатичасовая однообразная работа в какой бы то ни было отрасли, неизбежно вредит здоровью, так как она не может упражнять все члены человеческого тела, и крайне переутомляет только один или некоторые из них. Еще хуже, когда одна и та же работа продолжается изо дня в день целыми годами. Этим об'ясняется всеобщее отвращение к труду у современных цивилизованных людей и происхождение многих профессиональных болезней у рабочих. Так, например, некоторые химические заводы представляют собой настоящие бойни для рабочих. Между тем, если бы каждый рабочий работал на таких заводах 2 — 3 раза в неделю и не больше 2 — 3 часов в день, то работа не причинила бы ему никакого вреда **).

---

*) П. Лафарг цитирует Ф. Ле-Плоя, который в своей книге „Европейские рабочие", рассказывая о полукочевых башкирах, замечает: „Наибольшее отвращение питают они к земледельческому труду; они предпочтут ему какое угодно другое занятие. Земледелие действительно является первой формой рабского труда в человеческом обществе. Согласно библейскому преданию, первый преступник Каин был земледельцем. Испанская поговорка гласит: „В отдыхе — здоровье".— П. Лафарг, „Труд и праздность", пер. с фр. СПБ, изд. Молот, из сноски на стр. 4.

Заметим, кстати, следующее. Учения Фурье, С.-Симона и Оуэна своими критическими элементами не только „доставили драгоценный материал для просвещения рабочих", как выражается Коммунистический манифест, но также послужили источником, откуда позднейшие теоретики почерпнули немало для возведения стройного здания современного научного социализма. В указанном отношении первое место следует отнести сочинениям Фурье. Это становится очевидным, если, например, пересмотреть при свете этих сочинений такие основные произведения научного социализма, как комментарий к Эрфуртской программе К. Каутского, Коммунистический манифест Маркса и Энгельса, многие места „Капитала" Маркса, сатирические и глубоко-остроумные сочинения Лафарга, некоторые сочинения А. Бебеля и пр.

**) Двенадцать часов ежедневного труда — вот идеал филистеров-моралистов XVIII века. Но мы превзошли этот Non plus ultra. Современные мастерские сделались идеальными исправительными заведениями, куда заключены массы рабочих,

В свою очередь, богатый класс страдает от болезней, являющихся результатом безделья, неподвижной жизни, последствием коих являются паралич, подагра и т. п. болезни, незнакомые сельским жителям или фабричным труженикам. Ожирение, столь обычное у богатых людей, нарушает равновесие организма и губит здоровье. Гигиена предписывает человеку постоянное разнообразие деятельности, как физической, так и духовной. Только такое разнообразие поддерживает жизнедеятельность и равновесие организма. В строе, рекомендуемом Фурье, не будет этих уродливостей. Работать в большей или меньшей степени будут все, потому что труд будет удовольствием, развлечением; при этом занятие одним и тем же делом в его группах и сериях будет продолжаться не более $1^1/_2$ — 2 часов. Таким образом, работая 8 — 10 часов в день, человек будет отдаваться разнообразной деятельности, соответствующей его наклонностям, выполнение которой доставит ему только наслаждение.

Итак, первая особенность современного труда это — вызываемое им отвращение, заставляющее человека смотреть на него, как на проклятие и унижение, и избегать его, лишь только для этого представится какая-либо возможность.

Между тем, наши мудрецы, говорит Фурье,— восклицают: «Нужно любить работу!» Но почему ее любить? Что хорошего дает цивилизация девяти десятым людей, кроме печали и отсутствия доходов? Но тем, кто имеет все радости жизни и все доходы, она тоже не по душе. Богатый оставляет себе только труд по управлению предприятиями и делами. Как же после этого сделать работу привлекательной для бедняков?..

Обладая вышеуказанными свойствами, труд, сверх того, в современном строе крайне непроизводителен, благодаря его нелепой организации. Фурье утверждает, что при современной организации труда

жденных на 12-ти и 14-тичасовой каторжный труд. И не только мужчины, но и женщины, и дети.

На первом брюссельском конгрессе благотворительности в 1857 году один из самых богатых мануфактуристов Маркеты, около Лилля, г. Скривэ, при аплодисментах всего конгресса, с благородным чувством сознания исполненного долга рассказывал следующее: „Мы ввели некоторые развлечения для детей. Во время работы мы их учим петь, считать. Это служит им развлечением и помогает бодро переносить тот двенадцатичасовый труд, который им необходим для того, чтобы зарабатывать себе средства существования". Двенадцать часов труда — и какого труда! И это для детей, не достигших еще 12-тилетнего возраста! Материалисты всегда будут сожалеть о том, что нет того ада, куда можно было бы послать христиан-филантропов, детских палачей. (П. Лафарг, цит. соч. стр. 7 и сноска).

В капиталистическом обществе, говорит тот же автор, труд есть причина всякого умственного вырождения, всякого органического уродства. Сравните чистокровную лошадь ротшильдовских конюшен, за которой ухаживает двурукая челядь, с тяжеловесной и неуклюжей лошадью нормандских ферм, которая пашет землю, тянет возы с навозом, свозит хлеб в гумно. Посмотрите на благородного дикаря, которого миссионеры торговли своей проповедью еще не развратили сифилисом и догматом труда, а затем взгляните на наших несчастных прислужников машины. (Там же стр. 3).

число полезных производительных работников не превышает трети всего населения. Часто бывает, что труд, кажущийся полезным с первого взгляда, в действительности непродуктивен, носит отрицательный характер, как, например, все работы, направленные к ограждению частного жилища от воров или вообще от проникновения посторонних людей, в чем не будет надобности в рекомендуемом им строе.

Фурье посвящает много страниц (в особенности в своей «Теории всемирного единства») описанию отрицательных сторон труда при современном строе, его непроизводительности и убыточности. Неоднократно подчеркивая тот факт, что работа $^2/_3$ нашего населения непроизводительна или мало производительна, и, следовательно, убыточна, он распределяет непроизводительные элементы или, как он их называет, паразитов, по категориям, различая паразитов трех категорий: домашних, общественных и прибавочных *).

Домашние паразиты:	Социальные паразиты:	Побочные паразиты:
Предыдущее деление.	Внутреннее деление.	Последующее деление.
1. Женщины.	4. Армии.	9. Гулящие.
2. Дети.	5. Фискальные агенты.	10. Софисты.
3. Слуги.	6. Фабриканты.	11. Праздные (бездельные).
	7. Коммерция.	12. Отщепенцы.
	8. Транспорт.	

✕ у Агенты положительного разрушения
Λ Агенты отрицательного создавания.

К домашним паразитам он относит: $^3/_4$ городских и половину сельских женщин, занимающихся домашними работами и хозяйством, а также $^3/_4$ домашней прислуги, потому что их работа при строе Гармонии (сущность которого будет изложена ниже) будет производиться в 4 или 5 раз меньшим числом лиц, что явится результатом разумного распределения труда, его привлекательности и хорошей оплаты; далее к этой категории относится $^3/_4$ детей **), которые в строе Гармонии будут принадлежать к числу наиболее полезных членов общества, между тем, как при теперешней организации труда, они являются бесполезными из-за своей неловкости и надоедливости, и даже в деревнях, где они работают сызмальства, они все же не приносят и $^1/_4$ доли той пользы, которую могли бы принести.

К общественным паразитам следует причислить: 1) армию и флот. В состав армии и флота входят самые молодые и здоровые

*) См. Th. de l'Unité unive, ч. III, стр. 173 — 180. Там же на стр. 184 мы находим вышеприведенную „Таблицу непроизводительных элементов населения в строе цивилизации".

**) Как мы увидим дальше (см. гл. IV, параграфы 6 и 7 „Воспитание детей и Роль детей в фаланге"), в фаланге дети начиная с 3 лет, будут исполнять чрезвычайно важные и крайне производительные работы.

силы страны. Какой же получается от этого результат? Колоссальные средства, взимаемые с беднейшей части населения в виде налогов, тратятся непроизводительно на содержание этой массы людей, которые лучшие свои годы посвящают паразитарному существованию, привыкают к нему, наконец, и растлеваются нравственно, а нередко и физически.

2) Чиновники и сборщики податей. Не говоря о бесполезности подавляющего большинства чиновников, занятых, например, в судах, в которых не будет нужды в новом социальном строе, где преступления станут редкостью, вследствие улучшения экономических условий, укажем еще для примера на таможенных чиновников, число которых во Франции доходит до 24.000 человек; рядом с ними следует упомянуть целые своры всевозможных агентов, приставленных к населению для сбора податей, затем всяких сторожей, надсмотрщиков, шпионов, не говоря о массе счетчиков и счетоводов, необходимых для налоговых операций. Вся эта компания станет излишней в фаланге, где все подати будут уплачиваться в назначенный день по первому требованию властей *). 3) $^9/_{10}$ купцов и всяких посредников, которых при строе фаланги потребуется ровно десятая часть. 4) К общественным паразитам следует также отнести половину фабрикантов и $^2/_3$ агентов транспорта, как морского, так и сухопутного. Первые бесполезны, вследствие своей неумелости, результатом которой являются плохого качества фабрикаты; вторые не только в большинстве бесполезны, но часто очень вредны, так как, вследствие своей неопытности и неумелости, увеличивают вдесятеро случаи кораблекрушений.

К паразитам прибавочным Фурье относит: 1) Безработных. Вследствие отвратительной организации труда в строе цивилизации, множество людей, желающих получить хоть какую-нибудь работу, чтобы спасти себя от голода, не могут ее получить и принуждены праздновать, хотя этот принудительный праздник полон для них горечи и уныния. Но есть и такие безработные, которые не работают по лености или вследствие отвращения к работе строя цивилизации; сюда относятся, например, все те, кто празднует святой понедельник, самого убыточного из всех святых, потому что в городах он празднуется 52 раза в году. К этой категории непроизводительного труда нужно отнести все те промедления в работе, которые мы наблюдаем среди наемных рабочих, работающих настолько неохотно, что пользуются всяким удобным случаем или пустяшным поводом, чтобы предаться безделью; например, когда отвернется надсмотрщик или когда пробежит кошка по двору, тогда все — стар и млад — устремляют свои взоры ей вслед и тут же пользуются случаем, чтобы набить трубку

*) Фурье здесь, очевидно, имеет в виду первые фаланги, которые согласно его плану возникнут еще при существовании современного государственного строя.

и покурить, «калякая друг с другом. 2) Адвокаты, говоруны и экономисты. Последние, вооружаясь против паразитов, в действительности сами являются их наиболее типичными представителями.

3) Все принадлежащие к высшим классам, т.-е. бездельники по рождению, с их свитой и сворой слуг, факторами и ходатаями, которых насчитывается в Париже до 60.000. 4) Заключенные в тюрьмах и все общественные подонки, каковы: содержатели лотерей и игорных домов, публичные женщины, воры, разбойники, шантажисты и всякие общественные отбросы, число которых все растет и для обуздания которых необходимо содержать жандармерию и чиновников, труд которых, само собой, тоже нужно считать непроизводительным. 5) Больные невольно относятся к непроизводительному классу. Среди природных жителей нового строя (Гармонии) не будет и десятой части того количества больных, которая имеется у цивилизованных. Правда, болезни относятся к числу неизбежных зол, но размеры этого зла могут быть значительно сокращены. Из десяти больных девять заболевают из-за плохих условий работы, существующих в цивилизованном порядке; эти девять будут здоровы в новом строе,— не во гнев это будь сказано докторам.

Но, кроме паразитов непроизводительных, в строе цивилизации существует особая категория паразитов, которых Фурье называет агентами разрушения. Сюда относятся ажиотеры и спекулянты, т.-е. та общественная группа, которая является самой характерной для существующего строя, и потому по терминологии Фурье носит название осевого или стержневого класса. В разных местах своих сочинений Фурье перечисляет еще некоторые непроизводительные группы и роды деятельности. К последней он, между прочим, как противник политической деятельности и политической борьбы, относит всю деятельность, сопряженную с политическими выборами.

Сказанным в этом параграфе мы далеко не исчерпали всего, что можно найти у Фурье об отрицательных сторонах труда в строе цивилазации. Мы еще вернемся к этому вопросу в § I гл. IV, где приведена параллель, проводимая Фурье между индивидуальным трудом современного строя и коллективным трудом строя Гармонии.

§ 4. Индустриализм и его губительные для тружеников последствия.— Сосредоточение капиталов в немногих руках.— Прогрессивное обнищание трудящихся.

Приходится удивляться прозорливости и глубине анализа писателя, заклейменного, как чудак и полупомешанный, который на заре капитализма уже видел и предугадывал все его основные недостатки.

К числу наиболее тяжелых язв экономического строя цивилизации Фурье относит индустриализм или промышленную манию, манию

производить без определенного плана, не сообразуясь ни с общественными потребностями, т.-е. с вопросом о том, сколько и для кого производится, и без заранее выработанной таблицы вознаграждения за труд, т.-е. без всякой гарантии для производителя и рабочего, что они получат свою долю в произведенных богатствах. В результате тот поразительный факт, что в странах, где промышленность процветает, имеется больше нуждающихся и нищих, чем в странах, где производство находится на первоначальной ступени *).

Фурье берет для примера Англию, цветущая промышленность которой служит предметом зависти для всех наций. «Чтобы судить о том, как счастлив ее народ,— говорит Фурье,— я приведу следующие неопровержимые данные».

Союз ремесленников-хозяев в Бирмингаме заявляет 21 марта 1827 года: «Скромность образа жизни и бережливость рабочих не могут спасти их от нищеты, не могут избавить от лохмотьев; они буквально умирают с голоду в стране, где имеется избыток жизненных продуктов». Это сообщение тем более заслуживает доверия, что оно исходит от владельцев мастерских, заинтересованных в том, чтобы скрывать нищету рабочих и уменьшать их заработную плату.

Вот еще документ, принадлежащий перу экономиста-индустриалиста, который делает донос на свою собственную науку. Здесь Фурье приводит слова министра торговли Хескиссона, сказанные им в палате общин относительно бедственного положения на фабриках детей, получающих $5^1/_2$ су за 19-тичасовой труд «под наблюдением инспекторов, подгоняющих плетью каждого ребенка, вздумавшего на мгновение перестать работать».

Переходя затем к Ирландии, Фурье цитирует дублинские журналы за 1826 год.—«В народе у нас свирепствует эпидемия: но когда

---

*) „Трудитесь для умножения социального богатства"— продолжают твердить рабочим экономисты. На это Диоти-де Траси дает им хороший ответ: „Бедные нации, это — те, где народ живет хорошо; богатые — те, где народ беден". А ученик де-Траси продолжает: „Сами рабочие, содействуя накоплению производительных капиталов, способствуют тому, что рано или поздно они должны будут лишиться части своей заработной платы". Но оглушенные своими собственными завываниями, от которых они еще более глупеют, экономисты отвечают: „Трудитесь, трудитесь всегда, чтобы создать ваше собственное благосостояние!.." А я говорю: „Трудитесь, трудитесь, пролетарии, для увеличения социального богатства и вашей собственной нищеты; трудитесь, продолжайте трудиться для того, чтобы, становясь беднее, иметь еще больше основания трудиться и еще дальше погружаться в нищету. Таков неумолимый закон капиталистического производства". (Лафарг, цит. соч., стр. 11-12).

„Теперь же безработица тем сильнее, тем больше, чем дольше работает рабочий. Рабочий создает себе безработицу своей собственной работой. Подобно многим другим, унаследованным от времен мелкого производства, истинам, и та истина, что счастье рабочего зависит от его прилежания, была превращена крупным капиталистическим производством в ее противоположность". (К. Каутский, „Эрфуртская программа", изд. А. Копельмана, стр. 48).

больных привозят в госпиталь, они тотчас же выздоравливают, после того, как им дают покушать. Голод — вот их болезнь; чтобы определить ее, не надо быть чародеем, раз больные выздоравливают лишь только им дают хлеб. Не думайте, что болезнью этой заражаются богатые: ни лорд-мэр, ни архиепископ Дублина не заболеют от голода, а скорее от несварения желудка».

А в тех местах, где цивилизованные народы не вымирают от голода, быстро действующего, они вымирают медленной смертью, вследствие лишений, спекулятивного голода, вследствие которого они принуждены питаться нездоровыми продуктами, от тяжелого изнурительного труда, от опасных работ, от чрезмерного утомления, имеющего результатом разные лихорадки и другие болезни; все это сводится к той же смерти от голода.

Но если даже народ не страдает от голода, то приходится удивляться, чем только он питается. Чтобы составить об этом представление, нужно собственными глазами убедиться, чем питается французский крестьянин в провинциях, даже наиболее плодородных. Восемь миллионов французов лишены хлеба и питаются каштанами и подобными суррогатами, двадцать пять миллионов французов не пьют вина. А между тем целые сборы винограда выбрасываются в помойные ямы, вследствие чрезмерных урожаев и изобилия этого продукта.

Фурье приводит статистику лондонской нищеты и преступного мира. На оказание помощи бедным Лондон вносит ежегодно 200.000.000 франков, и все же 117.000 бедных еще остаются на попечении приходов, 115.000 бедных остаются без помощи; большинство из них нищие, воры, бродяги, среди которых до 3.000 укрывателей краденого, из коих один нажил 20.000.000; кроме того, 3.000 евреев, сбывающих фальшивую монету, подговаривающих слуг обкрадывать своих господ, и сыновей — обкрадывать своих отцов. Итак, в городе, считающемся величайшим центром промышленности насчитывается 232.000 бедных!

Франция идет по стопам Англии. В Париже 86.000 бедных известных и столько же, быть может, неизвестных. Насколько несчастен французский трудовой народ, можно судить по тому, что в промышленных провинциях крестьяне в своих лачугах не имеют постелей; они делают себе ложе из сухих листьев, превращающихся в продолжение зимы в навоз, наполненный червями, так что, вставая утром, родители и дети очищают друг друга от червей. Какова обстановка этих лачуг, такова и пища их жителей. Вот какова участь прекрасной Франции. Можно назвать дюжину провинций, где бедность доходит до таких же пределов. Таково положение вещей в Бретани, Лимузене,

Верхней Оверни, Севеннах, Альпах, Юре, Сент-Этьене и даже в прекрасной Тюрени, называемой садом Франции *).

Наши экономисты при виде этих размеров, которые принимает нищета, начинают подозревать, что их наука стоит на ложном пути. Недавно по этому вопросу разгорелся спор между Сэем и Сисмонди. Этот последний, вернувшись из за границы, заявил, что Англия и Ирландия, с их колоссальной индустрией представляют собой не что иное, как огромные трущобы для нищих, и что индустриализм — это царство химер.

Анализируя причины этого явления, Сисмонди признает, что потребление в современном обществе производится совершенно неправильно, что оно основано на прихотях праздных людей, а не на благе производителя; это уже первый шаг на пути к откровенному анализу.

Но не в этом одном причина всех зол. К числу наиболее отрицательных сторон современного индустриализма, не замечаемых философами и экономистами, относится: 1) Неправильное товарообращение, находящееся в руках торговцев и посредников, которые обирают одновременно и производителя и потребителя; в самом деле, ворочая всеми капиталами, торговцы и посредники заставляют производителя разными прижимками продать свой товар, как можно дешевле; затем, овладев товаром, они разными мошенническими приемами, спекуляцией, ажиотажем и др. заставляют потребителя покупать его втридорога. Косвенным результатом их проделок является расстройство, вносимое ими в производство. 2) К числу этих отрицательных сторон относится также система конкуренции, ведущая к вопиющему понижению заработной платы и, следовательно, к неудержимому обеднению рабочих масс и всего трудящегося народа; в то же время система конкуренции ведет к увеличению мошеннических проделок торговцев, ибо, чем более обостряется конкуренция, тем труднее становится жить отдельным торговцам, тем больше мошенничеств они дожны совершать, чтобы выйти без убытка из борьбы. 3) Система об'единения капитала в немногих руках. Хотя крупное производство само по себе благодетельно, но при нынешнем строе оно превращается в бич общества, в народное бедствие. Вследствие указанной системы конкуренции, капиталы стремятся сосредоточиться в немногих руках; таковы, например, акционерные компании, которые своим могуществом раздавливают среднего и мелкого производителя, а рабочего превращают в раба. Результатом этого является водворение промышленного феодализма вместо дворянского

*) См. Nouveau Monde industr. et soc. стр. 29 — 30.

феодализма недавних времен, т.-е. такого строя, где на одной стороне масса богатств и безделья, а на другой — непосильный труд и нищенство *). 4) В результате индустриализм ведет к самому вопиющему явлению нашей эпохи — к противоречию между интересами личности и общества. Здесь Фурье указывает примеры групповой и классовой розни, приведенные у нас выше.

Противоречия и несуразности распределения благ в современном обществе Фурье иллюстрирует простой таблицей. При помощи этой таблицы Фурье доказывает, что по мере накопления национального богатства, доля бедных классов отнюдь не увеличивается пропорционально этому накоплению, но что это накопление идет единственно в пользу богатых классов. Таким образом, бедный класс не только не участвует в росте национального богатства, но чувствует себя при виде этого растущего богатства еще более несчастным, ибо перед ним все чаще проходят зрелища, возбуждающие его зависть и ненависть, и он все более убеждается, что в жизни есть множество благ, совершенно для него недоступных. Еще ужаснее его положение, когда он хочет работать для обогащения ненавидимых им богачей, но не получает работы и принужден голодать, хотя заработок, получаемый им за непосильный труд, еле-еле спасает его от голодной смерти **). При таком положении вещей мы наблюдаем парадоксальное на первый взгляд, но истинное в действительности, явление, что ленивые народы, в роде испанцев, гораздо счастливее трудолюбивых, так как испанцу

---

*) В „Манифесте Мирной Демократии" Консидеран пишет: „Результатом анархической конкуренции является постепенное сокрушение мелкой и средней собственности, мелкой и средней индустрии, мелкой и средней торговли под тяжестью крупной собственности и под колоссальными колесами крупной промышленности и крупной торговли.

Первый отдел „Эрфуртской программы" начинается так: „Экономическое развитие буржуазного общества с естественной необходимостью ведет к гибели мелкого производства... Это развитие отделяет рабочего от его средств производства и превращает его в неимущего пролетария, между тем как средства производства становятся монополией сравнительно небольшого числа капиталистов и крупных землевладельцев. Рука об руку с этой монополизацией средств производства совершается процесс вытеснения мелких и раздробленных предприятий крупными предприятиями и процесс необычайно быстрого роста производительности человеческого труда. Но все выгоды этого переворота монополизируются капиталистами и крупными землевладельцами. Для пролетариата и погибающих средних слоев — мелкой буржуазии и крестьянства, — переворот этот означает лишь все растущее увеличение необеспеченности существования, нищеты, гнета, порабощения, унижения и эксплуатации". (К. Каутский. „Эрфуртская программа", изд. А. Копельмана, стр. 3).

**) Как обладание собственностью (мелкой), так и обладание рабочей силой нисколько не защищает в настоящее время от нужды и бедствий. Как перед мелким крестьянином и ремесленником стоит призрак банкротства, так перед рабочим стоит призрак безработицы. Из всех зол современного способа производства эта постоянная необеспеченность существования является самым мучительным... Чрезмерная работа, безработица и разложение семьи — вот что несет пролетариату капиталистический способ производства... („Эрфуртская программа", стр. 48 — 49).

стоит только захотеть работать и он получит работу, а француз, англичанин, китаец не имеют этой уверенности *).

Пусть, однако, не подумают,— говорит Фурье,— что я считаю социальный строй Испании заслуживающим подражания; нет, я хочу только показать, к каким невероятным выводам мы приходим, изучая строй цивилизации, где все насквозь прогнило, что является результатом тех принципов, на которых этот строй основан. Из этих принципов самые вредные — принудительность труда и непропорциональность распределения. Счастье, к которому так безрезультатно стремится цивилизация, возможно только в строе, который сделает труд притягательным и распределение пропорциональным, а таким строем будет строй ассоциации. Кроме всего сказанного, не нужно упускать из виду, что цивилизация не производит и $^3/_4$ части того, что будет производить ассоциация; а так как население беспрерывно увеличивается, то цивилизация при всем желании не может обеспечить труженику минимума приличного существования.

Все эти мрачные стороны индустриализма, которые экономисты стараются затушевать, резко выступают, когда мы внимательно присмотримся к фактам. Но даже при самом поверхностном взгляде мы замечаем, что в складах и в магазинах накопляется множество продуктов, не находящих сбыта, вследствие того, что у бедных нет средств их приобретать. Вот почему мы нередко слышим возгласы удивления, что в цивилизации бедность рождается из избытка **).

§ 5. Торговля и всеобщее увлечение ею.— Причины восхваления и превозношения торговли экономистами.— Господство капитала и биржи.

Роль торгового капитала во Франции в эпоху Фурье.— Как мы увидим дальше, Фурье торговле приписывает целый ряд социальных недугов, которые следовало бы приписать промышленности; точно так же он суживает значение знаменитого требования

---

*) Для испанца, у которого еще не атрофировались первоначальные чувства свободного животного,— труд есть худшая форма рабства. И греки героической эпохи также презирали труд. Рабам одним приличествовало трудиться; свободный человек признавал лишь физические упражнения и свободную игру ума. Так было и в то время, когда люди двигались и дышали в атмосфере, созданной народами Аристотеля, Фидия, Аристофана; так было и тогда, когда горсть храбрецов наголову разбила азиатские орды, окончательно покоренные вскоре Александром. Философы древности учили презрению к труду, уничтожающему свободного человека; поэты воспевали леность, этот дар богов (П. Лафарг, цит. соч., стр. 5).

В цитируемой брошюре автор, подобно Фурье обрушивается со всей едкостью своего саркастического таланта не на труд вообще, а на труд в капиталистическом обществе, 12-ти и 14-тичасовой каторжный труд, все плоды которого достаются бездельнику-капиталисту, делящемуся своей добычей с чиновником и попом.

**) Тысячи рабочих и ремесленников пропадут от голода и холода, потому что произвели слишком много пищи, одежды, жилищ. („Эрф. прогр.", стр. 92).

свободы торговли, выдвинутого классической школой политической экономии, относя его преимущественно к торговле, в то время, как этот принцип относится ко всей торгово-промышленной жизни.

Причина указанной односторонности экономических воззрений нашего автора кроется в состоянии французской промышленности современной ему эпохи, т.-е. конца XVIII и начала XIX века, и в той роли, которую тогда играл во Франции торговый капитал не только в специальной сфере коммерции, но и в области организации и развития промышленности.

Революция уничтожила пережитки средневековья в области промышленности и земледелия, расчистила путь для развития крупного производства, но под влиянием политических и экономических условий того периода развитие это совершалось медленно. В ту эпоху, когда Фурье писал свои главные произведения и когда в Англии гигантскими шагами начала развиваться крупная промышленность, Франция оставалась страной мелкого производства по преимуществу. У нее не было двух важных факторов, которые содействовали развитию крупной промышленности в Англии — быстрого прогресса техники и обширных кадров обезземеленного крестьянства, откуда развивавшаяся промышленность могла бы черпать неограниченное количество дешевых рабочих рук. Старания Наполеона (в период 1800 — 1814 г.г.), в области насаждения крупной промышленности не могли дать должных результатов, вследствие неблагоприятных условий военного времени, крайне истощавших ресурсы страны, и отрезанности от Англии, делавшей *невозможными технические позаимствования*.

Правда, в период реставрации (1815 — 1830 г.г.), французская промышленность, благодаря прекращению долголетних войн, влиянию английского технического прогресса и стараниям правительства, получила значительное развитие, но все же и в эту эпоху крупное производство было еще сравнительно слабо развито. Рядом с зачатками крупной промышленности, еще от дореволюционного периода осталась широко развитая система домашней промышленности, остались широкие кадры кустарей, работавших на местный рынок и значительно был развит вывоз многих предметов мелкоремесленного и мануфактурного производства за границу. В этой области безраздельно господствовал торговый капитал.

Сначала торговец выступает в области мелкоремесленного производства, как скупщик. Мелкий ремесленник, нуждающийся в деньгах, крайне заинтересован в продаже своего продукта сейчас же по его изготовлении, а для этого он должен продать его на ближайшем рынке; это возможно, когда число ремесленников в данной местности не превышает определенной нормы, пропорциональной количеству

потребителей. Но с увеличением числа ремесленников, их продукты не находят сбыта; тогда является купец, приобретающий предметы ремесленного производства для вывоза в другие местности внутри страны или за границу. Само собой понятно, что скупщик стремится приобрести у ремесленника его товар за минимальную цену, которая давала бы ему возможность не только покрыть издержки перевозки, но и нажить при этом хороший барыш на свои затраты и риск. Но на этом купец не останавливается: он начинает снабжать ремесленников и кустарей своим сырьем и даже инструментами, покупая у них уже не товар, а их труд по изготовлению того или иного рода продуктов. Так возникает домашняя промышленность, которая охватывает целый ряд сел и даже целые округа, если данный продукт имеет хороший сбыт внутри страны или за границу. От домашней промышленности переход к мануфактуре не труден. Для этого капиталисту остается об'единить эксплуатируемых им ремесленников под одной кровлей и произвести между ними разделение труда так, чтобы каждая группа рабочих специализировалась по изготовлению одной части продукта или в одной трудовой операции, что уже в известной степени происходит в области домашней промышленности (например, в часовом деле: одни кустари изготовляют стрелки, другие — циферблаты, третьи — колеса, четвертые — пружины и т. д.)

Таково было положение промышленности и роли торгового капитала во Франции в эпоху Фурье. Правда, в тот период, когда он подготовлял к печати свое последнее крупное произведение «Ложная промышленность», вышедшее в 1836 году, положение дел в этой области значительно изменилось, но это не отразилось на его миросозерцании, окончательно сложившемся у него на грани двух веков.

Вышеуказанными операциями роль торгового капитала не ограничивается. Кроме указанной деятельности, хотя и вредной для отдельных ремесленников, но полезной для развития всего народного хозяйства в целом, торговые капиталисты занимаются чисто хищническими спекуляциями. Главной областью спекуляции является скупка сырья, которое потом по произвольно повышенным ценам продается ремесленникам или другим купцам для перепродажи. Столь же вредной является скупка готовых продуктов для перепродажи по спекулятивным ценам потребителям. Такие операции возможны не только в промышленной области, но еще более в сельско-хозяйственной; результатом таких операций часто бывает голод или, как Фурье выражается, спекулятивный голод. Дальнейшими злоупотреблениями торговцев являются фальсификации, обманы при продаже и пр., что вообще отмечается нашим автором. Такие явления, как всевозможные

обманы в торговле, ажиотаж, банкротства, вредные для всего общества спекуляции, процветают обыкновенно, когда экономическая жизнь выбита из колеи, как это было в период революции и почти во всю эпоху пропаганды Фурье. В гораздо меньшей степени подобные явления наблюдались в ту эпоху в Англии, где денежный капитал нашел для себя широкое поприще приложения и эксплуатации в области крупной промышленности, развитие которой шло гигантскими шагами под влиянием изобретения машин.

Уже из сказанного становится ясным, почему Фурье с такой ненавистью и презрением относился к купцам и почему он симпатизировал фабрикантам. Дело в том, что крупных фабрикантов в ту эпоху было мало; под словом фабрикант подразумевался часто мелко-промышленный предприниматель, а также обыкновенный мастер, работавший с двумя — тремя подмастерьями и учениками. В сравнении с торговцами даже крупно-промышленные предприниматели должны были казаться в ту эпоху полезными деятелями, содействовавшими развитию производства, т.-е. богатства страны; что же касается мелких предпринимателей и хозяев-мастеров всякого рода, то их непосредственное участие в производстве, их работа наравне с подмастерьями совершенно скрадывали и делали незаметным эксплуататорскую сторону их деятельности. При всем том нужно отметить то замечательный факт, что от Фурье не ускользала и эта сторона промышленной жизни *), которую он достаточно разоблачал, описывая условия труда в строе цивилизации; и это тем более замечательно, что производство, как мы уже видели и как мы в большей степени убедимся дальше, Фурье критикует, главным образом, с точки зрения общественности, т.-е. выгод ассоциированного производства в сравнении с производством индивидуальным, мелко-семейным.

Еще физиократы, а затем Адам Смит и его школа и вслед за ними деятели французской революции, как уже выше было указано, выдвинули принцип полной свободы торговли и промышленности, утверждая, что свободная, ничем не стесняемая промышленная и торговая, деятельность индивида создает наилучшие условия индивидуального и общественного счастья; эта идея нашла самых горячих защитников не только среди буржуазии, но и среди всего ученого мира. В этом принципе была своя положительная сторона. Экономическая

*) Перечисляя (в „Манускриптах") „преступления коммерции", Фурье между прочим указывает на „обычай уменьшать до последней степени заработную плату, на чем строит свой успех фабрикант, обогащающийся за счет рабочего. На самых замечательных фабриках в Европе, Китае и Индии господствует страшная нужда среди рабочих. Странно устроен механизм цивилизации: для преуспеяния индустрии необходимо, чтобы занятые в ней рабочие дошли до крайней степени нужды".

свобода дала плодотворный толчок развитию крупной промышленности и в результате — удешевлению продуктов широкого потребления; но в то же время она повергла в невероятную эксплуатацию и кабалу все трудовые элементы общества, главным образом, городских рабочих. Эта отрицательная сторона принципов свободы торговли ничуть не беспокоила идеологов капитализма, которые не только закрывали на них глаза, но уверяли, что от промышленного прогресса выигрывают рабочие не меньше капиталистов. Фурье, как и других общественных мыслителей, стоявших с ним на одинаковой точке зрения, возмущало это ослепление всей буржуазии и всей науки, это всеобщее увлечение «свободой торговли» (специальный термин для обозначения экономической свободы в противоположность правительственной опеке и хозяйственной регламентации), т.-е. свободой обмана и эксплуатации; со всей едкостью своей сатиры он обрушивается на ученых и государственных деятелей, высмеивая их пресмыкательство перед торговцами, спекулянтами и ажиотерами, которых философская и общественная мысль еще недавно относила к самым вредным элементам общества.

Торговля и всеобщее увлечение ею. «Мы касаемся самого чувствительного пункта строя цивилизации,— говорит Фурье,— приступая к критике коммерции в 3 отделе «Теории четырех движений».— Чрезвычайно трудная задача поднять голос против предмета всеобщего увлечения, против химеры, пользующейся всеобщим признанием.

«Говорить в настоящее время об отрицательных сторонах коммерции, значит навлечь на себя анафему; это столь же опасно, как было в XII веке поднять голос против тирании пап и баронов. Если бы мне предстояло выбрать между двумя опасными намерениями, я нашел бы менее рискованным оскорбить монарха, высказав какие-нибудь обидные для него истины, чем оскорбить меркантильный гений, деспотически господствующий над цивилизацией и над самими монархами».

Между тем, в глубине души все классы, все человечество презирают торговлю, отождествляя ее с обманом. Это презрение вложено в нас самой природой, которая «никогда не обманывается в общих импульсах, вкладываемых ею в весь человеческий род. Раз подавляющее большинство народов презирает такую профессию, как коммерция, раз это презрение в них вложено естественным инстинктом, будьте уверены, что предмет их презрения скрывает какие-нибудь отвратительные тайные черты... Торговцы и разбойники,— говорит евангелие, смешивая оба эти класса. Так же думал и Иисус Христос, вооружившийся розгами, чтобы прогнать купцов и сказавший им

с чисто евангельской откровенностью: «Вы превратили дом мой в воровской притон». Подобно Иисусу Христу, прекрасная древность смешивала купцов с ворами, которых одинаково отдавала под покровительство Меркурия. Ясно, что в эту эпоху занятие торговлей считалось бесчестным. Св. Златоуст утверждает, что купец не может быть приятен богу; купцы были исключены из царства божьего, хотя туда допущены избранные всех родов занятий,— даже прокурор, а именно св. Ив».

«Ни в одной стране,— говорит в другом месте Фурье,— ни дворяне, ни землевладельцы не проявляют сочувствия к торговцам, этим выскочкам, которые явились в деревянных башмаках, а через небольшой промежуток времени уже хвастают миллионными состояниями.

«Честный собственник*) не может постичь, каким путем люди умудряются так легко обогащаться. Как бы заботливо такой человек ни распоряжался своим имуществом, ему с трудом удастся увеличить свои доходы на несколько тысяч франков. Его смущают огромные барыши этих спекулянтов; ему хочется громко выразить свое изумление, свое несочувствие к таким чуждым ему способам сколачивать состояния.

«Чем же об'яснить восхищение современников, а в особенности ученых и экономистов, торговлей и ее успехами? — спрашивает Фурье. «Причина в том»,— отвечает он,— «что в руках купцов сосредоточены все богатства, а самое передовое в торговле государство — Англия — владычествует над всем миром».

Восхваление и превознощение торговли экономистами. «Вот сюжет, вполне достойный эпопеи,— такими словами начинает Фурье рассмотрение вопроса о «Происхождении политической экономии и меркантильных словопрений». Муза, воспой нам подвиги этих смелых новаторов, повергших в прах древнюю философию. Секта, родившаяся вдруг из ничего, экономисты осмелились напасть на уважаемые догмы Греции и Рима. Истинные образцы добродетели, циники и стоики, все славные приверженцы Бедности и золотой Середины, теперь разбиты наголову и сгибают колени перед экономистами, рьяными защитниками роскоши. Божественный Платон и божественный Сенека свергнуты с их тронов: черная похлебка

*) Под „честным собственником" Фурье здесь подразумевает мелкого предпринимателя, домовладельца или лавочника, которые с трудом добывают средства, достаточные для пропитания своих семей и воспитания детей. Такие мелкие буржуа страдают от натиска крупного капитала, сталкивающего их в ряды пролетариата; они, конечно, негодуют против быстрых и внезапных обогащений, но отнюдь не принципиально, а по той единственной причине, что эти обогащения достаются другим, а не им.

спартанцев, репа Цинцинната, балахон Диогена — весь арсенал моралистов повергнут в прах, все обращено в бегство нечестивыми новаторами, разрешившими любовь к предметам, до сих пор столь строго запрещенным, любовь к хорошему столу и презренным металлам, каковы золото и серебро.

«Напрасно разные Жан-Жаки и Мабли так мужественно защищали честь Греции и Рима; напрасно они выхваляли перед всеми народами вечные истины Морали, уверяя, что «бедность есть благо, что нужно отказаться от богатств и не задумываясь броситься в об'ятия философии» (таково дословное выражение Сенеки, человека, владевшего 80 миллионами). Напрасные усилия! Ничто не могло устоять против натиска новых догм: испорченный век способен поглощать только коммерческие трактаты; знамена портика и лицея покинуты для коммерческой академии и общества друзей коммерции; одним словом, нашествие экономистов кончилось для неточных наук своей битвой при Фарсале, где мудрость Афин и Рима потерпели непоправимое поражение».

После этого саркастического выступления Фурье в нескольких словах дает простое и очень глубокое об'яснение отмечаемой им перемены во взглядах мыслителей и философов на торговлю и ее значение. Он констатирует, что указанная перемена взглядов явилась результатом перемены в социальной структуре общества, определяемой прежде всего ее экономической сущностью, или как выражается наш автор:

«Говоря проще, произошла смена фаз цивилизации, перешедшей из второй в третью Фазу, в которой господствует коммерческий дух, один только направляющий всю Политику *) (курсив наш. А. А.). Эта перемена родилась из прогресса морского искусства и из колониальных монополий. Философия, вмешивающаяся обыкновенно уже постфактум в социальное движение, подогнала свои взгляды к господствующему мнению и начала хвалить коммерческий дух, когда убедилась в его господстве. Вот откуда родилась секта экономистов и с ними вся меркантильная мудрость».

«С чего это вдруг и философы, после стольких веков осмотрительности, стали вмешиваться в коммерческие дела, предмет их прежнего презрения? Разве они не высмеивали непрестанно в продолжение всей прекрасной древности торговлю и не издевались на все лады над купцами?

---

*) В этих и следующих немногих словах Фурье приближается к экономико-материалистическому об'яснению происхождения идеологии конца XVIII и начала XIX в. в.

«Правда, уже в древности можно было видеть по той роли которую играли Тир и Карфаген, что сила коммерции может в один прекрасный день взять верх над земледелием и подчинить своему влиянию всю административную систему. «Но так как до этого еще не дошло у нас, следовательно, до этого никогда не дойдет»,— так думали философы, согласно свойственному им методу суждения. Они способны увидеть новую эру в социальном движении, когда на нее нужно смотреть, оглядываясь назад. Грядущие поколения будут изображать мудрость цивилизации в виде существа с головой, поставленной на туловище задом наперед, вследствие чего она способна видеть только то, что позади нее».

Итак, Фурье констатирует, что поворот в воззрениях социальных мыслителей от морали умеренности к восхвалению торговли и богатства явился результатом торгово-промышленного расцвета Европы, иначе говоря, торжество капитализма и выступление буржуазии на общественно-политическую арену повели к изменению идеологии, которая до этого носила печать мелко-ремесленной умеренности и добродетели самоограничения. Фурье с удивительной глубиной констатирует, что социальные мыслители только тогда становятся проповедниками новой эры в социальной жизни, когда уже ясно обозначились ее отличительные черты, т.-е., что изменение идеологии следует за изменением общественного субстрата.

«До середины XVIII века неточные науки продолжали упорствовать в своем старом предубеждении против презренной торговли. Доказательством может служить дух, господствовавший во Франции еще в 1788 г. Тогда даже школьники в своих стычках употребляли, как ругательство, слово «купчишка»; это было жестокой обидой. Таковы были взгляды в провинции. Меркантильный дух тогда еще держался только в портах и в больших городах, резиденциях крупных банкиров и крупных аферистов. И только в 1789 г. торговцы вдруг были превращены в полубогов; вся ученая шайка поднялась на их защиту и стала превозносить торговлю, видя в ней орудие, полезное для своих интересов.

«В прежние времена,— продолжает Фурье,— философы презирали торговлю и отворачивались от нее (впрочем, они и теперь так мало понимают ее сущность, что смешивают торговцев с полезным классом промышленников). Коммерция только тогда завоевала расположение ученых, когда достигла полного расцвета; в этом отношении ее можно сравнить с откупщиками, которых начинают превозносить, когда они появляются в карете, запряженной шестеркой лошадей. Тогда ораторы начинают восхвалять их добродетели, уплетая в то же время их вкусные обеды. Так вели себя философы относительно торговли; они

начали ласкать ее с того момента, когда она вознеслась на верхи величия, а до этого они ее даже не считали достойной внимания.

«Испания, Португалия, Голландия и Англия давно уже извлекали пользу из торговой монополии, а философия и в мыслях не имела ни хвалить их, ни порицать. Голландия сумела нажить громадные богатства, не обращаясь за помощью к экономической науке; секта экономистов еще не успела народиться, когда голландцы уже собрали целые бочки золота. Философы в это время еще целиком были заняты тем, что копались в прекрасной древности или ввязывались в религиозные споры».

В дальнейшем Фурье переходит к более узкому об'яснению поведения философов по отношению к торговле и торговцам личной заинтересованностью, сознательным стремлением прислужиться к более сильным и поживиться на счет нового направления общественной жизни.

«Наконец, они заметили,— говорит наш автор,— что новая торговая политика и вопрос о монополии могут дать материал для заполнения толстых книг и выдвинуть на видное место новую философскую партию; тогда философия дала свое благословение секте экономистов, которая, несмотря на свое недавнее происхождение, сумела нагромоздить целые томы своих произведений, грозя сравняться в своей плодовитости со своими предшественниками и родоначальниками.

«Согласно обычаю всех софистов, эти новоявленные ученые постарались напустить побольше тумана на трактуемые ими вопросы, чтобы дать пищу словопрениям и иметь возможность жить на счет своих читателей. Можно сказать, что экономисты, не открыв ничего нового, не знают сами предмета, о котором они трактуют, ибо, по их собственному признанию по самым важным вопросам их наука не имеет прочно установленных принципов. Но если так, то неизвестно, для чего она может служить. Впрочем, какое это может иметь значение для писателей экономистов! Печатный станок работает, книги продаются, и цель достигнута *).

«Спросите у экономистов, входит ли в их намерения уменьшить или увеличить бичи современного строя, как например, возрастание налогов, засилие ябедников, рост армий, прогресс банкротств, стремление казны к обогащению и т. п. Не подлежит никакому сомнению, что все эти недуги никогда так быстро не возрастали, как со времени зарождения экономических теорий. Не лучше ли было бы, если бы

*) В сказанном нужно видеть не столько суждение выраженного выше взгляда на происхождение социальной идеологии конца XVIII и начала XIX в. в., сколько желание нашего автора отхлестать ненавистных ему философов и экономистов.

эта отрасль науки развивалась с меньшей быстротой, а с ней вместе и указанное зло?

«Какой интерес мог заставить философов, этих горячих защитников истины, стать в XVIII веке под знамена лжи, т.-е. коммерции? Ибо что такое коммерция? Ложь со всем ее антуражем — банкротством, биржевой горячкой, ростовщичеством и мошенничествами всякого рода. Современные философы набрасывают покрывало на все эти скандальные стороны коммерции. Укажем причины подобного бесстыдства, применяя к поведению ученых излюбленный ими аналитический метод».

В этих нескольких словах и в следующем отрывке Фурье, со свойственной ему язвительностью и меткостью, подчеркивает, что социальные мыслители не только констатировали появление капитала на общественной арене, когда он стал общественной силой, но стали его идеализировать и превозносить, не замечая его отрицательных сторон.

«Решившись восхвалять коммерцию, они стали замечать только принадлежащие ей глыбы золота, затем независимость, связанную с этим состоянием, самым свободным из всех и самым благоприятным для развития необузданного честолюбия, далее — внешний вид глубокомыслия и умственности, прикрывающий все эти подлые маневры, которые последний дурак способен изучить в продолжение одного месяца, наконец, роскошь и чванство ажиотеров и аферистов, стремящихся соперничать в этом с самыми знатными и высокопоставленными лицами в государстве. Весь этот блеск ослепил ученых, которые должны употребить большой труд и много интриг, чтобы заработать несколько экю или заручиться какой-нибудь унизительной протекцией. Они были сбиты с толку и растерялись при виде коммерческих богов и некоторое время колебались, избрать ли им путь лести или критики. Но брошенные на весы глыбы золота перетянули; они решили стать преданными слугами торговцев и сторонниками меркантильной науки, над которой они столько издевались.

«И правда, как не поклоняться этим аферистам, которые, обладая глубокими познаниями в роде того, что дважды два составляет четыре, а четыре без одного — три, сумели себе построить дворцы в том городе, куда пришли в деревянных башмаках. Эти мошенники ведут блестящий образ жизни там, где рядом с ними ученые мрут с голоду. Философ, допущенный в салон такого аферист, сидит за столом между придворным и посланником. Что он должен дел при подобных обстоятельствах, как не превозносить торгов героев дня!

«Ибо в строе цивилизаций невозможно прожить одной истин Вот почему философы, питая такую ненависть к торговле, склонил

однако, перед золотым тельцом и не осмеливаются написать ни одной строчки, не расточая похвал великой коммерции и коммерческому величию» *).

Господство капитала и биржи. Как мы видели при рассмотрении взглядов Фурье на революцию и сущность декретированной ею свободы, наш автор обнаруживает несомненное понимание классового характера современного государства. Если он не выражается словами «Комунистического Манифеста», что «современное государство есть не что иное, как комитет, заведующий общественными делами буржуазии», то, как мы сейчас увидим, он высказывает ту же мысль иными словами.

Характеризуя роль торговцев в прежнее и настоящее время, Фурье констатирует, как они, начиная с XVIII века, постепенно овладевают общественным организмом и посредством капитала и биржи становятся повелителями повелителей.

«В древности торговцы были только мелкими воришками,— говорит Фурье,— они не цапали сразу по 50 и 100 миллионов, как ныне. Гораций и прекрасная древность потешались на их счет и высмеивали науку ростовщичества, столь уважаемую в наше время.

«Дело приняло совершенно иное направление со времени открытия обеих Индий. Коммерческий оборот удесятерился, а потому прибыли утридцатерились, ибо к торговым прибылям присоединились барыши от ростовщичества, ажиотажа, скупщичества и монополий. Короче говоря, торговцы наших дней перестали быть мелкими воришками, какими они были в те времена, когда Иисус их изгонял из храма розгами, а Гораций подвергал осмеянию. Ажиотер нашего времени в год больше пожинает один, чем десять монархов вместе. Говорят, что один лондонский торговый дом заработал в продолжение года на французском займе 80 миллионов».

«А между тем есть ли хоть один монарх в Европе, который мог бы в продолжение не одного, а десяти лет отложить 80 миллионов после всех расходов по содержанию своего двора?..

«Можно было еще извинить древних, — продолжает Фурье, — которые только посмеивались над этим Минотавром, пока он был в пеленках. Но в настоящее время этот львенок превратился в льва. Ныне это уже новая власть, которая хочет господствовать рядом с правительством (курсив наш. А. А.) и даже противопоставляет себя колоссальному влиянию духовенства.

«И вот, когда эта тирания, т.-е. тирания банкового портфеля и ростовщичества, самая худшая из всех тираний, накладывает свою

*) Th. de quatre mouv., стр. 334 — 341.

лапу на власть королей и жизнь народов, вся ученая корпорация повергается в прах перед меркантильным колоссом, паразитом, который, ничего не производя, снимает сливки со всей промышленности, образуя в экономической системе нового властелина, «короля, выше стоящего, чем сам король», вампира, который, не имея никаких легальных прав, требует себе доли наравне с законными участниками и захватывает львиный кусок.

«Этот дележ тем более выгоден для коммерции, что правительство получает только «простую» долю, а ажиотеры — «сложную». В самом деле, короли взимают только с продуктов, производимых на подвластной им территории, между тем, как ажиотеры взимают одновременно с доходов всех стран. Так, банкир, не происходящий ни из Австрии, ни из Франции, ни из Испании, в продолжение одного года может получить с налогов, взимаемых в этих странах, долю, превосходящую ту, которая достается монархам этих стран, если вычесть из нее расходы на содержание их дворов».

После покрытия из собранных налогов расходов на нужды различных отраслей управления, на нужды военные, морские, по внутренним делам и т. п., остаток собранных с населения сумм уходит в карманы ростовщиков, а не монархов или министров. Правительства цивилизованных стран находятся в положении тех обремененных долгами землевладельцев, которые видят, как ростовщики извлекают из их земель больше доходов, чем они сами, трудящиеся над ее обработкой. И так как государственные долги непрерывно растут, то коммерция, ныне делящая власть с правительством, стремится к тому, чтобы стать выше его, взять его под свою опеку или по крайней мере стать с ним на равную ногу (курсив наш. А. А.). Ни в чем двойственность общественного курса не проявлялась с такой очевидностью.

«Насколько велика сила мошны в цивилизованных странах, видно из действий аахенского конгресса *), который не осмелился принять определенных решений до прибытия двух ожидавшихся банкиров. Если политические комбинации отдают всю налоговую систему в распоряжение класса кредиторов — банкиров, то класс этот в силу таких обстоятельств становится соперником и конкурентом правительства. Таково современное положение ажиотеров, которые

*) После окончательной победы над Наполеоном, Россия, Пруссия, Австрия и др. государства образовали Священный Союз для предупреждения всяких революционных вспышек в Европе и для миролюбивого разрешения всех вопросов международной политики (в роде нынешней Лиги Наций). Время от времени для рассмотрения очередных вопросов собирались конгрессы. Один из них происходил в 1818 г. в прусском городе Ахене; на нем присутствовали императоры русский и австрийский, король прусский и виднейшие государственные деятели различных стран: Ришелье, Меттерних, Веллингтон, Гарденберг, Нессельроде, Каподистрия и др.

видят правительство у своих ног (курсив наш. А. А.). Эти будущие взиматели десятины *) дирижируют всем игорным домом, так что министр, обнаруживший намерение воспрепятствовать ажиотажу, должен немедленно расстаться с своим постом; и так будет всегда, пока не будут открыты основы правильной торговли, благодаря которым будут уничтожены ажиотаж, ростовщичество, мошенничество, монополия и все коммерческие обманы, восхваляемые экономистами...

«Между тем, теперь порабощение правительства все усиливается, а господство ажиотеров дошло до того, что игорный дом, т.-е. биржа, стал компасом общественного мнения. Если на бирже ценные бумаги пали, это для обывателя неопровержимое доказательство, что министерство плохо управляет. Это падение часто является результатом интриг аферистов, которые сильнее самих министров. И в самом деле, как может министерство бороться с коалицией ажиотеров, из коих один, как мы видели, способен зарабатывать 80 миллионов в год..

«Итак, заключает Фурье, мы видим, что посредством искусственного понижения ценности государственных фондовых бумаг можно вызвать в публике недоверие к правительству и, таким образом, произвести политическое потрясение. Ажиотеры и аферисты держат в своих руках судьбы правительств и целых империй. Может ли порабощение правительства классом торговцев быть доведено до более сильной степени? [курсив наш. А. А.] **)

§ 6. Торговля и промышленность. — Преступления, обманы и недуги торговли. — Свобода торговли, как основа всех причиняемых ею бедствий.

Торговля и промышленность. Во вступлении к предыдущему параграфу нами отмечена причина, вследствие которой Фурье берет под свое покровительство промышленный капитал, в то время, как он подвергает такой беспощадной критике действия торгового капитала. Причина этого, как уже нами было указано, заключается в состоянии французской промышленности в эпоху Фурье, преобладающими формами которой было мелкое ремесло, домашняя промышленная система и отчасти мануфактура; фабрично-заводская промышленность была тогда во Франции в зародыше. При таких условиях эксплуататорско-грабительская роль торгового капитала проявлялась с особой резкостью, между тем как промышленный капитал, наоборот, выступал в роли организатора полезных предприятий, расширяющих

*) До Великой Французской Революции духовенство взимало с крестьян-земледельцев десятину, т.-е. десятую часть всех их доходов.

**) Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 202 — 205.

область приложения труда и увеличивающих национальное богатство. В рассматриваемую эпоху капиталисты-скупщики являлись не только непосредственными эксплуататорами ремесленников, кустарей и мелких «фабрикантов» (т.-е. мелких хозяйчиков-ремесленников), но накладывали свою лапу на находящуюся в зародыше фабрично-заводскую промышленность.

В нижеследующем Фурье со свойственным ему сарказмом проводит параллель между торговлей и промышленностью и значением той и другой для хозяйственного организма.

«Один критик, по имени Жефруа, известный своими злыми фельетонами, вздумал однажды заговорить о коммерции. Он был немного профаном в этом вопросе, в чем, впрочем, сам сознавался; но все-таки выдвинул тезис, хорошо известный торговцам и совершенно неоспоримый, а именно: он развивал ту мысль, что коммерция — это искусство продавать за шесть франков то, что стоит три. Но всякий практик-коммерсант наверно согласится, что Жефруа отметил только одну сторону коммерческого искусства, ибо другая сторона состоит в умении купить за три франка то, что стоит шесть; иначе говоря, Жефруа не отметил, что коммерческий гений имеет двусторонний характер, т.-е. состоит из двух частей — искусства продажи и искусства купли.

«Но хотя Жефруа открыл только половину коммерческого искусства, все сторонники коммерции обрушились на несчастного фельетониста, осмелившегося оскорбить священный ковчег торговли. В газетах, защищавших неприкосновенность торговли, я заметил ряд нелепостей и жалею, что не отметил их. Но достаточно одной, чтобы дать представление о невежестве, господствующем среди широких слоев по данному вопросу.

«Чтобы сразить Жефруа и воскурить фимиам негоциантам, которых он опорочил, один из газетчиков заметил, что сам император воздает уважение коммерсантам. Известно, что он снял с своей груди почетный крест и передал его г. Оберкампфу после осмотра его превосходной фабрики. Но какое это имеет отношение к торговому механизму? Оберкампф был очень полезный мануфактурист, столь чуждый коммерческим интригам, что два года спустя он вернул крест императору, сказав, что он не способен бороться с приемами коммерсантов, налагающих на материи столь невыносимые налоги, что приходится закрывать мастерские и лишать работы тысячи тружеников.

«В своих жалобах г. Оберкампф только высказал то, что ежедневно можно услышать от фабрикантов, на каждом шагу парализуемых в своей деятельности спекулянтами. Торговец — естественный враг фабрики; притворяясь, что работает для ее снабжения, он в действительности только ее обдирает. Так, в большинстве фабричных

городов можно видеть, что мелкий фабрикант трудится только в пользу продавца материй, как мелкий землевладелец трудится в пользу ростовщиков, а ученый без имени, ютящийся на чердаке,— в пользу знаменитого ученого из академии, который присваивает плоды его трудов, издавая их под своим именем» *).

«Проведем параллель,— говорит Фурье в другом месте,— между этим ничтожным значением торговцев и важностью промышленников, интересы которых часто смешивают. Фабриканты легко могут обойтись без услуг купцов; они могут покупать сырье непосредственно из первых рук и непосредственно же пересылать произведенный товар или продавать его при помощи своих собственных коммивояжеров; торговец же ни в коем случае не может заменить промышленника.

«Если бы какой-нибудь город потерял своих торговцев, как то случилось во время чумы в Марсели, то в самое короткое время появились бы новые купцы в неменьшем количестве. Но если бы какой-нибудь город лишился своих фабрик и мануфактур, как это произошло в Лувене, то долгое время прошло бы, пока другие промышленники перенесли бы сюда свои фабрики и мастерские. Купцы устраиваются в изобилии всюду, где есть возможность торговать свободно и с прибылью, между тем фабрики не устраиваются с такой легкостью и быстротой. Эмиграция фабрикантов из какой-нибудь страны обрекла бы на безработицу всех мануфактурных торговцев и комиссионеров, обслуживающих эти мануфактуры, между тем как эмиграция всех торговцев не причинила бы никакой остановки мануфактурного производства, так как хозяева и приказчики, как мною указывалось, могли бы выполнять их функции.

«Примером может служить Франция, где фабриканты-протестанты, эмигрировавшие в Германию, не были заменены фабрикантами-католиками. Эмиграция фабрикантов повела к эмиграции промышленности; но если бы Людовик XIV изгнал только торговцев и банкиров, оставив фабрикантов, то через один какой-нибудь год на место изгнанных коммерсантов явились бы новые из числа католиков. Франция потерпела бы только потерю в людях и деньгах, что легко поправимо; между тем, как восстановление потерянных отраслей промышленности оказалось невозможным. Мы видим, как все правительства стремятся подворить своих купцов в восточных странах и ни одно правительство не проявляет намерения сделать то же самое со своими фабрикантами; наоборот, всякое правительство стремится перетянуть фабрикантов из Китая и Индии, отнюдь не гоняясь за тем, чтобы оттуда привлечь к себе купцов и моряков **).

*) Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 216 — 217.
**) Th. de quatre mouv., стр. 388 — 389.

Преступления торговли. В то время, как ученые наперерыв восхваляли нарождавшийся капиталистический строй, не видя его отрицательных сторон или преднамеренно на них закрывая глаза, Фурье уже с первых шагов своей литературной деятельности крупными штрихами отмечает эти отрицательные стороны, «бичи цивилизации», как он выражался. В отношении детальности своего анализа он не знает себе равных в свою эпоху. Правда, его критика, как было уже указано, односторонне направлена на торговцев, между тем как фабрикантов он горячо защищает, хотя он в разных местах своих сочинений ясно отмечает отношения, существующие между ними и их рабочими; но зато преступления свободы торговли он сумел охарактеризовать с беспримерной полнотой.

«Двух томов не хватило бы,— говорит Фурье (в «Новом Индустриальном Мире»), чтобы перечислить, опуская детали, все грехи и преступления коммерции. Все виды коммерческих обманов достигли теперь такого совершенства и разнообразия, что для их описания потребовалось бы сочинение, по об'ему превосходящее знаменитую энциклопедию. Но я не намерен здесь заняться описанием всех грехов коммерции. Я коснусь только некоторых из них, чтобы показать, что анализ торгового аппарата представляет собой совершенно новую, еще неисследованную экономистами отрасль науки».

«В чем же причина чудовищного невежества ученых в вопросах торговли?» вопрошает Фурье и отвечает: «В том, что до сих пор не додумались заняться этим вопросом аналитически, вследствие чего ученые, дебатировавшие об этой стороне экономической жизни, сами не знали, о чем они спорят».

Фурье дает «Синоптическую таблицу (36) характерных черт коммерции в строе цивилизации» [Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 219] *).

В этой таблице перечислены 36 преступлений коммерции. «Настоящий перечень может быть еще значительно увеличен,— замечает

---

*) **Синоптическая таблица характерных черт коммерции в строе цивилизации,** расположенная в форме смешанной серии.

Стержневые особенности. ✕
- У Общественный интерес, принесенный в жертву индивидуальному.
- Л Посредническая собственность
  1) Двойственность действия.
  2. Произвольная оценка.
  3. Распущенность мошенничества.
  4. Отсутствие солидарности.
  5. Извлечение капиталов.
  6. Уменьшение заработной платы.
  7. Искусственное засорение.
  8. Избыток, ведущий к депрессии.
  9. Обратное присвоение.
  10. Разрушительная политика.

Фурье,— я намерен их довести до 60 в «Трактате о реформе коммерции». Среди этих характерных черт многие давно уже известны, и особенности ажиотаж, ростовщичество, банкротство. Между тем, можно ли найти среди тысячи трактатов о коммерции хотя бы по одному определению этих трех характерных черт, т.-е. классификацию всех видов банкротства, ростовщичества и ажиотажа? Нет, и в доказательство я дам в нижеследующем классификацию 36 видов банкротства; точно также я дам классификацию всех видов ростовщичества и ажиотажа, которую не пытался дать никто из экономистов; ясно, что, сочинив столько трактатов по вопросам коммерции, никто из них еще не сделал первого шага в области теории, т.-е. не дал определений...

«То же самое мы видим во всех областях неточных наук; никто из занимающихся ими не хочет даже дать анализа предмета, относительно которого сфабрикованы горы томов; вот почему в сущности сами трактующие о предмете не знают, о чем они трактуют. Я это доказал на вопросе о свободе; никто до сих пор не проанализировал

11. Оцепенение или отсутствие кредита.
12. Фиктивные индивидуальные деньги.
13. Запутанность казны.
14. Эпидемические преступления.
15. Обскурантизм.

16. Паразитизм.
17. Скупщичество.
18. Ажиотаж.
19. Ростовщичество.
20. Бесплодный труд.
21. Промышленные лотереи.

22. Корпоративная монополия.
23. Фискальная »
24. Экзотическая или колониальная »
25. Морская »
26. Феодальная или кастовая концентрированная »

27. Провокация.
28. Потеря.
29. Подделка.
30. Санитарный вред.

Двухсложный переход, прямой и обратный.

К: V Пропорциональное господство. W Восстанавливающаяся конкуренция.

Ж: ∧ Полная простая монополия. ∧∨ Полная сложная монополия.

Многие из приведенных в этой таблице „характерных черт" (или, как выражается Фурье, „характеров") становится возможным понять только после соответствующих об'яснений, даваемых автором в дальнейшем. Мы привели эту таблицу, как образчик страсти Фурье к такого рода изображениям, которые едва ли могли способствовать благоприятному отношению к его писательской манере со стороны критики.

ни трех ее видов, ни семи ее характерных черт, ни их стержневых особенностей; а между тем, сколько томов написано о свободе раньше, чем в изучении этого вопроса был сделан первый и требуемый самой философией, которая оперирует путем анал и синтеза» *).

В нижеследующем остановимся подробнее на некоторых из рактерных черт коммерции, как из числа указанных в таблице, и на других, приводимых Фурье в разных местах своих сочинен в дополнение к ней.

1. Скупка товаров принадлежит к числу самых отвра тельных торговых приемов, так как затрагивает промышленность в самом чувствительном пункте. Лишь только начинает чувствоваться недостаток в каком-нибудь товаре или продукте, то зорко следящие за рынком скупщики принимают все меры к усилению бедствия. Они прилагают все усилия к тому, чтобы захватить в свои руки все имеющиеся на рынке запасы, подстеречь те, которые должны получиться, дабы их заблаговременно изъять из обращения, удвоить и утроить цены на них посредством приемов, внушающих представление об их редкости, и распространить среди публики страхи, в неосновательности которых убеждаются, когда уже поздно. В промышленном организме они играют роль банды мародеров, которые бросаются на поле сражения, чтобы обобрать раненых и усилить их страдания.

«Есть одно политическое обстоятельство, из которого скупщики теперь извлекают пользу. В период революции их преследовали якобинцы; и хотя из этих преследований они вышли более окрепшими, чем были ранее, они всякого, подымающего против них голос, обвиняют в якобинизме. Но разве неизвестно, что якобинцы одинаково избивали людей различных категорий — честных и разбойников? Разве они не послали на тот же эшафот Эбера и Малерба, Шометта и Лавуазье? Но из того, что эти люди стали жертвами той же самой партии, следует ли, что их нужно смешивать и говорить, что Шометт и Эбер — прекрасные люди, потому что, подобно Малербу и Лавуазье, они были казнены якобинцами. То же самое нужно сказать относительно скупщиков и ажиотеров, которые не перестали быть дезорганизаторами, коршунами, грабящими честных промышленников только потому, что их когда то преследовали враги порядка.

«Однако, у них нашлись хвалители среди класса ученых, называемых экономистами, и в настоящее время нет более почетных занятий, чем скупка и ажиотаж, которые на языке нашего времени

*) Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 220 — 221.

называются спекуляцией и банком, ибо неудобно называть вещи своими именами *).

«Быть может, мне возразят, что если бы правительство создало преграду для свободы конкуренции, т.-е. для свободы скупки, то это повело бы к ухудшению положения. Согласен. Но этим самым вы признаете, что ваши экономисты не знают никакого средства против этого зла. Следует ли отсюда, что такого средства не нужно искать и что скупка товаров есть полезное для общества явление? Если вы не можете найти противоядия против общественного порока, то найдите в себе мужество признать, что этот порок есть общественное бедствие, не слушайте философов, восхваляющих этот порок только потому, что они не в состоянии его исправить. Когда они вам советуют терпеть ажиотаж и скупку товаров, чтобы их уничтожением не причинить обществу еще большего вреда, то их можно уподобить невежде, который советовал бы больному лихорадкой переносить безропотно эту болезнь потому, что он не знает лекарства против нее».

Фурье знает такое средство и рекомендует его.

«Когда правительство предвидит недохватку в каком-нибудь продукте, которая может повести к скупке и спекуляции, то оно должно об'явить этот продукт вне коммерческого оборота, установив цену на него достаточно высокую — на 20—25 % выше обыкновенной, чтобы поощрить ввоз; затем оно должно запретить приобретение этого продукта и торговлю им всем спекулянтам, которые его не потребляют или же не занимаются обычно его сбытом, ограничить запасы каждого негоцианта в размерах его обычного потребления или сбыта, которые он может удостоверить посредством средней цифры его покупок и продаж за несколько лет».

«Уже в строе 6 периода,— уверяет Фурье,— благодаря замене индивидуальной конкуренции общественной, будут существовать предохранительные меры против ажиотажа и скупки. Но когда нельзя найти предохранительных мер, непростительно не испытать хотя бы паллиативных средств, как об'явление продукта вне торгового оборота, которое Франция должна была принять в 1807 г. относительно хлопка, ибо процветание наших фабрик, изготовляющих хлопчатобумажные ткани, могло нанести тяжелый удар ост-индской компании и внутреннему английскому производству».

*) Th. de quatre mouv., стр. 354 — 355.

„Ростовщик теряет теперь свой первоначальный характер. Его старая роль эксплуататора нужды и легкомыслия все более отступает на задний план, выдвигая вперед роль „оплодотворителя", который дает производству возможность развиваться быстрее, чем это происходило бы при простом накоплении капитала в руках промышленных капиталистов. Отвращение к ростовщику исчезает, он становится беспорочным и получает новые благозвучные имена банкира, дисконтера и пр.„ („Эрфурт. программа", стр. 59).

2. Произвольные оценки. Хотя Фурье не сумел ясно поставить вопрос о том, чем образуется ценность товара, но он видел всю ненормальность его оценки на рынке посредством спроса и предложения, в результате чего часто страдают обе главные стороны экономического процесса — производитель и потребитель, — а выиграет один только посредник. Одно из проявлений этой ненормальности Фурье отмечает под названием произвольности оценки.

Эта произвольность оценки товара самим продавцом ведет к тому, что потребитель никогда не уверен ни в качестве, ни в стоимости купленного им продукта, т.-е. не уверен, действительно ли этот продукт того сорта, которого он желал и за который он ему продан, и стоит тех денег, которые он за него заплатил. Ведь каждый продавец имеет обычай выдавать свой товар за наилучший; слушая выкрики продавцов, можно подумать, что плохих товаров вовсе не существует, между тем, как их гораздо больше, чем хороших. Часто бывает, что покупатель, приобревший товар, проданный ему за первосортный, по высшей цене, придя домой, убеждается, что ему подсунули гниль. Результатом произвольности оценки является обычай торговаться, при котором обе стороны стараются друг друга обмануть; в результате же остается обманутым покупатель. Такой вредный и тягостный порядок вещей исчезнет при системе, где каждый выпускаемый в продажу товар будет подвергнут предварительной оценке с точным обозначением всех его свойств и качеств, и где обе стороны, т.-е. продавец и покупатель, нисколько не будут заинтересованы в том, чтобы кто-нибудь из них вышел из сделки обманутым. Даже при нынешнем строе можно было бы уничтожить это зло, создав оценочную комиссию из незаинтересованных лиц, которая гарантировала бы справедливость как покупателю, так и продавцу.

3. Торговый паразитизм или конкуренция среди торговцев. Я уже заметил, — говорит Фурье, — что, благодаря существующим у нас порядкам, мы употребляем сто рабочих там, где при строе ассоциации потребовалось бы всего двое или трое, и что, начиная с 7 периода, для снабжения населения целого города всем необходимым, достаточно будет 20 человек вместо тысячи крестьян, приезжающих на базар. В коммерческом механизме мы еще столь же неопытны, как народы, не знавшие употребления мельницы, у которых для размола зерна работало 50 рабочих там, где теперь может управиться один мельник. Излишество торговых агентов теперь обыкновенно, доходит до того, что их в четыре раза больше, чем требуется.

«С тех пор, как философия начала проповедывать любовь к торгашеству, мы видим, что торговый дух проник в деревню. Главы семей уклоняются от своего прямого дела — земледелия, — чтобы заняться

мыслом раз'езжего торговца; имея для продажи какого-нибудь жал-
теленка, они теряют целые дни, скитаясь по ярмаркам, заезжим
ам и трактирам. Особенно часто этот скверный обычай наблю-
ся в местностях, где крестьяне занимаются виноделием; всюду
бодная конкуренция доводит до бесконечности число тор-
ев и торговых агентов. В больших городах, как Париж, можно
итать до 3.000 бакалейных лавок; между тем, их нужно не более
, чтобы обслужить обычные потребности населения. Такое же
ие агентов мы наблюдаем в маленьких городах. В каком-нибудь
дишке, куда в настоящее время наезжает в год до 100 коммиво-
ров и столько же всякого рода других агентов, до 1788 г. нельзя
встретить больше десяти, а между тем, и при таком числе аген-
не чувствовалось недостатка ни в с'естных припасах, ни в пред-
ах одежды, которые можно было приобресть по умеренным ценам,
число торговцев было значительно меньше нынешнего числа.

«Эта конкуренция многочисленного класса торговцев заставляет прибегать к самым рискованным махинациям, очень разорительным общества, ибо каждый излишний торговец, подобно монахам, ется паразитом на общественном теле, так как он потребляет, его не производя. Разве не считается общепризнанным, что испан- монахи, число которых доходит до 500 тысяч, могли бы произ- ги средства существования для двух миллионов человек, если бы их тавили заняться земледелием. Точно так же существуют совершенно ужные торговцы, число которых бесконечно. Когда вы познакоми- ь с коммерческими порядками 6 периода, т.-е. с общественной конкуренцией, то вы убедитесь, что торговля может обой- ь при помощи $^1/_4$ нынешнего числа своих агентов и что в одной анции имеется 1 миллион жителей, отнятых у земледелия и фа- ной промышленности, вследствие изобилия агентов, созданного бодной конкуренцией. Это для одной Франции составляет ерю ежегодно производства средств существования для четырех лионов населения, и этим мы обязаны заблуждениям экономистов.

«Кроме потери рабочих рук, нынешние коммерческие порядки ведут также к потере капиталов и товаров. Я укажу к примеру на одно из наиболее теперь обычных злоупотреблений, заключающихся в взаимоуничтожении.

«Со времени революции мы только и слышим о взаимоуничтожении среди торговцев. Вследствие своей многочисленности они с остервенением оспаривают друг у друга покупателей, ибо сбыт, вследствие обострения конкуренции, становится с каждым днем все более и более затруднительным. Город, потребляющий тысячу бочек сахара, не станет потреблять его больше только потому, что число

торговцев увеличилось с десяти до сорока, а такое непомерное увеличение последних происходит во всех городах Франции. Теперь на каждом шагу можно слышать, как эти массы торговцев жалуются на плохие дела, между тем, как им следовало бы жаловаться на избыток торговцев. Их соперничество сводится к взаимоистреблению. Чтобы сокрушить противников, они пускаются на рискованные приемы, не останавливаясь перед безумными расходами. Напрасно думают, что купец только раб барыша; он еще более способен стать рабом тщеславия и чувства зависти. Немало торговцев разоряется из-за одного только тщеславия ворочать громадными делами, другие разоряются из мании уничтожения своего конкурента, успех которого приводит их в отчаяние. Тщеславие торговцев отличается чрезвычайной силой, хотя они умеют его ловко скрывать; и если трофеи Мильтиада не давали спать Фемистоклу, то в неменьшей степени хорошие дела какого-нибудь лавочника причиняют бессонные ночи его соседу. Вот чем об'ясняется эта бешеная конкуренция, которая приводит стольких купцов к разорению и взаимоистреблению, вследствие колоссальных издержек и потерь, падающих в конце концов на потребителя, ибо от всех этих потерь и издержек страдает в конце концов социальный организм» *).

4. Понижение заработной платы тоже вытекает из обычая торговаться, произвольно назначать цену на сырье и фабрикаты, а последнее обстоятельство, в свою очередь, заставляет фабрикантов стремиться к возможному понижению заработной платы и строить на этом свой успех. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть на наши фабрики и увидеть, какая нужда царит среди наших рабочих. В будущем строе, который будет совершенно отличен от нынешнего, тоже будет существовать конкуренция, но она будет идти не во вред, а в пользу рабочего, ибо целью ее будет не взаимное истребление, а усовершенствование продуктов производства; а для этого придется повысить активность и заинтересованность рабочих, путем улучшения условий труда. Размышляя о нынешней экономической жизни, о понижении заработной платы, будущей рядом с усовершенствованиями в производстве, приходишь к выводу, что всякий, кто содействует прогрессу экономической жизни, является врагом человека и человечности **).

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 373 — 376.

**) Сущность рабочего вопроса, как мы видим из предыдущего и еще более убедимся из дальнейшего, не ускользнула от понимания Фурье, но ученики его смели яснее и резче ее формулировать. Так, Пелларен в статье „Недостаточность экономических паллиативов" в „Мирной Демократии" пишет: „Надеяться исцелить страдания трудящихся классов, ничего не изменяя в существующих отношениях

5. Мнимая свобода сделки. Экономисты восторгаются совершенством современного торгового механизма, которое они видят в том, что обе стороны вольны совершить сделку или отказаться от нее. Конечно, в сравнении с эпохой варварства, или с тем временем, когда торговля была скована всякими тарифами, реквизициями, таксами, нынешнюю систему следует считать шагом вперед; но сама по себе она далека от тех принципов, на которых должна быть построена разумно организованная торговля; она не основана на справедливости, честности, экономии, взаимном доверии и других принципах, на которых должен быть основан обмен и при отсутствии которых невозможно говорить о совершенстве, о котором кричат экономисты. Теперешнее положение не только очень далеко от совершенства, но, наоборот, питает все пороки торговли; оно обеспечивает победу мошенникам и плутам, развивая взаимное недоверие и подозрительность, замедляя сношения и заставляя принимать целый ряд дорого стоящих предохранительных мер. Нынешняя свобода торговли ведет, таким образом, к несвободе каждого гражданина в сношениях с торговцами.

«Торговцы в настоящее время свободны,— говорит Фурье в другом месте,— но общество не свободно в сношениях с ними, потому что все принуждены делать покупки, потому что с'естные припасы и одежду можно получить только посредством покупки у торговцев; таким образом, в силу необходимости общество подчинено продавцам, мошенничества которых приходится испытывать каждому.

«Такой порядок можно назвать простой, а не двусторонней свободой; свобода целиком на стороне продавца, а не покупателя, который ничем не обеспечен от этих обманов. А между тем, необходимо было бы изобрести и ввести такую гарантию, которая подняла бы коммерческий режим на степень сложной или двусторонней свободы.

«Странная близорукость! В продолжение ста лет экономических словопрений не успели еще заметить, что коммерция в строе цивилизации носит простой характер, а не сложный; что она обеспечивает свободу только одной из участвующих в сделке сторон, а именно продавцу, а не покупателю.

«Эта истина столь же нова, как та, которую возвестил Галилей, об'явив, что вертится не солнце, а земля. Но так как изучение коммерции продолжается всего одно столетие, то не приходится

между хозяином и рабочим, между капиталистом и наемником, это значит стремиться воспрепятствовать наступлению последствий, оставляя совершенно нетронутыми их причины, т.-е. хотеть невозможного". — В том же журнале, в статье „Стачка плотников" другой автор пишет: „Рабочий, когда он стоит один на один с хозяином, отдан на полный произвол последнего" (цитировано по Буржену).

удивляться указанной ошибке, в особенности, когда мы видим, что в отношении других вопросов, например, свободы, заблуждения длились 25 и 30 веков *).

6. Дайте полную свободу торговцам!

Несмотря на все указанные недостатки, экономисты провозгласили основным принципом торговой системы свободу конкуренции, которую они выражают очень красноречивой формулой: «Дайте полную свободу торговцам!»

«Этот принцип отдает в неограниченную собственность торговцев товары, которыми они спекулируют. Они имеют право из'ять их из обращения, спрятать их и даже сжечь, как это не раз делала Амстердамская Восточная Компания, сжигавшая на глазах у всех целые склады корицы, чтобы поднять цену на этот продукт. Она проделала бы то же самое с хлебом, если бы не боялась быть разгромленной народом; она охотно сожгла бы или сгноила бы часть своих хлебных запасов, чтобы продать остальную вчетверо дороже. Э! разве мы не видим, как в портах ежедневно выбрасываются большие запасы зерна, которые торговцы сгноили, не выпуская их на рынок в ожидании поднятия цен? Я сам в качестве приказчика принимал участие в этих бесстыдных проделках; я однажды велел выбросить в море 20 тысяч квинталов испорченного риса, который можно было заблаговременно продать с вполне приличной прибылью, если бы не жадность владельцев. И вот мы видим, что социальный организм страдает на каждом шагу от этих потерь и проделок, ежедневно практикуемых под защитой философского принципа: «Дайте полную свободу торговцам!» **)

«Предположим,—говорит Фурье,—что во время голода, какой, например, был в 1709 г., могущественная торговая компания скупит все зерно в какой-нибудь стране, которая вследствие внешних политических обстоятельств, будет поставлена в невозможность ввезти хлеб из соседней страны, а затем, ссылаясь на то, что зерно составляет ее собственность, потребует за него цену, вчетверо превосходящую его стоимость. Представители компании, опираясь на современую экономическую науку, заявит: «пусть тот, кто не в состоянии платить, умирает с голоду; ведь мы пользуемся своим правом, согласно принципам свободной торговли, освященным современной философией».

Спрашивается, чем образ действия этой компании отличался бы от поведения шайки разбойников? Как и в случае насилия разбойников в нашем примере нация под угрозой быть доведенной до смерти

*) Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 195 — 196.
**) Th. de quatre mouv., стр. 357 — 358.

голодом, принуждена была бы уплатить упомянутой компании барыш, равный тройной стоимости отпущенного ею хлеба.

Вспомним, что упомянутая компания, согласно учению о свободной торговле, имеет право не продавать своих запасов, какую бы цену ей ни предлагали, и, таким образом, сгноить хлеб, в то время, как народ будет погибать. Неужели же мы, положа руку на сердце, будем оставаться при этом нелепом воззрении, что народ должен умереть с голоду в честь прекрасного принципа, установленного философией: «Дайте полную свободу торговцам!» Конечно, нет. Поэтому следует признать, что право свободной торговли должно быть подвергнуто ограничениям в интересах всего социального организма и что человек, владеющий продуктом, которого он не произвел и которого он не потребляет, должен быть признан его условным хранителем, а не неограниченным собственником. Нужно признать, что коммерсанты или посредники обмена в своих операциях должны подчиняться общему благу и не пользоваться полной свободой вредить этому благу посредством предосудительных маневров, приводящих в восторг наших экономистов *).

Фурье доказывает вред свободы торговли еще одним примером, а именно: громадным повышением в 1807 году цен на колониальные продукты — сахар, кофе, хлопок и т. п.

«Я коснусь только,— говорит Фурье,— истории с хлопком, испытавшим особенно сильное вздорожание и являющимся в то же время крайне необходимым материалом для нашей мануфактурной промышленности, развивающейся, благодаря стараниям нашего императора.

«В последнюю осень можно было предугадать, что в доставке колониальных товаров, в частности, хлопка, произойдет задержка; но не было основания предполагать, чтобы французские фабрики испытали нужду в этом продукте, так как на складах в это время имелся запас, достаточный для обеспечения их этим материалом в продолжение целого года. Если бы государство дало себе труд подсчитать все запасы, оно легко убедилось бы в этом. Но в дело вмешались скупщики, которые овладели имевшимися запасами и заперли их в своих складах. Последовало повышение цен на хлопок вдвое, грозившее гибелью большинству французских фабрик, которые не были в состоянии поднять цены на ткани соответственно ценам на пряжу; в результате значительное число фабрик закрылось,— рабочие остались без работы.

«Однако, на рынке не было недостатка в пряже. Напротив, богатые прядильщики сами сделались скупщиками, спекулировавшими

*) Th. de quatre mouv., стр. 357 — 359.

на имевшемся у них излишке. Этот излишек, таким образом, очутился в руках ажиотеров, лишивших постоянного потребителя этого продукта необходимой им нормы. Из сказанного мы видим, что фактически Франция не была лишена необходимого ей количества пряжи и не находилась под угрозой такого лишения. Этого нельзя отрицать. Каковы же были результаты свободной торговли или свободной конкуренции? При этом сочетании обстоятельств она привела к следующему: 1) она привела к удвоению цен на предметы первой необходимости, в которых не было действительного недостатка; 2) к быстрой дезорганизации мануфактур, воздвигнутых медленно и с трудом; 3) к обогащению коалиции скупщиков и ажиотеров за счет полезной отрасли производства и к досаде монарха, которому они причинили большие неприятности, разрушив дело его рук. Таковы неоспоримые истины» *).

7. Фиктивные индивидуальные деньги. Правительства, как и народы, согласны в том, что надо наказывать смертью подделывателей как денег, так и государственных бумаг. Осуждают на смертную казнь подделывателей банкнот и кредитных билетов. Очень мудрая мера предосторожности. Но почему торговля пользуется этим правом подделки, за которую другие люди попадают на виселицу?

«Каждый выданный купцом вексель таит в себе зародыш подделки, так как совершенно неизвестно, будет ли он когда-нибудь оплачен. Всякий, кто спекулирует на свою будущую несостоятельность, наводняет обращение своими векселями, по которым и не думает когда-либо платить. Этим он фактически сфабриковал и распространил фальшивые деньги.

«Могут возразить, что всякий иной пользуется той же привилегией, что и собственник, подобно купцу, который может пускать в обращение векселя.

«Это неверно. Собственник этого не может. Право есть только иллюзия, если его нельзя осуществлять; пример: — конституционное право народа на суверенитет — пышная прерогатива, при которой плебей даже не в состоянии пообедать, когда у него в кармане нет ни одного су. А ведь очень далеко от притязания на народовластие до претензии на обед. Многие права существуют точно таким же образом на бумаге, но не в действительности, и их предоставление является насмешкой над тем, кто не может даже обеспечить за собой право во сто крат меньшего значения.

«Точно так же обстоит у собственника с выпуском векселей. Он имеет право выдавать векселя, как плебей — требовать суверенитета; но владеть правом и осуществлять его — две очень различные вещи.

*) Th. de quatre mouv., стр. 360 — 362.

Никто не примет у собственника векселя без обеспечения, к нему отнесутся, как к фальшивомонетчику. Потребуют закладной на совершенно свободную от долгов недвижимость, да в придачу еще ростовщические проценты. Такою ценою его векселя были бы помещены; при таком покрытии они стали бы деньгами с действительной стоимостью, а не фальшивыми деньгами, как векселя торгаша, который, в силу своего титула «друга торговли», находит пути пустить в обращение «хороших» векселей на миллион, не имея за душой, в качестве гарантии за этот миллион, и сотой его части, каких-нибудь 10.000 франков... Если бы какое-нибудь правительство попыталось так поступить, не справившись с общественным мнением, не сделав мотивированного представления, оно разрушило бы свой кредит, оно подвергло бы свою страну политическим смутам...

«Из сказанного следует, что купец имеет возможность выпускать фиктивные деньги в форме векселей (двенадцатая особенность),— преступление, равносильное подделке монеты, за что мошенники других классов идут на виселицу,— и что торговая система цивилизованного общества узаконяет и защищает соревнование в обмане [третья особенность]» *).

§ 7. Кризисы от изобилия.— Фальсификация продуктов.— Банкротства.— Косвенные последствия принципа свободы торговли.

Кризис от изобилия (дословно от «полнокровия» plethore). Одной из характерных особенностей капиталистического хозяйства являются кризисы, потрясающие время от времени хозяйственный организм. Фурье обнаруживает большую проницательность при анализе этого явления. Его об'яснение кризиса 1825 — 26 г.г. совпадает с об'яснением, даваемым подобным явлениям Эрфуртской программой, если только исправить ее обычную ошибку, заключающуюся в том, что торговому капиталу он часто приписывает то, что следовало бы приписать капиталу промышленному **).

«Так называемая экономическая наука,— говорит наш автор,— старается изобразить скупщиков и ажиотеров какими-то глубокомысленными гениями, между тем, как в действительности они не более, как невежды, игроки, авантюристы, мошенники, терпимые обществом.

*) Из „Отрывка о Фурье" Энгельса, цит. по журн. „Под знам. марксизма", 1923 г., № 4.

**) „И действительно, начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов, равно как их более или менее варварских соседей, приблизительно раз в десять лет сходят с рельс... С 1825 г. мы уже шесть раз пережили этот круговорот и теперь (в 1877 г.) переживаем его в шестой. Характер этих кризисов до такой степени очевиден, что Фурье определил их все разом, назвавши каждый из них кризисом от излишка — crise pléthorique. (Энгельс).

Явным доказательством этого может служить 1826 год, когда при полном спокойствии и после 10 лет регулярной жизни, вдруг наступил застой, тем более непредвиденный, что все газеты восторгались новыми шансами, открывающимися для торговли, благодаря эмансипации обеих Америк. Каковы были причины этого кризиса, сущность которого была так плохо понята? Он был результатом сложной игры двух характерных черт коммерции — противного течения, вследствие полнокровия и обратного воздействия на эту неудачу (le refoulement pléthorique et le contre-coup d'avortement).

«Противное течение (refoulement) является периодическим последствием слепой жадности купцов, которые в случае открытия нового рынка сбыта, посылают туда сразу в 4 раза больше товара, чем требуется. В обеих Америках едва ли насчитывается до 40 миллионов жителей; за вычетом диких, негров и полуголого испанского населения южных стран, остается не более 20 миллионов нуждающихся в одежде; если же туда ввозится товар для 100 миллионов населения, то образуется завал (engorgement) и «противное течение». Так именно поступали наши и английские торговцы одеждой в 1825 г.; они завалили обе Америки своими товарами, так что образовался запас на 3 — 4 года; результатом был полный застой на рынке, обесценение товаров и банкротства, что явилось неизбежным последствием переполнения рынка, происшедшего, благодаря легкомыслию купцов, всегда переоценивающих нормальные потребности публики в том или другом товаре. И в самом деле, можно ли ожидать от толпы торговцев, завистливых и ослепленных жадностью, чтобы она правильно судила о пределах возможного вывоза?

«Этого неправильного образа действия было достаточно, чтобы вызвать банкротства фабрикантов и потрясения на рынке; но тут внезапно вмешалось другое обстоятельство, как бы для того, чтобы усилить бедствие. Скупщики хлопка в Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе, Чарлстоуне и др. городах, по соглашению со своими доверителями из Лондона, Амстердама, Гавра и Парижа решили скупить весь хлопок, имеющийся на рынке. Но так как в Египте и других производящих хлопок странах урожай этого продукта был очень обильный, то операция эта потерпела поражение; повышение цен на хлопок было лишь кратковременной вспышкой; американские коршуны, а также их сообщники в Европе, стали задыхаться. Застой, причиненный кризисом от избытка, привел к остановке фабрик; скупщики, рассчитывавшие на повышение, не в состоянии были продать свой товар и по низким ценам, и потерпели крах. Сорвавшаяся в Америке махинация обратным ударом привела к банкротствам и в Европе.

«Таким образом, этот кризис, над об'яснением которого изощрялись наши экономисты, явился результатом двух совпадавших причин: противного течения, вследствие полнокровия, и обратного воздействия на эту неудачу*).

«Газеты и авторы, писавшие об этом предмете, впадали в одну и ту же ошибку: они обращали внимание на одну только причину (иногда недостаточно ясно определяемую) — на беспорядок, происшедший от единовременного действия двух причин; никто из них не имел мужества одновременно высказаться о той и другой; все их внимание было направлено на то, чтобы обелить оба класса, причинившие это бедствие своими противоречивыми действиями, так как один из них запрудил рынки громадным излишеством товаров, а другой ограбил у этих рынков необходимые запасы, вследствие чего получилось, с одной стороны, безумное изобилие, а с другой — мучительная недостача. Излишество во всем и расстройство, благодаря этому, торгового механизма — вот современная коммерция, предмет поклонения глупцов.

«Часто 3 и 4 причины действуют одновременно на какую-нибудь коммерческую махинацию. Как можно достичь исцеления зла, когда наши экономисты, вместо того, чтобы заняться разматыванием этого клубка причин, стремятся их замаскировать и изобразить их верхом мудрости» **).

---

*) Вот картина кризиса, даваемая К. Каутским в комментарии к „Эрфуртской программе".

„Крупные современные кризисы, потрясающие всемирный рынок, являются следствием перепроизводства, которое, в свою очередь, вытекают из неизбежного при товарном производстве отсутствия планомерности..."

Развивающаяся торговля связывает между собой различные отдаленные один от другого рынки. Общий рынок от этого сильно расширяется, но в то же время становится необозримым для производителя. Это затруднение еще усиливается вмешательством торговых посредников, отделяющих производителя от потребителя. Вместе с тем, благодаря развитию торговли и средств сообщения, товары становятся все подвижнее. Достаточно ничтожного повода, чтобы они в громадном количестве устремились к одному пункту.

Все расчеты относительно спроса, с одной стороны, и количества заготовленных для рынка товаров, с другой — становятся все менее верными... Вся экономическая жизнь становится все в большую зависимость от торговой спекуляции... „Сотни и тысячи конкурентов зорко подстерегают всякое благоприятное обстоятельство, и кто первый воспользуется, тот и получит наибольшую выгоду... Тем временем громадно разросшееся производство успевает удовлетворить повышенный спрос, пред'явленный рынком, но не перестает расти... Сбыт же произведенных в излишестве товаров затрудняется, идет медленнее; склады торговых домов начинают переполняться, а горячка все еще продолжается. Но вот один из торговых домов должен уплатить фабриканту за забранные несколько месяцев тому назад товары, а эти товары еще не проданы; денег нет, и торговый дом банкротится. Вслед за этим банкротится и обманувшийся в расчетах фабрикант, у которого тоже нет денег, а есть срочные платежи. Банкротство следует за банкротством. Все приходят в смущение, слепое доверие сменяется страхом, наступает всеобщая паника, и крах готов. Вся экономическая жизнь глубоко потрясена... Тысячи рабочих и ремесленников пропадают от голода и холода потому, что произвели слишком много пищи, одежды, жилищ и пр...." (Цит. соч., стр. 85 — 92).

**) Nouveau Monde ind. et soc., стр. 392 — 394.

Чрезвычайное изобилие капиталов на одной стороне и крайняя недостача на другой. «На каждом шагу можно убедиться, как капиталы приливают к классу непроизводительному. Банкиры и купцы часто жалуются на то, что не знают, куда приложить свои капиталы... Все деньги сосредоточиваются в коммерции, которая, подобно вампиру, высасывает кровь из промышленного организма, толкая производительные классы в объятия ростовщиков. Вследствие этого, годы изобилия становятся проклятием для земледельца. Неурожай, подобно бывшему в 1816 году, обременяет земледельца долгами, а изобилие продуктов, как в 1817 г., довершает его разорение, заставляя его продавать зерно сразу и по цене, ниже его действительной стоимости, чтобы иметь чем заткнуть глотку кредитору. Таков современный индустриальный механизм, отвлекающий отовсюду капиталы, чтобы их сосредоточить в коммерции, и заставляющий земледельца, путем обратного действия, вздыхать, вследствие изобилия продуктов, которых он не может ни продать выгодно, ни употребить, так как потребление в строе цивилизации носит «обратный» (inverse) характер, т.-е. в нем не участвует класс, производящий все продукты. Вот почему собственники и земледельцы доведены до нелепости: желать бедствий, града и мороза. В июне 1828 года можно было наблюдать панику во всех винодельческих местах, вызванную опасением хорошего урожая, который должен был привести к депрессии, вследствие изобилия.

Не достаточно ли этих чудовищных примеров, чтобы убедиться, что современная коммерция, как и весь механизм цивилизации, есть мир на выворот [un monde à rebours]?» *)

Фальсификация продуктов. Пора, наконец, чтобы общество и его руководители открыли глаза на лживость и двойственность современной торговой системы и на все ее злоупотребления, в числе которых не последнее место должно отвести фальсификации продуктов. Дело дошло до того, что следовало бы приветствовать введение правительственной монополии, которая снабжала бы население, по крайней мере, нефальсифицированными продуктами по определенной цене, между тем, как у нынешних торговцев невозможно почти получить продукты вполне натуральные. В Париже нельзя достать стакан натурального молока или нефальсифицированной водки; пирожные делаются не из натурального сахара (каким тогда считался тростниковый), а из свекловичного... **)

Давно пора было бы прийти к мысли,— говорит Фурье в другом месте,— о необходимости реорганизовать эту клоаку, этот нелепый

*) Nouveau Monde ind. et soc., стр. 395.

**) Для облегчения сбыта и сокращения времени приготовления все наши продукты подвергаются подделке. Современная нам эпоха названа будет „веком

механизм современной цивилизации, являющийся западней для всех людей, для всего человеческого рода и ведущий к его обнищанию и вырождению.

Говорят, что люди во все века были одинаковы, и наши предки были не честнее нас: однако, еще полстолетия тому назад можно было достать натуральные продукты и прочно окрашенные ткани; теперь же повсюду господствуют мошенничество и проделки, которые из города начинают проникать в деревню. Молочные продукты, масло, вино, водка, сахар, кофе, мука — все фальсифицируется самым бесстыдным образом. Торгашеский дух проник так глубоко, что даже в деревне теперь, вместо натуральных продуктов, вам поднесут за ваши деньги медленно действующие яды.

Банкротства. Сатирические выпады Фурье против современной коммерции приобретают особую остроту и яркость, когда он переходит к описанию мошеннического трюка, называемого банкротством, где ложь и обман, составляющие сущность торговли в строе цивилизации, выступают в самом неприкрытом виде.

«Когда преступление становится частым,— так начинает Фурье главу о банкротстве в «Теории четырех движений»,— то привыкают глядеть на него без волнения. В Италии или Испании население очень хладнокровно наблюдает, как наемный убийца поражает кинжалом намеченную жертву, а затем, чтобы избегнуть наказания, скрывается в церковь. В Германии и Франции, где народному характеру чуждо предательство, подобное убийство вызвало бы такое негодование, что убийца был бы растерзан на части самим народом раньше, чем он попал бы в руки властей.

«Много можно видеть других преступлений, терпимых у одной нации и вызывающих отвращение у другой. В Италии, например, можно часто видеть, как родители уродуют и губят своих детей под предлогом усовершенствования их голоса; служители доброго бога поощряют подобные жестокости, предназначая эти несчастные жертвы для службы алтарю. Такие гнусные поступки способны вызвать негодование в людях других наций. Среди французов, немцев, русских или англичан можно найти другие возмутительные явления, которые подобным же образом подействуют на итальянца или испанца.

«Если в период цивилизации обычаи и взгляды отдельных народов столь различны, то насколько они должны различаться в различные социальные периоды? В 6 периоде — гарантизме, далеком еще от совершенства, с трудом будут верить, что империи, называющие себя

фальсификации* — подобно тому, как первые эпохи истории человечества по характеру их орудий производства получили названия каменного, бронзового веков (П. Лафарг, цит. соц., стр. 25).

просвещенными и благоустроенными, и имевшие определенные теории касательно собственности и права, хоть одну минуту могли терпеть такие гнусности, как банкротства.

«Банкротство, это — самое искусное и самое бесстыдное из всех мошенничеств; оно гарантирует всякому аферисту возможность украсть у общества сумму, пропорциональную его состоянию и кредиту, так что богатый человек может себе сказать: «Я сделаюсь коммерсантом в 1808 г. с тем, чтобы ровно через 2 года украсть столько то миллионов безразлично у кого».

«Оставим в стороне новый французский кодекс, обещающий бороться с банкротством. Так как многие относятся скептически к этому обещанию и уже указывают средства обойти этот новый закон, то предоставим решение этого вопроса административной практике (*если предположить, что цивилизация просуществует еще столь долго*, чтобы можно было произвести подобный опыт), а пока займемся вопросом со стороны нам вполне известной: начнем с беспорядков, причиняемых философскими учениями и в особенности принципом: «Предоставьте торговцам полную свободу, не требуя никакой гарантии в осмотрительности, честности, платежеспособности каждого из них».

«Отсюда, среди прочих преступлений берет начало банкротство— грабеж более отвратительный, чем тот, который практикуется на больших дорогах; но в цивилизации до того к нему привыкли, что существуют даже «честные» банкротства, т.-е. такие, при которых спекулянт крадет только половину».

Фурье перечисляет 36 видов банкротства *) и обещает увеличить перечень их до 72. Фурье дает целый ряд трагикомических, по временам художественных, картинок банкротств разных видов. Ограничимся для примера одной из них.

---

*) Вот таблица 36 видов банкротств, распределенных по категориям.

Правая или восходящая ветвь. Легкие разновидности.

I. Невинные.
1. Детское банкротство.
2. Отчаянное »
3. Замаскированное банкротство.
4. Посмертное »

II. Почтенные.
5. Простецкое банкротство.
6. Сумасбродное »
7. Беспринципное »

III. Соблазнительные.
8. Милое банкротство.
9. Банкротство хорошего тона.
10. Галантное банкротство.
11. Банкротство из благоволения.
12. Сентиментальное банкротство.

Жирное банкротство. Банкир Дорант, владелец двухмиллионного состояния, хочет скорее довести его до 4 или 5 миллионов. Так как он известен, как человек богатый, то легко получает кредит до 8 миллионов — в векселях, товарах и пр. Он, таким образом, может спекулировать кругленькой цифрой в 10 миллионов. Он ударяется в ажиотаж, в игру товарами и государственными процентными бумагами. Положим, что в конце года он не только не удвоит своего двухмиллионного капитала, но потеряет его на указанных спекуляциях. Вы думаете, что он разорен? — Ничуть. Он теперь владеет четырьмя миллионами, как если бы ему посчастливилось в спекуляциях. Ведь у него остается в кармане 8 миллионов, полученных в кредит. При посредстве честного банкротства он устраивается так, что уплачивает половину,— и то в рассрочку на несколько лет. Таким образом, потеряв свои собственные два миллиона, он в действительности оказывается владельцем украденных у публики 4 миллионов. Нечего сказать, хороша эта свобода торговли! Теперь вы понимаете,

---

Центр серии. Грандиозные разновидности.

IV. Тактики.

13. Жирное банкротство.
14. Космополитическое банкротство.
15. Многообещающее »
16. Трансцендентное »
17. Постепенное »

V. Маневрирующие.

18. Банкротство беглым огнем.
19. » сомкнутым строем.
20. » походным маршем.
21. » рассыпным строем.

VI. Агитаторы.

22. Банкротство в большем стиле.
23. Размашистое банкротство.
24. Банкротство à la Attilla.

Левая или нисходящая ветвь. Грязные разновидности.

VII. Коварные и плуты.

25. Банкротство с целью обеспечения.
26. » вне ряда.
27. » crescendo.
28. Ханжеское банкротство.

VIII. Мелюзга.

29. Банкротство фантазеров.
30. » инвалидов.
31. Азартное банкротство.
32. Свинское »

IX. Фальшивые братья.

33. Мошенническое банкротство.
34. Злостное »
35. Банкротство на-утек.
36. Комическое банкротство.

почему можно часто слышать в мире негоциантов: «он хорошо поправился после своего несчастья».

«Но помимо этого, Дорант после мошеннической утайки 4 миллионов сохраняет незапятнанным свое имя честного и уважаемого гражданина; его не называют «счастливым мошенником», а «несчастным негоциантом».

«Обдумывая свое будущее банкротство, Дорант мало-по-малу разными способами завоевал общее расположение. Пирушки и празднества, устраиваемые им в городе и на лоне природы, создали ему множество горячих сторонников. Золотая молодежь на его стороне. Красавицы с соболезнованием говорят о его «несчастьи» (это слово стало теперь синонимом банкротства); все превозносят его за его благородный характер и уверяют, что он достоин лучшей участи. Слушая этих красноречивых защитников банкрота, можно подумать, что он несчастнее тех, у которых отнял все состояние. Вся вина сваливается на политические события, на несчастные условия и другие обстоятельства, характеризуемые словечками, заимствованными из лексикона нотариусов, употребляющих все свое красноречие, чтобы задержать атаку раздраженных кредиторов. Выдержав первый натиск, Дорант пускает в ход несколько посредников, смазывающих кого нужно кругленькой суммой, — и вскоре общественное мнение оказывается так ловко обработанным, что тот, кто посмеет выступить с упреком против Доранта, будет обвинен в людоедстве. Помимо того, те, у которых он захватил наиболее солидные суммы, находятся где-нибудь на расстоянии 100 или 200 миль, в Гамбурге или Амстердаме. Они со временем успокоятся. Их отдаленный ропот не может иметь влияния на общественное мнение Парижа. Да, наконец, Дорант ограбил своих кредиторов только наполовину, а согласно обычаям цивилизации, тот, кто утащил только половину, более несчастен, чем виновен. Таким Дорант с первого момента своего несчастья считается в глазах общественного мнения. А спустя какой-нибудь месяц внимание общества будет отвлечено другими банкротствами, более сенсационными, где кредиторы обворованы на $^2/_3$ или $^3/_4$, что бросает очень выгодный свет на Доранта, ограбившего своих только наполовину. Впрочем, дело Доранта уже старое, преданное забвению. Дом Доранта постепенно снова открывается для публики, его повар снова царствует над ее помыслами, и звон посуды и бокалов заглушает крики некоторых желчных кредиторов, которые не хотят ничего слышать о «несчастьи» и не хотят принять участия в веселой компании.

«Так, в течение каких-нибудь полгода завершается операция, посредством которой Дорант и ему подобные крадут миллионы у публики, разоряют семьи, отдавшие им на сохранение свои небольшие

сбережения, и втягивают честных негоциантов в банкротства, благодаря которым они без вины попадают в компании мошенников. Банкротство, это — социальное преступление, носящее эпидемический характер (14 характерная черта коммерции) и налагающее иногда на честного человека печать негодяя. Честный негоциант, потерпевший от 20 злостных банкротств, сам принужден прекратить платежи.

«Это дает возможность всем банкротам-мошенникам, составляющим $^9/_{10}$ этой клики,— прикидываться честными людьми, пострадавшими от несчастья, и они все кричат в один голос: «меня следует пожалеть, а не порицать». Послушать их,— они все маленькие святые; они похожи на тех каторжников, которые уверены, что ничего *плохого не сделали*» *).

В другом месте Фурье со свойственным ему остроумием в общих чертах изображает, как в современном коммерческом мире при содействии закона, представителей власти и общественного мнения обделывается афера, называемая банкротством.

Сначала банкрот извещает свои жертвы письменно об ожидающей их участи. В этих письмах крах изображается, конечно, в таких красках, чтобы кредиторы признали его роковым происшествием, вызванным превратностями судьбы. После этого на сцене появляется нотариус со своей свитой. В ожидании хорошего вознаграждения он не жалеет своего красноречия и обставляет все дельце с ловкостью и уменьем пройдохи-режиссера. Он восхваляет банкрота, как честного коммерсанта, прекрасного человека и отличного гражданина. Жена банкрота изображается, как нежная мать, жертвующая собой постоянно для блага детей, банкрот — как добродетельный отец, воспитывающий их в духе самой искренней преданности конституции; вся семья проникнута самой горячей любовью ко всем кредиторам и к каждому из них в отдельности. Нужно быть поистине чудовищем, чтобы отказать в содействии такому семейству, чтобы не дать ему снова подняться; такое содействие является даже обязательным для всякого честного человека.

Речь нотариуса находит сочувственную поддержку в лице нескольких мошенников, своевременно подкупленных; возводя глаза к небу, они апеллируют к религии и морали и призывают поочередно всех кредиторов быть милосердными к жертве неблагоприятного стечения обстоятельств, памятуя, что подобное бедствие может стрястись над всяким честным коммерсантом. Этим господам вторят несколько красивых заступниц, обладающих магическими способностями уговорить упорствующих.

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 341 — 352. См. также Nouv. Monde ind. et soc., стр. 398 — 400.

Так обрабатываются кредиторы перед заседанием, на которое они являются чрезвычайно растроганными и смущенными. Пользуясь подобным состоянием умов, нотариус предлагает им удовлетвориться 30 процентами, уверяя, что банкрот при таком расчете лишает свою семью последних средств. При благоприятных условиях нотариусу удается даже склонить кредиторов к дальнейшим уступкам и удовлетвориться двадцатью процентами. Несколько варваров, неспособных проникнуться благородными мотивами, склонны упорствовать в своем эгоизме; но особые доверенные лица, заранее вымуштрованные и искусно размещенные в различных местах залы, тотчас принимаются шопотом чернить упорствующих. «Этот — шепчут они — не знает сострадания, потому что не ходит в церковь; тот готов отнять последние крохи у семьи, потому что у него не хватает средств для удовлетворения своей жадной содержанки; третий отличается скупостью и занимается ростовщичеством. Четвертый бесчестнее всех прочих, потому что сам был банкротом и все же теперь готов утопить ближнего; у пятого каменное сердце, никогда не знавшее жалости и сострадания».

Обработанное всеми этими речами большинство в конце концов подписывает соглашение. Нотариус произносит чрезвычайно умилительную речь, в которой уверяет кредиторов, что они в сущности совершили выгодную сделку, так как при вмешательстве суда им бы ничего не досталось, между тем, как теперь, помимо других соображений, они сделали доброе дело и помогли честной семье. Все расходятся по домам растроганные, преклоняясь перед добродетелями этого несчастного, но заслуживающего уважения семейства, которое полезно взять за образец.

Косвенные последствия водворения принципа свободы торговли. «Выше в 4 главах я старался доказать, что торговля, делая вид, что служит индустрии, в действительности ее обирает со всех сторон. Таковы последствия банкротства и ажиотажа, скупки продуктов и товаров и паразитизма и излишества агентов».

Но не только на торгово-промышленную жизнь простирает свои опустошения принцип свободной торговли или свободной конкуренции.

«Менее чем в 10 лет эта анархическая конкуренция почти уничтожила лучшие театры Франции. Второй город в Империи не в состоянии поддерживать свой театр, и вскоре у нас только останутся балаганы для мелодрам и приюты странствующих комедиантов. Вскоре иностранцы, посещая наши большие города и видя там только арены литературного вандализма, станут спрашивать: какая революция уничтожила театр в центрах Франции? Им придется ответить, что театр принесен в жертву догматам экономистов,

которые, соперничая в политической мудрости с Робеспьером, заявляют: «пусть погибнет драматическое искусство для спасения экономического принципа, т.-е. анархии конкуренции».

«В действительности философы и политики не имели намерения уничтожить театры, но они поступили так, как будто это входило в их планы, ибо они не приняли ни одной меры, необходимой для отражения удара, который свободная конкуренция должна была нанести большим театрам.

«Все элементы экономической и духовной жизни более или менее дезорганизованы, благодаря системе распущенности, которая установлена для коммерции. Доказательством может служить медицина и адвокатура. В годы абсолютной свободы можно было видеть шарлатанов, скитающихся по деревням и сотнями убивающих невежественных крестьян, укрываясь принципом свободной конкуренции.

«В отношении экономической, как и политической свободы, у нас поступили необдуманно, не задаваясь вопросом, куда могут привести прекрасные философские теории. Ныне уже начинают замечать ошибку, и чтобы исправить ее, совершают ошибки, еще более грубые» *).

§ 8. Нравы в цивилизации. — Положение женщины. — Любовь и брак. — Воспитание детей.

Если бы из всех сочинений Фурье осталось только то, что им написано относительно женщины, брака и любви, то и тогда он должен был бы войти в историю, как один из наиболее свободолюбивых и передовых борцов за эмансипацию женщины, борцов против всех низостей и злоупотреблений буржуазного брака и извращений современной любви.

Но у нашего автора мы находим нечто большее, чем литературные выступления за эмансипацию женщины и против отрицательных сторон буржуазной любви и брака. Особенного внимания заслуживает его подход к указанным вопросам и способ их разрешения. В этом отношении, как и в других частях своей критики и своих воззрений, Фурье обнаруживает замечательную способность и умение становиться на об'ективную и экономическую точку зрения, сближающую его с творцами научного социализма.

1. Положение женщины. Фурье придает вопросу о женщине, ее свободе и правах столь важное социальное значение, что положением женщины в обществе, по его мнению, определяется весь характер данного общественного периода. Известно, что Фурье в каждом социальном периоде различал так называемый стержень или основную

*) Th. de quatre mouv., стр. 379 — 388.

ось его механизма (pivôt de mecanique). Историческое развитие заключается в том, что стержень одного периода выпадает и заменяется новым стержнем, под воздействием которого вся эпоха видоизменяется. Черты, образующие этот стержень,— говорит Фурье,— всегда находятся в связи с любовью и положением женщины; в четвертом периоде (т.-е. варварстве) этой характерной особенностью является абсолютное рабство женщины; в пятом периоде — исключительный брак (т.-е. единобрачие) и гражданские права супруги; в шестом периоде *) любовные корпорации обеспечат женщинам привилегии, о которых я буду говорить дальше. Если бы варвары ввели у себя единобрачие, они в самое короткое время стали бы цивилизованными, только благодаря этому новшеству. И наоборот, если б мы стали применять у себя заключение женщин в гаремы и продажу их на рынках, то в такое же короткое время мы превратились бы в варваров, только благодаря этой мере; а если б мы ввели у себя любовные гарантии в такой форме, в какой они будут существовать в шестом периоде, то, благодаря одному только этому преобразованию, мы нашли бы выход из цивилизации и вступили бы в шестой период.

«Как общее правило, следует знать, что особенность стержня, которая всегда связана с обычаями любви, влечет за собой возникновение других характерных черт периода, но не наоборот, т.-е. характерные черты периода не влекут за собой возникновения стержневой особенности, вследствие чего водворение этих черт без стрежневой очень медленно ведет к изменению периода. Варвары могли бы перенять до 12 из 16 характерных особенностей цивилизации и остаться варварами от того, что они не переняли стержневой особенности этого периода, т.-е. гражданских прав единобрачной супруги.

«Если бог придал обычаям любви,— говорит далее Фурье,— такое влияние на социальный механизм, поставив в зависимость от нее те метаморфозы, которым подвержен этот механизм, то причиной этого является его отвращение к угнетению и насилию; он хочет, чтобы счастье или несчастье людей находились в прямой зависимости от степени применяемой ими свободы или принуждения. Но так как бог признает только такую свободу, которая простирается на оба пола, а не на один только мужской, поэтому он захотел, чтобы все периоды социальных бедствий, как дикость, варварство и цивилизация, не имели другой стержневой особенности, как порабощение женщины, и чтобы

*) Шестой период — гарантизм (полуассоциация) и седьмой — социализм (простая ассоциация) являются переходными от строя цивилизации к строю Гармонии; в эти периоды путем проектируемых Фурье любовных корпораций осуществляется в значительной степени свобода любви.

все периоды социального благополучия, как шестой, седьмой и восьмой, не имели другого компаса, как постепенное и прогрессивное раскрепощение женщины» *).

В вышеприведенной смелой и категорической формуле Фурье есть известная доля истины. Без сомнения, социальная эволюция сопровождается улучшением в положении женщины, и чем общество прогрессивнее, тем женщина свободнее и ближе к равенству с мужчиной по своим правам и сфере деятельности. Поэтому, как в зоологии, на основании одной какой-либо кости можно составить понятие о всем организме животного, так и в области общественности по положению женщины можно в известной степени судить о социальном строе. Но Фурье чрезвычайно смело и вопреки истинному положению вещей меняет местами причину и следствие, уверяя, например, что достаточно варварам закрыть гаремы, чтобы это обстоятельство повлияло на весь строй и превратило варварство в цивилизацию.

Фурье продолжает подкреплять выдвинутый тезис новыми аргументами.

«Если мы присмотримся к практике различных наций,— говорит он дальше,— то мы увидим, что наилучшими среди них являются те, которые предоставляют наибольше свободы женщинам. Это явление мы наблюдаем одинаково как среди дикарей и варваров, так и среди цивилизованных. Японцы, которые среди варваров отличаются наибольшим развитием промышленного духа, а также храбростью и честностью, принадлежат к наименее ревнивым и наиболее снисходительным к женщине, так что китайская знать едет в Японию, чтобы там предаваться утехам любви, запрещенным на их родине. По той же причине таитяне принадлежат к наилучшим среди дикарей; факты показывают, что ни одно из подобных им племен не довело до такой высоты, как у них, свою промышленность, если к тому принять во внимание крайне ограниченные естественные ресурсы их страны.

«Французы, менее всех других народов порабощающие женщин, вместе с тем являются самой лучшей нацией среди цивилизованных, обладая особенной гибкостью, вследствие которой ловкий властелин мог бы извлечь из нее наилучшие результаты во всех отраслях и на всех поприщах. И несмотря на некоторые недостатки, как легкомыслие, самонадеянность, нечистоплотность, французы все-таки первая нация среди цивилизованных, благодаря только своей гибкости, которая является качеством, совершенно противоположным варварству.

«Точно также можно убедиться, что самыми порочными нациями были всегда те, которые наиболее порабощали женщин. Доказательством

*) Th. de quatre mouv., стр. 131 — 132.

могут служить китайцы, являющиеся подонками человечества, самым плутовским, подлым, алчным среди всех промышленных народов и в то же время самым ревнивым и нетерпимым к женщине. Среди современных цивилизованных народов наименее снисходительными к женщинам являются испанцы; они вследствие этого стоят позади всех европейских народов и ничем не проявили себя в области наук и искусств. Что касается диких орд, то знакомство с их жизнью показало бы, что самые порочные среди них те, которые проявляют наименьше расположения к слабому полу и у которых женщины находятся в наиболее несчастном положении. Таким образом, мы можем вывести как общее правило, что общественный прогресс и смена периодов совершаются в связи с постепенным раскрепощением женщины и наоборот, общественный регресс является результатом уменьшения их свободы.

«Другие обстоятельства тоже влияют на эти социальные перемены; но нет ни одного, которое вело бы к столь быстрому прогрессу или упадку, как перемена в судьбе женщины. Я говорил уже, что одно введение закрытых гаремов в короткое время привело бы нас к варварству, и наоборот — одно уничтожение гаремов могло бы превратить варваров в цивилизованных. Одним словом, расширение прав женщин есть основная принадлежность всякого прогресса» *).

Но философы строя цивилизации неспособны или не хотят понять таких простых вещей.

«Эти истины не по их вкусу. Они судят о женщинах по их нынешним нравам, по притворству, к которому их принуждает наш строй, лишая их всех видов свободы; они думают, что наблюдаемая ими двойственность есть природное и неизменное свойство женщины. Однако, если мы уже замечаем такую значительную разницу между нашими дамами и одалисками сераля, которые себя считают автоматами, созданными для услаждения досугов мужчины, то насколько больше была бы разница между нашими женщинами и женщинами при таком строе, который даровал бы им полную свободу? Какой характер развился бы у наших женщин при таком строе? Вот вопросы, которые философы остерегаются затронуть. Одержимые духом порабощения, тайной антипатией против женщин, они посредством пошлых комплиментов приучили их равнодушно переносить свое рабство и заглушают всякую попытку изучить, в каком направлении изменятся нравы женщины при социальном строе, который ослабит их цепи» **).

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 195
**) Цит. соч., стр. 196.

Как мы увидим в своем месте, указанная концепция об исключительном значении положения женщины для смены социальных периодов у Фурье в дальнейшем ослабевает, и во всех последующих рассуждениях о социальной эволюции он выдвигает, как один из наиболее решающих моментов, экономический и, в частности, производственный фактор. Таким образом, от его формулы остается только первая половина, а именно: что расширение прав женщины есть основная принадлежность всякого общественного прогресса, и что характер того или иного строя можно определить по положению в нем женщины. В такой формулировке, с некоторыми оговорками, идею Фурье можно считать принадлежностью современного научного миросозерцания.

Под углом этого экономико-феминистического взгляда на социальную эволюцию Фурье изображает, как, вместе с переходом из одного периода в другой, изменялось положение женщины и любовные нравы. В первый период — период первобытных серий — не было экономической неволи не только потому, что общественный строй был основан на свободном влечении страстей, но и потому также, что не существовало индустрии; женщина тогда была свободна и равноправна с мужчиной. В диком состоянии, благодаря распаду серий, образовались семьи, и положение женщины сильно ухудшилось, вследствие господства более сильного, т.-е. мужчины; но и в этот период оно было еще не так плохо, так как у дикарей нет индустрии, и они пользуются естественными благами природы. Положение женщины ухудшается в период патриархата с возникновением мелкой семейной индустрии, во главе которой стоит мужчина, порабощающий женщину, как об'ект любви и как работницу; еще хуже становится положение женщины в период варварства, когда ее запирают в гарем.

Каково же положение женщины в период цивилизации? С одной стороны, этот строй характеризуется признанием некоторых прав женщины *), а с другой — он вместе с семейным строем заимствует от патриархата и варварства всевозможные формы порабощения женщины, которое для нее тем тягостнее, что за ней признаны некоторые права и она получила возможность стать развитым сознательным существом, способным критически отнестись к своему положению.

Если Фурье прав, утверждая, что характер каждого социального периода сильнее всего отражается на положении женщины и формах любовных отношений, то в положении женщины и любовных отношениях строя цивилизации со всей силой сконцентрировались пороки

*) Как и другие социальные мыслители его эпохи, Фурье приписывает улучшение в правовом положении женщины в период цивилизации влиянию христианства.

этого строя. Эти пороки имеют одну общую черту двойственности (duplicité d'action).

Фурье с присущей ему силой диалектики изображает порочный круг, в который ныне втиснуты любовно-брачные отношения, порочный круг, который сами цивилизованные стремятся порвать, но не могут, потому что главные нити его сходятся в экономике *).

Этот общий порочный круг, или основное противоречие, распадается на ряд частных противоречий.

Двойственное отношение к женщине в строе цивилизации (порабощение и лесть). Фурье не мог не отметить прежде всего того характерного для современного положения женщины факта, что она в одно и то же время раба и госпожа, что она подчинена мужчине и в то же время властвует над ним. Такого факта нет в период патриархата или варварства, хотя женщина там отнюдь не лишена своих любовных чар и даже, наоборот, особенности ее, как орудия любви, там наиболее культивируются. Этот язык лести, которым в настоящее время говорят с женщиной рабой-госпожей, Фурье называет подслащиванием горькой микстуры, которую ее заставляют пить.

«Чем отличается рабство женщины у нас от рабства при строе варварства,— спрашивает Фурье и отвечает: «Тем, что у варваров существует откровенное порабощение женщины, между тем, как у цивилизованных это порабощение прикрывается разными льстивыми фразами, измышляемыми писателями и философами». Пример — Дидро, сказавший следующую нелепость: «Чтобы писать женщине, нужно обмакнуть перо в радугу и посыпать написанное пылью с крыльев бабочки». Женщины могли бы ответить на это философу следующее: Ваша цивилизация начинает нас преследовать, лишь только мы обнаруживаем склонность слушаться велений природы; нас заставляют быть притворщицами и идти путем, противоположным нашим желаниям. Чтобы заставить нас повиноваться подобным внушениям, вы прибегаете к языку лжи и лести, как вы делаете с солдатом, которого вы убаюкиваете лаврами и обещанием бессмертия, чтобы заставить его забыть свое несчастное положение. Если б ему действительно сулили счастье, с ним говорили бы языком простым и правдивым, которым с ним в настоящее время остерегаются говорить. Точно так же обстоит дело с женщинами. Если б они были свободны и счастливы, они не были бы так падки на лесть и мечты, и, чтобы писать им, не было бы надобности

*) Фурье, как мы увидим из дальнейшего, признавая, что для каждого периода существует свой закон любви и брака и что цивилизация, пока она остается таковой в наиболее характерной своей части — в организации производства и обмена — должна оставаться при моногамном браке со всеми сопровождающими его явлениями.

прибегать к радуге и пыли с крыльев бабочки. Но если солдат и женщина и весь народ являются жертвами постоянного обмана и эксплуатации, то в этом вина философов, которые не сумели организовать этот мир иначе, как на злополучии и рабстве; и если они глумятся над пороками женщины, они глумятся над самими собой, ибо они — причина всех пороков социальной системы, которая, подавляя способности женщин с детства и в течение всей жизни, заставляет их прибегать к обману, чтобы отдаться естественным побуждениям» *).

Двойственность «женской натуры». Чтобы оправдать свое отношение к женщине, философы стремятся изобразить ее в виде двойственного существа; с одной стороны, они отмечают ее добродетели — материнское самопожертвование, религиозность и пр., а с другой — изображают коварным, лживым существом. Коварство и лживость они считают характерными особенностями женской натуры. Факты сами по себе верны. Действительно, в женщине строя цивилизации можно констатировать двойственность, доходящую иногда до чрезвычайной степени порочности. Но здесь, как и во всем прочем, философы не способны проникнуть в сущность вещей; они не понимают, что коварство и лживость, это — орудия борьбы женщины против насилия. В основе природа женщины так же проста и естественна, как и природа мужчины; взятая вне существующего строя, природа женщины, как и природа мужчины, это — природа человека вообще. Для того, чтобы понять эту природу, нужно к ней подойти без философских предрассудков, беря ее страсти и инстинкты, как они есть, не считая пороками то, что является основой и принадлежностью самой природы.

«Судить о женщине по тем порочным чертам, которые она обнаруживает в цивилизации,— говорит наш автор,— это все равно, что судить о природе человека по характеру русского крестьянина, который не имеет ни малейшего представления ни о чести ни о свободе**), или судить о бобре по тому отупению, в которое он впадает в прирученном состоянии, между тем, как на свободе и в сообществе с себе подобными, он становится самым разумным из всех четвероногих. Та же разница будет существовать между порабощенной женщиной цивилизации и свободной женщиной строя Гармонии; она превзойдет мужчин в трудолюбии, преданности существующему порядку и возвышенности души. Но вне свободы и строя Гармонии женщина, подобно прирученному бобру и русскому крестьянину, представляет собой существо, стоящее настолько ниже своего назначения, что мы склонны

*) Th. de quatre mouv., стр. 216 — 217.

**) Здесь речь идет о русском крестьянине конца XVIII и начала XIX века, т.-е. самого злого периода крепостного права.

ее презирать, когда судим о ней поверхностно и по внешним данным... Когда с такой поверхностной точки зрения судить о женщинах, то кажется, что они больше нуждаются в господине, чем в свободе. Разве они не отдают, обыкновенно, предпочтение любовникам, менее всего заслуживающим этого? Но как может быть женщина свободной от рабских наклонностей и измены, когда воспитание с детства заставляет ее подавлять свои естественные качества, чтобы склониться перед первым пришедшим, которого случай, интрига или жадность назначат ей в мужья!

«И вы, поработители женщин, разве вы не превзошли бы ее в недостатках, за которые вы ее теперь упрекаете, если б рабское воспитание внушило вам, как и ей, что вы автоматы, созданные, чтобы повиноваться предрассудку и чтобы ползать на коленях перед господином, которого вам дал случай? Разве мы не видим, как ваши претензии на превосходство были растоптаны царицей Екатериной, сумевшей заставить мужчин ползать у ее ног? Создавая титулованных фаворитов, она влачила в грязи мужчин и доказала, что они, несмотря на принадлежащую им свободу, могут быть еще большими рабами, чем женщины, раболепие коих вынуждено и, следовательно, извинительно. Для свержения тирании мужчин нужно было бы существование третьего пола — мужского и женского одновременно,— более сильного, чем мужчина. Этот третий пол, с хлыстом в руке, доказал бы, что мужчина создан для его удовольствия точно так же, как и женщина; тогда мужчины наверно возопили бы против тирании гермафродитов, доказывая, что сила не должна быть единственной основой права. Но если так, если они, борясь против этого третьего предполагаемого пола, наверно требовали бы себе прав и независимости, то почему они в том же отказывают женщине?» *)

Двойственность любовной морали в строе цивилизации. Сама двойственность современной женщины находит прочную опору в двойственности морали и обычаев.

Фурье констатирует, что в цивилизации существуют две любовные морали, совершенно противоположные по своим тенденциям,— одна унаследованная от патриархально-гаремного периода, а другая создаваемая индустриальной полусвободой строя цивилизации,— которые тем не менее уживаются рядом друг с другом. Молодая женщина идет в церковь, где священник с кафедры внушает ей, что она должна быть верна и покорна мужу, что нарушение этой верности — тяжелый грех, за который ее ожидает ужасная кара в загробной жизни, и пр. и пр. Выйдя из церкви, она отправляется в сопровождении мужа или друга

дома в театр, где ей со сцены преподают, как наилучшим образом обманывать мужа с другом дома. Здесь адюльтер изображается, как наилучшее средство жить весело и приятно; обманутый муж является предметом самых злых насмешек; жена, дурачащая добродушного мужа, вызывает сочувственные аплодисменты публики. Какая же из этих двух моралей берет верх? Можно, не задумываясь долго, ответить: конечно, вторая. И факты это подтверждают на каждом шагу. Мужчина, известный своими победами и связями с красивыми женщинами, т.-е. заведомый развратник, разрушитель семейного счастья многих людей, из коих большинство — его приятели, такой развратник становится идолом женщин и предметом зависти мужчин.

«Если б заняться описанием любовных похождений одних только парижан,— говорит наш автор в другом месте,— то пришлось бы заполнить десять больших томов, из коих читатель увидел бы, что эта жизнь — ряд преступлений против нравственных и религиозных законов. Несмотря на то, что каждый парижанин в отдельности является участником этих преступлений, все они вкупе, т.-е. свет, возмущаются этими непрерывными нападениями на его устои, на все, что религией и моралью об'явлено неприкосновенным. Как можно, при виде всех этих явных и тайных нарушений моральных и политических устоев общества, медлить с признанием, что или наш любовный строй находится в противоречии с истиной и моралью или, если подобный любовный строй неразрывно связан с цивилизацией, то сама цивилизация является полным отрицанием морали и истины» *).

Другие противоречия любовной морали и брачного законодательства. Фурье остроумно отмечает те противоречия, в которых запутались мораль и законодательство современного буржуазного строя, т.-е. строя, жизненным принципом которого является противоречие.

«В нашем обществе,— говорит Фурье,— принято издеваться над обманутым мужем; из него делают смешную фигуру в жизни и на сцене, хотя, как наш автор замечает саркастически, в подобном положении суждено очутиться раньше или позже подавляющему большинству мужчин. Но если мы присмотримся ближе,— рассуждает далее Фурье,— то убедимся, что действительно смешным и унизительным является не положение обманываемого, а обманывающих, т.-е. не мужа, а жены и любовника.

«Если в любви дело чести,— говорит наш автор — состоит в исключительном обладании, то, очевидно, что обманываемый муж, не знающий

*) Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 64.

своего несчастья, спасает свою честь, между тем, как соблазнитель сознательно позволяет ее топтать. Он унижается, выслушивая безропотно со стороны мужа угрозы по своему адресу, потому что муж неоднократно рассказывает ему о своем намерении переломать ребра негодяю, который покусится соблазнить его жену. Унижаясь перед мужем, он должен чувствовать себя не менее униженным обманами своей любовницы, уверяющей его, что она совсем не живет со своим мужем. Чтобы оградить свое самолюбие, он притворяется, что верит ей. Но кому неизвестно, что женщина, изменяющая мужу, удваивает свои ласки, чтобы таким образом замаскировать свою интригу и поставить себя вне подозрений в случае беременности. Одна эта предосторожность заставляет жену искать сближения с мужем в тот самый момент, когда она собирается уступить исканиям поклонника, которому она отдается, имея под сердцем залог близости со своим законным супругом. Положение не особенно лестное для любовника. Он не может не поморщиться от отвращения, когда его знакомят с этими бесспорными истинами. Он поневоле должен себя чувствовать смущенным такой победой и едва ли станет уверять, что не замарал своей чести в подобном любовном похождении...

«Когда рассматриваешь внимательнее все эти подвиги соблазнителей чужих жен, то убеждаешься, сколько в них унизительного для самих соблазнителей, хвастающих такими вещами, которые честного человека должны заставить покраснеть от стыда.

«Я достаточно рассмотрел вопрос,— заключает Фурье,— чтобы показать, что цивилизация смотрит на вещи с извращенной точки зрения... Из интриг, соединенных с подвигом соблазна чужой жены, можно ясно видеть, насколько в цивилизации ошибочно судят по всем важнейшим вопросам. Если общепринятый взгляд на рассматриваемый вопрос так сильно расходится с здравым смыслом, то это происходит от того, что мы потеряли способность к правильному мышлению, благодаря мизерности и грубости удовольствий, доставляемых нам строем цивилизации. Какое печальное мнение должны были бы получить цивилизованные о своих любовных удовольствиях, если б я нарисовал перед ними только картину любовной жизни седьмого периода в трибах или прогрессивном семейном строе, который, представляя собой зародыш строя Гармонии, имеет свойство уничтожать повсюду болезненные элементы, вносящие у нас столько осложнений в любовные связи, даже самые свободные» *).

Теперь посмотрим, как относится наше законодательство к обманутому мужу? Конечно, оно целиком на его стороне, стремясь защитить

*) Th. de quatre mouv., стр. 189—191

святость семейного очага. Но, стремясь к этой благородной цели, оно приходит в противоречие с самим принципом, им защищаемым, устанавливая следующее правило: Is pater est, quem nuptiae demonstrant, т.-е. отец тот, на кого указывает брачная запись. Это правило, посвященное римской мудростью, считается незыблемым даже тогда, когда сама наружность ребенка указывает на его действительного отца. Благодаря этой нелепой презумпции, в буржуазную семью внедряются чужеродные отпрыски, на плечи обманутого мужа взваливается воспитание чужих детей и, таким образом, наносится самый тяжелый удар, материальный и моральный, тем самым целям, которые ставятся браку и семье в строе цивилизации.

Прочие противоречия цивилизации в вопросах любовной морали и в ее отношениях к женщине.— Одно из самых лицемерных и несправедливейших требований современной любовной морали заключается в том, что от женщин требуют до брака полного воздержания, между тем, как мужчине в этом отношении предоставляется полная свобода. Но, установив это требование от женщины и защищая его крайне бессердечно по отношению к провинившейся, цивилизованное общество должно было бы дорожить своими девственницами, вознаграждать их за твердость характера и перенесенные лишения особыми преимуществами и почетом. Между тем, мы наблюдаем как раз обратное.

«Если современная девушка,— говорит наш автор,— несмотря на все соблазны и подавляя голос природы, достигла двадцатипятилетнего возраста, не выйдя замуж и не вступив в незаконную связь, то к ней начинают относиться пренебрежительно, как к испортившемуся товару, ее начинают осыпать грубыми насмешками, становящимися с каждым днем все невыносимее. Ведь кличка старая «дева», т.-е. слово, говорящее о девственности,— одна из самых обидных.

«Так вознаграждает цивилизация девушку, часто красивую и даровитую, за юность, полную лишений, за жертву, которую она сама от нее требовала. Это вполне соответствует нравам, господствующим в цивилизации, которая со свойственным ей бессердечием, вознаграждает девушку, следующую заветам морали, одними оскорблениями и издевательствами. Вправе ли мы удивляться и тем более негодовать, когда девушки, за которыми нет достаточного надзора, только носят маску невинности, не желая за такую награду жертвовать прекрасной порой юности и ее утехами? Да и кому нужна эта вечная девственность? Она напоминает плод, которому дали испортиться, не воспользовавшись им. И более всего имеет право грустить об этом ее обладательница и раскаиваться в том, что она следовала чудовищной морали строя, гордящегося своей

наукой и мудростью, но в действительности прогнившего во всех своих устоях» *).

Фурье, хотя и мимоходом, касается вопроса об экономическом положении и умственных интересах современной женщины, указывая, как противоречиво третирует в этом отношении женщину современное общество. С одной стороны, оно презрительно относится к женским занятиям, хотя в семье, в особенности трудовых слоев, женщина часто выполняет самые тяжелые хозяйственные обязанности. С другой стороны, если женщина стремится выйти из своего подневольного состояния и занять в экономическом и умственном отношении положение, более ей соответствующее, как человеческому существу,— то само это общество не только не оказывает ей в этом никакого содействия, но осыпает ее за подобную попытку презрительными и ядовитыми насмешками.

«Каковы источники существования незамужних женщин, лишенных собственного состояния? — спрашивает наш автор.— Ткацкий станок и домашние услуги или их собственная красота, если они одарены таковой. Да, проституция, более или менее замаскированная — вот их главный ресурс, которого философия, под предлогом усовершенствования их личности, стремится их лишить, вот омерзительная участь, до которой их низводит цивилизация; столь же омерзительно и брачное рабство, против которого они еще не пытаются протестовать... Их равнодушие к своему положению является добавочной причиной, увеличивающей презрение к ним мужчин. Презрение со стороны господина к рабу увеличивается, когда последний своей слепой покорностью убеждает его, что его жертва рождена для рабства.

«Но если женщина обнаруживает стремление выйти из отведенного ей узкого круга, если она делает попытку нарушить запрет и избрать для себя отрасль труда, более соответствующую ее вкусам, способностям и человеческому достоинству, то цивилизация обрушивается на нее с гневом и издевательствами; особенно яростно нападают моралисты на женщин-писательниц; философия не хочет их удостоить академических почестей, презрительно отсылая их на кухню» **).

Воспламененный негодованием против угнетателей-мужчин наш мирный утопист призывает женщин к борьбе. Он обращается к ученым женщинам, он призывает их бросить бесполезное сочинительство и заняться изысканием средств освобождения своего пола из-под тяжкого ига.

Указав на то, что философия отсылает презрительно женщин-сочинительниц на кухню, наш автор продолжает: «Но разве в своем афронте не виноваты сами ученые женщины? Раб, стремящийся

*) См. Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 24[illegible] 243.
**) Th. de quatre mouv., стр. 221 — 222.

подражать своему господину, заслуживает от него только взгляд, полный презрения. Зачем им банальная слава сочинительства и много ли пользы в том, если они прибавят еще несколько томов к существующим уже миллионам бесполезных сочинений? Женщины должны были бы выделить из своих рядов не сочинительниц, а освободительниц, политических Спартаков, гениев, которые нашли бы средства вывести их пол из порабощения, ибо женщины более всех страдают от цепей цивилизации и потому первые должны повести против нее борьбу (курсив наш. А. А.)...

«Ученые женщины, вместо того, чтобы задуматься над средствами для освобождения своего пола, унаследовали философский эгоизм; они закрывают глаза на порабощение своих сестер, печальную судьбу которых им удалось избежать... Изучение способов освобождения женщин,— вот задача, которая стоит перед учеными женщинами; пренебрегши ею, они умалили и помрачили свою литературную славу, и потомству остается упрекать их за эгоизм и самоуничижение, ибо, если женщины-писательницы сумели освободиться от предрассудков и прожить весело свою жизнь, то за это они также немало подверглись осуждению и поношению. Эта тирания общественного мнения достаточна, как мне кажется, чтобы вызвать возмущение честных женщин и заставить их начать борьбу с предрассудком не посредством бесполезных словоизвержений, но путем нахождения плана преобразований, которые могли бы освободить оба пола от ужасных и унизительных условий брачной жизни» *).

Брак и семья. На ясно выраженную экономическую точку зрения Фурье становится в своей критике буржуазного брака и семьи.

Рассматривая цели брака и семейного союза в современном строе, Фурье прежде всего отмечает хозяйственное значение брачно-семейной ячейки и именно значение ее, как производственной единицы. Он различает трудовую организацию двух родов: раздробленную и комбинированную, работу изолированными семейными ячейками и работу ассоциацией» **).

Не менее рельефно отмечает Фурье вторую цель брака.

«Брак,— говорит он,— является в низшем порядке (ordre mineur) тем же, что индустрия в высшем порядке (ordre majeur). Вторая имеет целью производство и заготовление средств существования, первый — воспроизводство и воспитание работников [reproduire et éduquer les industrieux]» ***).

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 222 — 223.
**) См. (Любовь и брак в строе Гармонии).
***) Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 86.

Указанную двойную связь между современным браком и индустрией Фурье анализирует неоднократно, чтобы доказать, насколько в строе цивилизации главные цели брака не достигаются, несмотря на то, что цивилизация к ним всемерно стремится, и насколько, наоборот, в строе Гармонии любовь и индустрия будут взаимно благоприятствовать друг другу, несмотря на то, что в этом строе любовь будет совершенно свободна от всяких меркантильных целей.

Фурье доказывает отрицательные стороны семейного производства, т.-е., что брак не достигает главной из своих целей — образования основной ячейки хозяйственно-производственной организации.

Он перечисляет следующие недостатки индивидуального или обособленного труда семейной ячейки: 1) смерть работника, прерывающая и уничтожающая полезные предприятия человека; 2) личное непостоянство, заставляющее человека бросать одну работу и браться за другую; 3) контрасты в характере отца и сына, приводящие к тому, что работа, начатая одним, приостанавливается или совершенно изменяется другим; 4) отсутствие механической экономии, возможной только при массовом производстве; 5) обман и общее недоверие, вследствие эгоистических стремлений каждой ячейки; 6) перерывы в работе из-за недостатка работы, материалов или орудий производства; 7) вредные последствия конкуренции; 8) наемный труд — косвенное рабство; 9) противоречие между индивидуальным и коллективным интересом; 10) отсутствие единства плана и исполнения *).

Если мы оглянемся на перечисленные Фурье недостатки индивидуального труда, то убедимся, что здесь речь идет, главным образом, не о труде наемного рабочего, а о деятельности предпринимателя, вернее, о прочности и устойчивости современных Фурье предприятий, преимущественно мелких, каковыми и было подавляющее большинство предприятий во Франции его времени. Но все то, что им отмечено, является очень вескими доводами против индивидуалистического принципа в современной экономической жизни, где все непрочно, непланомерно и антиобщественно. Некоторые из отмеченных пунктов Фурье подробнее развивает в «Новом индустриальном и сосьетарном мире».

Рассмотрим,— говорит он,— наиболее выдающиеся недостатки семейного труда, т.-е. труда, организуемого на индивидуальных основах и вследствие этого наиболее противоречащего воле божества, экономности средств и выгодам общественности.

«1. Непрочность. Индустрия цивилизованных лишена всякой прочной основы. Случайная смерть главы семьи может повести

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 127.

к дезорганизации всех его предприятий. Раздел наследства, несходства характеров отца и сына, различие знаний, тысяча других причин способны разрушить все труды отца. Его сельско-хозяйственные предприятия будут заброшены, земля раздроблена, оставлена без ухода; в его мастерских воцарится беспорядок; библиотека будет продана букинисту, картины — старьевщику. Совершенно иное мы видим в светских или религиозных корпорациях поприщах; там все поддерживается в порядке и улучшается; непостоянство или смерть индивида ни в каком отношении не нарушают правильного хода существующих предприятий.

«2. Неприятности с потомством. Человек, занятый промышленным делом, хотел бы иметь хотя бы одного сына, который явился бы его заместителем и продолжателем его работ; но по воле судеб в законном браке он имеет только дочерей, а мальчиков — от незаконной связи, осуждаемой нашими кодексами. Таким образом, его имя должно исчезнуть. Или представим себе другой случай, что сыновья отказываются следовать примеру отца, неспособны продолжать его дело и т. п. Часто такое обильное потомство и расходы по его воспитанию парализуют предприятия главы семьи; его заработка не хватает на то, чтобы образовать и устроить детей. А в награду за его труды и заботы многие из них жаждут его преждевременной смерти, чтобы получить поскорее в свое распоряжение наследство.

«3. Другие неприятности семейные и домашние. Человек, занимающийся промышленным делом, может быть выбит из колеи дурным поведением своей жены или некоторых из детей, мошенничествами своих помощников, клеветой и ябедничеством завистников, потерей ребенка, на которого он возлагал все свои надежды. Разве мы не видим в строе цивилизации отцов и матерей, впадающих в безумие, вследствие потери любимого ребенка? Для смягчения этого горя и многих других в цивилизации не существует никаких действительных средств. Современная семья представляет собой настоящую западню, это — ящик Пандоры. Можно ли предполагать, чтобы бог хотел основать индустрию на базе столь шаткой для тех, кто ею управляет, и еще более шаткой для лиц подчиненных?

«4. Промышленная западня. Политика и мораль, не способные создать влечения к индустриальному труду, прибегают к хитрости. Они прославляют прелести безденежного брака; они всячески к этому поощряют бедняков, чтобы, обремененные детьми, они были поставлены в необходимость трудиться для их пропитания. Вот почему все отцы, принадлежащие к бедному классу, т.-е. $^{7}/_{8}$ отцов, могут воскликнуть: на какую каторгу я попал! Ввергнуть людей в эту западню есть тайная цель моралистов, восхваляющих прелести

брака. Они на это толкают народ, чтобы иметь толпы осужденных, т.-е. семейных рабочих, готовых трудиться за самую ничтожную плату для обогащения нескольких предпринимателей» *).

Современный брак не достигает и второй цели — воспроизводства и воспитания работников.

Прежде всего нерасторжимый брак, заключаемый на всю жизнь, не достигает указанной цели, вследствие бесплодия того или иного супруга. Это зло может быть исправлено или внедрением в семью чужеродных отпрысков (измены жены) или прижитием незаконных детей (измена мужа). В том и другом случае наносится тяжелый удар семейному принципу цивилизации. С другой стороны, слишком большое количество детей (большей частью удел бедняков) является тяжелым ударом для современной семьи, на которую они ложатся таким гнетом, что подрывают ее в принципе, истощая хозяйственные основы семьи, не давая возможности родителям не только правильно воспитать подобную ораву, но даже пропитать ее. Но если даже предположить, что деторождение удовлетворительно обеспечено современным браком, то нет сомнения, что современная семья и содействующая ей школа не в состоянии надлежащим образом воспитать будущих работников.

Фурье подвергает основательной критике буржуазные воспитательные методы, и нужно признать, что в этой критике очень много верного и меткого; более или менее подробно мы остановимся на этом вопросе в конце настоящего параграфа, а пока перейдем к дальнейшей критике семьи и брака.

В вышеизложенном изображены экономические основы брака и семьи в строе цивилизации; еще хуже их моральные основы. Фурье перечисляет 16 отрицательных сторон современного брака и семейной жизни и 14 пунктов (или, как он выражается, гамму), раздоров между родителями и детьми.

16 отрицательных сторон современного брака, перечисляемые Фурье в нижеприводимой таблице, носят преимущественно моральный характер; но вместе с тем они очень чувствительно ударяют по тем экономическим целям, которые себе ставит современный брак. Вот перечень этих отрицательных сторон в формулировке, даваемой им Фурье.

1. Случайные несчастия, т.-е. несчастия от неудачного брака и беспокойства, испытываемые от предвидения этого заранее.

2. Неравенство вкусов и характеров.

3. Запутывающие обстоятельства, каковы, например, те, которые проистекают от обманов при выдаче условленного приданого.

*) Nouv. Monde industr., стр. 246 — 266.

4. Непомерные расходы и возникающие на этой почве ссоры между супругами.

5. Необходимость наблюдать за домом и хозяйством, вследствие легкомыслия и расточительности жены.

6. Монотонность семейной жизни, вследствие которой мужья, несмотря на целый день занятий, бегут в места развлечений: клубы, кафе, театры.

7. Несогласия в вопросах воспитания.

8. Расходы, лишения и хлопоты, связанные с устройством сыновей и накоплением приданого для дочерей.

9. Печаль и огорчения при расставании с детьми в период воспитания и в особенности по достижении ими зрелости, когда сыновья устраиваются, а дочери выходят замуж.

10. Разочарования, вследствие неприятностей со стороны родственников жены или мужа.

11. Многочисленные неприятности, вследствие недостаточной осведомленности относительно прошлого невесты и ее семьи.

12. Адюльтер, называемый во французском театре наставлением рогов.

Наконец, следуют еще четыре стержневые неприятности и несчастия а именно: бесплодие, грозящее разрушением семейного счастья; ложное отцовство, вследствие обмана жены, сиротство и вдовство.

Рассмотрим подробнее некоторые из указанных пунктов:

1. Гадательность и случайность брачной сделки. Лучшим доказательством нелепости современного брака служит то обстоятельство, что этот союз, заключаемый на всю жизнь, и имеющий большое значение для экономического и морального существования обоих заключивших его индивидов, целиком зиждется на случайности и гадательности. Фурье сравнивает буржуазный брак с азартной игрой. «Есть ли азартная игра более ужасная» — говорит он,— чем нерасторжимый союз, при заключении которого тянут жребий на счастье или несчастье всей жизни? Мы часто видим мужчин и женщин, начинающих беспокоиться о вопросах брака за несколько лет вперед, и они правы. Какая бессмыслица подчинить всю свою будущность самой капризной из случайностей! *).

«Каковы мотивы пышных празднеств, которыми сопровождается у нас заключение брачного союза? — спрашивает Фурье в другом месте. В чем причина этого ликования всех родственников и знакомых?.. Надежда на счастье брачущихся? Но кто может быть уверен в том, что через какой-нибудь год они не возненавидят друг друга, что их

*) Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 69.

союз не станет причиной их обоюдного несчастья? На этих празднествах, даваемых со смутными надеждами всякого рода, участвующие в них семьи похожи на легкомысленного человека, который, приобрев лотерейный билет, вдруг задал бы соседям грандиозную пирушку, заранее радуясь предстоящему выигрышу в двести тысяч. Не подражаете ли вы такому безумцу, когда даете пышные празднества по поводу бракосочетания, которое можно приравнить к лотерейной игре и даже поставить ниже ее, ибо брак может привести к большому несчастию вместо предполагаемого счастья. Единственный случай, когда уместно было бы праздновать, это — случай женитьбы на богатой особе, но и это — сомнительное счастье, так как богатые женщины обыкновенно тратят на себя больше, чем получают дохода с своего приданого, и если б свадебные торжества откладывались на год, в продолжение которого мужья могли бы познакомиться со всеми шипами брачной жизни, с громадными расходами, с изменой, которая их ожидает раньше или позже, то нашлось бы мало мнимых счастливцев, расположенных праздновать свой печальный союз. Увы! Как много таких мужей начинают досадовать на эти пышные свадебные празднества уже с следующего дня брака, когда они убеждаются, что не нашли того, что они надеялись найти!» *)

Продолжая свое сравнение брака с азартной игрой, Фурье утверждает, что в этой игре, в этой сделке, требующей хитрости и ловкости, больше шансов на стороне людей, опытных в умении обманывать женщин, нечестных, небрезгающих самыми безнравственными средствами для достижения своей цели; наоборот, несчастный или неудачный брак большей частью выпадает на долю честного и доброго человека.

«Брак, кажется, специально изобретен,— говорит наш автор — для премирования наименее честных. Чем лучше мужчина одарен способностью к коварству, интригам, обольщению, тем больше у него шансов добиться посредством брака богатства и общественного уважения. Если вы пользовались самыми постыдными средствами, чтобы добиться богатой партии, то с момента, когда вы этого достигли, вы становитесь своего рода святым, нежным супругом, образцом добродетели. Приобресть сразу громадное состояние за труд обладать молодой особой, это — такое удачное и приятное достижение, что общественное мнение прощает все молодцу, которому удалось обделать такое делишко. Все в один голос об'являют его прекрасным супругом, добрым сыном, отличным братом, превосходным зятем, редким родственником, преданным другом, невиданным соседом, добродетельным гражданином и честнейшим республиканцем... Таково же отношение общественного

*) Th. de quatre mouv., стр. 259 — 260.

мнения к какому-нибудь рыцарю из промышленной среды, которому удалось загрести солидный денежный куш. Женитьба на богатой, подобно крещению, с мгновенной быстротой смывает с новобрачного все следы прежней грязи.

Если мы рассмотрим все пункты приведенной выше таблицы невзгод брачной и семейной жизни, то убедимся, что большинство из них является существенной угрозой семейному счастью; но более всего Фурье подчеркивает стержневые особенности этой таблицы, а именно: бесплодие, ложное отцовство, сиротств и вдовство, ибо эти отрицательные явления, связанные с браком или вытекающие из него, грозят его экономическим устоям.

Б е с п л о д и е,— говорит Фурье,— грозит всему плану семейного счастья; оно расстраивает супругов, их родителей и прочих восходящих родственников, грозит переходом наследства в боковую линию или к самой отдаленной родне, жадность и неблагодарность которой приводит в отчаяние наследодателя; он проникается антипатией к бездетной супруге и к брачному союзу, обманувшему его надежды.— Л о ж н о е о т ц о в с т в о или внедрение в семью чужеродных отпрысков может повести к распаду семьи, так как, помимо ревности и позора измены, глава семьи не может примириться с переходом его состояния, плодов его труда, к чужому, ворвавшемуся в семью, благодаря обману его жены, живому доказательству нарушения его брачных прав и осквернения его брачного ложа.— В д о в с т в о низводит положение отца семьи на роль каторжника. Отец, даже богатый, попадает в положение арестанта, когда он остается вдовцом с несколькими детьми на руках, которым он желает дать хорошее воспитание и образование. Он должен или отказаться от своих дел и предприятий, или оставить детей без наблюдения и присмотра. Если отец умирает до их совершеннолетия, то сознание, что они попадут в продажные руки, перспектива разорений и лишений, ожидающих его детей, отравит горечью последние минуты несчастного.— Обеспечение счастья детей является главной радостью родителей; между тем, современный брачный строй ни в коем случае не дает этого обеспечения сиротам. Установление опеки и попечительства ни в коем случае недостаточно, чтобы оградить сироту от потерь и расхищений его имущества. Ребенок часто бывает сиротой в переносном смысле, в случаях, очень частых, когда неудачники-родители расточают имущество, которое должно было бы ему достаться после их смерти. Из сказанного явствует, что современный семейный строй подвергает ребенка риску двойного сиротства в прямом и переносном смысле слова.

«Подводя итог всему сказанному,— говорит наш автор,— спросим себя, найдется ли хоть один человек, способный избегнуть все

изображенные выше невзгоды, из которых нередко одной достаточно, чтобы отравить всю жизнь. Из ста человек, состоящих в браке в продолжение 10 лет, вы найдете ровно 99, которые имеют основание жаловаться на две или три из них. Какая ограниченность политического и морального гения в этом изобретении, которое, взамен мучительного для женщин гарема строя варварства, создает союз не менее мучительный уже не для одних женщин, а для обоих полов. Отсюда еще раз следует, что цивилизация воспроизводит в сложном виде недостатки, которые в варварстве существуют в простом виде *).

«Впрочем, лучшим доказательством того, что брак — очень рискованное предприятие служит то обстоятельство, что мужчины решаются на него после долгих оглядок и размышлений. Это, конечно, не исключает того, что даже самый обдуманный брак в конце концов приводит к вышеуказанным бедствиям, связанным с самой его природой. Таким образом, современный брак является ловушкой, куда попадаются даже самые хитрые, уверенные, что они все предусмотрели, дабы извлечь из брака одни только выгоды.

«Достаточно доказано — говорит наш автор [в «Теории всемирного единства», ч. III] **), что все мужчины смотрят на брак, как на ловушку. Сами отцы учат своих сыновей так смотреть на брак. Почему? Потому что отцы, зная по опыту, что обман в этой области неизбежен, стараются предостеречь от этого своих сыновей, внушают им крайнюю осторожность и требовательность при заключении брака. Поэтому тридцатилетние или кандидаты, раньше чем сделать этот шаг, уходят целиком во всевозможные расчеты. Нет ничего забавнее тех советов, которые дают друг другу мужчины, чтобы вернее подчинить супругу семейному игу и напитать ее моралью супружеской верности. Нет ничего любопытнее интимных собраний юнцов, где по косточкам разбирают и подвергают беспощадной критике девиц на выданьи и осмеивают уловки родителей, стремящихся избавиться от своих взрослых дочерей. В заключение они решают, что главное — деньги; что если уж не избежать обмана со стороны жены, то нужно позаботиться о том, чтобы не быть обманутым в приданом и, беря жену, обеспечить себе вознаграждение за все неприятности брачной жизни... Так рассуждают между собой мужчины, собирающиеся жениться; таковы настроения и мысли, которые они приносят с собой в этот священный союз, в обещаемый философией рай семейной жизни» ***).

«Несмотря на все меры, принимаемые философами, чтобы приготовить и расположить нас к браку,— говорит Фурье в другом месте

*) Th. de l'Unité univ., стр. 68 75.
**) Стр. 102 103.
***) Стр. 167

[в «Теории четырех движений»] *), несмотря на все приголубливания, подобные тем, которые расточаются больному ребенку, чтобы заставить его принять невкусное лекарство, несмотря на все нежные и медоточивые внушения, можно встретить немало людей, которые ужасаются при одной мысли о браке, в особенности, если они достигли возраста, когда люди способны к благоразумному и зрелому размышлению. Следует полагать, что брачные узы слишком страшны, если мужчины, при одной мысли о них, трепещут в продолжение многих лет до того, как решатся на этот шаг. Я не говорю о союзах между богатыми людьми; все представляется в розовом свете чете, вступающей в новую жизнь с хорошей рентой в кармане; да и то молодой супруг не очень спешит распроститься со своим гаремом, чтобы стать рабом подруги жизни, по отношению которой он должен усердно исполнять свой супружеский долг под страхом легко открыть дорогу поклонникам и быть награжденным детьми сомнительного происхождения...»

«В награду за все эти неприятности семейной жизни, число которых можно было бы удвоить и утроить,— говорит далее Фурье,— мораль обещает супругам родительские радости. Но где гарантии ее обещаний? Возьмем разросшуюся семью в полном составе; посмотрим, какие неприятности грозят родителям такой семьи. Об этом можно судить по следующей «синоптической таблице причин раздоров между родителями и детьми», создаваемых цивилизацией в странах, превозносимых за их мораль и здравые воззрения, каковы страны современной Европы, древняя Греция и Китай, столь расхваливаемый аббатом Рейналем».

В названной таблице Фурье верно подметил вечные раздоры между отцами и детьми, на почве различия взглядов и стремлений, и страдания, причиняемые родителям неудачными детьми. Не мало столкновений и неудовольствий возбуждает родительский гнет или существование любимчиков в семье и связанные с этим несправедливости, как, например, лишение наследства одного в пользу другого, а иногда всех детей в пользу одного; с другой стороны, следует констатировать неблагодарность детей по отношению к родителям и их бессердечие, выражающееся часто в том, что дети с нетерпением ждут смерти родителей для скорейшего получения наследства. Немаловажным фактором столкновений между родителями и детьми является неодинаковая степень привязанности обеих сторон друг к другу, иначе говоря, тот чрезвычайно печальный для родителей факт, что дети не питают к ним даже и «третьей части» (по определению Фурье) того чувства, которое они питают к детям. Не мало горя причиняет родителям

*) Th. de quatre mouv., стр. 162 — 170.

разлука с детьми, которые в своем стремлении уйти из-под ферулы родителей, нисколько не считаются с причиняемым ими огорчением.

Замечательно то,— отмечает Фурье в заключение своей характеристики,— что сами цивилизованные считают брак и семью «коробом несчастий», ловушкой и западней для неопытного человека. «Если порасспросить их, то вы услышите от $^{7}/_{8}$ жалобы на невзгоды брачной жизни, в особенности, если вы поговорите с бедняками, для которых эта жизнь — непрерывный ряд бедствий. Но если вы даже обратитесь к богачу, который не имеет основания жаловаться ни на свои денежные дела, ни на плохой характер жены, ни на обман в приданом, то вы от большинства все-таки услышите: какая бессмыслица, какая каторга эта семейная жизнь! Ах, если б можно было вернуться назад, то меня уже не заманили бы в эту ловушку!» *)

И вот этой брачно-семейной системе, отрицательные стороны которой так велики, что их трудно перечислить, подчинено в строе цивилизации положение целой половины человеческого рода — женщины, и самая сильная, привлекательная и изящная из всех человеческих страстей — любовь.

Противоречия и обманы любви и брака в строе цивилизации.— Из всего вышесказанного явствует, что цивилизация стремится извратить любовь, подчинить ее меркантильным расчетам брака и брачной морали; но на этом поприще она терпит полное поражение, ей не удается подавить голос самой сильной страсти. Отсюда обманы и противоречия, на которых зиждется вся любовь в цивилизации и от которых страдают обе стороны, но более всего женщины.

В так называемом «свете» стало обычным, чтобы муж имел своих известных содержанок, а жена — неизвестных любовников. Это необходимо для урегулирования семейной жизни и для завоевания общественного положения; в салонах это называется «уменьем жить». Дочь обманывает обоих родителей, умея сохранить невинный вид. Если вы встретите в великосветской гостиной суб'екта с поношенной физиономией, возмущающегося современными порочными нравами и восхваливающего добродетель, знайте, что перед вами тайный развратник.

Так как современный брак не призван и не может удовлетворить любовной страсти, то необходимость обмана молчаливо признана самим обществом; все дело лишь в том, чтобы обманывать умеючи. Современное общество возмущается нарушением любовной морали, если оно происходит открыто или обнаруживается, благодаря неловкости соучастников или отсутствию у них достаточных средств

*) Th. de l'Unité univ., ч II, стр. 75.

для сокрытия своих похождений; но оно благосклонно к обманщикам, которые умеют прикрывать свое распутство маской благочестия. Эти развратники, благодаря многочисленным и разнообразным похождениям, тонко изучили искусство дурачить людей; они очень любят, находясь среди плутов, руководить общественным мнением. Такие лицемеры, тайно распутствующие, а в обществе восхваляющие добродетель, более всего, как уверяет Фурье, любят превозносить целомудрие и невинность. Сколько по этому поводу в нашей цивилизации говорится прекрасных слов и пишется нравоучительных произведений, и как беспощадно бывает общество к юным особам, не соблюдшим себя и не сумевшим должным образом скрыть свою ошибку.

Так как современные супружеские отношения основаны на лицемерии и насилии,— говорит в другом месте Фурье,— то и здесь, как в запретной пограничной торговле возникает контрабанда; множество запретительных норм ведет неизбежно к их нарушению. Таким образом, самый принцип, на котором построены семейные отношения, носит в себе зародыш разложения. Самой позорной язвой современного брака является то обстоятельство, что вследствие неизбежного нарушения супружеской верности, мужчина большей частью не знает истинного происхождения своих детей. Тем не менее все эти вероломства цивилизованного брака вышучиваются в комедиях, которым неистово аплодируют сами обманываемые мужья и жены. На помощь обманывающим женам является закон, постановляющий, что отцом следует считать законного мужа родившей женщины, хотя бы противное было всем известно и вытекало из внешнего сходства ребенка с действительным отцом. Обман подкрепляется каким-нибудь медиком, уверяющим смущенного отца, что ребенок часто бывает похож на того, на кого женщина в период беременности случайно загляделась. Всю эту комедию санкционирует моралист, который с полувздохом и постной миной ханжи, принужденного покривить нечистой совестью для общего блага, уверяет, что лучше скрыть обман и оставить мужа в неведении насчет поведения его жены, чем, открыв ему истину, сделать его несчастным и разбить семейную жизнь, являющуюся краеугольным камнем, основой современного строя.

Допустим,— говорит в заключение Фурье,— что, благодаря строгому надзору родителей и мужей, существует небольшое число девушек и женщин, поставленных в необходимость сохранять целомудрие и верность; но сама ничтожность их числа является наилучшим обвинением закона, который не в состоянии никого привлечь под свое знамя и который в состоянии удерживать своих последователей только силой. Если мы разделим верных супруг на две категории — верных по доброй воле и по необходимости, то, говоря словами

Лабрюйера, едва ли найдется после десяти лет брака одна тысячная часть верных добровольно и сотая часть — по принуждению. Но не следует ли считать нелепым закон, когда он не в состоянии привлечь на свою сторону более $^1/_{100}$ из числа тех, для которых он издан, причем остальные $^{99}/_{100}$ стараются всячески его попрать, прибавляя к нарушению его какой-нибудь скандальный порок, вроде продажности, обмана в потомстве и пр. Как это случилось, что, не взирая на эти нелепости, на этот поток лжи, часть философии, называемая политикой, не удосужилась в продолжение 3.000 лет поставить вопрос: не следует ли видеть в этих репрессивных законах против любви заблуждение социального гения?» *)

Современная любовь давно и вполне по заслугам осмеивается романистами и составителями всякого рода пьес. И о какой любви может идти речь в сделке, купли-продажи, называемой браком?

У цивилизованных супругов любовь очень часто превращается, спустя несколько месяцев, а иногда и на второй день, в одну лишь животную грубость, в случайный союз без всяких иллюзий ума или сердца. Сколько таких случаев встречаем мы в народной массе, где супруги, проводящие дни в ссорах и грубых перебранках, поневоле мирятся ночью только потому, что у них нет денег для покупки двух кроватей, и грубая чувственность, животная страсть на мгновение торжествует над озлоблением и пресыщенностью. Если это любовь, то какой пошлой и невысокой марки!..

Как же относится ко всему этому философия? Она не только не возмущается этой грудой низостей, а, наоборот, нагромождает еще новые. Самую изящную из страстей она превращает в ловушку, в источник социальных плутней. Ведь, она вместе с торговлей заинтересована в размножении населения, в увеличении дешевых рабочих рук. В награду за соблюдение святости брака она обещает бедняку кучу оборванных голодных детей. Какая благородная роль предназначается для любви взамен свободы, которую у нее украли! У цивилизованных любовь не более как средство для поставки пушечного мяса, а у варваров она — тиран для более слабой половины человеческого рода; вот те почетные функции, которые в виде гарема и брака предоставляются любви нашими поклонниками мнимой свободы.

«Философия прославляет внешнее согласие, царящее в семьях, где молодая жертва переносит с героическим смирением брюзжание ревнивца, удалившегося от света. В действительности за этим внешним миром скрывается война, еще худшая, чем в семьях немецких поселян, где муж ставит возле очага палку, называемую «покоем семьи».

*) Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 68.

при помощи которой он кладет конец всем семейным раздорам. Деспотизм в более культурных семьях, быть может, более замаскирован, но не менее чувствителен. После этого приходится удивляться, почему оба пола не восстанут против семейного строя, столь противоречащего всем их стремлениям? Когда наблюдаешь эту домашнюю войну среди всех общественных классов, то невозможно не признать, что брак не есть назначение человека, и вместо того, чтобы искать временных и частных мер облегчения семейных раздоров, нужно было бы найти радикальное средство окончательного освобождения от этого любовного строя, который взращивает и развивает все элементы несогласия и неудовлетворенности, не производя ни одного из тех благ, которых нельзя было бы достичь при строе, основанном на полной свободе» *).

Созерцая в смущении порочные нравы, являющиеся последствием их проповеди,— говорит Фурье в другом месте,— моралисты ищут средств для исцеления зла, не задумываясь над тем, что самым лучшим средством явилась бы свобода. Но разве эти невежи и обманщики в состоянии понять, каково должно быть истинное назначение свободы? Они требуют неограниченной свободы для торговли, являющейся сплошным преступлением и надувательством, и отрицают свободу любви, расцвет которой привел бы ко всем добродетелям, всем чудесам в социальной политике. Что за злосчастная наука эти теории цивилизованных; что за дух противоречия по отношению к истине, ко всем требованиям природы!

Воспитание детей. Свою теорию воспитания Фурье строит на вполне экономико-материалистической базе. Целью воспитания он считает создание всесторонне развитого индустриального работника; средством воспитания у него является производительный труд; обучение должно быть наглядное и находиться в тесной связи с различными сторонами и фазами производительного труда. Учение Фурье о воспитании и постановку воспитательного дела в фаланге мы рассмотрим подробно в главе IV. «Система гармонии и кооперации». Здесь мы вкратце охарактеризуем его взгляд на этот предмет в связи с его критикой постановки воспитания в строе цивилизации.

Нет проблемы, которая была бы связана с таким множеством ошибок,— говорит Фурье,— как проблема о воспитании и его методах. Можно было бы подумать, что в этой отрасли социальной политики природа с особым удовольствием высмеивала всех наших корифеев, начиная от Сенеки, воспитателя Нерона, до Кондильяка и Руссо, из которых первому удалось только создать политического кретина, а второй не осмелился даже взяться за воспитание своих собственных детей.

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 171 — 172.

И он очень хорошо сделал, ибо достиг бы наверно таких же результатов, как Цицерон, который привлек на помощь всю ученую клику Афин и Рима, чтобы сделать из своего сына самое ничтожное существо, идиота, единственное достоинство которого заключалось в том, что он носил имя Цицерона, был наследником его громадного состояния и умел одним духом проглотить целую кружку вина. Пьянство было единственным талантом сына знаменитого римского оратора; среди пьяниц он занимал то же место, как его отец среди наиболее выдающихся умов своей эпохи.

«Воспитание в строе ассоциации,— говорит он дальше — будет направлено, прежде всего, к тому, чтобы с самых ранних лет развить естественные склонности и инстинкты ребенка, дать простор всем его физическим и духовным способностям и приспособить каждую личность к тому призванию, к которому его предназначила природа. Метод цивилизации действует в обратном направлении: он противоречит требованиям природы, ослабляет и подавляет способности детей и в большинстве случаев не дает, за редкими исключениями, человеку возможности выполнить свое призвание. Если ваша звезда сделала вас поэтом, то уроки морали и сыновнего долга сделают из вас, как из Метастаза, не поэта, а портье, и все усилия философской мудрости будут направлены к тому, чтобы оторвать вас от того назначения, которое вам дала природа. Почти все цивилизованные имеют право на эту жалобу *).

«Гармоническое воспитание будет основано на естественном влечении, на свободном развитии всех инстинктов и страстей. Современное воспитание, которое основано, как раз наоборот, на принуждении и насилии, нельзя назвать нормальным. Оно, прежде всего, губит здоровье детей. Возьмем, например, любую сотню детей из богатого класса. Несмотря на прекрасный уход за ними с колыбели, они слабее полунагих деревенских детей, о которых заботятся чрезвычайно мало, и которые питаются черствым хлебом.

«Современное воспитание далее уродует ребенка морально, внушая ему противоречащие друг другу идеи, воспитывая в нем противоположные наклонности и не развивая, а, наоборот, часто ослабляя и губя его природные способности. Возьмем, например, такой факт. Как только шестнадцатилетний молодой человек вступает в «свет», родственники, соседи, слуги, товарищи приучают его смеяться над теми самыми правилами, которые внушали ему страх и уважение в детстве; они заставляют его следовать правилам блестящего света и советуют не обращать внимания на внушенные ему воспитанием правила морали,

не позволяющие предаваться наслаждениям. Молодой человек начинает развлекаться любовными похождениями; затем, пресытившись ими, он старается тем или иным путем удовлетворять свое честолюбие. Как нелепо со стороны современных педагогов прививать своим воспитанникам такие взгляды, которые «свет» старается перевернуть вверх дном, лишь только юноша вступает в него. Едва ли можно встретить теперь такого целомудренного юношу, который следовал бы строгим требованиям морали и не воспользовался бы (совсем не на подобие библейского Иосифа) удобным случаем совершить прелюбодеяние. А если бы нашелся такой юноша, он был бы загадкой и для общества, и для моралистов. Искушенный опытом «свет» стал бы насмехаться и над финансистом, который не воспользовался бы случаем безнаказанно присвоить чужую собственность; на него смотрели бы, как на мечтателя или глупца, не умеющего пользоваться благоприятными обстоятельствами *).

«Таковы плоды нынешних воспитательных методов в области морали. Легко далее убедиться, что современное воспитание не развивает, а губит способности детей. Дело в том, что ребенок сызмальства обнаруживает склонность к практической деятельности, стремление все рассматривать, все трогать руками, любовь к маленьким инструментам и приборам; таковы его основные природные наклонности. Ими нужно воспользоваться в двояком отношении: во-первых, их нужно развивать и, таким образом, подготовить из ребенка будущего работника; во-вторых, нужно, воспользовавшись склонностью и даже любовью детей к работе, развивать их умственные способности, об'ясняя им состав материалов, их свойства, откуда они добываются, и проч., одним словом, строя научное образование на прочной основе природных наклонностей ребенка и развития их посредством индустриального труда. Современная педагогика не делает ни того, ни другого и, следовательно, не развивает, а губит способности детей.

«Современное воспитание рассматривает тело, как придаток души, и стремится формировать душу, не обращая внимания на тело и его потребности; оно не внимает голосу природы. Между тем, следовало бы поставить дело как раз наоборот, следует формировать тело, считаясь прежде всего с телесными склонностями, ибо душа, это — властелин, который является в свой замок лишь тогда, когда слуга все приготовил для его встречи; нужно, следовательно, подготовить тело для восприятия всех душевных способностей, как знаний, так и чувств, как красоты, так и справедливости **).

*) Nouv. Monde ind. et soc., стр. 169 — 170.
**) См. Th. de l'Unité univ., т. IV, стр. 76.

«Немаловажным злом современного воспитания является предпочтение, отдаваемое теории перед практикой. По нынешней системе воспитания ребенок до семи лет оставляется в безделии; с седьмого года ему начинают прививать теоретические знания, которые он воспринимает с отвращением, в результате чего он не приобретает ни навыка к работе, ни действительно полезных знаний. В строе Гармонии дело будет поставлено как раз наоборот,— уже с двух лет ребенок занимается полезными работами и к шести годам он, играя, усваивает много практических сведений, под влиянием чего у него является интерес к точным наукам. Воспитание в цивилизованном обществе противоречит детской природе, составляя часть системы цивилизации; современное воспитание так же нелепо, как и вся система.

«Общественный строй, при котором отцы, подобно пленникам, вынуждены сидеть целые дни в канцеляриях, конторах или на фабриках, заточает и детей на круглый год в школу-тюрьму, заставляя их в ясную и дождливую погоду все сидеть за книгой, между тем, как ребенку хотелось бы резвиться в поле, гулять в лесу или в саду. Может ли он после этого почувствовать к учению что либо, кроме отвращения? Наши политики и моралисты постоянно говорят о природе; однако они никогда не считаются с ней в своей деятельности. Посмотрите на детей в каникулярное время. Посмотрите, как они, одевшись в летние костюмы, возятся в сене, с каким удовольствием они помогают собирать виноград, орехи и разные плоды, как охотно они преследуют вредных птиц и т. д. Предложите им в такой момент вернуться к учебным занятиям, и вы увидите, насколько сидение взаперти за книгами, в обществе педантов, соответствует природе ребенка, желающего наслаждаться хорошим временем года. На это мне ответят: ребенку необходимо с ранних лет учиться, чтобы впоследствии стать человеком, достойным имени свободного гражданина конституционной и торговой страны. Это очень хорошо,— отвечу я. Но если дети станут учиться, благодаря влечению и соревнованию, которые пробудит в них «кабалист» (т.-е. страсть к интриге, вызывающая соревнование), они за зиму в течение сотни двухчасовых уроков получат больше знаний, чем в триста дней, которые они теперь должны высидеть в школе или пансионе.

«Современного ребенка можно заставить учиться лишь посредством наказаний, розог и лишений. Только за последние пятьдесят лет наука, удрученная современной постановкой воспитания, стала разрабатывать новые менее суровые методы, посредством которых она надеется овладеть симпатиями детей. Стремясь заполнить пустоту и скуку школьной жизни, она старается пробудить в учениках страсть к соревнованию и симпатии к учителям. Из этого видно, что современная

наука начала уяснять себе, наконец, истинные задачи воспитания; однако, она не имеет возможности осуществить свои идеалы. Взаимные симпатии между учителями и детьми, как и вытекающее отсюда взаимное согласие, могут быть только результатом доброжелательных собеседований, удовлетворяющих в то же время детскую любознательность. Такая постановка дела совершенно немыслима в цивилизованном обществе, в котором обучение и воспитание ведутся неправильно, главным образом, благодаря нелепому стремлению педагогов ставить теорию выше практики; кроме того, занятия поставлены неправильно в отношении распределения учебного времени (непрерывность занятий) и в смысле односторонности сообщаемых сведений. Из современных детей, может быть, одна восьмая легко усваивает то, чему их учат; впрочем, даже и эта незначительная часть равнодушно относится к учению. Учителя выводят отсюда, что остальные ученики, т.-е. семь восьмых никуда негодны. Опираясь на меньшинство, которое является исключением, учителя издают свои правила; они повторяют обычную ошибку всех зовущих современных людей к совершенству. Незначительные исключения встречаются повсюду, но нужно обращать внимание не на них, а на большинство, на массы, которые являются правилом».

Из приведенных немногих строк ясно вырисовываются педагогические воззрения Фурье, как педагога-гуманиста и смелого передового мыслителя в области воспитания, одного из основателей теории трудовой школы. Но Фурье не ограничивается, как мы сказали, критикой воспитательных методов строя цивилизации,— он подробно излагает собственную систему воспитания, с которой мы познакомимся при рассмотрении строя Гармонии.

§ 9. Общая картина строя цивилизации в изображении Фурье.

Если мы теперь попытаемся сочетать все нами изложенное о цивилизации в одну общую картину, то получим следующее.

Фурье подвергает цивилизацию всесторонней, беспощадной, и, нужно признать, уничтожающей критике. Цивилизация прогнила насквозь во всех своих устоях. Она не дает того счастья, которое является назначением человека. Наоборот, она дает страдания, болезни, преступления, тягостный, уничтожающий и вредный для здоровья труд, нищету, необеспеченность и голод, эксплуатацию, взаимную ненависть и яростную вражду людей, гнет и принуждение вместо свободы; даже ее мораль, которой она так хвастает, является совокупностью лицемерных норм, направленных против законов природы; ее брак — противонравственная сделка, прикрытие разврата; воспитание — средство

уродовать детские души, религия — ханжество и лицемерие; созданная экономистами и философами социальная наука — ложь и обман.

Исходя из того положения, что назначение человека есть счастье, Фурье шаг за шагом доказывает, насколько счастье невозможно в современном строе цивилизации. В самом деле, счастье, наслаждение физическое и духовное, беззаботное и радостное существование, гармоничное удовлетворение наших материальных и духовных потребностей, одним словом, образ жизни, достойный человека — возможны только при материальной обеспеченности, при таком общественном строе, который гарантирует каждому его члену необходимый минимум средств к жизни. В противном случае человек превращается в жалкое, забитое животное, все помыслы которого устремлены на то, чтобы добыть еду для утоления своего голода и чтобы куском хлеба заткнуть глотку ревущим от голода детенышам. Таковы рабочий и крестьянин строя цивилизации; эти полунищие-полукаторжники, впряженные в свой подневольный ненавистный труд, отнимающий у них 15 часов в сутки и оставляющий им меньше досуга, чем нужно для того, чтобы наскоро проглотить невкусную малопитательную и нездоровую еду и восстановить свои силы мертвецким сном где-нибудь в грязном углу на куче тряпья. Для подобного рода забитых, обездоленных и униженных индивидов не существует ничего возвышенного, никаких умственных и моральных интересов, стремлений, наслаждений и радостей.

Бедность и материальная необеспеченность — вот основные недуги современной цивилизации и главные причины всех других ее зол и неустройств. Вся критика Фурье направлена на то, чтобы доказать, что современный строй цивилизации не в состоянии дать человеку счастья, основой которого является материальная обеспеченность; и это происходит отнюдь не от того, что богатые захватили в свои руки все богатство, ничего не оставив бедным. Если бы все богатство самой богатой страны настоящего момента, все ее имущество, и доходы распределить поровну между ее жителями, то, как правильно утверждает Фурье, получилась бы равномерно распределенная бедность *).

Фурье доказывает — и вполне правильно,— что в современном обществе производство поставлено так нелепо и нецелесообразно, что оно не может дать и десятой доли того, что оно могло бы дать при правильной постановке дела, при целесообразном использовании производительных сил.

Каковы отличительные особенности труда и какова его организация в современном социальном строе?

*) По вычислении Фурье, при равномерном распределении годового национального дохода Франции его эпохи, на долю каждого жителя пришлось бы 55 сантимов (т.-е. около 20 коп.) в день, что, конечно, следует считать бедностью.

Прежде всего, в цивилизации масса рабочей силы пропадает без пользы или вследствие ее непроизводительного применения, или вследствие паразитического существования ее носителей.

Фурье перечисляет до 15 категорий непроизводительных или малопроизводительных работников и паразитов. Малопроизводительна работа $^3/_4$ городских и сельских женщин, направленная на обслуживание индивидуального хозяйства, тогда как в строе фаланги такая же работа гораздо лучшего качества будет производиться небольшой частью тех же работниц; непроизводительна работа домашней прислуги, которой совсем не нужно будет в фаланге; непроизводительна работа $^9/_{10}$ купцов и посредников, двух третей агентов транспорта, чиновников, военных и т. п. паразитов, живущих на чужой счет, каковы праздные люди высших классов, софисты и спорщики, ходатаи по чужим делам и проч. Все эти категории людей станут производительными классами в фаланге, где не будет ни военных, ни домашней прислуги, ни бездельников.

Но указанное зло не составляет главной причины непроизводительности труда в современном общественном строе. Труд в цивилизации носит в самом себе порок, отнимающий у него его главную двигательную силу. Труд в цивилизации — проклятие, потому что основан не на свободном влечении, а на насилии, нужде, угрозе голодной смерти. Труд в цивилизации лишен привлекательности, вследствие мертвящего однообразия работы и изнурительной длительности рабочего дня, вследствие отвратительной обстановки, ввергающей труженика в болезни или причиняющей ему преждевременную смерть, вследствие того, наконец, что труженик сознает бесплодность своих усилий для улучшения его положения, так как плоды его трудов присваиваются другими. В фаланге же, как мы увидим из дальнейшего изложения идей Фурье, труд станет привлекательным занятием, вследствие разнообразия, непродолжительного занятия одной и той же работой (не больше $1^1/_2$ — 2 час.) и перехода в продолжение рабочего дня от одного занятия к другому, вследствие гигиеничности и приятности обстановки труда и чередования сеансов работы в закрытых помещениях с сеансами на воздухе, на лоне природы, а также, наконец, вследствие полного присвоения работником плодов его усилий.

К числу самых вредных паразитов относятся торговцы, которые не только ничего не производят, но разными мошенническими способами отнимают у тружеников значительную часть продукта их столь тяжкого и унизительного труда. Торговля — сплошное мошенничество, замаскированная кража, искусство лжи и обмана. Торговля не только обманывает и обворовывает; она отравляет потребителя, подсовывая ему фальсифицированные, недоброкачественные продукты, причем главными

ее жертвами в этом деле являются рабочие, крестьяне, служащие и вообще весь тот мелкий люд, с которым не принято церемониться.

Но труд в строе цивилизации непроизводителен не только вследствие перечисленных причин, принудительного и отталкивающего характера, похищения у тружеников плодов его усилий хозяевами и торговцами и пр.; он крайне непроизводителен, вследствие плохой организации производства, вследствие свободной конкуренции и так называемой свободы торговли, за которую так распинаются экономисты.

Зло не в крупном производстве, нет. Фурье — ярый сторонник крупного производства, которое несравненно выгоднее мелкого. Зло — в постановке современного крупного производства, которое он называет индустриализмом. Индустриализм это — прежде всего мания производить без плана и системы, мания выбрасывать на рынок возможно больше продуктов, так как торговцами *) руководит одна идея — идея наживы. Фурье дает удивительно верное для своего времени об'яснение «торговых» (следовало бы сказать: «промышленных») кризисов «от изобилия» (т.-е. от перепроизводства) и отсутствия планомерности в производстве и распределении. Индустриализм, как доказывает далее Фурье, ведет, с одной стороны, к сосредоточению (концентрации) капиталов в немногих руках, а с другой,— к обнищанию масс. Нищета рабочих масс — вот бич современной индустрии; нищета эта тем сильнее, чем страна промышленнее; в Англии она сильнее, чем в Испании, где нищенство добровольно, ибо всякий испанец может получить заработок, если не поленится работать; в Англии же рабочий класс становится тем беднее, чем больше работает.

В результате такого положения вещей получается вырождение рабочего класса и дальнейшее уменьшение производительности его труда, антагонизм между личностью и обществом, между одной группой людей и другой, т.-е. борьба классов, говоря современным языком. А это неизменно должно вести к разложению и перевороту, т.-е. к революции. Грядущая революция будет борьбой не за право и конституцию, а борьбой бедных против богатых, т.-е. социальной революцией.

Такова материальная сторона строя цивилизации; не лучше ее моральная сторона. Возьмем прежде всего сторону политическую. Великая Французская Революция пролила потоки крови, вырезала лучших людей Франции, чтобы,— как уверяли главари революционного движения той эпохи,— дать народам свободу и многие другие блага. Но дала ли действительно революция хотя бы свободу? Фурье категорически утверждает, что ничего подобного революция не дала. Да в цивилизации свобода вообще невозможна. Основой свободы

*) Фурье, как мы уже замечали часто, говорит о торговце там, где следовало бы говорить о промышленнике.

является беззаботность, которая, в свою очередь, опирается на обеспеченность. Но кто обеспечен и беззаботен в современном обществе, за исключением богачей и привилегированных, о беззаботности которых, впрочем, можно говорить условно, с натяжкой? Что же касается рабочих, крестьян, служащих, то они — вечные рабы своей тяжелой принудительной работы, дающей им возможность жить впроголодь, рабы своих хозяйств, работодателей и начальников, неуверенные в том, что у них завтра будет кусок хлеба для себя и для семьи, что завтра хозяин или начальник, по произволу или капризу, не выбросят их за дверь, ввергнув их, таким образом, в то состояние отчаяния, когда у самых мужественных является мысль о самоубийстве. Сколько забот, огорчений, неприятностей и тяжелых дум терзают современного цивилизованного человека! Говорить о свободе современного человека — просто насмешка, такая же насмешка, как подсовывать рабочему, вместо гарантии минимума и социальной обеспеченности, декларацию прав и конституцию. Фурье очень остроумно и убедительно доказывает, что дикарь, не попавший в лапы цивилизованных поработителей, свободнее современного рабочего или крестьянина, потому что он наслаждается беззаботностью, вследствие предоставляемых ему природой и обычаями племени естественных прав.

При рассмотрении положения женщины Фурье устанавливает очень меткое правило социальной жизни, согласно которому общественное положение женщины служит мерилом прогрессивности данного строя. Он доказывает, что в цивилизации на женщине лежит весь гнет общественного и экономического строя, который или отводит ей самый тяжелый неблагодарный труд, или толкает ее на тунеядство и проституцию. Если же женщина стремится заниматься умственным трудом, она встречает недоброжелательство и насмешку.

В основе любви и брака строя цивилизации лежит лицемерие, продажность и разврат. Наружно все осуждают свободу любви, а скрытно всякий, кто только может, завязывает любовные интрижки и считает себя счастливым, если ему удалось нарушить запрет прелюбодеяния. Те, кто ведут воздержанный образ жизни, делают это по необходимости,— одни из страха болезни, другие вследствие своего общественного положения, третьи вследствие отсутствия денежных средств. Современные развратники удивительно ловко умеют прикрывать свои похождения маской благочестия. Если вы в салоне встретите суб'екта с поношенной физиономией, ханжу, восхваляющего добродетель и воздержание, знайте, что перед вами тайный развратник.

Брак это — торговая сделка. Когда в обществе становится известным про женитьбу молодого человека, то, прежде всего, спрашивают, что и сколько он получил за невестой; и уважение к нему возрастает

вместе с цифрой полученного им приданого. Того, кто женился по любви на бедной девушке, считают дураком; такой человек теряет кредит; от него отворачиваются, как от совершившего предосудительный проступок. От девушки под страхом общественного беспощадного осуждения требуют строгого воздержания; но если это вынужденное воздержание затягивается дальше определенного возраста, над нею начинают издеваться, как над старой девой. У современных супругов любовь очень часто превращается, спустя несколько месяцев, а иногда на второй день после брака в животную грубость, в случайный союз без всяких иллюзий ума или сердца; супруги, целый день ссорящиеся, ночью поневоле мирятся, потому что им приходится спать в одной кровати. Если это любовь, то какой пошлой и невысокой марки!

А воспитание детей! Оно поставлено в современном строе так, что приводит к цели, совершенно противоположной своему назначению. В современном обществе вообще не понимают той цели, которой должно служить воспитание; ни один из современных педагогов не понимает, что целью воспитания должно быть развитие в ребенке индустриального влечения и превращение его в полезного всесторонне развитого работника. Современное воспитание не считается с природой ребенка; оно уродует его в угоду моралистов и педагогов; оно отнимает у ребенка счастье и беззаботность детства, отравляет его ум, расстраивает и надрывает его здоровье. Принцип современного воспитания это — принуждение, в то время, как в основу воспитания должно быть положено свободное влечение, но проведение такого принципа противоречило бы цивилизации, где все построено на принуждении, насилии, угнетении слабого более сильным. Пороки цивилизации неисправимы, она должна быть отвергнута целиком и заменена строем Гармонии, основанным на началах влечения, вытекающего из свободной игры страстей.

ГЛАВА III

Основы учения и миросозерцания Фурье.

§ 1. О единстве и закономерности вселенной и роли в ней божества.

На первый взгляд воззрения Фурье кажутся очень сложными и запутанными. Но внимательное рассмотрение показывает, что в основе этого сложного миросозерцания лежит несколько простых идей. К числу их относятся следующие: 1) идея о мировом единстве и всеобщей закономерности, проникающей весь естественный и социальный мир; 2) о притяжении страстей, как одном из проявлений всеобщего притяжения, господствующего в природе; 3) об ассоциации, как наилучшей среде для целесообразного проявления страстей и наиболее совершенной форме человеческого общежития. Согласование этих идей и превращение их в цельную систему происходит вокруг вопроса о цели и смысле человеческого существования. Ставя себе этот вопрос, Фурье находит, что целью этой является счастье, т.-е. наиболее полное, всестороннее и разнообразное удовлетворение человеческих потребностей и страстей, доведенное до высшей утонченности. Средствами же к достижению этого счастья являются: а) вышеупомянутый принцип ассоциации, т.-е. общности и согласованности интересов в противовес индивидуализму и свободе конкуренции строя цивилизации; далее б) свободная игра страстей, которые являются как бы цементом, скрепляющим человеческие единицы, из которых состоит ассоциация и в) неравенство (физическое, умственное, нравственное, возраста, пола, материальных средств) или градуированная постепенность, как один из важнейших стимулов игры страстей.

Рассмотрим подробнее сущность этих принципов и их взаимоотношения.

Кардинальной идеей учения Фурье является идея о единстве вселенной, т.-е. о единой закономерности, господствующей во всей природе, человеческом обществе и самом человеке; отсюда название его самого зрелого произведения: «Теория всемирного единства». Основой этого единства является проникающее всю природу движение, которое по существу едино, но принимает различные формы в мире

неорганическом и органическом, социальном и индивидуальном (отсюда название первого сочинения Фурье: «Теория четырех движений»). Изучив закономерность, проникающую всю вселенную, от песчинки и былинки через весь растительный, животный и человеческий мир до самых отдаленных звезд и неведомых еще миров, он, Фурье, открыл возможность познать будущие судьбы, как всего мира, так и, в частности, человечества (отсюда подзаголовок его первого сочинения — «и всеобщих судеб»). Познав же эти судьбы, он строит, согласно с их указаниями, «Новый индустриальный и сосьетарный мир» *).

Но движение, проникающее всю природу, не самостоятельно. Носителем его является Верховное Существо, руководящее всей вселенной, вносящее гармонию и единство во все ее проявления, устанавливающее непрерывную цепь взаимоотношений между всеми царствами природы, между природой и человеком, между отдельными людьми, между всем человечеством и мировой системой.

Обязанность и призвание ученых, желающих регулировать человеческое общежитие и водворить благоденствие на земле,— изучить законы вселенной и в частности законы социальной жизни, установленные богом. К несчастью, истинное богопонимание затемнялось с древних времен. Древние народы забыли об едином боге и стали поклоняться множеству богов, число которых доходило до 35.000. При таком множестве богов невозможно было ни понять сущность божества, ни познать его волю. Сократ и Цицерон, благодаря своей мудрости, не могли удовольствоваться таким богопознанием и, отказавшись от нелепостей язычества, поклонялись «неведомому богу». Возникновение и распространение христианства вернуло нас к единобожию и помогло нам познать бога и его волю. Философы, правда, говорят о непостижимости бога; но такое рассуждение есть результат недомыслия и заблуждения, в которые философы впадают на каждом шагу.

Фурье приписывает богу следующие свойства и функции: 1) полное руководство движением; 2) целесообразное использование мирового

*) Правда, Фурье сам (в своей „Теории всемирного движения" и очерках, собранных в „Манускриптах") излагает в ином порядке ход своих „открытий". Согласно этим данным, он сначала остановился мыслью на вопросе об ассоциировании людских интересов и пришел к мысли о группах и сериях. Группы и серии должны приводиться в движение не насилием, а естественным влечением (страстями); размышляя над сущностью естественного влечения, он пришел к мысли, озарившей всю его систему новым светом, а именно, что естественное влечение, господствующее в сериях, есть не что иное, как часть общего *притяжения, господствующего* в природе. Таким образом, как говорит Фурье, он пришел к открытию закона всемирного тяготения в той части, в которой он ускользнул от внимания Ньютона.

Но каков бы ни был логический и психологический путь, которым Фурье пришел к идее о единстве всемирного движения и о закономерности, проникающей всю природу, он эту идею считает основой своих дальнейших рассуждений и связанных с ними выводов.

механизма и экономию двигательных средств; 3) справедливость в распределении; 4) универсальное проведение; 5) установление единства всей системы.

Богу принадлежит полное и интегральное руководство движением. Это значит, что бог является руководителем всего мира, началом и концом всякого движения, совершающегося во вселенной, которое он распределяет не случайно и произвольно, а в известной закономерной связи. Он заведует всем движением, следовательно, не только материального, но и социального свойства, устанавливая порядок развития человеческих обществ; он, значит, является социальным законодателем, и люди, а тем более философы, должны постараться открыть социальный закон, от века установленный для них богом. Между тем философы гордо и дерзко отвергают божье предопределение, заменяя его своими измышлениями и произвольными умствованиями *). Рассмотрение законов движения показывает, что в основе их лежит притяжение естественное и социальное — притяжение между телами в природе и между индивидами и группами индивидов в социальном мире. Согласно этому закону, как мы увидим ниже, в строе Гармонии группы и серии, образующие фаланги, будут толкать входящих в них индивидов к производительному труду только на основе законов притяжения,

---

*) „Вот предмет для горячих споров с философами! — заканчивает Фурье рассмотрение первого из свойств божества. Из вышесказанного следует, что философия не должна создавать законы для человеческих обществ, а что необходимо открыть законодательство, уже созданное богом; таким образом, мы ставим бога на первый план, а человеческий разум на второй. Но философия изменяет этот порядок, она хочет отодвинуть бога на второй план и предоставить первое место человеческому разуму; одним словом, она отнимает у бога прерогативы законодательства, чтобы предоставить ее философам — Диогену и Мирабо".

Из всего приведенного нами касательно первого из свойств бога мы видим, что здесь Фурье, в мистической форме, высказывает ту великую мысль, которую, впрочем, мы в более ясном виде встречаем у некоторых его современников, и которая впоследствии стала основным и руководящим положением социологии,— что общественные явления подчинены такой же закономерности, как и явления естественные. Правда, Фурье имеет неясное и сбивчивое представление об этой основной истине современной социологии, раз утверждает, что в цивилизации, все происходит вопреки „законам" божественной воли, которые он, Фурье, намерен восстановить.

Если отбросить мистическую оболочку в этих рассуждениях или заменить понятие „бог" понятием „природа", то глубина изложенных идей выступает во всей полноте. Идеи, здесь изложенные, таковы: природа, управляющая всем движением, управляет и развитием человеческих обществ или, как выражается Фурье, создает законодательство („социальный кодекс") для человеческих обществ. Задача ученых открыть это развитие, а не заменить его своими измышлениями. Примат природы над человеческим разумом заключается в том, что человек должен стремиться к познанию законов природы и социальной жизни с тем, чтобы сообразовать с ними свои действия, но не поступать наоборот, не стремиться подогнать законы природы и общества под свое субъективное мышление, „и тогда будет установлено сердечное согласие между творцом и творением или согласие между свободной волей человека, повинующегося вследствие удовольствия, и властью бога, повелевающего посредством удовольствия". (См. Nouveau Monde industr. et soc., стр. 351 — 356).

а не на основе обуздания и притеснения, как мы это видим в цивилизованном строе. Основываясь на второй функции божества,— целесообразном использовании мирового механизма и экономии двигательных средств, Фурье утверждает, что из самой божественной воли вытекает необходимость об'единения людей в ассоциации (в виде фаланг, групп и серий), которые являются наиболее целесообразными формами социального механизма, и в которых социальная энергия затрачивается экономнее, чем в цивилизованном строе, где энергия расходуется нецелесообразно и неэкономно в множестве мелких ячеек, какими является современная семья и изолированное частное хозяйство.

Третий закон божественной воли — справедливость в распределении. Лучшим доказательством его служит равномерное и справедливое распределение среди животных и первобытных народов. Он во всей силе обнаружится в строе Гармонии, где не будет насилия и принуждения, и где люди, следовательно, будут жить, согласно с законами бога.

Этот закон совершенно игнорируется в современном цивилизованном строе, где труженику не обеспечен даже минимум, необходимый ему для существования. Божественная воля здесь не только игнорируется, но подавлена целым рядом нелепых законов, приводящих к тому, что прогресс в цивилизации тесно связан с ростом народной нищеты, чего не замечают власть имущие и философы. И вот мы видим, что гибельное влияние торгашеского духа приводит к тому, что теплые пояса наводняются черными рабами, оторванными от родины, а белые рабы несут тяжелое ярмо в умеренном поясе, где их теперь эксплуатируют английские промышленники, пример которых в будущем заразит и другие страны. Можно ли говорить о какой-либо справедливости порядков, при которых развитие промышленности не обеспечивает даже работы для бедняков? Только в строе Гармонии будет осуществлена эта справедливость в распределении, благодаря тому, что трудящимся будет гарантировано пропорциональное и справедливое распределение благ и барышей.

Забота божества о судьбах всего мира или универсальное провидение заключается в том, что оно простирает свои попечения на все народы, населяющие земной шар, как на дикие, так и на цивилизованные. Но из того факта, что дикие и варварские народы отказываются перенять наш общественный строй, с несомненностью явствует, что наши порядки не соответствуют божественной воле. Божественная воля направлена на осуществление такой системы, которая установила бы гармонию между всеми людьми. Но этому противоречит строй, основанный на насилии. Само существование угнетаемых классов, как, например, рабов, которые при существующих условиях

непосредственно испытывают этот гнет, или рабочих, эксплуатируемых теми или иными способами,— указывает на то, что часть общества лишена забот провидения. Божественный промысел, будет проявляться на земле лишь тогда, когда установится режим естественного влечения, и сообразно с этим сорганизуется труд в человеческом общежитии. А потому, чтобы промысел божий стал всеобщим, необходимо создать такой общественный строй, который приветствовался бы всеми народами и всеми общественными классами.

В пятом пункте, говорящем об установлении единства всей системы, дополняется и иными словами выражается то, что имеется в виду в пункте первом. Это — стремление божества к установлению единства мироздания, единого закона, управляющего всей вселенной, начиная с звезд и кончая ничтожным насекомым.

Итак, Фурье, путем изучения божественной воли, приходит к идее о существовании единого закона для явлений физического и морального мира и к идее о том, что эта воля диктует человечеству установление строя Гармонии, в основе которого будет лежать ассоциация из 1.600 — 2.000 человек.

Заметим кстати, что Фурье очень почтительно относится к религии и усердно ругает безбожников в роде Оуэна. Он тем охотнее отводит религии и духовенству подобающее место в своем будущем строе, что надеется получить поддержку со стороны этого всесильного сословия, а, может быть, и самого папы, для осуществления своих идей. Вот почему он был несказанно изумлен, когда узнал, что папа внес его книгу в «индекс», т.-е. в список книг, запрещенных для правоверных католиков. И нужно признать, что папа поступил вполне основательно, потому что бог Фурье ничего общего не имеет с христианским богом и привлечен Фурье в свою систему единственно для того, чтобы при его помощи открыть и об'яснить законы движения и естественного влечения (притяжения). Это явствует из всех его построений, где в качестве первопричины у него выступает божество; но особенно рельефно сущность его воззрений на божество проявляется при рассмотрении свойств движения *).

*) О роли божества во вселенной см. Nouveau Monde ind., гл. 40; и Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 245 — 270.

Как мы видим из изложенного и как еще больше выяснится из дальнейшего, Фурье стремится доказать, что его учение целиком совпадает с планами божества и что его социальная теория уже предсказана Новым Заветом. Некоторые из его учеников еще сильнее подчеркивали эту идею, уверяя, что их учение стремится к возрождению древнего христианства. Так, Менье пишет в La Tradition socialiste: „Идея христианства должна внедриться когда-нибудь во все человечество; должен наступить день, когда, по словам апостола, все люди признают себя членами Христа и в человечестве будут приветствовать самого Христа". „Социализм это — христианство — восклицает Консидеран (в „Мирной Демократии"). — Язычники, обращайтесь!" (цит. по Буржену).

§ 2. Учение о движении и теория притяжения страстей.— Роль страстей, как факторов социальной интеграции.— Кабалист, папильон, композит.

Теория движения неразрывно связана у Фурье с теорией о единстве вселенной, составляя, таким образом, основу его миросозерцания и учения. Простая и чрезвычайно глубокая мысль, что та же бессознательная сила, которая действует во всем естественном мире, в видоизмененной форме, а именно в форме человеческих инстинктов и страстей, приводит в движение и социальный мир., эта мысль, к сожалению, затемнена у него совершенно ненужным нагромождением в виде аналогий, мистической связи с божеством и пр. *). Но именно при рассмотрении этого вопроса характерные особенности учения Фурье выступают с чрезвычайной выпуклостью, и мы поэтому принуждены изложить его учение о движении с теми особенностями, которые он сам ему придает.

В первом своем сочинении Фурье различал 4 вида движения: 1) материальное движение, т.-е. законы притяжения и тяготения небесных тел; 2) органическое движение, относящееся к различным свойствам тел, как-то: окраска, вкус, форма; 3) животное или инстинктивное движение, обнимающее побуждения и инстинкты всех живых существ всех времен; 4) социальное движение, т.-е. законы, управляющие развитием и жизнью всех общественных организмов. В дальнейшем он к этим четырем движениям прибавил пятое движение — аромальное, куда относятся: электричество, магнетизм, запахи и проч.

Приведенное деление, как мы видим, совершенно произвольно и как можно убедиться, Фурье не придает ему особенного значения, так как в дальнейшем проводит параллель, главным образом, между материальным и социальным движением.

В «Теории четырех движений» имеется примечание, уясняющее нам теорию движения Фурье и роль божества во вселенной. Приводим это примечание полностью, так как оно вместе с тем проливает свет на «метод аналогии», которому Фурье отводил очень важное место в числе изобретенных им наук и который сильно содействовал извращению и затемнению его правильных по существу взглядов.

«Четыре движения,— говорит Фурье в указанном примечании,— подчинены четырем зависимостям.

«Во-первых, законы четырех движений подчинены математике; без этой зависимости не было бы гармонии в природе и бог был бы несправедлив. В самом деле:

*) Не нужно долго углубляться в воззрения Фурье, чтобы убедиться, что его социальная система, основанная на счастьи, наслаждении, всестороннем удовлетворении страстей и, в особенности, любовной страсти, на стремлении к богатству и роскоши и т. д., не имеет ничего общего с бедностью, смирением, воздержанием и аскетизмом истинного христианства.

«Природа состоит из трех принципов: вечных, несоздаваемых и неразрушимых:

1) Бог или Дух — принцип активный и движущий;

2) Материя — принцип пассивный и двигаемый;

3) Справедливость или математика — регулятивный принцип движения.

«Чтобы установить гармонию между этими тремя принципами, необходимо, чтобы бог, двигая и видоизменяя материю, согласовался с законами математики. В противном случае он будет произволен в своих собственных глазах и глазах людей, вследствие несогласования своих действий с определенной независящей от него справедливостью. Но если бог подчиняется математическим правилам, которых он не может изменить, он находит в этом согласовании свою славу и свой интерес: с в о ю с л а в у, потому что он может доказать людям, что управляет вселенной на основании справедливости, а не на основании произвола, что он подчиняет материю законам, не подверженным изменению; с в о й и н т е р е с, потому что, действуя в согласии с математическими законами, он имеет возможность получить во всем движении наибольшие результаты путем затраты наименьшего количества энергии *).

«Мы уже знаем, что оба вида движения — материальное и органическое — находятся в согласии с геометрией; что все одушевленные и неодушевленные предметы устроены согласно ее законам. Итак, два из четырех движений согласованы с естественной, независящей от бога справедливостью.

«Остается узнать, что остальные два движения,— животное и социальное,— которые являются результатом игры страстей, следуют тому же правилу и что все страсти (даже самые противные) производят в человеке и животных результаты, геометрически урегулированные богом. Например:

Свойства д р у ж б ы срисованы (calquée) с свойств к р у г а.
» л ю б в и » » э л л и п с а.
» о т ц о в с т в а » » п а р а б о л ы.
» ч е с т о л ю б и я » » г и п е р б о л ы.
И коллективн. свойства этих четырех страстей » ц и к л о и д а.

*) Ясно, что бог, являющийся одним из трех принципов природы и подчиняющийся в своих действиях математическим правилам, которых он не может изменить, уступает первенство природе и математическим законам, ее проникающим, и, следовательно, не является тем руководителем мира, каким его изображает религиозное миропредставление. Если, однако, Фурье привлекает бога к мироуправлению, то он это делает из тех же соображений, из каких он привлекает богачей в свою фалангу.

«Таким образом, каждая геометрическая теорема служила типом какой-либо страсти человека или животного, причем эта страсть неизменно сохраняет свои отношения с теоремой, служившей образцом для ее создания.

«Вторая зависимость. Социальное движение является типом трех других. Движение животное, органическое и материальное согласуются с социальным, являющимся первым по порядку; это значит, что свойства животного, растения, минерала и даже звездного вихря представляют собой подобие человеческих страстей в социальном строе и что все, начиная от атомов и кончая звездами, образует таблицу свойств человеческих страстей. Например:

Группы млечных звезд представляют особенности честолюбия.
» планет » » любви.
» спутников » » отцовства.
» солнца и неподвижных звезд — » дружбы.

«Так что наши страсти, столь унижаемые философами, выполняют, по воле божьей, первую роль в движении вселенной; они представляют собой то, что является наиболее благородным в его глазах, так как по его воле вся вселенная расположена и устроена по образу результатов, производимых ими в социальном движении.

«Отсюда следует, что если жителям какой-нибудь планеты удается постичь законы социального движения, они открывают тем самым законы других видов движения, хотя последние являются в своем роде иероглифами социального движения. Следовательно, если бы мы не знали еще законов материального движения, установленных современной математикой, то их можно было бы открыть ныне по аналогии с социальным движением, в которое я проник и которое дает ключ для понимания системы трех других. К вреду для человеческого рода, ученые начали свои исследования с того, чем они должны были бы кончить, — с законов материального движения, которые труднее всего установить и которые ни в коем случае не открывают пути для познания трех других классов законов» *).

«Первая теория, мною открытая,— говорит Фурье в другом месте того же сочинения,— была теория притяжения страстей (дословно «страстного притяжения» — attraction passionée).

«Когда я убедился, что прогрессивные серии, т.-е. проектируемый новый строй, **) обеспечивают полное развитие страстям всех людей,

*) Th. de quatre mouv., примеч. на стр. 46 — 48; см. также Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 239 — 301.

**) Фурье, согласно его указаниям, пришел к своим открытиям, задумавшись первоначально над вопросом о наилучшем социальном строе; таким строем является, по его учению, своеобразная ассоциация, называемая им строем прогрессивных серий, о коих подробно будет сказано в главе о социальной системе.

без различия пола, возраста и классов, и что в этом новом строе сила и богатство людей будут возрастать пропорционально страстям, я отсюда сделал следующее заключение: раз бог дал так много значения притяжению страстей и так мало разуму, их вечному врагу, то он это сделал единственно для того, чтобы привести нас к строю прогрессивных серий, являющемуся благоприятной основой для этого притяжения; следовательно, подумал я, притяжение, столь ошельмованное философами, является истолкователем божьих воззрений на социальный строй. Таким путем я пришел к аналитическому и синтетическому вычислению притяжения и отталкивания страстей...

«Исследуя законы страстного притяжения, я вскоре убедился, что они во всех отношениях соответствуют законам притяжения материального, разъясненным Ньютоном и Лейбницем, и что существует единство системы движения материального и духовного миров.

«Далее я предположил, что эту аналогию можно распространить от общих законов на частные, что в царстве животных, растений и минералов притяжение и прочие особенности должны быть координированы по тому же плану, как в человеческом обществе и звездном царстве. В этом я убедился после должного исследования.

«Так была открыта новая точная наука — Аналогия четырех движений — материального, органического, животного и социального, или аналогия между видоизменениями материи и математической теорией страстей человека и животных. Открытие этой точной науки дало мне возможность познать и другие науки, перечислять которые я здесь не стану; скажу только, что они простираются до литературы и искусств и устанавливают точные методы во всех отраслях человеческих знаний.

«С того момента, как я овладел теориями притяжения и единства четырех движений, я стал читать свободно в волшебной книге природы; передо мною стали постепенно раскрываться ее тайны, я сорвал с них покров, считающийся до сих пор непроницаемым, я вступил в новый научный мир. Так я шаг за шагом пришел к вычислению всеобщих судеб или определению главной системы, обосновывающей законы всех движений настоящего, прошедшего и будущего времени.

«Чему следует больше удивляться в этом успехе: тому ли, что счастливая случайность открыла мне столько новых наук при помощи небольших выкладок относительно ассоциаций, которая, таким образом, является ключем к этим наукам, или безумию ученых, которые на протяжении двадцати пяти веков не помышляли даже заняться этими выкладками, хотя они бесконечно копались во множестве других наук. Надеюсь, что этот вопрос будет разрешен в мою пользу и что

размах моих открытий покажется менее удивительным, чем безумие ученых, упустивших возможность заняться столь важными вопросами.

«Но пусть ученые утешатся. Я им всем приготовил жатву славы и богатства; я несу им больше новых наук, чем было найдено золотых россыпей при открытии Америки. Не будучи достаточно просвещенным, чтобы развивать эти науки, я беру для себя только одну — о социальном движении; все остальные я предоставляю ученым различных категорий, которые, таким образом, получат в свое распоряжение роскошные владения» *).

Примат чувств над разумом. В вечном споре между разумом и чувствами Фурье становится на сторону последних и, таким образом, решительно порывает с философией конца XVIII века, которая высшим критерием всего сущего и всего должного считала разум, призывая индивид и коллектив в своих действиях следовать его указаниям, которые должны привести к благу каждого и всех. При свете этой теории (рационализма) человеческие страсти, своими проявлениями расстраивающие точные и планомерные построения холодного разума, должны казаться разрушительными началами, которые следовало отдать под строгий контроль разума, раз их нельзя окончательно подавить и искоренить. Но Фурье, как мы видим, подходит к делу с совершенно иного конца. Не страшась обвинений, которые должны были посыпаться на него со всех сторон, он на первый план в человеческой психике выдвигает инстинкты, чувства и страсти. Примат чувств над разумом у него вытекает, во-первых, из анализа действительного соотношения этих элементов в человеческой душе, в его переживаниях и поступках; во-вторых, чувства и страсти, как мы видим, являются у него видоизменением движения, господствующего в природе, которое (видоизменение движения) регулирует и направляет всю социальную жизнь.

Посмотрим, как мотивирует Фурье примат страстей над разумом в области человеческих переживаний и поступков.

«Философы говорят, что рассудок дан нам для борьбы со страстями. Но можно с уверенностью сказать, что не в этом заключается назначение рассудка. Противопоставление разума силе страстей кажется неубедительным даже в устах тех, кто придает разуму первенствующее значение. В деле подавления страстей разум не играет никакой роли. Детей может удержать от проявления страстей лишь страх, молодежь — лишь отсутствие средств. Воздержание стариков об'ясняется разочарованиями, оставленными пылкими страстями юности, а народные страсти укрощаются только страхом перед наказаниями. Без угроз доводы рассудка бессильны против страстей.

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 16 — 19.

«Итак, рассудок не оказывает никакого решающего влияния на поведение человека, а каждодневное наблюдение убеждает нас, что самым существенным для человека является влечение страстей. Люди лишь настолько прислушиваются к доводам разума, насколько он дозволяет им утончать наслаждения и полнее удовлетворять страсти».

Далее Фурье рассуждает следующим образом. Если допустить, что бог дал нам разум для руководства страстями и их обуздания, то из этого вытекало бы, во-первых, что он очень несправедливо поступил по отношению к 99 процентам человечества, не дав их разуму достаточной силы для борьбы со страстями; во-вторых, что бог, дав нам в противовес страстям разум, создал непригодный механизм, так как не подлежит сомнению, что эта центральная сила оказывается недостаточной даже у людей, у которых рассудок господствует над страстями и которые составляют лишь один процент.

Отсюда ясно, что бог не стремится дать перевес разуму над чувствами и страстями, а скорее подчинил его последним. Между тем, ученые стремятся истолковать волю бога в совершенно обратном смысле. «Ученые потеряли чувство понимания окружающего, благодаря доктрине, называемой моралью, отвергающей человека со всеми его инстинктами и страстями. Мораль учит человека быть врагом самому себе, бороться со своими страстями, подавлять их, думать, что бог не сумел разумно организовать наши души, наши страсти, что он нуждается в уроках Платона и Сенеки, чтобы научиться организовать характеры и инстинкты. Сбившись, таким образом, с правильного пути, ученые не сумели понять силу естественных импульсов и их роль и значение в общественном механизме; естественные импульсы и влечения они признали вредными силами, внесли их в список пороков и подвергли изгнанию».

«Если сравнить бесконечность наших желаний,— говорит Фурье в «Теории четырех движений»,— с теми ничтожными средствами, которые мы имеем для их удовлетворения, то может показаться, что бог поступил неосмотрительно, вложив в нас страсти к наслаждениям, страсти как бы созданные для того, чтобы нас мучить тысячами вожделений, из которых мы не можем удовлетворить и десятой части при строе цивилизации».

«Руководясь такими соображениями, моралисты хотят исправить божьи дела, умерить и подавить страсти, не зная, как их удовлетворить и не понимая их сущности, ибо из 12 страстей, составляющих главные двигатели нашего духа, они знают лишь девять, причем о четырех главных страстях они имеют самое поверхностное понятие... Моралисты хотят дать человеческим чувствам направление, противоположное

велениям природы. Сколько красноречия потрачено ими в продолжение 2.000 лет, чтобы нас убедить, что бриллиант — скверный камень, а золото — презренный металл и что сахар и ароматные вещества — скверные продукты, достойные презрения, что бедная хижина, простая и грубая природа предпочтительнее царских дворцов. Такой проповедью моралисты хотят угасить чувства и страсти. Сколько они вопили против честолюбия! Послушать их, так мы должны добиваться только скромных, плохо оплачиваемых должностей. Если какое-нибудь хорошее место дает доход в 100.000 ливров, то следует всего взять 10.000, чтобы угодить моралистам. Столь же смешны они в вопросах любви; они желают, чтобы в ней царствовало постоянство и верность, столь несовместимые с естественными стремлениями и столь невыносимые для обеих сторон, что ни одно существо не способно подчиниться этим требованиям, если людям предоставить полную свободу в их любовной жизни.

«Все эти философские капризы, называемые обязанностями, не имеют ничего общего с природой; обязанности происходят от людей, влечение — от бога. Поэтому, если мы хотим познать, каковы цели божества, нужно изучить сущность влечения, т.-е. одну только природу без всякой примеси долга, или обязанностей, которые меняются в каждую эпоху и в каждой стране, между тем, как природа страстей была и останется неизменной у всех народов.

«Вот простые истины, которые цивилизованные не хотят признать или взять основой своих построений. Бедные действительными радостями, они хотят вознаградить себя иллюзиями. Мужья (часто 60 лет) требуют, чтобы их двадцатилетние жены любили их нераздельно, хотя их требование лишено всякого здравого основания; родители желают быть в глазах их детей божествами, идеалами; они кричат о неблагодарности, если получают только ту дозу любви, которую они заслужили. Лишенные действительной любви, они ищут утешения в картинах, не соответствующих действительности; они любят, чтобы в романах и комедиях изображали им беспредельность сыновней любви и супружеской верности, которой и тени они не находят в недрах семьи. Пичкая себя этими моральными химерами, цивилизованные становятся неспособными понять и изучить действительные законы природы; они видят их только в своих капризах и деспотических претензиях и обвиняют природу в несправедливости, не задаваясь трудом понять цель ее стремлений.

«Чтобы открыть эту цель, следовало бы, не останавливаясь на идее долга, углубиться в анализ (и синтез) того страстного притяжения (attraction passionnée), которое нам кажется порочным, потому что мы не знаем его конечной цели, а не знаем

потому, что этот вопрос никогда не был предметом нашего исследования» *).

Этому исследованию с особенной тщательностью и любовью отдается наш автор, посвящающий «теории» страстей немало страниц своих произведений.

«Теория страстей» есть в сущности наиболее оригинальная часть учения Фурье, ибо вышерассмотренная теория единства и закономерности всей вселенной и в частности человеческого общества, к которой он по своим уверениям дошел собственным путем и которую он считал своим самым славным открытием, все же является идеей, основу которой, как мы увидим дальше, он воспринял от своих предшественников — французских материалистов XVIII века — и по мнению некоторых заимствовал у своего современника, С.-Симона, между тем, как игра страстей является прообразом и основой его ассоциации, которая без этого цемента немыслима **).

Рассмотрим сначала его классификацию чувств и страстей. Классификация эта, как легко можно убедиться из нижеследующего, совершенно произвольна и содержит немало странностей, свойственных его манере; тем не менее, согласно принятому нами методу, постараемся изложить теорию страстей Фурье по возможности его собственными словами.

«Влечения, к которым стремятся все люди всех положений и возрастов,— говорит Фурье, приступая к рассмотрению настоящего вопроса в «Теории четырех движений»,— можно разделить на три категории:

1) Люксизм — или страсть к роскоши;

2) Группизм — или страсть об'единяться в группы;

3) Сериизм — или страсть об'единяться в серии.

Рассмотрим эти категории в их подразделениях соответственно числу страстей, которые они представляют в своем развитии, дающем 12 ветвей, как бы гамму страстей, аналогичную музыкальной гамме ***).

Люксизм или страсть к роскоши (первый подфокус — sous foyer) имеет своей основой и направляет пять вторичных страстей, называемых чувствами (здесь Фурье имеет в виду внешние чувства: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус).

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 110 — 111.

**) „Признание совершенства человеческой природы в том виде, как бог ее создал, принятие ее со всеми наклонностями, которые она в себе заключает,— вот точка отправления Фурье, его главное и основное данное" (Pellarin, Théorie societaire, стр. 8, цит. по Bourgin).

***) Своей классификации страстей Фурье дает оригинальное название „Дерево страстей и его ветви". Это дерево имеет три первичные ветви, из коих первая дает пять вторичных разветвлений, вторая — четыре, а третья — три; итого вторичных ветвей — 12; ствол дерева образует тринадцатую коллективную страсть — страсть к единению (unitéisme).

Роскошь бывает внутренняя и внешняя. Внутренняя роскошь есть здоровье, гарантирующее нам полное и непосредственное упражнение и проявление каждого из наших чувств. Но мало пользы принесет нам хороший желудок и прекрасный аппетит, если в кармане не будет франка, чтобы пообедать. У кого в кармане пусто, тот осужден на голод, на подавление своих чувств. Чувства, таким образом, не могут испытывать должного проявления без посредства денег, без богатства (внешней роскоши), которому в цивилизации все подчинено.

«Есть еще четыре чувства из той же категории, как и вкус; каждое из них без содействия денег осуждено на прозябание. Пусть у вас прекрасный слух; но у вас под носом закроют дверь оперы или концерта, если у вас нечем купить билет, и, стоя у двери, вы увидите, как туда входит множество людей, малоинтеллигентных, с самым плохим слухом, но обладающих хорошей мошной. Для счастия, следовательно, недостаточно иметь внутреннюю роскошь или здоровье; необходимо иметь еще внешнюю роскошь или богатство, которое гарантирует свободное проявление чувств, между тем, как внутренняя роскошь дает только возможность их проявления.

«Группизм (второй подфокус). Эта ветвь образует четыре вторичных чувства, называемых аффективными (нежными). Эти чувства суть группа чести или корпоративное чувство, группа дружбы, группа любви, группа семьи или родства.

«Наши законодатели хотят подчинить целиком социальную систему последней из четырех групп, а именно: семью, которую бог почти лишил всякого влияния в строе Гармонии, потому что эта группа основана на материальной или насильственной связи, а не на свободном страстном, добровольном, расторжимом единении. Для людей, которые в своих социальных построениях находятся в противоречии с самой природой, вполне подходит взять стержнем социального механизма ту из четырех групп, которая, вследствие отсутствия свободы, должна была бы иметь наименьшее влияние на этот механизм.

«Так как всякое принуждение порождает ложь, то последняя с особенной силой должна была утвердиться под влиянием группы семьи, которая несвободна и нерасторжима; вот почему ложь с особенной силой господствует в патриархате и цивилизации.

Сериизм (третий подфокус) состоит в стремлении образовывать серии или группы, об'единенные в серии, имеющие те же особенности, как геометрические серии. Эта третья ветвь составляет три из двенадцати вторичных страстей; они называются

распределительными *) и поддерживают социальный и домашний механизм, совершенно неизвестный в цивилизации. Этот механизм был известен в первом периоде; это тайна потерянного счастия, которое следует вновь открыть.

«Итак, все двенадцать страстей делятся на пять телесных или чувственных и семь духовных или берущих свое начало в душе, из коих четыре аффективных и три распределительных. Их коллективный фокус или ствол есть унитеизм — страсть, заключающая в себе все три первичные ветви и являющаяся результатом их комбинированного проявления **). Унитеизм (или гармонизм) есть склонность индивида согласовать свое благополучие с благополучием всего, что его окружает, с благополучием всего человеческого рода. Это — безграничная филантропия, универсальное благоволение, которое может получить должное развитие только тогда, когда человеческий род будет весь богат, свободен и справедлив в согласии с тремя ветвями дерева страстей — роскошью, группами и сериями».

Чтобы понять, что такое унитеизм (или гармонизм) «достаточно обратить внимание на его противострасть или эгоизм, который господствует так универсально, что система «совершенного совершенства» современная идеология сделала эгоизм или «я» основой всех социальных построений ***).

Хотя эти страсти, — говорит далее Фурье, — совершенно подавлены в цивилизации, но зародыши их существуют в нашей душе. Они вызывают в нас состояние угнетения или томления, в большей или меньшей степени, смотря по степени их активности в нашей душе.

---

*) Эти три чувства, которые Фурье здесь не описывает и описание которых он дает в своих следующих сочинениях, суть: кабалист или страсть к интриге, папильон — страсть к перемене, и композит или энтузиазм. Этим трем чувствам, которые составляют его собственное открытие и подробное описание которых будет дано дальше, Фурье, как мы в нижеследующем увидим, придает особенно важное значение для организации механизма строя Гармонии.

**) Следуя своей страсти к аналогиям, Фурье дает следующую таблицу страстей с их аналогиями из области металлов, музыки, цветов, математических понятий.

Ut.	Дружба	Фиолетовый	Сложение	Круг	Железо
Mi.	Любовь	Голубой	Деление	Эллипс	Олово
Sol.	Семейственность.	Желтый	Вычитание	Парабола	Свинец
Si.	Честолюбие.	Красный	Умножение	Гипербола	Медь
Re.	Кабалист (страсть к интриге).	Индиго	Прогрессия	Спираль	Серебро
Fa.	Папильон (непостоянство)	Зеленый	Пропорция	Квадратура	Платина
La.	Композит (энтузиазм)	Оранжевый	Логарифм	Логарифмирование	Золото
Ut.	Унитеизм	Белый	Циклоида		Меркурий

***) Th. qc quatre mouv., стр. 115 — 120.

Вот почему большинство цивилизованных, в продолжение всей своей жизни, томятся от скуки даже когда они обладают всем, чем они желают. Доказательством может служить Цезарь, который, взойдя на самый блестящий в мире трон, удивился, найдя на высоте, где он очутился, одну только пустоту и скуку. Тоска, которую испытывал Цезарь, происходила от подавления четырех страстей, в особенности тринадцатой, которая была в нем очень активна... Таково же состояние многих выдающихся людей строя цивилизации. Они испытывают в глубине души сильное влияние четырех страстей, которым не дано возможности развиваться. Поэтому не следует удивляться, что обыкновенный человек часто чувствует себя гораздо более удовлетворенным своим маленьким счастьем, чем богатые и знатные, окруженные блеском и весельем. Такие столь прославленные вещи, как трон, власть и т. п., являются, без сомнения, очень реальными благами, что бы ни говорили против этого философы; но они имеют свойство раздражать, а не удовлетворять подавляемые страсти. Отсюда следует, что средний класс может наслаждаться в большей степени, хотя и при самых ничтожных средствах, потому что при своих буржуазных привычках он совершенно не раздражается, раз строй цивилизации дает возможность некоторого, хотя и небольшого, удовлетворения первых девяти страстей, не давая никакого простора для трех распределительных страстей, и в особенности для гармонизма.

«И вот в цивилизации получается, что влияние трех распределительных страстей производит характеры, которые обвиняют в испорченности и которым дают клички распущенных, развратных и т. п. Тринадцатое чувство или унитеизм (гармонизм) создает людей, называемых оригиналами и чудаками, людей, которые кажутся неуместными на этом свете и не могут приспособиться к обычаям цивилизации.

Нужно признать, что если возможно совершенное счастье на земле, то только в строе групп, комбинированных в серии, который даст возможность полного развития всех страстей... причем в этом строе наименее счастливый из индивидов — мужчина или женщина,— будут счастливее, чем теперь самый могущественный из царей, ибо истинное счастье состоит в удовлетворении всех своих страстей» *).

Итак, совокупной свободной игре изображенных страстей Фурье приписывает способность водворить благоденствие в среде страдающего человечества. Почему же мы до сих пор не наблюдаем столь благотворного действия страстей и даже, наоборот, мы видим, что разнуздание страстей приводит к бедствиям?

---

*) de quatre mots p. 170 123.

На это Фурье отвечает: страсти являются дезорганизующим и вредным началом в строе цивилизации, основанном на индивидуальном начале, где каждый живет для себя и стремится к личной выгоде в тесных пределах замкнутого семейного хозяйства. Но благодетельное значение страстей обнаружится, если мы будем наблюдать их действие в ассоциации, состоящей приблизительно из 1.600 человек; в такой организации силой естественного влечения и соперничества под влиянием различных страстей, а в особенности же под влиянием страстей к интриге, перемене и энтузиазму (распределительных страстей), возникнут группы и серии групп, в которых все будут охотно работать, ибо труд станет притягательным, и не будет пороков, ибо добродетель станет выгодной, а порок убыточным. Иначе говоря, страсти, приносящие вред человеку в современном строе цивилизации, основанном на индивидуальном хозяйстве, станут благодетельным и организующим началом в строе, основанном на ассоциации, называемой Фурье фалангой и состоящей из групп и рядов (серий) групп.

Каким образом страсти являются организующим началом в фаланге, об этом скажем ниже, при рассмотрении социальной системы Фурье. Пока же охарактеризуем указанные выше три направляющие страсти по возможности словами самого Фурье. Уже из самой характеристики трех распределительных страстей, становится ясным их роль в деле организации производства в строе Гармонии.

10 страсть — кабалист или страсть к интриге. Эта страсть подавляется и извращается в строе цивилизации, где интрига направляется обыкновенно на низменные цели, или во вред другим людям, или в обход запретов любви. Вот почему в современном строе эта страсть пользуется плохой репутацией, и кличка «интриган» употребляется, как оскорбление. Совсем иную роль будет играть интрига в строе Гармонии, где она явится основой соревнования индустриальных групп и серий, стремящихся перещеголять друг друга совершенством производимых ими продуктов, или будет средством делать времяпровождение в фаланге более интересным, оживленным и веселым. Таким образом, интрига из страсти разрушительной, какой она является в современном строе, превратится в страсть созидательную.

«Почему бог вложил в людей, в особенности в женщин, такую страсть к интриге? — спрашивает Фурье и отвечает: — Это потому, что в сосьетарном строе всякий мужчина, женщина или ребенок должен быть членом 30, 40, 50 серий, горячо проникаясь партийным интересом, участвуя в интригах одной или нескольких групп».

«Серия страстей не допускает умеренности; она питает к ней отвращение. Почему? Потому что работа в сериях должна отличаться

людьми, спешат на свои фракционные собрания, чтобы со всем пылом отдаться всякого рода интригам. То же самое делают другие, выйдя из церкви, где только что молились об удалении от людей всякого духа интриг и козней» *).

«Страсть к интриге, как любовь, содействует смешению различных слоев общества, сближению высших с низшими. Пусть каждый из вас вспомнит о тех случаях, когда он при помощи интриги достигал желаемого результата.

«Возьмем, например, предвыборные интриги, пускаемые в ход для проведения желаемых кандидатур, или интриги влюбленных, стремящихся соединиться браком против воли их родителей, интриги разных кумушек, задающихся целью сосватать какую-нибудь парочку. Все охотно приветствуют подобные интриги, когда они кончаются успехом. Несмотря на беспокойства, вызываемые всеми перипетиями какой-либо интриги, она, обыкновенно, доставляет людям удовольствие, а вызываемые ею волнения даже необходимы для освежения и укрепления души.

«Страсть к интриге, не имея ничего общего с бессодержательным спокойствием, восхваляемым моралью, является истинным назначением человека. Она удваивает его силы, расширяет его способности. Достаточно сравнить светскую беседу, ведущуюся с соблюдением всех правил этикета, скучную, медленную, проникнутую моралью, с беседой тех же людей, чем-нибудь заинтригованных, чтобы быть свидетелем удивительной метаморфозы, чтобы прийти в восхищение от лаконизма речей, от оживленности и активности мысли, быстроты решений и действий. Этот удивительный расцвет человеческих способностей вырастает на почве десятой страсти к интриге, постоянно господствующей в сериях и направляющей происходящие там работы и собрания членов» **).

«Вот несколько данных в пользу десятой страсти, называемой кабалист. Легко можно видеть, что эта страсть, приносящая вред в современном разрозненном строе, станет полезной в строе серий, где различные группы должны быть направляемы страстями и интригами, чтобы довести до блеска избранную им отрасль индустрии. От действия страстей зависит их активность, их соревнование в работе. Рассмотрим с той же точки зрения остальные две распределительные страсти ***).

«12 страсть — композит (La Composité) или энтузиазм ****). Эта страсть для своего функционирования требует сложной приманки

*) Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 404 — 407.
**) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 399.
***) Цит. соч., ч. III, стр. 407.
****) Так как сущность 11 страсти (папильон) легче понять после уяснения сущности 10 и 12, то Фурье дает объяснение 12 страсти раньше 11.

или удовольствия чувственного и духовного; производимый ею слепой энтузиазм рождается из удовольствия двух родов. Это условие несовместимо с современным трудом, который не заключает в себе никакого удовольствия ни для души, ни для тела, а является скорее двойным мучением даже в наиболее прославленных предприятиях, как, например, английские бумагопрядильни, где не только взрослые мужчины, но даже дети работают по 15 часов в сутки в помещениях, лишенных воздуха, подгоняемые ударами бича.

«Между тем работа в сериях является наслаждением для чувств, потому что всякая группа работает в отрасли, избранной по свободной склонности, и если кто-либо предпочитает зеленый ранет, он отказывается от культивировки желтого ранета или других видов яблок. Что же касается духовного удовольствия, то оно возникает от совместной работы с множеством товарищей, одинаково увлеченных любовью к культивировке зеленого ранета, гордящихся похвалами, получаемыми за возделываемый ими сорт на выставках и при осмотрах.

«Композит — самая прекрасная из всех двенадцати страстей; она увеличивает ценность всех других. Любовь лишь тогда хороша, когда она сложна, когда она соединяет очарование тела с очарованием души. Она становится пошлостью или обманом, когда ограничивается одним из этих двух элементов. Честолюбие только тогда получает всю свою мощь, когда оно действует под влиянием двух пружин — славы и материального интереса. Только тогда оно становится способным на самые блестящие усилия *).

«Сложные удовольствия вызывают к себе уважение, между тем как всюду презирают людей, склонных к простым удовольствиям. Пусть кто-нибудь заготовит прекрасные блюда и превосходные вина, чтобы наслаждаться ими в одиночку, чтобы одному без всякой компании предаться обжорству, он станет предметом вполне заслуженных насмешек. Но если этот человек соберет у себя избранную компанию, которая получит одновременно чувственное наслаждение, благодаря хорошему столу, и духовное удовольствие, благодаря времяпровождению в дружеской компании, все его будут хвалить, потому что его пир имел характер сложного удовольствия, а не простого.

«Если люди презирают простые, т.-е. несложные материальные удовольствия, то такого же презрения заслуживают простые, чист

*) Каждое из групповых чувств (разряда „группизм") состоит из двух элементов — духовного и материального. Так, в дружбе — духовный элемент — духовное сродство характеров, материальный — сходство индустриальных наклонностей; в группе честолюбия духовный элемент — одинаковое стремление к славе, материальный — стремление к материальной выгоде; в любви — духовный элемент — взаимная нежность, материальный — половое единение; в семейственности — духовный элемент — усыновление, материальный — кровное родство (Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 347).

ховные удовольствия, собрания, где нет ни еды, ни танцев, ни любви, чего того, что тешит чувственность и где всем этим наслаждаются воображении. Такое собрание, лишенное композита или двусторонего удовольствия, чувственного и духовного, становится противным мому себе и расходится от скуки.

«11 страсть — папильон или Альтернант (La Papillone ou lternante) страсть к порханию, к непостоянству, перемене. Хотя эта трасть является одиннадцатой по порядку, ее следует рассматривать сле двенадцатой, так как она должна служить связью между двумя угими — 10 и 12. Если бы сеансы в сериях должны были продолаться 12 — 15 часов, как работа тружеников в строе цивилизации, торые с утра до вечера заняты какой-нибудь одной отупляющей нкцией без всякой перемены, то бог вложил бы в нас склонность монотонности и отвращение к разнообразию. Но так как сеансы сериях должны быть очень короткими, а энтузиазм, порождаемый композитом, не может продолжаться более $1^1/_2$ часов, то бог, в согласии с указанным индустриальным строем, должен был нас снабдить страстью к непостоянству (papillonage), потребностью в периодическом разнообразии фаз жизни и частом разнообразии занятий. Вместо 12 часов труда, прерываемого на короткий момент печальным и тощим обедом, трудовые сеансы в сосьетарном строе будут продолжаться не более $1^1/_2$—2 часов максимум; к тому же работа будет сопровождаться жеством удовольствий, собраниями обоих полов, которые будут чаться всеобщей трапезой, после которой будет другой сеанс овыми удовольствиями в новой компании, где будут разыгрываться ые интриги.

«Без этой гипотезы о постановке труда в сосьетарном строе ом виде, как мною описано, было бы невозможно понять, для какой и бог нам дал три страсти, которые в такой степени идут в разрез онотонностью цивилизованного существования и настолько не подят для современного строя, что им даже не хотят даровать титула астей, а называют их пороками.

«Между тем серия ни в коем случае не могла бы сорганизоваться постоянного сочетания этих трех страстей; они должны непрено и одновременно вмешиваться в игру интриг в сериях. Вот му до изобретения механизма серий, страсти эти должны были ваться незамеченными и их проявления должны были казаться оками. Когда люди узнают в деталях социальный строй, к котоу мы предназначены богом, то все убедятся, что эти мнимые пороки алист, папильон, композит) там станут тройным залогом добродетели и богатства; все поймут, что бог сумел создать страсти такими, как этого треб социальное единство; что он поступил бы

неправильно, если бы изменил их в угоду Сенеке и Платону и что человеческий разум, наоборот, должен был стремиться к открытию социального режима, родственного этим страстям. Никакие моральные теории их не изменят и, согласно правилу двойственности принципов, эти страсти нас непрерывно будут приводить ко злу в состоянии раздробленности или социального лимба и к добру в сосьетарном строе или при работах сериями.

«Этим мы зажимаем рот всякому злословию против страстей злословию, которое с этого момента падает на самих злословящих. Они должны стыдиться, что в продолжение 3.000 лет коснели в этом духе однообразия и не были в состоянии подняться до понимания двусторонности судеб, из коих одна называется «социальным лимбом» и, будучи несовместима со страстями, стремится их извратить, согласно желаниям софистов, а другая, называемая сосьетарным строем, обеспечивает полное развитие страстей и притяжения» *).

§ 3. Счастье и наслаждение, как назначение человека и цель его жизни.— Наслаждение желудка или гастрономическая страсть, как один из главных рычагов общественного механизма.— Неравенство, как одно из условий правильного действия страстей в строе прогрессивных серий.

Уже из этих немногих строк о человеческих страстях мы видим что Фурье считает назначением человеческого общества обеспечивать своим членам возможность достижения счастья.

К этому, впрочем, стремится и цивилизация; но в действительности приходит к противоположным результатам. Цивилизация уверяет, что стремится к справедливости, но на самом деле всюду господствует ложь, лицемерие, притеснение; она уверяет, что ее цель—насаждение нравственности, но что мы видим в действительности? Везде воровство, обман, разврат, нарушение супружеской верности, проституция, одним словом, всеобщая безнравственность. Цивилизация уверяет, что ее цель— всеобщее счастье, а между тем $^{7}/_{8}$ или даже $^{8}/_{9}$ несчастны так как среда, в которой они живут, основана на принципах, которые препятствуют человеческому счастью, и которые будут устранены только строем, основанным на ассоциации.

Этот строй обеспечит человеку действительное счастье, стремление к которому лежит в самой природе человека, счастье, создаваемое богатством и здоровьем. Богатство нужно человеку, чтобы добывать наслаждения, а здоровье для того, чтобы пользоваться ими. Если мы с указанной точки зрения посмотрим на современный строй, то увидим

(* Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 407 -- 412.

что богатства приходятся на долю немногих и часто таких, которые не обладают здоровьем, чтобы пользоваться доставляемыми им наслаждениями. Здоровья не хватает всем,— одним, вследствие нужды, огорчений, лишений; другим,— благодаря распутству, излишествам и пресыщению. То и другое является следствием наших нелепых социальных условий, при которых ни один слой общества не может разумно развивать свои умственные и физические силы.

Фурье рассматривает счастье, то как развитие и удовлетворение всех наших способностей и стремлений, то как полное и всестороннее удовлетворение человеческого стремления к наслаждениям. Последний взгляд более гармонирует с его теорией притяжения страстей, долженствующей изгнать из общества все формы принуждения и устроить его на основе свободного влечения.

«В Риме, во времена Варрона,— говорит Фурье в «Новом индустриальном мире»,— существовало 278 различных мнений относительно того, что такое истинное счастье. Положение этого вопроса не изменилось к лучшему до настоящего времени. Одни проповедуют презрение к богатству и любовь к удовольствиям, которые можно вкусить под сенью хижины, другие возбуждают у бедных бешеную зависть к богатым, моралисты защищают возвышенную истину, экономисты — торговлю и обман.

Попытаемся разобраться в этом вавилонском столпотворении философии. Бог дал нам 12 страстей, и мы не можем быть счастливы, не получая полного и гармоничного и удовлетворения. Если хоть одна из них получает препятствие к своему удовлетворению, должно страдать наше тело или душа. Между тем у нас не только бедный не в состоянии удовлетворить своих страстей, но даже богатый не в состоянии обеспечить себе полного счастья хотя бы на один день...»

Из сказанного мы видим, что Фурье основою счастья считает удовольствия (plaisirs), которые он, согласно своей системе, делит на простые (simple) и сложные (composé), уверяя, что в строе цивилизации все удовольствия принадлежат к первой категории, а потому неспособны вполне удовлетворять человека и по необходимости сменяются скукой. В строе Гармонии удовольствия будут сложные и даже двухсложные и сверхсложные, вследствие чего они всегда будут держать человека в повышенном и радостном настроении. Конечно, одним из главных условий эффективности удовольствий является их частая смена, подобно тому, как привлекательность и производительность труда зависит от кратковременности и разнообразия сеансов труда. В качестве примера Фурье приводит удовольствия, испытываемые за один день Леандром.

Леандр достиг успеха у женщины, за которой он ухаживает. Это удовольствие сложное, так как оно удовлетворяет и тело и душу. Эта особа подносит ему патент на доходную должность, которую она для него выхлопотала; это — второе удовольствие. Четверть часа спустя она вводит его в салон, где его ожидает радостный сюрприз — встреча с другом, которого он считал умершим,— третье удовольствие. Спустя немного времени в салон входит какая-нибудь знаменитость — Бюффон или Корнель,— с которой Леандр хотел познакомиться, в виду чего она была приглашена возлюбленной Леандра на обед, — четвертое удовольствие. Подается тонкий и вкусный обед, — пятое удовольствие. За обедом Леандр сидит рядом с очень влиятельным лицом, которое обещает ему содействие в устройстве его дел, — шестое удовольствие. Во время обеда Леандр получает известие, что им выигран очень интересующий его процесс, — седьмое удовольствие.

Все эти удовольствия, сосредоточенные на протяжении одного часа, образуют «пробег» (parcours), который должен покоиться на основе одного удовольствия, продолжающегося непрерывно в продолжение всех сеансов. В данном случае это будет новая любовная связь Леандра и успехи у влиятельного лица, достигнутые за обедом. Это будет стержневое удовольствие, сплетающее воедино все остальные удовольствия. Это сочетание удовольствий, называемое «пробегом», неизвестно в цивилизации; даже монархи не в состоянии его себе обеспечить, между тем как в строе Гармонии оно будет обычным явлением. Там богатый человек будет иметь ежедневно, по крайней мере, два «пробега», независимо от сеансов удовольствий сложных, состоящих из двух наслаждений, сверхсложных, состоящих из трех, и двухсложных — из четырех удовольствий... В строе Гармонии самый бедный член ассоциации будет получать больше удовольствий и лучшего качества, чем их получает самый богатый человек в современном строе *).

В основе всей вселенной, как неоднократно подчеркивает Фурье, лежит влечение, а не принуждение, ведущее к тем плачевным результатам, которые мы наблюдаем в эпоху варварства, а в особенности в период цивилизации. Только влечение к наслаждениям может служить действительным орудием для того, чтобы заставить людей исполнять божественные предначертания, и потому наилучшее правительство было бы то, которое уразумело бы, наконец, что людьми легче править при помощи удовлетворения чувственных потребностей, а не посредством насилия и кнута **).

---

*) Nouveau Monde industr. et soc., стр. 348 — 351. Более подробно и с свойственной Фурье манерой вопрос об истинном счастьи рассмотрен в Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 183 — 205.

**) Th. de quatre mouv., стр. 237.

В цивилизации удовлетворение чувственности считается пороком; правда, когда этим занимаются богатые и знатные классы, мораль стыдливо закрывает глаза, чтобы тем сильнее обрушиться за этот порок на бедняков. Возьмем один из таких мнимых пороков — любовь детей к лакомствам — и посмотрим, почему бог так устроил, что дети упорно отказываются от черствого хлеба и воды, которые им подсовывают моралисты и педагоги, предпочитая этому разного рода лакомства, например, фрукты, мармелад, крем, лимонад и пр. Причина в том, что бог привил детям вкус к более дешевой пище. Правда, в нынешнем строе хлеб дешевле засахаренных фруктов и мармелада; но это есть результат эксплуатации хлебопашца и неправильной постановки производства. В строе Гармонии, где земельная культура достигнет высоты, о которой теперь невозможно мечтать, фрукты, молочные продукты, сахар и проч., будут несравненно дешевле, чем хлеб, так как хлебопашество и выпечка хлеба навсегда останутся самыми тяжелыми родами труда. Если бы нынешним моралистам пришлось жить при новом строе они, пожалуй, признали бы стремление к хлебу, как к дорогому продукту, пороком, а врачи и педагоги изменили бы свои теории, согласно которым сладости вредны для детей, и потребление их составляет порок; они тогда воочию убедились бы, что напрасно тратили столько напряжения ума на опровержение разумных предначертаний бога, что все сделанное им сделано вполне правильно, и что он правильно распределил вкусы и притяжения страстей; если, однако, в цивилизации страсти приводят к нежелательным результатам, то причина в том, что бог не создал страсти для периода цивилизации; если б он заботился об этом периоде, то он внушил бы детям любовь к черному хлебу, а родителям — любовь к бедности, ибо такова участь огромного большинства людей периода цивилизации *).

Из наслаждений Фурье выдвигает на первый план наслаждение желудка и делает «гастрономию» или чревоугодие одним из главных двигателей своего социального строя. «Гастрономия», по его уверению, будет стимулировать и чрезвычайно разнообразить производство, пробуждать и утончать эстетическое чувство, возродит поэзию, распространит просвещение и явится краеугольным камнем социальной гармонии.

«Ни на какую страсть в строе цивилизации не смотрят так плохо, как на чревоугодие. Но можно ли предполагать, что бог считал пороком ту страсть, которой он дал столько власти над людьми, ибо нет страсти, столь распространенной среди широких масс, как чревоугодие. Другие страсти, как любовь, честолюбие, имеют больше влияния

*) Nouveau Monde ind. et soc., стр. 23.

на людей зрелого или пожилого возраста, но чревоугодие никогда не утрачивает своего господства над людьми всех без различия возрастов; это самая постоянная страсть, единственная из страстей, господствующая над людьми, начиная с колыбели и кончая могилой. Очень сильная среди высших классов, она господствует неограниченно над простонародьем и детьми, которые часто бывают рабами своего желудка. Были случаи, что солдаты устраивали бунты против тех, которые запрещали им напиваться; точно также дикари, так презирающие нашу цивилизацию, закабаливали себя в работы за бутылку водки или продавали своих жен и дочерей за несколько бутылок крепкого ликера.

«Разве бог дал бы этой страсти такую власть над людьми, если б он ей не предопределил выдающуюся роль в строе, для которого он нас предназначил? И если этот новый строй основан на индустриальном притяжении, то не должен ли он быть тесно связан с гастрономическим притяжением, т.-е. с чревоугодием? Да, чревоугодие должно стать основой, связью всех индустриальных серий, душой их интриг и соревнования.

«В строе цивилизации чревоугодие не связано с индустрией, потому что производитель, физический труженик, не наслаждается изысканными продуктами земледелия и мануфактуры, которые он вырабатывает. Удовлетворение этой страсти у нас является прерогативой праздных классов, и по одной этой причине она должна быть отнесена у нас к числу пороков, не говоря уже об издержках, с которыми сопряжено ее удовлетворение и об излишествах, к которым она ведет в современном строе.

«В сосьетарном строе чревоугодие играет совершенно противоположную роль; оно там является наградой не за праздность, а за труд, потому что там самый бедный рабочий участвует в потреблении наиболее дорогих продуктов. К тому же в этом строе гастрономическая страсть будет гарантирована от излишеств, вследствие большого разнообразия в средствах ее удовлетворения, и будет стимулировать труд, соединяя интриги потребления с интригами производства, изготовления и распределения. Так как производство является самым важным из этих четырех процессов, то установим принцип, который должен его направлять. Этим принципом является всеобщее удовлетворение гастрономической страсти *).

«В самом деле. Если бы можно было поднять весь человеческий род до высшей утонченности гастрономического чувства даже

*) И здесь, как в „теории" страстей, заслуживает особенного внимания тот факт, что Фурье стремится подвести под главные элементы своего учения и социальной системы экономический и, в частности, производственный базис.

в отношении самых обыкновенных продуктов, каковы капуста и репа, и если бы можно было в то же время дать каждому достаток, который позволил бы ему отказаться от подобных продуктов посредственного качества,— тогда каждая сторона, спустя несколько лет, покрылась бы продуктами наилучшего качества. Продукты среднего качества, каковы горькая дыня и горький персик, не находили бы никакого сбыта; всякий округ принялся бы за производство наиболее совершенных продуктов, какие только возможны по роду его почвы; плохие участки были бы улучшены путем нанесения на них хорошей почвы и разными другими способами было бы достигнуто улучшение производимых продуктов.

«Принцип, из которого следует исходить, состоит в том, что можно достичь общего усовершенствования вкусов потребителей в отношении съестных продуктов и одежды, предметов обстановки и удовольствий. Этот принцип признается даже моралистами, потому что мы видим, как представители классической школы мечут громы против дурных вкусов публики, увлекающейся мелодрамами и другими уродливостями, к которым будут относиться с презрением люди с более тонкими вкусами.

«Но в этом вопросе, как и во многих других, моралисты впадают в противоречие с самими собой, потому что они хотят изощрить наши вкусы в литературе и искусстве и в то же время хотят нас оставить в состоянии грубости в более существенных областях социальной системы, в области потребления, являющейся основой, на которой должно вырасти индустриальное влечение, чтобы отсюда распространиться на все другие отрасли. Таким образом, моралисты,— вечные неудачники,— как в теории, так и на практике, приложили принцип усовершенствования или изощрения вкуса к предмету, который они должны были бы поставить на последний план, а именно к искусству, потому что, начиная с этого предмета, они впадают в двойную ошибку: 1) они развращают само искусство, прилагая к нему меркантильную точку зрения, все более и более увлекаясь ложным блеском утрированного романтизма и заблуждением всякого рода, проникаясь духом системы и презрением к природе или естественному влечению; 2) если утончение чувств начать с искусств, то оно ограничится этой областью, не распространяясь на более простые отношения, на отношения потребления и приготовления пищи и одежды, откуда оно должно распространиться на производство. Таким образом, распространение хорошего вкуса или утонченности направляется на ложную дорогу и здесь задерживается, благодаря промаху моралистов, желающих ограничиться областью искусств вместо того, чтобы

ввести его в гастрономию, откуда бы она распространилась на все отрасли материальной и духовной жизни *).

«Эти замечания помогут нам понять, почему Париж, будучи центром искусств, в то же время является центром плохого вкуса в гастрономии. Парижане потребляют безразлично хорошие и плохие продукты. Париж — это муравейник, где копошится около 800.000 «философов», которые едят только для того, чтобы утолить голод и своей рабской покорностью содействовать всем мошенничествам торговцев, потребляя все ядовитые вещества, которые коммерсантам заблагорассудится им поднести» **).

Фурье возводит гастрономию в науку, которую он называет гастрософией и которой придает громадное значение для организации своего строя страстных серий. Уже из предыдущего изложения мы видим, на какую широкую и реальную основу он ставит рассматриваемый вопрос. Утончение вкуса, и, в частности, вкуса в области пищи и предметов домашней обстановки, должно стать одним из главных стимулов улучшения производства, должно далее содействовать утончению вкуса во всех отраслях духовной жизни человека. Но все это возможно при одном условии: чтобы гастрономия стала достоянием широких трудовых масс; пока она остается привилегией богатых и праздных, она будет давать не положительные, а отрицательные результаты, она будет не добродетелью, а пороком. Эти основные идеи Фурье развивает и дополняет в 27 главе «Нового индустриального и сосьетарного мира».

«Наши так называемые гастрономы как теоретики, так и практики, находятся далеко не на высоте своего предмета. Трактуя этот предмет в недостаточно серьезном тоне, они его только компрометируют. Совершенно верно, что в цивилизации гастрономия может играть только очень второстепенную роль и должна быть ближе к распущенности, чем к благоразумию; но в строе Гармонии к этой страсти будут относиться с большим уважением, как к главной пружине в игре страстей. Чувство вкуса имеет следующие четыре опоры — гастрономию, кухню, консервирование и культивировку или возделывание. Комбинация этих четырех функций создаст в строе прогрессивных серий науку гастрософию или градуированную гигиену, соответственно лестнице темпераментов, не признаваемой современной медициной.

«Согласно своему основному свойству быть миром навыворот, цивилизация в этом вопросе тоже действует наперекор

---

*) Заметим опять, что здесь, как и во многих пуктах своего учения, Фурье считает отправной точкой не идеальный фактор, а материальный, и именно производственный или соприкасающийся с производством.

**) Nouv. Monde ind. et. soc., стр. 264 — 266.

здравому смыслу; она начинает с того, чем следовало бы кончить. Всякий отец будет доволен, если ему скажут, что его сын или дочь успевает в третьей или четвертой отраслях, т.-е. в деле культивирования и консервирования; другие родители желают также, чтобы их дочери упражнялись во второй отрасли, т.-е. в поварском искусстве. Таким образом, в цивилизации из четырех отраслей, образующих гастрософию, допускаются три, как раз те, которые не могут создать индустриального влечения, а первую отрасль — гастрономию,— из которой рождаются остальные три,— осуждают и изгоняют. С другой стороны, беспринципные писатели дают уроки чревоугодия нашим Лукуллам, которые уже просвещены своими поварами, так что не нуждаются в содействии поэзии и риторики. Эта литературная проституция компрометирует гастрономию, как вздор, проповедуемый оуэнистами, компрометирует идею ассоциации.

«Гастрономия станет наукой, достойной уважения лишь тогда, когда она сумеет служить потребностям всех без исключения; между тем в настоящее время питание народных масс не только не улучшается, но, наоборот, все более и более ухудшается; они лишены самых необходимых и здоровых с'естных продуктов. В Париже найдется от трех до четырех тысяч человек, имеющих изысканный стол; но рядом с ними на низах существует от трех до четырех сотен тысяч человек, которые даже не получают к обеду порядочного супа; под видом бульона им подносят смесь из несвежей воды и прогорклого жира, пахнущего сальными свечами. Мошеннические проделки торговцев тяжелее всего отражаются на низших классах.

«Гастрономия будет заслуживать похвалы только при двух условиях: 1) когда она будет влиять непосредственно на производительные операции, тесно связанные с земледельческой культурой, и посредством процессов приготовления пищи привлекать людей с утонченным вкусом к работам в поле и кухне; и 2) когда она будет содействовать благосостоянию рабочей массы, т.-е. даст возможность народу участвовать в тонкостях питания, которыми в современном строе пользуются только праздные классы *).

«Таким образом, — заключает Фурье, — если хорошая вкусная пища станет наградой продуктивному труду, если она доставит труженику заслуженное наслаждение и будет способствовать укреплению его здоровья, тогда все люди об'единятся для производительной деятельности во имя гастрономии, которая всегда будет лежать в основе всех человеческих стремлений. А потому, если желают воздвигнуть

*) Nouv. Monde ind. et soc. стр. 258 — 264.

прочный общественный строй, то в основу его следует положить гастрономию или чревоугодие *).

«Из сказанного видно, что гастрономическая страсть, которая в строе цивилизации является пороком, в строе Гармонии станет добродетелью, так как будет способствовать всеобщему счастью людей. То же самое можно сказать относительно всех прочих страстей, именуемых у нас пороками. В дальнейшем мы увидим при свете теории комбинирования, что все наши страсти и черты характера, данные нам природой, хороши и разумны в той пропорции, в которой мы ими обладаем, и что их нужно развивать, а не исправлять природу. Отсюда ясно, что все удовольствия, которые получаются от удовлетворения страстей и стремлений, тоже разумны и полезны, и что при полном и разнообразном удовлетворении потребностей не может быть вредных злоупотреблений, которые мы наблюдаем ныне на каждом шагу. Например, обед в строе Гармонии, который будет длиться час и сопровождаться интересной беседой, исключающей возможность есть грубо и быстро, целиком отдавшись одной еде, не поведет к злоупотреблению

---

*) В своей книге „Социальные очерки современной экономии" Жорж Сорель делает остроумную, но мало убедительную попытку об'яснить основные элементы системы Фурье заимствованиями из современной ему политической действительности; учение Фурье, по мнению Сореля, является не более, как идеализацией некоторых, и при том наиболее печальных, черт этой действительности, из сочетания которых Фурье создает свою систему.

„Известно,— говорит Сорель,— какими обжорами являлись люди той эпохи; превосходная кухня представляла предмет величайшей заботы для выскочек того времени. Фурье пользуется этим фактом и хочет сделать из поварского искусства одну из основ своей организации; он хочет развить аппетит гармонистов до чрезвычайных пределов, обучая их одновременно умению различать тонкие блюда, обладающие большим сходством.

„Гастрософия" становится для Фурье об'ектом мышления, который заменяет собой философию. В прошлом полагали, что утонченный вкус должен проявляться исключительно в области изящных искусств, Фурье же применяет его к приготовлению питательных продуктов. Он с отвращением говорит об отсутствии гастрономических принципов у французов, в течение одного даже наиболее умеренного обеда, совершающих более пятидесяти таких ошибок, которых легко избег бы ребенок-гармонист" (Назв. соч., изд. Дороватского, М. 1908 г., стр. 106).

Точно также превосходство энтузиазма над методичностью и правильной администрацией и значение интриги для успеха, по мнению Сореля, выведены Фурье из наблюдения над эпохой революционных войн.

Почему собственно не народиться гениям на фабриках и заводах, где собраны люди в равной степени воодушевленные одной целью? Ведь вышло же из наиболее низких чинов армии столько славных полководцев, которые остались бы неизвестными, если бы encien régitte продолжал препятствовать развитию естественных сил. Почему не верить в комбинацию страстей, когда революционные банды под начальством импровизированных вождей, провозглашенных во время трагических происшествий, проявляли такое очевидное превосходство над немецкими войсками, которые были воспитаны по-прусски и действовали по педантичным правилам ложной науки. Превосходство энтузиазма над правильной организацией современники Фурье могли даже считать доказанным фактом, так как Империя погибла, благодаря именно администрации и регулярности. Ее силы покинули ее, кажется, в тот самый день, когда старый энтузиазм пошел на убыль; императорское правительство далеко не было так богато выдающимися военными вождями, как эра революционной анархи" (Цит. соч. стр. 110 — 111).

и обжорству, которые мы наблюдаем на скучных и бесконечных обедах у цивилизованных. Здесь среди высших и низших классов мы видим одно и то же: званный обед или ужин кончаются общим об'едением и перепоем, когда люди теряют сознание и сваливаются под стол, как скоты. В строе Гармонии же, где выбор наслаждений будет настолько разнообразен, что их можно будет менять каждый час и даже каждые 1/4 часа, одно разнообразие предохранит людей от эксцессов; смена удовольствий, таким образом, явится залогом умеренности и здоровья.

«Между тем, в строе цивилизации наблюдается обратное явление, а именно, что веселящиеся люди становятся бессильными и инвалидами раньше тех, которые ведут умеренный образ жизни; говоря иначе, раньше тех, которые лишены возможности веселиться. В этом виноваты не удовольствия, а редкость удовольствий, вследствие чего люди, дорвавшись до какого-нибудь из них, отдаются ему целиком. Наблюдая такие картины, современные моралисты получают основание осуждать эпикурейство *).

«Из всего сказанного видно, насколько моя теория строя Гармонии стоит выше теорий нынешних моралистов, ибо моя система стремится использовать все побуждения и страсти такими, какими они даны человеку богом, ничего в них не изменяя, извлекая пользу для общества даже из таких чувств, как вражда и раскол. В этом заключается все волшебство, все точные расчеты комбинирования элементов в великом феномене влечения страстей. Нечего спорить, говорю я, был ли бог прав или неправ, дав людям те или иные страсти; грядущий строй будет применять их такими, какими они даны богом, не искажая их и не осуждая.

«Такой порядок в результате приведет к согласованию интересов личности с интересами коллектива, всегда расходящимися в состоянии цивилизации, ибо провидение, создавая человека таким, каким оно его создало, предназначило его для строя всеобщей гармонии и единства» **).

О неравенстве. Фурье — ярый противник равенства. Равенства нет в природе, нет и не должно быть в человеческом обществе. Неравенство для Фурье не теоретическое требование, а чисто-практический принцип, без коего, по его мнению, немыслимы ни его ассоциация, ни его система притяжения страстей. Только неравенство людей делает возможным всю ту сложную игру притяжения и отталкивания страстей, на коей зиждется фаланга с ее группами и сериями.

Прежде всего существует неравенство природное, заключающееся в разделении людей по полам и возрастам. Фурье различает три пола: мужской, женский и детский и пять возрастов — детства, юности,

*) Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 549 — 552.
**) См. Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 157.

возмужалости, зрелости и старости; все возрасты он делит на 16 колен. Как противник вообще всякого насилия, в чем бы оно ни проявлялось, Фурье тем самым является противником порабощения женщины в каком бы то ни было отношении, но в то же время он противник полного равенства мужчины и женщины. Конечно, в политическом отношении все равны в его фаланге; но политические основания вообще играют ничтожную роль в его общественных построениях; главную роль играет принцип трудовой, связанный с особенностями характера и склонностями суб'екта; а в этом отношении особенности женского характера должны быть сохранены и культивированы. Фурье отводит женскому труду особое место в организации труда в фаланге, а женскому характеру (например, женской хитрости или склонности к интриге) — особую роль в той сложной игре страстей, которая образует цемент его фаланги.

Дети занимают особое место в его фаланге. Только благодаря их труду, склонности к некоторым работам, например, грязным, возможно существование фаланги. Фурье отмечает неодинаковость наклонностей и характеров мальчиков и девочек. Первые более склонны к неопрятности, вторые — к чистоте и изяществу. Среди мальчиков, более или менее склонных к неопрятным работам, $^2/_3$, а среди девочек — $^1/_3$, и наоборот: к чистоте и изяществу склонны $^1/_3$ мальчиков и $^2/_3$ девочек. Это дает возможность Фурье группировать детей для работ в фаланге по различным категориям.

Даже любовь основана у Фурье на неравенстве суб'ектов в половом отношении, вследствие чего он делит молодых людей на две категории: на склонных к воздержанию и склонных к половой распущенности, и только из сочетания этих стремлений в ассоциации получается равновесие половой жизни без эксцессов и без вредных для общества последствий.

Но наиболее поразительно у Фурье сохранение социального неравенства: Фурье сохраняет деление на богатых и бедных и распределяет общественный доход между капиталом, трудом и талантом. Анализируя вопрос о наилучшей и наиболее прочно сорганизованной ассоциации, он об'ясняет неудачи социальных реформаторов прежних времен в этой области тем, что об'ектом для этих ассоциаций ими неизменно выбирались массы бедных людей... В этом случае, как и во всех остальных, цивилизованные упрямо цепляются за идею простоты, заставляющую их производить опыты с об'единением бедных хозяйств; они не могут подняться до идеи о необходимости сделать опыты над ассоциацией богатых. «Неравенство,— говорит он в другом месте,— вот то основание, которое должно положить конец всем философским химерам. Достаточно допустить хотя бы тень равенства материальных условиях членов фаланги, чтобы нарушилась взаимная

доброжелательность... Необходимо составлять фалангу из лиц, сильно разнящихся во всех отношениях, в том числе и в материальном. Та фаланга достигает наиболее совершенной гармонии, в которой неравенство капиталов будет всего сильнее. Столь рекомендуемый софистами подбор лиц, стоящих на одинаковом уровне материального благосостояния, противоречит природе человека. Крайнее неравенство — колоссальное богатство у одних и абсолютная бедность у других,— вот один из могучих источников гармонии».

Вообще вся система соперничества, являющаяся основанием и пружиной игры страстей в фаланге, основана на разнообразии и неравенстве индивидов. Для образования фаланги «надо собрать 1.500 — 1.600 лиц различного возраста, состояния, различных характеров, теоретических и практических знаний; разнообразие это нужно довести до возможного максимума, ибо, чем больше будет различий в страстях и способностях, тем легче и скорее можно будет привести ассоциацию к общей гармонии».

Как мы увидим дальше, Фурье в основу организации труда кладет не индивида, а группу, как бы расширенную личность, состоящую из 7 — 9 человек. Группа должна отличаться максимальным неравенством входящих в ее состав индивидов; в высшей степени желательно, чтобы тут были: богатый и бедный, ученый и невежда, старец и юноша и т. п. Сами группы должны находиться в постоянном соперничестве, что поведет к усовершенствованию труда, а это возможно опять-таки при наибольшем различии между группами.

Такой порядок,— говорит Фурье,— будет так же далек от равенства, как и от братства, а между тем именно на основе этого механизма вырастает та сверхсложная свобода, которая находится в полном противоречии с теориями философов и экономистов. Равенство и братство, проповедуемые философами и экономистами, превращаются у них в поощрение и восхваление свободной торговли или свободного обмана. Гармония же или сверхсложная свобода, напротив, проповедует любовь к богатству и безмерной роскоши, но требует исключения обмана из отношений между членами фаланги и содействует водворению честности и справедливости во всякой сделке между ними.

§ 4. Социально-историческая теория Фурье.— Характеристика социальных периодов до цивилизации.— Цивилизация и ее фазы.— Промышленный феодализм.— Заключение.

Если мы теперь, при свете изложенных нами теорий движения и притяжения страстей, рассмотрим социальные воззрения Фурье, то убедимся, что он здесь обнаруживает глубину, которой не подозревали его буржуазные критики, подходившие к его произведениям

с намерением выудить из них лишний курьез на потеху праздного читателя или еще одно «безнравственное» суждение, чтобы благочестивыми устами изречь ему анафему.

В социально-исторических построениях Фурье следует отметить следующие особенности: об'ективизм, эволюционизм и диалектичность.

Фурье принадлежит к числу немногих теоретиков начала XIX в., которые выдвинули точку зрения независимости общественных форм от суб'ективных желаний мыслителей и государственных деятелей. Формы социального развития,— учит Фурье,— предопределены, даны раз навсегда и лежат вне наших желаний. Людям остается только их познать и, руководясь этим знанием, содействовать переходу человечества от одной формы к другой, от худшей к лучшей. Изучая социальное развитие в его основе, Фурье находит, что этой основой является видоизменение единого во всей вселенной движения, модификация всеобщего тяготения, открытого Ньютоном. Это видоизменение движения и притяжения принимает в человеческом обществе характер игры страстей или притяжения страстей; страсти являются силами, изменение которых не зависит от воли человека и это совершенно нежелательно, так как все, что устроено богом, устроено правильно и на пользу людей. Вот почему он обрушивается на философов и моралистов, которые занимаются только тем, что хотят изменить, или как они выражаются, «исправить» природу человека, т.-е. ослабить и извратить страсти, главные пружины общественного механизма, и, таким образом, сбить человечество с надлежащего пути.

Но страсти для своего правильного развития требуют соответствующей социальной среды. Эта среда определяется организацией производства. Фурье, как мы увидим дальше, придавал большое значение экономическому фактору, а именно: характеру производства; ту или иную форму производства Фурье считает характерным признаком, определяющим фазы социального развития, и в этом отношении приближается по своим взглядам к теории экономического материализма. Для правильного функционирования страстей он считает необходимым строй производительной ассоциации в форме об'единения групп и серий групп, о которых подробно будет сказано дальше.

С указанным воззрением связана вторая особенность социально-исторического учения Фурье — эволюционизм. В противоположность философам конца XVIII в., которые предполагали, что на основе чисто теоретических предпосылок можно придумать наилучший социальный строй, годный для всех народов при всех обстоятельствах и на вечные времена, в противоположность этой неподвижной статической

точке зрения, Фурье кладет в основу своего социально-исторического мировоззрения точку зрения развития или эволюционизма. Даже придуманная им фаланга не вечна и сменится другими социальными формами, пока не исчезнет жизнь на земле. К сказанному нужно прибавить, что он был диалектиком, как можно видеть из всей предыдущей критики строя цивилизации, где он с удивительной глубиной вскрывает те противоречия, в которых бьется этот строй, и, как можно также убедиться из нижеследующей характеристики социальной эволюции, с момента возникновения человеческого общежития *).

Сказанным ограничим свои предварительные замечания о социально-исторической философии Фурье; к этому вопросу мы еще вернемся при общей оценке учения и миросозерцания Фурье, а пока перейдем к изложению его воззрений в рассматриваемой области, по возможности, его собственными словами, согласно принятому нами методу.

Социальная жизнь изображена у Фурье в виде таблицы, озаглавленной им «Таблица, изображающая ход социального развития» (Tableau du cours du mouvement social).

В об'яснении к этой таблице Фурье говорит, что вся социальная жизнь на земле (и вместе с ней жизнь животных и растений) будет продолжаться 80.000 лет с момента ее возникновения. Сравнивая социальную эволюцию с жизнью индивида, Фурье делит ее на четыре стадии: детство, юность, возмужалость и старость. Эти четыре стадии неодинаковы по продолжительности: наименее продолжительны начальная и последняя стадии, т.-е. детство и старость, которые будут длиться по 5.000 лет; гораздо более продолжительны обе средние стадии — юность и возмужалость, каждая по 35.000 лет. Две начальные стадии, т.-е. детство и юность, Фурье называет восходящими, а две остальные — нисходящими; таким образом, под'ем и нисхождение будут продолжаться по 40.000 лет. Вместе с окончанием четвертой стадии социальная жизнь на земле закончится, исчезнет человек и вместе с ним животное и растительное царство. Чтобы не возвращаться более к основным четырем стадиям, прибавим, что первую и последнюю стадию **) он называет стадиями несвязности (de l'incohérence),

---

*) „С той же самой диалектической точки зрения,— говорит Фридрих Энгельс,— он (Фурье) утверждает, вопреки господствовавшей тогда теории о бесконечной способности человека к совершенствованию, что не только каждый исторический фазис имеет свой период роста и упадка, но что и все человечество, в конце концов, обречено на исчезновение. Эта идея Фурье заняла в исторической науке такое же место, какое заняла в естествознании идея Канта о конечном разрушении земного шара" („От утопии к науке", изд. „Кр. Новь", М. 1923 г., стр. 10).

**) Фурье в своей таблице (в „Теории четырех движ.") называет эти промежутки не стадиями, а фазами, но так как он эти фазы делит на периоды, а периоды опять на фазы, то, чтобы не запутать читателя, мы главные фазы называем стадиями.

желая этим сказать, что в отмеченные периоды преобладает строй, основанный на индивидуализме и общественной разрозненности; средние стадии он называет стадиями комбинированного строя (de la combinaison), т.-е. строя сосьетарного или прогрессивных серий. Каждая из четырех рассмотренных стадий делится на периоды; таких периодов всего 32 (в «Новом индустриальном мире» он увеличивает число периодов до 36).

Хотя Фурье считает основательное изучение всей его таблицы необходимым условием понимания его теории, но не, соглашаясь с ним в этом пункте, займемся более подробным рассмотрением одной только первой стадии, в понимании которой, благодаря тому, что эта стадия находится в значительной части позади нас, Фурье обнаруживает глубину и остроумие.

Вот перечень периодов первой стадии.

Периоды, предшествовавшие индустрии.	— Хаотический без человека. 1. Первобытный, называемый Эдемом. 2. Дикость или инертность.
Индустрия раздробленная, отталкивающая.	3. Патриархат, мелкая индустрия. 4. Варварство, средняя индустрия. 5. Цивилизация, крупная индустрия.
Индустрия общественная, притягательная	6. Гарантизм, полу-ассоциация. 7. Социанизм, простая ассоциация. 8. Гармонизм, сложная ассоциация.

Характеристика периодов первой стадии. Уже из этой схемы мы видим, что Фурье связывает социальное развитие сначала с развитием промышленности, а затем — с развитием и усовершенствованием индустриальной ассоциации, кладя, таким образом, в основу социальной эволюции экономический и именно производственный фактор.

Фурье, к сожалению, нигде не дает более или менее полных и законченных характеристик периодов рассматриваемой стадии, которые можно составить только на основании отдельных отрывков и замечаний, разбросанных в различных местах его произведений *).

Первый период или период смешанных серий, продолжавшийся не более 300 лет. Это был период первобытного счастья, называемый людьми Эдемом **). Организованные в серии люди были

*) Наиболее систематически он рассматривает этот вопрос в «Теории четырех движений».

**) Таким образом, мы видим, что Фурье в начало социального развития кладет строй упрощенных серий, чтобы через ряд периодов, основанных на противоположном принципе, прийти вновь к строю усовершенствованных серий. Совершенно таким же образом научный социализм понимает диалектику смен исторических периодов, исходя из первобытного коммунизма и приходя к высшей форме коммунизма через отрицание коммунизма в виде периодов индивидуального хозяйства.

счастливы, потому что могли свободно развивать свои страсти, которые тогда отличались большей силой, чем теперь. Люди тогда не имели ничего общего с той пастушеской простотой, которая существует только в описаниях поэтов. Точно также не следует ни в коем случае думать, что между людьми тогда господствовало какое-нибудь равенство или общность имуществ. Я уже говорил, что все эти философские химеры несовместимы с прогрессивными сериями, требующими, наоборот, градацию неравенств».

«Причинами перехода от первого периода ко второму (дикости) были: увеличение населения, поведшее к бедности (так как первобытные серии не были знакомы с индустрией) и размножение диких зверей, поведшее к изобретению смертоносных орудий и к убийствам и грабежам. В результате возникло разделение на отдельные семейные хозяйства (ménages incohérents), т.-е. брак и семья».

О периоде дикости Фурье здесь не говорит, но мы имеем о нем уже некоторое представление по данным, приведенным в параграфе «Мнимая свобода в строе цивилизации». Отличительным признаком этого периода является отсутствие индустрии, так как дикарь пользуется естественными благами природы; это приводит к свободе и беззаботности. Таковы положительные стороны этого строя; но он имеет также и отрицательные стороны. Первая отрицательная сторона или «первое противоречие» этого строя, как выражается Фурье, заключается в несовместимости общественного строя дикарей, живущих ордами, с индустриальной деятельностью, что, во-первых, препятствует развитию всех сторон человеческой жизни и поднятию человека на должную высоту и, во-вторых, делает благосостояние дикарей непрочным, подвергая их опасностям голода, повальных болезней, непрерывных военных столкновений с другими племенами и пр. Второе «противоречие» строя дикости заключается в том, что «женщины здесь не приняты во внимание», т.-е., что они очень мало или совсем не пользуются естественными правами. Это полупорабощенное состояние женщины, как мы сейчас увидим, превращается в полное порабощение в периоде патриархата и варварства *).

В патриархальный период возникает индустрия — мелкая семейная индустрия, как ее определяет Фурье. Такова первая отличительная особенность этого периода; второй не менее важной чертой является порабощение женщины в патриархальном браке. То и другое создает характерный для данного периода особенный семейный строй, при

*) „Изобретение плуга было достаточно, чтобы оставить кочевую жизнь и перейти к оседло-земледельческой (Considérant, Destinée sociale, ч. I, стр. 138)".

„Нужно заметить, что причиной перехода от одного периода к другому (от дикого состояния к патриархату и варварству) послужило изобретение инструментов" (там же).

котором во главе сложной разросшейся нераздельной семьи стоит самый старший, которому подвластны все прочие ее члены; женщина становится жертвой двойного порабощения, как раба мужчины и работница, на которую взваливаются самые трудные работы. «Этот строй,— говорит Фурье,— который многими считается за первичный, в действительности не был таковым. На первой ступени, или в первый период своего развития, люди лишены всяких любовных предрассудков; в первый период никому не приходит в голову об'являть любовь преступлением. Люди были сильны и долговечны, жизнь продолжалась не менее 180 лет, из коих 100 лет можно было со всем пылом предаваться любви. Ясно, что никому в голову не приходило, как мы это видим среди цивилизованных заморышей, проповедывать им воздержание или требовать, чтобы они всю жизнь прожили с одной женщиной. Нужно было, чтобы люди значительно потеряли в своей первоначальной силе и в значительной степени выродились, чтобы уступить регламентации, столь противоречащей интересам здорового крепкого человека. Но так как с уничтожением первобытных серий началось быстрое вырождение человека, то новые принудительные правила любви (reglement coërcitifs de l'amour) стали распространяться в строе дикости, потом варварства и т. д.

«Относительно периода патриархата существует такое же незнание, как и относительно первобытного состояния. Авраам и Иаков даже в том виде, как их нам рисует предание, отнюдь не были людьми добродетельными; это были маленькие тираны, насквозь проникнутые деспотизмом и несправедливостью, имевшие гаремы и рабов по обычаю варваров. Это были паши или тираны, в своих владениях предававшиеся всем злоупотреблениям. Что может быть более низкого и несправедливого, чем поступок Авраама, изгнавшего Агарь с ее сыном Измаилом в пустыню на голодную гибель потому только, что он достаточно ею насладился и не хочет ее больше? Вот за что он осуждает молодую женщину и ее ребенка на верную смерть! Вот хвалена патриархальная добродетель во всем ее блеске! И нужно сказать, что все дела патриархов носят одинаково отвратительный характер. Однако философия стремится проповедывать и внушать нам патриархальные нравы» *).

Фурье критикует Рейналя, который в своей «Истории обеих Индий» расхваливает китайцев за то, что они сохранили патриархальные нравы. Фурье, наоборот, находит в китайцах множество пороков. Китай — единственная страна, где мошенничество легализовано; нигде ябедничество так не распространено, как в Китае; чувст-

*) Th. de quatre mouv., стр. 77 — 89.

ти настолько отсутствует у китайцев, что палач является одним ысших государственных чинов и друзей монарха, который само-но присутствует при наказании хлыстами его придворных. Нигде убийство не распространено так, как среди китайцев. Китайцы ычайно ревнивы; они более других народов порабощают женщин, орым с детства искусственно сжимают и уродуют ноги, чтобы они могли быстро ходить. Точно так же Фурье находит много пороков рейской нации, которая этими пороками обязана тому, что сохра-ла патриархальный дух *).

Варварство отличается от патриархата более сильным звитием индустрии, которая здесь достигает такой степени, ее можно назвать средней в сравнении с крупной индустрией рое цивилизации. Порабощение женщин в период варварства при-мает более оформленный характер, чем в патриархальный период, гановится одним из главных устоев всей жизни **).

«Дикость и варварство,— говорит Фурье,— оба отличаются одной, нь характерной чертой; они оба неподвижны (stagnants) и не стре-тся к переходу в высший строй. Дикари не имеют никакого желания ейти в варварство, стоящее выше дикого состояния в отношении вития индустрии. Варвары тоже упорно отказываются от перехода остояние цивилизации. Эти два периода,— дикость и варварство,— таются неизменно привязанными к своим обычаям — хорошим или хим ***).

В виду указанной особенности варварства, переход в строй циви-зации совершается большей частью непосредственно от патриархата; для этого должно произойти усовершенствование самого патриар-та; такой усовершенствованной формой патриархата является ративный или сложный патриархат.

«Патриархат федеративный или сложный образуется смежных семейств, свободно об'единившихся по соглашению, как, ример, у татар. В этой промежуточной форме патриархата наблю-тся стремление к улучшению положения главной супруги посте-ным улучшением ее гражданских прав до дарования ей той полу-боды, которой она наслаждается у нас. Эта мера создает выход патриархального состояния в цивилизацию, так как цивилизация может быть порождена ни диким состоянием, ни варварством. Нет чая, чтобы дикий или варварский народ добровольно перенял нравы

*) См. цит. соч., стр. 86.

**) Согласно указанному ходу мыслей, ухудшение в положении женщины ость результатом развития индустрии и образования семьи, что противоречит неприведенному его утверждению (см. гл. II, § 8), что смена периодов первой ии происходит под влиянием изменения в положении женщины.

***) Там же, стр. 100.

цивилизации; и американцам, несмотря на все употребляемые ими средства соблазна и на все интриги, не удалось превратить ни одно дикое племя в цивилизованное состояние. Этот переход мог родиться по естественному ходу движения из сложного патриархата или из очень измененной формы варварства, каким было варварство древних восточных народов, которые во многих отношениях были связаны с федеративным патриархатом *).

О периоде цивилизации более обстоятельно, чем о предыдущих периодах, скажем дальше; здесь же остановимся на некоторых замечаниях Фурье, относящихся ко всем периодам. Замечания эти, как мы убедимся, обнаруживают, насколько Фурье в своих социально-исторических воззрениях приближался к современному материалистическому пониманию истории.

Фурье, как уже нами отмечалось, основной причиной перехода от одного периода к другому считает два фактора — развитие индустрии и перемену в правовом положении женщины, причем то выдвигает на первый план первый из указанных факторов, то — второй, но все же преимущество отдает индустрии, что между прочим видно из следующего замечания.

Периоды 1, 2 и 3 не допускают (ne comportent pas) крупной индустрии (la grande industrie) земледельческой и промышленной, которая зарождается только в четвертом периоде — варварстве. Если б было возможно, чтобы крупная индустрия родилась в первом периоде (курсив наш. А. А.), человеческий род избег бы несчастья пройти через пять периодов бедствий и сразу из первого периода перешел бы в седьмой, т.-е. из периода первобытных смешанных серий в период «черновых» (ébauchées) серий, составляющих переход к строю прогрессивных серий **).

Указав выше, что дикость и варварство страшатся каких либо перемен, Фурье подчеркивает, что цивилизация, наоборот, стремится к усовершенствованиям. «Властители ежедневно вводят, — говорит он,— какие-нибудь административные новшества; философия ежедневно предлагает новые системы политические и нравственные. Так цивилизация выбивается из сил на теоретическом и практическом поприщах,

*) См. цит. соч. стр. 89.

**) Там же, стр. 98.— В течение первой фазы,— говорит Фурье (в Th. de quatre mouv., стр. 54) — социальное движение можно сравнить с человеком, который отступает перед глубоким рвом, чтобы лучше разбежаться и перескочить через него. Это я в своей таблице („Таблица хода социального движения", там же, перед 53 стр. обозначил словами „отступление назад, разбег и прыжок"). Отступление это — переход из первого счастливого периода в четвертый — самый несчастный; но благодаря этому отходу назад приобретается новая сила — крупная земледельческая и мануфактурная промышленность,— которая, расширяясь в 5, 6 и 7 периоды, т.-е. периоды разбега, даст, наконец, человеческому роду средства перескочить из хаоса в гармонию".

чтобы перейти в шестой период, но не в состоянии этого достичь, потому что эта перемена, повторяю, связана с операциями домашне-хозяйственными и индустриальными (курсив А. А., parce que ce changement, je le répète, tient à des operations domestiques et industrielles), а не с административными системами, которыми исключительно занимается философия, никогда не желавшая задуматься над обновлением домашне-хозяйственного и общественного строя *).

Говоря о том же предмете, т.-е. о переходе из одного периода в другой, Фурье высказывает мысль, как бы заимствованную из сокровищницы научного социализма.

«Общество,—говорит он,—может склониться к упадку под влиянием собственного социального прогресса (Курсив мой. А. А. Une société peut tomber en declin par l'effet de ses progrès sociaux). Если дикари Сандвичевых островов и Огио усвоят некоторые отрасли земледелия и мануфактурной промышленности, то результатом этого будет усовершенствование их социального строя, но в то же время это и удалит их от дикого состояния, одной из главных характерных особенностей которого является отвращение к земледелию. Таким образом, социальный строй Сандвичевых островов и Огио будет представлять собой период дикости в упадке, вызванном социальным усовершенствованием **). Иначе говоря, в недрах рассматриваемого социального строя, благодаря развитию земледелия и мануфактуры, т.-е. благодаря экономическому прогрессу, должны развиться элементы, которые приведут к отмиранию этого строя и превращению его в строй высшего типа.

Схематически изображая различные периоды с их отличительными особенностями, Фурье, однако, в согласии с идеей диалектичности социальной эволюции, понимал, что нет периодов чистых или типичных, что в каждой форме заключаются черты предшествующего периода и последующего.

«Среди различных социальных периодов,— говорит он,— есть смешанные или ублюдочные (bâtards), которые заключают в себе черты нескольких периодов. К числу таких смешанных обществ принадлежит Россия, имеющая черты варварства и цивилизации. Китайский строй в этом отношении — самый любопытный на всем земном шаре, потому что он заключает почти в равных пропорциях особенности патриархата, варварства и цивилизации... Поэтому китайцы не могут быть отнесены ни к патриархату, ни к варварству, ни к цивилизации... Невозможно

*) См. цит. соч., стр. 100.
**) Там же, стр. 133 — 134.

почти найти строй совершенно чистый без примеси, т.-е. не имеющий каких либо характерных особенностей, заимствованных у строя высшего или низшего» *).

Нравственный облик того или иного периода Фурье в конечном итоге связывает с хозяйственным фактором. С этой точки зрения он касается характерных черт дикости, патриархата и варварства. Останавливаясь на вечно интересующем его вопросе обмана и лжи, порождаемых торговлей и свободной конкуренцией, он уверяет, что истина и правда в отношениях между людьми установятся с водворением сосьетарного строя, в котором интересы индивида не будут расходиться с интересами коллектива, как это мы наблюдаем в настоящее время, а, наоборот, будут целиком совпадать.

«Истина будет царствовать,— говорит Фурье,— в обществах, организованных в серии, а ложь господствует в обществах, состоящих из необ'единенных хозяйств. В первых употребление истины обеспечивает каждому больше благ, чем во вторых практика лжи. Там всякий индивид, добродетельный или безнравственный, будет любить истину и руководиться ею в своих поступках, так как применение истины будет единственным путем к благосостоянию. Вот почему во всех 24 обществах (т.-е. во все 24 периода), организованных в серии, будет господствовать во всех индустриальных отношениях только кристально-чистая истина.

«Противоположное явление мы наблюдаем в восьми обществах (т.-е. в 8 периодах), состоящих из необ'единенных семей; там можно добиться благосостояния только посредством хитрости и предательства; поэтому мошенничество всегда должно торжествовать во все эти периоды. Вот почему мы видим, что в цивилизации, являющейся одним из обществ, в основе которого лежат необ'единенные семейные хозяйства, невозможно достичь успеха без обмана, разве только в редких исключительных случаях, которые, как исключение, подтверждают только правило...

«Отсюда вытекает заключение, которое может показаться шатким и которое тем не менее будет доказано со всей точностью, что в 18 обществах комбинированного строя (т.-е. строя серий) самым важным свойством, необходимым для торжества истины будет любовь к богатству **).

*) См. цит. соч., стр. 135 — 136.

**) В противоположность моралистам и христианским проповедникам, уверявшим, что истинное благо заключается в умеренности и воздержании, стараясь, таким образом, сделать труженика равнодушным к зрелищу роскоши и наслаждений, которым предавались его эксплуататоры,— Фурье доказывает, что только стремление к богатству, дающему возможность широко и роскошно удовлетворять все свои потребности, будет главным стимулом водворения всеобщего счастья. Проповедь моралистов — ложь, стремление же к наслаждениям и роскоши водворит

«Тот, кто пускается во всевозможные мошенничества и обманы при строе цивилизации, будет самым правдивым человеком в комбинированном строе, потому что этот человек обманывает не ради удовольствия обманывать, а единственно для достижения богатства. Покажите ему какое-нибудь дельце, где он смог бы заработать 1.000 экю посредством лжи и 3.000 посредством правды, он предпочтет правду, будь он даже архимошенник. Вот каким путем самые заядлые обманщики станут в кратчайший срок самыми горячими друзьями истины в строе, в котором истина скоро приведет к большим выгодам, а практика лжи будет неизбежно приводить к разорению.

«Таким образом, нет ничего легче, как заставить восторжествовать истину на всей земле. Достаточно для этого выйти из 2, 3, 4, 5 и даже 6 периодов — и войти в строй прогрессивных серий... Все склонности строя серий будут вести к контрастам с нашими обычаями и заставят нас покровительствовать тому, что мы теперь называем пороками, как, например, чревоугодию и любовным похождениям. Кантоны, где эти так называемые пороки будут более всего процветать, будут принадлежать к самым совершенным в отношении развития индустрии» *).

Период цивилизации. Вышеозначенный метод Фурье применяет при рассмотрении самого важного, т.-е. современного исторического периода — периода цивилизации.

Период цивилизации, как и все прочие периоды, Фурье делит на четыре фазы, которым, по аналогии с человеческими возрастами, дает названия: детство (enfance), юность или рост (accroissement), возмужалость или убыль (decroissement) и дряхлость (caducité). Кроме четырех фаз, период имеет в середине своего развития апогей или полноту. Весь период и каждая фаза имеют свои отличительные особенности, из коих самые важные — зародыш и стержень.

В согласии с указанными основами Фурье строит «Прогрессивную таблицу хода развития периода цивилизации». Такая таблица имеется у него в «Теории всемирного единства» и в «Новом индустриальном и сосьетарном мире». Хотя сам Фурье считает вторую таблицу более правильной, мы все же предпочитаем первую, вследствие ее большей

истину, но только при том условии, что современный строй индивидуализма будет заменен строем, в основу которого будет положена рекомендуемая Фурье ассоциация, т.-е. прогрессивные серии.

„Всеобщее богатство, — пишет Консидеран, — является главным условием не только благоденствия народов, но также развития нравственных чувств, братского единения и социальной гармонии..." (Destinée sociale, ч. I, стр. 51).

*) Там же, стр. 101 — 102.

простоты и ясности. Поэтому приводим первую здесь в тексте, а вторую — в сноске*).

Характерные черты периода и каждой фазы цивилизации.

Стержень периода.		Индивидуальная характерная особенность.	Эгоизм.
		Общественная характерная особенность.	Двойственность действий.
		Детство.	
1 фаза.	Восходящее колебание.	Зародыш.	Единобрачие или исключительный брак.
		Стержень.	Гражданские права супруги.
		Рост.	
2 фаза.		Зародыш.	Дворянский феодализм.
		Стержень.	Освобождение производительного класса.
Апогей или полнота.			Экспериментальная химия. Искусство мореплавания.

*) Последовательные характерные особенности строя цивилизации.

Восходящее колебание.

Детство или первая фаза.

Простое ядро — единобрачие или моногамия.
Сложное ядро — феодализм патриархальный или дворянский.
Стержень—(главная особенность этой фазы)—гражданские права супруги.
Противовес — федерация крупных вассалов.
Тон — (или настроение) — рыцарские иллюзии.

Юность или вторая фаза.

Простое ядро — общинные привилегии.
Сложное ядро — развитие наук и искусств.
Стержень — освобождение трудящихся.
Противовес — представительная система.
Тон — иллюзия свободы.

Апогей или полнота.

Ядра — искусство, мореплавание. Экспериментальная химия. Характерные свойства — обезлесение, государственные займы.

Нисходящее колебание.

Зрелость или третья фаза

Простое ядро — меркантильный и фискальный дух.
Сложное ядро — акционерные компании.
Стержень — морская монополия.
Противовес — анархия торговли.
Тон — экономические иллюзии.

Дряхлость или четвертая фаза.

Простое ядро — городские ломбарды.
Сложное ядро — цехи.
Стержень — промышленный феодализм.
Противовес — фермеры, подчиненные феодальной монополии.
Тон — иллюзии ассоциации.

			Убыль.
1 фаза.	Нисходящее колебание.	Зародыш.	Меркантильный дух.
		Стержень.	Морская монополия.
			Дряхлость.
4 фаза.		Зародыш.	Различные формы исключительного господства.
		Стержень.	Промышленный феодализм.

Настоящая таблица, как можно легко убедиться при первом обозрении, отличается не только удобопонятностью (чего нельзя сать относительно других социальных и экономических таблиц его автора), но обнаруживает также большую глубину в понимании матриваемого социального строя.

Таблица начинается с указания на стержень (pivôt), т.-е. главные характерные особенности цивилизации. Фурье констатирует, что такими характерными особенностями являются в действиях индивида эгоизм, в действиях общества — двойственность, вернее двусторонность, т.-е., что каждое общественное действие имеет свою положительную и отрицательную сторону. Нельзя отказать Фурье в том, что отмеченные характерные черты взяты им из действительности. В таблице далее указываются зародыши и стержни каждой фазы и апогей или высшая точка, всего периода. Фурье сам дает об'яснения своей схеме. Хотя здесь, как и всюду, в его об'яснениях мало систематичности, но мы обратимся к его собственным словам.

Обе фазы восходящего колебания (составляющие рвую половину периода цивилизации),— об'ясняет Фурье,— ведут постепенному уменьшению личного или прямого рабства, между м, как обе фазы нисходящего колебания (вторая по-овина цивилизации) содействуют увеличению рабства косвенного или ллективного.

«В эпоху апогея цивилизация принимает формы наименее подлые, не говорю: наиболее благородные, потому что цивилизация всегда благородна и в различных своих фазах отличается только оттенками оизма и двойственности, которые всегда являются господствующими ртами, составляя стержень механизма цивилизации.

«Точная химия и искусство мореплавания являются характерными признаками апогея, ибо на этих двух ветвях знания покоится ершенство индустрии и быстрота сообщения.

«С того момента, как период цивилизации снабжен этими двумя агами, он созрел для перехода в шестой период и всякое замедление тим приносит ему вред, ведя к усвоению четырех (отрицательных) актерных черт нисходящего колебания. В этом случае научные ования начинают ему приносить больше вреда, чем пользы

Партию, стремящуюся держать народ в невежестве, нельзя обвинить в политической недальновидности. Я далеко не разделяю подобных взглядов, но они имеют и свою здравую сторону, ибо не подлежит сомнению, что наука становится опасной для цивилизованных с того момента, как они вступают в третью фазу*). Как только цивилизация получает обе характерные черты апогея, она становится зрелым плодом, который, не будучи сорван, должен начать портиться [курсив наш. А. А.] **). Прогресс знаний очень желателен для цивилизации, как полная зрелость необходима для плода; но по достижении этой зрелости плод должен быть сорван для употребления (курсив наш. А. А.).

«Какое же употребление можно сделать из цивилизации в лестнице социального движения? Приблизить ее к шестому периоду — гармонизму. С того момента, как она созрела, она должна уйти от самой себя, найти надлежащий путь и перейти в период гармонизма. Если она будет медлить, то ее знания станут для нее вредным бременем; на нее будет навалено больше, чем она в состоянии поднять.

«Доказательство этого мы можем видеть в том, что искусство мореплавания, наилучший трофей человеческой индустрии, уже породило характерные черты третьей фазы: меркантильный дух и островную монополию, а также другие бедствия, которым не будет места в шестом периоде. Излишек наших знаний и нашего индустриального развития становится для нас вредным, подобно тому, как самая здоровая пища приносит вред, если принять ее в чрезмерном количестве. Точно так же мы переступаем меру, оставаясь цивилизованными, когда мы снабжены основными рычагами для перехода в шестой период. Достигши той ступени, которую я назвал в таблице апогеем цивилизации, мы можем быть сравнены с шелковичным червем, который, пресытившись пищей, должен переменить свою сущность, т.-е. превратиться в куколку***).

«Мы дошли до этой индустриальной зрелости в середине XVIII в.; уже в тот момент мы обладали обеими хорошими чертами апогея; нам следовало без замедления выйти из цивилизации.

«Но у нас не хватило помощи гения, и наши знания стали приносить нам больше вреда, чем пользы; они стали зародышем

*) Здесь Фурье имеет в виду развитие самосознания трудовых классов, опасное для благополучия тех, которые стоят во главе третьей фазы цивилизации, т.-е. во главе современного ему капиталистического строя.

**) „Если общество слишком долго пребывает в одном периоде или одной фазе, оно начинает портиться, как застоявшаяся вода" (Nouveau Monde, стр. 418).

***) Здесь в образной форме Фурье выражает ту великую мысль, которая вместе с гегелевской философией вошла в социальную науку, а именно, что количественное изменение, достигши известного предела, переходит в качественное.

социальных бурь и политической и нравственной порчи. Мы, таким образом, пережили целиком третью фазу, или упадок, и быстрыми шагами идем к четвертой, или дряхлости цивилизации» *).

После этих общих рассуждений Фурье дает краткие характеристики каждой отдельной фазы, или вернее говоря, стержня каждой фазы.

«Первая фаза. Она достигает своего апогея вместе с дарованием гражданских прав супруге. Этим вопросом никогда не интересовались древние софисты, как Конфуций, или софисты Египта и Индостана, так как они никогда не обнаруживали склонности к улучшению судьбы женщины. Древняя женщина имела еще меньше свободы, чем наша; она не разделяла с мужчинами любовных прав, как, например, право отвергнуть нежелательного ей претендента на ее любовь. Моралисты, как и ныне, были совершенно равнодушны к вопросу о ее благосостоянии.

«Вторая фаза. Цивилизация вступила в эту фазу посредством смягчения рабства. Это улучшение является следствием дворянского феодализма, создавшего для земледельцев возможность коллективного и прогрессивного освобождения. Прикрепляя земледельцев к земле, а не к владельцу, эта фаза дает им возможность извлекать выгоды из слабостей каждого господина; и община, вырывая одну уступку от жадного отца, другую — от щедрого сына, постепенно достигает свободы. Это — процесс, о котором прежние философы не имели никакого представления.

«Третья фаза. Эта фаза развилась под влиянием коммерческой политики, родившейся из колониальной монополии. Этот ход вещей не был предусмотрен философами, и они не изобрели никакого средства, чтобы парализовать зло или, по крайней мере, обрушиться на его наиболее вредное проявление — островную монополию. Они вмешивались в коммерческую политику с целью превозносить ее пороки вместо того, чтобы их искоренять, как я это докажу в дальнейшем.

«Прошло всего лишь одно столетие с тех пор, как мы вступили в третью фазу цивилизации,— говорит Фурье в «Новом индустриальном мире», — но за этот короткий период фаза протекла чрезвычайно быстро, благодаря колоссальному прогрессу индустрии (курсив наш. А. А.); так что теперь третья фаза уже достигла своего естественного предела. У нас слишком много материалов для столь слабой ступени развития, и эти материалы, не находя для себя естественного применения, перегружают социальный механизм и причиняют ему недомогание. Отсюда и возникает

*) Th. de l'Unité univ. t. II, стр. 207 — 210.

ожение, подтачивающее этот механизм; появляются вредные признаки, симптомы усталости, происходящие в результате несоответствия между средствами промышленности той более низкой ступенью развития, к которой они применяются (курсив наш. А. А.). Для нашей отсталой третьей фазы промышленность слишком развита; для нее требуется хотя бы четвертая фаза; отсюда и рождаются все излишества и упадок, о которых я собираюсь говорить.

«Четвертая фаза. К этой фазе цивилизация стремится под влиянием возникновения торговых компаний, которые при содействии правительства устраняют своих конкурентов. Подобные компании таят в себе зародыш обширной феодальной коалиции, которая в скором времени должна захватить всю индустриальную и финансовую систему и привести к коммерческому феодализму (курсив наш. А. А.). Вот что философы совершенно не в состоянии были предвидеть; и в то время, как они целиком увлекались идеями меркантилизма, последствия которого ускользали от их понимания, постепенно подготовлялись события, долженствующие изменить эту политику и заставить нас спуститься в четвертую фазу цивилизации» *).

Фурье пользуется моментом, чтобы напасть на философов, которые не умеют ни исправлять существующие недостатки социального строя, ни предвидеть будущее зло и помешать его наступлению.

«Но эти философы,— продолжает он,— не стараются предвидеть грядущих бурь; они начинают понимать социальное движение, когда оно позади их, и интересуются только прошлым и настоящим, но не будущим. И так как меркантильный дух ныне является господствующим, то они решили, согласно их обычаю, что современное состояние вещей есть совершенство разума. Они ограничиваются разглагольствованиями о том, что видят, не предполагая, что строй цивилизации может принять новые формы.

«И когда цивилизация, наконец, дойдет до своей четвертой фазы, когда коммерческий феодализм разовьется во всей своей широте, тогда только философы постфактум вмешаются, чтобы образовать новую секту для словопрений; они будут восхвалять порядки четвертой фазы и продавать груды книг об этом новом строе, разглагольствуя об усовершенствовании «строя совершенства», как они ныне делают, когда говорят о торговле» **).

При рассмотрении фаз цивилизации в «Теории четырех движений» Фурье также упрекает философов в равнодушии к социальным бедствиям,

*) Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 210 — 211.
**) Указ. соч. ч. II., стр. 211 — 212.

и эксплуатации одного класса другим, и в том, что они считают эти бедствия неизменной принадлежностью человеческого общежития.

«Когда я в дальнейшем перечислю особенности всех фаз цивилизации,— говорит там Фурье,— то легко можно будет убедиться, что философы старались замедлить развитие цивилизации и удержать ее в периоде детства. Доказательство этого я уже привел, заметив, что у греков и римлян ни один философ не предложил мер к освобождению рабов; никогда они не интересовались судьбой этих несчастных, которыми Ведий Поллион кормил своих угрей и которых спартанцы вырезывали тысячами, чтобы уменьшить их число, когда они слишком размножались. Никогда римские и греческие филантропы не снисходили до того, чтобы заинтересоваться судьбой этих несчастных или чтобы поднять голос против указанных жестокостей. Они думали в те времена, что цивилизация не может существовать без рабства; они были уверены, что социальная наука достигла предела своего развития и что строй, наилучший из всех известных, есть наилучший из всех возможных. Поэтому, видя, что строй цивилизации немного лучше строя дикости и варварства они, отсюда заключили, что цивилизация — наилучший строй из всех возможных и что нельзя найти другого лучшего *).

Самым худшим злом периода цивилизации является стержень четвертой фазы — коммерческий (или промышленный) феодализм.

«Самое большое зло имеет часто незаметное начало,— говорит Фурье, касаясь вопроса о коммерческом феодализме,— доказательством может служить якобинизм. Клубы существовали и до французской революции, и никому не приходило в голову, что в таких собраниях возникнет зародыш тирании более ужасной, чем тирания Нерона и Тиверия, ибо последняя тяготела только над знатными, над жителями столиц и людьми, занимавшимися политикой, между тем, как клубы простирали свои преследования на самых незначительных граждан и на самые незаметные деревушки.

«И если цивилизация только через 25 веков обнаружила подобное бедствие, то не может ли она произвести еще и другое, до сих пор неизвестное? Самым худшим злом этой категории следует считать коммерческий феодализм или отдачу торговли на откуп соединенным компаниям, одаренным исключительными привилегиями **).

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 135 — 136.

**) Хотя Фурье производит здесь коммерческий феодализм (т.-е. концентрацию капитала) от торговых компаний, но это не лишает его анализа присущей ему силы и правильности. Важно то, что он предвидит эту концентрацию и считает ее последней фазой цивилизации, порожденной коммерческой анархией, последним роковым проявлением капитализма, после которого должен наступить переход к лучшему. Из дальнейшего изложения мы видим, насколько верно он приближается в своей концепции коммерческого феодализма к современному взгляду на роль концентрированного капитала промышленного и финансового.

«Крайности соприкасаются, и чем более возрастает коммерческая анархия, тем более мы идем навстречу безграничным привилегиям, т.-е. ударяемся в противоположный эксцесс. Такова судьба цивилизации, которая всегда колеблется между противоположными крайностями, не останавливаясь на мудрой середине.

«Много обстоятельств содействует об'единению негоциантов, организации их в компании, их превращению в коалицию монополистов. В союзе с крупными собственниками они способны превратить всех торговцев и промышленников, ниже их стоящих, в своих вассалов и стать при посредстве цепи интриг хозяевами всех видов производства.

«Мелкий собственник косвенными средствами принужден будет распоряжаться своим урожаем по указанию этих монополистов; он будет превращен в приказчика, работающего для торговой коалиции. Так водворится новый феодализм, основанный на торговых союзах, вместо союзов знатных родов.

«Все стремится к подготовке такого исхода. Дух ажиотажа овладевает высокопоставленными лицами. Старое дворянство, разорившееся и лишившееся своих владений, ищет удовлетворения в торговых интригах. Потомки древних рыцарей славятся своими познаниями в коммерческой мудрости и биржевой игре, как их предки славились своими победами на турнирах. Общественное мнение лебезит перед этими господами, получившими название «деловых людей», которые в столицах делят власть с министрами и изобретают каждый день новые средства, чтобы взять на откуп какую-нибудь новую отрасль индустрии. Под их влиянием правительство, само того не желая, стремится забрать в свои руки коммерцию, которая подвергается захвату со всех сторон и которая в конце концов должна стать жертвой всемирного откупа, ибо все прекрасные обещания гарантировать свободу торговли вполне похожи на клятвы наших республиканцев; произнося эти клятвы, они уверяли в смертельной ненависти к королевской власти, мечтая в то же время о том, чтобы добраться до трона.

«Мы идем громадными шагами к коммерческому феодализму, т.-е. к четвертой фазе цивилизации. Ученые, привыкшие относиться с глубочайшим уважением ко всему, что делается во имя коммерции и для нее, без всякого беспокойствия смотрят на нарождение этого нового порядка и готовы посвятить свое банальное перо его прославлению. Начальный период коммерции, таким образом, устлан розами, как это было с клубами, а концом ее будет индустриальная инквизиция, порабощение всех граждан интригами об'единившихся монополистов» *).

*) Th. de quatre mouv., стр. 395 — 397.

От изображения экономической действительности Фурье переходит к идеологии современной фазы цивилизации.

«В настоящее время у нас разучились думать, говорить или писать о чем-либо другом, кроме пользы и процветания коммерции. Даже высокопоставленные лица и аристократы сделались жертвами этой мании. Министр, желающий приобрести популярность, должен обещать самому ничтожному городишке какую-нибудь коммерческую привилегию. Какой-нибудь крупный сеньор, путешествующий по провинции, должен в каждом местечке заявлять себя другом коммерции, путешествующим для блага коммерции. Самые выдающиеся гении XIX века — это те, которые в своих произведениях самым подробным образом нам раз'ясняют тайны биржи. Поэзия и изящные искусства в загоне и храм памяти открывается только для тех, которые нас просвещают относительно того, почему сахар «ослабел», почему мыло «склонилось». С тех пор, как философия воспылала нежной страстью к коммерции, Полимния устилает цветами ее путь; самые утонченно-приятные выражения заменили прежний грубоватый купеческий язык и теперь выражаются в элегантных терминах: сахар «ослабел», «склонился», т.-е. пал в цене; «мыло играет хорошую роль», т.-е. поднялось в цене. В прежние времена такие подлые поступки, как скупка товаров для перепродажи по высоким ценам, вызывали негодование писателей; теперь такие поступки способны увенчать их авторов неувядаемой славой. Молва о них говорит пиндаровским стилем: «Быстрое и неожиданное движение почувствовалось в царстве мыла». Когда вы читаете подобные вещи, вашему умственному взору представляется, как ящики с мылом отделяются от земли и устремляются превыше облаков. О каком бы коммерческом предмете ни шла речь,— о векселе или $^1/_4$ фунта мыла,— философы говорят о нем в возвышенном стиле и тоном восхищения. Под их пером боченки водки превращаются в флаконы эссенции, сыр благоухает розами и белье, выстиранное новоизобретенным мылом, способно конкурировать по белизне с лилиями...

«Уже не Музам и их питомцам сторукая философия посвящает свое перо, а лавочке и ее героям. Мудрость, добродетель, мораль — все отступило на задний план и только торговле воскуряется фимиам» *).

Уже из этой краткой характеристики периода цивилизации мы видим, как глубоко Фурье проник в ее сущность. Он констатирует: 1) что основной внутренней особенностью строя цивилизации в его расцвете является развитие индустриальной техники и усовершенствование способов транспорта, а внешней особенностью этого строя —

*) Th. de quatre mouv., стр. 403 — 405.

противоречия во всех его проявлениях, из коих наиболее резким является противоречие между интересами индивида и коллектива; 2) что одним из таких противоречий, обнаруживающих негодность строя цивилизации, как формы общежития, является несоответствие между ее производительными силами и окружающей их общественной оболочкой; 3) что высшей ступенью цивилизации является коммерческий или промышленный феодализм, концентрирующий в руках немногих лиц и торговых компаний всю индустриальную и финансовую систему; 4) что, достигши полного развития всех своих способностей, цивилизация должна перейти в следующий период, иначе те элементы, которые содействовали ее наивысшему расцвету, превратятся в причину ее гибели; 5) что из этих элементов научные достижения в особенности становятся опасными для цивилизации по мере их распространения и проникновения в народные массы, содействуя развитию их самосознания; 6) Фурье, наконец, констатирует, что все перечисляемые им противоречия цивилизации стали зародышем социальных бурь и предсказывает, что в недалеком будущем нас ждут беспощадные войны бедных с богатыми *).

Близость социального переворота наш автор предсказывает в выражениях, как бы написанных для нашего времени.

«Несчастные нации,— восклицает он,— вы стоите перед великой метаморфозой, предвозвестником которого является пережитое всемирное потрясение. Теперь действительно можно сказать, что настоящее чревато будущим и самая чрезмерность наших страданий должна повести к целительному кризису. (Курсив наш. А. А.). При виде этих длительных и колоссальных политических потрясений кажется, что природа делает усилия стряхнуть с себя бремя, которое ее давит. Войны и революции зажигают земной шар со всех концов; пожары, еле потушенные, вновь разгораются из-под пепла, как головы гидры, умножающиеся под ударами Геркулеса. Мир и порядок превратились в призрак, в мечту, длящуюся несколько мгновений. Промышленность стала мучением народов с тех пор, как островные пираты (т.-е. Англия) преграждают все пути сообщения, уничтожают культуру двух материков и превращают их мастерские в приюты нищеты... Меркантильный дух открыл новые пути для преступлений. Ныне каждая война ввергает в междоусобие оба полушария и заносит в глубь диких стран скандалы и жадность цивилизованных народов. Наши корабли обшаривают весь свет ли

*) „Всякий, кто внимательно рассмотрит формулу движения цивилизации, может убедиться, что революции восходящего колебания (первой и второй фазы) носят характер политический, между тем, как революции нисходящего колебания третьей и четвертой фазы) — промышленный и социальный" (Considérant, Destinée soc., стр. 180)

для того, чтобы приобщить варварские и дикие народы к нашему пороку и неистовству. Да, цивилизация становится тем отвратительнее, чем ближе она к своему концу; весь свет превратился в один политический хаос. Требуется рука нового Геркулеса, который очистил бы нашу планету от позорящих ее социальных гнусностей» *).

«Ближайшая задача,— говорит он в другом месте,— заключается в том, чтобы найти новый социальный строй, который обеспечил бы работникам самой низшей категории достаточное благосостояние, чтобы они всемерно предпочитали этот трудовой строй строю косности и разбоя, к которому они чувствуют склонность в настоящее время. Пока мы не решим этой задачи, мы будем добычей непрерывных переворотов; наши империи будут игрушкой естественного хода вещей, забавляющегося их разрушением посредством революций; они будут бременем для него, добычей его мести; наши научные чудеса будут приводить только к бедствиям и потрясениям; наши герои и законодатели будут строить только на песке... Строй цивилизации все более и более расшатывается.

«Подготовленный философами 1789 год был только первым извержением этого вулкана. За ним последуют другие извержения, в особенности, если слабые правительства будут потворствовать агитации. Война бедных против богатых была так успешна, что интриганы всех стран мечтают об ее возобновлении. Нужно стараться не предотвратить: естественный ход вещей смеется над нашей просвещенностью и нашей предусмотрительностью; он сумеет вызвать революцию из тех самых мер, которые мы принимаем для обеспечения порядка (курсив наш. А. А.); если цивилизация продержится только еще полстолетия, то мы будем свидетелями, как дети будут просить милостыню у дверей палат, где жили их отцы» **).

Выходом из всех этих бедствий цивилизации явится сосьетарный строй.

«Сосьетарный строй осуществит главное желание всех людей, даст каждому обеспеченное существование, что является предметом всеобщих желаний. Что же касается цивилизации, от которой мы скоро освободимся, то она ни в коем случае не является назначением человека; она является временным бедствием для большинства планет в первые тысячелетия их существования; она для человеческого рода — преходящая болезнь в роде прорезывания зубов в период младенчества. Этот период продолжался свыше 25 веков, вследствие нерадивости

*) Th. de quatre mouv. стр. 149—150.
**) Там же, стр. 413—414.

и гордости софистов, пренебрегших всяким изучением ассоциации и притяжения; наконец, периоды дикости, патриархата, варварства и цивилизации, не более, как тернистые преграды, ступени по пути к сосьетарному строю, являющемуся назначением человека; вне этого строя усилия самых благожелательных монархов не принесут никакого исцеления народным бедствиям».

Обращаясь к философам, он говорит:

«Поэтому напрасно, философы, вы будете нагромождать груды книг, ища счастья, которого вы не найдете до тех пор, пока вы не уничтожите корня всех социальных бедствий—раздробленности индустрии *) или разрозненного неассоциированного труда (курсив наш. А. А.), являющегося полной противоположностью намерениям и планам божества. Вы жалуетесь, что природа отказывает вам в раскрытии ее законов. Но раз вы не могли их открыть по сию пору, чего же вы медлите сознаться в недостаточности ваших методов и не спешите искать других? Одно из двух: или природа не желает человечеству счастья, или ваши методы отвергнуты природой, раз вы не в состоянии вырвать у нее тайну, узна которую вы добиваетесь. Видали ли вы, чтоб она столь же сопрот влялась усилиям физиков, как вашим? Нет. А почему? А потому, что они изучают законы природы, вместо того, чтобы диктовать ей свои. Вы же изучаете искусство заглушить голос природы, подавлять притяжение, являющееся истолкователем ее намерений и ведущее нас с необходимостью к домашней сельско-хозяйственной ассоциации [курсив наш. А. А.] **).

«Вместо того, чтобы отдаться изысканиям, каковы могут быть виды провидения относительно будущего социального строя,— говорит Фурье в другом месте, обращаясь к цивилизованным,— и каким путем вы можете их открыть... вы унизили, обесславили притяжение страстей, являющееся истолкователем божьих декретов; вы доверились руководству философов, которые хотят подчинить себе божество и узурпировать высшую функцию, а именно: регулирование социального движения. Чтобы покрыть их позором, бог допустил, чтоб человечество под их руководством купалось в крови в продолжение 25 веков и чтоб оно исчерпало до дна жизнь бедствий, бесчестия и преступлений. И, наконец, чтобы усилить позор современных титанов, бог пожелал, чтоб они были побиты изобретателем, совершенно чуждым науке, чтобы теория всемирного движения была открыта человеком

*) Хотя Фурье говорит: „le morcellement industriel", что значит „индустриальная раздробленность", но в действительности он имеет в виду индустриальную, неассоциированность", что явствует из дальнейших об'яснительных слов „ou travail incohérent".

**) Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 128 — 129.

почти безграмотным (presque illitéré); чтобы простой торговый служитель (un sergent de boutique) доказал ничтожество всех ваших произведений по политике и морали, позорный плод шарлатанства древнего и современного. Да что говорить! Это не первый раз, что бог пользуется смиренным, чтобы поразить гордецов, и избирает самого незаметного человека, чтобы поведать миру самое важное откровение»*).

*) Th. de quatre mouv., стр. 151 — 152.

ГЛАВА IV

Система Гармонии и кооперации.

§ 1. Две системы труда: труд обособленный (раздробленный) и труд комбинированный (кооперированный.) — Теория ассоциации Фурье. — Хозяйственные выгоды ассоциации. — Выгоды кооперативного хранения и сбыта продуктов и кооперативного приготовления пищи.

Фурье, подобно другим противникам индивидуалистического хозяйственного строя, в качестве целебного средства против его бедствий, выдвигает ассоциацию. Но ассоциация Фурье значительно отличается от ассоциаций современных ему и позднейших социальных реформаторов. Ассоциация Фурье не признает личного и имущественного равенства, допускает частную собственность и участие капиталистов, предусматривает определенное число участников и не может функционировать при слишком малом или слишком большом их числе. Но еще важнее особенности ее внутреннего механизма; законченная ассоциация состоит из ассоциаций меньшего калибра (серий), которые, в свою очередь, складываются из ассоциаций первой степени (групп). Таким образом, ассоциация Фурье, выражаясь его терминологией, является ассоциацией трехсложной и даже сверхсложной.

Строй, основанный на ассоциации, Фурье называет комбинированным строем в отличие от современного индивидуалистического или раздробленного общества, основанного на индивидуалистическом обособленном труде.

Выше мы видели (§ 3 главы II), как Фурье критикует труд в современном строе. Он, с одной стороны, останавливается на характеристике наемного труда — отталкивающего, вредного для здоровья, малопроизводительного; с другой — на современном разделении труда, при котором существует множество профессий и занятий малопроизводительных и совсем непроизводительных. Все это вместе ведет к неэкономной растрате и крайней непроизводительности труда, и в конечном результате — к нищете народных масс и увеличению язв цивилизации.

Переходя в настоящем параграфе к рассмотрению теории ассоциации Фурье, приведем параллель, делаемую им между двумя системами

труда — трудом раздробленным (несогласованным), т.-е. трудом семейных ячеек, и трудом коллективным, ассоциированным или комбинированным.

Под индивидуальным, раздробленным, некомбинированным трудом Фурье подразумевает труд семейных ячеек и вообще семейный мелкобуржуазный труд, под который подходит и труд ремесленника или крестьянина, и труд кустаря, и труд мелкого предпринимателя, но отнюдь не труд фабричного рабочего. Это неупоминание фабричного труда, с одной стороны, об'ясняется неразвитостью капиталистических отношений во Франции того времени, где труд, называемый Фурье индивидуально-семейным, преобладал, но вместе с тем это определение указывает на проницательность Фурье, на социалистичность его мышления. В самом деле, если Фурье, под влиянием промышленной отсталости Франции, его эпохи и преобладающего значения торгового капитала над промышленным мог не замечать и недооценивать роли крупно-промышленного капитала в деле эксплуатации и угнетения рабочего, то само существование крупного производства не могло остаться им незамеченным, и если он не относит фабрично-заводского труда под категорию индивидуального и раздробленного труда, то причина, очевидно, в том, что он видел своеобразную ассоциированность и комбинированность труда в этих формах производства. Это доказывается также и тем, что в дальнейшем, говоря о постановке труда в мастерских строя фаланги, Фурье сравнивает эти мастерские с фабриками и заводами, а не с семейными трудовыми ячейками, где не может быть речи о комбинированно-ассоциированном труде.

Фурье подвергает разрозненно-семейный труд всесторонней критике с точки зрения своего социального идеала. Эту критику мы привели в главе II, параграфе 8 (Положение женщины, брак, семья и пр.), куда отсылаем читателя. Здесь заметим только, что среди отрицательных сторон индивидуального или разрозненного труда Фурье указывает: 1) Невозможность при такой организации труда единства общественного плана и исполнения; 2) Отсутствие механической экономии, возможной только при массовом производстве; 3) Вредные последствия конкуренции; 4) Наемный труд — косвенное рабство; 5) Противоречие между индивидуальным и коллективным интересом. Один перечень этих пунктов показывает, как глубоко понимал Фурье преимущество труда ассоциированного и освобожденного от всех форм эксплуатации перед современным трудом, как индивидуально-семейным, так и наемным.

Итак, заключает Фурье,— нужно отказаться от отрицательной системы, основанной на индивидуальной работе или работе отдельными семьями. Нужно стремиться к образованию союзов. Но каких? — вот вопрос.

«Решение этой столь презираемой ныне проблемы (т.-е. проблемы ассоциации),—говорит Фурье в «Теории четырех движений»,—приведет к решению всех других политических проблем. Известно, что иногда достаточно самых ничтожных средств, чтобы достичь величайших результатов; при помощи металлической иглы изменяют направление молнии и направляют корабль через бури и мрак. Точно так же при помощи самого простого средства можно положить конец всем социальным бедствиям и в то время, как цивилизация купается в крови, чтобы утолить свою меркантильную жадность, все, без сомнения, с интересом услышат, что одна индустриальная комбинация может этому положить конец навсегда без всякой борьбы и что морское могущество, до сих пор столь страшное, рассыплется в прах под воздействием земледельческой ассоциации...

«Философы имеют по отношению к ассоциации те же предрассудки, как по отношению к освобождению рабов. Они считают ассоциацию невозможной, потому что она до сих пор не существовала. Видя, как до революции семьи работали без всякой связи друг с другом, они думают, что нет никакого средства их об'единить или притворяются, что так думают, потому, что по этому вопросу, как по многим другим, они заинтересованы выдавать за неразрешимые все проблемы, которых они не в состоянии разрешить.

«Мнение о том, что ассоциация должна дать много экономии и улучшений, высказывалось до сих пор, но никто не знал, как взяться за это дело.

«Идея казалась слишком громадной и неосуществимой, вследствие препятствий, создаваемых страстями подобному об'единению, препятствий, тем более серьезных, что их нельзя преодолеть постепенно, а необходимо преодолеть сразу. Нельзя соединить в земледельческой ассоциации 20, 30, 40 индивидов, даже 100; необходимо по крайней мере 800, чтобы образовать естественную или привлекательную ассоциацию.

«Я подразумеваю под этими словами общество, члены которого будут вовлечены в труд соревнованием, самолюбием и другими побудительными причинами, совпадающими с материальным интересом. Строй, о котором идет речь, пристрастит его членов к земледелию, ныне столь отталкивающему, что им занимаются по крайней необходимости и из боязни умереть с голоду *).

Таким образом, мы видим, что одним из главных вопросов теории ассоциации является вопрос о числе членов, которому Фурье придавал большое значение, так как с этим был связан вопрос

*) Th. de quatre mouv., стр. 8 — 10.

о правильном развитии игры страстей внутри ассоциации. Это число должно было быть не слишком малым, но и не слишком большим. Фурье определяет его минимум в 400, а максимум в 1.600 с лишним человек.

«Между тем современные экономисты, испробовав ассоциации с незначительным числом членов и потерпев неудачу, сочли, что ассоциация неосуществима.

«Этих экономистов можно сравнить с робкими мореплавателями, которые, до Христофора Колумба, не осмеливались выйти в Атлантический океан дальше 200 — 400 миль. Каждый из них возвращался испуганный, заявляя, что этот океан — бесконечная пучина и что было бы безумием пускаться в какие-либо далекие авантюры. Если бы кто-нибудь посмелее проехал 600 — 800 миль, не открыв Америки, все решили бы, что предположения о существовании нового континента просто смешны. Наконец, если бы какой-нибудь смелый мореплаватель рискнул проплыть от 1.000 до 1.200 миль, он бы тоже вернулся без успеха, и все причислили бы поиски новых стран к разряду безумий. Между тем, для успеха дела нужно было еще смелее двигаться вперед и проплыть до 1.800 миль.

«Того же самого метода необходимо держаться в вопросах ассоциации. Не требовалось никакого иного усилия гения, как смелее идти вперед, не теряя мужества при неудачах с небольшим числом членов, не делая поспешных заключений, а продолжая опыты, постепенно увеличивая число участников. Если опыт с 4 семьями оказался неудачным, нужно было попробовать с 8 семьями, попытаться с 16, затем с 32, 64, 100. Дойдя до этого числа, можно было бы констатировать первый успех, так как при этом натолкнулись бы на процесс страстных серий и коротких сеансов, которые легко открыть с того момента, как в ассоциацию будет вовлечено от 350 до 400 лиц» *).

400 человек, это — минимальное число, при котором возможно элементарное проявление выгод ассоциации; но оно недостаточно для полного и всестороннего развития игры страстей. В III части «Теории всемирного единства» Фурье подробно с цифровыми выкладками доказывает, почему число членов полной и законченной ассоциации должно равняться 1.620.

Это вычисление связано со вторым требованием, пред'явленным Фурье к правильно организуемой ассоциации, а именно, с требованием градуированного, т.-е. постепенного неравенства индивидов, входящих в ее состав.

Дело в том, что Фурье, как мы это подробнее увидим дальше, делит людей по возрастам на 16 колен, причем для правильного

*) Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 508.

функционирования ассоциации, для создания в ней градуированного неравенства возрастов, необходимо определенное количество членов каждого колена — средних возрастов больше, младших и старших меньше — так, чтобы число членов всех 16 колен было 810, соответственно числу возможных человеческих характеров. Но принимая во внимание, что в ассоциации всегда будет много лиц странствующих, считая далее малюток, нуждающихся в уходе, патриархов, неспособных ни к какому труду, наконец, известное количество дублеров, т.-е. лиц, исполняющих сходные функции, Фурье к основным 810 членам прибавляет еще 810. Итак, число членов полной и законченной ассоциации должно равняться 1.620 *).

Но еще недостаточно собрать такую массу людей для образования ассоциации, необходимо дать ей внутреннюю организацию. Эта внутренняя организация должна заключаться в том,— говорит Фурье,— что «в каждой многочисленной ассоциации нужно распределить работников на однородные группы по наклонностям и об'единить эти группы в восходящие и нисходящие серии, чтобы дать возможность самого полного развития наклонностей каждого члена и создать условия для возникновения соревнования, благодаря методическому противопоставлению контрастов». Тогда можно будет убедиться, что «соревнование», индустриальное усовершенствование и вытекающие отсюда выгоды возрастают тем более, чем с большей точностью градуирована лестница наклонностей, из коих будет образовано столько групп, сколько необходимо для всех серий. «Эти несколько слов,— замечает Фурье,— могут служить компасом, указывающим направление, куда нужно идти».

Как мы увидим из дальнейшего (здесь мы не будем останавливаться подробно на вопросе об организации групп и серий), всякий член ассоциации может участвовать во множестве групп, входящих в различные серии, так как в группах работа происходит короткими сеансами, длящимися не более $1^1/_2$ — 2 час., причем один день можно работать в одних группах, другой день — в других, работая в общем в 30 — 40 группах, сообразно со своими вкусами и наклонностями. Каждая группа занимается каким-либо видом индустрии, т.-е. земледельческой или фабричной деятельности, и каждый участник получает доход по всем группам, в которых он участвует **).

«Человек, связанный страстным влечением с 30 группами, из коих каждая работает в определенной отрасли промышленной или земледельческой, предпочтет интересы этих групп интересам частной

*) Подробнее см. об этом Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 440 — 441.

**) Подробно о сериях и группах говорится в следующем параграфе настоящей главы.

семейной индустрии... будучи убежден, что при таком строе его семья будет обеспечена вполне достаточными средствами к существованию и ни в настоящем, ни в будущем не будет испытывать никакой нужды. Он, благодаря этому станет действительным гражданином, целиком преданным интересам коллектива. Такая преданность интересам массы невозможна в строе цивилизации, где индивидуальные интересы всегда находятся в противоречии с общественными».

«Люди, спешащие на все возражать,— говорит Фурье в другом месте,— выступят с целым рядом возражений. Они скажут: «как об'единить в одно общество семьи, из которых одна владеет 100.000 ливров, а другая не имеет ни сантима? Как распутать столько различных интересов, согласовать столько противоречивых стремлений и скомбинировать все это в единый план? На это я отвечаю: посредством приманки богатств и удовольствий. Самая сильная страсть крестьян и горожан, это — любовь к наживе. Когда они увидят, что ассоциация при одинаковых шансах будет давать в три раза более дохода, чем при ведении хозяйства отдельными семьями, и при этом обеспечит всем членам самые разнообразные удовольствия, они забудут все свои соперничества и поспешат перейти к ассоциации... Одним словом, эта теория земледельческой ассоциации, которая должна изменить судьбу человечества, стимулирует страсть, общую всем людям; она их привлекает приманкой наживы и наслаждений. Это служит гарантией ее успеха» *).

Сказанное об ассоциации дополним отрывком, где Фурье проводит параллель между своей ассоциацией и ассоциацией, рекомендуемой Робертом Оуэном.

«В Англии с недавнего времени,— говорит Фурье,— вступили на путь, способный привести к открытию теории индустриальной ассоциации. Там делают очень деятельные поиски и дорого стоющие опыты, чтобы организовать домашнюю ассоциацию. Англичане, смущенные зрелищем увеличения народных бедствий рядом с ростом национального богатства и прогрессом индустрии,— что, впрочем, наблюдается во всех странах,— должны были задуматься над вопросом о том, как выйти из этого тяжелого положения. Они вполне правильно предположили, что индустриальная ассоциация явится средством для улучшения участи низших классов. Их опыты, однако, оказались неудачными. Этому не следует удивляться. Так как ассоциация является совершенно новой областью, новым научным миром, то возможны заблуждения, когда в нее вступают без теории и компаса.

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 11 — 12.

«Согласно подробностям, сообщенным английскими газетами относительно учреждений, доверенных руководству г. Оуэна, при их организации, повидимому, были совершены три крупные ошибки, из коих каждой в отдельности было бы достаточно, чтобы привести предприятие к неудаче. Проанализируем эти ошибки.

1. Чрезмерность числа участников. При этих опытах, как мы видим, пытались об'единить от 5 до 6 сотен семейств, т.-е. около 3.000 лиц. Это слишком много, ибо самая обширная ассоциация не может об'единить больше 1.600 — 1.700 человек взрослых, мужчин, женщин и детей, а самое меньшее об'единение может ограничиться четырьмя сотнями. Нельзя пустить в ход механизм даже в упрощенном виде при 300 участниках, а в сложной ассоциации нельзя довести это число до 1.800, разве только при некоторых территориальных удобствах, которые, впрочем, очень трудно найти.

2. Равенство. Это политический яд для ассоциации. Англичане игнорируют это обстоятельство и составляют свои ассоциации из семей почти равных в отношении владеемых ими средств. Сосьетарный строй столь же мало совместим с равенством средств, как с однородностью характеров. Он требует во всех отношениях постепенных переходов, величайшего разнообразия функций и в особенности об'единения крайних противоположностей, как, напр., богача и неимущего человека и т. п... кипучего темперамента с апатичным, молодого человека со старцем и т. п...

3. Отсутствие агрикультуры. Невозможно организовать правильной и надлежащим образом уравновешенной ассоциации, не основывая ее на работах в полях, садах, огородах, птичниках, скотных дворах с большим разнообразием животных и растительных пород. Этого принципа не знают в Англии, где оперируют с рабочими в области фабричного труда *), который один без других форм труда не может создать сосьетарных связей. Фабричный труд необходим в трех видах ассоциации, но он должен там являться на смену земледельческим занятиям, которые, главным образом, питают индустриальное соперничество и интриги.

Еще одна крупная ошибка заключается в том, что руководитель предприятия отказывается от всякого участия в его доходах. Это значит — лишиться главного стимула, способного заинтересовать его в деле.

«Достаточно констатировать эти ошибки, чтобы убедиться, что современные экономисты очень далеки от открытия механизма ассоциации **).

*) Фурье, очевидно, был слабо знаком с оуэновским проектом „земледельческо-промышленных общин единения и кооперации", если мог говорить об отсутствии в них агрикультуры.

**) Th. de l'Unité univ., ч. II, стр. 3 — 5.

Таковы общие основы ассоциации Фурье. Гораздо важнее и оригинальнее ее внутренняя организация, т.-е. строй групп и серий, представляющих собой механизм, приспособленный для игры страстей, для превращения труда в приятное развлечение и для развития максимальной его производительности. В виду той особенной роли, которую строй серий играет в системе Фурье, рассмотрим внутренний механизм ассоциации подробнее в одном из следующих параграфов, а пока перейдем к рассмотрению хозяйственных выгод, которые по мнению Фурье, способна дать ассоциация.

Хозяйственные выгоды ассоциации. О хозяйственных выгодах строя ассоциации в сравнении с строем индивидуального хозяйства Фурье говорит при всяком удобном случае, и это вполне понятно, так как вся его пропаганда направлена к тому, чтобы доказать преимущества,— материальные и моральные,— рекомендуемого им строя в сравнении со строем цивилизации.

Фурье особенно поражала неэкономность мелкокрестьянского хозяйства, масса энергии, которая вследствие его раздробленности, тратится бесцельно, между тем как при об'единении те же результаты могли быть достигнуты, с гораздо меньшими усилиями; но этого мало. Раздробленные крестьянские хозяйства, вследствие плохой постановки дела, дают продукты низшего качества, между тем как при об'единении в ассоциацию, которая даст возможность применять рациональные методы, те же хозяйства, при тех же работниках, дали бы первоклассные продукты; ассоциация, таким образом, не только сохраняет энергию его членов, сберегает их труд, но содействует также развитию культуры и прогресса сельско-хозяйственной техники и, следовательно, улучшению благосостояния членов ассоциации.

Фурье это доказывает на примерах.

При строе ассоциации вместо трехсот погребов, которые теперь имеются у трехсот деревенских семей, будет один обширный общий погреб. Такой погреб можно будет оборудовать по всем правилам современной техники. Он будет разделен на отделения для каждого рода и даже вида продуктов; в нем будет устроена должная вентиляция, отопление и пр.; одним словом, он будет устроен по всем правилам техники, о чем теперь не приходится мечтать крестьянину, у которого иногда на всем крошечном участке негде найти подходящего места для хранения продуктов.

Сказанное о погребах более всего относится к погребам для хранения вин и жидкостей, так как хранение вин и некоторых других жидкостей требует большого искусства, и от умелого сохранения продуктов виноградников зависит часто все благосостояние крестьянина. Между тем, соединившись в ассоциацию, те же крестьяне,

для сохранения вин, молока и молочных продуктов, а также древесного масла, могли бы завести один благоустроенный погреб, в котором вместо 300 боченков, употребляемых тремя стами семей, будет три огромных чана. Экономия при этом была бы громадна; она равнялась бы $^{9}/_{10}$ всех затрат на отдельные погреба и $^{19}/_{20}$ расходов на покупку бочек; а ведь покупка бочек для мелких хозяев является тем более разорительным расходом, что они не умеют должным образом обращаться с сохраняемыми продуктами, в особенности с винами, между тем, как в строе ассоциации все недостатки в этой области будут устранены, и погребное дело будет поставлено надлежащим образом.

Фурье подробно останавливается на столь важной во Франции отрасли сельского хозяйства, как виноделие; он утверждает, что не только крестьяне, но даже крупные землевладельцы не умеют культивировать виноград и, как следует быть, выделывать вино. Ему, однажды, пришлось видеть, как в той местности, где он жил, погиб урожай 10.000 штук виноградных лоз. Задумавшись над этим случаем и ознакомившись с вопросом обстоятельно, он пришел к выводу, что причина этого печального случая, как и всех подобных, заключается в следующем: 1) крестьяне и даже помещики не умеют строить погребов; такие погреба для некоторых сортов вин должны быть построены на возвышенном месте, например, на холме или скате, обращенном к северу. Такое требование в большинстве случаев даже невыполнимо для крестьян; 2) погреба и даже бочки нуждаются в ежедневной и правильной вентилировке. Но разве крестьянин в состоянии исполнить это требование, не имея на то ни времени, ни умения? Только в строе фаланги группы соперничающих погребщиков сумеют поставить дело на надлежащую высоту; 3) чтобы сохранить и улучшить некоторые сорта наших слабых вин, нужно их разбавлять крепкими винами из южных стран. Однако, о добывании таких вин не только крестьянин, но и помещик не может мечтать. Ассоциация же, которая будет вести торговлю со всеми странами путем товарообмена, легко сумеет доставать все, что ей нужно будет в этой области.

Все сказанное о погребах относится и к амбарам, кладовым и другим помещениям для хранения сыпучих тел и прочих нежидких продуктов сельского хозяйства. Ведь стоимость общего амбара едва ли будет равняться десятой части того, что стоят 300 отдельных амбаров, так как общий амбар можно построить в несколько этажей под одной крышей; в нем будут десять дверей вместо трехсот, 10 засовов вместо 300 и т. д. Что касается технических преимуществ такого единого амбара, то о них говорить не приходится.

Фурье далее переходит к доказательству того, какие громадные выгоды общее хозяйство дает в многочисленных других областях, как, например, в деле борьбы с эпизоотиями, пожарами, потравами или насекомыми и вредителями растений.

От производства и хранения продуктов Фурье переходит к вопросу об их продаже. Указав на громадные убытки, которые терпит индивидуальное мелкое хозяйство от продажи своих продуктов перекупщикам, Фурье не менее убедительно доказывает, как велики потери, которые эти хозяйства терпят от самостоятельного вывоза на рынок своих продуктов. В самом деле, триста сельских хозяев, чтобы продать свои продукты, отправляются с ними на рынок не один, а двадцать и более раз в течение года, так как они продают излишние продукты не сразу, а понемногу, когда является нужда в деньгах. Помимо того, крестьянин любит шататься по ярмаркам и кабакам; для того, чтобы продать четверть бобов, он будет целый день сидеть в городе. Для трехсот семей это составит в общем потерю в 6.000 рабочих дней, не считая расходов по доставке и перевозке, которые ассоциации обойдутся в 20 раз дешевле. В строе ассоциации продажа и покупка товаров будет производиться крупными партиями, оптом. Итак, в ассоциации мы будем иметь экономию на всех стадиях производства, хранения, потребления и отчуждения продуктов, и эта экономия дойдет до 90 и даже до 99%.

Экономия на топливе. Индивидуальное мелкое хозяйство пожирает массу топлива, что ведет к беспощадному истреблению лесов и зарослей. Но достаточно представить себе строй ассоциации, чтобы сейчас же убедиться, какая экономия здесь может быть достигнута в этой области. В фаланге, вместо 300 печей, которые теперь имеются для 300 семей, всего будет пять больших кухонь: три для приготовления пищи для членов трех различных классов, одна для специальных заказов, одна для приготовления пищи животным; для этих кухонь, достаточно трех домашних печей, что даст 90% экономии топлива в сравнении с количеством, потребляемым тремя стами семей для тех же целей; не менее велика экономия в топливе, идущем на согревание жилых и рабочих помещений, например, в мастерских, в помещениях для балов и развлечений будут паровые печи, отапливаемые не круглые сутки, а только в те часы, когда в них будут занятия или публика. Для жилых помещений фаланстера отопления понадобится еще меньше, ибо жители фаланги своими частными помещениями будут пользоваться только для сна, и для них достаточно будет зажечь жаровню во время раздевания.

Кроме этих видов экономии, которую Фурье называет экономией положительной, он указывает на такие виды экономии, достигаемые в ассоциации, которые можно было бы назвать экономией

отрицательной. В качестве примера отрицательной экономии можно привести ненужность в фаланге многочисленных мер предосторожности, принимаемых против воров. Чтобы уберечься от воров, все жители деревни и, во всяком случае, состоятельные из них, которых на триста будет не меньше ста, принуждены окружать свои жилища оградами, заборами, устраивать в амбарах более крепкие стены, тратиться на замки, засовы, на содержание собак. Эти бесполезные и дорого стоющие приспособления не нужны будут в ассоциации, так как при этом строе вор будет лишен возможности продать краденое. К тому же в ассоциации всякому будет обеспечен минимум существования, и потому не будет побудительных поводов к краже, не говоря уже о том, что просвещение, которому будет отведено должное место в ассоциации, разовьет в гражданах столь высокое чувство порядочности, что от посягательства кого-либо на чужое имущество жители ассоциации будут вдвойне ограждены. Даже дети, всегда ворующие фрукты, не прикоснутся при строе ассоциации к яблоку, висящему на дереве.

Заговорив о краже фруктов, Фурье обращает внимание на громадный вред, наносимый сельскому хозяйству продажей недозрелых фруктов. Всякому случается видеть на базарах в начале фруктового сезона целые горы недозрелых фруктов. Если вы спросите крестьянина, почему он так варварски распоряжается своим добром, он вам об'яснит, что принужден был преждевременно снять фрукты из опасения, чтобы их не раскрали. Мы уже видели, что преждевременный сбор винограда ухудшает качество всех вин. Воровство, принуждающее к преждевременному сбору урожая, понижает качество фруктов и ягод. Из-за несвоевременного сбора фруктов и смешения спелых с незрелыми и перезрелыми, становится очень трудно и даже невозможно их консервировать и сохранять. Это неудобство, а также отсутствие опытных фруктовщиков и научных знаний, приводит к тому, что консервируется лишь одна двадцатая часть остающихся фруктов, и само культивирование их сокращается в той же пропорции.

Такова в нескольких примерах экономия ассоциативного ведения хозяйства в сравнении с индивидуальным мелким хозяйством строя цивилизации. Читателю ясно, что таких примеров можно привести еще очень много *).

§ 2. Особая организация труда в ассоциации Фурье: группы и серии.— Индустриальные армии.

Как уже было указано в предыдущем параграфе, ассоциация не носит у Фурье однородного характера; она состоит из организаций меньших размеров — серий (или, как Фурье выражается, «страстных серий») и групп.

*) См. Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 7 — 17.

Что такое «страстная серия» или «серия страстей», это мы подробно изложим собственными словами Фурье. Предварительно скажем следующее. Как уже указывалось при рассмотрении учения Фурье об ассоциации, последняя у Фурье основана не на каких либо суб'ективных соображениях, а на особенностях человеческой природы, и именно на его страстях, и влечениях; принципы человеческой ассоциации, таким образом, даны самой природой. Фурье не изобретает ассоциации, а «открывает» ее так, как она в идеале уже давно существует, но скрыта от глаз философов цивилизации, направляющих свои изыскания в совершенно иную сторону. Эти философы и экономисты,— говорит Фурье,— кладут в основу современной хозяйственной ячейки мужа и жену; но семейная ячейка, к которой следует отнести также взрослых детей и наемников, отнюдь не удовлетворяет основным требованиям производительности труда — индустриальному притяжению. Здесь работа стимулируется бичом голода и нужды, ненавидимая и проклинаемая вьючными животными, называемыми членами цивилизованного общества. Он, Фурье, открывший законы социальной жизни и человеческих судеб, нашел в этих законах ту организацию, которая должна образовать единицу нового хозяйственного строя, дабы труд стал тем, чем он должен быть: привлекательным, радостным занятием, более легким и приятным, чем любое развлечение. Эта организация должна состоять максимум из 1.500 — 1.600 человек мужчин, женщин и детей в соответствующей пропорции. Но эти 1.500 — 1.600 человек, образующие фалангу, не представляют собой аморфной массы; нет, они распадаются на клетки и органы — группы и серии. Принципы этих основных организаций — неравенство и соперничество.

Самой мелкой ячейкой социального организма является г р у п п а. Число членов в ней должно быть семь, т.-е. столько, сколько тонов в гамме, максимальное число членов допускается девять. В группе следует различать три части: центр и два крыла. При образовании группы должно быть обращено особенное внимание на то, чтобы в ее состав входили самые разнообразные элементы, и при том элементы противоположные и неравные: юноша и старик, медлительный и расторопный, богатый и бедный, легкомысленный и рассудительный; нужно только, чтобы все входящие в нее были об'единены одним стремлением к той или иной разновидности работы или деятельности. Такая амальгама образует во всей своей совокупности как бы расширенную и усложненную личность, внутри коей игра страстей получает более интенсивное и целесообразное направление. Таким образом, мы видим, что группа, составленная из неравных индивидов, приводит к гармонии целого. Группы об'единяются в серии. Максимальное число групп

в серии, как уже было сказано, 24. Число серий в фаланге должно быть не меньше 50 и может доходить до 500 *).

Не только при составлении групп важнейшим условием является разнообразие индивидов, в них входящих, но и при организации из этих групп серий главное искусство заключается в том, чтобы соединять группы, которые по характеру своих работ и по особенности их, как целых единиц, всегда будут находиться в непримиримом соперничестве, чтобы они, вследствие этого, постоянно и беспощадно критиковали друг друга, при всяком удобном случае отмечали ошибки своих противников, стремясь извлечь из них для себя пользу, а с другой стороны, заставляя последних подтягиваться; чтобы между ними всегда был раскол, ревность, интриги, т.-е. игра страстей, чтобы они в отношении друг к другу не имели ничего общего с равенством и братством, которые проповедывались французской революцией. Такая организация, как изображает Фурье, с презрением изгнав лживые и лицемерные свободу, равенство и братство цивилизованных, в действительности будет наслаждаться сверхсложной свободой, заключающейся в полном удовлетворении всех потребностей, в прочном обеспечении удовлетворения их в будущем и в беззаботности, которая явится результатом этой обеспеченности и уделом каждого члена фаланги.

Защите своей трудовой организации Фурье посвящает много страниц в различных местах своих произведений, отдавая при этом обильную дань своей страсти к аналогиям, таблицам и рискованным сравнениям, чем немало затемняет смысл своего остроумного и по существу довольно простого принципа, положенного в основу этой организации.

Опуская те места, где он проводит аналогию между группами и элементами — землей, воздухом, ароматами и огнем, — или распределяет группы по возрастным фазам и связывает их с душевными чувствами — дружбой, любовью, честолюбием и семьелюбием, — приведем те места, которые являются наиболее важными для понимания его построений и при этом изложены наиболее ясно и понятно.

«В группах и сериях, — говорит Фурье, — интенсивность и производительность труда будут стимулироваться свободной игрой

*) С первого взгляда арифметические расчеты Фурье, лежащие в численных отношениях его групп и серий, могут показаться неправильными. В самом деле, если в группе не менее 7 человек, а среднее число групп в серии, допустим, в 15 (максим. число 24), получим в одной серии 105 человек; помножив эту цифру на минимальное число серий в фаланге, т.-е. на 50, получим 5.250 человек; между тем, в фаланге должно быть не более 1.500—1.600 чел. Это недоумение разрешается тем, что одно и то же лицо может участвовать во множестве групп и серий.

страстей, в особенности десятой, одиннадцатой и двенадцатой — кабалиста, папильона и композита,— т.-е. страсти к интриге и соперничеству, страсти к перемене и страсти увлечения или энтузиазма.

Страсть к перемене — папильон — требует, чтобы индивиду была предоставлена возможность переходить от одной работы к другой; поэтому каждый индивид должен участвовать во множестве групп и серий, для чего сеанс работы в группе не должен быть продолжительнее $1^1/_2$ — 2 часов, так чтобы каждый работник мог в продолжение дня переходить от одного вида работы к другой. Этим будет поддерживаться привлекательность труда в группах в противовес отвращению к труду, царствующему в мастерских и на фабриках строя цивилизации. Вместе с тем, чтобы сделать труд возможно разнообразнее, необходимо, чтобы он был специализирован и детализирован до крайних пределов Так, например, серия розистов состоит более чем из двадцати групп, из которых каждая культивирует свой вид роз — алую, желтую, махровую, китайскую и пр. В фаланге труд достигнет такого разделения и детализации, какие не снились экономистам современного строя.

Страсть к интриге развивает и поддерживает соперничество, как внутри групп, так и между группами, приводя, с одной стороны, к высшей производительности труда, а с другой — к техническому усовершенствованию производства. Для этого необходимо, чтобы группы одной и той же серии производили один и тот же продукт, но по различным методам и теориям. Кабалист будет, таким образом, возбуждать дух изобретательности, что явится одним из важнейших условий расцвета фаланги и благоденствия каждого из ее членов.

Открывая широкое поприще для проявления кабалиста и папильона, работа в группах и сериях пробудит в более одаренных индивидах 12 страсть — композит или энтузиазм,— под влиянием которой все наиболее полезные для фаланги качества проявятся в наиболее интенсивном виде.

Помимо указанных выгод, кратковременность сеансов очень важна для здоровья работников. В цивилизации здоровье работников разрушается, благодаря тому, что они 12 — 14 часов в сутки заняты одним и тем же видом труда, упражняющим не все тело, а только один его орган; в особенности же это отзывается неблагоприятно на здоровье работника, когда такая однообразная и мертвящая работа продолжается месяцы и годы, происходя в отвратительной обстановке фабрик и заводов. Между тем, смена сеансов, позволяющая ежедневно упражнять все органы человеческого тела,— как промышленным, так и сельско-хозяйственным трудом, в закрытых помещениях и на лоне природы,— будет содействовать физическому и умственному развитию работника

должна иметь, по крайней мере, от семи до девяти индивидов (дословно сектантов или членов секты sectaires), чтобы быть способной к уравновешенным соперничествам (rivalités equilibrées); нельзя, следовательно, строить серии страстей на отдельных индивидах. Двенадцать человек, которые будут культивировать 12 различных цветков, не могут поддерживать интриг, необходимых для правильного развития целой серии. Что это так, мы увидим дальше; а пока нужно твердо помнить, что сущность серии страстей заключается в об'единении групп и ни в коем случае отдельных индивидов.

«Поэтому вышеупомянутые *A*, *B*, *C* не могут образовать серию хлебников. Если, вместо трех, мы предположим таких 30 индивидов: восемь вкуса *A*, десять вкуса *B* и двенадцать вкуса *C*, они смогут образовать серию страстей или об'единение групп, последовательных и противоречивых по своим вкусовым отношениям к хлебу; их комбинированные действия, основанные на кабалистических (т.-е. на любви к интриге) разногласиях, дадут достаточно пищи интригам, необходимым для доведения фабрикации хлеба и культуры зерна до совершенства.

«Серия страстей всегда имеет своей целью пользу, возрастание богатства, усовершенствование индустрии. Серия не может сорганизоваться менее, чем из трех групп, так как ей необходимо среднее звено, удерживающее равновесие между контрастами двух крайних звеньев. Она может также получить равновесие при четырех группах, в которых свойства и отношения соответствуют свойствам геометрической пропорции.

«Сосьетарный строй, таким образом, должен развивать путем постепенности все различия вкусов и характеров; он образует группы из всех особенностей, нисколько не считаясь с предпочтением, которое может заслужить тот или другой оттенок вкуса. Они в его глазах все хороши и имеют каждый свое применение, поскольку из них можно образовать регулярную серию, в которой группы расположены в порядке восходящей и нисходящей постепенности и которая опирается на две крайности групп переходных или смешанных и ублюдочных (groupes de transition ou de goûts mixtes et bâtards). Когда серия расположена указанным образом по методам, которые подробно будут об'яснены дальше, каждая из этих групп, хотя бы она состояла из 100 индивидов, будет сотрудничать гармонически со всей массой остальных, подобно зубьям в зубчатых колесах, которые все необходимы и полезны, хотя вступают в сцепление поочередно.

«Теория ассоциации, таким образом, ограничивается искусством формирования и механизирования серии страстей. С того момента, как та или иная планета дошла до этого знания, она может тотчас ввести у себя социальное единство и осуществить коллективное

и индивидуальное счастье; изучение этого вопроса, следовательно, имеет первоклассную важность для человеческого рода.

«Серии страстей поэтому должны быть основаны на контрастах, соперничестве, на экзальтации и сцеплении; серия, не удовлетворяющая этим условиям, неспособна функционировать в механизме гармонии.

«Серию необходимо контрастировать, располагать в отношении групп в восходящем и нисходящем порядке; если нужно классифицировать сотню индивидов по возрастным группам, то их располагают следующим образом:

Восходящее крыло — группа детей и подростков.

Центр серии — группа юношей и возмужалых.

Нисходящее крыло — группы *пожилых и стариков.*

«Такое же различие должно быть соблюдено при классифицировании *страстей и характеров.*

«Этот метод, оттеняя контрасты, содействует развитию энтузиазма в различных группах; каждая из них проникается характером или вкусом, в ней господствующим, и сильно чувствует свою противоположность с соответствующей группой всей лестницы; каждая из них критикует оттенок страсти или индустрии, представляемый другими соседними группами серии.

«Из этого прогрессивного распределения рождаются симпатии и союзы между группами, прямо противоположными, и антипатии и раздоры между смежными группами, отличающимися только оттенками.

«Серия нуждается столько же в проявлении согласия, сколько в проявлении разногласия; необходимо развить в ней множество противоречивых стремлений, которые развивают интриги и связи, на них основанные, и приводят в действие пружины соревнования. Без противоположностей невозможно создать союзы и вызвать энтузиазм; а без энтузиазма в серии не хватит необходимого рвения к труду, продукты которого будут посредственного качества и незначительны по количеству.

«Второе важное условие, это — надлежащее развитие интриг в серии, установление в ней чрезвычайно активных соперничеств. Так как этот эффект достигается правильным контрастированием и градуированием оттенков групп, то можно сказать, что выполнение второго условия находится в зависимости от выполнения первого.

«Третье условие, это — связь или сцепление различных серий l'engrenage — создание системы зубчатых колес между различными сериями. Это достигается тем, что их группы меняют очень часто свои занятия, например, ежечасно или каждые два часа, вследствие чего один и тот же индивид может находиться

в 5 ч. утра в группе пастухов;

в 7 ч. — в группе земледельцев;

в 9 ч. — в группе садовников.

Сеанс в два часа — самый продолжительный из тех, который допустим в строе гармонии страстей, так как энтузиазм не может быть поддерживаем более, чем в продолжение двух часов. Если же предмет труда малопривлекателен, сеанс должен продолжаться не более часа.

«В последовательной смене занятий, только что мною указанной, три серии — пастушеская, земледельческая и садовая — сцеплены (связаны механизмом зубчатых колес), благодаря взаимному обмену членами.

«Нет надобности, чтобы этот обмен был общим, чтобы 20 чел., занятые уходом за стадами от 5 до $6^1/_2$ ч. утра, все одновременно перешли к занятию земледелием от $6^1/_2$ до 8 ч. утра; важно только, чтобы каждая серия снабжала другую несколькими членами из тех или иных своих групп для установления связи между ними при помощи сцепления.

«Серия страстей, организованная изолированно, не будет отвечать своему назначению и не будет содействовать ни одной из операций строя Гармонии. Ничего нет легче, чем организовать в большом городе, как Париж, одну или несколько индустриальных серий; но для того, чтобы выполнить третье условие о сцеплении, необходимо, по крайней мере, 50 серий. Вот почему нельзя организовать ассоциацию из малого числа семейств, например, из 20 семейств или 100 индивидов, из которых нельзя составить 50 серий, надлежащим образом градуированных по группам восходящих и нисходящих оттенков. Необходимо, по крайней мере, 400 лиц — мужчин, женщин и детей,— а для сложной ассоциации, требующей не менее 400 серий, необходимо от 1.500 до 1.600 лиц.

«Здесь могут заметить ошибку в расчете. В самом деле, если от 1.500 до 1.600 персон образуют 400 серий, то 400 персон должны образовать 100 серий. Этот расчет прост, но неправилен. Нужно считать в общем, т.-е. в соображении с числом членов и комбинациями, которые это число допускает; а так как небольшое число не допускает больших комбинаций, то не приходится удивляться, что я свожу к 50, а не к 100 число серий, которые можно образовать из 400 персон.

«Благодеяния сосьетарного строя возрастают вместе с числом серий, которые могут образовать об'единенные в ассоциацию работники, а потому простая ассоциация едва ли может дать половину благодеяний сложной. Предприниматель, который образовал бы, с одной стороны, четыре простые организации, каждую из 400 лиц, составляющих в общей сложности 1.600 лиц и 200 серий, а, с другой стороны, одну сложную организацию из 400 серий при общем числе членов организации тоже в 1.600 чел., получил бы от сложной организации доход, более чем вдвое превышающий доход от всех четырех простых организаций, так как доходы от четырех простых организаций относились бы к доходу от этой сложной организации, как 3 к 7,

иначе говоря, если бы все простые организации к концу года произвели бы на 1.200.000 фр., то сложная организация произвела бы на 2.800.000 фр.

«Отсюда для всякого ясно, что пробная организация должна быть сложной. Это было бы очень желательно; но из соображений, которые мы укажем дальше, нам придется начать свои расчеты, исходя из простой, хотя и менее выгодной организации».

В примечании (или вернее — приложении) *А* к «Теории четырех движений» Фурье дает ряд деталей о строе прогрессивных или страстных серий.

Приступая к этому предмету, Фурье оговаривается, что предвидит возражения со стороны критиков, которые наверно найдут, что изобретенный им строй «не более, чем расчеты ребенка» и что все частности предлагаемого им плана кажутся «детской забавой». Но это возражение его ничуть не смущает.

«Если все детали второго строя не более, как расчеты ребенка,— отвечает Фурье,— то на это следует смотреть, как на благодеяние, оказанное нам провидением, которое захотело, чтобы знание, наиболее важное для нашего блага, было легче всего приобресть. Тот, кто ставит в упрек нашей теории прогрессивных серий ее крайнюю простоту, поневоле оказывается непоследовательным. В самом деле, ему приходится, с одной стороны, упрекать провидение за то, что оно сделало очень легким вычисление наших судеб, а с другой — обвинять цивилизованных за их легкомыслие, вследствие которого они проглядели самое важное из всех вычислений. Если это детское исследование, то наши ученые стоят ниже детей, ибо не сумели открыть, то, что требует таких ничтожных познаний. Указанный недостаток свойствен всем цивилизованным, которые, тщеславясь своей мнимой ученостью, устремляются вдесятеро дальше своей цели, и, вследствие избытка знаний, становятся неспособными уловить самые простые и понятные процессы природы...»

«Серия страстей,— продолжает Фурье,— переходя к вопросу по существу,— составляется из лиц, неравных во всех отношениях,— в отношении возраста, денежных средств, характера, образования и пр. Члены ее должны быть подобраны так, чтобы образовать одновременно контрасты и постепенность в неравенстве от богатого к бедному, от ученого к невежде, от молодого к старому и т. п. Чем лучше неравенства подобраны в смысле контрастов и постепенности, тем с большим жаром вовлекается серия в работу, тем более производит она благ и тем сильнее содействует установлению социальной гармонии.

«Когда множество серий регулярно функционирует, каждая из них делится на различные группы, в которых внутренний порядок

таков, как в армии. Чтобы дать более ясное представление о рассматриваемом предмете, вообразим себе, что совокупность лиц, числом около 600, среди коих мужчин и женщин поровну, страстно занята одной и той же отраслью индустрии, например, культивированием цветов или плодов. Пусть это будет серия, культивирующая груши; составляющие ее 600 человек будут разделены на группы, из коих каждая будет возделывать один или два сорта груш; таким образом, мы будем иметь одну группу, культивирующую дули, другую — бергамот, третью — руселет и т. д. И когда каждый из членов серии войдет в группы любимых им сортов (ибо можно быть участником многих групп), составится до 30 групп, которые будут отличаться друг от друга своими знаменами и украшениями и разделятся на три, пять или семь отрядов, как видно, например, из следующей таблицы.

Серия, производящая груши и состоящая из 32 групп.

ОТРЯДЫ	Числовая прогрессия	Род производимых груш
1. Аванпост	2 группы	Айва и твердые переходные сорта
2. Восходящее крылышко	4 группы	Твердые груши для варки
3. Восходящее крыло	6 групп	Груши из пород хрустящих
4. Центр серии	8 групп	Груши рассыпчатые
5. Нисходящее крыло	6 групп	Груши плотные
6. Нисходящее крылышко	4 группы	Груши мучнистые
7. Арьергост	2 группы	Кизильник, или мягкие переходные сорта.

«Если серия образована правильно, наподобие только что описанной, тогда между соответствующими делениями возникают союзы и соперничества. Так, восходящее и нисходящее крыло об'единяются против центра, стремясь к усовершенствованию своих продуктов в сравнении с продуктами центра; оба крылышка соединяются друг с другом и с центром для борьбы с крыльями. Результатом этих об'единений и соперничеств будет то, что группы, стремясь друг друга перещеголять, будут производить прекрасные плоды.

«Подобные же союзы и соперничества будут возникать между различными группами одного отряда. Если крыло будет состоять из 6 групп, из коих три мужские и три женские, тогда индустриальное соперничество возникает между мужчинами и женщинами; затем и среди групп одного пола, например, между второй центральной группой и крайними, первой и третьей, которые об'единятся против

нее; затем может возникнуть союз между обоими вторыми группами, мужской и женской, против стремлений первой и третьей групп мужской и женской. Наконец, крылья могут об'единиться против поползновений крылышек и центра. Таким образом, в одной только серии, культивирующей груши, будет больше интриг, основанных на союзах и соперничествах, чем во всех политических кабинетах Европы.

«Одновременно с этим происходят интриги между разными сериями и между сериями различных округов. Само собой понятно, что серия, культивирующая груши, будет с особенной силой соперничать с серией, производящей яблоки; в то же время она охотно вступит в союз с серией производителей вишен, так как между этими двумя видами плодов нет ничего общего, что могло бы возбудить зависть и ревность с той и с другой стороны.

«Чем более удастся разжечь огонь страстей, создать союзов и соперничеств между группами и сериями, тем сильнее они будут стремиться превзойти друг друга в увлечении работой, дабы довести до наивысшего совершенства ту отрасль индустрии, которой они страстно увлечены, а это приведет к усовершенствованию всей индустрии, ибо образование серий возможно во всех отраслях труда. Если речь идет об ублюдочном (двусмысленном) плоде, как айва, которая не есть ни яблоко, ни груша, то группу, ее производящую, помещают между двумя сериями, для которых она служит связывающим звеном. Эта группа айвы будет аванпостом серии грушеводов и арьергардом серии яблоководов. Эта смешанная группа — переходная от одного рода фруктов к другому, а потому ее место между обеими сериями. И в страстях мы находим вкусы ублюдочные, странные, подобно продуктам смешанного характера, которых нельзя строго отнести ни к одному определенному роду. Сосьетарный строй извлекает пользу из всех этих странностей и находит применение для всевозможных страстей, ибо бог не создал ни одной бесполезной страсти.

«Я сказал, что серии не могут всегда быть классифицированы так регулярно, как на указанной мной таблице, но нужно по возможности стремиться к этому образцу, который нам дан самой природой и потому наиболее верно достигает цели — экзальтировать страсти, уравновешивать их и вовлекать в работу. Индустрия становится развлечением с того момента, когда занятые в ней люди организованы в прогрессивные серии. Они тогда работают более, вследствие соревнования и других побуждений, свойственных духу серий, чем вследствие побуждений материального характера!»

Так как Фурье придает очень большое значение празднествам и парадам, которые носят у него полувоенный, полурелигиозный

и чрезвычайно декоративный характер и в своей организации связаны целиком с строем групп и серий, то в дополнение к изложенному о сериях скажем несколько слов о корпусе «офицеров».

«Серии и группы имеют офицеров (officiers — «должностные лица»): 1) божества; 2) жрецы и жрицы; 3) высшие чины; 4) низшие чины; 5) смешанные чины; 6) администрацию; 7) академию; 8) святых или патронов.

«Корпус офицеров,— замечает Фурье,— есть душа каждой серии. По этой таблице можно видеть, как должны быть градуированы и контрастированы серии, какая градация денежных неравенств должна быть в каждой фаланге, чтобы можно было образовать корпус офицеров.

«Божества. Каждая группа выбирает свое божество другого пола; мужские группы выбирают богиню, женские — бога. Далее идут божества каждого отряда серии, как, например, божества крыла, центра и т. д. и, наконец, божество целой серии.

«На церемониях или празднествах каждый бог или богиня фигурирует во главе своей группы, отряда, серии. Например, серия дровосеков или лесных жителей (sylvains), состоящая из 15 мужских групп, явится в день своего празднества с корпусом божеств, выстроенных следующим образом:

15 гамадриад по одной во главе каждой группы сильвенов,
5 дриад во главе каждого из 5 главных делений серии,
1 фея во главе всей серии,
1 вестник,
1 сивилла.

Затем несколько херувимок и серафимок, взятых из числа детей для обслуживания богов и богинь. Гамадриады будут выбраны среди молодых женщин; дриады — среди дам среднего возраста; феи, сивиллы и другие богини первого класса — среди пожилых дам.

«Отсюда рождаются результаты прямо удивительные, как и все достижения сосьетарного строя, а именно: чем меньше работник интересуется заработком, тем более он зарабатывает. В самом деле, серия, наиболее стимулируемая интригами и вследствие этого сделавшая наиболее расходов для удовлетворения своего самолюбия, окажется в числе тех, продукты которых будут наиболее совершенными и ценными. Таким образом, эта серия получит наибольший доход, хотя она совершенно не думала об этом, отдаваясь всецело игре страстей. Но если в серии будет мало соперничеств, интриг, союзов, мало самолюбия и экзальтации, и она будет работать холодно, ради прибыли более, чем из страсти, то ее продукты и доходы будут значительно ниже, чем в серии, хорошо заинтригованной. Таким образом,

доход серии будет тем меньше, чем больше она руководилась в своей деятельности одним только стремлением к доходу» *).

Боги помещаются у алтаря. Серия воздает им божеские почести.

Примечание. Все эти божества выступают в указанном расположении и в особых костюмах во время празднеств.

---

*) Хотя все изложенное о сериях и группах дает достаточное о них представление, мы считаем, однако, нужным для лучшего уяснения организационной стороны ассоциации Фурье привести еще следующий отрывок из цитированного нами примечания „А" к „Теории четырех движений".

„Внутренний строй всегда один и тот же во всех отраслях индустрии земледельческой и промышленной, в области наук и искусств или при устройстве развлечений и празднеств, и носит характер борьбы между группами и между отрядами, образованными из нескольких групп.

Согласно таблице, данной мною выше, каждый сумеет расположить (построить) серии наук или искусств, образуя из групп отряды крыльев, центра и пр.

Если пять групп поэтов занимаются пятью следующими родами поэзии — эпопеей, трагедией, комедией, одой, идиллией, — то каждый из них будет находиться в следующей части серии:

Группы	оды	в восходящем крылышке.
»	трагедии	» » крыле.
»	эпопеи	» центре серии.
»	комедии	» нисходящем крыле.
»	идиллии	» » крылышке.

Смешанные жанры будут находиться в аванпосте и в арьерпосте.

Кроме семи вышеуказанных отрядов полная серия содержит 5 добавочных отрядов:

8. Резерв (La Reserve), состоящий из членов когда то бывших в серии и вышедших из нее.
9. Новички (Novices, это,— аспиранты, находящиеся на испытании).
10. Принадлежащие ко всем родам. (Omnigenres, это — члены знакомые со всеми отраслями деятельности данной серии и организуемыми в ней празднествами, парадами, развлечениями).
11. Маленькие серии (sectines уменьшительное, от secte — serie. Это — небольшие организации, которые, вследствие своей незначительности, не могут иметь собственных знамен, своей формы и пр. Таковы серии, возделывающие маргаритки, резеду, гелиотроп, которые не могут иметь столько групп и отрядов, как серии роз, тюльпанов, гиацинтов, тубероз и т. п.
12. Вспомогательные (auxilaires. Если серии образованы из лиц одного пола, то группы другого пола, приходящие им на помощь, называются auxilaires).

Серии и ее дополнительные группы имеют офицеров (иначе — должностных лиц) в очень большом числе. Я укажу 7 главных классов.

Высшие чины — Это такие начальники, как и в полку капитаны, лейтенанты, сублейтенанты, полковники, майоры и пр.

Низшие чины — это в роде унтер-офицеров в полку, знаменосцы ефрейтора и пр.

Сложная серия, т.-е. состоящая из мужчин и женщин, имеет мужские и женские чины. Но полковница, майорша, знаменосица и др. являются таковыми в действительности, т.-е. идут во главе колонн, носят знамена и т. п., а не как в строе цивилизации, где они называются так потому, что они жены полковников, майоров и пр.

Академия состоит из самых опытных членов каждой группы в области теории и практики по два от группы.

Святые или патроны — это покойники, прославившие серии и фалангу и канонизированные соответствующими собраниями по отраслям индустрии, наук и искусств.

«Богам» не вменяется в обязанность иметь специальные познания в индустрии той серии, во главе которой они становятся; они должны быть с ней знакомы только в общих чертах, ибо их должность только почетная. Богатая серия астрономов выбирает себе богиней прелестную девушку, хотя и бедную. Какая-нибудь небогатая индустриальная группа избирает богиней очень богатую особу.

Жречество. Жрецы и жрицы являются главными музыкантами в серии; они дирижируют гимнами и руководят божественной службой в храме и на параде. Будут жрец или жрица в каждой группе, высший жрец или жрица в дивизии и великий жрец и жрица в серии.

Ясно, что все эти божества, офицеры, академики и пр. в обычное время работают наравне со всеми и выступают в своих качествах только на празднествах, парадах и торжествах. *)

Индустриальные армии. Однородные серии различных фаланг и даже целые фаланги для временного выполнения больших работ и для длительной деятельности на широкой основе будут об'единяться в промышленные армии с таким внутренним разделением труда и такой высокой его производительностью, о которых современные экономисты не имеют и отдаленного представления.

Современная цивилизация умеет создавать грандиозные военные армии для разрушения и кровопролития, сеяния взаимной вражды и деморализации их участников. Строй Гармонии создаст противоположные армии для увеличения культуры до размеров, о которых теперь только можно мечтать, для взаимного сближения народов и под'ема всеобщего благосостояния и счастья.

В этих промышленных армиях не будет ничего похожего на современные казармы и фабрики. В них труд будет стимулироваться теми же принципами, что и в сериях — сменой работ, увлекательной и преданно-бескорыстной деятельностью маленьких банд, присутствием и соучастием прекрасных девушек и юношей и всей сложной и возбуждающей игрой кабалиста, папильона и композита, при смене работ празднествами, играми и пирушками.

Такие промышленные армии с легкостью игры сделают культурные усовершенствования, которые по своей грандиозности и трудности до сих пор казались только доступными могуществу циклопов. Они постепенно превратят Сахару в цветущую страну, перережут каналами Панамский и Суэцкий перешейки и сделают доступными для морских кораблей внутренние моря в роде Каспийского и Аральского.

Вот, что Фурье говорит об индустриальных армиях в «Теории всемирного единства».

---

*) См. Приложение „А" к Th. de quatre mouv.

«Основной принцип сосьетарной индустрии заключается в том, что она действует посредством притяжения, а не принуждения. Поэтому строй Гармонии будет собирать индустриальные армии и приводить их в движение посредством влечения к труду, приманок, удовольствия и разнообразя труд каждые два часа, как в фалангах.

«Мы в своем месте увидим, какими притягательными элементами пользуется ассоциация, чтобы собрать миллион промышленных атлетов из 50 стран, из коих каждая выставит по 20.000 человек. Предположим, что такая армия будет собрана. Каковы будут результаты ее трудов?

«Это будет немалое разочарование для поставщиков всех категорий. Я вижу, как они ликуют, прочитав об'явление о сборе миллионной армии. Но напрасны их надежды! Для кровопийц не будет ни одного сантима дохода от этих колоссальных армий. Каждый отряд заботится о своем собственном снабжении. Если армия в миллион человек выставлена сотней тысяч фаланг, по десяти человек от каждой, то каждая фаланга должна позаботиться о снабжении своей когорты. Не существует полковых касс, ни магазинов продовольствия и экипировки. Все делается посредством нескольких писем. Как это происходит, мы покажем в трактате о правильной торговле. А пока что предположим, что армия собрана и живет вполне хорошо без поставщиков и специальных магазинов. Посмотрим, как будет вестись в них работа и проведем параллель между успехами современных и будущих армий.

«Допустим, что римские легионы, разбив 300.000 кимвров, покрыли себя славой и пожали лавры. Но не получили ли бы больше славы обе армии — римская и гальская — если бы они соединились для созидательной работы вместе того, чтобы разрушать? Например, если бы они рассыпались между Арлем и Лионом, чтобы в продолжение одной кампании перебросить 30 каменных мостов через Рону, возвести на ее берегах плотины и, таким образом, спасти драгоценную почву, сносимую рекой каждый год. Подобные подвиги, как мне кажется, в большей степени заслуживают лавров, чем те, которые в настоящее время совершают наши герои на полях сражения.

«Мне могут возразить: если индустриальные армии в один год способны совершить такие чудеса, то что останется им делать в следующие кампании? Смешной вопрос. В сосьетарном строе есть много что делать и переделать. Например, не менее 100 лет работы таких армий потребуется, чтобы покрыть плодородной почвой и облесить альпийские и пиренейские горы, которые наши ученые оставляют обнаженными, потому что более заинтересованы вопросом об усовершенствовании своих метафизических абстракций.

«Согласно принципу двойственности и противодействия движению, ассоциации должны обладать способностью собирать производительные армии, подобно тому, как цивилизация собирает разрушительные армии. И в противоположность цивилизации, которая вербует своих героев, набрасывая им веревку на шею, сосьетарный строй привлекает своих рекрутов посредством празднеств и множества развлечений, неизвестных в современном строе, где армия из 100.000 человек не знает других коллективных удовольствий, как разрушать, сжигать, грабить, осквернять.

«Несмотря на то, что все правительства непрерывно жалуются на полное истощение финансовых средств, каждое государство находит громадные капиталы, когда дело коснется созыва и снабжения этих масс разрушителей. Я слышал от одного русского инженера, что при осаде Рущука в 1811 г. каждая бомба, брошенная в этот город, стоила России 400 франков, вследствие больших расходов на доставку. Какие громадные затраты на уничтожение людей и разрушение зданий! И каким счастьем для человечества был бы строй, при котором подобные человеческие массы были бы использованы не для разрушения, а для полезных работ. По поводу таких пожеланий скептики наверно воскликнут: «Какие прекрасные химеры, какие увлекательные сказки, мечтания о строе, до которого человечество еще не доросло!»

«Между тем указанные иллюзии (т.-е. индустриальные армии) будут легко осуществлены с самого начала основания строя Гармонии. Молодежь, воспитанная при строе цивилизации, будет иметь больше склонности к участию в собраниях, сходных с военными; не получив должной подготовки для занятия сосьетарной агрикультурой, она в начале будет менее склонна к этому занятию, чем следующее поколение, которое к этому будет приучено с детства; с тем большим усердием она вначале будет бегать на грандиозные и блестящие собрания индустриальных армий. Три побудительных мотива будут их привлекать туда:

«1. Индустриальная кампания столько же времени будет отводить развлечениям, сколько работе. Трудовые сеансы будут сменяться грандиозными празднествами. Описание таких празднеств мы находим в четвертом томе («Теории всем. ед.») в главе «Дифференциальная и интегральная гострософия». Для того, чтобы пристрастить к сосьетарному строю всех молодых людей, сибаритов и в особенности женщин, достаточно познакомить их с этими картинами.

«2. Никто не будет страдать от отрицательных сторон работы под открытым небом, так как все будут работать под палатками, которые утром будут доставляться к месту работы, а вечером отвозиться на места их хранения в специальных повозках.

«3. Повышения за заслуги будут производиться по точно установленному порядку. Знаки отличия за работу будут даваться столь же регулярно, как нашивки на военной службе. Таких знаков будет 12 категорий. Их будут получать за действительные заслуги, а не по протекции. Так будет во всех отраслях деятельности Гармонии. Протекция нигде не будет играть никакой роли.

Такая гарантия справедливости будет иметь большое значение в деле привлечения членов в индустриальные армии. Необходимо будет увеличивать притягательную силу этих армий, так как сосьетарный строй в них будет нуждаться больше, чем цивилизация в военных армиях. Я полагаю, что для преобразования Сахары нужны будут армии в 4 миллиона человек, работающих по 6—8 месяцев в году в продолжение 40 лет. Эти армии шаг за шагом будут покрывать пустыню деревьями, укреплять пески, увлажнять почву, проводить источники и, таким образом, постепенно улучшат климат.

«Задерживаясь над этими громадными работами, возможными только при сосьетарном строе, поневоле приходишь к мысли, что цивилизация и варварство являются изнанкой человеческих судеб и что человечество создано для строя единения, из которого может родиться столько чудес. Почему наши сочинители утопий не осмеливаются мечтать о таких вещах, как организация, состоящая из 500.000 человек и занятая созиданием, а не разрушением? Пусть бы они приняли во внимание, что расходы по содержанию производительных армий будут значительно меньше, чем расходы по содержанию военных армий, не говоря уже о том, что будет избегнуто убийство множества людей, уничтожение городов огнем, разграбление деревень, не будет далее расходов на вооружение и, кроме того, будут получены большие доходы от работы.

«Одно только это обстоятельство, преимущества которого столь очевидны, способно вызвать сомнения относительно необходимости цивилизации. Индустриальные армии — вот лучший ответ всем воспевающим совершенства разума. Их следовало бы спросить, не разумнее ли будет собрать 500.000 человек для созидания, а не для разрушения? Тот, кто ответит на этот вопрос утвердительно, уже в силу одного этого должен будет задуматься над вопросом о выходе из цивилизации, которая об'единяет массы только для розни и опустошения.

«Вот почему цивилизация, не имея индустриальных армий, не может произвести ничего грандиозного и терпит поражения, когда приходится иметь дело с работами в большом масштабе. Она некогда была в состоянии выполнять подобные работы при посредстве армии рабов, работавших под угрозой кнута и мучительных наказаний.

Но если такие сооружения, как пирамиды или озеро Мерис должны быть орошены слезами 500.000 несчастных, то это — памятник позора, а не трофеи цивилизации *).

«Преимущества строя Гармонии заключаются не только в грандиозности его работ, но и в быстроте их исполнения, на какую неспособны полчища рабов и наемников, которые только думают о том, чтобы улизнуть от работы. Между тем, гармонизм, для которого работа является праздником, вопросом самолюбия, вносит в нее тем больше активности, чем быстрее она продвигается, благодаря участию в ней такого множества атлетов. Такая работа, как покрытие плодоносной почвой и облесение гор может превратиться в развлечение для армии в 20.000 человек. Прилежание ее членов будет возрастать от удовольствия, которое они будут испытывать, видя, как их работа быстро подвигается вперед и от удовлетворения, которое они будут получать, когда, возвращаясь вечером с работ в окружные фаланги, будут встречены приветствиями ее жителей, для которых выгоды такого облесения будут достаточным основанием, чтобы устраивать празднества для легионеров всех трех полов, потому что в каждой индустриальной армии, обыкновенно, будет $^3/_6$ мужчин, $^2/_6$ женщин и $^1/_6$ детей **).

§ 3. Фаланга и фаланстер, их состав и устройство.— Экономический строй фаланги.— Основы питания в фаланге.— Распределение дня в фаланге.

Свою ассоциацию Фурье назвал фалангой, заимствовав это название из военного словаря. Фалангой в древности назывался боевой строй, введенный в войсках Филиппом Македонским; это был сплоченный клинообразный отряд, который, врезываясь вершиной в неприятельские ряды, легко расстраивал их, нанося им чувствительные потери. Своей социальной фаланге Фурье давал также назначение, врезываясь в существующий капиталистический хозяйственный строй,— в конце концов его уничтожить.

Всю хозяйственную единицу, образуемую ассоциацией, т.-е. население вместе с занимаемой им площадью земли, постройками и инвентарем, Фурье назвал фаланстером; впрочем, очень часто под фаланстером Фурье подразумевает одно только здание. Вот указания, которые Фурье дает относительно устройства первой «пробной» фаланги.

Он предлагает собрать 1.500 — 1.600 человек, что составит около 300 — 400 семей; впрочем, нет необходимости, чтобы в состав фаланги

*) О значении любовных отношений для образования индустриальных армий см. § 8 гл. IV.

**) Th. de l'Unité univ., t. III, стр. 557 — 562.

ходили только семейные: наоборот, Фурье выставляет требование, чтобы треть фаланги состояла из холостяков и незамужних, а при приеме женатых отдавалось предпочтение малосемейным; но главный принцип, на который он больше всего напирает, это неравенство и разнообразие составных элементов фаланги, ибо, чем больше будет неравенство, природное и социальное, между членами фаланги, тем разнообразнее будет игра страстей в группах и сериях, а это одно из главных условий процветания фаланги. При наборе членов фаланги, таким образом, придется обратить внимание на целый ряд качеств, которые у цивилизованных считаются бесполезными и даже отрицательными, например, вежливость, воспитанность, наклонность к чудачеству и оргинальности, любовь к изящным искусствам, танцам, щедрость и даже расточительность; необходимо также обратить внимание, чтобы личный состав фаланги был возможно разнообразнее в отношении возраста, научного и технического образования.

Так как всех детей придется воспитывать вместе, в совершенно одинаковых условиях, вследствие чего дети из богатых классов поневоле должны будут прийти в тесное соприкосновение с детьми из низших слоев народа, и так как взрослым из различных классов при работе, а также и при иных обстоятельствах придется иметь дело друг с другом, то нужно, — говорит Фурье, — создать надлежащие условия для избежания каких-нибудь столкновений и для того, чтобы сделать такое общение приятным для богачей. Для этого нужно будет обратить внимание, чтобы представители низших классов, набираемые в пробную фалангу, были возможно вежливее и воспитаннее. Фурье рекомендует для первого опыта вербовать членов из среды населения окрестностей Парижа, Блуа и Тура *).

Как нами уже несколько раз отмечалось, Фурье стремится привлечь в свою фалангу капиталистов, и с этой целью обещает им всевозможные льготы. В этом отношении Фурье занимает особенное место среди однородных с ним социальных мыслителей, которые в своих производительных ассоциациях стремились об'единить людей равных в материальном отношении, и если не имели ничего против людей богатых, то во всяком случае не считали их вхождение в ассоциацию необходимым.

Отмеченная слабость Фурье к богатым основывается на следующих причинах: во-первых, неравенство во всех отношениях, и в том числе неравенство денежное, как мы уже видели, было принципиальной основой его ассоциационной ячейки; неравенство является одним

*) Такая заботливость о богачах принадлежит к числу приманок, которыми Фурье столь бесплодно пытался завлечь сильных мира сего в фаланги.

из главных стимулов интриг и соперничества и, следовательно, одним из главных условий правильного функционирования страстей в фаланге. Во-вторых, Фурье, как мы также отмечали, стремился разрешить социальный вопрос мирными средствами, согласовать и слить воедино интересы богатых и бедных и надеялся это достичь на совершенно иных, чем в цивилизации, производственных и распределительных началах. Была, наконец, причина чисто практического свойства. Для основания фаланги нужна была большая сумма, не меньше миллиона франков, и, следовательно, без участия богатых людей в виде ли кредиторов или активных членов новой формы общежития дело не могло обойтись.

Очень заинтересованный в том, чтобы привлечь в свою пробную фалангу возможно более богатых и знатных людей, Фурье всевозможными доводами старается убедить их, что они ничуть не пострадают при столкновении в фаланге с беднотой и чернью.

Он следующим образом парирует возражения своих противников, полагающих, что богачи и аристократы не захотят иметь дело с представителями низших слоев народа.

Тем, которые полагают, что наши избалованные сибариты не захотят иметь дело с «Грожанами» и «Марго», я укажу на то простое обстоятельство, что и при нынешнем строе богачи и аристократы связаны с чернью самыми разнообразными связями и сталкиваются с людьми из народа на каждом шагу. Богатому землевладельцу, живущему в деревне, приходится иметь дело с двадцатью мужиками, арендующими его землю и готовыми его обмануть при каждом удобном случае. Заинтересованный в том, чтобы иметь возможно лучших работников за более дешевую цену, он должен изучить характер окрестного населения, знать, кто из окрестных крестьян прилежнее, работоспособнее и пр. Таким образом, ему приходится иметь дело с простонародьем каждодневно и при том в таких формах, которые должны его утомлять и раздражать; он, следовательно фактически находится с народом в ассоциации, но ассоциации неприятной, отталкивающей, основанной на противоположности интересов. В фаланге денежные связи и расчеты между богатыми и бедными будут носить чисто косвенный характер, так как все управление фалангой и все денежные расчеты будут возложены на чиновников, которые избавят богатых от непосредственных денежных дел с бедными и от злоупотреблений со стороны последних; благодаря этому, богатые и бедные всегда смогут быть искренними и преданными друзьями. Более бедные члены фаланги будут оказывать богатым должный почет; в благодарность за это богачи возьмут на себя руководство празднествами, будут устраивать для них время от времени вкусные обеды... Ясно, что аргумен

относительно невозможности ассоциации (в действительности уже существующей) между Мондором и Грожаном столь же мало убедителен, как и все другие возражения, приводимые врагами фаланги*).

Говоря о богачах и капиталистах, которых ему так хотелось заманить в фалангу и на помощи которых он, главным образом, строил свои расчеты, Фурье обращает внимание на следующее обстоятельство.

Правильная постановка дела в фаланге, уверяет он, требует, чтобы капиталисты, вступившие в нее, не все были равны по своей состоятельности. И тут желательна известная градация и постепенность. Нехорошо, если много капиталистов будуть владеть одинаковым состоянием, например, в 500.000 франков или между ними будет слишком резкая разница в состоятельности, например, один будет владеть состоянием в 500.000 франков, другой — в 100.000 фр., третий — в 50.000 фр.; желательны постепенные переходы от большей к меньшей состоятельности; желательно, чтобы между капиталистами в 500.000 и 100.000 франков были капиталисты в 400, 350, 300 и т. д. тысяч, точно так же, чтобы между капиталистами в 100 и 50 тысяч были капиталисты в 90, 80, 70 и т. д. тысяч франков; чем больше будет развита такая постепенность, тем интенсивнее будут стимулы для укрепления социальной Гармонии и для максимального роста прибыли.

Говоря о профессиональном составе фаланги, Фурье обращает внимание на то, что главный контингент ее членов должен быть из земледельцев в придачу с представителями промышленного труда; их в общем должно быть $^7/_8$ всего состава членов, и только одну восьмую фаланги образуют капиталисты, ученые и артисты **).

Когда соберется надлежащее количество членов и будет приобретен соответствующий земельный участок, тогда будут приглашены специалисты-инструктора, которые сорганизуют группы и серии для исполнения всевозможных работ по дереву, металлу, из кожи, работ сельско-хозяйственных и проч. Фурье перечисляет серии, которые придется образовать в фаланге. Что касается земельного участка, необходимого для фаланстера, то размер его определяется Фурье приблизительно в квадратную милю. Желательно, чтобы местность была перерезана холмами, необходимо, чтоб по близости был источник хорошей воды, чтоб почва годилась под разные культуры, чтоб на участке было достаточно леса и чтоб он был расположен поближе к городу.

Фурье рекомендует первую пробную фалангу основать в теплом южном климате, как, например, в окрестностях Неаполя, Валенсии

*) Th. de l'Unité univ., IV, стр. 518.
**) См. там же, ч. III, стр. 431.

или Лиссабона по следующим соображениям. Если основать пробную фалангу в нашем климате, например, в окрестностях Парижа или Лондона, то земледельческие работы, начавшись в мае, должны будут прекратиться в октябре и будут, следовательно, продолжаться не больше пяти месяцев. Такой период окажется слишком непродолжительным для укрепления духа общественности среди членов фаланги. Но если основать пробную фалангу в теплом климате, в указанных выше широтах, то там полевые работы могут продолжаться восемь месяцев сряду и наступления весны придется ждать всего четыре месяца, а это значительно облегчило бы укрепление связей в группах и сериях.

Фурье в разных местах своих сочинений подробно останавливается на описании фаланстера, т.-е. единого здания для всего населения фаланги, вмещающего и жилые помещения, и залы для отдыха и развлечения, и гостиницу, церковь и мастерские, помещения для животных, кладовые, амбары и пр.

«Здание, в котором живет фаланга, не имеет никакого сходства с нашими постройками, как городскими, так и сельскими. Для обширного фаланстера из 1.600 лиц невозможно использовать ни одного из существующих крупных зданий, даже Версальского дворца или грандиозного Эскуриальского монастыря... Квартиры, плантации и холодные постройки ассоциации, организованной в группы и серии, должны чрезвычайно отличаться от наших деревень и местечек, приспособленных для жительства отдельными семьями, не имеющими между собой сосьетарных связей. Вместо этого хаоса домишек, конкурирующих между собой своим внешним безобразием и внутренней грязью, фаланга возведет для себя единое здание, поскольку это позволят размеры ее территории.

«Фаланстер первой пробной фаланги должен быть построен из материалов малоценных: дерева, кирпича и т. п., потому что невозможно при первом опыте определить необходимые размеры, как каждого серистера, т.-е. зала, предназначенного для серий, так и каждой мастерской, склада или помещения для птиц и скота. Возьмем, к примеру, курятник или голубятню. Раньше, чем их построить, нужно вычислить и предусмотреть возможно точнее, сколько кур и голубей будет разводить фаланга данной величины, в особенности, сколько сортов тех и других, чтобы соответствовать притяжению различных групп, занятых уходом за птицей, и содействовать развитию соперничества в сериях. Но так как первая пробная фаланга не может иметь никакого практического опыта относительно всех этих вещей, то она по необходимости совершит много ошибок в количестве, размере и соотношении частей. Раньше, чем дойти до точных данных

относительно всех этих подробностей, необходимо идти ощупью и догадкой. Поэтому я ограничусь общим и приблизительным описанием.

«Главная центральная часть фаланстера должна иметь 500 футов в длину и 250 ф. в ширину и состоять из двух параллельных зданий, соединенных галлереями и образующих обширные внутренние дворы. Перпендикулярно главной части фасада расположены две главные постройки, охватывающие центральную наружную площадь фаланги. От этих построек отходят направо и налево два крыла. Как пристройка, так и крылья, подобно центральной части фаланги, состоят из двойных зданий, соединенных галлереями и образующих внутри обширные дворы. Длина всего здания равняется приблизительно 2.000 футов, т.-е. больше 280 саженей.

«Открытая наружная площадь, находящаяся против центрального здания, предназначена для разных торжеств и парадов; внутренние дворы отведены, главным образом, для цветников, оранжерей и фонтанов.

«В случае, если это потребуется, можно будет против главного здания, вдоль улицы или за площадью, воздвигнуть иные хозяйственные постройки. Но этого по возможности следует избегать, так как непрерывность и цельность здания является одним из главных принципов устройства фаланстера.

«Центр дворца должен быть предназначен для помещений, требующих покоя; здесь помещаются столовые, биржа, зала для собраний совета, залы для научных занятий, библиотека и пр. В этой же части здания помещаются: храм, башня порядка, телеграф, почтовые голуби, колокола для церемоний, обсерватория и зимний сад. Тут же находится главный выход, ведущий в огромный зал с колоннами, откуда по галлереям и лестницам открывается доступ во все части фаланстера.

«В одном из крыльев должны помещаться все мастерские, работающие с шумом, как, например, столярные мастерские, кузницы, все мастерские, где работают молотом; тут же должны находиться все детские мастерские, так как дети не только любят работать с большим шумом, но и музыку любят, главным образом, шумную. Такое сосредоточение в одном месте всего, что работает с шумом и грохотом, избавит жителей фаланги от неудобств, испытываемых в больших городах, где на каждой улице можно встретить слесарную мастерскую или кузницу, или какого-нибудь суб'екта, обучающегося игре на кларнете,— причем вся эта публика терзает слух населения 50 домов, расположенных по соседству. В другом крыле должны помещаться: караван-сарай, большие залы и помещения для приезжих».

При таком расположении они не будут загромождать центральную часть дворца и не будут препятствовать правильному ходу обычной хозяйственной жизни фаланги.

Теперь перейдем к описанию серистеров и других частей здания, а также отдельных построек.

«Фаланстер, кроме индивидуальных помещений, должен иметь много зал общественного характера; они будут называться серистерами, т.-е. залами для собраний и занятий страстных серий. Эти залы ни в коем случае не похожи на общественные залы нашего строя, где существуют между людьми отношения, лишенные сосьетарных «градаций». Серии не допускают подобных смешений; они имеют 3, 4 или 5 отделений, которые занимают соответствующее число смежных помещений. Обыкновенно, серистер состоит из 3 главных зал: одной для групп центра и двух для групп крыльев. Кроме того, три главные залы серистера должны иметь прилегающие к ним кабинеты для групп и комитетов; например, для банкетного серистера или столовой нужно прежде всего шесть очень неравных по величине зал: одну восходящего крыла для первого класса, приблизительно на 150 человек, две залы центра для второго класса, приблизительно на 400 человек, и три залы нисходящего крыла для третьего класса, приблизительно на 900 человек. Эти шесть различных по величине зал должны иметь по близости несколько неодинаковой величины кабинетов для разных групп, которые захотят кушать отдельно...

«Подобные изолированные кабинеты будут благоприятствовать небольшим интимным собраниям, которых будет немало в каждой серии. Таким образом, собрания серий будут носить сложный характер, распадаясь на собрания для коллективных сношений и собрания для кабалистических сношений, подразделяющиеся на множество групп. Такой порядок коренным образом отличается от наших обширных собраний, в которых, даже на царских балах, вся публика перемешена по правилам святого философского равенства, с которыми Гармония не может иметь ничего общего.

«Стойла, амбары и магазины должны быть расположены по возможности насупротив главного здания. Промежуток между зданием дворца и холодными постройками будет служить парадным двором или площадью для маневров и потому он должен быть достаточно широк. С другой стороны, крылья должны быть растянуты таким образом, чтобы вместить внутри образованного ими четырехугольника зимний двор с садом и аллеями, обсаженными зеленеющими круглый год растениями. Чтобы не сделать дворца фаланги слишком растянутым, что должно отрицательно влиять на быстроту сношений между различными его частями, лучше всего составить центр и крылья из двух параллельных зданий, оставив между ними промежуток в 15—20 сажен, в роде продолговатого двора, перерезанного стеклян[illegible] парного этажа, отапливаемыми

и вентилируемыми по мере надобности... На определенных расстояниях друг от друга дворец, подобно Луврской галлерее, должен иметь проезды во внутрь, т.-е. во двор, образованные изящными аркадами. Чтобы не растянуть слишком здания и выиграть в территории, а также способствовать быстроте сношений между отдельными частями, необходимо здание вытянуть ввысь, чтоб оно, кроме нижнего яруса, и антресолей, где будут жить дети и старики, имело, по крайней мере, три этажа и мансарды. Все дети богатых и бедных родителей живут в антресолях, потому что они участвуют во многих проявлениях общественной жизни, в особенности утром, и вечером. Они должны быть отделены от юношеского возраста, в особенности, от возраста, страждущегося в любви. Они точно также должны быть изолированы от улицы-галлереи. Последняя является одной из главных частей дворца Гармонии, о которой в цивилизации трудно себе составить правильное представление.

Улицы-галлереи являются таким замечательным средством внутреннего сообщения, что в сравнении с фаланстером, коего они будут составлять существенную часть, кажутся жалкими дворцы и самые красивые постройки наших городов. Тот, кто увидел бы эти улицы-галлереи, стал бы смотреть на самые красивые дворцы, как на тюрьмы, а на жилища идиотов, которые после 3.000 лет изучения архитектуры, не научились еще устраивать свои дома гигиенически и удобно, они только постигли «простую» роскошь, но не имеют никакого представления о роскоши сложной или коллективной.

«Наша отсталость в этой области до того велика, что даже монархи не могут иметь к своим услугам такие постройки, как улицы-галлереи, и их дворцы лишены даже удобных крытых под'ездов, вследствие чего они не могут выйти из кареты, не попав под дождь. Французский король, являющийся одним из первых монархов цивилизации, не имеет подобного под'езда в своем Тюльерийском дворце. Мало того. Если король пожелает перейти из одного корпуса своего дворца в другой, из дворца в конюшню или оранжерею, он рискует промокнуть и загрязнить свое платье. В цивилизации не имеют понятия ни об улицах-галлереях, ни о подземных улицах, ни о двадцатой части материальных удобств, которыми наслаждается самый бедный человек в строе Гармонии.

«Самый бедный гармониец, не имеющий ни гроша в кармане, садится в карету в закрытом со всех сторон и отапливаемом под'езде; он проходит из дворца в стойла вымощенным и посыпанным песком подземным ходом; он идет из своей квартиры в публичные залы и мастерские через улицы-галлереи, отапливаемые зимой и вентилируемые летом. В фаланстере можно в январе обежать мастерские, стойла,

магазины, бальные залы, залы для собраний и пр., не зная при этом, идет ли дождь или дует ветер, тепло ли на дворе или холодно. Все излагаемые мною подробности дают мне право сказать, что если цивилизованные, после 3.000 лет изучения вопросов архитектуры, не научились еще строить себе квартир, то нет ничего удивительного, что они не научились направлять и гармонировать свои страсти. Когда люди не в состоянии сделать самых ничтожных вычислений материального характера, то тем более им трудно справиться с более важными вычислениями в области страстей.

«Но перейдем к дальнейшему описанию улиц-галлерей, являющихся одним из ценнейших удобств дворца Гармонии.

«В фаланстере нет наружных улиц или дорог, открытых всяким неприятным действиям погоды; все части здания можно обойти по широкой галлерее, которая тянется вдоль первого этажа по всем корпусам здания; на концах этого пути находятся ходы в подземные коридоры, ведущие во все части двора и прилегающие к нему здания. Таким образом, в фаланге по всем направлениям имеются пути сообщения, закрытые со всех сторон, элегантно отделанные, в которых поддерживается соответствующая температура во все времена года посредством отопления и вентиляции.

«Такие закрытые ходы сообщения тем более нужны в гармонии, что передвижение там совершается очень часто, так как трудовые сеансы групп, согласно законам 11 и 12 страсти никогда не будут продолжаться более 1—2 часов. Если б необходимо было при этих переходах из одной залы в другую, из стойла в мастерские, идти под открытым небом, то в холодную зиму или в сырую осень, гармонийцы легко стали бы жертвой насморков, флюсов, плевритов. Строй, при котором приходится так часто передвигаться с одного места на другое, настоятельно требует устройства крытых ходов сообщения. Вот почему чрезвычайно трудно организовать даже в величайшем из нынешних монастырей самый небольшой фаланстер.

«Указанная улица-галлерея, или непрерывный перистиль, нужно устроить, начиная с первого этажа; в нижнем ярусе ее нельзя устроить потому, что здесь в различных местах должны быть устроены аркады для проезда карет. Те, которые видели галлереи Лувра или Парижского музея, могут по ним составить представление об улицах-галлереях Гармонии... Улицы-галлереи фаланги получают свой свет только с одной стороны, примыкая другой стороной к стене здания; они идут вдоль всех трех этажей; примыкающие к ней комнаты получают свой свет от нее. Двери, ведущие во все аппартаменты всех трех этажей, устроены со стороны галлереи, где на известном расстоянии друг от друга имеются лестницы, ведущие во все три этажа.

Широкие роскошные лестницы, обыкновенно устраиваются только в первом этаже, но в фаланстере будут также устроены две широкие боковые лестницы, ведущие в четвертый этаж, где будет находиться ряд комнат для посетителей и делегатов» *).

«Та часть здания, где будут расположены квартиры, должна иметь в ширину не меньше 8 сажен, не считая галлереи, чтобы можно было провести два ряда комнат с альковами и кабинетами, потому что альков шириной в 8 футов с прилегающим к нему кабинетом стоит другой комнаты; такое помещение, т.-е. комната с альковом и кабинетом, будет минимумом квартиры для лиц бедных классов.

«В некоторых местах нижнего яруса находятся залы для больших собраний и кухни, по своей высоте занимающие не только этот ярус, но и антресоль. В кухнях устроены люки, чтобы подавать пищу в залы первого этажа. Такое устройство очень полезно для праздничных пиршеств и для угощения проходящих караванов и легионов, которых нельзя будет принимать в обыкновенных залах и серистерах, и для угощения которых придется поставить двойной ряд столов в улицах-галлереях... Параллельные корпуса будут соединены с основным зданием посредством закрытых коридоров на колоннах, на высоте первого этажа. Таким образом, сообщение между обоими первыми этажами будет без перерыва.

«Эта возможность легко и удобно сообщаться со всеми частями дворца, не подвергаясь вредному влиянию плохой погоды, пойти в холодный снежный день на спектакль в легкой одежде и в цветных чулках, не замечая ни холода, ни грязи, является таким выдающимся удобством, что его одного достаточно, чтобы сделать наши города и дворцы противными для всякого, кто провел хоть один зимний день в фаланстере. Если б подобные здания стали устраивать у нас, то одно удобное сообщение через закрытые улицы-галлереи, согреваемые и вентилируемые посредством специальных приспособлений, настолько сделало бы ценными находящиеся в них квартиры, что за них стали бы платить в 2 раза больше, чем за обыкновенные» **).

*) Фурье уверен, что с первых дней основания пробных фаланг туда начнется тяга любопытных, от которых не будет отбою. Он определяет их число не меньше, чем в 800.000 в год на каждую фалангу. Кроме того, страны, которые захотят перейти к новому строю, пошлют предварительно делегатов для ознакомления с первыми фалангами как со стороны их устройства, так и организации в них труда; а так как желание перейти к новому строю овладеет одновременно чуть ли не всем земным шаром, то в первые фаланги будет ежегодно прибывать не меньше 2 — 3 сот тысяч таких делегатов. Куда же поместить такое громадное число гостей? Фурье придумывает устроить для них приют под крышей фаланстера который он называет camp cellulaire. Между прочим, Фурье полагает брать с любопытных посетиселей плату за вход в фалангу и полагает, что это даст дохода не меньше чем в 4 миллиона франков ежегодно.

**) Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 455 — 470. Подробнее об устройстве пробной фаланги см. там же, стр. 425 — 514.

Переходя к вопросу об экономическом строе фаланги, Фурье подчеркивает его аграрный характер, и в этом отношении наш автор занимает особенное место среди видных утопистов начала XIX века. Правда, аграрный характер является отличительной особенностью всех утопических систем как новейших, так тем более древних. Близкое ознакомление с пропагандой Роберта Оуэна показывает, что он в своей ассоциации отводил видное место земледелию, что явствует не только из его докладов и проектов, но также из его попытки устройства пробных коммунистических общин. Такое стремление утопистов к земледелию и природе вытекало из рационалистической философии той эпохи. Но сам Фурье неоднократно указывает на то, что он, в отличие от англичан и, в частности, от Оуэна, придающих особое значение промышленной деятельности в своих ассоциациях, отводит последней в своей фаланге только очень скромное место.

Нужно во всяком случае подчеркнуть, что у Фурье аграрный характер ассоциации обнаруживается гораздо резче, чем у других. Его фаланга построена преимущественно на сельском труде; промышленным занятиям в нем отведено второстепенное и даже третьестепенное место.

В пропагандируемой им фаланге Фурье рассматривает фабрично-заводскую промышленность лишь как добавление к земледельческим работам, как средство занять праздное время в течение осеннего и зимнего сезона, когда земледельческие работы сведены к самым скромным размерам. Рассматривая вопрос о соотношении между земледельческой и промышленной работой с точки зрения своей психофизиологии, Фурье уверяет, что для фабрично-заводского труда бог вложил в человека только четверть того влечения, которое человек вообще способен чувствовать к труду. Если бы мы вздумали в фаланге изменить эту пропорцию, вложенную самой природой в человека, и отвести промышленному труду больше времени, то, как уверяет Фурье, члены фаланги сначала потеряли бы влечение к промышленно-заводскому труду, а потом к земледельческому труду и труду вообще, как мы это видим в современной цивилизации. Конечно, установление в фаланге взаимоотношения между земледельческим и промышленным трудом так, чтобы одна отрасль помогала другой, и обе взаимно поддерживали друг друга, требует большого искусства; но всегда нужно помнить, — говорит Фурье, — что промышленность — только добавление, земледелие — основа.

Рассматривая характер сельско-хозяйственной культуры в своей фаланге, Фурье отмечает следующие ее особенности у цивилизованных:

«Культура цивилизованных, — говорит он, — вся сконцентрированная или вся раздробленная; она как будто подражает в своих приемах

своим защитникам — экономистам, которые пишут то саженными, то микроскопическими буквами в зависимости от того, как им платят — построчно или поштучно. Обе эти крайности приводят неизбежно к самым гибельным последствиям... Система питания у цивилизованных,— говорит он в другом месте,— покоится обычно на одном какомлибо продукте питания; в Европе — на хлебе, в Азии — на рисе, в Мексике — на маисе, на Антильских островах — на маниоке. Вот последнее слово нашей политики, всегда стремящейся к простоте в своих планах. Поэтому можно с уверенностью предсказать голод, если во Франции или Италии не уродится пшеница, а в Индостане или Китае не хватит риса».

Фурье намерен в фаланге ввести систему питания, скомбинированную из продуктов различных климатов и стран. В фаланге хлеба будет потребляться мало по следующим трем причинам: 1) хотя хлеб теперь потребляется народом в широких размерах, но это проистекает не от того, что хлеб обладает особой вкусовой привлекательностью, а от того, что хлеб при нынешних экономических условиях наиболее дешевый продукт; если бы народу предоставили свободный выбор, он предпочел бы хлебу мясо и другие пищевые вещества; 2) хлебопашество, требующее тяжелого физического труда, для многих непосильного, не обладает необходимым для хозяйственного строя фаланги качеством — притягательностью; можно поэтому опасаться, что для обеспечения достаточного кадра работников на хлебных полях придется ввести принудительное трудовое начало, что противоречит главному и основному принципу строя фаланги; 3) хлеб, вообще мало приятный для вкуса продукт, быстро черствеет и требует поэтому ежедневного приготовления и, вследствие этого, будет одним из наиболее дорогих для фаланги продуктов.

Какие же продукты заменят хлеб и лягут в основу питания народов? — спрашивает Фурье. Обращаясь к естественному влечению человека, начиная с детского возраста, Фурье находит, что дети любят фрукты, молочные продукты, а также то и другое в соединении с сахаром — сладкие кремы, варенье, компот и мармелад.

Эти вкусы вложены в человека с детства самой природой, ибо природа диктует человеку, чтоб он питался сложными продуктами, продуктами дешевыми и произрастающими в различных зонах. Если компоты, мармелады и кремы теперь стоят дороже, чем хлеб, то это проистекает не от естественных причин, а от экономического строя цивилизации, эксплуатирующего труд земледельца; в действительности хлеб должен был бы стоить гораздо дороже, так как возделывание и приготовление его стоит гораздо больше труда. В фаланге, где не будет эксплуатации человека человеком, хлеб, вследствие указанных

причин будет принадлежать к самым дорогим продуктам питания, а компоты, мармелады и кремы — к наиболее дешевым. Кроме того, употребление продуктов различных зон, об'единит жителей всех стран, сделав вопрос питания для всех их предметом общего интереса.

Фурье склонен совсем изгнать из фаланги производство хлеба, во всяком случае довести это производство до минимума. Его угнетает даже один вид печальных необ'ятных полей, окружающих каждую деревню у цивилизованных. Вместо хлеба жители фаланги будут питаться продуктами скотоводства, садоводства и огородничества. Разведению скота и птицы будет отведено первое место. Птицеводство, особенно куроводство, разовьется в громадных размерах на всем земном шаре. Фурье уверяет, что человек, занимаясь куроводством, исполняет волю самого господа, так как бог, сделав курицу наилучшим предметом питания из за ее вкусного мяса и столь важных в гастрономии и полезных яиц, имел в виду, чтоб человек отвел куроводству первое место в своем хозяйстве *).

Кроме того, в фаланге видное место в системе питания займут следующие продукты: рыба, дичь, вино.

Рыба является вкуснейшим, здоровым продуктом питания и обладает способностью быть консервированной в самых различных видах; при правильном ведении хозяйства рыбу всегда можно иметь в изобилии даже в небольших реках, озерах и прудах; ловля рыбы многим доставляет удовольствие. Дичь тоже является очень вкусным, изысканным предметом питания, и, если не подвергать ее варварскому истреблению, как это делают цивилизованные, она может расплодиться в больших размерах; охота на дичь является излюбленным занятием аристократии. Вино явится предметом обмена между фалангами различных зон; посредством крепких вин, производимых в жарких странах, будут исправлены слабые французские, немецкие и итальянские вина. Далее важными продуктами в фаланге будут фрукты, овощи и цветы, тем более, что занятия в садах и огородах принадлежат к числу самых привлекательных и здоровых **).

Что касается фабрично-заводских работ, на которые Фурье смотрит, как на придаток к сельскому хозяйству, то он делит фабрики в своей фаланге на общеупотребительные и спекулятивные. К первым он относит предприятия, производящие предметы повседневного потребления, и где происходят такие работы, как плотничьи, сапожные, портняжные и проч. К спекулятивным фабрикам он относит те, которые изготовляют предметы, служащие для обмена и внешней торговли.

*) Цит. соч., ч. III, стр. 565 — 568.
**) См. там же, стр. 24 — 25.

При основании фабрик второй категории нужно руководиться следующими тремя принципами. Во-первых, при распределении работ нужно считаться с разделением работников по полам, а именно: одни работы предоставить мужчинам, другие — женщинам, третьи — детям. Во-вторых, определяя работу для женщин, нужно иметь в виду, чтобы им доставались столь же прибыльные отрасли, как и мужчинам, а не только такие, как чистка кастрюль или починка старых брюк, что мы видим в современном строе, причем такая деятельность, по мнению философов и экономистов, является провиденциальным назначением женщин; в фаланге, по мнению Фурье, о таких нелепостях следует забыть; здесь женщина по отношению к мужчине должна играть роль не подчиненной, а соперницы, работающей в фаланге на равных началах с ним. В третьих, на фабриках в фаланге работа достигнет наилучшего качества и высшей производительности, когда она будет организована по принципу соперничества конкурирующих групп, из которых каждая будет применять свои методы,— чтобы в результате возникло несколько конкурирующих теорий и школ.

Далее Фурье приводит в качестве примера несколько отраслей спекулятивной промышленности, наиболее подходящих для пробной фаланги: 1) для мужчин и мальчиков — деревообделочная фабрика; 2) для женщин и девочек — парфюмерная фабрика и 3) для мужчин, женщин и детей — фабрика кондитерских изделий.

По мнению Фурье, работа по дереву очень нравится мужчинам, в особенности мальчикам и подросткам, для которых нет высшего удовольствия, чем возня с маленькими столярными инструментами и участие в работах по выделке мебели и предметов домашнего обихода. Дерево обделочные фабрики, таким образом, установят моральную и материальную связь между отцами и детьми и между жителями фаланги с местностью и ее естественными продуктами. Так, потребность в фанере будет покрываться из тех пород дерева, которые в изобилии произрастают во Франции, каковы ореховое дерево, ясень, клен; для основных частей столярного производства будет идти дуб и прочие породы, произрастающие в стране. Деревообделочное производство поведет в результате к улучшению культуры страны, так как работники, познакомившись на практике с недостатками местных пород, постараются их улучшить. В результате всего этого в фаланге возникнет двойной ряд стимулов и интриг, так как одна группа рабочих будет стремиться перещеголять другую как деревообделочной техникой, так и культивировкой туземных и новых древесных пород.

Парфюмерное производство Фурье считает наиболее подходящим для женщин и девочек. Базисом его являются цветочные плантации,

уход за которыми в фаланге будет лежать преимущественно на женщинах всех возрастов. Парфюмерное производство не требует особенной мускульной силы, оно требует особенной утонченности вкуса, а потому оно в такой же степени соответствует природным дарованиям женщины, в какой деревообделочные работы — способностям мужчины. В области производства тонких изящных изделий парфюмерии кабалист и экстаз сумеют проявиться в наибольшей степени, если эта работа будет поручена женщинам.

Кондитерская фабрика имеет ту особенность, что работа на ней подходит для всех трех полов и всех возрастов. Здесь может быть произведено следующее разделение труда. Наиболее трудная работа, как, например, у печей и чанов, будет возложена на мужчин; женщинам будет предоставлена вся та работа, которая относится к приготовлению варений, печений, обработки фруктов, приготовлению ликеров; для детей тоже будет немало мелких работ, как, например, чистка фруктов и ягод, сортировка плодов, формовка теста, упаковка готовых продуктов и пр. На такой фабрике, где будут работать все полы и возрасты и где придется иметь дело с самыми изящными продуктами природы и хозяйственной техники, каковы фрукты, сахар, цветы, ликеры, духи и проч., чувство соревнования проявится самым интенсивным образом, что будет содействовать расцвету производства кондитерских изделий, которые в фаланге будут принадлежать к наиболее важным предметам питания *).

Распределение дня в фаланге. Наглядное представление об образе жизни в фаланге и о разнообразии повседневной деятельности ее членов можно получить из расписания времяпровождения двух гармонийцев — малосостоятельного и богатого, — приводимого у Фурье в его «Новом промышленном мире».

Летний день небогатого члена фаланги (бывшего крестьянина в строе цивилизации). В 3½ ч. у. — вставание, туалет; в 4 ч. — сеанс в конюшенной группе; в 5 ч. — сеанс в садовой группе; в 7 ч. — завтрак; в 7½ ч. сеанс в группе косарей; в 9½ ч. — сеанс в огородной группе, в парниках и с переносными палатками; в 11 ч. — сеанс в серии скотоводства; в 1 ч. — обед; в 2 ч. — сеанс в лесной серии; в 4 ч. — сеанс в фабричной группе; в 6 ч. — сеанс в оросительной серии; в 8 ч. — биржа; в 8½ ч. — ужин, в 9 ч. — беседы и развлечения; в 10 ч. — сон.

Летний день богатого члена фаланги (бывшего помещика или фабриканта строя цивилизациии). В 3½ ч. у. — вставание, туалет; в 4 часа — утренняя беседа, ознакомление с ночными

*) См. Nouv. Monde ind. et soc., стр. 139 — 144.

происшествиями; в 4½ ч.— 1 завтрак, за которым следует промышленный парад: серии и группы, при участии детских «орд» и «банд», отправляются с музыкой, значками и знаменами в поле; в 5½ ч.— сеанс в охотничьей группе; в 7 ч.— сеанс в рыболовной группе; в 8 ч.— 2 завтрак и чтение газет; в 9 ч.— сеанс в огородничьей или садовой группе; в 10 ч.— посещение церкви; в 10½ ч.— сеанс в группе на птичьем дворе (уход за фазанами); в 11½ ч.— библиотека; в 1 ч.— обед; в 2½ ч.— работа в оранжереях; в 4 ч.— культивировка экзотических растений; в 5 ч.— сеанс в группе, разводящей рыбу в садках; в 6 ч.— закуска на воздухе; в 6½ ч.— сеанс в группе овцеводов; в 7 ч.— биржа; в 9 ч.— ужин; в 9½ ч.— развлечения: концерты, спектакли, литературно-художественные занятия; в 10½ ч.— сон.

Сам Фурье отмечает две особенности приводимых им расписаний времяпрепровождения: во-первых, сну отводится сравнительно мало времени, небогатые гармонийцы спят 5½ ч., богатые еще меньше, всего 5 часов; во-вторых, чрезвычайно мало времени отводится дневному отдыху. Фурье это об'ясняет тем, что гармонийцы, благодаря разумному, приятному и гигиеническому времяпрепровождению, не будут нуждаться в продолжительном сне, и спать мало станет их привычкой с детства, тем более, что день, наполненный удовольствиями, всегда будет казаться слишком коротким. Что касается дневного отдыха, то в таком очень нуждаются цивилизованные, которым необходимы передышки после ненавистного отталкивающего и изнурительного труда; в сосьетарном строе, вместо отдыха, более интенсивные удовольствия будут сменяться более спокойными; к тому же сам труд никогда не будет утомительным, и весь рабочий день будет представлять собой смену приятных и гигиеничных сеансов в группах и сериях.

§ 4. Право на труд. — Гарантия минимума. — Принципы привлекательного труда.

Среди лозунгов, которые в середине XIX века, а также раньше и впоследствии воодушевляли мелкобуржуазный социализм, особое место занимало «право на труд», т.-е. требование к обществу, чтобы каждому его члену была предоставлена оплачиваемая работа, способная дать ему минимум средств к существованию. Это требование было уже формулировано некоторыми идеологами Великой Французской Революции. Лионские ткачи в 1831 году подняли восстание с лозунгом: «жить работая или умереть сражаясь». Среди требований, выдвинутых социалистическими деятелями французской революции 1848 года, «право на труд» занимало самое видное место.

Необходимо отметить, что Фурье принадлежит к числу первых идеологов, выдвинувших и формулировавших это требование. Но в то

время, как у мелкобуржуазных социалистов право на труд являлось только красивой фразой, не только неспособной разрешить социальный вопрос, но еще более его запутывавшей, у Фурье право на труд, или «гарантия прожиточного минимума» является требованием, логически связанным со всеми остальными элементами его сосьетарной системы, образующими ее социалистическую основу.

Выше в § 2 главы 2 мы указываем, как Фурье, критикуя мнимую свободу строя цивилизации, проводит параллель между нею и свободой дикаря и приходит к выводу, что дикарь пользуется действительной свободой, между тем как современный член цивилизованного общества, в особенности же труженик, пользуется фиктивной свободой, существующей лишь на бумаге, а в действительности находится в кабале. Почему это так? А потому,— говорит Фурье — что дикарь пользуется неот'емлемыми естественными правами, среди которых главные: право охоты, рыбной ловли, сбора плодов и свободная пастьба скота; иначе говоря, дикарю всегда гарантировано право на труд и при том в таких формах, которые делают для него труд не тягостным бременем, изнуряющим его организм, а, наоборот, привлекательным и желанным упражнением, приятным и полезным спортом, вследствие чего в конечном счете дикарь может пользоваться самым высшим из моральных наслаждений — беззаботностью. Подобные условия Фурье хочет создать для каждого члена фаланги путем гарантии жизненного минимума.

Таким образом, мы видим, что Фурье подходит к вопросу о праве на труд, как ко всем разбираемым им вопросам, не только оригинально и остроумно, но в известной степени и научно. Право на труд является у него не моральным требованием, а вытекает из положительных прав, которыми человечество всегда пользовалось и которые отняты у него строем цивилизации. Человек искони пользовался правом на труд, хотя в иной форме, а именно в форме естественных прав, которые принадлежали людям в диком состоянии. Цивилизация отняла у людей эти права, потому что они несовместимы с ее порядками. Но отняв у человека эти права, составляющие основу его существования, цивилизация должна их заменить чем-нибудь равноценным. Этим эквивалентом должно явиться право на труд.

«Споры о свободе,— говорит Фурье, приступая к рассмотрению этого вопроса в «Теории всемирного единства» (ч. II, гл. VII),— стоили недавно четырех миллионов голов, принесенных в жертву политическим софизмам и коммерческой жадности; поэтому мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы рассеять хаос ложных доктрин относительно свободы и коммерции.

«Цивилизованные имеют обычай уничтожать друг друга в честь какой-нибудь догмы, ни смысла, ни значения которой они не понимают. Доказательством могут служить войны, родившиеся из споров о пресуществлении и единосущности. Наш век в такой же степени пострадал от теории прав человека. Много жертв принесено, чтобы получить эти права, сущность которых никто не понимает.

«Я уже указывал, что в вопросах свободы наши ученые совершенные невежды, так как не умеют отличить свободу телесную от социальной и простую от сложной. Раньше чем уяснить себе сущность свободы, пролили потоки крови, чтобы обеспечить народу то, чего он не просил, ибо он не желал ни суверенитета, ни полной свободы (сложной сходящейся), он желает только свободу телесную, активную, которой он теперь пользуется только в дни праздников, и то если ему удалось собрать некоторое количество денег, ибо, не имея денег, он не в состоянии будет приобрести себе необходимых средств существования, т.-е. фактически будет лишен телесной активной свободы, согласно которой человек имеет право есть, когда он голоден и когда перед ним стоит пища.

«Но не будем больше распространяться о свободах, достаточно рассмотренных в главах V и VI «Теории всемирного единства», ч. II. Укажем на ошибку более поразительную — на то, что среди прав человека забыли упомянуть о праве на труд, праве единственно ценном для неимущего человека.

«Писание говорит, что бог осудил первого человека и его потомство трудиться в поте лица, но он не осудил его на то, чтобы быть лишенным работы, от которой зависит его существование. Таким образом, в вопросе о правах человека мы можем потребовать от философов и цивилизации не лишать нас ресурса, полученного нами от бога в виде наказания гарантирующего нам право на труд, которому мы обучены.

«Если я отдельно не отметил этого права выше (в таблице стр. 164, ч. II «Теории всемирного единства»), то единственно тому, что это — право кумулятивное, вытекающее из 4 основных прав,— охоты, рыбной ловли, сбора плодов и пастьбы скота».

Таким образом, первобытный человек, не опутанный измышлениями цивилизации, пользуется указанными естественными правами кроме того, правом внешней кражи, при помощи которой он добывает все то, что не дано ему непосредственно самой природой. Что же дает нам взамен этих прав цивилизация? Она дает нам индустрию, но в очень нелепой форме,— в форме наемного труда, плоды которого достаются хозяину, а не работнику.

«Действительный эквивалент указанных 4 прав,— продолжает Фурье,— мы получим только при таком социальном строе, когда

каждый неимущий человек сумеет сказать своим согражданам в своей родной фаланге: «Я родился на этой земле, я требую допущения меня ко всем видам труда, которыми здесь занимаются, с гарантией, что плоды моего труда целиком достанутся мне. Я требую выдачи мне вперед необходимых мне инструментов, чтобы я мог приступить к работе, а также аванса продовольствием, взамен права на воровство, которое мне дала простодушная природа». Каждый житель строя Гармонии, каково бы ни было его материальное положение, будет иметь право обратиться с этими словами к комитету своей фаланги, и его просьба встретит полное сочувствие.

«Только тогда люди будут действительно наслаждаться всеми правами. Но в настоящее время над бедняком только издеваются, когда ему обеспечивают права государственного верховенства, в то время как он только просит права трудиться для удовольствия праздных классов.

«Целые века провели мы в том, что спорили о правах человека, не задумываясь над тем, чтобы признать самое существенное право, — *право на труд*, без которого все прочие права равняются нулю. Какой позор для народов, считающих себя искушенными в вопросах политики! Это постыдное заблуждение следовало бы подчеркивать и выставлять на вид, чтобы склонить человечество к изучению сосьетарного строя, который вернет человеку все естественные права, из коих цивилизация не может допустить, а тем более гарантировать, самое главное, а именно — *право на труд*» *).

Фурье приглашает философов и политиков не злоупотреблять громкими словами, отказаться от всего, чему они учили в вопросах о свободе и, в особенности, о политических правах, и изучить вещи так, как они есть, руководясь выдвигаемыми им 12 правилами. Тогда все убедились бы, что до сих пор даже не дали себе труда определить и изучить самое главное из прав человека — *право на труд*, благодаря чему человечество низведено до бедственного состояния, ставящего его ниже животного.

«В виду всего этого, — заключает Фурье, — я принужден еще и еще раз повторить и подчеркнуть, что цивилизация и свобода несовместимы и что права человека, пожалованные нам софистами, — чистейшая насмешка, раз они не обеспечивают нам самого главного права — *права на труд*, заключающего в себе четыре основных естественных права, поныне непризнаваемых, несмотря на века словопрения о правах человека».

---

*) Th. de l'Unité univ., t. II, гл. VII, стр. 177—181.

Как же обеспечить право на труд к выгоде индивида и общества? Фурье подходит к решению этого вопроса столь же своеобразно, как к обоснованию самого права на труд.

Прежде всего он предлагает гарантировать всякому члену общества минимум средств существования, т.-е. минимум пищи, одежды, жилища.

Гарантия минимума в фаланге,— как уверяет Фурье,— будет заключаться в следующем: Каждый неимущий член фаланги будет получать пищу за столами 3 класса, состоящую из пяти трапез в день, приличную одежду, будничную и праздничную, а также все инструменты и инвентарь для сельских и фабричных работ, квартиру, состоящую из комнаты и уборной, с правом доступа в общие залы, на праздники 3 класса и на спектакли в ложах той же категории.

Некоторые, быть может, возразят, что если гарантировать каждому члену фаланги минимум, то он откажется от всякого участия в работах, и общество поневоле рухнет. Да, такой результат получился бы от гарантии минимума в строе цивилизации, но ничего подобного невозможно в сосьетарном строе, где никто не будет уклоняться от труда, вследствие его легкости, приятности и притягательности.

Итак, для осуществления права на труд или гарантии прожиточного минимума необходимо сделать труд привлекательным. Фурье надеется достичь этого посредством особой организации труда; эта организация, как уверяет Фурье, не выдумана им, а коренится в свойствах человеческой природы или, как выражается Фурье, в человеческих страстях, ими держится и приводится в движение.

Мы, таким образом, подходим к одному из основных пунктов учения Фурье, более того — к пункту, на котором зиждется вся его социальная система, которая рушится, если мы лишим ее привлекательного труда, создаваемого игрой страстей в группах и сериях.

«До сих пор,— говорит Фурье,— политика и мораль, несмотря на все их старания, терпели неудачу в своих стремлениях вызвать в людях любовь к труду. Рабочие и весь народ обнаруживали предпочтение к праздности и безделию; в городах праздновали не только воскресенье, но также понедельник, работали медленно, без всякого увлечения и даже с отвращением».

«Чтобы привязать рабочих к труду, кроме рабства, существуют ныне два средства: страх голода и наказание. Но если создатель предназначил нас для индустрии, то возможно ли предположить, чтоб он хотел побуждать нас к этому силой и чтоб он не был в состоянии сделать это при помощи более благородного стимула, при помощи какой-нибудь приманки, способной превратить труд в удовольствие.

«Нет, бог желает, чтобы вся вселенная двигалась путем притяжения, а для того чтобы привязать нас к промышленному и земледельческому труду, он создал систему индустриального притяжения, которая, будучи должным образом сорганизована, сделает привлекательными все виды земледельческих и промышленных работ благодаря индустриальному притяжению, эти работы получат столько прелести, что станут привлекательнее современных пиров, балов и спектаклей; иначе говоря, в сосьетарном строе народ найдет столько удовольствия в труде и столько влечения к нему, что никто не согласится оставить работу для пира, бала или спектакля, устраиваемых в часы, отведенные для трудовых сеансов.

«Чтобы быть в такой степени привлекательным для народа, труд в сосьетарном строе должен будет во всех отношениях отличаться от тех отталкивающих форм, которые делают его ныне столь ненавистным. Чтобы труд в сосьетарном строе стал привлекательным, он должен удовлетворять следующим семи условиям:

1) Чтобы всякий работник был ассоциирован и получал часть дохода (dividende), а не заработную плату.

2) Чтобы всякий мужчина, женщина или дитя получали вознаграждение пропорционально трем принципам: капиталу, труду и таланту.

3) Чтобы трудовые сеансы чередовались около восьми раз в день, так как энтузиазм к одному и тому же промышленному или земледельческому занятию не может длиться более $1^1/_2$ — 2 часов *).

4) Чтобы работы, происходящие в обществе свободно выбранных друзей, стимулировались очень активными интригами и соперничеством.

5) Чтобы мастерские и сельско-хозяйственные культуры были притягательны для работников своим изяществом и чистотой.

6) Чтобы разделение труда было доведено до высшей степени, дабы привлечь каждый пол и каждый возраст к занятиям, наиболее для них подходящим.

7) Чтобы из этого разделения труда каждый член общества — мужчина, женщина или дитя — пользовались в полной мере правом на труд или правом вступить в любой момент в ту отрасль труда, которую ему заблагорассудится избрать.

Наконец, чтобы каждый работник наслаждался в этом новом строе гарантией благосостояния, обеспеченным минимумом, достаточным для его существования в настоящем и будущем и освобождающим его от всякого беспокойства за себя и за близких ему людей.

---

*) „Те, которые стремятся к эмансипации и освобождению человека, должны прежде всего открыть законы общественного механизма, которые сделали бы труд привлекательным. Это было бы гораздо действительнее, чем все республики и конституционные монархии всего мира“ (Considérant, Destinée sociale, ч. 1 стр. 92)

«Все эти особенности об'единены в мною открытом сосьетарном механизме, сущностью которого является индустриальное притяжение.

«Как выше уже было сказано, оно одно способно уничтожить все препятствия, которые в продолжение трех тысяч лет парализовали социальный гений. Это видно из следующих трех его задач:

1. Искоренить нищету. Нищета рождается в большинстве случаев из праздности. Но когда человек в организованной индустрии найдет влечение к труду, не менее действительное, чем влечение к пирам и балам, тунеядство потеряет основу для своего существования; оно превратится в индустриальный пыл (fougue — дословно «ярость»), продукты которого будут вполне достаточны для уничтожения нищеты.

2. Предупреждать раздоры. Последние в большинстве случаев рождаются из бедности, а потому, если доказано, что ассоциация и индустриальное притяжение способны утроить производительность труда, они уничтожат главный источник раздоров, т.-е. бедность.

3. Гарантировать минимум работнику. Возможность этого вытекает из громадной производительности труда в сосьетарном строе. Способность этого строя делать труд привлекательным ограждает нас от опасности, существующей в современном строе, если гарантировать средства к жизни бедняку, так как это может послужить для него стимулом к безделию; но в сосьетарном строе можно будет без всякого риска дать бедняку аванс в 400 франков, зная, что он отработает его с излишком, отдаваясь труду, ставшему удовольствием и превратившемуся в непрерывное празднество *).

«Таким образом, все блага, которыми будет наслаждаться человек, вытекают из одной особенности, а именно: индустриального влечения, которое лежит в основе сосьетарного строя. Указанная особенность покоится на организации, совершенно незнакомой людям, которую я обозначу названием страстной унитарной серии [serie passionnelle unitaire] **) или серии контрастов, соперничества, сцепления (serie contrastée, rivalisée, engrenée).

«Эта организация, из которой рождается столько социальных чудес, могла быть открыта с первых лет цивилизации, если бы наши ученые отдались изысканиям в области, касающейся сосьетарного механизма. Непростительное пренебрежение этим важным делом надолго задержало открытие описываемого мною строя ***).

---

*) О притягат. труде см. еще гл. II §§ 2, 3, 4 и гл. IV §§ 1 и 2.

**) „Passionnel" прилагательное, произвольно образованное Фурье от „passion", страсть; в действительности, страстный по-французски — passionné. Что касается „unitaire", то это очень малоупотребительный термин для обозначения единства; смысл этого определения таков: серия, в которой об'единение и действие происходят посредством игры страстей. В дальнейшем мы будем переводить „serie passionnelle" — „серия страстей" или „страстная серия".

***) Th. de l'Unité univ., t. II, стр. 14 — 17.

§ 5. Распределение общественного дохода в фаланге. — Распределительная справедливость, стимулируемая личной выгодой. — Принципы оплаты труда в группах. — Доли капитала, труда и таланта. — Примирение интересов различных классов и достижение всемирного единства.

В основу распределения Фурье кладет следующие принципы.

Во-первых, он стремится уничтожить строй наемного труда и потому он отвергает заработную плату в каком бы то ни было виде и выделяет каждому члену ассоциации долю из общего ее дохода.

Во-вторых, он стремится создать гарантию благосостояния и потому обеспечивает каждому члену *приличный прожиточный минимум.*

В-третьих, он стремится привлечь в свою фалангу не только представителей труда, но также владельцев капитала, не только средних рабочих, но также квалифицированных работников, ученых, художников, а потому при распределении считается с пользой, которую индивид приносит ассоциации своим трудом, талантом или капиталом.

Ставя такие разнообразные цели распределению, он их согласовывает и делает возможным их достижение, заставляя членов фаланги руководствоваться в своих материальных стремлениях стимулом себялюбия и эгоизма.

Таким образом, для достижения уравнительной справедливости Фурье прибегает не к каким-нибудь возвышенным чувствам и стремлениям членов фаланги, а к их корыстолюбию и алчности. В строе цивилизации распределение также основано на корыстолюбии, хотя оно крайне осуждается моралистами; но в цивилизации корыстолюбие приводит к тому, что капиталист и собственник получают львиную долю доходов, а труженики и таланты обречены на полуголодное существование. В фаланге,— как уверяет Фурье,— корыстолюбие отдельных членов приведет к желанной цели — распределению, удовлетворяющему всех членов и не нарушающему требования справедливости.

«Цивилизованные наживаются посредством грабежа и хищений,— говорит Фурье. Само общественное мнение в строе цивилизации ценит состояние, приобретенное всякими правдами и неправдами, и смеется над теми, которые хотят обогатиться, соблюдая при этом требования справедливости. Чтобы действительно соблюсти это требование, необходим такой строй, при котором справедливость совпадала бы с личным интересом. Гармонийцы будут справедливы при распределении, потому что справедливость будет приносить им пользу и удовольствие и обеспечит все выгоды народной массе, которую в настоящее время со всех сторон обманывают, благодаря применению индивидуалистического принципа. Человеческое корыстолюбие в строе цивилизации

носит простой и эгоистический характер и его удовлетворение идет в разрез с интересами наших ближних. В строе Гармонии корыстолюбие делается сложным, т.-е. служит одновременно нашим собственным интересам и интересам наших ближних».

Итак, Фурье надеется достичь уравнительной справедливости не посредством каких-нибудь альтруистических побуждений, а посредством «сложного» корыстолюбия, приводимого в движение тем же двигателем, каким приводится вся социальная система,— игрой страстей в группах и сериях.

«Это будет торжеством корысти и жадности, столь обесславленных моралистами,— говорит Фурье. Бог не дал бы нам этой страсти к наживе, если бы он не предвидел возможности применить ее для поддержания равновесия социальной системы. Я уже выше показал, как чревоугодие, тоже осуждаемое философами, станет принципом мудрости и средством индустриальных связей в страстных сериях. Мы легко можем убедиться, что корыстолюбие способно произвести тот же эффект и стать средством уравнительной справедливости и что, создавая наши страсти, бог сотворил хорошо то, что он сотворил» *).

Как же это происходит, что корыстолюбие приводит к таким противоположным своей природе результатам? Фурье это об'ясняет следующим образом:

«Если бы каждый гармониец был занят, как люди в строе цивилизации, одной какой либо профессией; если бы он был только каменщиком или плотником, или садовником, то всякий являлся бы на собрание для распределения барышей с стремлением защитить интересы своей профессии и урвать побольше для каменщиков, если он каменщик, или для плотников, если он плотник и т. д. Так поступил бы всякий цивилизованный. Но в Гармонии мужчина, женщина или ребенок, являются участниками 30 или 40 серий, относящихся к индустрии, искусствам и наукам. Поэтому никто не заинтересован в том, чтобы добиваться материального перевеса одной из них над другой. Каждый в своих собственных интересах должен поступать совершенно обратно тому, как поступают цивилизованные, и подавать голос всегда за справедливость при распределении.

Рассмотрим это на примере:

Филинт состоит членом 36 серий, которые он делит на три категории: *A*, *B*, *C*. В 12 сериях категории *A* он старый, опытный участник, занимающий первое место по важности его работы и праву на вознаграждение. В 12 сериях категории *C* он новичок, малоопытный,

*) Nouv. Monde ind. et soc., стр. 309—310.

а потому может надеяться на очень скромную долю в прибыли. Наконец, в 12 сериях категории *B* он занимает среднее положение в отношении продолжительности пребывания, таланта и надежд на долю прибыли. Таким образом, Филинт окажется под влиянием трех групп различных интересов, толкающих его в разные направления. В результате жадность и самолюбие заставят его желать самой строгой справедливости при распределении» *).

Таким образом, как уверяет Фурье, его распределительный механизм имеет особенность «растворять корыстолюбие индивида в коллективных интересах каждой серии и всей фаланги, а коллективные стремления каждой серии — в индивидуальных интересах всякого члена, участвующего во множестве серий».

«Этот механизм будет тем совершеннее, чем, во-первых, больше число посещаемых каждым гармонийцем серий, и чем, во-вторых, короче и реже сеансы в сериях. В самом деле, чем больше число посещаемых индивидом серий, тем более он заинтересован в том, чтобы не жертвовать интересами всех для одной, а, наоборот, поддерживать интересы всех 40 против претензий каждой в отдельности. Далее, чем короче и реже сеансы, тем легче для индивида участвовать в возможно большем количестве серий, уравновешивающее влияние которых пострадало бы, если бы одна из них отнимала у члена серии столько времени и внимания, что привлекло бы к себе его исключительное расположение» **).

Из изложенного ясно, что для правильного функционирования механизма распределения необходимо, чтобы работы различных серий различно оплачивались. Что же будет служить основой для установления оценки того или иного вида работы? На это Фурье отвечает, что основанием для распределения долей дохода в вознаграждение за сделанные работы, кроме личной опытности и продолжительности участия в серии (т.-е. стажа), служат следующие три фактора: 1) непосредственное значение данного рода работ для закрепления уз общественности, для гармонии социального механизма; 2) степень притягательности данной работы; 3) присутствие в ней элементов, делающих ее неприятной или отталкивающей. С точки зрения первого фактора серия, будь она продуктивна или непродуктивна, все же драгоценна, раз она содействует закреплению уз общественности. С этой точки зрения громадную ценность имеют «маленькие орды» ***), без которых весь механизм Гармонии распался бы, а дружеское взаимное расположение стало бы невозможным. Поэтому серия эта должна быть помещена в первом разряде. С точки зрения степени притягательности,

*) Nouv. Monde ind. et soc., стр. 312.
**) Там же стр. 314 - 315.
***) См. § 7 настоящей главы.

чем притягательнее данный труд, тем ниже его денежная оценка. А потому серии, работающие в плодовых садах или оранжереях, должны быть отнесены к третьему разряду. «Опера» по своей приятности должна быть отнесена к третьему разряду, но по развиваемому ею духу общественности — к первому, а потому она оплачивается по второму разряду.

Наконец, имеет большое значение присутствие в работе неприятных элементов, в роде работ в шахтах, больницах, детских яслях. Физически трудные работы часто бывают не более, как развлечения: атлеты справляются с ними шутя. Но ни для кого не может быть приятным спуск в угольные шахты или чистка сточных труб. Подобные работы, кроме того, гораздо утомительнее, чем, например, сбор фруктов или овощей, производящие приятную здоровую усталость. Понятно, что такие работы должны оплачиваться особенно высоко.

В «Новом индустриальном и сосьетарном мире» Фурье несколько изменяет указанные три принципа, распределяя доходы по степени необходимости, полезности и приятности, что впрочем сводится к тому же, так как категории необходимости и полезности обнимают также степень важности работы для закрепления общественных связей.

Фурье предлагает разрешить следующую задачу: какая серия должна оплачиваться по более высокому тарифу — цветочная или фруктовая? «Всякий член современного строя цивилизации скажет, что на этот вопрос не может быть двух ответов, так как фрукты несравненно ценнее, чем цветы, а потому серия, работающая в фруктовых садах, не только должна быть поставлена выше серии цветоводов, но должна быть помещена в категории полезных, между тем как цветоводство должно быть отнесено к категории приятных и, следовательно, менее вознаграждаемых занятий. Таково будет мнение всех цивилизованных, не нуждающихся ни в индустриальном притяжении, ни в гармонии; они не ценят тех двигательных сил, которые способны привести к указанным элементам сосьетарной жизни.

«Но тот, кто так судит, судит неправильно и впадает в двойную ошибку. Серия садовников, культивирующая фрукты, будучи очень доходной по производимым ею продуктам, все же должна быть отнесена к категории приятных; между тем как серия цветоводов, едва покрывающая своими продуктами издержки на ее содержание, должна быть отнесена к категории полезных. Об'ясним причины такой классификации, исходя из принципа индустриального влечения.

«Работа в садах принадлежит в строе Гармонии к самому приятному времяпрепровождению. Это не труд, а скорее развлечение. Встречи соседних отрядов и любовные интрижки переплетаются там с тысячью других развлечений и забав. Во всяком плодовом саду ряды

деревьев прерываются во многих местах цветочными клумбами, окруженными красивыми кустовидными растениями. Для работы в садах не нужно палаток, вполне заменяемых деревьями. Если мы к сказанному прибавим особую прелесть садовой культуры, возбуждаемые этой работой соперничество и соревнование, собрания, состоящие из представителей обоих полов, очень веселые трапезы после сеансов, то мы должны будем признать, что из 1.000 членов фаланги не менее 990 должны чувствовать влечение к какой-нибудь отрасли этой культуры. Садовая серия поэтому относится к сериям всеобщего влечения, как серия куроводства.

«Таким образом, серия фруктовщиков, оставляя в стороне вопрос о полезности производимых ею продуктов, должна быть оставлена в последней категории в отношении вознаграждения, потому что она принадлежит к первым по своей приятности. Другие серии должны прибегать к разным средствам, чтобы придать себе больше притягательности; но эта серия, наоборот, должна стремиться к уменьшению своей притягательности, чтобы ослабить общее стремление в ее ряды.

«Что касается цветоводства, то в цивилизации это занятие слишком мало ценится. Если продукты цветоводства очень привлекательны, то труд, требуемый этой культурой, далеко не таков. Здесь требуется большое прилежание, много специальных познаний, тщательный уход. Но эта работа очень ценна для развития в детях и женщинах агрономических навыков. Природа потому и привила детям и женщинам любовь к цветам, чтобы из ухода за цветами сделать для них школу агрикультуры. Кроме того, работа в садах не по силам детям, между тем как уход за цветами, даже самыми большими, вполне подходит для низших возрастов. Вот почему серия цветоводства должна быть помещена во 2 категорию, т.-е. в категорию полезности.

«По этой параллели между фруктами и цветами можно видеть, что строй Гармонии в определении ценности труда руководится принципами, совершенно отличными от тех, которые приняты в строе цивилизации, и что количество или реальная стоимость продуктов, являющиеся основой оценки труда в цивилизации, ни в коем случае не является таковой в сосьетарном строе. Согласно принципу ценности, принятому в сосьетарном строе, труд фруктовщиков будет наименее оплачиваться, несмотря на большую ценность продуктов этой отрасли, так как женщины и дети будут питаться фруктами в сыром виде и в виде компотов и мармелада в гораздо большей степени, чем плаками всех родов. Главной пищей гармонийцев будут фрукты в соединении с сахаром, а не хлеб — этот грубый питательный материал, являющийся основной пищей цивилизованных» *).

*) Nouv. Monde ind. et soc., стр. 304 — 306.

Комбинируя вышеуказанные три принципа,— заключает Фурье,— можно достичь правильного и точного классифицирования каждой серии в отношении ее участия в общей прибыли. При соблюдении этого условия вопрос вознаграждения индивидов превращается в обыкновенную арифметическую задачу. Классификация серий по указанным принципам и распределение прибылей является делом самих членов фаланги. Достижение взаимного соглашения, как уже было сказано, гарантируется тем обстоятельством, что каждый занят в целом ряде серий и в еще большем количестве групп. Преимущества, которых добился бы кто-либо в одной группе или серии, повредили бы ему, т.-е. уменьшили бы его вознаграждение в других сериях и группах. Таким образом, собственная выгода каждого приучает его к полному беспристрастию.

Кроме труда, фаланга при своем основании, а затем в период своего функционирования, нуждается в притоке капиталов; в то же время она нуждается в работе не только обыкновенных рядовых деятелей, но людей, выдающихся дарованиями и познаниями. Отсюда ясно, что часть общего дохода должна быть предоставлена капиталистам в виде прибыли на внесенный ими капитал и талантливым людям в виде вознаграждения за их услуги. По вычислениям Фурье, на долю труда придется $^5/_{12}$, на долю капитала $^4/_{12}$ и на долю таланта $^3/_{12}$ из общего дохода. Так как все три элемента (труд, капитал, талант) необходимы для правильного функционирования фаланги, то каждый участник фаланги заинтересован в том, чтобы представители всех трех элементов получали каждый свою долю.

Фурье на примерах рассматривает, как должен реагировать каждый из представителей трех элементов производства,— капитала, труда и таланта,— на предложенный им способ распределения, соблюдая при этом свои только интересы, т.-е. исходя из принципа корыстолюбия.

Капиталист, который в цивилизации промышлял ссудой денег под залог, получая за это 3 — 4 процента, предпочтет вложить свои деньги в предприятия фаланги и стать ее членом, потому что фаланга, вследствие особенной организации в ней труда и высокой его производительности, сумеет ему уплачивать значительно больший процент. Стремясь, вследствие своей алчности, получить возможно больше, капиталист тем не менее не станет противиться тому, чтобы на долю труда приходилось пять двенадцатых, а на долю таланта три двенадцатых общественного дохода. К этому его будут склонять следующие побуждения: 1) Высокий процент, который, как только что указано, он будет получать в фаланге на свой капитал; этот процент, по вычислениям Фурье, будет не меньше 14 — 15. 2) Будучи сам участником

многих серий, капиталист будет получать свою долю прибыли, как рабочий, а главное, сумеет завязать в них дружеские и любовные связи. Если в строе цивилизации всякий состоятельный человек избегает труда, вследствие множества отталкивающих свойств последнего, то в фаланге он, наоборот, будет стремиться к участию в сериях, где работа будет развлечением и будет обладать особой притягательностью, давая ему возможность прийти в ежеминутное тесное соприкосновение с оживленной жизнерадостной молодежью, в частности с представительницами прекрасного пола. 3) В случае обладания какими-нибудь талантами, он сумеет их реализовать, получая свою долю, приходящуюся на вознаграждение таланта. 4) Жизнь в фаланге, вследствие высокой производительности труда, будет значительно дешевле, чем в строе цивилизации, а число и разнообразие удовольствий будет бесконечно в сравнении с монотонностью и скукой, господствующими в современном строе.

Если, таким образом, у капиталиста много оснований признавать необходимость вознаграждения труда и таланта в той пропорции, в какой предлагает Фурье, то не так-то легко вывести из личных интересов труженика необходимость уделить четыре двенадцатых общественного дохода владельцу капитала. Здесь Фурье приходится обращаться не столько к алчности и своекорыстию, сколько к рассудительности представителей труда и таланта. Он уверяет, что, будучи рассудительными людьми, представители труда и таланта понимают, как велико значение капитала для организации и правильного функционирования фаланги, что они видят далее, какие выгоды извлекает бедняк из расходов капиталиста, какие удовольствия доставляет богатый своим товарищам по группам и сериям, и не забывают, наконец, что их дети могут рассчитывать на получение в будущем наследства по завещаниям богачей *).

Убедив, таким образом, представителей рабочей силы и таланта в том, что их собственные интересы требуют, чтобы они отдавали $^1/_3$ продуктов своего труда капиталистам и собственникам, Фурье тратит немало красноречия на то, чтобы убедить капиталистов в тех выгодах, которые они получат, поместив свои капиталы в предприятия фаланги.

При вступлении каждого члена в фалангу,— говорит он,— производится оценка всех земель, машин, материалов, мебели и обстановки, которые он вносит с собой наличностью. Правление выдает каждому члену акции или купоны акций, стоимость которых эквивалентна сделанному членом взносу. Можно быть членом фаланги, не будучи

---

*) Nouv. Monde ind[illegible] soc., стр. 311.

акционером; можно быть акционером, не принимая никакого активного участия в фаланге. В этом последнем случае нельзя получать дивидендов, относящихся на долю труда и таланта.

Фурье уверяет, что акции на имущество фаланги будут представлять собой гораздо большие ценности, чем ныне земельная недвижимость или наличные деньги, ибо деньги в строе цивилизации могут, во-первых, быть украдены и, во-вторых, они не приносят никакого дохода, если не отданы в рост или не помещены в какое либо предприятие. Между тем, акции на имущество строя Гармонии будут приносить большой доход без специального помещения и без риска; они не могут пострадать ни от кражи, ни от утери или пожара, так как собственность на акции удостоверяется тройной регистрацией, а именно: в двух корпусах помещения фаланги и в одном из соседних конгрессов. Так как передача акций действительна только с разрешения зарегистровавшего их собственника, то он не может пострадать от кражи, потери или пожара, ни даже от землетрясения, потому что невозможно представить, чтобы землетрясение уничтожило оба регистра, помещенные в разных местах и запись, находящуюся в провинциальном конгрессе.

Фурье продолжает уверять капиталиста, что поместить свои деньги в фаланге будет надежнее, чем в любом банке. Фаланга ни в коем случае не может обанкротиться, скрыть свои земли, свой дворец, свои стада, свои мастерские. Владельцы фаланги будут также гарантированы от неблагоприятных стихийных явлений, ибо после 5 — 6 лет дружной работы климат в Гармонии будет исправлен; случаи пожара также будут сведены к минимуму в результате разумности и совершенства хозяйственного устройства фаланги. Впрочем, как мы уже знаем из учения о сериях и группах, Фурье стремится привлечь в фалангу не одних только крупных капиталистов и собственников; он желает играть на струнке, обнаруживающей необыкновенную свою чувствительность в цивилизации,— на чувстве собственности, и хотел бы, чтобы в фаланге последний бедняк владел хотя бы одной двадцатой акции, чтобы он имел право говорить о владениях фаланги: «наши земли, наш дворец, наши замки, наши леса, фабрики, заводы», чтобы он был заинтересован во всех делах и предприятиях фаланги. При таких обстоятельствах все интересы в фаланге были бы об'единены, все грани, отделяющие имущего от неимущего, были бы сглажены и даже стерты, водворилось бы истинное братство вместо мнимого.

В Гармонии, где все будут ассоциированы и связаны друг с другом, хотя бы общностью материальных интересов, каждый, как уверяет Фурье, будет желать успеха и процветания своему ближнему, ибо каждый страдает от малейшего ущерба, понесенного всеми остальными.

Не будет хозяев и наемных, все будут одинаково заинтересованы в успехе, и между всеми установится, вследствие этого общее взаимное доброжелательство; ибо каждый будет знать, что из каждых 12 оболов убытка на его долю падет 5 оболов, ибо, как известно, члены фаланги, даже не имеющие денег и собственности, участвуют в прибылях и убытках в отношении 5:12, как это следует из таблицы дивидендов:

Труду — $^5/_{12}$, капиталу — $^4/_{12}$, таланту — $^3/_{12}$.

Таким образом, Фурье надеется установить в своей фаланге гармонию интересов и миролюбивое сожительство всех общественных классов. Он надеется достичь этого прежде всего при посредстве присущего каждому человеку эгоизма, корыстолюбия, стремления оберегать свои интересы, чтобы в фаланге путем сплетения интересов в группах и сериях, привести к торжеству интересы всех и каждого и процветанию всего коллектива.

Но Фурье не намерен игнорировать и альтруистических свойств человеческой души, которые должны значительно содействовать торжеству уравнительной справедливости, дружелюбия и гармонии интересов в фаланге.

Здесь на первом плане Фурье ставит великодушие и щедрость более богатых членов, которые, получая значительный доход с своего капитала, будут отказываться от приходящихся им долей дохода за труд или талант в пользу товарищей по группе или серии. По мнению Фурье, более богатые члены фаланги в общем итоге способны уступить в пользу своих небогатых сочленов, по крайней мере, $^7/_8$ получаемых ими дивидендов, а люди, обладающие средним состоянием, будут уступать половину своих доходов. С другой стороны, такая щедрость будет возбуждать признательность со стороны более бедных членов фаланги и будет содействовать укреплению уз, связывающих представителей различных классов и групп в фаланге.

«Благородство, которое побудит богатых людей отказаться от $^7/_8$, а людей средней состоятельности от $^1/_2$ прибыли, приходящейся на их долю за труд и талант, такое проявление взаимности между различными классами будет, я уверен, рассматриваться, как романтическая химера, людьми, которые к подобным вопросам склонны подходить с меркой современных нравов...» «Но,— говорит Фурье,— нужно принять в соображение, что на подобные проявления благородства можно рассчитывать не в первом и не во втором поколении сосьетарного строя, а только через несколько поколений, когда этот строй перейдет к гармонии свободной любви и свободного отцовства... Тогда вышеуказанный отказ от собственных интересов на почве благородства станет самым действительным средством установления дружбы между богатым и бедным классом. Эта дружба и единение дойдут до того

что в строе Гармонии какой-нибудь монарх с улыбкой сожаления будет смотреть на людей, которые будут советовать ему окружить себя охраной. А те, которые будут его окружать в качестве телохранителей, будут это делать из чисто дружеских побуждений без малейших корыстолюбивых мотивов. Таким образом, в фаланге монархи без малейших издержек и только пользуясь чисто дружеским к ним расположением окружающих, получат то, чего в цивилизации ни один из них не может получить ни за какие деньги,— а именно, личную безопасность. Наши цари не чувствуют себя в безопасности среди своих подданных, если не окружены чужестранными наемниками, хотя и при таких предосторожностях они не гарантированы от руки убийцы.

«Такое искреннее единение на почве бескорыстия возможно только при неравенстве состояний. Достаточно, чтобы водворилась тень равенства сближения состояний, чтобы помешать этого рода единению, ибо для указанных проявлений благородства необходима наличность в фаланге таких людей, которые были бы вполне удовлетворены крупными доходами от акций на свои капиталы.

«Смеясь над всеми разглагольствованиями моралистов против крупных состояний, фаланга, в которой неравенство состояний будет доведено до крайних пределов с соблюдением постепенности при переходе от больших состояний к меньшим, достигнет наилучших результатов при посредстве двойной гармонии корыстолюбия и благородства. Бедные моралисты, как оказывается, не в состоянии были проникнуть в тайну природы распределения и в этом отношении оказались столь же близорукими, как в понимании всех других проявлений всеобщей гармонии, в основе которой лежит гармония распределения».

Из вышеизложенного мы видим, насколько в теории распределения Фурье реалистические элементы переплетаются с крайне утопическими. Его намерение распределять доход, согласно полезности и приятности работ, согласно их важности для закрепления уз общественности не лишено правильного понимания экономической действительности и здоровой практичности; в общинах, основанных последователями Фурье в Америке эти принципы с успехом применялись на практике *). Но надежда и даже уверенность создать искреннее единение между членами фаланги на почве бескорыстия, базирующегося на «неравенстве имуществ, доведенном до крайних пределов», не только принадлежит к самым слабым местам этой теории, но должно быть отнесено к тем плодам необузданной фантазии, к которым принадлежат

*) В Северо-Американской фаланге, основанной в 1848 году в штате Нью-Джерсей, и просуществовавшей до 1854 года, рабочие, изготовлявшие кирпичи, получали 10 центов в час, лакеи и врачи — только 6¼ центов в час.

наиболее фантастические места его космогонии. Не говоря о том, что капиталисты нигде и не при каких обстоятельствах не обнаруживают описанной нашим автором склонности отказываться от своих доходов,— рабочие члены фаланги вполне основательно могли бы сказать нашему автору: какой смысл имеет отдавать капиталистам такую громадную часть созданных нашим трудом богатств и в то же время протягивать руку, чтобы получить подачку от их щедрот и бескорыстия; не лучше ли ничего им не давать и ничего от них не получать?

Но в том то и дело, что отказаться от капиталистов Фурье не может. Ведь он стремится водворить строй Гармонии мирными средствами, а для этого ему необходимо перетянуть на свою сторону богачей и заставить их служить социальной справедливости. Эта задача, нелепая в своей основе, рождает целый ряд частных нелепостей.

Дальнейшим фактором, влияющим благоприятно на распределение богатств и создание альтруистических связей между различными классами, по мнению Фурье, является дружба, которая устанавливается между богатыми и бедными, и любовные отношения, связывающие более молодых с пожилыми и старыми. Акты дарения и отказы по наследству денежных сумм со стороны богатых друзей и любовников будут очень часты.

В том же направлении, наконец, будут действовать такие чувства, как семьелюбие и честолюбие.

Гигиеническая жизнь и беззаботность чрезвычайно увеличат долголетие членов фаланги. На каждые 12 человек один, по крайней мере, будет доживать до 150 лет, половина до 120 лет. Продолжительная и деятельная жизнь при благоприятной обстановке и при ограниченных потребностях преклонного возраста, будет содействовать накоплению значительных богатств в руках отдельных членов, которые по завещанию будут их распределять не только между кровными, но и приемными наследниками, друзьями и бывшими возлюбленными.

Наследство, остающееся от одного лишь лица, будет распределяться непосредственно, или иным образом между значительной частью членов фаланги. Так как долголетних женщин и мужчин в фаланге будет немало, то и наследств, подобным образом распределяемых, будет достаточно много. В конце концов, не будет таких, которые остались бы обиженными... Вместе с тем,— прибавляет Фурье,— в строе ассоциации получит разрешение вопрос о создании между завещателем и наследниками таких отношений, при которых первый пользовался бы неизменными симпатиями последних; наследники должны будут заботиться о продлении жизни завещателя, между тем как теперь они, в большинстве случаев, с нетерпением ожидают его кончины.

Свои рассуждения Фурье иллюстрирует следующим примером.

«Итуриель, скончавшийся 150 лет от роду, дожил до седьмого поколения своих нисходящих, общее число которых доходит до 120. Имея в первом колене одного сына и одну дочь, достаточно богатых и потому совершенно не нуждающихся в поддержке своего отца, он оставляет по завещанию значительные суммы всем нисходящим шестого и седьмого колен. Если бы он все состояние оставил своим детям, то возбудил бы против них нерасположение всех 6 колен нисходящих, которые с нетерпением стали бы ожидать их смерти. В общем Итуриель оставил всем своим нисходящим половину своего большого состояния. Другую половину он отписывает сотне приемышей, которых он приблизил к себе в продолжение своей долгой жизни, а также сотне друзей и боковых родственников, считая в том числе своих бывших жен, которые, впрочем, достаточно богаты и не нуждаются в наследстве.

«Таким образом, наследство, оставшееся после Итуриеля, косвенным образом распределится по всей фаланге, так как те 300 лиц, которым оно досталось, имеют в фаланге, в среднем, каждый 5 — 6 родственников, так что со временем это наследство распределится между всеми 1.800 жителями фаланги... Если, таким образом, в фаланге будет 40 богачей, то каждый малосостоятельный член фаланги в общем будет смотреть на них, как на своих наследодателей, ибо он может надеяться прямо или косвенно, получить большую или меньшую долю наследства, по крайней мере, от 35 из них. Благодаря таким обстоятельствам, каждый бедный член фаланги станет другом богатых людей.

Одним из результатов таких отношений между наследодателями и наследниками явится искренность чувств и неподдельное желание долголетия со стороны последних по отношению к первым. Нет ничего отвратительнее тех отношений, которые устанавливаются в цивилизации между будущими наследниками и родственниками, от которых ожидается получение наследства. Современный строй вносит разлад между чувством и материальным интересом и поэтому $^{9}/_{10}$ наследников желают скорейшей гибели наследодателей, даже самых близких им по крови.

Ничего подобного, по мнению Фурье, не будет в сосьетарном строе. В самом деле,— доказывает Фурье,— среди 1.800 членов фаланги ежегодно будет умирать 1%, т.-е. 18 человек, из них 3 очень богатых, 4 с средним состоянием, 5 с небольшим состоянием и 6 малосостоятельных. Таким образом, каждый член фаланги, согласно вышеказанному примеру, будет участвовать в одном или двух наследствах прямо, а в 4 — косвенно. Следовательно, ни у кого не будет желания преждевременной смерти богатых людей, раз всем малосостоятельным

людям обеспечено ежегодное получение одного или двух наследств. Гармонийцы будут смотреть на эти наследства, как на обеспеченный резерв, как на деревья хорошей породы, вырубку которых откладывают, чтобы продолжить их рост и тем увеличить их ценность. Таким образом,— заключает Фурье,— всякий гармониец из собственных интересов, будет желать наследодателю долголетия, так как оно содействует накоплению последним богатства, часть которых он наверняка получит. Узнав о смерти наследодателя, он с спокойной совестью сумеет сказать, что огорчен этим известием, так как потерял друга и пострадал материально, ибо продолжение жизни его благодетеля означает также увеличение богатства последнего и, следовательно, его будущей доли в наследстве, в котором он сейчас совершенно не нуждается» *).

Говоря о роли честолюбия в деле распределения благ и сближения классов, Фурье приходит к выводам совершенно неожиданным, небезынтересным и чрезвычайно характерным для его миросозерцания и системы.

«При современных условиях,— говорит Фурье,— честолюбие проявляется в предвыборных интригах, партийных раздорах, в образовании союзов, служащих лишь для угнетения. И все-таки в Гармонии честолюбие будет очень ценным средством для установления согласия между всеми сталкивающимися элементами. Говорят, что Наполеон велел в Москве выбить медаль с надписью: «Небо богу, земля Наполеону». В то время, эти слова показались французам страшными. В действительности же, Наполеон здесь выразил очень разумное намерение основать единую мировую монархию. Эта мысль вполне правильна и нужно лишь пожалеть, что Наполеон не мог ее осуществить; он оказал бы очень значительную услугу делу создания нового строя...» Фурье находит, что стремление к образованию всемирной монархии, обнаруженное Наполеоном, следует приветствовать еще потому, что каждый гармониец с детства будет воспитываться в честолюбивом стремлении стать императором всего мира; на молодого человека, который проявит наклонность удовлетвориться таким второстепенным троном, как французский, будут смотреть с сожалением, как на политическую бездарность.

«Сказанное нами может с первого взгляда показаться очень странным. Но подойдя к вопросу поближе, мы поймем, на чем основывается такое удовлетворение и примирение самолюбий, и почему я сказал что «нет ничего легче, как примирить интересы Цезаря и Помпея. Этого можно будет достичь, благодаря разнообразию и множественности

*) Nouv. Monde ind. et soc., стр. 330 — 332.

скипетров в сосьетарном строе, которые откроют каждому карьеру сообразно с его способностями. Цезарь и Помпей, быть может, будут царствовать в одном и том же месте, но владея скипетрами разных степеней и разного качества».

По уверению Фурье, в строе Гармонии будут монархические титулы 16 видов. Одни из них будут основаны на наследовании, другие — на усыновлении, третьи — на фаворитизме, четвертые — на совместном воспитании и т. п. В каждом из указанных скипетров нужно различать 13 ступеней, занятых целой градацией суверенов, из коих наивысший царствует над всем миром, а самый низший — только над одной фалангой. При этом жены монархов не будут занимать свои места номинально, как мы это видим в строе цивилизации, а будут делить суверенные функции со своими супругами. В этой обширной лестнице монархических титулов легко будет примирить таких соперников, как Цезарь и Помпей, ибо один из них может быть выбран на трон с титулом фаворита, а другой — с титулом артиста и т. п.; или один из соперников может получить трон на основе избрания, другой — посредством усыновления и т. д. Фурье далее уверяет, что монархи в его строе будут иметь право частичной передачи суверенных прав; далее бездетные монархини будут иметь право выбирать себе временных мужей, а бездетные монархи — временных жен. Благодаря этому, каждая молодая девушка и каждый молодой человек могут надеяться со временем стать монархами и даже омниархами (повелителями всего земного шара), так как разнообразие скипетров и тронов громадно.

Фурье упрекает философов в том, что они мало значения придают несомненной страсти народных масс к лотереям и выигрышам. Между тем в его строе каждый плебей может в любой момент получить для себя или для своего ребенка какой-нибудь выдающийся титул или неожиданное богатство. Например, какая-нибудь девочка 11—12 лет может вдруг получить титул маршалки Маленьких Орд в империи, состоящей из 3 или 4 калифатов, которая равна по величине такой стране, как Франция, титул тем более почетный, что он основан на избрании 20 миллионами детей, а при таких выборах большинство можно получить только за заслуги, а отнюдь не при помощи интриг. Отсюда для избранной девочки шаг к тому, чтобы стать царевной всего земного шара. Скромное жалованье, соединенное с титулом маршалки, явится большим состоянием для бедной девочки, если она в 12 лет будет получать по 3 франка от 20.000 фаланг, в качестве маршалки этих фаланг, что составит всего 60.000 франков; когда же она через год будет избрана великой царевной, то получая по $1\frac{1}{2}$ франка от всех 500.000 фаланг, она будеть иметь ежегодно круглую сумму в 750.000 франков.

«Какие перспективы при таких условиях открываются для прелестных женщин, влияние и роль которых так ограничена в строе цивилизации, точно так же, как и для мужчин, выдающихся по уму и талантам. Какое это будет могущественное средство для примирения народных масс со всеми богатыми и привилегированными слоями общества, которые они теперь так ненавидят, потому что лишены участия в их богатстве и великолепии. Надежда на скипетры и титулы положит конец всяким проявлениям недружелюбия между народом и привилегированной кастой» *).

Таких наивных рассуждений и идиллических картинок у Фурье немало. Мы привели их, с одной стороны, как образец изумительной политической наивности и крайнего утопизма Фурье, а с другой, чтобы показать, в какие дебри способна была завести нашего автора его необузданная фантазия, в особенности, когда речь шла о такой невыполнимой задаче как примирение классов, из коих одни будут отличаться чрезвычайным богатством, а другие такой же бедностью.

Но рядом с такими химерами неосуществимого единения различных враждебных друг другу классов, Фурье намечает те элементы единения между различными странами и нациями, осуществление которых диктовалось реальными нуждами общечеловеческого прогресса и которые, по его уверениям, будут осуществлены с первых лет водворения строя Гармонии.

«Когда опытом первых пробных фаланг, — говорит он, — будет обнаружено все, что ими достигнуто в деле единения в области индустрии и домашнего хозяйства, в вопросах личных отношений, примирения страстей и характеров, индивидуальных интересов и разделения доходов и прибылей, — то из этого будет сделан вывод о возможности установления единства во всех сношениях на всем земном шаре. Чтобы дать представление об энтузиазме, который возбудит эта надежда, достаточно перечислить здесь несколько видов возможного в ближайшем будущем единства:

«Это единство вскоре будет царствовать.

1. В языке, шрифте и способах сообщения.
2. В санитарно-гигиенических и карантинных мероприятиях.
3. В истреблении опасных и вредных пород животного и растительного царства, в осушке болот и пр.
4. В восстановлении некоторых животных и растительных пород и замене плохих пород хорошими.
5. В исправлении климата (см. примечание А в «Теории всемирного единства»).

*) Nouv. Monde ind. et soc., стр. 325 — 329.

6. В установлении общей монеты, общих мер и весов, меридианов и пр.
7. В индустриальной области в виде организации общих индустриальных армий для общественных работ и в об'единении деятельности в области наук и искусств.
8. В коммерческих и фискальных сношениях, где оно выразится в снабжении продовольствием всего земного шара и в гарантировании пропорционального минимума всем классам.
9. В общем согласовании страстей, в искусстве их об'единять и развивать на кооперативных основах на всем земном шаре.

«Если мы только ограничимся первым видом единства — единством языка, шрифта и других способов сношений, — то хватит ли смелости у цивилизации говорить о своих достижениях в этой области, хвастать своим совершенством и возвышенными стремлениями, раз она не достигла даже самых элементарных результатов в вопросах единения. Два цивилизованных, француз и немец, причисляющие себя к самой усовершенствованной породе людей, благодаря знакомству с метафизикой Канта или Кондильяка, не могут ни сговориться, ни понять друг друга. В этом отношении они стоят ниже животных, которые одарены способностью сразу установить между собой отношения, какие обыкновенно существуют в их среде.

«Между тем единство языка и шрифта, служащее преддверием для установления всех других видов единения, вполне возможно в цивилизации, где уже в этой области мы наблюдаем прекрасные зародыши. Итальянский язык является теперь общим для всего побережья Средиземного моря и даже Португалии, Марокко и Черного моря; английский язык — для всего побережья к северу от Ламанша. Музыкальные ноты и итальянская музыкальная терминология переняты во всех цивилизованных странах, несмотря на различие шрифтов.

Если цивилизация не проявляет способности к установлению самых необходимых видов единения, для осуществления которых она имеет все данные, то что приходится думать об ее об'единительных успехах в тех областях, где она действительно встречает препятствия, каковы санитарно-карантинные мероприятия, борьба с эпидемическими заболеваниями, чесоткой, оспой, сифилисом, эпизоотиями и пр., которые будут уничтожены на всем земном шаре к пятому году существования строя Гармонии» *).

*) Nouv. Monde ind. et soc., стр. 291 — 292.

§ 6. Воспитание детей в строе Гармонии. — Развитие индустриального влечения в детях. — Трудовая школа. — Опера и кухня и их образовательное значение. — Наглядный метод преподавания.

Своей педагогической теории Фурье отводит много страниц своих произведений; но здесь, как и всюду у нашего автора, чтобы через оболочку утопизма добраться до реалистического ядра, нужно отделить существенное от несущественного, от засоряющей его шелухи. Такой шелухой, например, является его намерение посредством воспитания отполировать низшие классы (polir la classe plebéienne), привить им деликатные манеры и вежливый литературный язык, дабы не оттолкнуть от них богачей и аристократов, которые войдут в фалангу. Такой шелухой далее является его теория аналогий, которую он считает самой драгоценной частью своей научной программы, и которую он рекомендует преподавать детям, начиная с 8-летнего возраста.

Подобные идеи должны быть отнесены к несущественной части его теории, потому что они могут быть отброшены без всякого вреда для принципиальной ее стороны. Так должно быть поступлено с указанной теорией аналогий, которая не находится ни в какой связи с принципами воспитания, развиваемыми Фурье, и как совершенно ненаучная должна быть целиком отброшена; точно так же должно быть поступлено с идеей об «отполировании» низших классов, что, как указано, является одной из многочисленных приманок для привлечения в фалангу богатых и знатных, ибо, бросив эту мысль в начале своих рассуждений о воспитании, Фурье к ней уже больше не возвращается, как бы сам признавая, что никакого существенного значения она в его теории не имеет и ни в какой существенной связи с ней не находится. Подобных шероховатостей и мелочей, а иногда чудачеств и наивностей, встречаешь немало по пути, знакомясь с педагогическими идеями Фурье, но за ними нетрудно разглядеть более здоровую и подчас поразительно глубокую и научную часть его воззрений.

Если мы совершим указанную операцию над педагогической теорией Фурье, то увидим, что в своих основных линиях эта теория покоится на экономико-материалистической базе. Можно даже без преувеличения сказать, что нигде экономико-материалистические воззрения Фурье не выступают с такой рельефностью, как в вопросах воспитания.

На вопрос, какова цель воспитания Фурье отвечает: с одной стороны, развитие в индивиде индустриальных навыков и индустриального влечения, а с другой,— развитие и укрепление общественных чувств, короче говоря, надлежащая подготовка работника для строя ассоциации.

При обосновании указанных целей или вернее говоря, указанной двуединой цели воспитания, Фурье исходит из устанавливаемого им понятия о цели человеческой жизни, которая по его воззрениям, как было указано в своем месте, заключается в достижении счастья в наиболее полном наслаждении им; а счастье, учит он, это—роскошь, которая бывает двух родов — внешняя, т.-е. богатство, и внутренняя, т.-е здоровье и всестороннее развитие чувств. Одна внешняя роскошь без внутренней ничего не стоит, ибо, раз у нас нет здоровья и всестороннего развития чувств, то мы не можем должным образом использовать богатство; наоборот, цветущее здоровье и всестороннее развитие чувств становится для нас мученьем, если мы не имеем средств для удовлетворения наших потребностей.

Итак, воспитание должно нас вести к счастью в вышеуказанном смысле, а для этого оно должно развивать в индивиде индустриальное влечение, ознакомить его со всеми главными видами индустриального труда, развить в нем здоровье и телесную ловкость, что необходимо не только для наслаждения богатством, но также для наилучшего выполнения индустриальных функций. Но так как правильная постановка производства богатств возможна лишь в строе ассоциации, то воспитание, — что не менее важно, — должно содействовать развитию и укреплению заложенного в человеке инстинктивного стремления к ассоциации в противоположность индивидуалистическому строю, насильственно поддерживаемому цивилизацией к горю всех людей *).

Наилучшим средством воспитания является индустриальный труд, развивающий наши физические силы и способности; только индустриальный труд создает надлежащее развитие человека, вызывает интерес к наукам и искусствам; одним словом, через индустриальный труд мы идем к укреплению тела, развитию духа, приобретению знаний. Но этого мало. Трудовое воспитание в сообществе с себе подобными — а вне тих условий оно вообще невозможно, — будет содействовать развитию духа общественности, без которого невозможна утилизация индустриальных знаний, т.-е. невозможно достижение богатства и человеческого счастья. Фурье намечает еще некоторые другие подсобные средства воспитания, но все они, как мы увидим, тесно связаны с индустрией или обеспечивают ей наилучшее развитие.

Начертанные здесь основные контуры воспитания, отнюдь не субъективны. Подобное воспитание, по мнению Фурье, вытекает из свойств детской природы и из цели человеческой жизни. Фурье называет это воспитание естественным в противоположность искусственному и уродливому воспитанию строя цивилизации.

---

*) См. Th. de l'Unité univ., ч. IV стр. 1 — 16 и Nouv. Monde ind. et soc.

«Если бы в цивилизации, — говорит Фурье, — воспитание развивало в каждом ребенке его естественные склонности, то все дети, даже богатых родителей, почувствовали бы влечение к различным, самым демократическим ремеслам, каковы слесарное, плотничье, кузнечное и т. п.» *).

Человек создан для Гармонии и для ассоциации, говорит в другом месте Фурье; в нем заложены стремления, соответствующие возможностям, достижимым при сосьетарном строе. Не получая воспитания, соответствующего их природе, дети восстают против родителей. В младенческом возрасте этот протест выражается в капризах и криках. Крик, это — своего рода месть за противоестественное воспитание. Более взрослые дети мстят родителям непослушанием, обманами, уничтожением и разрушением вещей. Родители, с своей стороны, обрушиваются на детей репрессиями в виде самых разнообразных наказаний. Между родителями и детьми, воспитателями и воспитываемыми водворяется вечная война, своего рода классовая борьба **).

«Природа вкладывает в каждого ребенка большое количество, приблизительно до 30 склонностей к труду», — говорит наш автор в «Новом индустриальном мире». На развитии и усовершенствовании этих склонностей Фурье строит систему воспитания в фаланге.

Подчеркивая свою об'ективность в вопросе о цели и методе воспитания, наш автор говорит: «Я избегал произвольных построений во всем, что касается вопроса о телесном воспитании детей и о взглядах, которые в них нужно развивать. Моралисты хотят, чтобы ребенка воспитывали в презрении к нечестивым богатствам и в любви к истине; экономисты,— чтобы его воспитывали в любви к коммерции и лжи, двум неразрывным предметам. Мы не рискнем впасть в подобные противоречия. Для установления истинных тенденций строя Гармонии в этом вопросе, мы имеем верное руководство, а именно влечение, исчисленное аналитически и синтетически. Куда толкает нас это влечение? — во-первых, к роскоши, во-вторых, к группам, сериям и единству» ***). Роскошь, раз'ясняет далее наш автор, это—ловкость и здоровье (внутренняя роскошь), с одной стороны, производительная индустрия (путь внешней роскоши), — с другой. Группы и серии, это — общественность, вытекающая из страсти к единению (unitéisme).

Не нужно думать, однако, что Фурье выбрасывает за борт науку в собственном смысле. Нет, науке Фурье отводит то почетное место, которое ей подобает в строе материально-духовного совершенства, каким является Гармония; он только изменяет метод преподавания.

---

*) Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 543.
**) Там же, ч. IV, стр. 65.
***) Там же, ч. IV, стр. 11.

Ученье... — говорит он, — должно базироваться на той любознательности, которая рождается из индустриальных занятий; школьные занятия должны иметь непосредственную связь с работами в мастерских и в поле, удовлетворяя запросам, вызванным этими занятиями» [курсив наш. А. А.] *).

Между тем, воспитательные методы цивилизации основаны на совершенно противоположных принципах; они обусловлены той целью, которая цивилизация ставит воспитанию. Критика Фурье направлена против буржуазного воспитания, так как трудящиеся не получают воспитания»; поэтому они фактически, хотя в очень слабой степени, приближаются к методу воспитательного развития, изображаемому Фурье, и, во всяком случае, не претерпевают отрицательных влияний современного буржуазного воспитания.

«Современное воспитание, — говорит Фурье в «Теории всемирного единства», — не умея создавать в ребенке подобных побудительных мотивов (влекущих его к производительному труду), стремится достичь своих целей другими средствами, стараясь внушить ребенку сыновнее почтение, любовь к естественной простоте и преклонение перед правилами «чистой и нежной» морали... Все это — догматические пошлости! Все эти старания отцов и педантов не только не приводят к цели, но ведут к обратному; они превращают ребенка в маленького заговорщика, лицемера, который, притворяясь послушным, в самом деле горит нетерпением приняться с компанией сорванцов-товарищей за дело разрушения и уничтожения, лишь только он скрылся от взоров наставника-педанта. По этому поводу некоторые теоретики восклицают: «Дети, это — маленькие дьяволы!» — Это неверно, отвечу я им; а вот, что отцы большие дураки, это не подлежит сомнению, ибо они не додумались до системы гармонического и сосьетарного воспитания, превращающей в полезных членов общества детей в том возрасте, когда у цивилизации еще не начинается воспитание» **).

«В Гармонии, — говорит там же Фурье, — четырехлетний мальчик, будь это даже сын монарха, сумеет зарабатывать средства к жизни самыми различными ремеслами; он сумеет также равномерно упражнять все члены своего тела и подчинять все свои действия интересам общего блага... Я обращаю особенное внимание на это обстоятельство, чтобы заинтересовать читателя нижеизлагаемым методом воспитания, призванным осуществить все те задачи, о которых теперь даже не осмеливаются мечтать. При современных методах, несмотря на все благие намерения, умеют только воспитывать легионы малых вандалов, которые ищут случая, чтобы что-нибудь разрушить или уничтожить

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 116 — 117.
**) Там же, стр. 18.

вместо того, чтобы создавать, и которые, достигши зрелого возраста, составят под эгидой морали легионы взрослых вандалов, грабящих, разрушающих, сжигающих и убивающих для защиты священных доктрин коммерции и совершенства метафизических абстракций» *). Современный строй, говорит в другом месте автор, воспитывает торговцев, чиновников, воинов, одним словом, всю ту ораву, которую Фурье, при рассмотрении постановки производства и обмена в строе цивилизации, относит к паразитам, полупаразитам и вредным элементам общества.

«Сосьетарное воспитание, — говорит Фурье в «Новом индустриальном мире» — имеет целью содействовать полному развитию материальных и интеллектуальных способностей и приспособлению их к производительной индустрии. Воспитание в строе цивилизации идет противоположным путем; оно подавляет и извращает способности ребенка. Те незначительные духовные силы, которые оно им оставляет, развиты в них так, что отклоняют их от индустрии, возбуждают к ней отвращение, склоняют к разрушению и уничтожению.

«Воспитание в строе цивилизации, — говорит далее наш автор,— направлено в сторону противоречащую природе, ибо первая цель природы или влечения, это — р о с к о ш ь, которая может родиться только из индустрии, а к ней-то ребенок в строе цивилизации не чувствует никакого влечения, хотя некоторые продукты этой индустрии, как игрушки, красивые головные уборы, лакомства, очень ему нравятся. . .» **)

Итак, мы в общих чертах указали, каковы цели и средства воспитания по воззрениям Фурье. Отметим еще одну важную особенность его воспитательной системы.

У Фурье воспитание соединено с жизнью; можно даже сказать, что у Фурье дети не проходят предварительной стадии воспитания, а сразу вводятся в жизнь. Сущность этого принципа становится ясной, если мы посмотрим, что представляет собой в указанном отношении современное воспитание. При современном воспитании в строе цивилизации ребенка отделяют, отгораживают от жизни; его до известного, иногда очень позднего, возраста только подготовляют к жизни, в которую он, смотря по характеру воспитания, на 20 — 25 году, а иногда даже позже, только «вступает». У Фурье, наоборот, ребенок с 3 — 4 лет уже становится молодым гражданином, имеющим свои права и обязанности, и живущим той жизнью, к которой его влечет его детская природа, его детские страсти, инстинкты и потребности. Следуя своим природным влечениям, ребенок вступает в взаимодействие с окружающей средой и претерпевая на себе ее влияние, «учится», чтобы

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 16.
**) Nouv. Monde ind. et soc., стр. 167.

тут же утилизировать приобретенные знания для своей личной и общественной выгоды, которые вполне совпадают в фаланге.

При такой постановке дела воспитание достигает той троякой цели, которую в дальнейшем подробно развивает, и обосновывает наш автор, а именно: 1) оно подготовляет всесторонне развитых в индустриальном отношении граждан, для жизни в сосьетарном строе; 2) доставляет детям максимум радостей и удовольствий в период воспитания; 3) дает возможность извлечь из детей громадную пользу для общества вместо тех расходов и убытков, которые они причиняют ему в настоящее время *).

Придавая большое значение постепенности (градуированности) во всей внутренней организации фаланги, Фурье делит все подлежащие воспитанию возрасты (за исключением младенцев) на 6 колен, а все вообще возрасты, до самых старших включительно, на 16 колен или 32 хора, считая отдельно мужские колена, и отдельно женские. Младенцы до трехлетнего возраста не составляют собою колена; они делятся на три категории «грудных» (nourissons) до 1 года, «карапузов» (poupons) до 2 лет и «шалунов» (lutins) до 3 лет **).

1-е	колено	составляют	«малыши» обоего пола (bambins и bambines) от 3 до $4^1/_2$ лет.
2-е	„	„	«херувимы» и «херувимки» (cherubins и cherubines) от $4^1/_2$ до $6^1/_2$ лет.
3-е	„	„	«серафимы» и «серафимки» (seraphins и seraphines) от $6^1/_2$ до 9 лет.
4-е	„	„	«лицеисты» и «лицеистки» (lycéens и lycéennes) от 9 до 12 лет.
5-е	„	„	«гимназисты» и «гимназистки» (gumnasien и—ennes) от 12 до $15^1/_2$ лет.
6-е	„	„	«юноши» и «юницы» (jouvenceaux и — elles) от $15^1/_2$ до 20 лет.

Но и внутри колен Фурье предусматривает подразделение детей на три категории; так, например, херувимы делятся на полухерувимов от $4^1/_2$ до 5 л., херувимов — от 5 до 6 л. и сверх-херувимов — от 6 до $6^1/_2$ л. «Если архитектора и основатели пробной фаланги не будут считаться с указанной градацией при устройстве и распределении зал, то они могут, как уверяет Фурье, нанести тяжелый вред пробной фаланге и правильному ее устройству, и еще больше вреда — правильному проявлению влечения, и в результате придется прибегнуть при воспитании детей — к излюбленному средству философов — принуждению; если же требование прогрессивности при распределении детей

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 16.
**) Nouv. Monde ind. et. soc., стр. 167.

по возрастам и правила свободного влечения будут вполне удовлетворены, то мы увидим, что в фаланге ребенок 4 лет, предоставленный самому себе, проявит более благоразумия и опытности, чем у нас мужчина 30 — 40 лет».

Воспитание «грудных». Но вернемся к воспитанию детей, начиная с самого низшего возраста, т.-е. с возраста грудных (nourissons).

«Руссо, желая возвратить матерей к их естественным обязанностям, упрекает их в том, что они не кормят грудью своих собственных детей. Руссо хотел возвратить человечество к законам природы. На это я отвечу следующее: вопервых, в цивилизации вообще не может быть речи о возвращении к законам природы, так как цивилизация насквозь противоречит этим законам; во-вторых, к кому обращается Руссо? Естественно, к богатым женщинам, потому что, насколько мне известно, все крестьянки и все малосостоятельные горожанки сами кормят своих детей, не имея средств для найма кормилиц. По этому поводу я, в-третьих, хотел бы сказать следующее. Если бы существовали трибуналы для привлечения к ответственности женщин, совершивших вредные и непоправимые проступки в период кормления, жертвой которых явились их дети, то я привлек бы к этому суду и присудил бы к принудительным работам $^{9}/_{10}$ богатых женщин, кормящих грудью своих детей; они не воспитательницы, они — убийцы своих малюток. Эти матери умеют только создавать тысячи капризов в своих детях, капризов, которые подобно духовному яду, медленно убивают этих несчастных малюток. Отец, занятый лганьем в своей лавке, конечно, доволен, что жена его, благодаря кормлению ребенка, прикована к дому и не может бегать по городу, чтобы сплетничать и заниматься любовными интрижками. Что касается меня, то я считаю счастьем для детей, что богатые матери сами их не кормят и не воспитывают, потому что они, вследствие своей праздности и собственной негодности, неспособны привить им ничего, кроме тысячи скверных привычек, между тем как крестьянка, у которой нет времени, чтобы предаваться нежностям или пошлостям подобного рода, дает своему ребенку то, чего требует природа, и не потакает его капризам.

Между прочим, замечу следующее. Женевский философ отрицательно относится к подвесным люлькам и ко всяким связкам, служащим, якобы, для выпрямления ребенка. Против таких вещей трудно спорить; но недостаточно указать зло, необходимо найти средства для его исцеления. Не всякий ребенок имеет подобно Эмилю 50 тысяч франков дохода и 12 человек для услуг. Как может крестьянка оставить свободным ребенка в колыбели или возле огня, если ей нужно уйти

на целый день из дома? Когда же, наконец, некоторые философы примут в соображение, что не все люди имеют 50 тысяч ренты, и что они должны приспособлять свои моральные системы для людей всех классов и для тех также, которые не имеют ни ренты, ни слуг? *)

«Это последнее обстоятельство целиком принято во внимание строем Гармонии, где воспитательная система одинакова для всех и вполне подходит для всей массы детей без исключения. Согласно этой системе, грудные дети делятся на три категории по своему характеру: на «тихих» (pacifiques), «беспокойных» (mutins), и «дьяволят» (diabolins); согласно этому принципу они распределены по трем смежным залам, достаточно отделенным друг от друга, чтобы «дьяволята», постоянно орущие, не могли беспокоить «тихих» и даже «беспокойных», все же более уживчивых, чем они.

«Дети находятся на попечении нянь, составляющих отдельную серию, куда поступают особы, склонные к этому занятию по своему естественному влечению. Матерям остается только являться в определенные часы для накормления своих малюток грудью; но если обстоятельства помешали какой-либо из них явиться для исполнения этих обязанностей, то это не может принести существенного вреда ребенку, так как существуют особые добавочные кормилицы, разделенные на категории по темпераментам, могущие всегда заменить отсутствующих матерей. Такого рода замена невозможна в строе цивилизации; она представляет собой одну из выгод больших ассоциаций, состоящих из страстных серий.

Люльки будут заменены эластическими цыновками; в образуемых ими углублениях ребенок может свободно барахтаться; подвешенные в промежутках веревочные или шелковые сетки оберегают ребенка от возможности выпасть и вместе с тем не препятствуют ему видать своих соседей, что является для него большим развлечением и удовольствием. Все эти цыновочные люльки приводятся в движение механически, благодаря чему можно будет качать 20 детей сразу. Таким образом в строе Гармонии какой-нибудь малыш сумеет один сделать то, что в нашем строе требует усилий 20 человек.

«Помещения грудных детей посещаются ежедневно врачами, которые в фаланге заинтересованы в том, чтобы дети всегда были здоровы, потому что они получают свое вознаграждение не по числу больных, а по числу здоровых; значит, чем больше будет больных детей, тем меньше они получат, и наоборот, чем больше здоровых, тем больше их вознаграждение.

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 47 — 50.

«Сообразно трем вышеуказанным категориям грудных детей, няни тоже делятся на три категории:

Няни для тихих, куда относятся наименее терпеливые.

Няни для беспокойных, куда относятся особы среднего характера.

Няни для дьяволят, куда относятся наиболее уравновешенные и терпеливые.

«Няни, вследствие важности исполняемых ими функций, относятся к разряду милосердия и религии и принадлежат к жречеству, как и все ухаживающие за больными и слабыми». Фурье уверяет, что в этих младенческих серистерах грудные дети будут досматриваться и развиваться при таких условиях, которых не в состоянии создать для своих детей ни одна принцесса в строе цивилизации. «В этом строе какой-нибудь грудной младенец становится мученьем целого дома; с другой стороны, порядки в этих домах таковы, что ведут к мучению и истязанию ребят. Ребенку нужны те удобства и развлечения, которые он может получить в серистерах строя Гармонии; не получая их, он приводит в отчаяние своими криками родителей, слуг и соседей, принося одновременно вред и своему здоровью. В тот момент, когда я набрасываю эти строки, мне приходится наблюдать одного такого дьяволенка, который в продолжение 2 мес. терзает и расстраивает семью из 5 — 6 человек. Трое слуг не могут удовлетворить его капризы, которые глупые родители в нем развили до чрезвычайных размеров. Не будучи болен, он, однако, кричит беспрерывно; у нянь, приглашаемых для ухода за этим антихристом, не хватает терпения больше чем на две недели, и они отказываются от службы, несмотря на хорошее вознаграждение; целый дом выбит из колеи ничтожным молокососом. В строе Гармонии подобные крики (допуская их возможность) легко будут переноситься нянями из категории спокойных если принять во внимание, что они будут дежурить не больше двух часов подряд и будут находиться в соперничестве и интригах, как с аналогичными сериями, так с группами, ухаживающими за спокойными и шаловливыми».

«В деле воспитания, как во всех отраслях жизни Гармонии принцип страстных серий должен быть проведен со всей полнотой и последовательностью. Отнимите отсюда этот принцип, и сосьетарному строю будет нанесен непоправимый удар» *).

В вышеизложенном, — продолжает Фурье, — я рассмотрел вопрос о материальном воспитании грудных детей; теперь перейдем к вопросу о их духовном воспитании. В этом отношении грудных детей можно рассматривать вместе с «карапузами», которые составляют смешанный

*) Th. de l'Unité univ., стр. 53 — 55.

разряд, так как старшие из них уже переходят в мастерские, где их присоединяют к «малышам», между тем как младшие в возрасте от 16 до 20 месяцев еще подчинены режиму грудных.

«Напрасно мораль восхваляет нам возвышенное удовольствие слышать день и ночь вой и рев какого-нибудь крикуна; не всем дано такое восторженное отношение к подобным звукам, какое дано родителям. К тому же, должен я сказать, я сам видел, как отцы спасались от подобных радостей, которыми нас угощает возвышенная мораль, и я следовал их примеру. Среди «карапузов» можно встретить не меньше крикунов, чем среди грудных». Откуда берется такая ярость у 15 месячных детей, уже умеющих самостоятельно ходить? Спрашивает наш автор и об'ясняет это тем, что ребенок скучает и раздражается, так как не получает в нашем строе развлечений, требуемых его инстинктом, которые он в изобилии будет получать в сосьетарном строе, где один только хор «карапузов» будет разделен на три разряда «тихонь», «мятежных» и «бесенят», сообразно чему будут подбираться их воспитатели и развлечения. При таком строе дети станут менее раздражительными не потому, что, согласно требованию морали, удастся подавить их страсти, а наоборот, потому, что этим страстям дана будет соответствующая пища и благодаря этому дети из порочных станут добродетельными.

Какие развлечения нужно дать таким детям, чтобы их занять и успокоить,— это вопрос второстепенный. Важно свести их в одну комнату с их сверстниками; вы легко сумеете убедиться, как они будут счастливы в залах для «карапузов» и что, вернувшись домой, они опять начнут орать и капризничать. Укажу еще на один пример. У нас ребенок идет на прогулку только с няней, которая к тому же назначает где-нибудь на углу свидание своему ухаживателю; ребенок не только не имеет соответствующего развлечения, но остается без надзора. В фаланге «карапузы» идут на прогулку целой толпой в сопровождении нескольких «херувимов», которые играют на свирелях, между тем как несколько «малышей» им аккомпанируют на барабанах, треугольниках и бубнах. К детскому отряду, конечно, будет приставлен старший для надзора.

«Итак, мы видим, что общественное воспитание будет служить как к пользе детей, так и их родителей. Что бы ни говорили моралисты, но нет ни одной супружеской четы, которую не утомляла бы и не расстраивала вся обстановка воспитания грудного младенца, вся грязь и неприятные обязанности, связанные с этим делом. Чтобы сделать всех отцов и матерей самыми ярыми сторонниками сосьетарного строя, достаточно было бы их повести, — если бы существовала хоть одна фаланга и серистер, где будут воспитываться «грудные»,

если вдобавок им дадут соответствующие костюмы с украшениями, например, маленькие гренадерские шапки для маневров, маленькие стихари для процессий и маленькие свирели для хореографических упражнений.

«Карапузы» и «малыши» найдут все эти маленькие орудия и приборы в своих воспитательных серистерах, где они будут иметься в достаточном количестве и различной величины для различных возрастов; самые маленькие получат деревянные ружья, деревянные кадила, конечно, без огня; следующий возраст — оловянные кадила и металлические ружья; более старший возраст — серебряные кадила и т. д. Только такая прогрессивность во всем способна возбуждать соревнование, без которого гармоническое воспитание немыслимо.

Все эти игрушки, которые ныне фабрикуются в громадном количестве без всякой пользы для дела воспитания, здесь получат важное в воспитательном отношении применение. Например, если «карапуз» получит игрушечную повозку и деревянную лошадку, то не для того, чтобы ее за один день поломать, к великой радости родителей, видящих в этом ум или ловкость, а для того, чтобы извлечь отсюда пользу для своего индустриального развития. Он должен научиться запрягать и распрягать свою маленькую лошадку раньше, чем ему будет поручена маленькая тележка, запряженная собакой для перевозки мелких овощей. В строе Гармонии не будет ни одной игрушки, которая не служила бы индустриальному воспитанию ребенка. Таким образом, игрушки, которые в нашем строе стоят небогатой семье сравнительно больших денег, не принося никакой пользы, в строе Гармонии явятся драгоценным средством воспитания, привлекая ребенка к производительной индустрии, пристращая его с $2^1/_2$ летнего возраста к множеству работ, из которых не менее, чем по трем он через $^1/_2$ года в состоянии будет сдать экзамен, чтобы перейти в низшую категорию «малышей», где уже имеются довольно опытные работники (habiles travailleurs), зарабатывающие минимум средств к жизни *). Но для того, чтобы указанные игрушки давали производительные результаты, необходимо

*) Приспособление детей с 3 — 4 лет к промышленному труду кажется нам мероприятием, заимствованным из копилки чудачеств, которыми изобилуют воззрения нашего автора. Между тем, Роберт Оуэн во время своей агитации за принятие парламентом закона, запрещающего работу на фабриках детей моложе 10 лет, показывал перед парламентской комиссией, что он неоднократно видел на фабриках детей в возрасте 4 — 5 лет, а, однажды, видел даже трехлетнего малютку; работа таких малюток заключалась в собирании с пола из-под машин рассоренного хлопка. Если, таким образом, дети в указанном возрасте в продолжение нередко 10 часов в день исполняли на фабриках в крайне антигигиенической обстановке работы, несоответствующие ни их склонностям, ни силам, то не должно казаться невероятным и невозможным, чтобы такие же дети в приятной гигиенической обстановке делали при посредстве маленьких инструментов легкую работу, способную их занять, как забавная игра.

собрать множество детей и, распределив их по группам, создать между ними соревнование, пустить в ход приманки, затрогивающие самолюбие, приманки постепенных наград и привилегий, как в отношении парадных украшений, так и индустриальных занятий и инструментов.

Природа вложила в каждого ребенка большое количество склонностей к труду, не меньше 30, — говорит Фурье в другом месте («Новый мир»). Чтобы открыть преобладающие в нем склонности, его нужно повести в мастерские, где работают другие дети при помощи маленьких инструментов; он сумеет там удовлетворить своей страсти, все рассмотреть вблизи, потрогать руками; через несколько недель легко будет убедиться, какие мастерские и инструменты его более всего привлекают, какие работы наиболее соответствуют его склонностям.

У нас в большинстве случаев склонны думать, что дети маленькие лентяи и обуза родителей. Это совершенно неверно. Дети очень любят работу. Но эта любовь к работе может обнаружиться только в строе серий, а в строе цивилизации она заглушается, вследствие чего дети принуждены здесь быть лентяями и бременем для своих родителей. Укажем еще, например, на манию ребенка все трогать, все переворачивать, всюду входить и влезать. В современном строе эту манию не могут целесообразно использовать. Чтобы гарантировать себя от вреда, который, при нынешней системе воспитания, может причинить ребенок, его нужно держать под вечным присмотром или поместить в комнате, где нет никакой мебели, ни другой утвари, дабы он ничего не поломал или не испортил.

А между тем, эта мания все трогать вытекает из естественной страсти к труду; и чтобы направить ее на надлежащий путь, нужно повести ребенка в маленькие мастерские, где при помощи маленьких инструментов работают дети 3 — 5 лет, и оставить его здесь в компании товарищей. Повинуясь своим природным стремлениям, ребенок начнет проделывать то же самое, что и окружающие его более старшие товарищи; сначала, быть может, с новичком выйдут какие-нибудь недоразумения, он будет дичиться, его оттолкнут, не окажут ему должного внимания; но через несколько дней он освоится с обстановкой и сойдется с товарищами, и воспитателю придется только издали наблюдать за его деятельностью, проявляя свое вмешательство только в исключительных случаях.

Влияние всего этого будет столь велико, что ребенку достаточно будет провести три месяца в серистере низшей категории «карапузов», чтобы он успел во всем, что ему нужно для перехода в следующую ступень. Дух соревнования и склонность к подражанию будут его толкать к ознакомлению с множеством трудовых приемов. Преподавателям ничего не останется, как только ждать вопросов и отвечать

на них. Одно желание перейти из категории аспирантов в категорию новичков, а отсюда в бакалавры, будет достаточно, чтобы довести до высшей степени прилежание какого-нибудь «карапуза» или «малыша» и заставить его пополнить все погрешности, которые он чувствует в той или иной отрасли *).

Для каждого возраста найдутся работы и орудия, соответствующие его силам и способностям. Об этом позаботилась природа. Например, группа «херувимов», занятых возделыванием и приготовлением к столу мелких овощей, отвозят их в кухню в небольших повозочках, запряженных собаками, и занимаются там чисткой и мойкой этих овощей; серафимы отвозят свои овощи на повозочках большего размера, запряженных осликами; лицеисты при своих работах пользуются маленькими лошадьми — (пони); гимназисты — лошадьми средней величины, юноши — обыкновенными лошадьми. Аналогичный порядок нужно установить во всех мастерских при всех работах, чтобы каждый ребенок имел работы по своим силам.

По уверению Фурье, дети так быстро освоятся с такими порядками, к которым они приноровлены по своей детской природе, что они явятся образцом для родителей; в пробной фаланге строй групп и серий сложится у детей в продолжение нескольких недель, между тем как у взрослых, привыкших к старым порядкам, на это потребуется несколько месяцев.

Фурье считает колено «малышей» самым важным в воспитательном отношении, так как в возрасте 3 — $4^1/_2$ лет начинают развиваться первые ростки многих индустриальных призваний и чтобы их не заглушить, а тем более дать им правильное развитие, нужно с этого момента поставить правильно дело воспитания. Для этого ребенку, с того момента, когда он в состоянии свободно двигаться, должна быть предоставлена полная свобода обегать все мастерские. Более того, детей нужно начать водить по мастерским в более раннем возрасте под присмотром надзирателей и надзирательниц, расставленных повсюду, где бывают дети низшего возраста, нуждающиеся в присмотре. Таким образом, уже с $2^1/_2$ лет ребенка можно предоставить своему влечению, которое его приведет в основные учреждения фаланги — мастерские и сады. Здесь будут происходить крайне интересные и привлекательные для него собрания детей старших возрастов, работающих под руководством какого-нибудь патриарха или «почтенного», который примет под свое руководство новоприбывших малышей, снабдит их маленькими инструментами и материалами и даст им работу, соответствующую их возрасту; и так как в самом младшем возрасте

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 29 — 33.

у ребенка могут обнаружиться самые различные способности различного калибра, то «карапузы» и «малыши», подобно взрослым, будут распределены по разным категориям на «новичков», «бакалавров», «лиценциатов», смотря по обнаруженным способностям, так что какой-нибудь малыш сможет быть «лиценциатом» в группе спичек, «бакалавром» — в группе чистки гороха и «новичком» — в группе резеды, нося различные украшения, соответствующие своим титулам *).

Средства стимулирования индустриального влечения. Посмотрим, — говорит Фурье, — какими средствами можно зародить в ребенке священный огонь индустрии, индустриальное честолюбие, чувство, совершенно незнакомое детям нашего строя, которые наоборот, состязаются в причинении обществу возможно большего зла, при чем тот, кто наделал больше пакостей, считается самым ловким.

Сосьетарный строй внушает ребенку с самого младшего возраста совсем иные наклонности: стремление отличиться в 20 или 30 родах индустрии; он имеет не менее 16 иных средств, стимулирующих в ребенке индустриальное влечение.

1. Элегантность маленьких мастерских, имеющихся при каждом серистере.
2. (Разнюхивание, допытывание, шатание).
3. Приманка украшений (в костюме), даваемых постепенно.
4. Участие в парадах и работа инструментами.
5. Право выбора индустриальной отрасли по своим вкусам и силам.
6. (Обезьянничанье).
7. Мания подражания, господствующая в младшем возрасте.
8. Отсутствие родительской лести, недопустимой в сосьетарном строе, где ребенка судят и увещевают его собственные товарищи.
9. Восходящий тон или наклонность детей следовать примеру товарищей немного старше их.
10. (Увлечение. La déférence graduée).
11. Развлечения, даваемые короткими, часто сменяемыми сеансами, где много веселья и интриг.
12. (Боязнь быть переведенным в хор полу-характеров — demi-caractères).
13. Энтузиазм, возбуждаемый чудесами, совершаемыми хором на один возраст старшим, являющимся для детей образцом подражания.

---

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 19 — 27.

14. Соревнование, возбуждаемое соперничеством между хором и смежным под-хором; соревнование, возбуждаемое насмешками тех, которые уже допущены в высшую ступень.
15. Полная свобода выбора рода труда и продолжительности труда.
16. Официальное вмешательство патриархов, очень любимых маленькими детьми и очень терпеливо дающих им указания и наставления.

Посмотрим сначала, каково влияние украшений и привилегий. У нас достаточно крестьянскому парню увидеть красивый султан на военном головном уборе, чтобы он позволил записать себя рекрутом и лишился надолго свободы. Каково же должно быть влияние этих украшений и привилегий, чтобы привлечь ребенка к удовольствиям, которые во множестве его ожидают на веселых собраниях с товарищами одинакового с ним возраста?

Под словом «привилегии» Фурье подразумевает занятия и развлечения, соответствующие определенному возрасту. Например, серафиму 7 лет нельзя позволить свободное обращение с огнестрельным оружием. Шестому колену — юношей и юниц,— находящемуся в периоде переходном к зрелости, может быть дозволено чтение таких книг и знакомство с такими предметами, которые не могут быть дозволены детям низшего возраста. Гимназистам от 12 до 15 лет будет разрешено употребление огнестрельного оружия, чего нельзя дозволить лицеистам от 9 до 12 лет. Последние имеют право на парадах и маневрах ездить на маленьких лошадях, но таких вещей нельзя дозволить серафимам, т.-е. детям в возрасте от $6^1/_2$ — до 9 лет; они еще слишком слабы для обращения с лошадьми, но им можно разрешить употребление маленьких топориков и других маленьких инструментов, что воспрещено херувимам в возрасте от $4^1/_2$ — до $6^1/_2$ лет и т. д.

Нетерпеливое стремление быть допущенным ко всем этим привилегиям является очень сильным стимулом для детей, которые жаждут подняться со ступени на ступень, всегда стремясь опередить свой возраст...

Фурье придает большое значение параду и помпе для возбуждения в детях влечения ко всем видам занятий, входящим в программу их воспитания.

При распределении всяких ступеней и титулов нужно побольше торжественности и помпы. Предварительно устраивается парад, по окончании которого перезвоном колоколов на башне порядка дается сигнал к промоции (производству в чин или титул); тогда хор детских трубачей приближается к балдахину, где сидят патриархи мужского

и женского пола, перед которыми разложены украшения, предназначенные для раздачи. Бьют в барабаны. Герольд хора малышей провозглашает: «От имени суверенной Гнидской фаланги и достопочтенного колена «малышей» этой фаланги Гиля, «карапуз» высшей категории 35 месяцев от роду, допущен в хор «малышей» с разрешением носить украшения младшей категории «малышей» и пользоваться прерогативами этой высокой корпорации!» После этого, капитан хора подводит его к одному из патриархов, который возлагает на него украшения, присвоенные его новому достоинству. Затем с той же помпой следует провозглашение других кандидатов, при чем выступление каждого приветствуется громким тушем *).

Экзамены и экзаменаторы. Так как возбуждение соревнования является у Фурье одним из основных воспитательных средств, то он не только не отказывается от системы экзаменов, но, наоборот, придает им большое значение в своем воспитательном методе. Вместе с тем он делает в области экзаменов нововведение, которое впоследствии войдет отчасти в социалистическую школу; это нововведение заключается в том, что экзаменаторами детей являются их товарищи, но только старшие их на один хор; вообще принцип товарищеского суда является у Фурье одним из излюбленных средств морального воздействия, при помощи которого он надеется вытеснить родительские и менторские наставления, увещевания и взыскания, не только не ведущие к своей цели, но обыкновенно дающие обратные результаты.

Переход из одного хора в другой,— говорит Фурье,— обусловлен соответствующими испытаниями. Всякий раз, когда ребенок ходатайствует (un enfant postule) о переводе из низшего хора в высший, он должен выдержать соответствующий экзамен.

При переходе из разряда «шалунишек» в хор «малышей» он должен выдержать 7 телесных испытаний по его собственному выбору, состоящих из 7 упражнений, которые должны обнаружить ловкость различных частей его тела, а именно: 1) одного упражнения левой руки и ее кисти; 2) правой руки и ее кисти; 3) левой ноги и ступни; 4) правой ноги и ступни; 5) обеих рук и их кистей; 6) обеих ног и их ступней; 7) обеих рук и обеих ног. После этого его подвергают умственному испытанию, а именно: он должен дать удовлетворительное об'яснение одного из свойств божества, относящегося к экономии средств, каковое свойство наиболее понятно детям. При переходе из хора херувимов в хор серафимов ребенок подвергается 12 испытаниям, 7 телесного характера и 5 духовного, кроме специального вопроса, касающегося одного из свойств божества, а именно: распределительной

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 19 — 27.

справедливости; при переходе из серафимов в лицеисты — 16 испытаниям и т. д. Экзаменаторами являются члены того хора, куда желает быть допущенным экзаменующийся; в качестве консультантов к ним присоединяют несколько сивиллов и сивилл.

У экзаменаторов-товарищей — говорит Фурье в другом месте,— не будет ни снисхождения, ни жалости к экзаменующимся, потому что группы и серии, стремясь, вследствие постоянного соперничества, к лучшим результатам своих трудов, не допустят в свои ряды новых товарищей, недостаточно подготовленных. Точно также будут существовать соперничества между одинаковыми хорами в одной и той же фаланге, для чего необходимо будет собирать периодически по 5 или 6 хоров «малышей» или «херувимов», чтобы устраивать между ними состязания на маневрах, парадах, в опере и в маленьких мастерских. При таких обстоятельствах ни один недостойный кандидат не будет допущен в высшую ступень, несмотря ни на какие просьбы и протекцию. Дети — самые строгие судьи, а позор провала заставит кандидатов подтянуться. Кто после нескольких испытаний в продолжение полугода не обнаружит должных успехов, тот будет отнесен в группу «полу-характеров» *).

Роль товарищества и нейтрализация им вредного влияния родителей.— Громадное преимущество гармонического воспитания,— говорит Фурье,— это нейтрализация им вредного влияния родителей, которое способно только задержать или извратить развитие ребенка.

В этом причина возмущения против моей системы родителей и философов, которые с негодованием восклицают: «Вы, значит, хотите отнять ребенка у его естественного воспитателя,— у его отца?— Я ничего не хочу; я не придерживаюсь метода софистов, для которых их глупые капризы являются законами в деле воспитания.— Я только ограничиваюсь анализом принципов естественного влечения. Что же делать, если это естественное влечение дает $^{19}/_{20}$ детей характеры и наклонности, совершенно противоположные тем, которые желали бы воспитать в них нежные отцы; что делать, если влечение ведет их посредством восходящего тона расположения низших к высшим, совершенно противоположного тому, которое природа вложила в семейные группы.

Если вы хотите идти в воспитании правильным путем, путем естественного влечения, то действуйте противоположно тому, как поступает философия, которая всегда находится во вражде с природой или естественным влечением. Если философия требует, чтобы отец

*) Полухарактеры не значит дефектиные; это—дети, способности которых должны быть использованы иными способами, чем в нормальных группах.

был воспитателем своего ребенка и вместе с тем желает, чтобы он не баловал его, то выдвиньте совершенно противоположный взгляд, чтобы отец не был воспитателем ребенка, и пусть он имеет полную свободу его баловать. Вы увидите далее, что этот принцип будет осуществлен в Гармонии, где отцы не будут воспитателями своих детей и им будет дана полная свобода их баловать, т.-е. им будет позволено, следуя своим естественным импульсам, потакать всем фантазиям своих детей, *согласно правилу нисходящего тона*, т.-е. *склонности* высшего к низшему.

Каждый ребенок будет получать достаточно выговоров, наставлений и насмешек со стороны равных ему, т.-е. товарищей. Эти внушения, получаемые высшей категорией «карапузов» со стороны низшей категории «херувимов», становятся мощным стимулом соревнования, которое неспособно возникнуть из воспитательного влияния родителей, всегда восторгающихся самыми неловкими проделками своих детей. Совершенно иначе будет происходить дело между детьми, они не любят комплиментов и жалости. Какой-нибудь «малыш», сколько-нибудь изощрившийся в индустрии, будет беспощаден к отсталым; в то же время «карапуз», осыпаемый насмешками, не осмелится сердиться или плакать, потому что он встретит град еще более злых насмешек или его вытурят из залы.

Этот способ увлекать и тренировать ребенка воздействием авторитета товарищей, авторитета для него привлекательного и потому способного вызвать полное его повиновение, является чем-то совершенно новым в деле воспитания и основывается на стимуле, который мы назовем восходящим и постепенно усиливающимся духом корпоративного очарования (le charme corporatif ascendant et gradué).

Короче говоря, истинным воспитателем ребенка, способным вызвать в 30 месячном «карапузе» священный огонь индустриального соревнования, является компания других детей, старше его на $^1/_2$ года или на год, *стоящих выше его по своему рангу и отличиям*. Когда какой-нибудь «карапуз» или «малыш» обегал в течение дня полдесятка подобных групп, испытав на себе их насмешки, то он ясно почувствует, чего недостает ему в познаниях и, никем не подталкиваемый, он сам побежит к патриархам, чтобы выслушать их наставления и указания *).

После этого ему мало повредит, если родители раньше, чем он ляжет в постель, будут производить над ним свое вредное влияние, уверяя его, что с ним были слишком строги, что он прекрасный

*) См. Th. de quatre mouv., 28 — 36 и Le Nouv. Monde Ind. et soc., стр. 181.

мальчик, что ему нет равного. Вся эта болтовня проскользнет мимо его ушей. Впечатления пережитого дня для него убедительнее. Он чувствует себя униженным, вследствие насмешек «малышей», в обществе которых он провел день; напрасно родители станут его уверять, что «малыши», оттолкнувшие его от себя,— варвары, враги приличного общества и нежной природы. Все эти пошлости, изрекаемые родителями, останутся без всякого влияния на душу ребенка, и, возвратившись на следующий день в серистер «малышей», он будет помнить только о вчерашнем афронте; и в результате окажется, что не отец исправляет ребенка, а ребенок — отца, потому что ребенок постарается исправить тот вред, ту порчу, которые отец причинил ему накануне; он это исправит, удваивая свои усилия, чтобы выйти из состояния неразвитости, которую он сознал, благодаря живому примеру своих сверстников и товарищей, старших его на $^1/_2$ года или год.

Впрочем, для порчи детей у родителей будет мало удобных моментов, так как в мастерских родители встречаются с детьми только начиная с колена «херувимов»; «карапузы» и «малыши» будут работать в отдельных мастерских для маленьких; наконец, родители настолько будут увлечены своими занятиями и интригами, что им будет не до детей. За детьми в мастерских будут наблюдать члены колен «патриархов», «уважаемых» и «почтенных». Что же касается «херувимов», то они в строе Гармонии будут достаточно тренированы, чтобы не бояться этой порчи; выговоры и наставления они будут получать от «серафимов» и, в свою очередь, будут их делать «малышам» *).

Некоторые выводы из вышеизложенного. — Итак, заключает Фурье, как видно из вышеизложенного, пятилетний херувим будет уже основательно знаком с несколькими индустриальными областями и будет самостоятельно зарабатывать средства к существованию. Но для достижения этого, необходимо соблюдать условия, которые уже указаны выше и которые сводятся к следующему:

1) Хоры «малышей», «херувимов» и «серафимов» должны быть распределены по возрастам и по талантам на три категории каждый хор. Такое разделение, если принять еще во внимание разделение по полам, рождает двусложное соперничество, еще не столь заметное среди «малышей», но уже сильное среди «херувимов» и «серафимов», благодаря допущению их к большим маневрам и мелким культурам.

2) Развитие «херувимов» и «серафимов» должно вестись преимущественно в области материальной, а не духовной. Не должно стремиться, как ныне делать из шестилетнего малыша скороспелого умника и педанта; прежде всего нужно в нем развить сноровку

*) См. Th. de l'Unité univ., стр. 30 — 34.

Опера и ее роль в воспитании. Верный своим воспитательным воззрениям, Фурье набрасывает чрезвычайно оригинальную и далеко не беспочвенную программу развития чувственной природы ребенка.

Обращаясь к чувственной природе ребенка, Фурье находит, что из всех пяти внешних чувств, у него наименее развито чувство осязания, вернее говоря, наименее развита жажда осязательных ощущений. У ребенка половое чувство спит; не проявляется или мало проявляется самое могучее орудие этого чувства — осязание. Точно также ребенка мало интересуют прочие удовольствия, связанные с чувством осязания, как-то: удовольствия, доставляемые тонким бельем, мягкой постелью или креслами; он одинаково хорошо устраивается на деревянном стуле и великолепно спит на жесткой постели, и не очень чувствителен к неудобствам грубых тканей, если он с младенчества не развращен нежным воспитанием. Зато ребенок сильно подвержен действию остальных четырех чувств, из коих два активных — вкус и обоняние — должны воспитываться на кухне, а два пассивных — зрение и слух — в опере.

Но в опере ребенок-гармониец является не только зрителем, но прежде всего участником.

Фурье берет современное ему понятие оперы, но настолько его расширяет и углубляет, что создает уже нечто совершенно новое и оригинальное. Это новое должно было казаться ересью представителям музыкально-артистического мира того времени, для которых, впрочем, проекты Фурье прошли совершенно незамеченными, из чего мы видим, что и в этой области Фурье опередил современное ему общество на целое столетие. В самом деле, то понятие театрального действия, которое мы встречаем в театральных исканиях нашего времени, и именно действия, основанного на непосредственном единении артистов и зрителей и превращающего, таким образом, самих зрителей в участников пьесы,— это понятие, но в расширенной степени, Фурье переносит на оперу. У Фурье участниками оперного действия являются почти все члены фаланги; особо почетное место он при этом отводит детям.

Фурье определяет оперу, как совокупность всех элементов размеренной материальной стройности (de tous les accords matériels mesurés), в которой должны принимать участие все без различия пола и возраста. В опере, по его словам нужно различать следующие отрасли: 1) пение или размеренный человеческий голос; 2) игру на инструментах или размеренный искусственный звук; 3) поэзию или размеренное слово; 4) жест или размеренную телесную экспрессию; 5) танцы или размеренное шествие; 6) гимнастику или размеренное

движение; 7) живопись или размеренное украшение; 8) механику или размеренное геометрическое расположение. Все эти упражнения составляют стройный механизм, основанный на законах математики.

В современном строе опера служит лишь для легкого развлечения и в большинстве случаев ведет к расточительности и разврату; в сосьетарном же строе «опера» будет дружеским союзом людей, постоянно встречающихся в самых различных трудовых сериях. Опера, которая теперь связана с такими большими расходами, ничего не будет стоить или будет стоить очень мало в сосьетарном строе, где сама фаланга выделит из своей среды певцов, танцоров, художников, и где, в конечном счете, почти все члены фаланги, за исключением самых бездарных, будут ее участниками. Таким образом, в каждой фаланге будет до 1.200 исполнителей, пригодных для той или иной цели, для той или иной функции во всеобъемлющей организации искусств — музыки, поэзии, художества, мимики, танцев, декламации и пр.,— которая называется оперой.

Опера приучает ребенка к ловкости и стройности во всех физических его движениях, а эти качества благоприятно влияют на его самочувствие и здоровье и являются, таким образом, необходимым условием внутренней роскоши. С другой стороны, опера, приучая ребенка с младенческих лет к всевозможным гимнастическим и хореографическим упражнениям, подготовляет надежных и умелых работников для работ в сериях, где ритмичность и стройность в работе являются не только желательным, но большей частью необходимым элементом, без которого будет тормозиться целесообразность организации труда и его производительность. «Опера», таким образом, является необходимой для воспитания внешней роскоши, т.-е. индустриальной ловкости, ведущей к приобретению богатств. «Опера», следовательно, является чрезвычайно важным вспомогательным средством воспитания. Она будет развивать детей не силой принуждения, а единственно только привлекательностью всех своих элементов, так как в ее ведении находятся все физические упражнения, столь любимые детьми, начиная с ружейных приемов и кончая качанием кадила, все световые эффекты, разнообразные живописные костюмы, музыка, танцы и пр. *).

У нас в опере, говорит Фурье в другом месте («Теория всемирного единства», ч. IV) допускается в очень малой степени, или совершенно не допускается гимнастика; этот жанр искусства очень любим народом и потому вытеснен во второстепенные народные театры. По-моему, в этом следует видеть не усовершенствование, а порчу вкуса. Все материальные проявления Гармонии благородны; но так как гротеск, головоломные

*) См. Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 76 и далее и Nouv. Monde industr. et soc., стр. 223 — 224.

прыжки, хождение по канату и т. п. нравятся народу, то уже в силу этого они должны были быть отвергнуты нашими высшими кругами. Гимнастика вновь станет всеобщей любимой отраслью искусства в строе, где высшие и низшие классы образуют одно целое по тону и манерам.

В строе цивилизации,— говорит далее Фурье,— опера, если допустить ее доступность для широких слоев, может давать одни только отрицательные результаты в деле воспитания. В настоящее время она не только неспособна содействовать нравственному развитию народа, но является одним из средств дальнейшего раскола между богатыми и бедными. Даже для богатого ребенка современная опера представляет опасность в воспитательном отношении. В самом деле, созерцание этого объединения изящных искусств возбуждает у него энтузиазм к благородным и возвышенным идеям; проникшись таким настроением, ребенок должен вернуться к жалкой действительности, т.-е. к общению с миром низости и нравственной испорченности. Такая двойственность не может содействовать созданию нравственного и счастливого индивида.

Ребенок строя Гармонии не подвержен этой опасности. Он выходит из оперы, т.-е. из храма материальной правильности (justesse materielle), чтобы окунуться в жизнь фаланги, т.-е. в океан страстной правильности (justesse passionnelle), проявляющейся в сериях и группах, где он видит, как каждая страсть содействует социальному согласию, истине, единству, материальной картиной которых является опера. Опера, таким образом, будет содействовать развитию тех нравов, которые являются основой жизни в Гармонии; опера, следовательно, будет компасом мудрости в воспитании, между тем как теперь она является обманчивым огоньком, сбивающим с пути.

Быть может, замечает наш автор, мне сделают упрек, что я хочу превратить весь мир в комедиантов. На это я отвечу следующее. Во-первых, комедиантов не будет, раз все люди станут таковыми; во-вторых, разве современное воспитание не делает из людей социальных арлекинов, разве у нас не жонглируют мужчины честностью, а женщины любовью и верностью? Наша система воспитания порождает политических и моральных скоморохов и фигляров, недостойных даже имени комедиантов, которое в точном смысле этого слова означает художника, верного природе и истине.

Фурье считает воспитание в опере необходимым для детей, начиная с самых младших возрастов. Ни один малыш не будет допущен в хор «херувимов», пока он не приобретет способности выступать в одной из отраслей оперного действия. Чтобы подготовить к этому детей с колыбели, чтобы развить в них правильный слух, в оперу приводят детей, начиная с 2-хлетнего возраста, для чего должны быть отведены более отдаленные ложи в театре.

Некоторые делают против устройства оперы то возражение, что это слишком дорогое удовольствие. Устройство театра и в особенности оперы, дорого обходится даже большим городам; тем более она будет не по силам фаланге. На это я отвечу, что опера обойдется недорого фаланге, у которой будут свои каменщики, плотники, кузнецы, одним словом вся необходимая рабочая сила,— материалы же можно будет получить в кредит. Что касается артистического состава, то в каждой фаланге будет не меньше 1.200 своих собственных артистов, каждый ребенок в фаланге с колыбели будет воспитываться на театральных подмостках, каждый будет в состоянии выполнить какую-нибудь функцию в области музыки, хореографии, декламации, или механики. Недостатки в местных силах будет пополняться странствующими труппами.

В строе Гармонии будут смотреть, как на природный недостаток, если ребенок в 4½ года не будет обладать правильным голосом, верным слухом и чувством ритма. Но таких дефектов не будет, так как ребенок с колыбели будет воспитываться в музыкальных хорах, и всякая группа будет иметь свои канты и гимны, которыми она будет начинать и кончать работу, как теперь начинают пением день в монастыре.

Что касается нравственного значения оперы для ребенка, то она будет для него школой морали в образах. Здесь молодежь будет учиться отвращению ко всему, что оскорбляет чувства истины, справедливости и единения. В балетных фигурах и в хоре всякий будет подвергаться критике со стороны правильности голоса, жестов и движений, Здесь каждый будет учиться подчинять свои действия и движения в общей гармонии. Опера, таким образом, является материальной школой единения, правильности и истины. В этом смысле она является образцом божественного духа, истинной опорой нравов в Гармонии.

Благодаря постоянному общению фаланг в области театрального искусства и благодаря странствующим труппам, опера будет содействовать единению в области языка. Все ведет к единению в строе Гармонии, а язык, это — главное звено в этой широкой цепи *).

Говоря об опере, скажем несколько слов о том, каков будет вообще театр в строе фаланги, согласно изображению нашего автора.

Самым лучшим поприщем для развития талантов всех родов,— говорит наш автор (в «Теории четырех движений»),— будет театр, так как сценические упражнения являются путем к изучению всех наук и искусств и даже механики, имеющей громадное применение на сцене.

Фурье изображает характер и значение сцены в строе прогрессивных серий. Он исходит из вышеприведенного положения, что в каждой

*) См. Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 75 — 84.

фаланге среди 1.620 человек ее населяющих найдутся все 800 (или 810) различных характеров, из коих каждый заключает в себе зародыш того или иного таланта. Умелым развитием естественных качеств посредством естественного воспитания, а потом умелым подбором и упражнением можно набрать и сконструировать в каждой фаланге театр, который по своим достоинством будет стоять не ниже парижского театра. В театральном искусстве будут участвовать все жители фаланги, начиная с детей, ибо театр является не только развлечением, но и школой искусства, и участие в тех или иных театральных действиях будут необходимым условием допущения в хоры, на парады, празднества и торжества. Таким образом, сама жизнь сольется с театром. Театр и жизнь будут черпать друг у друга свои элементы. Но если уже театр какой-нибудь фаланги по своим достоинствам будет стоять не ниже столичных театров, то можно представить себе какого великолепия достигнет театр, где будут фигурировать корифеи целой провинции, а тем более — страны. Но Фурье идет дальше; он в каждой стране создает странствующие труппы из лучших артистических сил (здесь нужно вспомнить, что, по мысли Фурье, весь земной шар будет единой империей, составляющей союз стран, кантонов и отдельных фаланг). Эти странствующие труппы он называет «chevalerie errante» (странствующее рыцарство). Он пишет: «сегодня мы будем видеть представление «Розовых трупп», прибывших из Персии и дающих представления драматического и лирического характера; несколько дней спустя являются «Лилейные труппы», представления которых носят характер поэтический и литературный. Постепенное появление этих караванов будет рядом празднеств и восхитительных развлечений для каждого любителя наук и искусств».

Вот розовые труппы прибывают в Сен-Клу в окрестностях Парижа. Их караван состоит из 300 рыцарей и 300 рыцарш. Все они родом из Персии и являются наиболее выдающимися талантами в области драмы и лирики в своей стране. В их рядах самые выдающиеся певцы и певицы, танцоры и танцорши, музыканты и музыкантши. В Сен-Клу их встречает местный рыцарский отряд, состоящий из самых богатых людей, любителей театра и музыки, образующих корпорацию для встречи странствующих трупп и для устройства им соответствующего приема.

Розовые труппы дают спектакль, прелесть которого не поддается описанию. Между тем прибывают труппы Гортензии из Мексики. Между труппами той и другой национальности происходят состязания в Сен-Клу, Нейли, Марли, одним словом всюду, где они встречаются. Те, на чьей стороне осталась победа, получают знамя с соответствующей надписью. Какое прекрасное зрелище будут представлять эти состязания наилучших артистических сил различных стран и народов, само собой понятно.

Если странствующие труппы об'явят в Сен-Клу о своем дальнейшем движении к Орлеану, то депутаты, прибывшие из фаланг, лежащих по пути, постараются увлечь ту или иную часть труппы к себе. Здесь пребывание артистов будет дивным праздником, как для них самих, так и для местного населения, которое постарается доставить прекрасным гостям максимум удовольствия, беря все расходы по их пребыванию и передвижению на свой счет.

Таким образом, что касается зрелищ,— говорит в заключение Фурье,— то самый бедный человек в строе прогрессивных серий будет безвозмездно получать в сто раз больше удовольствий, чем ныне получают монархи, потому что рядовой житель фаланги будет в продолжение всего года непрерывно видеть состязания тысячи самых знаменитых драматических и комических артистов, певцов, танцоров и музыкантов обоего пола, из коих один единственный ныне способен возбудить восторг целого города, не говоря уже о том, что теперь небольшие населенные пункты совершенно лишены театральных удовольствий и даже города с стотысячным населением не в состоянии содержать сносный театр. Какая посредственность и скука господствует в удовольствиях и развлечениях цивилизации, если сравнить их с удовольствиями и развлечениями, которыми будет наслаждаться самый маленький округ в комбинированном строе! *)

Кухня и ее образовательное значение.— «Образовательное» значение кухни! Это звучит каким то нонсенсом для уха буржуазного педагога. Фурье бесстрашно разрывает со всеми старыми понятиями в педагогической области, как и в других, и столь же бесстрашно строит свою новую воспитательную систему, исходя из вышеотмеченных основных принципов. Среди этих принципов, как уже было указано, наиболее видное место занимает следующий. Ребенок должен учиться не в школе, где ему вдалбливают в голову отвлеченную мудрость, восприятию которой противится все его существо, а из жизненной практики — при посредстве работ в мастерских, в садах, в кухне, к которым он начинает чувствовать влечение с самых малых лет. В глазах Фурье кухня, это — мастерская для изготовления пищи; она важнее всех других мастерских в образовательном отношении потому, во-первых, что здесь приходится иметь дело с растениями и животными в их естественном виде, что ведет к наглядному ознакомлению с ботаникой, зоологией, анатомией; во-вторых, что к изучению этой производственной отрасли нас толкает самый могучий стимул — чревоугодие, в третьих, что чревоугодие, как мы уже выше видели, должно явиться, с одной стороны, основой сложной гигиены, а с другой, стимулом важнейшей части производительной деятельности человека.

*) См. Th. de quatre mouv., стр. 230 — 236.

«Говорят, что дети чревоугодники, — так начинает Фурье главу (в «Теории всемирного единства») о воспитательном значении кухни. Это недостаточное выражение. Дети не чревоугодники, а обжоры, потому что чревоугодник, гурман, это — человек с тонким вкусом, умеющий смаковать пищу. Дети, вследствие своей жадности, поглощают зеленые сливы, обжираются незрелыми яблоками. Мораль хочет исправить детей, умерить их страсть к обжорству; такое «исправление» принесет им один только вред, лишив их одного из благодетельнейших стимулов. Тот, кто хочет их исправить, должен действовать другим путем: он из обжор должен их превратить в гурманов, гастрономов. Это возможно только посредством воспитания на кухне.

«Давно замечено, что повара не обжоры, а гурманы. Имея перед собой пищу в изобилии, они отвыкают от обжорства, если раньше страдали этим недостатком, и становятся разборчивыми в пище, знатоками и ценителями хороших блюд и хороших припасов. Этим путем нужно идти, чтобы привить гастрономию детям, потому что гастрономия, как выше было указано, ведет нас к богатству, группам и индустриальным сериям. Но, — скажут мне, — вы хотите сделать всех кулинарами. На это я возражу тем же, чем возразил на аналогичный упрек, сделанный мне по поводу оперы: не я хочу, а природа хочет. Сама природа вложила в детей страсть к кухне. Вы считаете эту страсть вредной, а я считаю ее полезной, благодетельной. Ибо, как может в ребенке развиться интерес к агрономии и зоотехнике, если не под влиянием кухни? Об'яснимся. Наш крестьянин выращивает овощи и домашних животных, не заботясь об их качествах, а единственно с той целью, чтобы их спихнуть обманным образом покупателю. Почему он так поступает? Потому, что в нашем строе интересы производителя и потребителя не только раз'единены, но прямо противоположны. Но в сосьетарном строе эти интересы будут об'единены, и каждый член фаланги будет заинтересован в изготовлении наилучших с'естных припасов. Где же он может научиться пониманию их качеств? Где его лаборатория? — Кухня...

«Вот почему необходимо использовать страсть детей к работе в кухне, чтобы утончить их вкусы, сделать из них самых тонких гастрономов. Вкус — это колесница на четырех колесах, которые суть: 1) культура; 2) консервирование; 3) кухня; 4) гастрономия. Все они вместе создают гигиеническое равновесие, главным элементом которого является потребление, поставленное на рациональных началах. Вот наиболее важные отрасли детского воспитания. Развивая эти стороны человеческой деятельности, мы подготовляем человека для счастья, между тем как мораль, ограничивая и исправляя человека, готовит его для печального существования, в котором вкусные блюда ему предлагают заменить нравоучительными пошлостями.

«Итак, первой школой ребенка является кухня, куда цивилизацией ему запрещен доступ. Здесь он находит маленькую посуду и необходимые припасы. Там его работа будет происходить под двойным стимулом, вследствие удовольствия, доставляемого ему маленькими приборами и вследствие страсти к вкусным блюдам. Впрочем, в более младшем возрасте на него притягательнее будет действовать страсть к сладостям, а потому его работа должна происходить в кондитерском серистере, смежном с кухней, куда он перейдет впоследствии. Кондитерский серистер — первая школа «карапузов» и «малышей».

«Насколько такое воспитание важно для будущего члена фаланги, можно видеть из любого примера. Например, существует двадцать сортов капусты. Современная мораль, стремящаяся к исправлению страстей и упрощению вкусов, т.-е. к искалечению человеческой природы, а не ее развитию и утончению, современная мораль говорит ребенку: ты должен одинаково относиться ко всем сортам капусты и даже предпочитать низшие сорта высшим, ибо добрый республиканец должен употреблять грубую пищу. Сосьетарный строй, стремящийся к разностороннему развитию человеческих вкусов, заинтересован в том, чтобы ребенок научился различать все нюансы вкусов, а этого он может достичь, пробуя и смакуя все виды капусты; тогда, конечно, он в будущем сумеет дать направление этой отрасли огородничества для собственного блага и блага своих ближних. Но этого мало. Разнообразие вкусов и их утончение, уменье различать всевозможные оттенки пищи и ими наслаждаться необходимы для того, чтобы было возможно образовать все группы, требуемые для полноты и законченности серий, и для полного развития игры страстей в них.

«Но для того, чтобы сделать кухню привлекательной для ребенка, нужно ее обставить совершенно иначе, чем у нас. Вся утварь ее должна быть трех категорий по величине: нормальная, средняя и маленькая с соответствующими нюансами в каждой категории, чтобы удовлетворить все вкусы. Ребенка мало заинтересует обыкновенный кухонный вертел, на котором жарится мясо; но если вокруг трех очагов разной величины находится целый ряд вертелов семи или девяти родов, то такая обстановка заключает в себе много привлекательного для него. «Херувимы» присматривают за вертелами наименьшей величины, на которых жарятся жаворонки, трясогузки и другие птицы малой величины; «серафимы» находятся у небольших вертелов, на которых жарятся перепела, дрозды, голуби; лицеисты и гимназисты работают у очага с средним огнем, средней утварью и средней величины птицами и т. д.

«Насколько отлична кухня строя Гармонии от современной кухни настолько же отличны друг от друга повара того и другого строя

Современный повар — низший и маловажный служащий. Повар строя Гармонии, искусство которого базируется на знании культуры растений и животных, на основательном знакомстве с соответствующими отраслями химии и гигиены, будет ученым высшего ранга и самым важным членом педагогического совета» *).

Духовное и научное образование. Как уже выше было указано, значение науки нисколько не умаляется основателем строя Гармонии. Он только изменяет метод преподавания, делая его в высшей степени предметным и наглядным, связывая его с практикой жизни и в первую очередь с трудовым воспитанием.

«Нет более распространенной страсти среди родителей, — говорит Фурье,— как стремление видеть в своих детях скороспелое развитие всех способностей. Чтобы достичь этого, наши современные теории стремятся заполнить ум ребенка всякими научными тонкостями, заставляя его с шести лет заниматься такими вещами, к изучению которых он должен приступить только с двенадцати лет.

«Сосьетарный строй тоже стремится к скороспелому развитию способностей ребенка, но он будет при этом сообразоваться с естественным ходом вещей, согласно которому: 1) воспитание телесное должно предшествовать воспитанию духовному и 2) воспитание должно следовать системе сложной скороспелости, а не простой, которой придерживается современная педагогия. Эта педагогия зиждется на простом методе воспитания духовного или телесного. Первое заключается в том, что в ребенке стремятся преждевременно развить все духовные способности в ущерб телесным; благодаря этому, нарушается естественное равновесие, что можно видеть на примере таких чудо-детей, как Паскаль, Пик де ля Мирандоль и других подобных гениев, умерших преждевременной смертью. Простое материальное воспитание стремится к развитию тела в ущерб душе. Молодых людей, воспитанных по этому методу, мы тоже встречаем немало в наше время; их прототипом можно считать Томаса Диафурю — сына» (наш Митрофанушка. *А. А.*).

Этому одностороннему скороспелому развитию Фурье противопоставляет скороспелое сложное развитие; оно заключается в том, что ребенок развивается одновременно физически и умственно на основе индустриального труда.

«Чтобы воспитать детей по методу скороспелого сложного развития, — говорит Фурье, — нужно с самого юного возраста привлечь их к материальному труду, который при нынешнем строе

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 102 — 115.

не представляет собой ничего приятного. Ученье должно занимать второе место; оно должно базироваться на той любознательности, которая рождается из индустриальных занятий.

«Например, Низю 6 лет увлекается уходом за фазанами и гвоздикой; он принимает активное участие в интригах фазаньей и гвоздичной групп. Чтобы заставить его заняться наукой, ни в коем случае не следует прибегать к отцовскому авторитету или страху наказания, или привлекать его приятной перспективой наград и привилегий. Нужно так поставить дело, чтобы Низю и ему подобные сами просились в школу. Как же это сделать? Нужно действовать на чувства — этих естественных руководителей ребенка. «Почтенный» Теофраст, который в фазаньей группе руководит «херувимами» и помогает им своими советами, принес в один из сеансов толстую книгу с картинами различных видов фазанов, разводимых в данном кантоне и в других более отдаленных местностях. Подобные картинки чрезвычайно нравятся детям пяти лет; они жадно набрасываются на подобные коллекции. Под картинками находятся коротенькие об'яснительные описания; два-три таких описания прочитываются детям; заинтересованные, они хотят познакомиться с остальными; но «почтенный» или «серафим», стоящие во главе данной группы, заявляют, что у них нет времени останавливаться на этих об'яснениях. Это, конечно, хитрость, применяемая в серистерах младшего возраста. Все сговариваются отвечать «херувиму», что у них нет времени заниматься этими об'яснениями и отказываются ему отвечать, когда он обращается с вопросами, подчеркивая при этом, что если он хочет все знать, он должен научиться читать, как такой-то и такой-то из его сверстников, которые, умея читать, уже допущены в детские библиотеки. Давая такой ответ нашему «херувиму», книгу с прекрасными картинками уносят в школьную библиотеку.

«Под влиянием подобного двойного афронта в фазаньей и гвоздичной группах, Низю решает научиться грамоте, чтобы быть допущенным в детские библиотеки, и иметь возможность читать толстые книги с красивыми картинками. Он сообщает о своем намерении своему другу Эвриалу и они вместе составляют благородный заговор научиться грамоте. Свой замысел они открывают кому-нибудь из старших, который приходит им на помощь; таким образом, цель достигнута; наш «херувим» привлечен к обучению грамоте не насилием и приказом, а собственным желанием; его не заставили учиться, а он сам просил об этом; его быстрые успехи наглядно докажут преимущества этой системы».

Здесь мы воспользовались особенной любовью детей к раскрашенным картинкам, изображающим предметы, коими они особенно интересуются, вследствие их связи с работами, в которых они участвуют

Этот побудительный мотив окажется достаточным, чтобы вызвать в ребенке желание научиться читать. Присматриваясь внимательнее к этому мотиву, мы находим в нем двусложные побудительные элементы, из коих два материального и два духовного свойства: 1) сильное стремление познакомиться поскорее с об'яснениями под указанными картинками; 2) связь между этими картинками и животными или растениями, в уходе за коими участвует «херувим», привлеченный к обучению грамоте; 3) желание перейти из под-хора «полу-херувимов» в под-хор старших «херувимов», куда не допускаются безграмотные; 4) насмешки со стороны старших «херувимов», любящих пошутить над отсталыми.

«Пустите в ход подобные побудительные мотивы двусложного свойства, и успехи будут столь же быстры и верны, насколько они медленны и сомнительны при тех средствах, к которым прибегают в настоящее время, каковы приказ отца, строгости педанта-учителя, взыскания и наказания.

«Указанный метод будет применен при преподавании всех отраслей науки; но его применение возможно только в связи с работами, которыми ребенок страстно увлечен. Вот почему воспитание должно начинаться с индустриальных работ, и нет ничего хуже простой современной системы, стремящейся сделать из ребенка геометра или химика раньше привлечения его к работам, способным возбудить в нем желание познакомиться с математикой или химией, для применения приобретенных знаний к этим работам» *).

Вот еще примеры, из коих видно, как работы в мастерских, и поле или другие стороны практической жизни будут стимулировать любознательность детей, толкая их к приобретению научных знаний.

Положим, что в какой-нибудь фаланге, напр., медонской, группа детей культивирует спаржу; в версальской фаланге существует группа детей, культивирующих то же растение. Предположим далее, что на одном из многочисленных конкурсов, устроенных кантонами, версальская группа получила высший приз за свою спаржу. Само собой понятно, что это огорчит спаржевую группу из медонской фаланги; медонцы будут крайне заинтересованы в том, чтобы узнать, чем об'ясняется успех версальцев. Тут на помощь является учитель естествознания или агрономии. Так как успех версальцев об'ясняется преимуществами почвы, то учитель этим воспользуется для того, чтобы дать детям естественно-историческое понятие о почве и ее составных элементах, а также о том, как улучшить почву на своем участке. Таким образом, помимо практической пользы, получится обогащение

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 44 — 46. См., кроме того, в той же части Th. de l'Unité univ., стр. 115 — 119.

детского ума знаниями. Повторяя такие беседы, учитель знакомит детей с начатками естествознания и до того заинтересовывает их этой наукой, что они уже сами будут стараться узнать дальнейшее из книг.

Не нужно думать, что дети занимаются только мелкими культурами; они участвуют также в крупных культурах, какова: возделывание гороха, чечевицы и т. п. Занимаясь культурой этих растений, дети должны изучить качества почвы, характер удобрений, задуматься над вопросом о влиянии температуры, чтобы узнать причины удач и неудач в этой области у себя и в других фалангах. Таким образом, ребенок становится химиком и физиком, сам того не замечая, увлеченный целиком соревнованием и борьбой групп.

К аналогичным последствиям приведет работа на кухне, в саду, в мастерских. Ребенок учится, работая. В процессе работы у него возникает ряд вопросов, на которые руководители работ отвечают систематическим научным ознакомлением с той или другой главой из естествознания или техники. Так в процессе работы дети знакомятся с основами всех наук; и если ныне у некоторых избранных натур, несмотря на антипедагогические методы ознакомления с наукой, все же возникает рвение к той или другой отрасли ее, заставляющее их отдаться избранному предмету на всю жизнь, то тем более это возможно в сосьетарном строе, где будут существовать все условия для дальнейшего научного развития и ни одного из современных бесчисленных препятствий — какими являются: отсутствие средств, сословные предрассудки, правовые и религиозные ограничения и пр.

Вот еще один пример, приводимый Фурье в доказательство того, из каких источников практической жизни в строе фаланги может стимулироваться склонность к наукам и искусствам.

«Молодая девушка любит чеснок, но не любит грамматики; родители же ее хотят, чтоб она отучилась от своей скверной привычки и учила грамматику; но это вдвойне противоречит ее естественным наклонностям. Нужно, однако, постараться дать этим наклонностям обратное направление. Находясь в одной серии за столом и в саду с любителями чеснока, она получает от Марцелла оду, восхваляющую чеснок. Сильно задетая хулителями чеснока, она спешит ее прочитать. Этим моментом нужно воспользоваться, чтобы в общих чертах ознакомить ее с лирической поэзией, с особенностями стихосложения. Вполне естественно, что она заинтересуется сначала поэзией, а не грамматикой; но одно скоро приведет к другому. Сосьетарный метод преподавания пользуется духом интриг и самыми странными наклонностями, чтобы возбудить в ребенке вкус к науке и привести его косвенным путем к тому предмету, который он оттолкнет без этих стимулов».

Противоречие между моралью и природой в деле воспитания. Фурье пользуется случаем, чтобы обрушиться на мораль и проводит параллель между ее воспитательным методом и методом, диктуемым природой. Из этой параллели видно, как велико противоречие между моралью и природой в деле воспитания.

Мораль, — говорит Фурье, — стремится основать систему воспитания детей на маленьком домашнем союзе — семье; природа же стремится основать воспитание на самом широком об'единении, — фаланге, распадающейся на группы и серии; вне этих условий нельзя образовать необходимых ступеней воспитываемых и воспитателей, которые, будучи об'единены в группы и серии, из соперничества и рвенья, наилучшим образом будут исполнять свои обязанности; вне этих условий нельзя далее создать обстановки занятий и развлечений, соответствующих многообразию характеров и темпераментов детей; необходимые для этого множество больших зал, разнообразия пособий, утвари и оборудования недостижимы в современном строе.

Мораль хочет, чтобы родители были вечной жертвой крика и рева своих младенцев; чтобы они ради своих малюток отказались от сна, регулярной работы, от отдыха. Природа же, наоборот, хочет, чтобы человек богатый, как и бедный, был избавлен от этого ада, и чтобы дети, которые при современном строе являются сущими чертенятами, были удалены в особые приспособленные для них помещения, где они будут получать гигиеническое и приятное для них воспитание, согласно сосьетарному методу, обеспечивающему спокойствие и благо родителей и детей.

Мораль запрещает отцу портить ребенка. Естественное воспитание сосьетарного строя, наоборот, разрешает ему упражняться в этом, сколько его душе угодно, ибо при вышеописанном методе выговоров, указаний и критики со стороны равных, он ничуть не рискует поддаться дурным последствиям этой порчи.

Мораль считает отца естественным воспитателем ребенка; сосьетарный строй, наоборот, удаляет его от этой роли и предоставляет дело специальным группам и сериям воспитателей и воспитательниц.

Мораль хочет, чтобы ребенка окружали десятки бабушек, тетушек, сестриц, кузин, соседок и кумушек, которые, каждая порознь и все вместе, будут ему внушать тысячу фантазий, вредных его телу и душе. Естественное воспитание не нуждается и в $^1/_{10}$ части этой клики, чтобы давать ребенку здоровое и веселое воспитание в серистере, где все будет приноровлено для развития его инстинктов, вкусов и стремлений.

Мораль хочет, чтобы дитя с пеленок было воспитано в презрении к богатству, хотя та же мораль внушает ему любовь к торговле.

Природа, наоборот, хочет, чтобы человек ценил богатство и стремился к его приобретению не путем торговли и обмана, а трудом и честностью, которые в цивилизации ведут не к богатству, а к нищете, между тем как в фаланге приводят к желанной цели.

Мораль хочет, чтобы ребенку не прививали никаких утонченных вкусов, в особенности к еде; чтоб он ел безразлично все, что ему дадут; природа, наоборот, стремится к развитию в ребенке гастрономического вкуса, который в сосьетарном строе будет способствовать чрезвычайному прогрессу земледелия.

Из сказанного ясно, что мораль, даже в своих благих стремлениях, способна только принести вред ребенку подобно невежественному врачу, который, не считаясь с природой, а руководясь несколькими схваченными налету тяжеловесными истинами, способен убить больного своими неумело применяемыми полузнаниями *).

Выгоды индустриального воспитания. Эти выгоды Фурье разделяет на 4 категории:

1. Положительные материальные. Дети 4 — 5 лет будут делать работу, которой теперь заняты люди 30 — 40 лет и будут делать ее гораздо лучше. В кухнях, мастерских, в хлевах и пр. есть тысяча мелких работ, нетрудных, требующих ловкости и быстроты, которые дети, благодаря своей подвижности, будут исполнять несравненно быстрее и лучше, чем взрослые.

2. Положительные духовные. Маленькие дети-работники являются очарованием фаланги, благодаря своей ловкости, соревнованию, участию в опере, церемониях и парадах. Это индустриальное сотрудничество детей и возникающие между ними общность и согласие будут очень важным источником для установления взаимного согласия между родителями.

3. Отрицательные внутренние. Благодаря индустриальному воспитанию, начинаемому в возрасте 3 — 4 лет и заканчиваемому в продолжение нескольких лет детства, каждый индивид выигрывает большой период юношеского возраста, который он в настоящее время тратит на подготовку к какой-нибудь профессии и тратит большей частью без пользы, не достигая цели.

4. Отрицательные внешние. Этот вид экономии очень важен и заключается в том, что сосьетарным воспитанием достигается избежание тех убытков, которые ребенок в современном строе приносит своими разрушительными тенденциями. Фурье называет современных детей дьяволятами, проникнутыми духом разрушения **).

*) Nouv. Monde ind. et soc., стр. 202 — 203.
**) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 40 — 42.

§ 7. Роль детей в строе Гармонии. — Маленькие «орды» и маленькие «банды».

Уже из предыдущего изложения видно, что дети в строе фаланги являются полезными членами общества, исполняя посильные им работы и помогая старшим вместо того, чтобы им мешать, как это наблюдается в строе цивилизации с детьми не только состоятельных, но даже беднейших классов общества.

Но этого мало. Фурье отводит детям в фаланге не только роль помощников старших, он дает им самостоятельные рабочие функции, столь важные, что дети являются чрезвычайно полезным и необходимым элементом фаланги, не переставая в то же время оставаться детьми, т.-е., не переставая относиться к своей работе, как к занимательной и приятной игре. Эти важные функции Фурье связывает с двумя особыми детскими организациями, носящими у него название маленьких орд и маленьких банд.

«Нет добродетели более редкой,— говорит Фурье,— чем патриотизм, хотя все партии любят надевать на себя его маску. Но юные души способны проявить такой патриотический пыл, на который ни в коем случае неспособны взрослые, готовые в любое время продать свои убеждения за какую-нибудь хорошо оплачиваемую должность.

«Сосьетарный строй сумеет использовать эту склонность детей к актам социального самопожертвования; он сумеет использовать молодых деятелей на таких постах, где спасуют их отцы, и прежде всего для работ, которые у взрослых людей обыкновенно вызывают отвращение. Это отвращение, которое ныне преодолевается за деньги, должно быть преодолеваемо только путем влечения в строе, где основным двигателем социального механизма будет удовольствие. Режим индустриального влечения рухнул бы, если бы он не нашел средств сделать привлекательными такие неприятные работы, которые у нас в строе цивилизации выполняются за деньги...»

«Гармоническое воспитание имеет более важную задачу, чем делать из детей молодых ученых; сосьетарный строй хочет из них сделать героев социальной добродетели, существ, преданных поддержке универсального единства. Какой смысл имело бы развить ум, не воспитав душу, приобщить детей к знанию, не создав в них нравов, соответствующих тому прекрасному строю, который должен обеспечить счастье всего человечества?

«Почему — спрашивает в другом месте Фурье — дети призваны к такой выдающейся роли в механизме общественного единения? Это потому, что дети в области аффективных страстей подвержены, главным образом, одной дружбе. Ни любовь, ни дух семейственности

не могут их отклонить от этого чувства. Только среди них можно найти дружбу во всей чистоте и использовать ее для самой благородной цели, а именно для всеобщего социального милосердия *).

«Таким образом, главной опорой социального единства, цитаделью механизма страстей, будет корпорация, состоящая из детей от 9 до 15 лет, т.-е. из двух колен лицеистов и гимназистов.

«Спешите же, философы-ригористы, и вы, добродетельные граждане, враги богатства и роскоши, я покажу вам братский союз, который в грандиозных размерах осуществит фактически то, что вы проповедуете только на словах — презрение к богатству. Среди маленьких орд найдете вы добродетель, заставляющую человека жертвовать всем своим достоянием в интересах своих сограждан и для блага отечества.

«Скажите по совести, верили ли вы, чтобы подобная добродетель действительно осуществилась когда-либо на деле. Правда, вы ее проповедуете, но вы нисколько не верите в нее, и во всяком случае не спешите ее осуществить. Сознайтесь, что Гармония поступает вполне благоразумно, ища среди детей чемпионов добродетели, одна мысль о которых заставляет бежать цивилизованных отцов».

Если мы возьмем детей, недостигших половой зрелости,— говорит далее Фурье,— то увидим, что среди мальчиков есть $^2/_3$, а среди девочек $^1/_3$, которые склонны к нечистоплотности и нечувствительны к стыдливости, они любят пачкаться в грязи и играть неопрятными предметами, употреблять грубые выражения, говорить высокомерным тоном; они склонны к упрямству, брани, сквернословию. Эти мальчики и девочки, набранные из четырех колен лицеистов и гимназистов, т.-е. из детей в возрасте от 9 до 15 лет, образуют маленькие орды.

«Вы, значит, намерены изменить страсти,— воскликнет кто-нибудь из скептиков. Нет, отвечу я,— говорит Фурье,— это вы, недальновидные политики, стараетесь их переделывать в своих трактатах о «совершенном совершенстве». Посмотрим, кто из нас занимается переделкой человеческих страстей.

«Всем хорошо известна страсть к нечистоплотности у детей 10 — 12 лет. Моралисты говорят, что нужно стремиться к исправлению этого недостатка, наказывать их, когда они пачкают свою собственную и чужую одежду, или наносят грязь на учительскую кафедру.

«Вы, значит, говорите о неблаговоспитанных детях, скажет какой-нибудь моралист, но есть ведь другие дети с иными наклонностями.

---

*) Фурье верно подметил эту особенность юношеского возраста, когда человек, свободный от материальных уз и семейных забот, более способен на бескорыстные поступки и даже самопожертвование, благодаря чему, молодежь играла и играет такую выдающуюся роль в общественном движении. В фаланге, где воспитание детей будет общественным с самой колыбели, указанные особенности, по мнению Фурье, распространятся и на более молодой детский возраст.

Без сомнения, есть; я использую наклонности таких детей для организации маленьких банд. Но не подлежит сомнению, что до 12 лет $^2/_3$ мальчиков и $^1/_3$ девочек склонны к нечистоплотности; а потому тот, кто не задается целью переделывать страсти, должен найти средства использовать эти странные вкусы, которые природа вложила в половину детей. Из этой наклонности, которую моралисты считают пороком, Гармония при посредстве маленьких орд извлечет очень ценные выгоды для установления социального равновесия. Моя теория заключается в том, чтобы использовать страсти, самые на первый взгляд неприятные, в том виде, как их дала природа. В этом заключается все волшебство, весь секрет исчисления влечения страстей. Нет надобности спорить о том, был ли бог прав или неправ, дав людям те или иные страсти; сосьетарный строй использует их, ничего в них не изменяя, такими, какими их дал бог...»

«Откуда берется страсть к грязи и нечистоплотности у детей 10 — 12 лет? — спрашивает далее Фурье. Является ли она результатом плохого воспитания, недостаточных внушений? Нет, ибо, чем более вы будете выговаривать им за эту наклонность, тем с большим усердием они будут ей предаваться. Есть ли это природная испорченность? Но тогда нужно предполагать, что сама природа испорчена. Если же, наоборот, естественная система распределения влечений правильна во всех деталях, то значит, что все инстинкты, считаемые порочными, должны иметь очень полезное применение. Цивилизация не дает нам ключа для разрешения этой загадки, об'яснение которой мы находим в следующем: мания нечистоплотности есть импульс, необходимый, чтобы заставить детей вступить в маленькие орды, вооружить их способностью легко и весело переносить неприятные ощущения, связанные с грязными, работами и дать им возможность из карьеры неопрятности (de cochonnerie) сделать себе широкое поприще индустриальной славы и унитарной филантропии. Мания нечистоплотности, господствующая среди детей, есть своего рода дикий плод, который нужно рафинировать при посредстве двух стимулов — религиозного духа единения и корпоративной чести» *).

Организация маленьких орд. Маленькие орды состоят из трех отделов — двух основных и резерва или вспомогательного корпуса. Фурье называет эти отделы очень странными названиями; два основные отделения он называет «хвастунами» и «негодяями» (sacripants и chenapans), а резерв — «сорви-головами» (garnements).

«Негодяи» увлечены грязными работами; «хвастуны» — опасными, требующими ловкости; «сорви-головы» участвуют в тех и других.

*) Th. de l'Unite univ., ч. IV, стр. 156 — 159.

Женские части орд прислуживают на скотобойнях, выполняют самые неприятные работы в комнатах, кухнях и прачечных.

Одежда маленьких орд должна заключать элементы смешного и варварского. Например, для парада они надевают венгерские костюмы, состоящие из доломанов и широких панталон; их шарфы и пояса украшены железными кольцами, звенящими при всяком движении; кольца эти должны быть пустыми внутри, чтобы не быть тяжелыми. Тот же вкус должен господствовать во всех других предметах — колесницах, упряжи и пр.; залы для собраний украшены фестонами из железных колец. Но все эти грубые украшения характеризуют только внешность, ибо по существу маленькие орды очень услужливы и любезны.

Маленькие орды выезжают на маленьких лошадях, какие ныне встречаются только в Исландии или Корсике. Для пробной фаланги их трудно будет найти, потому что в цивилизации ими не интересуются и не умеют их использовать; но в Гармонии такие лошадки будут иметь большое значение, так как без них невозможно образовать маленькой кавалерии, необходимой принадлежности маленьких орд и маленьких банд.

Моралисты, быть может, скажут: для детей полезнее идти пешком. Пусть лучше моралисты посоветуют пешее хождение своим министрам и высшим чиновникам; но они наверно откажутся это сделать под тем предлогом, что министры и высшие власти должны импонировать народу, а для этого они должны раз'езжать в роскошных каретах. В Гармонии же, наоборот, министры будут ходить пешком, а дети, составляющие маленькие орды и банды, будут ездить на лошадях, образуя маленькую кавалерию. Почему? А потому, что дети старших колен должны импонировать детям младших возрастов в материальном отношении своей блестящей внешностью, а в моральном — своими благородными поступками, это — основной принцип воспитания в строе Гармонии.

Маленькие орды применяют татарский строй; они маршируют блоками или кругами, где в свободном центре находится древко с орлом или львом. Двенадцать блоков, называемых облаками, образуют вихрь

Орды имеют свой корпоративный язык или арго, свою маленькую артиллерию, своих генералов, называемых ханами и ханшами — татарскими названиями потому, что они применяют татарские маневры в своем строе. Они имеют также своих бонз или друидов, выбираемых из среды взрослых, сохранивших склонность к грязным работам и примкнувших к ордам; друиды и друидессы руководят работами маленьких орд. Чтобы быть допущенным в их сословие, нужно проделать 12 кампаний в индустриальных армиях.

Главным украшением маленьких орд служит двухцветная одежда, которую носит каждый участник орд; при этом нужно наблюдать, чтобы ни у кого эти цвета не повторялись в одинаковой комбинации, например: лазоревый долман, малиновые панталоны; розовый долман, изумрудные панталоны; фиолетовый долман, канареечные панталоны; горчичный долман, мореновые панталоны.— Таким образом, если отряд маленьких орд состоит из 50 всадников и всадниц (образующих три «облака» — два мужских и одно женское), то одежда этих всадников должна состоять из 100 цветов, возможно артистичнее контрастированных, причем цвета одной фаланги должны отличаться от цветов соседних фаланг, так что на собрании орд 4 фаланг должны фигурировать 400 цветов, умело расположенных и сгруппированных. Эту роскошь цветов не следует считать излишней; необходимо, чтобы маленькие орды производили сильное впечатление на детей, с которыми следует разговаривать при посредстве глаз.

«Вот эти то маленькие орды призваны победить величайшего владыку мира — презренный металл, проще говоря, деньги. Маленькие орды — универсальное противоядие против жадности; они призваны положить конец всем препирательствам в вопросах материального интереса и водворить господство единства, вместо раздоров вокруг золотого тельца.

«Вы, философы прекрасные моральные теории которых, в продолжение 3000 лет разбивались в прах этим презренным металлом, вы, наконец, возмечтали одержать над последним победу путем избирательного бюллетеня, который сам оказался лишним стимулом продажности. Мы же укротим это чудовище посредством легионов детей. Маленькие орды будут одни бороться против презренного металла и заставят его склонить голову перед гражданской и религиозной добродетелью — милосердием» *).

Но борьба с презренным металлом — косвенное назначение маленьких орд. Их прямые непосредственные функции — грязные, неприятные и опасные работы; исполнение этих работ — их главный гражданский подвиг.

«Их место всегда на самом опасном пункте. Они спешат туда, где чувствуется ослабление индустриального влечения. Если в какой-нибудь отрасли ослабнет индустриальное влечение, серия рушится, а с ней в конце концов — фаланга. Скажут: есть же, однако, такие работы, которые способны возбудить одно только отвращение; такова, например, работа по очистке выгребных ям. Нужно стремиться преодолеть это отвращение и при отсутствии прямых привлекательных средств прибегнуть к косвенным».

---

*) Th. de l'Unité, univ., ч. IV, стр. 138 — 147.

Таким косвенным средством является дух, господствующий в маленьких ордах.

Маленькие орды выступают на трудные работы, об'единившись из 3 — 4 соседних фаланг, и образуя несколько когорт. Когорты поднимаются очень рано — в 4 час. утра; четверть часа продолжается ранний завтрак, затем после религиозного гимна и торжественного парада они в 5 час. выступают на работу. Бьют в набат, воздух оглашается звуками колоколов, гремят трубы, трещат барабаны, собаки завывают и скот мычит. Тогда орды, под предводительством своих ханов и друидов с громкими криками устремляются вперед, проходя мимо патриархов, которые их окропляют. С неистовством они принимаются за работу, которую они выполняют как дело милосердия, службу богу и единству.

После работы — омовение и туалет, после чего до 8 часов члены орд рассеиваются по садам и мастерским; затем они со своими «коллегами» торжественно восседают за завтраком; там каждая орда получает дубовый или терновый венок, которые они прикрепляют к своим знаменам; а после завтрака они садятся на своих лошадок и отбывают каждая в свою фалангу.

Среди функций маленьких орд не последнее место занимает починка дорог и содержание их в должном порядке. Большие дороги в Гармонии являются своего рода «залами единения», а так как одной из главных функций маленьких орд является поддержание единства, то обязанность следить за порядком и чистотой на дорогах лежит на них. Только благодаря маленьким ордам большие дороги в строе Гармонии будут более тенисты, чем аллеи наших садов, они будут не только обсажены деревьями и кустами, но также украшены цветами, их тротуары будут летом ежедневно поливаться. Если дорога вдруг будет испорчена обвалом или дождем, то большой колокол бьет тревогу и маленьие орды немедленно выступают в путь и немедленно принимаются за исправление повреждений, ночью — при свете факелов.

Хотя труд маленьких орд самый тяжелый, так как стимулируется не прямым, а косвенным влечением, они, однако, получают самое ничтожное вознаграждение; они совсем отказались бы от вознаграждения, если бы это допускалось в фаланге. Само собой понятно, что члены маленьких орд могут заработать много денег в других сериях, где они получают долю наравне со всеми; но в качестве членов маленьких орд они получают очень небольшое вознаграждение. Мало того, собранные ими средства, они редко обращают в свою пользу, а обыкновенно употребляют на улажение недоразумений при дележе прибыли. Хранительницы социальной чести, они должны раздавить голову змее как в вопросах моральных, так и материальны.

и очищая страну от пресмыкающихся, они очищают общество от еще худшего яда; посредством своих денег они подавляют всякую вспышку жадности, способную разрушить серию, а с ней и фалангу. Они умеют употреблять к действительному благу общества самоотречение, предписываемое христианством, и презрение к богатству, проповедуемое философией.

За это их вознаграждают бесконечными почестями. Маленькие орды — первая кавалерия в свете; они участвуют во всех войсках сосьетарного строя; высшие власти приветствуют их прежде всех; маленьким ордам всюду воздаются почести, принадлежащие суверенам; при их приближении сигнальная башня приветствует их звоном во все колокола, а над куполом дворца поднимают знамя. К члену орды в парадном костюме обращаются с титулом «великодушный»; орды пользуются титулом «славных туч»; в храме члены орд занимают места в алтаре.

Маленькие орды начинают все работы индустриальных армий; без них армия не может приступить к работе. Они являются охранителями царства животных (как маленькие банды — царства растений). Тот, кто причинит вред четвероногому, птице, рыбе, насекомому жестоким обращением или заставив его страдать более, чем нужно, на бойне, обязан предстать перед судилищем молодых орд; и если это даже будет взрослый или пожилой человек, то тем хуже для него, он окажется перед судом детей, доказав этим, что он по уму стоит ниже детей, ибо в фаланге все убедятся, что животные только тогда приносят наибольшую пользу, когда с ними надлежащим образом обращаются и хорошо за ними ухаживают; а потому человек, который плохо обращается с существом, неспособным отплатить ему тем же, должен считаться ниже животных, которых он мучит *).

Таким образом, замечает Фурье, только благодаря маленьким ордам осуществится принцип братства, о котором столь бесстыдно мечтали философы и политики. В самом деле, если бы, как и ныне, выполнение грязных и отвратительных работ производилось за деньги, то эти работы стали бы уделом беднейших членов фаланги, к которым более состоятельные, а тем более богатые, стали бы относиться с презрением; беря на себя указанные работы, маленькие орды уничтожают этот повод к нарушению в фаланге дружеских отношений, которые будут существовать во всех индустриальных группах, где будут перемешаны люди разных степеней состоятельности.

«Итак — заканчивает свои рассуждения Фурье, — я мало-по-малу выплачиваю долг моралистам. Я обещал осуществить в строе Гармонии

*) См. Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 148 — 156. — О маленьких ордах см. также Nouv. Monde ind. et soc., стр. 207 — 214.

склонность к неопрятности, грязи, грубости, сквернословию и проч. В такой же степени он стремится использовать на благо своей фаланги другие черты детского характера, встречающиеся преимущественно у девочек, а именно: склонность к чистоте и порядку, красивым нарядам и изящным манерам. Обладающие этими особенностями дети образуют «маленькие банды», которые стремятся внести элементы изящного, тонкого, прекрасного в одежду, жизненный обиход и людские отношения, а также в фабричное производство и земледельческую культуру, а с другой стороны, развивают в своих сочленах вкус к литературе, искусствам и наукам.

Если большинство мальчиков, — говорит Фурье, — склонно к нечистоплотности и беспорядку, то большинство девочек имеет стремление к нарядам и изящным манерам. Согласно закону противоположности в маленьких бандах будет $^2/_3$ девочек и $^1/_3$ мальчиков. Эта треть мальчиков будет состоять или из таких скороспелых умов, как Паскаль, который с самых ранних лет имел ясно выраженное призвание к науке, или из тех женственных типов, которые с 9 лет чувствуют склонность к изнеженности и сибаритству. Понятно, что подобные мальчики откажутся от вступления в маленькие орды и войдут в противоположную корпорацию, в большинстве состоящую из девочек. Здесь мальчики отдают себя под руководство девочек, не только потому, что последние здесь в большинстве, но главным образом, вследствие того, что статутом этой корпорации является аттицизм (тонкость вкуса), тон, противоречащий тону малых орд. Если одна из этих корпораций славится своим уменьем преодолевать материальные препятствия, другая должна обнаружить такие же способности в духовной области. Вот почему маленькие банды отличаются более всего в науках, культурах и изящных производствах.

Мотивы своих костюмов маленькие банды заимствуют у различных эпох — у рыцарства и романтизма, у древности и современности; но костюмы должны быть различны в различных фалангах. Так, если банда из Сен-Клу присвоила себе костюм трубадура, то банда Марли берет для себя афинское одеяние и т. д. В этом отношении маленькие банды отличаются от маленьких орд, имеющих один костюм для целой провинции, но индивидуальных цветов для каждого члена. До тех пор, пока фаланга не в состоянии будет обзавестись зебрами для кавалерии маленьких банд, последние ездят на карликовых лошадках. У них прямолинейный строй в противоположность криволинейному строю маленьких орд.

Итак, отличительная особенность маленьких банд заключается в том, что в них будет господствовать вкус, свойственный женскому полу, а в особенности страсть к нарядам. Наших дам упрекают

в любви к безделушкам и тряпкам. Этот недостаток, если считать его действительно таковым, даст благодетельные результаты в фаланге. Какой-нибудь моралист, прочтя эту фразу, с сомнением покачает головой и заявит, что он решительно не понимает, как можно из порока извлечь добродетель. Мы ему ответим: это возможно, если стремление к нарядам из индивидуальной страсти превратить в коллективную.

Маленькие банды являются охранителями социального очарования, пост менее блестящий, если угодно, чем тот, который предназначен для маленьких орд, но не менее полезный, как увидим дальше. Давая должное развитие этой мании к нарядам, мы получим следующую кадриль чудес: 1) индустриальную утонченность; 2) царство хорошего вкуса; 3) «сложное» просвещение; 4) «сложную» дружбу. Из единения этих элементов рождается социальное очарование и энтузиазм фаланги к ее работам. Как уже было сказано, маленьким бандам принадлежит охрана растительного царства. Всякий, кто обломает дерево, сорвет по небрежности или не имея на то право, цветок или плод, или будет топтать растения, тот отвечает перед судом маленьких банд. Как героини и герои хорошего вкуса и индустриальной утонченности и охранители растительного царства, участницы и участники маленьких банд особенно покровительствуют цветам, являющимся об'ектами очарования и утонченности. Маленькие банды в такой же степени заботятся о цветах, в какой орды о больших дорогах. На маленьких бандах лежит обязанность доставки цветов для алтарей и общественных зал.

Эта функция маленьких банд может вызвать осуждение наших ригористов, по мнению которых цветы бесполезны. Грубейшее заблуждение! В том-то и дело, что природа хочет посредством страсти к цветам привлечь женщин к земледельческой культуре, ибо от работы в цветниках они скоро перейдут к работе в фруктовых садах, огородах, оранжереях. Но для начала культура цветов является наилучшей школой агрономического просвещения детей и женщин. В виду указанной цели, в маленьких бандах будут смотреть на усовершенствование цветочной культуры, как на вопрос корпоративной чести; будут установлены премии за лучшие породы и экземпляры, и в каждой фаланге будет учреждена академия цветочных игр.

В строе Гармонии цветы в клумбах будут предметом таких же воспитательных забот, как и цветы в школах, ибо гармонийцы понимают, что все об'единено в плане природы и что если мы неспособны утилизировать склонность к цветоводству для того, чтобы превратить ее в любовь к земледелию вообще, то мы не сумеем утилизировать также цветы духовные, родить из склонности к изящному склонность к добру.

Так как сосьетарный режим стремится к об'единению всех видов труда и установлению между ними такой связи, чтобы из одного вида рождался другой, то не нужно огорчаться тем, что часть детей будет заниматься делом, которое с первого взгляда кажется легкомысленным; эта на первый взгляд малоценная работа приведет их к самым полезным видам труда. Чтобы всесторонне развить индустриальный гений, необходимо, чтобы часть детей отдавалась красоте и изяществу, ибо, возбуждая этим социальное очарование, они стимулируют социальное влечение. Заботясь об украшении всего кантона, будучи творцами социального очарования, хорошего вкуса и тона единения, маленькие банды получают часть функций, принадлежащих французской академии; они следят за чистотой языка и правильностью произношения.

Само собой понятно, замечает по этому поводу Фурье, что такие права и привилегии послужат для рыцарей и рыцарш маленьких банд стимулом к основательному изучению языка и литературы. Кроме этой привилегии они будут иметь еще ряд других; например, им принадлежит преимущественное право производить работы по убранству и украшениям в храмах и опере, во время парадов, празднеств и пиршеств; без маленьких банд никто не имеет права приступить к подобным работам.

К сказанному Фурье прибавляет: если Гармония некоторыми почетными уступками хочет привлечь маленькие орды к работам, вызывающим отвращение, то необходимо другими привилегиями привлечь маленькие банды к умственной деятельности, в особенности в области литературы, искусств и изящной промышленности. Указанная корпорация, состоя преимущественно из женщин, должна взять на себя все физические и духовные работы, не требующие большого физического напряжения, но требующие изящества и вкуса.

Подобно тому, как маленькие орды выбирают среди старших членов общества «друидов», маленькие банды выбирают из среды взрослых в качестве сотрудников и руководителей «корибантов» и «корибанток». Собираясь в экспедиции, маленькие банды соединяются с большими бандами, выделяющими из своей среды «странствующих рыцарей».

Подводя итоги деятельности маленьких орд и маленьких банд, мы видим следующее. В то время, как маленькие орды борются с разрушениями, производимыми стихиями, безвозмездно берут на себя все неприятные и грязные работы, чем содействуют уничтожению кастового духа, уничтожению препятствий для сближения богатых с бедными,— маленькие банды направляют все внимание на то, чтобы сделать жизнь в фаланге приятнее, прекраснее, изящнее. Для этого

они стремятся развить в группах и сериях всевозможные нюансы вкусов и наклонностей, чем и придают им законченность, делая более тонкой и острой игру страстей и в особенности борьбу на почве соревнования. В то же время происходит и развитие самих детей, участвующих в маленьких бандах; они развивают в себе вкусы и наклонности, делающие корпорацию банд резервуаром, из которого фаланга будет черпать артистические и научные силы. Орды и банды являются, таким образом, противоположностью и дополнением друг друга. Первые идут к прекрасному, делая добро; вторые, наоборот, идут к добру, делая прекрасное.

Этот контраст действий — универсальный закон природы, во всей системе, которой мы находим «противовесы» сил, выражающиеся в движении прямом и обратном, в колебании восходящем, и нисходящем в световом отражении и преломлении, в силах центростремительных и центробежных. Этот принцип, распространенный во всей природе, эта игра противоположностей прямого и обратного, абсолютно неизвестны в цивилизации, которая всегда своими «простыми» методами стремится направить воспитание на «простой» путь и в то же время приноравливает его ко всем моральным требованиям всех каст, к различным системам в зависимости от смены министерств, беря сегодня своим идеалом — Брута, завтра — Цезаря *).

§ 8. Любовь и брак в переходные периоды в строе Гармонии. — Любовное совершеннолетие. — Любовные корпорации (дамуазели, галантные, независимые). — Любовные степени (фавориты, женитеры и супруги). — «Весталат» и «Дамуазелат». — Свободная любовь, как фактор расцвета индустрии.

Уже из вышеизложенной критики любви в строе цивилизации и из основных принципов системы Фурье, где все основано на свободном влечении, с очевидностью вытекает, что наш автор должен быть сторонником полной свободы любви, иначе говоря безусловным противником всякого вида насилия и принуждения в этой области. Несмотря, однако, на то, что подобный взгляд на любовь вытекает из общих воззрений нашего автора, он при обосновании своей теории любви и ее системы в строе Гармонии, исходит не только из априорных принципов, но в значительной степени из об'ективной необходимости, выводимой им из особенностей человеческой природы и из властных велений социальной эволюции.

Исходя из анализа человеческой природы, Фурье приходит к выводу, что современная моногамия противна человеку, которому она

*) См. Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 166 — 185; о малых «бандах» см. также Nouv. Monde ind. et soc., стр. 214 — 218.

навязана насилием. Опираясь на данные социальной эволюции, он доказывает, что свободная любовь, лежащая в основе первобытных серий, должна возродиться в усовершенствованном виде в строе Гармонии, т.-е. в строе усовершенствованных серий; связывая формы любви с прогрессом индустрии, он утверждает, что свобода любви есть плодотворнейший стимул для ее расцвета.

Как мы выше видели, из трех «верховных связующих» страстей — кабалиста, папильона и композита — Фурье наибольшее значение придает папильону, т.-е. страсти к порханию или разнообразию, которую он называет связующим звеном для двух других страстей и, следовательно, главной в троице «верховных» страстей.

Разнообразие — вот психофизиологический стержень механизма воздвигаемой Фурье системы «страстных» серий. Соревнование (интриги) и энтузиазм — крайне необходимые для нее двигательные силы; но без последовательно проведенного принципа разнообразия они теряют все свое значение; вот почему Фурье называет разнообразие «душой интриг».

На разнообразии, как мы видели, основана организация труда в сериях, смена трудовых сеансов, переход от сельско-хозяйственной работы к ремесленно-фабричной, от работы в мастерских к работе в поле и саду; на разнообразии основано участие каждого члена фаланги во множестве групп (до 30—50); на разнообразии основана гигиена труда и, следовательно, здоровье труженика. Без разнообразия невозможно осуществление идеи привлекательного труда и, следовательно, всей социальной системы Фурье. Тому же принципу разнообразия подчинена и вся индивидуальная жизнь человека — питание, развлечения, наслаждения, для которых однообразие — губительный яд. Наконец, принцип разнообразия лежит в жизни всей природы.

Происхождение многих пороков в строе цивилизации Фурье об'ясняет отсутствием разнообразия в удовольствиях и развлечениях. Вследствие этого отсутствия разнообразия и уменья его организовать, люди предаются целиком одной страсти — обжорству, пьянству, разврату, игре в карты и пр. В строе Гармонии принцип разнообразия будет основой развлечений и удовольствий его членов. Здесь дело будет поставлено так, что удовольствия будут организованы сериями, участники развлечений получат несколько удовольствий одновременно по принципу композита, т.-е. соединения чувственных удовольствий с эмоциональными и духовными, или по принципу перехода (parcours) от одного удовольствия к другому.

«Стремление к разнообразию или непостоянство,—говорит Фурье—может быть пороком только в цивилизованном обществе, которое во всем идет в разрез с природой, но в действительности эта страсть

является потребностью для всех ее царств. Расы и народы нуждаются в перемене, разнообразии, скрещивании, — в противном случае они вырождаются. Почвы тоже нуждаются в плодосмене; хлебный злак не уродится надлежащим образом в следующем году на той же почве, и даст лучший урожай на новой ниве. Желудок тоже подвержен этой страсти к непостоянству; периодические перемены блюд обостряют аппетит и облегчают пищеварение. Точно также сердца подвержены этой потребности в разнообразии, и если мораль уверяет, что это порок, то опыт с несомненностью подтверждает обратное, а именно, что это — потребность» *).

Да, закон разнообразия властвует над человеком в деле любви не меньше, если не больше, чем в других областях. Цивилизованные не потому отказываются от следования этому естественному зову, что предпочитают моногамию, но потому, что этого требуют их экономические интересы, положение в обществе, условия семейной жизни; одних удерживает от нарушения супружеской верности страх огласки, других — опасение болезней, третьих — отсутствие средств, четвертых — страх перед женой. Освободите людей от всех этих внешних пут, — и вы увидите, с каким восторгом они отдадутся той свободе любви, к которой их влечет страсть. Солидные голландцы, отличающиеся у себя на родине образцовой нравственностью, заводят в колониях гаремы из женщин всех национальностей... Нередко можно видеть, как женатый человек, обладающий красавицей-женой, одаренной к тому же прекрасными душевными качествами и хозяйственными способностями, разоряется для какой-нибудь потаскушки, необладающей и десятой долей физических и духовных качеств его законной жены. В чем причина этого парадоксального и нелепого на первый взгляд явления? Причина в том, что ему надоело кушать одно и то же блюдо... Внимательное изучение феномена любви показывает, что основная его пружина — стремление к разнообразию.

Фурье рисует картину тайных похождений парижан, чтобы показать, на какие низости и коварства толкает людей (безразлично мужчин и женщин) современный брак, создающий уродливые условия для удовлетворения потребности любви, потребности, в основе которой лежит стремление к свободе и разнообразию.

Но вот в дело вмешиваются философия и мораль, стремящиеся изменить человеческие страсти и убедить людей, в особенности женщин, что их назначение — верность в браке; что к этому назначила нас природа, что это соответствует правилам высшей человечности, что за это ждут нас награды в загробной жизни.

---

*) Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 410 (сноска).

Теперь, — говорит Фурье — вообразим себе, что можно было бы найти средство заставить всех женщин без исключения соблюдать требуемое от них целомудрие так, чтобы ни одна женщина не могла предаваться любви до брака и принадлежать после брака никому, кроме своего мужа; это значило бы, что каждый мужчина, в продолжение всей своей жизни, мог бы обладать только одной женщиной, своей законной женой. Интересно было бы выслушать, что запели бы мужчины перед такой перспективой быть вынужденными пользоваться всю жизнь любовью одной только женщины, которая с первого дня брака может возбудить в них отвращение? Я уверен, что всякий мужчина в глубине души склонен был бы подать голос за умерщвление автора подобного проекта, грозящего уничтожением любовных связей, и наиболее пылкими противниками такого порядка оказались бы сами философы, большие любители адюльтера и запретной любви. Ясно, что все мужчины, крайне враждебны к требуемым моралистами правилам целомудрия, и что счастье мужчин находится в прямой зависимости от степени выполнения или невыполнения женщинами предписаний морали и супружеской верности. Их строгое соблюдение привело бы в отчаяние всякого мужчину, не исключая и философов, которые, будучи большими прелюбодеями, чем прочие мужчины, более всего пострадали бы от торжества сочиненных ими любовных запретов, как они пострадали в 1789 году от приложения на практике их политических систем.

Доказательством этого — говорит Фурье в другом месте,— может служить Ж. Ж. Руссо, проповедывавший для женщин семейное затворничество и сознававшийся в то же время, что он был пылкий поклонник куртизанок и снисходительных красоток, вдаваясь при этом в детальное описание прелестей тех из них, которые проявили к нему свою снисходительность. Как бы он мог пользоваться подобными развлечениями, если бы все женщины, следуя его предписаниям, жили всю жизнь с одним только мужчиной — их законным мужем? Вот каковы философы! Они декламируют против богатства, радостей и удовольствий, а сами набрасываются на них во-всю под предлогом, что они должны все испытать, чтобы быть в состоянии преобразовать и устроить на нравственных началах мир. Насквозь проникнутые таким эгоизмом, могут ли они измыслить, или создать какой-нибудь план любовных реформ, благоприятный для женщин? *)

Если, таким образом, требование разнообразия и свободы в деле любви с необходимостью вытекает из свойств человеческой природы, то с неменьшей необходимостью оно диктуется социальной эволюцией.

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 204 — 205 и 191.

На заре человечества люди жили сосьетарным строем, но более упрощенным в сравнении с аналогичным строем грядущего; этот строй «черновых серий» (series ébauchées) Фурье, как было указано, называет эденизмом. Люди в ту эпоху были мощны, сильны были их страсти; жизнь длилась около 150 лет, из коих более ста люди могли отдавать любви. При таких условиях не могло быть речи о принудительном сожительстве с одной женщиной или одним мужчиной в продолжение всей жизни. Периоды, сменившие эденизм, были, с одной стороны, прогрессом, а с другой — деградацией; прогресс заключался в развитии промышленности, деградация — в ухудшении всех форм общественных отношений и индивидуальной жизни. Первобытная социальная свобода заменилась социальным насилием, женщина попала под гнет мужчины, потом в гарем, наконец, в двойственное положение рабы-госпожи нашей эпохи; свобода любви исчезла, заменившись сначала многобрачием, затем гаремным строем, наконец, двойственностью любовных отношений нашего времени, представляющих наружно единобрачие, а в скрытом виде — многобрачие. Во все эти периоды любовь находится под знаком насилия, извращающего ее проявления, вредно отражающегося на жизни обоих полов, но преимущественно женщины. В грядущем сосьетарном строе человечество вернется к первоначальной свободе любви; но эта свобода будет красивее и изящнее первобытной свободы, так как она будет иметь своей базой всестороннее развитие индустрии и все, что может дать культура для ее украшения и утончения.

Фурье несколько раз — правда, вскользь — высказывает ту мысль, что каждому строю соответствует свой закон любви или своя любовная система, и что этот закон или систему нельзя нарушить, пока существует строй их поддерживающий.

Так, возражая тем, которые с религиозной точки зрения оспаривают его взгляд на любовь и брак, Фурье рассуждает следующим образом.

Единобрачие и семья установлены богом для строя цивилизации, но это не значит, чтобы подобные отношения бог захотел сохранить и тогда, когда мы выйдем из «строя лжи и раздробленной индустрии» и перейдем в сосьетарный строй, т.-е. в строй господства истины и индустриального об'единения. Предположить подобные вещи,—говорит Фурье,—значит ставить границы всемогуществу бога. Во-вторых, те, которые утверждают, что богу угоден только моногамный нерасторжимый брак, не знают путей божьих в этом вопросе. Разве он не разрешил патриархам конкубинат и свободу развода, равную полигамии? Затем он на горе Синае дал евреям другой закон, приспособленный к жизни евреев в тот период. Позже он прислал мессию, чтобы

изменить еврейские обычаи, каковы обрезание и др., которые уже перестали соответствовать его взглядам. Отсюда можно заключить, что и ныне, при переходе от цивилизации к сосьетарному строю, бог может захотеть изменить отношения любви и брака, установив порядок, соответствующий новому строю.

Из сказанного следует, что если бог запретил в цивилизации непостоянство и множественность любви, то это не значит, что подобные любовные отношения ему абсолютно противны, так как он их разрешил Якову и другим патриархам, жившим при другом социальном строе; а потому весьма возможно, что когда мы выйдем из строя цивилизации, бог нас освободит от законов, предписанных им для этого строя и восстановит любовные обычаи, которые он считал допустимыми в первобытные времена.

Фурье идет еще дальше. Что может быть богопротивнее, чем кровосмешение? спрашивает он. Однако, бог допустил кровосмешение при самом сотворении мира, когда поставил Каина, Авеля и Сета в необходимость жениться на родных сестрах; если бы он в ту эпоху считал кровосмешение таким грехом, он бы с самого начала создал, кроме Адама и Евы еще одну человеческую пару, дав, таким образом, возможность детям Адама и Евы иметь жен, происходящих от других родителей. Значит, для первого периода жизни на земле бог предпочел в любовных отношениях кровосмешение. Не станем вдаваться в мотивы, которыми при этом руководился творец; достаточно для нас, на основании всех приведенных фактов заключить, что по мысли бога все любовные обычаи (как и другие удовольствия) суть только временные, изменчивые и переходные формы *).

Ту же мысль, хотя и в косвенной форме, Фурье высказывает в следующем отрывке, где он говорит о воспитании женщины.

«В каждый период, замечает он, молодежь должна получать воспитание, соответствующее этому периоду, так, чтобы она относилась к существующим нелепым сторонам жизни с должным уважением. Поэтому в строе варварства приходится женщину воспитывать, как животное, внушая ей, что она не имеет души, дабы она не противилась продаже ее на рынке и запиранию в гареме. Точно также в строе цивилизации нужно притуплять ум женщины с детства, чтобы приспособить ее к философским догмам, брачному рабству и той степени уничтожения, которая требует, чтобы она покорялась игу супруга, характер которого совершенно расходится с ее собственным. Поэтому я бы не одобрил варвара, который стал бы воспитывать

*) См. Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 79 — 84.

своих дочерей для строя цивилизации, в котором они не будут жить, и не менее отрицательно отнесся бы я к цивилизованному отцу, который стал бы развивать в своих дочерях склонность к духу свободы и разума, которые будут господствовать в шестом и седьмом периоде, в которые мы еще не вступили *).

Излагая свои любовные реформы, Фурье не раз подчеркивает, что эти реформы соответствуют периодам, в которых производство и распределение материальных благ, управление, воспитание, одним словом, все стороны жизни организованы на совершенно иных, чем у нас, началах; а потому, как он говорит, не следует ни удивляться этим обычаям ни возмущаться ими, а нужно считаться с обстоятельствами, при которых они возникли.

Итак, насколько мы могли убедиться из вышеизложенного, Фурье, при обосновании своей теории любви, исходит, во-первых, из анализа человеческих страстей и, во-вторых, из социальной эволюции, выдвигающей те или иные формы любовных отношений, сменяющиеся в зависимости от характера социального строя данного периода.

У Фурье, наконец, есть еще довод, который, по его мнению с несомненностью подтверждает, что моногамия, существующая ныне, благодаря особенностям нашего социального строя, совершенно противна человеческой природе. Этот довод очень прост. Свободная любовь, несмотря на все запреты законодательства, морали, религии и общественного мнения, фактически существует в строе цивилизации, правда, в уродливых, иногда курьезных, чаще, трагических формах, но все же существует. Но во что обходится подобная «свобода» человечеству, в особенности женской его половине? — Вот вопрос, который не может не волновать всякого члена современного общества, в большей или меньшей степени являющегося ее жертвой.

Фурье отводит много страниц изображению уродливостей современных любовных отношений как «законных», так и «незаконных», и нужно признать, что после критики торговли, это — самое остроумное и саркастическое из всего им написанного **). Представление об этой критике нами дано в соответствующем параграфе главы I (критики строя цивилизации), где нами приведены, насколько позволяют размеры этого сочинения, более или менее значительные отрывки из этой критики ***).

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 220.

**) Анализ злоупотреблений, являющихся результатом коммерции (здесь под коммерцией, как видно из дальнейшего, Фурье подразумевает вообще хозяйственную жизнь) и брака,— вот двойной путь, открывшийся человеческому духу, чтобы подняться к гарантиям истины и справедливости. Th de l'Unité univ., ч. III, стр. 85.

***) Вопросы любви и брака трактуются нашим автором, главным образом, в следующих местах его сочинений: Th. de quatre mouv., стр. 157 — 223 и 257 — 271. Th. de l'Unité univ., ч. III до стр. 110 и ч. IV; Nouveau Monde ind. et soc.; стр. 225 — 244.

Любовь и брак в переходные периоды. Фурье не только среди утопистов, но и среди всех писателей, пропагандировавших идею свободной любви, замечателен тем, что предложил конкретные мероприятия для ее осуществления.

Как и в своих теоретических рассуждениях, Фурье и здесь стремится оставаться по возможности на об'ективной почве. Прежде всего он соблюдает постепенность в проектируемых им мероприятиях, предлагая сначала реформы для переходного периода, потом уже для строя Гармонии.

Период, переходный от цивилизации к Гармонии, носит у Фурье название полуассоциации, потому что семейная ячейка здесь не уничтожена окончательно, только путем кооперирования отдельных семей у нее отнята значительная часть хозяйственных и воспитательных функций. Этому периоду соответствует строй любовной полусвободы или любовных гарантий. Фурье, правда, при изложении своей любовной системы названного периода не показывает, насколько рекомендуемые им мероприятия вытекают из социально-экономической сущности этого периода. Он более оперирует с психологическими мотивами; но сама идея постепенности, так сказать, половинчатости этих мер им подчеркивается, как соответствующая половинчатости переходного характера социального строя.

Картина любви, набрасываемая им для строя Гармонии, как мы увидим дальше, очень красочна и даже остроумна, но в ней нет цельности; она дана нам в виде отдельных контуров и мазков, по которым, впрочем, не трудно воспроизвести целиком его художественный замысел и дорисовать недостающее.

С первого взгляда может показаться, что Фурье не обнаруживает должной последовательности в проведении идеи свободной любви, прибегая к «сдержкам» и «противовесам». Но, в действительности, это не так. Прежде всего нужно подчеркнуть, что Фурье является сторонником свободы любви, но не разнуздания любовной стихии; он поэтому выдвинул известную организацию этой свободы, без которой любовная свобода превращается в любовную анархию. Все создаваемые им «сдержки» и «противовесы» в форме различных корпораций с разными правами вытекают из общих принципов организации фаланги, где все проявления жизни заключены в однотипные ассоциации, между которыми игрой разнородных страстей поддерживается необходимое для равновесия целого притяжение и отталкивание.

Сознавая всю щекотливость своей задачи и исходя из принципа смены периодов, наш автор ищет ту лестницу постепенности, которая необходима для перехода к полной свободе любви сосьетарного строя. Заметим тут же, что в нижеприведенных мероприятиях для переходного

периода он имеет в виду прежде всего освобождение женщины, потому что мужчины фактически свободны в рассматриваемом отношении. Конечно, это освобождение женщины должно сыграть громадную роль и в жизни мужчины, так как, благодаря предлагаемым реформам, мужчина будет получать честным путем и из чистого источника то, что он до сих пор получал, или путем обмана и вероломства, или с вредом для своего кошелька и здоровья из грязного источника откровенного или замаскированного разврата.

Анализируя отрицательные стороны современной любовной системы, Фурье приходит к выводу, что одной из главных причин, создающих эти отрицательные стороны, является «любовное смешение». Под «любовным смешением» (confusion amoureuse) Фурье подразумевает существующий в цивилизации обычай, «согласно которому в любви не различают никаких градаций добродетелей и пороков...» Например, если речь идет об адюльтере, то всякая супружеская неверность заслуживает одинакового наказания в глазах философов, призывающих громы небесные и земные на голову женщины за малейшую вину. Между тем в прелюбодеянии, как и во всем, существуют градации. Сближение с бесплодной женщиной или женщиной уже беременной, одним словом, всякое единение, результатом которого не является беременность представляет собой только легкое прегрешение; нужно отличать эти нюансы от адюльтера действительно преступного, каков, например, адюльтер, приводящий к распаду семьи или к водворению в нее чужеродных отпрысков. Отказываясь от допущения таких различий, смешивая и осуждая целиком и огульно все виды адюльтера, их сделали все одинаково извинительными, на все их распространили снисходительность общественного мнения, заслуживаемую только некоторыми. Общественное мнение, преследуя насмешками обманутого мужа и окрестив его названием рогоносца, дошло до крайностей, относясь с извинением и покровительством к самым отвратительным проявлениям вероломства, которые законодательство смешивает с самыми легкими проступками в этой области. Цель, таким образом, не достигается, вследствие излишней несправедливости и притеснений в последнем случае. Такой образ действия приводит к торжеству в деле любви, лжи и испорченности. Если всякое внебрачное удовольствие, согласно взглядам философов, есть преступление, то не лучше ли обманывать без удержу?.. Между тем, если допустить градации добродетели и порока в любовных делах, то это привело бы к возникновению лойальных нравов, способствующих торжеству правдивости и не препятствующих любовным удовольствиям...» *)

*) Th. de quatre mouv., стр. 206 — 207.

Современный строй,— рассуждает далее Фурье,— не в состоянии вообще внести соответствующих градаций в любовную жизнь человека или, вернее говоря, в вопросе о нарушении любовной морали, начиная с зарождения в молодом человеке полового чувства. Таким образом, если мораль резонно воспрещает девушке-подростку любовную свободу в ожидании, пока, достигнув достаточной зрелости, она не соединится законным браком с человеком, которого она сама изберет или за которого ее выдадут родители, то запреты той же морали становятся вредными и даже преступными, если они распространяются на девушек, которые, выждав соответствующий период, все же не получили на свою долю законных мужей.

На основании вышесказанного, Фурье предлагает для переходного периода следующие мероприятия.

В качестве первой меры он предлагает установление для девушек любовного совершеннолетия, которое начинается по достижении ею 18 лет. С указанной точки зрения все девушки делятся на две категории: несовершеннолетних или юниц (jouvencelles) до 18 лет и совершеннолетних или эмансипированных (émancipées) старше 18 лет.

«Первой мерой справедливости по отношению к женщинам,— говорит Фурье по рассматриваемому вопросу,— было бы признание за ними права на любовное совершеннолетие, чтобы освободить их с определенного возраста от унижения быть выставленными на продажу и лишенными утех любви до тех пор, пока не явится какой-нибудь неизвестный, чтобы прицениться к ним и совершить брачную сделку. Я того мнения, что женщин следовало бы с 18 летнего возраста об'явить свободными, установив соответствующие правила, которым они должны подчиниться пользуясь предоставленной им любовной свободой.

«До 18 лет женщина переживает четыре года полной зрелости. Этот период, я полагаю, достаточен, чтобы мужчины, живущие в одном с ней городе или кантоне, могли обдумать, подходит ли она для них в качестве жены или не заслуживает этой чести.

«Раз мужчины, согласно закону более сильного, требуют, чтобы девушке было запрещено всякое наслаждение любовью, дабы она сохранила себя целомудренной для первого оболтуса, который захочет к ней прицениться, то не следовало ли бы установить выход из этого положения для тех, которые в конце концов не нашли приобретателя? Не следовало ли бы после испытания в продолжение нескольких лет, пустить их в обращение, разрешив им позаботиться о себе, как они найдут нужным, и взять себе на законном основании любовника, которого они все равно берут без этого разрешения. Та, которая

не нашла себе мужа в продолжение четырех лет показывания себя на балах и гуляньях, на праздничных обеднях и проповедях, рискует навсегда остаться незамужней. Причины, вследствие которых она не привлекла благосклонности мужчин, в продолжение указанного испытательного периода, останутся неизменными и после этого срока. Наконец, если брак в цивилизации считается полезным учреждением, то следовало бы к нему побуждать мужчин опасением, что все девушки, оставшиеся незамужними после 18 лет, не принесут им в браке целомудрия.

«Установление любовного совершеннолетия было бы мерой не только справедливой, но и целесообразной,— говорит далее наш автор.— Известно, что молодые девушки, не успевшие до 20 лет выйти замуж, делаются предметом насмешек со стороны мужчин. Над их одиночеством смеются, их осыпают сарказмами и двусмысленностями; под влиянием общественного мнения они принуждены нарушить закон и взять себе *любовника*. Мужчины настолько злы, настолько несправедливы по отношению к женщинам, что преследуют их своими насмешками, безразлично, сохранили ли они свою девственность или потеряли это бремя в возрасте, когда нести его становится слишком тяжело» *).

Вторым мероприятием, предлагаемым Фурье, является учреждение любовных корпораций (corporations amoureuses).

Согласно вышесказанному, всякая женщина, достигшая 18 лет (любовного совершеннолетия), получает известную свободу в любовном отношении. Фурье предвидит возможность и необходимость градаций этой свободы и спешит урегулировать эти градации правилами закона и общественного мнения.

Поведение девушки, достигшей любовного совершеннолетия, может быть различно в зависимости от суб'ективных и об'ективных обстоятельств. Нужно считаться с различиями натур, склонностей, вариаций в любовной судьбе. Одни, более склонные к постоянству, однообразию и прочности семейной жизни, могут предпочесть брак; другие решатся на менее прочную связь, потому ли, что им не удалось найти постоянного мужа и закрепить его за собой законом, или потому, что они не захотят себя закабалить; наконец, третьи, склонные по своей натуре и особенностям своей половой сферы к более интенсивной любовной жизни, предпочтут отдаться более широкой любовной свободе. В виду указанных обстоятельств, Фурье предлагает всех достигших любовного совершеннолетия женщин разделить на три главные корпорации. Эти корпорации суть:

---

*) Th. de quatre mouv., стр. 197 — 198.

1) Супруги, живущие только с одним мужчиной, согласно с законами цивилизованных; 2) Дамуазели *) или полу-дамы, имеющие право менять своих сожителей, лишь бы они жили одновременно только с одним, при чем прекращение сожительства должно быть обставлено известными гарантиями; и 3) Галантные, для коих любовные правила отличаются еще меньшей строгостью.

Каждая из этих трех корпораций подразделяется на три разряда или оттенка, являющиеся как бы переходными ступенями из одной корпорации в другую. Каждый город или кантон ведет именные списки всех совершеннолетних женщин с распределением их по корпорациям и разрядам, как ныне ведутся метрические записи брачущихся. Каждая женщина имеет право по своему усмотрению оставить одну корпорацию и перейти в другую, подчиняясь ее правилам.

«Этот порядок,— говорит наш автор,— на деталях которого было бы слишком долго останавливаться, осуществил бы большинство реформ, которые мы безуспешно стараемся ввести в любовные отношения; например, он сделал бы невозможным обольщение девушек и оставление их без поддержки. Если мы видим такое большое число девушек, прозябающих всю жизнь в ожидании мужа или предающихся необузданному разврату, то это происходит от того, что мужчины имеют возможность посредством бесконечных отсрочек женитьбы злоупотреблять нравящимися им девушками, которые этому покоряются, не видя конца своей печальной девственности. Но раз этот срок будет ограничен 18 летним возрастом, у обольстителя не будет шансов добиться преждевременно своей цели. Если какая-нибудь несовершеннолетняя уступит исканиям своего поклонника, она будет отвергнута или взята под подозрение в бесчестии корпорацией юниц. По достижении юницей 18 лет искатель должен будет определенно высказаться о своих намерениях, рискуя своим промедлением заставить девицу перейти в корпорацию дамуазелей, дающую ей право выбрать себе сожителя по своему усмотрению. Она, конечно, не изберет того, кто своим ухаживанием возбудил в ней ложную надежду на брак; это — обман, который молодые девушки не любят прощать.

«Благодаря описанному устройству, адюльтер и обман в браке будут сведены к очень ничтожным размерам. Какой-нибудь волокита будет иметь ничтожный успех у замужних женщин, которые будут взяты под подозрение даже без материальных доказательств и отнесены в разряд «подозрительных» или «сомнительных» или, наконец,

*) Damoiselle — устарелое французское слово, означающее „барышня благородного происхождения". Почему Фурье употребляет это слово в качестве термина для обозначения девиц, имеющих право менять своих любовников, это — его секрет. Мы оставляем это слово, как и следующее „galantes" непереведенными.

«вероломных», если их неверность будет констатирована. Женщины, принадлежащие к разряду «супруг», будут находиться под бдительным наблюдением корпорации «дамуазелей» и «галантных», вследствие чего ни одна женщина не осмелится вступить в брачный союз без твердого решения соблюдать верность. Вообще женитьба будет происходить в позднем возрасте, т.-е. в возрасте успокоения страстей, и брак будет сведен к своему главному назначению — быть опорой старости; брак будет удалением от света, союзом, основанным на разуме, созданным для пожилых людей, а не для молодежи.

«Вместе с водворением такого порядка — продолжает Фурье,— исчезнут предрассудки, осыпающие насмешками всякого, женившегося на девушке, ранее принадлежавшей другому. С другой стороны, дамуазели не будут лишены уважения только за то, что имели любовников, ибо они оставались целомудренными до требуемого законом 18 летнего возраста; на них будут жениться столь же охотно, как и на вдовах, которые, к тому же, нередко имеют детей от первого брака. Если позорно быть в браке вторым обладателем, то почему же мужчины так охотно женятся на богатых вдовах, беря на себя воспитание чужих детей, которые могут происходить от различных отцов, если вдова в первом замужестве не лишена была склонности к любовным интрижкам? С такими мелочами мужчины не считаются; зато они считают себя скомпроментированными, если женились на девушке, которая, как им после женитьбы фактически пришлось убедиться, имела раньше любовную связь, хотя и бездетную. Ясно, что наши взгляды на честь и добродетель женщины носят характер предрассудка, меняющегося по воле законодателей. Достаточно поэтому одного закона, чтобы вернуть наши взгляды на вопросы любви к требованиям природы и поместить в разряд благопристойных удовольствий любовные утехи, которые смешно называть пороками, когда их позволяют себе женщины, между тем как их считают простыми шалостями, если в них упражняются мужчины. Ведь мужчина лишен будет возможности упражняться в этих «невинных шалостях», если женщина не захочет предаваться «ужасному пороку». Какое смешное противоречие, которое, впрочем, не более смешно, чем другие обычаи и воззрения цивилизованных» *).

Наиболее отрицательные стороны современного любовного строя вытекают, по мнению Фурье, из нынешнего исключительного (т.-е. заключаемого между двумя) нерасторжимого брака, брака — «лотереи», брака — «ловушки», как он его называет. В этой сделке пострадавшими могут оказаться обе стороны, но обыкновенно страдающей оказывается

*) Th. de quatre mouv., стр. 208 — 210.

более слабая сторона, т.-е. женщина. Фурье стремится создать гарантии преимущественно для женщин, а потому предлагает и в этой области свою систему постепенности.

Чтобы решиться на такую роковую сделку, как брак, определяющую на всю жизнь судьбу обеих сторон в зависимости от их здоровья, характеров, склонностей, способностей, одним словом, от всего физического и духовного склада каждой из них, нужно, чтобы обе стороны основательно изучили друг друга раньше, чем ее совершить. В настоящее время это предварительное изучение сторонами друг друга совершается или в виде более или менее длительного жениховства, или в форме наведения справок. То и другое совершенно неудовлетворительно, ибо в стадии жениховства обе стороны надевают на себя маски, а при наведении справок пускаются в ход всякие интриги и обманы. На следующий день после свадьбы новобрачный сбрасывает маску, и оказывается грубияном, эгоистом, скрягой или жуиром; или, наоборот, жена оказывается фурией, неряхой, мелочной; иногда новобрачный проникается к молодой супруге нерасположением, потому что не нашел в ней тех женских прелестей, которые надеялся найти; это нерасположение с течением времени превращается в ненависть. Вскоре на сцену выступают дрязги, вследствие обмана в приданом и других столкновений с родственниками жены, или вследствие больших расходов по дому, склонности жены к мотовству, светской жизни и пр. Наконец, брак может оказаться бесплодным, что способно ввергнуть в отчаяние обе стороны. Подобные явления происходят и в богатых семьях и в народной среде, с той разницей, что в последней они разыгрываются в более грубой форме. Только при длительном любовном сближении, когда любовники сбрасывают с себя маски и притворные нежности, они могут надлежащим образом узнать друг друга. Поэтому необходимо создать такой порядок, при котором, с одной стороны, брачная сделка не была бы непоправимым несчастьем, а с другой стороны, общество не смотрело бы на женщину, разведенную или разошедшуюся с мужем, как на испорченный товар.

Как противоядие против исключительного нерасторжимого брака, Фурье выдвигает проект прогрессивного семейного строя, сущность которого заключается в следующем.

Устанавливаются три брачные степени: фаворитов (или фавориток), женитеров (дословно «производителей») и супругов. Фавориты не имеют друг от друга детей; женитеры имеют по одному ребенку, супруги — не менее, чем по два. Только степень супругов дает исключительные права; этих прав не существует у сторон в период фаворитизма или женитерства. Сойдясь как фавориты, стороны могут легко разойтись, убедившись, что по тем или иным причинам

не подходят друг для друга; если же их взаимная склонность становится более прочной после первой стадии единения, они переходят в степень женитеров, наконец,— супругов.

«В цивилизации супруги получают по отношению друг к другу все права сразу и навсегда с момента совершения фатального обряда и на всю жизнь наслаждаются плодами своего лицемерия; вот почему большинство супругов и супруг с первых дней брака жалеют, что попали в ловушку, и в этой ловушке они остаются на всю жизнь. Таких ловушек не существует в седьмом периоде; соединяющиеся пары только постепенно переходят из одной любовной степени в другую; вначале они имеют только титулы фаворитов и фавориток с очень слабыми по отношению друг к другу правами, которых та или другая сторона легко может быть лишена, вследствие неблагопристойного поведения. При таком порядке, мужчина, желающий иметь ребенка, не рискует быть лишенным этого блага, вследствие бесплодия своей единобрачной супруги; женщина не рискует навеки остаться несчастной, вследствие ловкой игры своего жениха, который на следующий день их брака сбрасывает маску и оказывается жуиром или грубияном, или ревнивцем. Наконец, установленные выше любовные титулы приобретаются только после достаточного испытательного периода и, не давая исключительных прав, становятся для об'единившихся только стимулом, приманкой для более внимательного и деликатного ухаживания, но отнюдь не средством угнетения, каким является современный брак и то единобрачие, которое современный строй устанавливает в любовных отношениях.

«Эта короткая экскурсия в область прогрессивного семейного строя еще совершенно недостаточна, чтобы дать представление о любовной системе седьмого периода; помимо прочих деталей, следовало бы, трактуя об этом периоде, остановиться на его Любовном Кодексе и методе воспитания. Но я здесь, к сожалению, не могу остановиться на этих подробностях. Избыток добра, который,— как нетрудно предвидеть,— явится результатом этого легко осуществимого новшества дает мне право еще раз подчеркнуть два смешных обстоятельства мною уже отмеченных: с одной стороны, безрассудство философов, которые никогда не умели ничего изменить к лучшему в семейных делах а с другой стороны, плутовство и глупость мужского пола, увековечивающего брачное рабство, которого он сам становится жертвой утешаясь низкопробным удовольствием видеть женщину еще больше порабощенной и более несчастной, чем он сам» *).

Подводя итог мероприятиям, рекомендуемым Фурье для переходного периода, мы видим следующее. Фурье не задается целью ввести

*) Th. de quatre mouv., стр. 184 — 186.

в этот период что-либо абсолютно новое, реорганизовать любовные отношения на совершенно новых началах. Он не уничтожает брака и не освобождает женщину от обязанности соблюдать установленные законом и моралью любовные нормы. Он идет вслед за жизнью и стремится облечь в «законную форму» то, что выдвинуто самой жизнью. Любовное совершеннолетие и любовные корпорации могут с первого взгляда показаться мероприятиями, переворачивающими вверх дном весь существующий уклад любовных отношений; но таковыми они могут показаться только с первого взгляда. Разве в цивилизации подавляющее большинство девушек, невышедших по тем или иным причинам замуж, не вступают раньше или позже в запрещенные любовные связи, и разве замужние женщины сплошь и рядом не изменяют своим мужьям посредством мимолетных или длительных любовных интрижек? И, наконец, разве в современном обществе не существует любовной разнузданности в форме тайной и явной проституции, этой гноящейся язвы в любовной системе современного строя? Вся разница в том, что в цивилизации совершается тайно и в обход закона то, что Фурье предлагает сделать обычным и урегулировать рамками закона и морали; тогда любовь, создающая ныне такую массу драм и страданий, физических и психических расстройств, дезорганизующая общество и деморализующая индивида, приблизится к своему истинному назначению. Фурье не без основания надеется, что его реформы положат предел всей противоестественности, эксцессам, порабощению и преступлениям, связанным с уродливостями системы любви нашего времени; очень вероятно, что он недалек от истины, когда уверяет, что степень вводимой им свободы не только не увеличит любовной разнузданности, но, наоборот, создаст для нее серьезную преграду в виде урегулированных законом более эластичных, чем ныне, форм любви и брака. Чтобы убедиться, что наш автор в своих реформах имеет под собой надлежащую социальную почву, вспомним, что он предлагает свои мероприятия для шестого и седьмого социальных периодов, когда путем реформ полукооперативного полусоциалистического характера будет дана возможность женщине получать средства к существованию не только посредством «ткацкого станка, личных услуг или торговли своей красотой», и будут созданы более благоприятные условия для освобождения ее от отрицательных последствий современных неурегулированных любовных отношений.

Любовь в строе Гармонии. В строе Гармонии Фурье создает все материальные предпосылки для освобождения любви от пут буржуазного строя. Он обеспечивает всех без исключения членов фаланги прожиточным минимумом и вводит общественное воспитание детей, таким образом, совершенно освобождая женщин

от необходимости продавать свое тело в форме ли проституции явной или проституции скрытой, т.-е. проституции современного буржуазного брака. Он далее делает женщину самостоятельным равноценным мужчине работником, отводя ей все сферы физического и умственного труда наравне с мужчиной; он, наконец, делает ее равной мужчине во всех остальных правовых и социальных отношениях. Таким образом, он уничтожает возможность злоупотребления женщиной, как недоразвитым, неполноправным и несамостоятельным существом и в то же время кладет конец тому женскому безделью более обеспеченных классов, которое невольно толкает женщину на путь пустой и вследствие этого нередко развратной жизни, превращая ее человеческую сущность во второстепенный придаток к ее половой сфере.

Но и здесь любовный строй не представляет чего-либо однородного и аморфного. Фурье стремится использовать все особенности человеческой природы, чтобы создать своего рода любовные серии, т.-е. такие организации, где любовные крайности будут уравновешены противоположностями, градациями, интригами и соревнованием, одновременно к пользе индивида и коллектива.

Подобно тому, как в отношении склонности к чистоплотности и порядку, Фурье делит детей на две трети и одну треть, точно также в отношении к половому воздержанию и любовным наслаждениям, Фурье делит мужчин и женщин на следующие две неравные группы: среди молодых людей, по его мнению, две трети склонны к любовным наслаждениям и одна треть способна временно к половому воздержанию, а среди девушек, наоборот, только одна треть необузданно стремится к половым наслаждениям, а две трети способны временно к половому воздержанию. Поэтому Фурье вводит в своей фаланге следующие две корпорации: корпорацию «весталок» и «весталов», состоящую на две трети из девственниц-весталок и на одну треть из девственников-весталов, и корпорацию свободной любви «дамуазелов» и «дамуазелей», состоящую на две трети из молодых людей и на одну треть из девиц. Весталат требует от своих членов целомудрия, и поэтому каждый вступающий в эту корпорацию, дает обет соблюдения целомудрия по крайней мере, до 18 — 19 лет; наоборот, члены дамуазелата могут свободно предаваться утехам любви с того момента, как почувствуют к этому склонность. Выбор той или иной корпорации совершенно свободен. Вступивший в ту или иную корпорацию может во всякое время из нее выйти; но всякий вступивший в одну из корпораций в продолжение всего своего пребывания в ней, должен соблюдать правила и обычаи этой последней: целомудрие — в весталате, верность — в дамуазелате. И так как молодые люди в большинстве случаев предпочтут любовь воздержанию, то ясно, что число членов

весталата будет немногочисленно; зато это будут люди с твердой волей и возвышенными наклонностями.

«Гармоническое воспитание обанкротилось бы, — говорит наш автор в «Теории всемирного единства»,— если бы оно, развивая в ребенке до 15 летнего возраста принципы честности, стремление всегда поступать в согласии с правдой, с момента перехода в период зрелости ввело бы его в мир, где мужчины и женщины конкурируют друг с другом в практике разврата и где все выгоды в любовных делах как в отношении удовольствий, так и материальных благ, выпадают на долю лицемеров и лгунов. Так обстоит дело с любовью в цивилизации, насквозь пропитанной ложью, вследствие отсутствия действительной свободы, благодаря которой можно было бы использовать для полезных целей любовь, отклоняющую ныне человека от индустриальных занятий и во всяком случае не способствующую развитию влечения к ним. Гармония же стремится прежде всего к увеличению общественного богатства и не отказывается для этого прибегнуть к такому могущественному рычагу, как любовь, пользуясь двумя корпорациями, которые разными путями идут, подобно маленьким ордам и маленьким бандам, к той же цели, а именно к единению прекрасного с добром и пользой.

«Всякий индивид, достигший половой зрелости и перешедший из гимназического хора в юношеский, имеет право выбора между двумя корпорациями, как мы видели относительно маленьких орд и маленьких банд. Разница здесь только та, что для испытания способности к воздержанию рекомендуется всем начать со вступления в весталат, хотя бы для того, чтобы провести в нем несколько месяцев с правом немедленно оставить эту корпорацию, когда пребывание в ней окажется непосильным.

«Гармония предоставляет в этом отношении каждому полную свободу, но принимает необходимые меры для воспрепятствования всяким обманам в деле сохранения девственности. Всякий, нарушивший главный пункт устава весталата, должен немедленно покинуть эту корпорацию и перейти в дамуазелат. Это исключение из весталата не кладет на молодого человека и тени бесчестия и направлено не против свободы, а единственно против лицемерия и обмана, ибо всякий член корпорации должен свято подчиняться ее статутам. Таким образом, в Гармонии нельзя будет играть роль невинности, не будучи таковой, как мы это наблюдаем на каждом шагу в строе цивилизации.

«Вторая корпорация дамуазелов и дамуазелей, состоящая из молодых людей, рано уступивших искушениям любви, не имеет права являться на утренние собрания детей. Впрочем, они должны будут отказаться от этого потому, что посещают залы любовного ухаживания,

где сеансы начинаются с 9 часов вечера и вследствие этого не могут вставать рано, как дети и члены весталата, которые ложатся спать не позже девяти часов» *).

Сеансы в залах любовных ухаживаний с приятным соединяют полезное. Конечно, здесь прежде всего ищут любовных связей, но косвенным последствием этих ухаживаний является привлечение членов фаланги в индустриальные группы. Дело в том, что эти собрания посещаются не только молодежью, но и более зрелым возрастом, не только рядовыми членами фаланги, но и богачами. Как полагает наш автор, согласно закону противоположности, при свободе любви, любовные отношения будут возникать часто между юным и зрелым возрастом. Чтобы быть всегда вблизи предмета своей любви, богатый гармониец пожилого возраста принужден следовать за ним в рабочие группы и даже в индустриальные армии, где работы будут сменяться пирушками, где можно будет встречаться с членами весталата, где вечный флирт и постоянное соприкосновение с прекрасной молодежью будет поддерживать бодрое, жизнерадостное настроение в участниках работ, чрезвычайно повышая их работоспособность. Само собой понятно, что особой привлекательностью будут пользоваться члены весталата, так как зрелые люди не только более уважают девушек, сохранивших невинность, но, вследствие природного инстинкта, будут также чувствовать к ним наибольшее влечение.

Вследствие оставления утренних собраний детей и других причин, дамуазелат не будет пользоваться расположением со стороны детей, которые, наоборот, все свои симпатии отдают весталату. Все молодые хоры будут питать особенное уважение к весталату и, наоборот, нерасположение к членам дамуазелата, которые в их глазах будут равны изменникам **). В особенности сильно будет к ним нерасположение маленьких орд, которые смотрят на дамуазелат, как на падших ангелов, сторонников сатаны; они, наоборот, с особенной помпой сопровождают колесницу весталок, занимающую самые почетные места во всех процессиях. Точно также питают к весталату особенное расположение возрастные группы старше 20 — 30 лет. Таким образом, весталат пользуется особенным расположением, с одной стороны, всех младших хоров, а с другой,— всех людей зрелого возраста. Указанными преимуществами, — говорит Фурье, — весталат пользуется для привлечения членов фаланги к крупной индустрии и в индустриальные армии, о чем подробнее будет сказано дальше.

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 220 — 222.

**) Фурье здесь правильно отметил психологию детей и подростков (в особенности мужского пола), которые до пробуждения полового инстинкта относятся с презрением и даже отвращением к любовным сценкам, которые им приходится наблюдать.

Весталы и весталки, как сказано, имеют полную свободу покинуть свою корпорацию, когда они пожелают, но случаи преждевременного дезертирства будут очень редки, с одной стороны, потому, что срок пребывания в весталате очень короток, 2 — 3 года, а с другой потому, что члены этой корпорации, не будучи стеснены ни в каком другом отношении, кроме любовной свободы, будут пользоваться большими привилегиями; единственное ограничение их будет заключаться в том, что их жилища будут удалены от жилищ остального взрослого населения фаланги, чтобы не давать членам весталата повода к соблазну и сделать для них невозможной всякую любовную контрабанду. Но встреча с мужчинами им будет разрешена столь же свободно, как и членам дамуазелата; мало того, те, которые будут чувствовать к весталкам любовное расположение, имеют право за ними ухаживать в продолжение хотя и короткого срока, а именно $^1/_4$ часа от 3 до $3^1/_4$ часа утра, когда весталки, вставши со сна, отправляются на индустриальные занятия .Установив этот странный час для «титулованных» искателей, Фурье тем самым хочет принести косвенную пользу индустрии, так как ухаживатели будут поставлены в необходимость подняться на час раньше обыкновенного (обычный час выхода из спален, согласно нашему автору, 4 часа утра) и вследствие этого раньше приступить к работе.

Звание «титулованного искателя» будет даваться тому или иному мужчине после обсуждения в весталате с участием наиболее достойных членов любовного совета. Здесь будет подвергнуто подробному рассмотрению поведение мужчины, ставящего свою кандидатуру в искатели. Ему не вменяют в вину непостоянство, проявленное по отношению к другим женщинам потому, что непостоянство имеет в Гармонии свою положительную сторону; но зато стараются тщательно узнать, постоянно ли он обнаруживал в своих различных любовных связях уважение и лойяльность по отношению к женщинам, даривším ему свою любовь. И те, которые во Франции называются милыми повесами, люди, вся слава которых основана на ловком обманывании женщин, были бы не только отвергнуты, но этой участи подвергся бы всякий сколько-нибудь на них похожий *).

Фурье сравнивает свой весталат с его римским прототипом.

«Если отвлечься от жестокости римлян по отношению к провинившимся весталкам,— говорит он,— то нужно признать весьма удачной идею сделать из этих жриц предмет общего обожания, посредниц между человеком и божеством, опору общественного строя. Подобно римлянам, Гармония доверяет весталкам хранение священного огня

*) Th. de l'Unité univ., ч. IV., стр. 222 — 224.

основных добродетелей, а именно: дружбы, благородного честолюбия, любви и семейственности. Упрочение и обеспечение этих четырех добродетелей имеет громадное значение для прочности строя Гармонии. Уже на маленькие орды, как мы видели, возложены подобные функции, орды являются охранителями двух высших кардинальных добродетелей — дружбы и честолюбия; но они неспособны взять на себя эту роль по отношению к добродетелям низшего порядка — любви и семейственности *). Эта задача ложится на корпорации, состоящие из членов фаланги, достигших зрелого возраста и, главным образом, на весталок и их союзниц факиресс (в возрасте от 20 до 30 лет), но, главным образом,—на первых.

«Эта корпорация должна быть опорой всех указанных четырех добродетелей; она должна давать любви и семейственности направление, благоприятствующее торжеству дружбы и благородного честолюбия. Но все эти добродетели становятся моральными химерами, если они не являются пружинами, толкающими к индустрии и содействующими развитию роскоши. Нет социальной добродетели, не способствующей увеличению богатства. Даже спартанцы с их притворным бескорыстием и медными деньгами были союзом честолюбцев и тиранов, живших в праздности на счет илотов, которых они к тому же за их услуги вырезывали массами. Всякая корпорация, являющаяся опорой социальной добродетели, должна в то же время содействовать развитию общественного богатства. Такова роль весталок, имеющих большое влияние на ход общественных работ, заведующих созывом индустриальных армий» **).

Говоря о других функциях весталок, Фурье указывает на их участие вместе с маленькими ордами во всех важнейших общественных работах, (когда, например, требуется предупредить или исправить стихийные повреждения и т. п.). Каждая фаланга стремится иметь в своей среде наиболее выдающихся весталок, отличающихся красотой или одаренностью, или тем и другим вместе; смотря по своим качествам и услугам, оказанным фаланге, весталка носит название Прекрасной, Самоотверженной, Благосклонной и пр. Составляя цвет молодежи, весталат выбирает из своей среды комитет, который на всех парадах и церемониях занимает почетную колесницу; сидящие в ней весталки украшены драгоценностями, принадлежащими фаланге и хранимыми для этой цели. Любимые и уважаемые детьми и пожилыми людьми, весталки становятся предметом

*) Фурье считает дружбу и благородное честолюбие добродетелями высшего порядка потому, что они носят общественный характер и способствуют упрочению общественного благополучия, между тем как любовь и семейственность носят индивидуальный характер, и только фаланга будет содействовать их превращению в общественные добродетели.

**) Th. de l'Unité univ., ч. IV, стр. 229 — 231.

обожания полурелигиозного культа. Творение себе идолов является потребностью природы человека; ему нужны идолы религиозные в образе святых, идолы науки и общественности в лице знаменитых людей, память и великие дела коих он чтит. Идолопоклонство — потребность коллективная и индивидуальная. Мать делает себе идола из своего ребенка, до рождения которого она боготворила своего мужа или друга дома.

Придавая большое значение весталату, как сдержке чувственности, и стремясь сделать его возможно более привлекательным для молодежи, Фурье обещает весталам и весталкам привилегии и награды, извлеченные из его утопической фантазии; он им обещает в женихи и невесты принцев и принцесс всего мира. Теперь браки в мире монархов совершаются по политическим соображениям; принцы и принцессы женятся и выходят замуж, повинуясь не сердечному влечению, а указанию дипломатов и министров. В сосьетарном строе, когда весь мир будет об'единен в одну монархию или омниархию *), эти политические соображения при устройстве браков потеряют свое значение; тогда многочисленные отпрыски царственных фамилий сумеют руководиться при заключении брачных союзов своими симпатиями и усмотрением; они, конечно, в первую очередь обратят внимание на весталок и весталов, как на цвет молодежи; и так как они, кроме постоянных супругов и супруг, будут нуждаться в «производителях» и «производительницах», или во временных связях, то для членов весталата открывается блестящее поприще брачных и любовных уз с отпрысками царственных домов, возможность стать принцами и принцессами разных категорий. Мы неоднократно отмечали, какое значение имеют в системе Фурье все приманки подобного рода, которые можно смело отбросить, ничуть не повредив принципиальной стороне его теоретических и практических построений.

Фурье не сторонник идеальной любви наших романтиков и поэтов. Он смотрит на любовную страсть глазами реалиста. Освобождая любовь от насилия и принуждения, он в то же время не стремится подчинить ее условностям любовного идеализма, законы которого требуют, чтобы любовное сближение было непременно результатом слепого болезненного влечения, с стихийной силой бросающего одно существо в об'ятия другого. Он, конечно, ничего не имеет против подобного проявления любовной страсти, но он признает в этой области нюансы и переходные ступени. Поэтому он допускает любовные связи, более легкие и временные, возникающие на почве ухаживания

*) В этой омниархии, как выше указано, будет, по словам Фурье, громадное количество тронов разных степеней.

в форме оказания услуг, покровительства богатых бедным, сильных слабым, общности индустриальных, художественных и научно-литературных интересов.

Фурье не боится каких-либо вредных последствий от этого для нравов. Ведь, женщина свободна и равна мужчине; следовательно, в этой плоскости не может произойти порабощение ее мужчиной. Тем менее следует бояться продажности любви. Известно, что продажность любви является результатом материальной нужды, а в фаланге все обеспечены сверх необходимого; к тому же брать плату за какие бы то ни было услуги будет считаться позорным, ибо все члены фаланги за свою работу и услуги будут получать соответствующую долю из общего дохода; было бы, следовательно, вдвойне позорным брать деньги за любовь. Фурье поэтому без особой щепетильности допускает любовные отношения между двадцатилетним Себастьяном и семидесятилетней Целиантой.

Семидесятилетний возраст женщины в сопоставлении с словом «любовь» может показаться ужасным в строе цивилизации, но отнюдь не в строе Гармонии. Во-первых, в строе Гармонии женщины в 70 лет еще будут очень далеки от той степени увядания, жертвой которого они становятся в настоящее время; они будут еще достаточно красивы и привлекательны не хуже некоторых современных сорокалетних красавиц; а что возможно сохранение красоты и женственности до очень позднего возраста, доказательством служит знаменитая куртизанка Нинон, которая в 70 лет была предметом ревностного искательства мужчин самых разнообразных возрастов. Фаланга с ее гигиенической жизнью, жизнью умеренного, разнообразного и привлекательного труда большей частью на открытом воздухе, и что важнее всего, жизнью беззаботной, когда женщина будет даже освобождена от труда воспитания своих собственных детей, когда само деторождение станет гораздо реже, вследствие значительного развития женского интеллекта и развития ее организма, — фаланга, при указанных условиях будет содействовать продолжительному сохранению здоровья и красоты как женщин, так и мужчин. Во-вторых, в строе цивилизации сближение молодого человека со старухой всегда происходит на почве материальных интересов, между тем в строе фаланги такое сближение возможно только на почве чувства, если не чистой любви, то признательности как результата духовного сближения, заботливого покровительства и пр.

Почвой для любовного сближения в фаланге Фурье считает также оказывание друг другу всякого рода услуг в частной жизни. Для домашних услуг Фурье создает в фаланге серии пажей и пажесс, которые, как и все серии, получают свою долю из всего дохода фаланги на общих основаниях. Помимо обычных услуг, оказываемых всем

по положению, пажи и пажессы будут оказывать особое внимание тем, к которым они чувствуют особое расположение; они будут стремиться к тому, чтобы сделать более приятной и легкой частную жизнь лица, к которому они неравнодушны. На этой почве возможны самые разнообразные виды сближения, — от мимолетной связи до прочного союза, от легкого флирта до сильной любви *).

Мы приводим этот пример с пажами и пажессами, как характерный штрих, оттеняющий картину любви в строе Гармонии, картину, которую Фурье дает только в незаконченных контурах и отдельных мазках. Сколько в этом примере жизненного и сколько утопичного, сколько достойного слова любви и сколько отдающего низкопробной обыденщиной нашей современной жизни,— предоставляем судить самому читателю **).

Свободная любовь, как фактор расцвета индустрии. Выше мы видели (гл. II, § 8), как смотрит Фурье на брак в строе

---

*) Вот один из примеров, приводимых нашим автором в „Новом индустр. мире". „Аминта, бедная молодая девушка (une pauvre jouvencelle), одна из более талантливых членов серии цветоводства, увлечена Дамоном, богатым флориманом, работающим с ней вместе; она забывает его шестидесятилетний возраст, она видит в нем главную опору ее любимых культур. Она стремится стать к нему ближе, и так как она состоит членом группы пажесс или камеристок, она берет на себя содержание в порядке его квартиры и заботу о чистоте и порядке его гардероба (функции чистки и мойки принадлежат маленьким ордам). Аминта, таким образом, становится домоправительницей Дамона из влечения к нему. Он ей за это ничего не платит; она считала бы для себя позором и бесчестием брать деньги за свои услуги; она, как и прочие пажессы, получает долю из общего дохода, приходящегося на ее группу, ибо она не служит одному Дамону, но ему она служит с особой любовью. Ее страсть к цветочной культуре распространяется и на Дамона, который, благодаря своему образованию и богатству, является опорой этой хозяйственной отрасли.

Отсюда еще не следует, что Аминта должна стать любовницей Дамона; это совершенно не вытекает из характера ее услуг; но скорее всего нужно допустить, что между ними произойдет любовное сближение. Но если это даже не случится, Дамон все же будет пользоваться ее любезными услугами обеих указанных категорий (в цветниках и по дому) и наверно сделает ее своей индустриальной дочерью, что обеспечит ей известную долю в его наследстве". (Nouv. Monde ind. et soc., стр. 277).

**) В пользу подобных любовных методов нашего автора, с первого взгляда кажущихся очень странными, чтобы не выразиться сильнее, можно сказать следующее. Оказывание услуг, как форма ухаживания, явление вполне реальное и обыденное, и нет ничего странного в том, что Фурье старается использовать его для своей любовной системы. В то время, как в нашем обществе оно носит односторонний характер услуживания мужчиной женщине, как пережиток рыцарского служения даме, у Фурье оно становится взаимным, вследствие полного равенства обеих сторон и полной демократизации жизни в фаланге. Вполне естественное стремление стать ближе к нравящемуся существу в современном обществе встречает тысячу преград. Сколько мужчин согласились бы поступить временно лакеями, камердинерами и т. п. к женщине, которой они увлечены. Такие отношения, ныне совершенно неестественные, несогласуемые с классовым характером современного общества, недопустимые с точки зрения общественного мнения и трудно осуществимые при наших порядках, Фурье делает вполне возможными, допустимыми и достижимыми в строе фаланг, где ни одно полезное для общества и индивида занятие не может быть унизительным или позорным, и где различие между занятиями — и то только для целей вознаграждения,— устанавливается с точки зрения их полезности, трудности или легкости, приятности и т. п.

цивилизации; в этом строе брак, по мнению нашего автора, имеет двоякую цель: образование хозяйственной ячейки и воспроизведение и воспитание работника. Но, не достигая надлежащим образом указанных целей, современный брак ставит в неестественные извращенные условия удовлетворение той естественной цели, которой должно было бы служить любовное единение двух лиц противоположного пола, удовлетворение любовной страсти. В строе Гармонии, наоборот, любовь будет освобождена от всех стеснений и искусственных преград; ей не будет навязываться никаких меркантильных целей и расчетов, и именно поэтому, т.-е., вследствие своей свободы и естественности, она будет содействовать всестороннему физически-духовному развитию работников и расцвету индустрии. К этому выводу Фурье приходит чисто диалектическим путем; но в то же время он стремится подкрепить это утверждение рядом практических доводов.

С указанной точки зрения ранний период любви у нашего автора является одним из воспитательных средств, продолжением того физического и духовного воспитания, которое индивид получает в воспитательных сериях, мастерских, в ордах и бандах, где целью воспитания является развитие индустриального влечения, подготовка всесторонне развитого работника, соревнование в общественных добродетелях (преимущественно хозяйственного характера) и подчинение своего личного интереса интересам коллектива. Поэтому у Фурье глава, трактующая о ранней любви, помещена в отделе о воспитании и в «Новом индустриальном мире» озаглавлена Education de l'enfance mixte.

Что своевременное и достаточно полное удовлетворение любовной страсти способствует развитию и укреплению тела и духа, это, по мнению нашего автора, можно видеть, хотя и в несколько искаженном виде, из наблюдений над окружающей нас действительностью.

Констатируя, как много физического и нравственного вреда приносят женщине современные любовные запреты, наш автор спрашивает: «не лучше ли было бы попытаться ввести строй менее стеснительный и унизительный для женщины?» — и отвечает: Безусловно, да, потому что свобода любви развивает самые драгоценные качества в женщинах ею наиболее наслаждающихся. Этих женщин в наше время можно разделить на следующие категории: дамы высшего ранга, светские куртизанки, незамужние мещаночки.

«Под первой категорией, говорит Фурье, я подразумеваю великосветских дам, предающихся любовным связям, имеющих свободные, непринужденные манеры, общительных и экспансивных; они внушают дружбу и очаровывают с первого взгляда всякого мужчину, на которого они сразу производят впечатление высших существ, до того они

непохожи на обыкновенных женщин буржуазных кругов, представляющих собой заводные машины, умеющие только лгать, узкие души, исключительно преданные половому влечению и не знающие никакой благородной страсти; они совершенно равнодушны к дружбе, у них нет никакого вкуса к искусствам или других высших влечений. Без сомнения и великосветские дамы, о которых здесь идет речь, имеют свои пороки, но они вносят в любовные интриги много разнообразия, естественности и великодушия. Неужели цивилизованные станут их упрекать в том, что они умеют придавать красоту пороку, который господствует в цивилизации во всей отвратительной наготе?

«Куртизанки хорошего тона, если отвлечься на момент от некоторых приемов, к которым их принуждает практикуемый ими род коммерции, отличаются очень благородными качествами. Они ласковы, услужливы, добродушны, сердечны, одним словом, они обладают прекрасным характером, если доходы их находятся в хорошем состоянии. Доказательством может служить знаменитая Нинон. Благодаря жизни среди постоянных удовольствий, они теряют ту лукавость души, те тщательно скрываемые плотские вожделения, которые легко можно заметить у буржуазных дам, нашпигованных моралью; у этих ограниченных семьянинок, сквозь показную благопристойность прорывается на каждом шагу плотская чувственность, которую они упорно стремятся скрывать, чувственность, которая не безобразит женщину, когда она находится в известной гармонии с более возвышенными душевными проявлениями, как это бывает среди дам, отдающихся любви свободно и без принуждения.

«Мещаночки, продавщицы, мастерицы и пр. представляют собой категорию женщин, совершенно свободных до брака, в особенности в больших городах. Они совершенно открыто на глазах родителей живут со своими любовниками, меняя их по усмотрению и держа про запас на всякий случай; одним словом, они наслаждаются в избытке тем, что совершенно недоступно для девиц из «хорошего общества»; они проводят свою юность, переходя от одного мужчины к другому. От этого они только делаются энергичнее и способнее к труду и приобретают ловкость, необходимую для того, чтобы подцепить в мужья какого-нибудь неопытного юнца, когда они убеждаются, что их прелести пришли в стадию увядания. Нельзя не порицать их мании притворства, которую следует приписать плохому тону окружающих их мужчин. В общем у них приятные наклонности; они сверх того прекрасные хозяйки, одним словом, женщины, заслуживающие полного предпочтения перед барышнями из бельэтажа.

«Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу, что можно было бы поднять до совершенства женский характер, если об'единить

качества всех трех вышеупомянутых категорий женщин и к этому мы придем в социальном строе, где женщина будет наслаждаться полной свободой любви. Стремясь к одной цели — сделать из женщины семьянинку и хозяйку, вы теряете в ней все, потому что стремитесь к слишком малому. Ваши молодые девушки, насквозь пропитанные предрассудками и наставлениями философов, исковерканные существа, постоянно снедаемые похотями; они вечно рассеяны, работают с отвращением, усваивают поверхностно преподанные им искусства, забывают по выходе замуж все, чему их учили, становятся вскоре плохими хозяйками. Свет их ослепляет и увлекает тем сильнее, что они совершенно неопытны, между тем как женщина с любовным опытом до замужества, свободная, вследствие этого от неутомимой жажды удовольствий и знающая все уловки вздыхателей и обратную сторону любви, тем сильнее привяжется к семье и мужу, что будет в нем видеть защитника от преследований поклонников. Если же она заведет себе любовника, то она это сделает, вследствие утомительного однообразия супружеских отношений, но отнюдь не из страсти; в своих любовных интрижках она никогда не забудет об интересах семьи и смягчит, поскольку это в ее силах, неприятные стороны неизбежной для мужа судьбы рогоносца. Такие женщины в высшей степени подходят для беззаботных мужчин, для добродушных мужей, которым нужны жены с мужественным характером, способные держать в своих руках руль семейного корабля, одним словом, быть главами семьи. Такая жена — счастье для слабого мужчины; она даст ему истинную супружескую любовь, которая есть не что иное как союз интересов между супругами, направленный против покушений со стороны общества на их благополучие» *).

Каким же образом надеется Фурье использовать эти благодетельные результаты свободной любви для своей фаланги? Для уяснения этого необходимо обратиться к организации труда в фаланге. Известно, что основой этой организации является привлекательность труда. Фурье стремится сделать труд в фаланге настолько привлекательным, «чтобы работа в группах и сериях была заманчивее самых интересных развлечений в строе цивилизации». Одним из стимулов этой привлекательности будет любовь. Фурье стремится превратить труд в фаланге в игру и флирт.

Как же он этого достигает?

Как мы знаем, Фурье привлекает всех женщин к труду, освобождая их от воспитания детей и от всех специально женских обязанностей. Во всех работах женщина стоит в одинаковой плоскости с мужчиной. Правда, в первоначальный период водворения сосьетарного строя

*) Th. de quatre mouv., стр. 196 — 200.

еще существуют специально мужские и специально женские работы, но с течением времени это различие сгладится. Дети без различия пола будут воспитываться в одинаковых условиях. Фурье нигде не говорит об особенном воспитании девочек. Воспитание не будет развивать особенности женского характера. Женщина превратится в работника, равноценного мужчине.

Таким образом, мужчина и женщина, свободные в своих любовных стремлениях, будут встречаться постоянно за общей работой в мастерских, полях, садах, причем интерес к этим встречам стимулируется их многообразием, так как каждый член фаланги ежедневно меняет до десятка групп, а в продолжение месяца — до пятидесяти.

К числу главных особенностей труда в фаланге принадлежат его неутомимость и разнообразие; одно связано с другим. Работа происходит сеансами, которые не должны быть продолжительнее $1^1/_2$ — 2 часов, но обыкновенно бывают короче, чтобы рабочий мог в продолжение дня переменить целый ряд групп. Работа в мастерских будет сменяться работами в поле. При таких условиях само разнообразие будет отдыхом. Короткие сеансы работ сменяются общими трапезами, сервированными с всевозможным изяществом. Белоснежные скатерти, художественная посуда, вино, цветы, разнообразие вкусных блюд,— все служит к поддержанию повышенного бодрого настроения. При таких условиях легкость работ, непрерывное соревнование в наилучшем их исполнении и изящество обстановки превратят труд в игру, а постоянное общение с женщинами, среди которых множество молодежи, внесет в эту игру черты флирта; в результате работа в сериях «будет более интересна, чем самое интересное развлечение в строе цивилизации».

В строе цивилизации под'ем духа и прилив энергии, создаваемые в молодом организме любовными переживаниями, или пропадают нецелесообразно, или, в лучшем случае, содействуют увеличению личного благосостояния индивида. Чаще всего этого под'ема не существует, или во всей совокупности общественной энергии он нейтрализуется теми страданиями и бедствиями, которые любовь или стремление к ней приносят в цивилизации большинству индивидов. Если мы посмотрим, в какой обстановке и в каких формах теперь разыгрывается любовь, то увидим следующее. В народной среде она носит вообще полуживотный характер и лучшие ее проявления подавляются хозяйственным расчетом, изнурительным трудом, вечными заботами борьбы за кусок хлеба. В средних и высших слоях общества местами любовных интриг являются балы, вечеринки, пикники и всякого рода общественные собрания, где все носит условный и пошлый характер, где скука считается признаком и проявлением хорошего тона. И здесь, таким

образом, драгоценная энергия, создаваемая любовными переживаниями, испаряется, пропадает бесследно. Фурье переносит любовные интриги и флирт из скучных зал и гостиных нашей цивилизации в трудовые группы и серии, в индустриальные армии, для правильного и плодотворного функционирования которых необходим энтузиазм, одним из лучших возбудителей коего является любовь. Фурье стремится оплодотворить труд любовью и одухотворить любовь трудом.

Как ни утопична (кажется) в настоящее время подобная идея, в ее пользу можно сказать следующее. В обстановке современного труда едва ли возможно говорить о благотворном влиянии на работников и работниц изображенного нашим автором изящного сотрудничества обоих полов. Продолжительная, однообразная, отталкивающая, изнурительная работа в антигигиенических мрачных и гулких мастерских и фабриках, или 14 — 16 часовой труд летом на нивах под палящим солнцем при скверном питании и с малоусовершенствованными орудиями не располагают к любовным переживаниям; у современного труженика только одна мысль — поскорее закончить полукаторжный труд и отдаться отдыху. Но совершенно иначе будет обстоять дело в обстановке труда, изображаемой Фурье. При работе в изящно-оборудованных и вполне гигиенических светлых и просторных мастерских короткими сеансами, превращающими работу в игру или приятное времяпровождение, соприкосновение здоровых и бодрых мужчин и женщин будет содействовать развитию той энергии, энтузиазма и творчества, которые, по мнению нашего автора, должны давать чудеса производительности. Нужно к этому же принять во внимание, что работа в фаланге происходит не столько в закрытых мастерских, сколько на лоне природы, по крайней мере, в продолжение $^2/_3$ года, что еще более содействует бодрому и счастливому настроению членов фаланги.

Описанную роль любовного фермента будет играть в сериях дамуазелат, в индустриальных армиях — весталат. По вечерам будут происходить собрания в любовных залах, где представители обоего пола договариваются относительно встреч на следующий день в рабочих группах, и относительно совместных работ мужских групп с женскими. Самым привлекательным элементом, в особенности для пожилого возраста, являются молодые хоры дамуазелата, который расточает свои чары для привлечения работников к наиболее трудным и полезным для фаланги работам.

Самым грандиозным поприщем единения труда с любовью являются индустриальные армии. Фурье, как мы выше видели (§ 2 настоящей главы), мечтает заменить наши военные армии, набираемые для разрушения, индустриальными армиями, организуемыми для производства. Такие армии будут больше или меньше по своим размерам, смотря

по тому, для каких целей они будут организованы. Несколько кантонов или фаланг могут организовать армии для сезонных работ, для исправления дорог, для очистки почвы, для осушки болот. Это будут малые армии; но возможны также грандиозные армии, организуемые фалангами всего мира, например, для проведения каналов, для устройства орошения в пустынях и даже для превращения Сахары в плодородную страну. Для этого понадобятся индустриальные армии в несколько миллионов человек. Фурье надеется производить набор индустриальных армий при содействии любовных чар весталата, куда по его идее должна войти самая выдающаяся по красоте и талантам часть молодежи.

«Так как мои рассуждения о свободной любви в комбинированном строе должны возбудить гнев мещан и философов,— говорит Фурье в «Теории четырех движений»,— но чтобы их успокоить, я хочу им показать пользу свободы любви для материальных интересов, их единственного божка. Любовь, которая в цивилизации является источником всяких расстройств, безделия и больших издержек, в комбинированном строе становится источником добра и чудесных успехов в области индустрии. В качестве доказательства я возьму одну из наиболее сложных отраслей экономического управления, а именно набор индустриальной армии, производимый в комбинированном строе посредством любовной политики.

«В каждой фаланге хор юношей и юниц, хранящих девственность, выбирает ежегодно кадриль весталата, состоящую из двух пар парадных и двух заслуженных; при выборе первых руководствуются красотой, при выборе вторых — их успехами в области наук и искусств и преданностью индустриальным работам.

«Весталы и весталки всюду пользуются привилегиями магнатов и магнаток. Самая бедная девушка, избранная весталкой, раз'езжает в карете, запряженной шестью белыми лошадьми; она украшена драгоценностями, принадлежащими фаланге и хранимыми специально для подобных случаев; весталкам и весталам воздаются всевозможные почести; они командуют детскими колоннами; таким образом, система сохранения девственности связана с выездами, а не с изоляцией женщин. Вместо того, чтобы стать буками, как наши барышни, пропитанные моралью, старающиеся всех уверить, что они никого не любят и что они желают только то, что желают папа и мама, в сосьетарном строе все девушки без исключения будут пользоваться полной свободой в удовлетворении своих стремлений и наклонностей; даже весталки будут иметь своих поклонников с титулом «ухаживателей», а весталы — «ухаживательниц».

«Эта избранная молодежь будет стоять во главе индустриальных армий; здесь весталки и весталы будут переживать свою первую

любовь. Каждый день, по окончании работ, индустриальные армии устраивают празднества, блеск которых будет тем сильнее, что в них участвует избранная часть молодежи, выдающаяся по красоте и талантам. Эти празднества дают широкий простор для ухаживания; претенденты и претендентки толпами окружают весталат, члены которого делают свой выбор в период индустриальной кампании. Те из молодых людей, которые захотят себе взять по одному любовнику или любовнице, переходят в разряд дамуазелей и дамуазо, и вступают в группу постоянства, которая является вторым из девяти любовных характеров; прочие, не имеющие склонности к постоянству, вступают в одну из остальных семи групп. Главным результатом этой свободы является образование громадных индустриальных армий не посредством хитрости и принуждения, а единственно посредством публичного чествования той девственности, которую философы хотят спрятать от всего мира и окружить предрассудками и дуэньями.

«Чтобы собрать армию, достаточно опубликовать таблицу кадрилей девственников и девственниц, которых каждая фаланга намерена туда выслать. Претенденты и претендентки должны будут последовать за ними в армию, где будет решаться выбор, происходящий, впрочем, тайно без той скандальной публичности, которую вносит цивилизация в свои брачные церемонии, предупреждая целый город, что в такую-то ночь такой-то повеса или развратник лишит невинности такую-то молодую девушку. Нужно быть рожденными в цивилизации, чтобы спокойно переносить эти неблагопристойности, называемые свадьбами, где в интимное дело любви одновременно вмешиваются магистрат, духовенство и все шуты и пьяницы квартала. И для чего? Для того, чтобы после подлых интриг и сводничества целого ряда кумушек, оформленных нотариусом, на всю жизнь сковать двух индивидов, которые, быть может, спустя один месяц, станут невыносимы друг для друга.

«В комбинированном строе празднование первой любви будет происходить только после ее вкушения. Там не будут подражать цивилизованным, которые созывают весь мир для присутствования при сделке, имеющей целью лишение невинности. Какая-нибудь весталка делает выбор между претендентами, обнаруживающими свои достоинства в публичных играх и в работах армии. Число этих претендентов уменьшается по мере того, как те или другие убеждаются, что их шансы незначительны. Когда она, наконец, останавливается на одном из них, парочка ограничивается посылкой запечатанного заявления в канцелярию Высокой Матроны (которая является министершей любовных отношений, направляющей любовные дела армии, поскольку они касаются весталат), или какой-либо из вице-Матрон, заведующей любовными делами отдельных отрядов армии. Министерша любовных дел отдает необходимые

распоряжения касательно устройства парочек, желающих тайно соединиться. Эти распоряжения приводятся в исполнение одной из чиновниц, которой вменяется в обязанность быть скромной. О состоявшихся соединениях об'является на следующий день, после того как весталка заменила свою корону из лилий короной из роз и появилась в костюме дамуазели со своим любовником, или дамуазо, если выбранный ею возлюбленный принадлежал к весталату.

«В индустриальных армиях каждую ночь совершается немало таких союзов, о которых возвещается на следующий день за завтраком или обедом. Обязанности вакханок и вакханов заключаются в том, чтобы подобрать «раненых», т.-е. утешить отвергнутых претендентов и претенденток.

«Предположим, что весталка Галатая колеблется в выборе между Пигмалионом, Нарциссом и Поллуксом. Наконец, она останавливает свой выбор на Пигмалионе и тайно с ним соединяется. Сотня весталок в ту же ночь вкусила любовь со своими избранниками в здании, для этого предназначенном. На следующий день тысячи вакханов и вакханок данного отряда собираются на рассвете перед матронажем, где докладчица читает список любовью сочетавшихся в эту ночь, а затем список отвергнутых обоего пола, которых нужно утешить. В этом списке между прочим, находятся имена Поллукса и Нарцисса. Тогда вакханки, имеющие основание думать, что они более всех нравятся Поллуксу, направляются к его жилищу; другие, считающие Нарцисса в числе своих приятелей, направляются к Нарциссу; аналогичным образом поступают вакханы по отношению к отвергнутым женщинам. Разбуженный вакханками, пришедшими с миртовыми ветвями в руках, Поллукс узнает о поступке Галатеи; они стараются облегчить его первое потрясение, когда из его груди вырываются крики негодования за измену и неблагодарность; а затем, чтобы его утешить они расточают все свое красноречие и стараются воздействовать на него своими чарами.

«Цивилизованные, быть может, скажут, что вакханки не могут дать Поллуксу никакого утешения; что, если он влюблен в Галатею, он с негодованием отвергнет услуги бесстыдниц, пришедших ему их предложить. Таковы, действительно, обычаи любви в цивилизации. Поллукс в продолжение некоторого времени отвергал бы любовь всякой женщины, которая пыталась бы заменить ему Галатею. Более того, он наверно вызвал бы на дуэль Пигмалиона. В строе варварства Поллукс поступил бы иначе. Он сразил бы кинжалом Галатею и стал бы искать случая убить Пигмалиона, а в строе патриархата или дикости он поступил бы опять-таки еще иначе. Я отлично понимаю, что, согласно нашим любовным нравам, Поллукс должен был бы отнестись с презрением

к вакханкам и их утешениям; но если вы хотите, сообразуясь с обычаями цивилизации, порицать Поллукса за то, что он утешился с вакханками, то не забудьте, что в варварском обществе над вами издевались бы, если бы вы дали похитить свою красавицу, не отомстивши похитителю. Я вхожу в эти подробности, чтобы показать, что страсти в каждом социальном периоде имеют различное проявление; и если обычаи комбинированного строя кажутся в некоторых отношениях странными, то нужно знать обстоятельства, произведшие нравы, столь отличные от наших (курсив мой. А. А.).

«Такие поражения поклонников и поклонниц происходят в индустриальных армиях каждое утро, к великому удовольствию вакханок и вакханов, которые извлекают пользу из этих любовных мученичеств, потому что обычное целительное средство от таких неудач будет состоять в том, чтобы в продолжение нескольких дней целиком отдаться безумствам разгула и любви с вакханками, авантюристками и представительницами других корпораций, занимающихся любовной филантропией. Когда вы узнаете все детали механизма любовных серий и их функций в индустриальных армиях комбинированного строя, вы тогда убедитесь, как пресна, монотонна и жалка любовь у цивилизованных, и почувствуете, что не в состоянии прочитать ни одного романа, ни одной из нынешних пьес, вы убедитесь, что допущение в индустриальные армии комбинированного строя будет своего рода милостью; что охотников вступить туда будет в два раза больше, чем потребуется; что посредством одного только рычага любви можно будет привести в движение 120 миллионов легионеров обоего пола, которые выполнят работы, одно только представление о которых способно наполнить ужасом продажные души цивилизованных. Комбинированный строй предпримет, например, завоевание Сахарской пустыни; с разных сторон нападут на нее по 10 и 20 миллионов рук и нанося новую почву, засевая ее, засаждая кустарниками, шаг за шагом укрепят ее пески, оросят ее — и в результате на том месте, где была пустыня, возникнут плодородные страны. Каналы для кораблей будут проведены там, где цивилизованные даже не мечтали об оросительных ручейках, и самые большие суда поплывут не только через перешейки, как Суэц и Панама, но также внутри континентов, как, например, от Каспийского моря к Азовскому и Аральскому, от Квебека к пяти великим озерам, длина которых равна $^1/_4$ их расстояния от моря.

«Многочисленные легионы обоего пола распадаются в каждой империи на несколько армий, которые по мере надобности об'единяются с соответствующими армиями соседних империй. Комбинированный строй не поручает какой-либо крупной работы одной толь-

местной армии; он об'единяет для этого обыкновенно три соседних армии, чтобы вызвать среди них борьбу соревнования. Если, например, понадобится покрыть землей ланды Гаскони, эта работа будет исполнена тремя армиями — французской, испанской и английской; в вознаграждение за это Франция, в свою очередь, доставит по одной армии Испании и Англии, когда им это понадобится. Таким образом, на этой почве произойдет об'единение всех империй земного шара. Подобные же отношения установятся между провинциями и кантонами.

«Предположим, что фаланга Тибура хочет скосить луг. Для этой работы требуется 300 косцов в продолжение 2 часов. Располагая 60 хорошими косцами, она делает заем в 4 отряда косцов у четырех соседних кантонов. Этот заем она делает через своих представителей на биржах названных кантонов, и в назначенный день занятые отряды прибывают на место. Перед работой происходит трапеза, на которой присутствуют все красавицы указанных кантонов. В свое время Тибур окажет такую же услугу кантонам, пришедшим ему на помощь. Такой обмен отрядами есть одно из средств, употребляемых комбинированным строем, чтобы превратить в празднества самые трудные и отталкивающие работы. Такие работы станут привлекательными: 1) вследствие их непродолжительности, вытекающей из многочисленности участников; 2) вследствие об'единения нескольких когорт различных кантонов, к которым присоединяются любители обоего пола; 3) вследствие механических усовершенствований и элегантности обстановки работы, достижимых, благодаря многочисленности состава этих рабочих армий.

«Я подчеркиваю в особенности этот последний пункт. У нас мастерские большей частью так грязны и так скверно обставлены, что внушают отвращение людям, в них работающим. В особенности это нужно сказать относительно Франции, которая кажется излюбленной страной грязи. Можно ли найти что-нибудь более отталкивающее, чем прачечные заведения Парижа? Вместо этих клоак вы увидите в комбинированном строе прекрасное здание, украшенное мраморными бассейнами с множеством кранов, выпускающих воду различной степени теплоты для того, чтобы женщины не портили себе рук, погружая их то в ледяную воду, то в кипяток. Затем вы здесь увидите множество механических приспособлений для облегчения и сокращения работы.

«Любовное ухаживание, ныне не приносящее никакой материальной пользы, станет одним из самых мощных рычагов социального механизма и в то время, как современный строй цивилизации с таким трудом и насилием собирает разрушительные армии, опустошающие периодически земной шар, комбинированный строй будет пользоваться

влечением и любовью для создания творческих армий, которые, состязаясь друг с другом, воздвигнут пышные памятники культуры. Вместо того, чтобы в продолжение одной кампании опустошить 30 провинций, эти армии проведут 30 мостов через реки, покроют плодородной почвой 30 скалистых гор, пророю 30 оросительных каналов и высушат 30 вредных болот. Перечисленные индустриальные трофеи будут только частицей чудес, которыми мы будем обязаны свободе любви и гибели философии.

«В этих пустых на поверхностный взгляд рассуждениях об удовольствиях хорошего стола и свободе любви не нужно терять из виду, что главная цель комбинированного строя — вызвать индустриальное влечение. Все детали касательно этого строя, которые вам кажутся созданными только для удовольствия, на самом деле подчинены двум основным требованиям, чтобы они вели к индустриальному влечению и экономии средств. Доказательством этого могут служить вышеуказанные мной банды странствующих рыцарей, об'езжающих весь мир.

«В эти чрезвычайно привлекательные для молодежи банды допускаются только те, которые сделали, по крайней мере, три кампании в индустриальных армиях. Вот еще одно побудительное средство для образования армий. Помимо любви, влекущей молодежь вслед за весталами и весталками, помимо интереса, представляемого всеми событиями из жизни армии, помимо сильного желания присутствовать на ее празднествах и вакханалиях, делить славу ее великих дел, есть еще другие стимулы, как, например, заманчивая надежда получить после трех кампаний патент на звание авантюриста и авантюристки и пуститься в свет вместе с бандами странствующих рыцарей. Дальнейшие привилегии приобретаются после 6 и 9 кампаний; к числу этих привилегий принадлежит право вступления в корпорации палладинов и палладинок, которые на всем земном шаре являются офицерами императора и императрицы Всемирного Единства. По возвращении из каждой кампании молодые люди имеют право украсить себя знаком креста или звезды, по числу лучей которой можно будет узнать число кампаний, совершенных ее обладателем и титулы, им полученные. Женщины получают эти украшения наравне с мужчинами, так как индустриальные армии всегда состоят наполовину из женщин.

«В виду многочисленных приманок, представляемых армиями для молодежи, она вступает туда добровольно по первому зову. Мало того, допущение в армии является привилегией, приобретаемой после многих испытаний. Таким способом достигаются обе вышеуказанные цели — индустриальное влечение и экономия средств. Но не думайте, что странствующие банды представляют собой приятные прогулки.

Нет, эти банды, как и все элементы комбинированного строя, должны содействовать вышеуказанным двум целям; мерами же, ведущими к ним, являются великие и романтические наслаждения в роде тех, о которых я дал выше некоторое представление» *).

Уступая требованиям своих учеников, а также считаясь с общественным мнением, которое даже в самых просвещенных общественных кругах Франции насквозь было проникнуто буржуазными предрассудками, в особенности в вопросах любви и брака, Фурье внес некоторые коррективы в свои воззрения на любовь в сосьетарном строе. В этих коррективах он прежде всего обращает внимание на то, что для установления указанных им форм любви необходимо, чтобы строй фаланги был водворен на значительной части земного шара и чтобы, по крайней мере, несколько поколений прожили при этом строе. Это необходимо для предварительной умственно-нравственной подготовки человечества к переходу к новым формам любви, столь радикально отличающимся от старых форм гнета и насилия, при которых человечество прожило столько веков и тысячелетий. Кроме того, чрезвычайно важным является предварительное исцеление человечества от сифилиса и других венерических болезней, которые при свободе любви могут повести к ужасным бедствиям. Предоставление свободы любви уже пробной фаланге может повести к превращению свободы любви в беспорядочные половые отношения, во всеобщий разврат. Для борьбы с этим необходимо создание маленьких орд и в особенности «весталата»; необходимо, чтобы эти корпорации привились и стали органической частью сосьетарного строя. Только после предварительной подготовки человечества можно будет ввести свободу любви, не боясь ее отрицательных последствий.

Не нужно долго углубляться в воззрения Фурье, чтобы убедиться, что указанные его отступления от первоначальных взглядов на необходимость немедленного водворения свободы любви в фаланге, являются вынужденными и идут в разрез с основными принципами его учения. Во-первых, как мы видели, Фурье уже в переходные периоды гарантизма и социанизма допускает свободу любви в очень значительной степени; во-вторых, нужно вспомнить собственные неоднократные заявления Фурье, что принуждение и насилие, допущенные в какой бы то ни было области сосьетарной жизни, делают этот строй невозможным, так как из этой области насилие по необходимости должно распространиться на весь строй. Возможно ли после этого предположить, что Фурье по личной инициативе, а не вследствие внешнего и очень сильного давления, решился внести такое противоречие

*) Th. de quatre mouv., стр. 257 — 267.

в свою фалангу, как существование в ней буржуазных форм любви и брака, т.-е. самого ужасного лицемерия и насилия и при том в столь важной области проявления страстей, как рассматриваемая, и в продолжение столь долгого срока, как несколько поколений *).

§ 9. Гарантизм или кооперативная система, как переход от строя цивилизации к строю Гармонии.

Фурье твердо верил, что достаточно устроить одну пробную фалангу, чтобы все убедились в громадных выгодах его системы в сравнении с строем цивилизации. Прозревшее человечество без революционных и насильственных потрясений откажется от прежних порядков рабства, нужды и эксплуатации и водворит строй всеобщего благополучия и обеспеченности.

Все дело, следовательно, сводится к основанию первой пробной фаланги, к чему он и призывал сильных мира сего, соблазняя капиталистов высоким процентом, который они будут получать в фаланге на свой капитал, богатых старичков — свободной любовью и обилием прекрасных невинных дев-весталок, бездетных супругов — богатым выбором в детских группах и сериях подходящих продолжателей их рода и деятельности, любителей хорошо и вкусно поесть — особой гастрономической наукой и обедами из 30 блюд, принцев и принцесс — возможностью найти невест и женихов по душе среди избранных девушек и юношей весталата, выдающихся по красоте и уму женщин — легкой возможностью украсить свои очаровательные головки царскими коронами, всех неимущих — возможностью обеспеченной, приятной, обильной, свободной жизни. Мы видели также, что Фурье считал осуществление рекомендуемого им строя неизбежным, ибо этот строй целиком соответствовал воле божества, создавшего человека для счастья, которое явится результатом свободного и всестороннего упражнения и проявления человеком своих страстей.

Но на случай, если сильные мира сего окажутся не столь восприимчивыми к его пропаганде, и переход к рекомендуемому им строю замедлится, Фурье между цивилизацией и Гармонией вводит переходную ступень — гарантизм или полуассоциацию. Эта переходная ступень представляет собой соединение элементов периода цивилизации (индивидуальная работа, работа семьями) с принципами ассоциации, чему будет содействовать основание коммунальных (общинных) контор, ферм-приютов, конкурирующих складов, сельских банков и проч. При описании этого периода Фурье покидает чисто утопическую

*) По вопросу о сроках и способах водворения свободы любви Фурье высказывается в Th. de l'Unité univ., ч. IV, в Nouv. Monde ind. et soc., стр. 242, в Pièges et charl. d. deux sec. S.-Sim. et Oiw., 1831 г., стр. 53, в журн. Le Phalange, 1838 г., т. II, стр. 187. По этому вопросу см. также Th. de quatre mouv. „Avertissement des éditeurs sur la 2-me partie", стр. 153 — 156.

почву и выдвигает более реальные меры улучшения положения трудящихся классов. Эти меры, которые в ту эпоху еще были неосуществимы, вследствие недостаточного развития экономической жизни, менее полстолетия спустя вошли в программу кооперативного строительства Англии и Франции, а потом и других стран света.

Основным учреждением, при помощи которого Фурье надеется создать мост между эпохой цивилизации и эпохой ассоциации, является коммунальная и общинная акционерная контора.

«Коммунальные акционерные конторы,— говорит Фурье,— это торговые дома, заведующие сельско-хозяйственной промышленностью, являющиеся складочным местом для продуктов и выдающие ссуды под залог этих продуктов. Каждая такая контора должна обслуживать 1.500 жителей и должна иметь при себе сад, чердак, погреб, кухню и не менее двух принадлежащих коммуне фабрик».

Но тут же перечисляя преимущества, связанные с устройством общинных контор, он расширяет их функции. Преимущества же эти в том виде, как их излагает Фурье, таковы:

1) Выдавать земледельцам ссуды из низкого процента; 2) закупать для всего населения местные и привозные товары, избавив его, таким образом, от эксплуатации торговцев и спекулянтов; 3) дать местным жителям прибыльную работу во все времена года; 4) организовать единовременную уплату всех причитающихся с общины налогов.

Но, кроме того, конторы еще выполняют целый ряд других кооперативных функций.

Фурье берет в пример бедняка-крестьянина, владеющего небольшим полем и таким же виноградником и лишенного в своем хозяйстве хорошего погреба, хорошего амбара, винных бочек и необходимых приборов. На помощь ему приходит общинная контора. За небольшую плату она предоставляет в его пользование погреба, бочки и все необходимые орудия. Мало того, за небольшой процент она выдает ему ссуду под залог хранимых ею продуктов в размере $^2/_3$ их стоимости. Ясно, что выгоды, приносимые конторой крестьянину, громадны, так как она, помимо всего прочего, избавляет его от необходимости немедленной продажи урожая за бесценок.

Но этим дело не ограничивается.

Отдав свой урожай на хранение в контору и освобожденный, таким образом, от значительной части работ по хозяйству, он может поступить рабочим в контору, так как в конторе продукты не только сохраняются и оберегаются от крыс и вредителей, но и перерабатываются, что, конечно, обходится гораздо дешевле, чем при переработке во множестве отдельных хозяйств. Таким образом, беднейшие крестьяне гарантированы заработком на круглый год, что является

для них большим подспорьем. Работая в конторах, крестьяне там же столуются в общей кухне. В результате у сельских жителей, как мужчин, так и женщин, остается много свободного времени, так как ни готовить дома пищи, ни наблюдать за сохранностью продуктов или заниматься их переработкой не приходится.

Фурье все более и более расширяет круг деятельности контор. Контора займется оптовой закупкой всех предметов потребления, необходимых сельскому населению. Покупая их оптом и из первых рук, контора сумеет продавать их земледельцу по цене более дешевой, чем та, за которую последний покупает их у торговцев и посредников, не говоря уже о том, что отпускаемые земледельцу товары будут вполне натуральные и первостепенного качества. Такие выгоды привлекут скоро к конторе широкие народные массы. Ясно, что при хорошей организации контор они менее, чем в три года, должны преобразовать сельское хозяйство, водворив в нем полуассоциативную систему.

С инициативой создания общинных контор должны выступить прежде всего, те местности, где имеются пустующие монастыри. Известно, что монахи с большой заботливостью строили свои хозяйственные здания: склады, погреба, амбары, разводили большие сады. Кроме того, в монастырях имеются большие залы, пригодные под общие собрания членов конторы, а также для устройства коммунальной лавки, промышленных предприятий, аптеки и множества других общественных предприятий, о которых теперь только мечтают, но которые нетрудно будет организовать общинной конторе по мере того, как будет увеличиваться круг ее членов и вместе с ними ее материальные средства.

«По своей организации,— заключает Фурье,— конторы приблизились бы к системе гармонийцев; они могли бы иметь свои собственные пахотные земли, свои стада, размер которых зависел бы от средств конторы, они могли бы принять в качестве участников даже самых бедных крестьян, поручив им культивирование специальных продуктов в роде шерсти, плодов, овощей и т. п.» *).

---

*) „Нетрудно доказать, что большинство идей, формулированных Фурье в его книге „О сельско-хозяйственной ассоциации", нашли частичную реализацию в многочисленных сельско-хозяйственных кооперативах, возникших под давлением экономического кризиса во всех странах капиталистической агрикультуры.

Правда, мы пока не наблюдаем образования фаланстеров с членами в количестве от 1620 до 1800 человек, которые Фурье предлагал основать в окрестностях Лозанны в Швейцарии, между Пуасси и Меланом во Франции и, наконец, между Галем и Брюсселем в Бельгии.

Тем не менее,—утверждает бельгийский социалистический вождь Вандервельде (Э. Вандервельде. Аграрный вопрос. Петербург, 1907 г., издание „Луча", стр. 150 — 151),— теперешние датские кооперативы, французские сельско-хозяйственные синдикаты, кредитные товарищества в Нойвиде и Оффенбахе, учреждения бельгийских крестьянских лиг представляют переходные формы к более совершенной, по его мнению, кооперации в духе Фурье".

(В. Тотомианц. „Сельско-хозяйств. кооперация", изд. 4, М. 1918 г., стр. 5 — 6).

Рассматривая функции, приписываемые Фурье его общинной конторе, мы видим, что эти функции относятся к числу тех, которые выполняются современными кооперативами. Коммунальные конторы Фурье являются одновременно товариществами по сбыту, по переработке, кредитными, потребительными и даже производительными. В. Тотомианц правильно говорит, что коммунальные конторы Фурье представляют собой кооперацию в соединении с муниципализацией, т.-е. кооперацию, в связи с такой политикой местных самоуправлений, при которой к органам последних постепенно переходят частные предприятия, удовлетворяющие основные потребности населения.

«Самым ценным результатом (основания этих контор),— говорит Фурье в другом месте,— было бы уничтожение торговли. Все конторы сговорились бы, при содействии префектов и министров, как обойти торговцев, заключать сделки по закупке и сбыту непосредственно друг у друга. Конторы имели бы все продукты в изобилии, так как к ним свозили бы свои продукты мелкие хозяева и землевладельцы, привлеченные выгодами, указанными выше. Тогда все друзья коммерции, все легионы торговцев и купцов должны были бы прекратить свою деятельность наподобие паука, который умирает в своих сетях, если попадает в такое место, куда закрыт доступ мухам. Торговцам не запретили бы торговать; катастрофа явилась бы для них результатом свободной конкуренции; просто им перестали бы верить, потому что коммунальные конторы и их отделения в провинции завоевали бы доверие публики» *).

В других местах своих сочинений Фурье говорит о конкурирующих складах, сельских банках, фермах-приютах.

Все это видоизменение одного и того же учреждения, имеющего целью содействовать переходу от индивидуального хозяйства к социальному.

Говоря о сельском банке, Фурье к вышеуказанным функциям присоединяет: призрение больных, создание сберегательных касс, где принимались бы скромные вклады и сбережения крестьян, устройство зал для разумных и полезных развлечений, чтобы отвлечь крестьян от трактиров и кабаков. При описании казенных ферм-приютов, цель которых, как он говорит,—«дать счастье народу, тому самому народу, которому ныне приходится философски относиться к своей жалкой участи, в лачуге, где нет хлеба, и где приходится ударами палки унимать крики голодных детей»,— при описании этих приютов Фурье упоминает еще следующие функции: устройство общих зал для совместного воспитания детей, уничтожение нищенства путем организации работ, снабжение всей округи породистым скотом и птицей и т. п.

*) См. Th. de l'Unité univ., ч. III, стр. 281 — 287 и Nouv. Monde ind. et soc., стр. 433.

Подобно фалангам Гармонии, — заканчивает Фурье характеристику фермы-приюта, — она будет устраивать народные празднества, где обилие яств, танцы, игры и т. п. заменят те мучения и тоску, которые испытывают у нас обитатели разных казенных приютов и богаделен. В фермах-приютах каждый призреваемый принесет государству не меньше того, что он ему стоит. Призреваемые там будут трудиться с тем большим усердием, что у них будет надежда на повышение, на приобретение акций, и сознание, что дети их находятся в хороших руках. Жизнь такой фермы приближается к жизни фаланги с ее сериями, игрой страстей и индустриальным влечением *).

Из этого краткого очерка учреждений, рекомендуемых Фурье периоду гарантизма, долженствующему явиться переходной эпохой между цивилизацией и Гармонией, мы видим, что Фурье вполне основательно почитается современными кооператорами родоначальником идеи кооперации, так как он один из первых предвосхитил, если не в деталях, то в основных чертах, сущность кооперации со всеми главными ее функциями как экономическими, так и культурными.

*) См. Nouv. Monde ind. et soc., стр. 431 — 34 и 439.

ГЛАВА V

Общая оценка учения Фурье.

§ 1. Правда и поэзия в произведениях Фурье. — Идеи, заимствованные им у философов — просветителей, материалистов и экономистов XVIII века.

В сочинениях Фурье, рядом со страницами, достойными по своему реализму лучших представителей современной экономико-материалистической школы, мы встречаемся с необузданнейшими полетами фантазии, подчас столь нездоровой, что начинаешь сомневаться в нормальности умственных способностей их автора; рядом с научной «правдой», мы встречаем массу животворящей и бодрящей, но совершенно ненаучной «поэзии»; рядом с рассуждениями, обличающими в авторе серьезнейшего мыслителя начала XIX века, мы встречаемся с наивностями и ребячествами, способными развеселить самого неискушенного в научном мышлении читателя.

А потому, чтобы правильно понять Фурье, уяснить себе место, занимаемое им в ряду социальных мыслителей и оценить значение, его идей и проповеди для развития и возникновения теории социализма, постараемся разобраться в этих противоречиях и отделить существенное от несущественного.

Для правильного понимания Фурье, прежде всего, следовательно, придется, отбросить нелепости, плоды необузданной фантазии, образчики которых мы приводили выше, и которые, быть может, характерны для его духовного склада, но не связаны неразрывно с тем, что есть самого драгоценного в его учении и социальной системе; во-вторых, нужно подробно остановиться на тех идеях, которые его ставят в один ряд с выдающимися современными мыслителями и отводят ему почетное место среди основоположников кооперации, социализма и коммунизма. Наконец, нужно отметить те чисто «фурьеровские» идеи, которые на первый взгляд поражают своей крайней оригинальностью и даже экстравагантностью, но в действительности приподнимают край завесы над будущим социалистическим обществом и во всяком

случае отличаются такой глубиной и прозорливостью, что, по справедливому выражению Бебеля, «в будущем остается лишь идти дальше по указанному им пути и последовательно развивать его основные положения».

К числу идей первой категории нужно отнести всю его космогонию, учение о переселении душ, об изменении климата, трансформации животного царства и пр. Это своеобразное фантазирование талантливого недоучки, уснащенное хвастливыми выходками и незаслуженными нападками на самых выдающихся мыслителей заслонило лучшую часть его произведений даже от тех, которые способны были воспринять его идеи, а буржуазным ученым дало повод совершенно его замалчивать, как писаку, стоящего ниже критики, или высмеивать, как «безумца», претендующего на звание пророка. К этой категории идей следует отнести и те социально-политические кунстштюки, которые не имеют никакой необходимой связи с его основными воззрениями и даже, наоборот, совершенно им противоречат. Такова, например, иерархия баронов, кацикoв, монархов, унархов и проч. и т. д. до омниарха, водворяемых им в его царстве фаланги. Эти и подобные иерархические построения дали повод некоторым заключить, что Фурье консерватор и монархист. Но такая точка зрения совершенно несостоятельна, ибо не нужно углубляться в Фурье, чтобы видеть, что все эти монархи с их свитами и дворами, выражаясь языком поговорки, являются пятым колесом в телеге. В самом деле, основа социальных построений Фурье — полное отсутствие принуждения, неограниченная свобода, между тем как смысл существования монарха — в принуждении, насилии и произволе. Точно также не следует придавать никакого значения религиозности, вдруг ни с того, ни с сего проявляемой Фурье. Хотя Фурье по всем видимостям отводит божеству очень значительную роль в механизме своей системы, но это только «повидимому». Конечно, согласно воззрениям Фурье, бог от века предустановил планы и законы мироздания до механизма фаланги включительно; но раз установив все в деталях, он уже больше не вмешивается в человеческие дела, даже тогда, когда они, под влиянием заблуждений, проповедуемых философами, приняли самый пагубный оборот. Теперь же, когда он, Фурье, открыл сущность божественного провидения, богу уже совершенно нечего делать в этом мире, разве только внушить упорствующим капиталистам и монархам, чтобы они оказали всемерное содействие устройству фаланги и водворению всеобщего счастья. Деистический отвлеченный бог — математик Фурье, таким образом, имеет мало общего с христианским богом, а его религиозность — с католицизмом, основанным на подчинении, иерархии, эксплуатации и проповеди

умерщвления плоти и подавления страстей. Как мы уже говорили, Фурье воздвигал троны и алтари, чтобы привлечь к своему делу сильных мира сего, но эти ухищрения не дали никаких осязательных результатов.

Рассмотрение естественно-научных и социальных взглядов Фурье убеждает нас, что он много заимствовал у тех самых философов и экономистов, которых он так немилосердно критикует и ругает. Эти заимствования, — заметим кстати, — ничуть не умаляют его научных заслуг, потому что история науки непреложно доказывает, что она представляет собой непрерывный ряд развития; самые смелые и гениальные идеи, рассматривавшиеся первоначально, как совершенно новые и неожиданные открытия, при ближайшем анализе оказывались результатом предшествовавших идей и открытий в той же области, представляя собой смелый вывод из этих идей и открытий или удивительно глубокое и остроумное их обобщение.

Когда Фурье в своем первом большом сочинении («Теория четырех движений») говорит, что он своим научным девизом поставил «абсолютное сомнение» во всех предшествовавших достижениях неточных наук и «абсолютное удаление» от всех прежних методов этих наук (le doute absolu и l'ecart absolu), то он в сущности повторяет мысль д'Аламбера из его вступительной статьи в энциклопедии, где д'Аламбер предостерегает ученых от преклонения перед авторитетами и ставит на первое место самостоятельное исследование и критическое отношение ко всему предыдущему и современному знанию.

Но в действительности, как уже было сказано, Фурье не уберегся и не мог уберечься от заимствований. Подходя с этой точки зрения к воззрениям Фурье, мы видим, что идея о всемирном единстве и о господстве закономерности во вселенной, заимствована им у материалистов XVIII века и, в частности, у Гольбаха и Гельвеция *); в своей ненависти к цивилизации он имеет предшественника в лице Руссо, в религиозных воззрениях — «безбожника»

*) „В Святом семействе" К. Маркс говорит об учении Фурье, что оно „прямо вытекает из учений французского материализма".

Говоря об отрицательном отношении Фурье к Великой Французской Революции, Г. В. Плеханов замечает: „Такое отношение к „катастрофе 1793 года" даже вызвало у Фурье отрицательный взгляд на просветительную философию XVIII в., которой он был обязан, однако, всеми основными положениями своей собственной теории" (см. статью Г. П. „О французском утопическом социализме" в сборнике „Историч. подготовление научн. соц.", изд. „Моск. Раб.", стр. 169).—Указывая на то же обстоятельство, т.-е. на родство взглядов Фурье со взглядами Гольбаха, А. Бебель цитирует выражение последнего из „Системы Природы": „Во всем мироздании господствует внутреннее единство" (А. Бебель „Шарль Фурье", изд. „Знание", сноска на стр. 21).

Вольтера, а в учении о страстях — не только древних киренаиков и эпикурейцев, но тех же просветителей в лице, например, Гольбаха и Гельвеция. Далее можно не без основания предположить, что предпочтение, оказываемое им земледелию в ущерб фабричной промышленности, является результатом влияния на него учения физиократов; точно также его воззрение на жажду богатства, как на стимул экономической и общественной деятельности, могло быть навеяно ему учениями столь презираемых им экономистов. Даже идею фаланстера он мог позаимствовать из «Истории Северамбов» Верраса д'Алле *).

Многие места из «Системы Природы» Гольбаха показывают, насколько этот виднейший представитель французского материализма XVIII века умел ясно и точно выразить то, о чем Фурье говорит описательно, облекая свои мысли в мистическую оболочку **). Если мы к указанному прибавим воззрения Ламеттри («Человек—машина») и Кондильяка («Трактат об ощущениях») на сущность человека, его инстинктов и стремлений, то увидим, что у французских материалистов Фурье имел богатый источник для заимствования, а потому следует считать с его стороны более, чем преувеличением своих заслуг, когда он заявляет, что создал для ученых «целые новые области наук и искусств». Преимущество Фурье перед названными философами заключается в том, что необходимость, руководящую всеми явлениями природы, он переносит в общество,

---

*) Осмазия это — квадратное здание, имеющее в ширину 50 шагов, высотой в 4 этажа, дающее пристанище более, чем тысяче человек. Внутри его находится большой двор, украшенный цветниками и фонтанами. По внутреннему, равно, как и по внешнему фасаду, вокруг здания идут большие балконы, поддерживаемые железными столбами, под которыми можно укрыться от солнца и дождя. На всех этих балконах размещены в изобилии вазы с цветами. Каждый город состоит из значительного числа осмазий, а главный город Северинда—из 267 осмазий. (См. „Предшественники новейшего социализма", К. Каутский и др., т. II, стр. 359 и далее, перев. и изд. Е. и И. Леонтьевых).

**) Вот некоторые мысли из „Системы Природы" Гольбаха:

„... Необходимость, господствующая в движениях физического мира, руководит также движением мира нравственного, где соответственным образом все подвержено року".

„... В природе, где все связано, не существует действия без причин; и в мире физическом, равно, как и в мире моральном, все что происходит, является неизбежным следствием видимых или скрытых причин, которые принуждены действовать, согласно своим собственным сущностям".

„Наша жизнь является последовательностью необходимых моментов, наше же поведение, хорошее или дурное, добродетельное или порочное, полезное или вредное для нас самих или для других, представляется сцеплением действий столь же необходимых, как и все моменты нашего существования".

Устанавливая, таким образом, подчиненность человеческих действий определенным законам физического и морального мира, Гольбах приводит изречение Сенеки *Volentem ducunt fata, nolentem trahunt.* Хотящего рок ведет, нехотящего — влечет", (цит. по сборнику „Хрестоматия по франц. матер. XVIII века", изд „Прибой", 1923 г., стр. 118 и 119).

во взаимоотношения между людьми и в этой области дает ей более широкое и оригинальное развитие *).

Если мы присмотримся к воззрениям указанных материалистов, то найдем у них основу учения Фурье о страстях, а именно мысль о том, что в основе человеческой психологии лежит стремление к приятному и отвращение к неприятному **). Даже протест Фурье против рационализма во имя свободы развития и господства страстей впервые был высказан просветителем Мабли, заявившим, что «страсти, а не логическая необходимость — наш повелитель».

Еще ближе в своем учении о счастьи и беззаботности, как назначении человека, и о страстях, как особом виде движения, Фурье подходит к философам древности в лице киренаиков ***), а в том развитии, которое он дает этому учению, ставя выше всех наслаждений наслаждение чрева, он в известной степени повторяет Эпикура. Но в то время, как киренаики и эпикурейцы исходили преимущественно из психологии и интересов отдельных индивидов, а не всего человечества, т.-е. создавали науку жизни для избранных личностей, стоящих выше толпы, игнорируя и даже презирая эту толпу, Фурье центр тяжести своего учения переносит в общество и человечество, исходя из индивидуальной психологии для обоснования и развития социальной психологии и построения новой социальной системы.

Не мало точек прикосновения в своей ненависти к цивилизации имеет наш автор с Руссо, которого он нередко называет «пустомелей»,

---

*) Сен-симонисты утверждали, что Фурье заимствовал свою идею о всемирном притяжении и о единой закономерности в природе и обществе у их учителя. Таково, например, утверждение Гюббара в его книге о Сен-Симоне. Пьер Леру — говорит тот же автор,—в своих „письмах о фурьеризме", сравнивая основные идеи Фурье и Сен-Симона, доказал, что изобретатель фаланги заимствовал у автора „Писем из Женевы" свой главный принцип о всемирном притяжении. Нужно признать, что в теоретическом обосновании идеи закономерности общественных явлений Фурье сильно отстает от Сен-Симона и, в особенности, от его последователей, впадая в легковесный мистицизм, каковым является все его учение о божественном вмешательстве в ход мировой и общественной жизни. Но упреки в заимствовании едва ли основательны, в виду того, что у обоих писателей эта идея появляется почти одновременно и у обоих проникает все их произведения, у Фурье в неменьшей степени, чем у Сен-Симона.

**) „Маркс вполне прав также, утверждая, что, например, Фурье выходит непосредственно из учения французского материализма". Кто усомнился бы в этом, тому я посоветовал бы сравнить учение Фурье о страстях, хотя бы с тем, что говорится о них в I главе, I части „Système social" Гольбаха. Не менее интересным в этом же отношении могло бы оказаться и сравнение Фурье с Гельвецием (Г. В. Плеханов, выше цитир. соч., стр. 191).

***) Древняя философская школа, главой которой был Аристипп (430 г. до Р. Хр.) родом из города Кирен. Его воззрения состояли в следующем. Все наши восприятия сводятся к ощущениям, которые одни только достоверны. Поэтому мы должны стремиться к тому, что, согласно нашим ощущениям, наиболее ценно. Всякое ощущение есть только движение; медленное движение приятно, быстрое — неприятно, покой создает безразличие. Следовательно, мы должны стремиться к медленному движению, т.-е. наслаждению и беззаботности, которые в совокупности составляют счастье, являющееся целью человеческой жизни.

«болтуном» и другими обидными и язвительными кличками. Это сходство, констатирование которого крайне не понравилось бы Фурье, настолько значительно, что на нем приходится остановиться несколько подробнее.

Достаточно вспомнить, что на вопрос Дижонской академии: «способствовало ли восстановление наук и искусств очищению нравов», Руссо ответил отрицательно, доказав, что науки и искусства, то-есть главные основы цивилизации, совратили человечество с его первобытного естественного пути; точно так же, как он потом на вопрос той же академии о происхождении неравенства между людьми, категорически заявил, что причиной такого неравенства явилась цивилизация. И далее всюду в своих сочинениях, идеализируя трудовой народ и указывая на испорченность высших классов, он в качестве причины народных бедствий и пороков богачей и аристократов приводит тлетворную цивилизацию.

Вспомним затем то, что Фурье говорит о преимуществах дикого состояния в сравнении с строем цивилизации, и мы увидим, что идеи Фурье в этой области берут свое начало от идей Руссо, в свое время поразивших цивилизованное общество своей оригинальностью и имевших громадное влияние как на современников, так и долго еще на потомство, быть может, до нашего времени.

Наконец, Руссо, точно так же, как и Фурье, — противник философии и метафизики, даже противник теоретического естествознания. Подобно Фурье, Руссо нападает на философов, писак и праздных литераторов. И Руссо, и Фурье оба отрицали все предшествовавшие неточные науки, т.-е. одну из основ цивилизации, выдвигая свои «абсолютно» новые теории, и в этом отношении они смело могли бы протянуть друг другу руки. Основной мыслью всей философии Руссо был возврат к естественному состоянию. Не то же ли самое проповедует Фурье, воюя с цивилизацией, с экономистами и моралистами и требуя, чтобы человек всецело повиновался своим инстинктам и страстям? И Фурье, и Руссо оба утверждали, что человечество в эпоху цивилизации сбилось с того пути, который ему предписан богом и природой, и что они-то призваны указать ему, как вернуться на этот простой и естественный путь. Некоторое сходство можно найти и в педагогических идеях этих двух гениев. Достаточно процитировать у Фурье следующие несколько строк, чтобы увидеть это сходство: «Воспитание в строе Гармонии будет направлено прежде всего к тому, чтобы с самых ранних лет развить естественные склонности и инстинкты ребенка, дать простор всем его физическим и духовным способностям и приспособить каждую личность к тому призванию, к которому ее предназначила природа. Метод цивилизации

действует в обратном направлении, — он противоречит требованиям природы, ослабляет и подавляет способности детей и в большинстве случаев не дает, за редкими исключениями, человеку возможности выполнить свое призвание». Точно так же и Руссо, как известно, в своих знаменитых педагогических произведениях «Эмиле» и «Новой Элоизе» стоял на той точке зрения, что все только что вышедшее из рук творца, прекрасно, и все, попавшее в руки человека, искажается, т.-е., что человек хорош по природе своей, но что жизнь его всегда портит, и что задача воспитания, таким образом, состоит в том, чтобы ослабить эту порчу, но отнюдь не в том, чтобы искоренить естественные наклонности ребенка, как это делает современная культура. Скажем в заключение, что все учение Фурье о свободе инстинктов и страстей есть развитие учения Руссо, во всех своих произведениях зовущего назад к природе и к подчинению ее велениям.

Особенности Фурье в сравнении с Руссо заключаются в большей широте его взглядов и в той последовательности, с какой он их стремится провести в жизнь, не останавливаясь перед самыми крайними выводами. В то время, как Руссо, стремящийся вернуть человечество к естественному состоянию, этим самым хочет вернуть его к добродетели, являющейся, по его мнению, чертой естественного состояния, и, таким образом, в сущности налагает на человечество самые тяжелые путы, изобретенные цивилизацией для того, чтобы человек мучил человека, — Фурье, наоборот, в полном смысле слова является освободителем человека и человечества, поставив законом и основой деятельности индивида и всего общества страсти, их свободную игру и свободное развитие.

Есть еще один философ, которого Фурье немало поругивал и с которым тем не менее имеет кое-что общее. Это — «безбожник» Вольтер. Называя его безбожником, Фурье, в противоположность ему и другим безбожникам (к числу коих он относил Сен-Симона и Оуэна), считает себя вполне правоверным последователем христианства. Между тем нужно вспомнить, что Вольтер и прочие деисты, исходя в своем миропонимании, подобно энциклопедистам, из теории всемирного тяготения, тем не менее считали необходимым «первый толчок», а потому предполагали существование строителя, который «заводит часовой механизм» мира, между тем как Дидро и другие энциклопедисты отрицали эту постороннюю силу. Ясно, что в этом пункте Фурье находится в полном согласии с Вольтером, несмотря на то, что он обещает в каждой фаланге ввести столько священников, сколько захочет сам папа, и даже более того. Как видно из всего вышесказанного о религиозных воззрениях Фурье, он учил, что бог, установив

всемирное притяжение, проникающее всю вселенную и человеческое общество, предустановив все формы социальной жизни, и, в частности, грядущий строй серий со всей его эволюцией, т.-е. «заведши часовой механизм» мира, предоставил этот мир в дальнейшем его собственному развитию на основании вложенной в него закономерности. Таким образом, обвиняя Вольтера в безбожии, Фурье косвенным образом обвиняет самого себя, сам того не замечая и обрушиваясь с тем же обвинением на Сен-Симона, Оуэна и их последователей.

В середине XVIII века во Франции возникла новая школа социальных мыслителей, которая в отличие от философов и энциклопедистов и от меркантилистов получила название «экономистов»; сюда относились физиократы, вслед за которыми на экономическую арену выступил Ад. Смит, родоначальник классической школы политической экономии.

Мы видим, каково отношение Фурье к экономистам. Он попросту считает их «сектой» шарлатанов и плутов, восхваляющих современный экономический строй из корыстных соображений. А между тем заимствования, сделанные им у этих «шарлатанов» и «плутов» более чем значительны. Известно, что в противовес меркантилистам, веривших в спасительную силу законодательного и административного воздействия, физиократы выдвинули учение о торжестве из вечных законов природы над временным и случайным творчеством человека, вследствие чего, как они учили, задача ученых, общественных деятелей и законодателей заключается в изучении неизменных законов «естественного порядка». Родоначальник школы физиократов Кенэ учил, что в кажущемся хаосе общественных явлений лежит строгая закономерность естественного порядка (ordre naturel). Этот естественный порядок покоится на частной собственности и полной свободе хозяйственной личности; вместе с тем, Кенэ выдвигал право каждого на «поддержание жизни» (на то, что впоследствии Фурье назвал правом на труд и жизненный минимум). Эти идеи (за исключением идеи о свободной конкуренции) мы встречаем у Фурье, который, впрочем, дал им дальнейшее развитие, отвергнув неподвижность естественного порядка и придав ему эволюционный характер. Но самое характерное заимствование, сделанное Фурье у физиократов, было признание земледелия основой экономической жизни; необходимо также отметить, что презрение к торговле, занимающее у Фурье центральное место в его критике строя цивилизации, до него уже проповедывалось теми ж физиократами, которые видели в торговцах самый бесплодный кла общества.

И у последователей классической экономии, защитников и восхв лителей коммерции, Фурье позаимствовал кое что. Как и они,

считал эгоизм плодотворным принципом хозяйственной жизни и вводил его в прямом и скрытом виде в свою ассоциацию; подобно экономистам, он осмелился напасть на «уважаемые учения Греции и Рима», подвергнуть уничтожающей критике «догмы стоиков и циников» и «всех сторонников бедности и золотой середины», предать осмеянию «черную похлебку» спартанцев, «репу» Цинцинната и «балахон» Диогена и вместе с этими нечестивыми новаторами-экономистами разрешить любовь к предметам, до сих пор столь строго запрещаемым — к хорошему столу, презренному металлу и роскоши, иначе говоря вместе с экономистами классической школы он сделал двигателем общественного и индивидуального усовершенствования погоню за богатством.

§ 2. Новое и оригинальное в учении Фурье. — Чисто «фурьеристские» идеи.

И все же, несмотря на все указанные заимствования, можно сказать, что Фурье принадлежит к числу самых оригинальных мыслителей начала XIX века.

Трудно с исчерпывающей полнотой перечислить все то новое в области социального мышления, что выдвинуто впервые или в новом освещении нашим автором.

Здесь на первом месте нужно поставить критику строя цивилизации и принципов индивидуализма, и хозяйственной свободы, на которых этот строй зиждется. Мы не станем останавливаться на этой стороне его литературной деятельности, так как она с достаточной полнотой рассмотрена нами выше. Отметим только, что такой всесторонней и глубокой критики этого строя, т.-е. строя нарождающегося капитализма, мы не встречаем ни у кого из его предшественников и современников.

Фурье принадлежит к числу первых социальных мыслителей, выдвинувших рабочий вопрос. Правда, в отношении ясности его постановки и научности его обоснования он значительно уступает своему современнику Оуэну; но это вполне понятно, если принять во внимание, что Оуэн стоял в центре фабричной системы, а Фурье приходилось анализировать настоящее и прозревать будущее в обстановке, где преобладающей формой экономической жизни была мелкобуржуазная промышленность. И все же можно сказать, что Фурье сумел через окружающую его густую вуаль мелкобуржуазных отношений разглядеть основные черты нарождающегося класса пролетариата и отдать свое перо на служение его интересам. О чем бы Фурье ни говорил, он сейчас же выдвигает интересы труженика — забитого, обездоленного, обманываемого и угнетаемого существующим социальным

и политическим строем, и заметим кстати — труженика городского, труженика фабрики и мастерской, а не полей, лугов и лесов, несмотря на то преимущество, которое он отдавал земледелию перед фабричной и ремесленной промышленностью.

Говорит ли он об обманах торговли, он сейчас же замечает, что от продажи недоброкачественных продуктов, фальсификации, недовеса больше всего страдают бедные трудящиеся классы, которым приходится покупать по мелочам и в кредит и быть в неоплатном долгу у лавочника, отпускающего кредитующемуся у него бедняку-труженику товар, как бы из милости, хотя в следующий месяц он взыскивает с него долг с лихвой. Идет ли у нашего автора речь о наслаждениях, даваемых нашими пятью чувствами, он старается доказать, что эти наслаждения недоступны для тружеников, лишенных участия в благах хорошего стола, прекрасной музыки или эстетических зрелищ.— Отдается ли Фурье анализу свободы, он с изумительной глубиной и язвительностью доказывает, что свободы лишена подавляющая часть населения, т.-е. труженики, которые только в воскресенье пользуются активной телесной свободой и в том только случае, если у них в кармане имеется остаток заработной платы. Что же касается политической свободы, подаренной третьему сословию французской революцией, то для рабочих она существует только на бумаге; Фурье считает издевательством над рабочими, что вместо хлеба, который они вынуждены выпрашивать, им предлагают удовлетвориться чтением конституции и отрадной мыслью, что они граждане великой свободной страны. — Касается ли он вопроса о пресловутом равенстве всех перед законом, он язвительно спрашивает: почему же бедный лишен правосудия, несмотря на официальное признание его прав на судебную защиту? И об'ясняет: потому, что у бедного нет средств на покрытие расходов по ведению процесса. Мало того, рабочий лишен права высказать свое мнение, идущее вразрез с мнением его хозяина, или начальника. Пусть он осмелится это сделать, и он будет изгнан со службы.— Переходит ли он к критике труда в строе цивилизации, он со свойственной ему прямотой и беспощадностью перечисляет и изображает все его отрицательные стороны на наших фабриках и мастерских, где рабочий подвергается калечению посредством 14 — 16 часового однообразного тяжелого труда в отвратительной антигигиенической обстановке, труда малопроизводительного, вследствие его отталкивающих свойств.— Анализирует ли он противоречия современного экономического строя, он констатирует, что в цивилизации рабочие лишены хлеба и одежды потому, что слишком много произвели; что в цивилизованных странах народ, т.-е. трудовые классы, вымирает медленной смертью от недоедания, от лишений, от «спекулятивного» голода,

в силу которого он принужден питаться суррогатами и нездоровыми продуктами, от изнурительного труда, от чрезмерного напряжения сил, влекущего за собой всевозможные болезни.

Даже успехи науки (химии) утилизируются для фальсификации продуктов, т.-е. для дальнейшей эксплуатации и угнетения рабочего. Точно также всякие усовершенствования в производстве ведут к понижению заработной платы и ухудшению положения работника. Поневоле приходится причислить всех содействующих прогрессу экономической жизни к врагам человека и человечности.

Таково положение трудового народа в странах с развитой индустрией. Фурье чертит таблицу, которая показывает, что в современном строе индивид получает тем меньше жизненных благ, чем больше возрастает богатство нации.

Как мы отмечали, Фурье был первый, который среди прав трудовых классов выдвинул на первое место право на труд. Фурье вполне основательно упрекает теоретиков естественного права и авторов «Декларации прав человека и гражданина» в том, что они создали системы прав, среди которых недостает главного — права на труд, ибо без этого права все остальные превращаются в фикцию. Этим он с особой выпуклостью отметил односторонность и буржуазный характер всех политических теорий и систем и в частности идеологии Французской революции и лишний раз показал, что ко всем вопросам общественной жизни он подходит прежде всего с точки зрения труженика, умея за красивой формой разглядеть фальшь и эгоизм буржуазной сущности. Чтобы само право на труд не оставалось чисто бумажным правом, он подводит под него реальную базу, выдвигая требование жизненного минимума. Его ничуть не смущают возможные возражения противников из лагеря «цивилизованных», что, таким образом, он создает право на лень, ибо в его фаланге труд настолько привлекателен, что даже богачи, достаточно обеспеченные 15 процентным доходом на внесенный ими капитал, и те работают, получая от работы больше наслаждения, чем от обычных в цивилизации развлечений. Жизненный минимум Фурье значительно выше того, что в его время под этим подразумевалось; он стремится сделать рабочих самой низшей категории участниками всех материальных и моральных жизненных радостей. Выдвигая очень смелую и оригинальную идею, что гастрономия должна служить основой для развития всех проявлений материального и духовного вкуса человека и отсюда стимулом индустрии, он подчеркивает, что это возможно только в том случае, когда участие в изысканной пище и наилучших видах других материальных благ станет доступно самым широким слоям трудящегося народа.

Идея привлекательного труда принадлежит к самым благородным и плодотворным среди всей совокупности идей, на которых Фурье базирует свою социальную систему *).

Это—идея далеко не утопическая, как может показаться с первого взгляда. В современном строе труд принудителен; трудящийся работает с отвращением; он с удовольствием бросил бы работу, но принужден работать под страхом умереть с голоду. И таково отношение к труду не только наемных рабочих, в особенности фабричных, но также и мелкого собственника-крестьянина, заинтересованного плодами своей работы; он также работает не из любви к своей работе, а из тяжелой необходимости добыть минимум жизненных средств для себя и своей семьи. Но как быть в социалистическом строе? Должен ли и там труд оставаться принудительным? Неужели этот строй будет базироваться на трудовой повинности, от которой всякий стремится уклониться и которую большинство выполняет кое-как? Фурье подходит к вопросу вполне реалистично, когда выдвигает идею привлекательного труда. Из мероприятий, которые он рекомендует для придачи привлекательности труду, заслуживают внимания, во-первых, доведение до высшей степени гигиеничности и эстетичности обстановки труда, во-вторых, работа короткими сеансами с переходом от фабрично-заводской работы к земледелию, от работы в закрытых помещениях к работе на лоне природы. Конечно, рассматриваемый вопрос слишком серьезен, чтобы решать его мимоходом; но мы глубоко уверены, что в будущем нам придется в этом отношении следовать указаниям Фурье. А его идея стимулировать привлекательность труда в сериях совместной работой лиц обоих полов, свободных в своих любовных отношениях и работающих в эстетической обстановке при смене работ общими трапезами — пирушками, эта идея кажется утопией только в сравнении с современной грубой антиэстетической действительностью при отсталости и малокультурности масс и при господстве предрассудков, неизжитых даже среди передовых слоев интеллигенции.

Говоря о праве на труд и борьбе с отталкивающими сторонами труда, следует упомянуть о беззаботности, или, вернее говоря,

*) Основатель фурьеристского движения в Америке А. Брисбейн в своей автобиографии пишет, что в „Трактате о домашне-земледельческой ассоциации" он впервые натолкнулся на идею, которая сразу склонила его симпатии в сторону учения Фурье. Это была идея о том, что надо почитать и сделать привлекательным физический труд людей — труд, который до того времени почитался наказанием, ниспосланным от бога. Сделать привлекательной эту область грубого, унижающего труда — этот печальный удел масс, — который, казалось, подавлял человека своим прозаическим, отупляющим, мертвящим влиянием, поднять этот труд и превратить его в предмет почитания и славы — значило произвести могущественный переворот, настоящую революцию!" (М. Хилкуит, История социализма в Соед. Штатах, Гиз. 1920 г., стр. 57).

о беспечности, которую Фурье хочет сделать достоянием всех людей. Одним из величайших зол современного строя является необеспеченность, которая вечной угрозой висит над всеми тружениками, начиная с поденщика и кончая ученым, светилом науки. Увы! Эту необеспеченность в сильной степени испытал на себе наш автор, работоспособность которого должна была немало страдать от вечной нужды, вечной неуверенности в завтрашнем дне.

Какую бы сторону общественной жизни мы ни взяли, везде Фурье сказал новое слово. Педагогические идеи Фурье должны занять почетную страницу в истории социалистической педагогической мысли.

Известно, что К. Маркс считал инициатором идеи трудовой школы Роберта Оуэна. Само собой понятно, что своим практическим опытом в Нью-Лэнарке Оуэн вполне завоевал себе право на этот титул. Но если подойти к педагогическому вопросу с точки зрения его теоретической постановки и роли, отводимой нашим автором детям в строе ассоциации, то первое место должно быть отдано Фурье, который вопросу о характере и значении детского воспитания и роли детского труда в фаланге придал всеобъемлющую широту и удивительную оригинальность. У Фурье «класс» детей является необходимой составной частью производственной организации фаланги; выбросьте маленькие орды и маленькие банды,— и фаланга лишится одного из своих важных устоев. У Фурье, следовательно, труд детей, начиная с четырехлетнего возраста, является не только средством, но и самоцелью; он, следовательно, крепче, чем кто-либо, связывает воедино воспитание с трудовой организацией своей фаланги; воспитание, таким образом, оплачивается той пользой, которую в его процессе приносит детский труд. Фурье, как мы видим, доводит идею трудовой школы и наглядного обучения до крайних логических пределов. В этой области он почти на столетие предвосхитил все современные педагогические идеи о свободном воспитании, о трудовой школе и пр., высказав ряд мыслей, очень поучительных для самых передовых педагогов нашего времени. А его организация орд и банд? Скажут, в лучшем случае, что это только оригинально. Между тем, сколько гуманности, а может быть, удивительной практичности в этом проекте: вырвать детвору из душных школьных казарм, из-под вечной ферулы, тяготеющей над ними от рождения, дать им инициативу деятельности шумной, бодрой, ликующей, т.-е. вполне отвечающей их природе, и в то же время практичной, крайне полезной для общества. Фурье не менее Оуэна заслуживает титул преданнейшего друга детей.

Трудно назвать рядом с Фурье еще одного социального мыслителя, который в первую половину XIX века посвятил женскому вопросу столько блестящих и замечательных по глубине страниц. Как и вопрос

о воспитании, Фурье ставит женский вопрос на самую широкую основу. Он связывает его не только с вопросами любви и брака, но с организацией производства, и полное освобождение женщины, ставит в тесную зависимость от гибели цивилизации, т.-е. капиталистического строя, и перехода к строю Гармонии. Фурье по справедливости должен быть поставлен во главе плеяды литераторов, посвятивших свое перо защите прав женщины и борьбе за ее эмансипацию. Его стремление разрешить жгучий вопрос о свободе любви в связи с организацией производства и проблемой привлекательного труда не только оригинально, но обличает в нашем утописте трезвого реалистического мыслителя, который, не будучи социалистом в полном смысле этого слова, сумел подойти к рассматриваемому вопросу с точки зрения последовательного социалиста и внести в его разрешение ту дозу поэзии, без которой его разрешение немыслимо.

Нужно заметить еще следующее обстоятельство. Никто до Фурье и после него в новейшее время не пытался дать этому вопросу практическое разрешение в такой широте, в какой это сделано нашим автором, который начертил формы любовных отношений не только для сосьетарного строя, но и для переходного периода; при этом, как мы сказали, он сумел придать им столько изящества и поэзии, что делает приемлемыми самые смелые их проявления (как, например, роль вакханок при любовных неудачах, или любовные отношения между 20 летним юношей и 50 летней женщиной, его опекающей и о нем заботящейся). Мы не станем здесь напоминать о сокрушительных ударах, нанесенных его пером буржуазному браку и семье, так как это относится к критике цивилизации, подробно нами изложенной. Скажем только, что никто из интересующихся разрешением этого наиболее жгучего вопроса современности не должен пройти мимо того, что написано о нем нашим автором.

По вопросу о том, кто был родоначальником кооперации — Роберт Оуэн или Шарль Фурье,— приходится сказать то же, что по вопросу о трудовой школе. Практическим творцом кооперации — прямым или косвенным — был, без сомнения, Оуэн, но теоретически кооперация в основных ее разветвлениях подготовлена Фурье, который в 20 годах минувшего века разработал вопрос о кооперации гораздо полнее, чем оуэновские кооперативные журналы 20 и 30 годов. Пропаганде кооперации Фурье посвящает немало места рядом с проповедью фаланги. Вся его блестящая критика торговли, ее обманов, фальсификаций, кризисов, банкротств, его неустанная борьба с торговыми посредниками, представляет собой лучшие страницы в области кооперативной пропаганды, откуда по сию

пору сторонники кооперации могут черпать обильный материал для своей проповеди. Фурье в различных местах своих произведений с замечательной убедительностью раз'ясняет выгоды кооперации во всевозможных отраслях экономической жизни; выгоды кооперативного хранения и сбыта продуктов, кооперативной закупки сырья, кооперативного приготовления пищи и пр. Он далее предвосхищает всю современную кооперацию своими коммунальными конторами, сельскими банками, фермами-приютами. У него, наконец, эпоха кооперации, под названием эпохи гарантизма, является переходным периодом цивилизации к Гармонии. Если, несмотря на указанные заслуги Фурье в деле пропаганды кооперации, не он, а Оуэн считается главным ее родителем, то причину этого, как мы уже сказали, нужно искать в том, что Оуэн действовал на социальном поприще, как практик, а Фурье оставался теоретиком, в продолжение многих годов недоступный для широкой публики, благодаря своим странностям и отрицательным сторонам своего изложения.

Скажем в заключение несколько слов о самой «фурьеристской» из идей Фурье. Теория страстей Фурье абсолютно не была понята буржуазными писателями в его время и впоследствии; за эту теорию, в которой видели одно разнуздание страстей, как и за учение о свободе любви, Фурье был предан анафеме, как самый антиморальный из писателей начала XIX века. Между тем, какая широта в его концепции, согласно которой страсти являются модификацией всеобщего движения в мире человеческих атомов, а их проявления в ассоциации ведут к социальному благу вместо того зла, которое они причиняют личности и обществу в современном индивидуалистическом строе, раз'единенных и распыленных общественных частиц. Хотя учения, оправдывающие человеческие страсти, известны еще с древнейших времен, но ни один философ, не исключая Эпикура, не был так последователен в реабилитации страстей, как Фурье, и что важнее, никто не сумел так последовательно и всесторонне обосновать общественный строй на одном этом принципе. Никто поэтому не сумел придать такую полноту идеалу человеческого счастья, как это сделал Фурье, вернув человечеству право невозбранно и беззаботно наслаждаться всем, чего требуют его инстинкты, потребности и страсти. Еврейско-христианский бог изгнал за это первую человеческую пару из рая; Фурье великодушно возвращает человечеству этот рай. Не подлежит никакому сомнению, что только счастье и наслаждение будут лежать в основе грядущего социалистического общества, и что все идеи об обуздании страстей, умерщвлении плоти и смирении, с отнесением счастья и блаженства в загробную жизнь, будут выброшены за борт, как идеи, которые господствующая часть общества, наслаждающаяся

всеми благами жизни, при посредстве полиции и попов, навязывает трудовым и эксплуатируемым массам. Поэтому не лишенная остроумия, а может быть и глубины, попытка Фурье изобразить механизм такого общества, покоящегося на свободном проявлении человеческих страстей, представляет значительный интерес для строителей социалистического государства.

Пусть Фурье ошибается в психологическом анализе страстей, и в их классификации, но сама идея сделать двигательной силой индивида и общества свободную игру инстинктов и страстей, превратив их из начал разрушительных в благодетельные, является самой возвышенной и упоительной страницей в истории гуманизма. И в этом его бессмертная заслуга. Пусть предшественники Фурье стремились освободить человека от гнета политического и социального. Это прекрасно. Но есть нечто более страшное, чем гнет человека над человеком, это угнетение человеком самого себя — вечная борьба человека с своей природой, внушаемая ему грубыми предрассудками, отвратительно-лицемерной морали, созданной цивилизацией, т.-е. строем, основанным на частной собственности, семье и религии. Эта вечная раздвоенность человека, рожденная моралью, создает вечную драму его жизни Фурье желает освободить человека от гнета буржуазной морали, вырвать его из уродующих тисков добродетели. Фурье делает человеку драгоценнейший подарок, — он дарует ему внутреннюю свободу и беззаботность.

§ 3. Материализм, анархизм и социализм в учении и социальной системе Фурье.

Буржуазная критика не без основания называла Фурье материалистом, анархистом и социалистом; он вполне заслуживает этих кличек, посредством которых указанная критика хотела лишить его титула благонадежности в глазах своих читателей. Сам Фурье с негодованием отверг бы обвинение в материализме и анархизме, но в данном случае он был бы совершенно неправ.

Фурье, правда, допускал существование бога и загробной жизни, но мы уже указывали, как понимал он сущность божества; что касается его учения о загробной жизни и странствовании душ, то это относится к области той «поэзии», которая ничем не связана с основами его учения. Это ясно понимали критики Фурье из лагеря буржуазии и духовенства; последнее в своих журналах подняло кампанию против Фурье, доказывая, что, несмотря на признание им на словах существования бога и загробной жизни, все его учение, включая его мнимую религиозность, направлено к низвержению основ общественной жизни, религии и морали.

Фурье не занимался ни вопросом об отношении между телом и душой, ни вопросами познания. Его философское миросозерцание лежит прежде всего в области психологии и этики. Что ставит он целью человеческой жизни? Духовные блага религии? Добродетели, рекомендуемые моралью? Нет,— счастье. Что является у него основой счастья? Наслаждения и, главным образом, чувственные наслаждения, среди коих на первом месте стоят наслаждения чрева. Какое начало кладет он в основу человеческой психологии, начало духовное, роднящее человека с божеством? Нет, страсти и инстинкты, стремление к удовольствию и отвращение к страданию. Что он считает двигателем человеческой деятельности? Долг, веление религии или совести, приказы власти? Нет, стремление к удовлетворению страстей и инстинктов, любовь к роскоши, жажду богатства. Быть может, он идеализирует любовь производя ее от духовного начала, возводя брачное единение в чин таинства? Без сомнения, Фурье чрезвычайно поэтизирует любовную страсть; он неоднократно подчеркивает, что любовь, достойная человека, должна соединять очарование тела с очарованием души; но в основе его любви лежит чувственное начало и он проповедует самое полное удовлетворение инстинкта разнообразия, лежащего в основе любовной природы человека. Фурье, наконец, обещает рай здесь, на земле, а не переносит его в загробную жизнь, подобно идеалистам, которые вместе с религией требуют от человека воздержания, смирения, ограничения своих материальных и плотских стремлений и вожделений.

Ясно, что философ, строящий психологию, этику и социальную жизнь на таких резко выраженных материалистических основах, должен быть отнесен к материалистам, несмотря на его разглагольствования о роли божества во вселенной и фантазии о странствованиях души.

Фурье не без основания причисляется к родоначальникам анархизма. Он имеет полное право на этот титул. Относительно того, какое значение нужно придавать его бесчисленным монархам с их свитами, коими он загромождает свою систему фаланг, мы уже говорили; они могут быть смело выброшены за борт без того, чтобы кто-либо заметил их исчезновение, и без всякого нарушения правильности действия механизма фаланги. Фурье без сомнения анархист, потому что в его фаланге нет ни атома власти, ибо власть, это принуждение; а разве можно себе вообразить в строе «страстных серий» что-либо похожее на принуждение? Если мы допустим в фаланге атом принуждения, она рушится, как карточный домик, или должна будет перестроиться сверху донизу на началах принуждения и насилия, то-есть перестать быть фалангой Шарля Фурье. Вводимый Фурье «ареопаг»,

состоящий из старейших и мудрейших, является чисто совещательным учреждением по вопросам преимущественно техническим; фаланга и отдельные серии вольны следовать или не следовать советам ареопага. Если мы обратимся к отношениям, существующим между отдельными фалангами, то увидим, что они построены на том же принципе взаимопритяжения и взаимного интереса. При описании взаимоотношений отдельных фаланг, фаланг целого округа или целой страны и всего земного шара Фурье нигде не упоминает о вмешательстве в эти взаимоотношения какого-либо учреждения, облеченного властью повелевать и принуждать; нигде не существует серий полицейских; военные армии заменены индустриальными. Анархизм, проповедуемый Фурье, самый чистый и последовательный из всех видов анархизма.

Фурье должен быть причислен к социалистам; но его социализм может быть установлен после некоторого углубления в его учение. С первого взгляда Фурье, наоборот, должен быть отнесен к антисоциалистам.

Чтобы уяснить себе характер фурьеровского социализма, нужно вспомнить, что основа современного социализма заключается в обобществлении орудий производства, в уничтожении, благодаря этому, системы наемного труда и эксплуатации человека человеком. Рассматривая социальные воззрения Фурье с точки зрения этого основного принципа, мы видим, что Фурье одной ногой стоит в социализме, другой в буржуазном обществе.

Фурье, как мы подробнее укажем при рассмотрении утопических элементов его учения, не уяснил себе смысла классовой борьбы в современном обществе и одну из главных задач своей фаланги видел в примирении классовых противоречий.

Стремясь к этой цели, Фурье сохраняет в фаланге собственность, правда не в чистом виде, а в форме акций на внесенный капитал, становящийся достоянием ассоциации. Это было бы полбеды, но он не уничтожает в своей фаланге наследства, и, таким образом, в его социальном строе создается наследственный класс бездельников, которые, хотя и не стоят, подобно современным капиталистам, во главе производства, но все же являются совершенно излишними паразитами, не только истощающими общественный организм, но способными деморализовать население фаланги своей привилегированностью.

Такое положение капиталистов у него не является случайностью. Правда, эти привилегии можно было бы отнести к той же категории явлений, к какой в его фаланге относятся троны и алтари, но Фурье неоднократно подчеркивает, что неравенство, входящее в план творца, является одним из принципов фаланги, что деление на богатых и бедных, конечно, не с такими крайностями, как в строе цивилизации,

было и останется, и что все эксперименты в деле уравнения богатств заранее осуждены на полную неудачу. Он поэтому едко осмеивает «мошенничества и ловушки» безбожной коммунистической секты оуэнистов, а также фигляров сен-симонистов, догматы коих столь чудовищны, что остается только пожать плечами, «ибо не является ли нелепостью в XIX веке говорить об уничтожении собственности и права наследования?»

Но рядом с этими антисоциалистическими принципами Фурье выдвигает ряд идей, носящих вполне социалистический характер.

Это, прежде всего, организация ассоциированного производства, которое будет направляться не волей отдельного предпринимателя, а распоряжениями коллектива и его органов. Правда, на орудиях этого производства еще тяготеют индивидуальные права капиталистов и землевладельцев, но в ближайшем будущем и сама эта собственность станет общим достоянием; во всяком случае, эти собственники не более, как откармливаемые на общественный счет дармоеды, а отнюдь не распорядители и инициаторы общественного производства.

При такой организации производства нет места наемному труду. Эксплуатация, правда, в известной степени остается, ибо часть дохода идет на вознаграждение капитала, но рабочий получает не заработную плату, а долю общественного дохода, которая, по мнению Фурье, достаточно велика, в виду особой производительности труда в фаланге.

Но, что особенно заслуживает внимания среди социалистических идей Фурье, это гарантия прожиточного минимума всякому члену фаланги без всяких обязательств с его стороны, ибо труд ведь притягателен, и, следовательно, нет надобности заставлять кого бы то ни было работать. Таким образом, то, что было выдвинуто впоследствии мелкобуржуазными социалистами — право на труд и право на жизнь — осуществляется в «социалистическом» строе Фурье в самом совершенном виде.

Необходимо, наконец, отметить, что, стремясь уничтожить многочисленные непроизводительные затраты, сопряженные с содержанием множества мелких хозяйств; Фурье организует и потребление на коммунистических началах.

Рассматривая его социальные идеи вкупе, мы видим, что они более социалистичны, чем желал того сам Фурье. Ибо строй, в котором нет частных предпринимателей и наемного труда, и где производство и потребление социализированы, поневоле должен стать социалистическим, несмотря на существование нескольких капиталистов, находящихся на содержании общины и несмотря на уверения творца этой общины, что он намерен сохранить собственность и неравенство имуществ.

§ 4. Элементы диалектики и экономического материализма в воззрениях Фурье. — Анализ капиталистического строя.

Фр. Энгельс называет Фурье замечательным диалектиком. Действительно, этот эпитет, приложимый в известной степени ко всем трем великим утопистам, более других заслужен нашим автором. Нельзя сказать, чтобы он был вполне последовательным диалектиком, ибо тогда, он, быть может, не был бы таким крайним утопистом; но что мы на каждом шагу наталкиваемся у него на этот метод мышления и анализа, это — не подлежит сомнению. Он мыслит диалектически, когда утверждает, что наши страсти, ведущие к розни и бедствиям в строе цивилизации или индивидуализма, приведут к гармонии и счастью в сосьетарном строе, т.-е. в строе ассоциации. Точно также он применяет этот метод к вопросам любви и брака, утверждая, что в современном строе любовь ведет к расточительности, поощрению праздности и многочисленным страданиям и бедствиям, между тем как в сосьетарном строе она будет стимулировать производительный труд, содействуя, таким образом, созданию и приобретению богатств, и явится обильным источником наслаждения и счастья. Это то, что он называет «dualité d'essor» (дословно: «двойственность полета»). Он диалектик, когда констатирует, что цивилизация приводится в движение противоположными крайностями, между которыми она колеблется, и констатирует в этом строе «duplicité d'action», т.-е. двойственность (или, вернее, двоедушие) во всех основных его проявлениях*). И вполне диалектически он мыслит, когда в начало всемирного социального развития кладет строй «упрощенных серий», чтобы через ряд периодов, основанных на противоположном принципе (индивидуализма) прийти вновь к строю «серий усовершенствованных», или когда он сравнивает цивилизацию, дошедшую до апогея, с шелковичным червем, который, пресытившись, должен переменить свою сущность, т.-е. превратиться в куколку.— Он, наконец, одним диалектическим штрихом очерчивает весь этот нелепый строй насилия, двуличия и лжи, когда называет его миром наизнанку (un monde à rebours), который он намерен вновь перевернуть на лицевую сторону.

Таких примеров применения нашим автором диалектического метода можно привести множество. Вооруженный таким методом, Фурье углубляется в анализ развития человеческого общества и современного строя цивилизации и, вскрывая этим скальпелем сущность капитализма, он предвосхищает ряд выводов, сделанных впоследствии в более ясной,

---

*) „Он (Фурье) остроумно и проницательно вскрыл противоречия, которые цивилизация беспрерывно создает вновь, никогда не имея силы побороть их". (Фр. Меринг, Ист. Герм. с.-д., изд. Гр. т. I, стр. 11).

законченной и категорической форме творцами научного социализма Марксом и Энгельсом *).

С указанной точки зрения прежде всего заслуживает внимания его «изображение хода социального развития». Это изображение у него основано целиком на об'ективном методе. Один социальный период сменяется другим в силу об'ективной необходимости, вследствие собственного социального прогресса, иначе говоря, вследствие развития заключающихся в нем социальных особенностей, а такими особенностями Фурье прежде всего, как мы видели, считает хозяйственные особенности **). «Если бы было возможно, чтобы крупная индустрия родилась в первом периоде — говорит он в «Теории четырех движений»,— человеческий род избег бы несчастия пройти через пять периодов бедствия и сразу из первого периода перешел бы в седьмой».

Современный строй цивилизации должен перейти в строй ассоциации, не вследствие каких-либо моральных причин, например, несправедливости этого строя, а вследствие собственного социального прогресса, вследствие достижения им «апогея» своего развития, а именно максимального развития искусства мореплавания и научной химии (т.-е. отраслей техники, которые Фурье считал особенно важными для прогресса промышленности и торговли); с того момента, как период цивилизации снабжен этими «рычагами», он достиг, по выражению Фурье, «индустриальной зрелости», он созрел для перехода в следующий период полуассоциации. Как только цивилизация достигла апогея своего прогресса, она становится зрелым плодом, который следует сорвать, иначе он начнет портиться. Само развитие техники и удивительный расцвет наук, вместо того, чтобы приносить пользу, будут приносить вред перезрелому плоду цивилизации. Говоря об отсутствии «чистых» социальных периодов, Фурье констатирует, что в каждом предшествующем периоде уже заключаются черты следующего

*) В своих „Очерках из новейшей истории политической экономии и социализма" Туган-Барановский, изложив социально-экономические воззрения Фурье, называемые им „гениальными", восклицает: „Но, как мало осталось Марксу прибавить к схеме Фурье, чтобы создать свое знаменитое учение о законах развития капиталистического хозяйства!" — С такой преувеличенной оценкой влияния Фурье на Маркса, конечно, нельзя согласиться. Марксу, при самом основательном усвоении идей Фурье, оставалось еще много к ним прибавить, чтобы создать свое знаменитое учение о сущности и развитии капиталистического хозяйства и прежде всего дать стройный анализ этого хозяйства с теорией прибавочной стоимости в его основе и с анализом строения капитала и теорией его накопления, свести в одно логическое целое весь процесс капиталистического производства и обращения, создав ясную и стройную теорию концентрации капитала, об'единить свое экономическое учение с теорией исторического материализма и одухотворить его огнем классовой борьбы. Но не подлежит сомнению, что в теории Фурье, подобно алмазам, там и сям разбросаны отдельные идеи и осколки идей, как бы предвосхищающие многое из того, что впоследствии в стройном и законченном виде было формулировано Марксом и Энгельсом.

**) Это нами подробнее выяснено выше, § 4 гл. III.

периода, и один период переходит в другой в силу своей социальной зрелости. Так, варварство может заключать в себе черты цивилизации, а цивилизация — черты Гармонии в форме полуассоциации или кооперации.

Государственные деятели, философы и моралисты стремятся к улучшению строя цивилизации; они хотят создать строй усовершенствованный, одним словом, перейти в следующий социальный период. Что же они для этого делают? Правители вводят новшества в администрации и государственных учреждениях; философы предлагают новые политические и моральные системы. Но это ни к чему не приводит. «Так цивилизация выбивается из сил на теоретическом и практическом поприще, чтобы перейти в шестой период, но не в состоянии этого достичь, потому что эта перемена, повторяю, связана с операциями домашне-хозяйственными и индустриальными.

В неменьшей степени экономико-материалистические воззрения Фурье выступают в его взглядах на любовь, брак и воспитание детей, когда, например, он утверждает, что в строе цивилизации брак является союзом для воспроизводства и воспитания работников, когда он в строе Гармонии хочет заставить любовную страсть служить интересам индустрии, или когда он в основу своей педагогической системы кладет развитие индустриальных навыков, подчиняя науку и обучение потребностям ассоциированного труда.

Не менее, если не более, для подготовки концепции научного социализма сделал Фурье своим экономическим анализом, нарождающегося капиталистического строя. Он подверг едкой критике принцип свободы торговли, показав, какие разрушительные антиобщественные элементы в нем скрываются, показав, как эта свобода ведет, с одной стороны, к порабощению рабочего, а с другой,— к отдаче на полную эксплуатацию торговцев потребителя, т.-е. всего народа. Он далее отметил основной недостаток капиталистического хозяйства, который он назвал «индустриализмом» или манией производить без определенного плана, руководясь не потребностями и даже не рыночным неопределенным спросом, а стремлением перещеголять конкурентов; результатом этого является одно из наиболее поразительных противоречий хозяйства строя цивилизации, что в странах с наиболее развитой промышленностью рабочие более всего бедствуют. В приводимом им примере из современной английской промышленности много убедительности и сарказма. С удивительной проницательностью он указывает, в каком направлении следует искать причину кризисов, т.-е. периодических потрясений современного хозяйственного организма, который как бы задыхается от «полнокровия», от изобилия соков, неправильно в нем циркулирующих. Эти кризисы, кроме вс

характерных для них отрицательных явлений, ведут к тому поразительному результату, что рабочие обрекаются на голод и холод, несмотря на наличие на складах множества товаров; рабочие голодают от того, что слишком много произвели. Этот голод от изобилия Фурье отмечает, как одну из характерных нелепостей капиталистического строя.

Как уже указано было выше, Фурье отметил не менее характерную особенность капиталистического хозяйства — концентрацию капиталов в немногих руках под влиянием конкуренции и экономических выгод крупного капитала перед мелким; образующиеся при этом крупные торговые и промышленные компании раздавливают мелкие, а рабочего превращают в раба. Результатом концентрации капиталов является коммерческий или промышленный феодализм, идущий на смену феодализму дворянскому. Он как бы предсказывает роль финансового капитала, когда говорит: «Много обстоятельств содействовало об'единению негоциантов, их организации в компании, их превращению в коалицию монополистов; в союзе с крупными (земельными?) собственниками они способны превратить всех торговцев и промышленников, ниже их стоящих, в своих вассалов и стать при посредстве цепи интриг хозяевами всех видов производства». Но по мере возрастания этой роли концентрированного капитала, растет эксплуатация, необеспеченность, одним словом, все неурядицы, свойственные хозяйственной жизни строя цивилизации. Такова судьба цивилизации, которая колеблется между противоположными крайностями, не останавливаясь на мудрой середине и все более и более теряя свое равновесие...

Когда читаешь подобные строки, то невольно хочется закончить их следующими словами (из 1 тома «Капитала»): «Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторы экспроприируются...»

Фурье констатирует влияние экономики на всю идеологию строя цивилизации; господство капитала наложило свою печать на политику, науку, философию, искусство и в наибольшей степени — на мораль.

Подводя итоги даваемому им об'яснению происхождения меркантильной идеологии, начиная с второй половины XVIII века, наш автор замечает: «Говоря проще, произошла смена фаз цивилизации, перешедшей из второй в третью фазу, в которой господствует коммерческий дух, один только направляющий всю Политику...» В этот период (т.-е. период третьей и четвертой фаз цивилизации) «тирания банкового портфеля, т.-е. самая худшая из всех тираний, накладывает свою лапу на власть королей...» «Порабощение правительства дошло до того, что «игорный дом», т.-е. биржа, стал компасом общественного мнения. На неугодное ему правление министерства он отвечает падением ценных бумаг, и это

достаточно публике, чтобы считать правительство не на своем месте...» «Это падение ценных бумаг часто является результатом интриг аферистов, которые сильнее самих министров...» Правительство сделалось пленником у класса торговцев, которые умеют держать его в своих руках при помощи мошны. «Ахенский конгресс, на котором участвовали самые могущественные государи Европы и их представители, не принял ни одного окончательного решения, пока не явились ожидавшиеся два банкира...» «Таково современное положение ажиотеров, которые видят правительства у своих ног». Правительство спешит исполнить волю торговцев, как будто оно всецело зависит от них.

Касаясь вопроса о чревоугодии, как основе всех удовольствий, Фурье видит важную практическую сторону его в том, что оно будет содействовать усовершенствованию вкусов потребителей, что неминуемо отразится на индустрии, а отсюда изощрение вкуса распространится на искусство и на литературу. Моралисты начинают, наоборот, с искусства и этим задерживают как его собственное развитие, так и развитие индустрии; между тем нужно начать, наоборот, с развития потребностей и производства, которые дадут правильное направление всем видам искусства. Фурье констатирует, как под влиянием современного меркантильного духа, опошлился театр, извратились свободные профессии — адвокатура и медицина. Даже истина находится в зависимости от формы общественной жизни; в строе цивилизации нет места истине, потому что борьба за существование заставляет человека лгать и изворачиваться. Только с водворением строя ассоциации и обеспеченности существования настанет пора для истины в людских отношениях; богатство, таким образом, явится залогом господства истины; как должны будут возмущаться моралисты, — замечает Фурье, — что я в богатстве и счастьи вижу фундамент добродетели, между тем как они ищут его в бедности и лишениях.

Наконец, сама наука целиком перекрасилась в меркантильный цвет и пошла на службу к толстосумам... «Самые выдающиеся гении XIX в. посвятили свое перо раз'яснению тайн биржи. Поэзия и изящные искусства в загоне и Храм Памяти открывается только для тех, которые нас просвещают относительно торговых спекуляций...» *)

*) В еще более рельефном виде эти идеи выражены у Консидерана. Вот как Консидеран характеризует в „Destinée sociale" отношение между экономикой и политикой в третьем фазисе. т.-е. цивилизации.

„Меркантильный дух и акционерная концентрация, стремящиеся к тому, чтобы дать крупным капиталистам управление индустрией и ее монополию, являются элементами морской монополии, т.-е. высшей торговой монополии, этого краеугольного камня третьего фазиса. Эта монополия влияет на общую политику до такой степени, что изменяет весь ее характер; она становится фокусом политики и отмечает ее новыми чертами, обнаруживающими социальную энергию меркантильного элемента этой эпохи. Дело доходит до того, что, начиная с этого момента, меркантильный дух становится высшим руководителем дипломатии и всех

§ 5. Утопизм Фурье.

Для утопического социализма характерны следующие два момента: во-первых, проповедь социализма, обращенная безразлично ко всем классам общества; во-вторых, надежда водворить проектируемый социалистический строй посредством основания пробной или примерной общины.

Проповедь заключается прежде всего в изображении отрицательных сторон существующего строя, а затем всех выгод и преимуществ, которые проектируемый строй должен принести его основателям. Живой пример удачной процветающей общины увлечет все человечество, и существующий строй эксплуатации будет, таким образом, безболезненно уничтожен. Оба эти момента (пропаганда и основание примерной общины) неразрывно связаны друг с другом. Более важным является основание примерной общины; но для этого необходимо распропагандировать известное число людей и к тому же привлечь на свою сторону богачей и, пожалуй, также правительство, чтобы получить средства для основания такой общины, средства, подчас очень значительные, какие требовались, например, для основания фаланги с ее дворцом, мастерскими, оборудованием и пр.

международных сношений. Он взбирается на фургон, усаживает лорд-канцлера на тюк хлопчатой бумаги, диктует мир и войну, навязывает международные союзы, как властелин управляет всем социальным движением".

„... В третьем фазисе тон задают иллюзии экономизма; подобно тому, как рыцарская поэзия запечатлела своими красками эпоху феодального дворянства, философская и либеральная идеология характеризовала эпоху политической эмансипации индустриального класса. Рыцарский дух был убит либеральным духом, который выставил его в смешном виде, назвав его д о н к и х о т с т в о м; а в настоящее время экономизм начинает убивать либеральную тенденцию, проповедуя политику интересов. Открыты шлюзы социального материализма, который разливается широкой волной..."

Консидеран ясно видел, что капитализм, развиваясь путем концентрации, сам подготовляет свое крушение.

„В третьем фазисе, — говорит он, — могущество больших капиталов, умноженное акционерной концентрацией, машинами и всеми средствами, которыми обладает крупное производство, уже раздавливает массу коммерсантов и промышленников с мелким или средним капиталом. Развитие пролетариата и пауперизма идет гигантскими шагами; а так как капиталисты живут в городах, центрах торговли и потребления, то именно в городах водворяется индустриальный феодализм, который вскоре проявляет там свое разрушительное действие. В городах также скучиваются массы пролетариев, живущих со дня на день, причем между ними и капиталистами не существует той связи, которая некогда соединяла вассала с сеньором. Эти батальоны нищеты угрожают цивилизации, ибо, не говоря о промышленных кризисах, которые иногда вдруг вырывают у рабочего населения кусок хлеба, едва достаточный для его пропитания, третий фазис, вследствие двух движений, которые в нем происходят в противоположных направлениях (пролетаризация масс и концентрация капиталов), по крайней мере настолько же, как и второй (период борьбы буржуазии за свое освобождение), чреват внутренней борьбой и гражданской войной. Но только революции, вместо того, чтобы происходить во имя политических прав, происходят теперь во имя прав социальных; речь идет не о формах правления только, но и формах собственности и о праве на собственность: дело касается самой основы социальной организации".

Эта тактика основана на непонимании или игнорировании классовых противоречий и, в частности, на непонимании психологии господствующего класса, который, получая от существующего строя все выгоды и преимущества, считает его наилучшим из всех существующих и вообще единственно возможным. Так, идеологи буржуазии, выступившей в конце XVIII века на политическую арену (просветители, рационалисты, экономисты), не только восторженно приветствовали этот строй, но искренно доказывали — и доказывали по временам очень остроумно, а иногда очень убедительно, по крайней мере для тех, кто склонны были поддаваться их доводам,— что этот строй, т.-е. капитализм, является единственной и наилучшей из всех возможных форм человеческого общежития; что все предшествовавшие формы общежития были как бы недозрелыми, незаконченными, переходными и что именно нарождающийся капиталистический строй есть венец, наиболее мудрое завершение социального строительства. Вся буржуазия и все примыкавшие к ней общественные элементы с восторгом внимали этой проповеди не потому, что она опиралась на неопровержимые доводы и доказательства, а потому, что развивавшийся строй наилучшим образом удовлетворял ее интересам, сулил ей большие выгоды в будущем, упрочивал ее положение в настоящем. Пользуясь всеми выгодами этого строя, она была уверена, что этот строй столь же выгоден для всех людей без исключения, и тем искреннее верила в это, что, согласно принципам новой политики и законодательства, юридически все граждане были равны, всякий имел право заниматься какими угодно видами труда и промышленности, без каких-либо ограничений, между тем как в минувший феодально-цеховый период права и деятельность отдельных категорий граждан были сильно стеснены привилегиями дворянства и духовенства, цеховой системой, опекой и произволом правительства.

Утопизм, повторяем, заключается прежде всего в непонимании или игнорировании сущности классовых противоречий и психологии господствующего класса. Это непонимание усиливалось у того или иного утописта, в особенности с того момента, когда ему проповедью или личным влиянием удавалось склонить на свою сторону несколько человек из среды господствующего класса, и он укреплялся в мнении, что пропаганда, обращенная безразлично ко всем (и в особенности к просвещенному классу, который в начале XIX века являлся господствующим) есть лучшее орудие для достижения поставленных целей.

Если мы с указанной точки зрения подойдем к нашему автору, то увидим, что он был утопистом чистой воды. Фурье превосходит своим утопизмом Оуэна и последователей Сен-Симона. Как Роб. Оуэн, так и сен-симонисты, принимали активное участие в действительной

жизни, в особенности — первый. Оуэн не только был борцом за фабричное законодательство, он был активным вождем английского рабочего класса в период 1830—34 г. г.; он неоднократно обращал свою речь к пролетариату и звал его к лучшему будущему. Ничего подобного мы не видим в деятельности Фурье, который довел свой утопизм до карикатурности и, идя по этой наклонной плоскости, должен был докатиться до тех вопиющих противоречий, которые мы у него находим. Будучи другом рабочих и деистом (если не атеистом), ненавидя всякого рода эксплуатацию и обман, он допускал в свою фалангу капиталистов и попов, возводил никчемные троны и алтари, брался снабдить оставшихся за бортом принцесс женихами-девственниками из корпорации весталов, а богатых старичков — молоденькими любовницами, и многое в том же роде он обещал богачам и аристократам — все для того, чтобы склонить на свою сторону сильных мира сего... В этой карикатуре есть много трагичного. Трагично зрелище гениального, социального мыслителя, пресмыкающегося перед тем классом, который он подверг столь сильной критике, протягивающего за помощью руку к хозяевам и господам того строя, который он собирается уничтожить, готового заняться сводничеством, лишь бы привлечь на свою сторону еще одного прозелита из числа тех, на которых он столь бесплодно возлагал свои надежды.

Утопизм не мешал нашему автору правильно понимать сущность развивающегося перед ним социального и экономического процесса и критиковать его с той всесторонностью, с какой он это умел делать; утопизм не мешал ему дать правильную оценку прошлому и высказать гениальные догадки относительно будущего. Но он спотыкался всякий раз, когда перед ним вставал вопрос о способах и средствах водворения проектируемого им строя, ибо он не понимал, где искать движущую силу той эволюции, того развития, которое он так глубоко и остроумно умел охарактеризовать.

Возникает вопрос, почему Фурье, который умел так глубоко проникать в сущность строя цивилизации, не понял значения классовой борьбы. Было ли это недомыслие и своеобразная умственная слепота? И да, и нет.

Причина этой своеобразной умственной слепоты крылась в об'ективных условиях французской экономической жизни, в недостаточном развитии промышленного капитализма во Франции. В то время, как в Англии, в конце XVIII века, благодаря изобретению и непрерывному усовершенствованию машин и непрекращавшемуся процессу обезземеления крестьян и пролетаризации кустарей, развитие фабричной промышленности шло гигантскими шагами,— во Франции, где этих условий не существовало, преобладающие формы экономической

жизни изменялись очень медленно, так что и после революции таковыми были ремесленная промышленность и мелкое крестьянское хозяйство; более того, этот преобладающий мелко-буржуазный характер французской экономической жизни усилился, благодаря возникновению класса свободных мелких землевладельцев — крестьян, к которым перешли национализированные земельные имущества, то-есть земли, конфискованные революцией у крупных землевладельцев. Таким образом, в то время, как в Англии ясно обозначалось классовое расслоение общества на крупных землевладельцев и крупных промышленных капиталистов, с одной стороны, и сельско-фабричный пролетариат, с другой,— во Франции, наоборот, со сцены сошло крупное землевладение, а класс крупных фабрично-промышленных капиталистов еще недостаточно оформился, точно также, как не оформился его антипод— фабричный пролетариат. Период революции и следовавших за ней наполеоновских войн не мог быть благоприятным для промышленного прогресса Франции, не говоря о колоссальной гибели молодых сил, выхваченных из среды трудовых классов. Столь же неблагоприятна была делу экономического прогресса эпоха реставрации. Вернувшееся к власти дворянство было сосредоточено на отомщении за старые обиды и на искоренении всех новшеств революции. Только с 30 годов вместе с свержением Бурбонов и окончательным переходом власти к крупной буржуазии, начинается, под влиянием поощрения свыше, быстрое развитие крупной французской промышленности. Но эпоха, когда Фурье писал свои главные произведения, была и осталась эпохой мелко-промышленной экономики по преимуществу со всеми ее отличительными особенностями *). Вот почему Фурье, несмотря на всю прозорливость, обнаруженную им в социально-экономической области, не мог уразуметь грядущую роль пролетариата и тем более возлагать на него какие бы то ни было надежды в деле водворения рекомендуемого им строя.

Была еще и другая причина, которая способна была отпугнуть нашего автора от союза с трудовыми массами; если бы идея о таком союзе у него возникла, причина, которая не только не вселяла в него веру в творческие способности этих масс, но, наоборот, заставляла его смотреть на них, как на грубую разрушительную силу. Это —

*) Правда, рядом с этой мелко-буржуазной промышленностью стояла крупная сила капиталистов-купцов, т. н. негоциантов, или, как Фурье их называет, спекулянтов-ажиотеров, которые уже играли видную роль в промышленности, как скупщики, эксплуататоры домашней промышленности, поставщики сырья и которые не сегодня-завтра должны были стать организаторами крупной промышленности; но в эту эпоху они еще не были таковыми и как бы стояли против нее, являлись даже в известной степени ее дезорганизаторами и эксплуататорами, разоряя ее и выжимая из нее соки посредством спекуляций, скупки сырья, дешевого оптового приобретения ее продукции и пр., на что так яростно нападал Фурье

предшествовавший опыт Великой Французской Революции. Фурье не понял роли масс во французской революции, он не понял положительных результатов, достигнутых революцией, благодаря участию в ней народных масс; он не понял, почему, с другой стороны, это участие оказалось недостаточным, чтобы достигнуть тех результатов, которые он сам стремится достичь своими социальными планами. В глазах Фурье, как мы видели, Великая Французская Революция была «катастрофой», неудачным опытом, ее вожди и идеологи — обманщиками, не только не давшими обещанных свободы, равенства и братства, но пролившими бесплодно потоки невинной крови, а массы — бессмысленным скопищем черни, претворившим в дело разрушительные лозунги... *)

Этот субъективный и близорукий взгляд на французскую революцию помешал нашему автору уяснить себе роль борьбы классов, а экономическая отсталость Франции помешала ему предвидеть роль пролетариата в деле перехода к новым общественным формам. Сама эта борьба не только не ускользнула от него, но находится на первом плане изображаемой им картины цивилизации. Разве он не отметил, как одну из главных черт последней стадии цивилизации, замену дворянского феодализма промышленным? А между тем он оказался неспособным сделать второй шаг и уразуметь то значение, которое в этом деле имела борьба между дворянством и буржуазией, завершившаяся «катастрофой» 1789 года. Еще менее он оказался способным понять прогрессивное значение этого выступления буржуазии на политическую арену.

В связи с этим непониманием действительного значения Великой Французской Революции стоит крайняя политическая близорукость нашего автора, доходящая до неподражаемой политической наивности. Он искренно верил, что монархи существуют для оказания благодеяний народам и для наилучшего устройства их судеб. Если мы до сих пор не видим таких благотворных результатов монархизма, то это происходит от того, что на тронах редко бывают «добрые» монархи **), а с другой стороны, потому что монархи до сих пор не были знакомы с его, Фурье, социальной системой. Роль общественных классов в деле создания и поддержания тех или иных форм властвования и значение этих политических форм для господства этих классов и для эксплуатации ими трудового народа, хотя и не ускользнула от его внимания, но он оказался совершенно неспособным

*) Отрывки из сочинений Фурье, где он высказывает свой взгляд на Великую Французскую Революцию, цитированы нами выше, см. гл. I. § 4.

**) Впрочем, в этом отношении Фурье разделял заблуждения многих просветителей и материалистов XVIII в., которые возлагали все надежды в деле наилучшего устройства судеб народа на появление „доброго государя" (bon prince).

сделать отсюда надлежащие выводы *). Он не проникся достаточно той мыслью, что верхушка современной общественной пирамиды живет и наслаждается насчет соков, высасываемых ею из широкого народного ее основания, и потому верил, что наиболее богатые и счастливые элементы этой верхушки способны оказать ему необходимое содействие для разрушения этой пирамиды и для уничтожения господства их класса. Он также не понимал роли религии в деле затемнения сознания народных масс и поддержания владычества эксплуататоров. Вот почему он вводит в свой строй Гармонии бесконечное число монархов, попов **), аристократов и богачей, не понимая, что они должны здесь задохнуться, очутившись в безвоздушном пространстве.

При такой политической слепоте, Фурье, само собой понятно, был совершенно равнодушен к политике; он считал политических деятелей «интриганами» и, даже проще, мошенниками, стремящимися к наживе насчет народа, и был уверен, что его социальный строй совместим с любой формой правления. Он неоднократно повторял, что отнюдь не намерен покушаться на права и прерогативы монархов, но, наоборот, что его система послужит к укреплению всякого правительства потому, что, создавая благополучие подданных, он уничтожает всякую причину оппозиции и недовольства ***).

Из всего сказанного ясно, как отрицательно должен был относиться наш автор ко всем революционным методам борьбы за изменение существующего политического и социального строя.

Всем вышеуказанным об'ясняются также способы, избранные нашим автором для осуществления его социальной системы. Это — прежде всего «мирная» пропаганда. Правда, в своей пропаганде Фурье остается на более реалистической почве, чем, например, Оуэн. Он отнюдь не желает перевоспитать своей пропагандой богачей

---

*) Точно также неспособен был сделать эти выводы наиболее талантливый последователь Фурье Консидеран, несмотря на ту ясность, с которой он представлял себе классовую структуру капиталистического общества и противоречие классовых интересов капиталистов и пролетариата. „Промышленные элементы,— пишет он в „Destinée sociale" (стр. 59) — делятся на два класса: к первому относятся те, которые владеют всеми землями, капиталами и орудиями производства; ко второму — те, которые владеют только руками или головами, т.-е. рабочей или умственной силой. . . Интересы обоих этих классов в цивилизации совершенно противоположны и враждебны".

**) Интересно, что рядом с этими представителями официальной религии он вводит в фаланге „жречество" и целую иерархию мифологических существ, правда, набирая их из членов фаланги; эти своеобразные „боги" и „попы" имеют свои храмы и культ. Как надеялся наш утопист примирить этот Олимп с Римом, это остается его загадкой, которую, как и многие другие странности, он едва ли мог бы удовлетворительно об'яснить.

***) Раз'ясняя сущность своего метода абсолютного удаления, Фурье говорит: „... Я избегал всяких исследований по вопросам, касающимся интересов трона и алтаря, которые неустанно занимают философов с момента возникновения

и сильных мира сего, внушить им любовь и жалость к страждущим и обездоленным. Он идет совершенно иным путем, вполне соответствующим всему духу его учения; он им доказывает, что в его фаланге они будут гораздо счастливее и на доходы с своих капиталов будут получать несравненно больше благ и наслаждений, чем в нынешних хозяйственных и общественных условиях; в придачу к этому они будут в фаланге гораздо спокойнее за свою судьбу, встречая со стороны бедных благорасположение и благожелательность, вместо вражды и зависти. Но, как мы видели, проповедь нашего утописта не производила никакого впечатления на богачей и аристократов, которые в силу свойственной «человеческой природе» богачей консервативности и осторожности держались того взгляда, что от добра добра не ищут и что старые испытанные и освященные веками методы эксплуатации надежнее, чем те, которые проповедуются каким-то безвестным новатором. Наконец, они не были утопистами и понимали, что благо эксплуатируемых и эксплуататоров несовместимо и что, следовательно, невозможен строй, в котором те и другие процветали бы и жили бы мирно и счастливо рядом друг с другом, без всякого надзора со стороны попечительного начальства, без штыков и пушек. Они поэтому неспособны были уверовать в обещание Фурье примирить классовые противоречия в своем строе фаланги и вполне основательно смеялись, читая множество глав, посвященных этому вопросу нашим автором в его «Новом индустриальном и сосьетарном мире».

Вторым тактическим приемом утопистов рассматриваемой эпохи, и, в частности, Фурье и его учеников, являлась организация эксперимента, т.-е. пробной общины, построенной по принципам пропагандируемого учения. Фурье, как нами указывалось, посвящает этому вопросу, т.-е. организации пробной фаланги, множество страниц в своей «Теории всемирного единства» и в «Новом индустриальном

их науки; они всегда искали общественное благо в административных или религиозных реформах; я, наоборот, поставил себе целью искать это благо в реформах, не имеющих никакого отношения ни к администрации, ни к духовенству и основывающихся только на индустриальных и домашних мероприятиях, совместимых со всяким правительством и не требующих его вмешательства (Th. de quatre mouv., стр. 7). В своей книге „La fausse industrie", вышедшей в 1835 году после покушения Фиески на жизнь Луи-Филиппа в главе „Средства покончить с заговорами" Фурье называет свою систему изобретением, которое, создавая всеобщее благосостояние и добрые нравы, способствует предупреждению заговоров".

Столь же отрицательно относится к политике вся школа Фурье. Консидеран называет политику „совокупностью воюющих между собой мнений" и „погоней за министерскими портфелями", под вывеской „блага народа". Во время февральской революции фурьеристы оставались в редакции своего журнала, не выходя на улицу. Вскоре, однако, фурьеристы отступили от прежнего своего равнодушия к политике, и Консидеран с некоторыми сочувствующими ему депутатами примкнул в палате к крайней левой, защищая социальные идеи своего учителя.

и сосьетарном мире», останавливаясь на различных видах пробной фаланги, более простых и более совершенных и на множестве деталей внутренней ее организации.

Наивная вера его учеников в удачный исход эксперимента доходит до того, что они предлагают своим противникам, вместо бесплодной полемики прибегнуть к проверке истинности учения Фурье посредством опыта; если он окажется неудачным, значит, учение это ложно *).

Увы! Капиталистическая действительность безжалостно насмеялась над этой верой и целым рядом неудач подобных экспериментов показала, что в ее недрах невозможны пробные частичные опыты социалистического строительства и что, даже в случае удачи этих опытов, они неспособны поколебать существующий строй **).

---

*) „Мы могли бы многое ответить на эти декламации (критиков Фурье) — говорят ученики Фурье, издатели его сочинений, в предисловии к „Теории четырех движений",— но мы ограничимся следующими несколькими словами: „те, которые заявляют, что учение Фурье — чудовищное заблуждение и которые опровергают это учение с таким жаром и рвением, имеют прекрасный способ проверить его истинность. Это — эксперимент. Зачем расточать столько слов против этого учения? Разве мы хотим насильно навязать его обществу? Или к этому стремился Фурье? О чем просил он точно так же, как и мы. Мы требуем того, чего должны были бы самым настойчивым образом требовать и наши противники. Мы требуем эксперимента, который в случае неудачи, доказал бы ошибочность этого учения..."

И далее: „Если вы считаете заблуждением и безнравственностью верить, что человеческие страсти могут быть использованы и приведены в гармонию социальной системой, рекомендуемой Фурье, зачем напрасно сердиться и почему, наоборот, не помочь проповедующим это заблуждение убедиться путем опыта, об устройстве которого они просят, что доктрина их учителя ложна..." (Oeuvres compl. de Ch. Fourier, t. I. Th. de quatre mouv., éd. 1841 г., Pref. des éditeurs, стр. XII).

Первая попытка основания фаланги, как указано в начале этой книги, была сделана еще при жизни Фурье в 1832 году; но попытка эта оказалась неудачной, потому что не удалось собрать всего необходимого капитала и предприятие это распалось раньше, чем начало функционировать.

Об остальных попытках см. „Приложение" I.

**) Утопический социализм так выпукло и ярко очерчен Коммунистическим Манифестом, что мы сочли полезным привести здесь следующий отрывок, который относится не к одному только Фурье, но в особенности характеризует именно его.

„Творцы этих (утопических) систем (т.-е. Сен-Симон, Фурье, Оуэн и т. д.) видят уже противоречия классов, равно как и влияние разрушительных элементов внутри самого господствующего класса. Но они не видят в пролетариате никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движения.

„Так как развитие классовых противоречий идет рука об руку с развитием промышленности, то они, не находя в действительности материальных условий освобождения пролетариата, стараются найти социальную науку, социальные законы, чтобы создать эти условия.

„Место общественной самодеятельности должна занять их личная творческая деятельность, место исторических условий освобождения должны занять условия фантастические, место постепенно подвигающейся вперед организации пролетариата в класс — общественная организация их собственного изобретения. Дальнейшая история всего мира сводится у них к пропаганде и практическому осуществлению их социальных планов.

„При этом они понимают, правда, что со своими планами они являются выразителями интересов, главным образом, рабочего класса, как более других

Одна из существенных ошибок Фурье лежит, как мы видим, в том, что он не сумел сделать всех выводов из того закона общественного развития, который ему, хотя и в недостаточно ясной форме, удалось установить.

Если в основе общественного развития лежит неизменный закон, то каким образом ложные учения ученых могут направить это развитие на путь, не соответствующий указанному закону. Но, если допустить, что ложное мнение любого философа может повернуть общественное развитие куда угодно, тогда, конечно, нет никакого неизменного закона этого развития, и тогда, понятно, что он, Фурье, открывший истину, может направить общество на путь, который он считает надлежащим. В этом главная основа утопизма, в этой мечте единичной личности, что она призвана возродить общество,— в изготовлении таких рецептов спасения общества в тиши кабинета. Между тем, правильное изучение общественной жизни показывает, что рецепта спасения общества от его неурядиц следует искать в самом обществе, в законах его развития, и что существует только один путь, ведущий к исцелению общества от его недугов, это путь, данный его экономическим развитием и его классовой борьбой.

страдающего класса. Но только в этом качестве более других страдающего класса и существует для них пролетариат.

„Неразвитая форма борьбы классов, равно как и собственное их общественное положение, приводят к тому, что они считают себя стоящими выше этого антагонизма классов. Они хотят улучшить положение всех членов общества, не исключая и лучше поставленных. Поэтому они обращаются всегда безразлично ко всему обществу и даже преимущественно к господствующему классу. Ведь достаточно понять их систему, чтобы немедленно признать ее наилучшим планом наилучшего общественного устройства.

„Они отвергают поэтому всякую политическую и особенно всякую революционную деятельность; они стремятся достигнуть своей цели мирным путем посредством маленьких естественно обреченных на неудачи экспериментов; они хотят силой примера проложить путь новому общественному евангелию". (Коммунистический Манифест, с введением и примечаниями Д. Рязанова, изд. 2, Гиз., стр. 98 — 99).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Краткий очерк фурьеризма во Франции и Соединенных Штатах Северной Америки.

а) Фурьеризм во Франции.

В противоположность сен-симонистам, фурьеристы ничего не прибавили к доктрине своего учителя. Эта доктрина целиком дана в произведениях Фурье, и единственное, что сделано в теоретической области его последователями, заключается в ее популяризации, ибо, как нами указано в своем месте, своеобразие и трудность изложения делали произведения Фурье недоступными для широких кругов читателей. Помимо популяризации учениками Фурье произведены следующие две поправки при изложении теории учителя: во-первых, выброшена целиком его космогония и все связанное с ней, в виду ее ненаучности; во-вторых, почти всеми излагателями и популяризаторами смягчены или обойдены молчанием рекомендованные Фурье для строя Гармонии и для переходного периода системы любви, которые буржуазии и духовенству должны были казаться безнравственными.

Таким образом, в теоретическом отношении последователи и популяризаторы Фурье не прибавили ничего нового к его учению, с которым можно познакомиться вполне исчерпывающим образом, не прибегая к литературным трудам его учеников. В нижеследующем коротеньком очерке мы познакомимся только с тем, что сделано учениками Фурье для распространения его учения и для осуществления его социальной системы.

Как нами уже упоминалось в биографии Фурье, первыми его последователями были Жюст Мюирон и Кларисса Вигуре, а самым выдающимся Виктор Консидеран, открыто примкнувший к учению Фурье в 1830 году, когда им была напечатана прочувственная статья о Фурье в газете «Mercure de France».

В середине 1832 года ученики Фурье, при участии своего учителя стали издавать журнал «Le Phalanstère», который с седьмого сентября того же года получил название La Reforme industrielle ou la phalanstère (Промышленная реформа или фаланстер). Сотрудниками его, кроме самого Фурье, были: Консидеран, Лешевалье, Трансон, Боде-Дюлари,

Паже, Пеккер, Мюирон, Эйнар, де ла Тур дю Пэн, Аллир, Бюро, Девей, Пелларэн, Тамизье, Кларисса Вигуре, Рено, Мориз, Гюссон, и др. Журнал выходил еженедельно.

В 1832 году школа значительно расширилась; в ее состав вошли некоторые лица, отпавшие от сен-симонизма, среди которых наиболее выдающимися были упомянутые выше Лешевалье и Трансон.

Вместе с выходом журнала началась устная пропаганда, которую вели, главным образом, Консидеран, Лешевалье, Трансон, Бербрюгже и другие в самых различных частях Франции и даже за границей. В 1834 году Мюирон писал: «никогда наша пропаганда не была так успешна и плодотворна». Фурьеризм в это время имел представителей и кружки в Лионе, Рошфоре, Невшателе, Лилле, Нанте, Седане и др. местах. Рядом с этим издавались брошюры и листки. В 1833—34 г.г. школа насчитывала до 200 человек, рассеянных во всей Франции, влияние ее проникало за границу, главным образом, в Германию и Соединенные Штаты. Фурьеризм имел последователей не только среди интеллигенции, но отчасти среди рабочих; например, в Лионе учение Фурье нашло отклик в газетах мютюэлистов «Echo de la fabrique» и «Echo des travailleurs»; первая даже постепенно склонилась на сторону фурьеризма.

В 1832 году один из последователей Фурье, член палаты депутатов Боде-Дюлари человек очень богатый, крайне увлеченный идеями фурьеризма и желавший видеть их осуществление на практике, образовал акционерную компанию для основания пробной фаланги. Были выпущены акции на сумму в 1.200.000 франков; акции для более широкого распространения были разделены на купюры в 100 франков. В то же время Дюлари и примкнувшие к нему братья Девэ уступили за акции, принадлежавший им недалеко от Парижа участок земли в 500 гектаров. Немедленно приступили к постройке грандиозного здания фаланги, а также мастерских и других сооружений; но вскоре предприятие лопнуло, так как не хватило средств для его довершения; к тому же руководители дела оказались недостаточно практичными.

Под влиянием очевидной неудачи опыта дела фурьеристов ухудшились. Некоторые отпали от школы. Журнал «Le Phalanstère», ставший с середины 1833 г. ежемесячным, прекратил в 1834 г. свое существование. Но положение спас Консидеран, сумевший вдохнуть энергию в павших духом товарищей и ставший с этого момента как бы вторым главой школы. В том же 1834 г., Консидеран выпустил свой первый крупный труд «Destinée Sociale» — самое полное, самое глубокое и самое замечательное изложение фурьеризма по общему признанию; в следующем году он опубликовал несколько брошюр и среди них «Necessité d'une dernière debâcle politique en France».

В то же время очень популярные изложения фурьеризма сделали другие менее замечательные фурьеристы.

В 1837 г. начались внутренние нелады среди фурьеристов. Безансонская группа, недовольная автократическими тенденциями парижского центра, предложила проект автономии местных групп; но проект не был принят, благодаря противодействию Консидерана. От центра откололась небольшая группа.

С середины 1836 г. стала выходить «La Phalange» (Фаланга), явившаяся на смену «Фаланстеру». Сначала журнал выходил три раза в месяц, а затем два раза и, наконец, один раз в месяц; в этот период он носил чисто теоретический характер подобно своему предшественнику. Но с сентября 1840 г. «Фаланга» была преобразована; она стала выходить 3 раза в неделю, сделавшись более живой и близкой к жизни, откликаясь на вопросы экономики и политики, — рабочих союзов, стачек, железнодорожного строительства. В политике она была оппозиционной.

В то же время отколовшаяся группа стала издавать в Париже «Almanach Social» и «Nouveau Monde» и вошла в сношение с некоторыми провинциальными газетами, которые стали предоставлять свои страницы для пропаганды фурьеризма. Эта фракция стремилась завязать сношения с рабочими, хотя с незначительным успехом.

В 1841 г. вышел «Manifeste de l'école sociétaire», как бы заполнявший пропасть между теорией и практикой. Манифест пытался наметить условия для образования партии. С 1841 г. началось также издание полного собрания сочинений Фурье. Издатели называли себя «Обществом для пропаганды и осуществления учения Фурье».

В 1843 г. Консидеран был выбран депутатом палаты. Это подняло дух школы, увидевшей в избрании своего вождя средство влиять на правительство. Но это осталось только мечтой, так как фурьеристы не представляли собой партии. Идея образования партии встречала противодействие со стороны большинства; к тому же образование партии было невозможно, потому что в состав школы входили люди различных политических и религиозных убеждений; наконец, силы фурьеристов были слишком слабы, чтобы иметь влияние на выборы и направление политики. «Nouveau Monde» и «Almanach Social» просуществовали недолго; сама «Фаланга» могла существовать только благодаря щедрости нескольких состоятельных фурьеристов, спасавших ее в самые критические моменты.

К рассматриваемому периоду, т.-е. к началу 40 годов, относится новая попытка основания проóной фаланги, благодаря щедрости одного фурьериста, который находился под сильным влиянием горячей фурьеристки Гатти де Гаммон (написавшей очень интересное и талантливое

изложение фурьеризма). Благодаря этой щедрости в распоряжение группы фурьеристов было предоставлено имение в Котэ д'Ор, но дело кончилось полным провалом; школа во главе с Консидераном отрицала свою причастность к этому предприятию.

В номере «Фаланги» от 30 июля 1843 года редакция возвещала о превращении ее в ежедневную газету под названием «Democratie pacifique» («Мирная Демократия»); отныне главный орган фурьеристов должен был принять характер обычной политической газеты; теоретическая пропаганда и полемика отныне должны были вестись при посредстве брошюр. В период середины 40 годов фурьеризм достиг наибольшего расцвета; к нему прислушивались широкие круги интеллигенции, писателей и журналистов; но стремления проникнуть в народ все же остаются бесплодными. Тон «Мирной Демократии» становится все более и более воинственным, она ввязывается во всякие злободневные вопросы и при их обсуждении нередко обнаруживает очень верное понимание экономической и социальной действительности.

Превращение теоретического журнала фурьеристов в политическую газету показывало, насколько сама жизнь толкала фурьеристов на путь активной политической борьбы; но фурьеристы не поняли зова жизни, и их деятельность была обречена на бесплодие.

В февральской революции фурьеристы не принимали никакого участия, но все же они относились к ней с сочувствием. «Мирная Демократия» тотчас после революции заявила себя сторонницей республики, и с этого момента более активные фурьеристы составляли как бы часть социально-демократической партии, стараясь в то же время занять свое особое положение рядом с коммунистами и прудонистами *). Будучи избран в Национальное Собрание, Консидеран занял место на скамьях Горы, но в то же время он защищал свою доктрину, которую он 14 апреля 1849 года изложил в длинной речи в Собрании, требуя, чтобы фурьеристам были предоставлены необходимые средства для производства надлежащего опыта.

«Мирная Демократия» участвовала во всех демократических и социалистических кампаниях 1848—49 г. г. Консидеран участвовал в деле 13 июня и вместе с другими политическими деятелями принужден был покинуть Францию и в продолжение двадцати лет оставался добровольным изгнанником. После июньской расправы правительства

*) В номере от 12 февраля 1848 г. „Democratie pacifique" определенно признает, что „мирный путь для развития Франции прегражден", вследствие упрямства правительственного большинства, толкающего народ на восстание. После свержения Луи-Филиппа газета приветствовала победу народа и установление всеобщего избирательного права, а затем присоединилась к лозунгу: „Да здравствует республика", но при этом об'ясняла что на республику она смотрит, как на средство для социальной реформы. Это было резкое отступление от политической позиции правоверного фурьеризма.

Национального Собрания с рабочими (конец июня 1848 г.) и наступления реакции, «Мирная Демократия» принуждена была убавить тон и перейти опять к теоретическим вопросам, а спустя некоторое время она принуждена была закрыться. Некоторое время самостоятельно выходили ее приложения; последний номер «Almanach phalanstèrien» появился в 1852 г. Распадение фурьеристской школы, начавшееся в конце второй республики, закончилось в период Империи. Попытка основания пробной фаланги была сделана еще в 1853 году в Техасе (Америка), где небольшая группа фурьеристов, с Консидераном во главе, напрасно билась в продолжение нескольких лет.

В 80 годах, в связи с развитием кооперативного движения, произошло временное возрождение фурьеризма. В 1888 г. Ипполит Дестрэм основал ежемесячный журнал «Обновление», ставивший себе целью пропаганду основных идей Фурье; новые приверженцы учения Фурье организовали курсы и стали устраивать ежемесячные собрания; интерес к идеям Фурье стали обнаруживать и другие журналы. В конце 90 годов образовалась «Лига социального прогресса», поставившая себе целью основание ассоциаций, сходных с фалангой Фурье. Но все эти попытки возродить фурьеризм не имели успеха и постепенно замерли.

Говоря о фурьеристских или *quasi*-фурьеристских опытах, нужно упомянуть еще о «Фамилистере» в Гизе, основанном фабрикантом Годеном в 1862 году. Это предприятие имело очень мало общего с фалангой Фурье. Было устроено общежитие («дворец») для рабочих; владелец предоставил рабочим право участия в прибылях с тем, чтобы предприятие постепенно перешло в их собственность. По замыслу владельца фабрики его предприятие должно было постепенно превратиться в производительную ассоциацию, членами которой должны были быть сами рабочие; но в действительности, как большинство ассоциаций подобного типа, она превратилась в полукапиталистическое предприятие с наемными рабочими, число коих вскоре превзошло в несколько раз число членов первоначальной ассоциации.

б) Фурьеризм в Америке.

В Северо-Американских Соединенных Штатах главным деятелем фурьеристского движения был Альберт Брисбейн (1809—1890 г.). Будучи послан для довершения образования в Европу, он сначала увлекался сен-симонизмом, а с 1830 года, после раскола в лагере сен-симонистов, перешел к фурьеризму, которому оставался верен до тех пор, пока в конце 50 годов это социальное направление окончательно не исчезло в Европе и Америке.

Выпущенная им в 1840 г. книга «Социальное назначение человека», в которой учение Фурье было изложено популярно и приноровлено

к пониманию и интересам широкой американской публики, пользовалась колоссальным успехом и являлась главным проводником фурьеризма в Америке.

Брисбейну удалось склонить на свою сторону газетного издателя Горация Грили, который с 1842 года стал издавать газету «Трибуна», часть которой была посвящена пропаганде фурьеризма. Из других выдающихся американских фурьеристов следует отметить Парка Годуина, написавшего брошюру «Популярное изложение доктрины Шарля Фурье» и «Жизнь Шарля Фурье», далее Чарльза Денэ, Джона Дуайта, Уильяма Чаннинга и др.

В октябре 1843 г. Брисбейн начал издавать ежемесячный журнал The Phalanx («Фаланга»), который в 1845 г. был заменен еженедельным журналом «Предвестник». Кроме этих органов другими фурьеристами издавались: «Собиратель колосьев», «Настоящее», «Будущее». Устная пропаганда велась путем лекций; лекционные поездки, устраивавшиеся Алленом, Орвисом и Денэ, пользовались большим успехом.

Успеху фурьеристской пропаганды в Америке содействовал разразившийся в начале 40 годов острый кризис в промышленности и земледелии, а также начавшаяся агитация против рабства черных вольников, к которой присоединилась агитация против наемного труда белых невольников. Возникли многочисленные фурьеристские кружки и общества в Нью-Йорке, Нью-Джерсее, Массачузетсе, Пенсильвании, Огайо, Иллинойсе, Уисконсине и др. местах.

4 апреля 1844 г. в Нью-Йорке собрался Национальный Конгресс фурьеристов. Со всех частей Соединенных Штатов были получены адреса и приветствия. Конгресс принял несколько резолюций по вопросу об основании ассоциаций по типу фаланг, предостерегая в то же время от их основания без достаточных средств и подготовки. Принята была резолюция об основании постоянной национальной конференции ассоциаций с официальным органом «Фаланга» и исполнительным комитетом в составе 18 человек; признано было также желательным основание интернациональной организации фурьеристов, о чем постановлено было снестись с европейскими. фурьеристами

Рассмотренный период, т.-е. период 1840—1848 г.г., был апогеем расцвета фурьеристской пропаганды и увлечения фурьеризмом в Америке. Но когда от теории перешли к практике, т.-е. к основанию фаланг, то дело приняло менее благоприятный оборот, и на горьком опыте пришлось убедиться, что этот метод водворения общественного счастья и общественного равенства не имеет под собой прочной почвы в социальной действительности, и фурьеризм, неоправданный опытом, должен был рухнуть. Мы не говорим о множестве «фаланг», возникших почти без капитала и при условиях, которые лишали эти поселки

самого отдаленного сходства с фалангой Фурье; но даже более солидные и близкие к идеалу общины, после нескольких лет существования принуждены были ликвидироваться.

Увлечение фурьеризмом среди широких масс было так велико, что фаланги первого рода стали возникать во всех штатах, где фурьеристская пропаганда нашла себе последователей. Причина такого увлечения как было уже сказано, лежала в экономическом кризисе, вследствие которого тысячи человек остались без заработка и хлеба. Эти попытки, которые вожди фурьеризма не могли остановить,— так велико было увлечение рядовых фурьеристов и их жажда строя, обеспечивающего от бедствий «цивилизации»,— эти попытки с самого начала были обречены на неудачи.

Наиболее крупными и серьезными опытами были: Северо-Американская фаланга, Брукская ферма (Брук-фарм) и Сереско или Уисконсин.

Северо-Американская фаланга была основана с капиталом всего в 8.000 долларов, но ее успешное развитие привело к тому, что в 1852 г. ее имущество оценивалось в 80.000 долларов. Работа была организована по группам и сериям, хотя, конечно, далеко не по рецепту Фурье; членам фаланги была предоставлена свобода выбора занятий. Главными занятиями жителей было земледелие и садоводство. Фаланга сбывала много фруктов в Нью-Йорк. Оплата труда производилась по степени его приятности и легкости; поэтому кирпичники, например, получали 10 центов в час, земледельцы — 8 центов, а лакеи и врач — 6¼ ц. По окончании работ в полях и мастерских устраивались танцы, пение, музыка и другие развлечения. По описанию посетителей фаланги ее жители имели счастливый довольный вид. Казалось, фаланга должна была процветать; между тем, она прекратила существование по совершенно случайному поводу. Поводом для ее ликвидации послужил пожар мельницы, стоившей 12.000 долларов; но это был только повод, так как Гораций Грили готов был прийти на помощь фаланге в ее случайном несчастьи и предлагал взять у него в заем сумму, необходимую для восстановления мельницы. Причины крушения этой и других фаланг были более общего и глубокого свойства. О них мы скажем в заключении.

Брукская ферма возникла первоначально не как фурьеристская фаланга, а как община интеллигентов, социал-политических и религиозных реформаторов, сторонников философско-гуманитарного течения, зародившегося в 30 годах XIX века в Бостоне. Она была основана в 1841 году недалеко от Бостона группой в 20 человек. Первоначальное ее название было «Институт агрикультуры и воспитания»; одной из целей этой общины, как гласил ее устав, было «установить

взаимоотношения людей на основании разума и справедливости... и заменить систему эгоистической конкуренции системой братской кооперации». Вскоре число ее членов возросло до 70 и, наконец, дошло до 120. После национального фурьеристского конгресса 1844 г. Брукская ферма об'явила себя фурьеристской общиной и назвала себя фалангой Брукской фермы. С этого момента Брукская ферма сделалась центром пропаганды фурьеризма в Америке; сюда было перенесено издание «Предвестника», отсюда совершали лекционные экскурсии Орвис, Аллен и др. Ежегодно сюда прибывало до тысячи посетителей; в управление общины поступало множество просьб о принятии в число членов; материальное положение общины постепенно улучшалось. И среди этого видимого расцвета ферма покончила свое существование в 1846 году, т.-е. пять лет после своего возникновения. Поводом ее гибели, как это было с Северо-Американской фалангой, послужил пожар, в данном случае более серьезный, а именно: пожар, строившегося в продолжение двух лет и почти уже готового «Социального дворца». Удар оказался слишком тяжелым и непоправимым. Брукская ферма просуществовала еще полгода и принуждена была ликвидироваться.

Уисконсинская фаланга была организована в 1844 году небольшой группой лиц в двадцать человек, но уже через год число членов ее возросло до 180. В противоположность личному составу Брукской фермы основатели и члены уисконсинской фаланги принадлежали не к интеллигенции, а к трудовым элементам; они основали небольшой город, по имени которого фаланга называлась также Сереско. Фаланга возделывала свыше 700 акров земли и получала свыше 10.000 бушелей пшеницы; кроме того, у нее были и другие культуры. Вся площадь принадлежавшего ей участка равнялась 1.800 акрам. В своей организации уисконсинцы мало следовали заветам Фурье, хотя распределяли доход по принципу вознаграждения труда, капитала и таланта, давая преимущество более неприятному и тяжелому труду перед менее неприятным и легким. Вообще хозяйственные и практические соображения стояли на первом плане в ущерб идейным сторонам фурьеризма; благодаря этому, уисконсинская фаланга в отношении материального благосостояния своих членов стояла выше Брукской фермы, но по уровню своей интеллигентности и культурности значительно ниже ее. Внутренний разлад, бывший, главным образом, причиной ее разложения начался, вследствие несогласий по вопросу о том, вести ли потребление на общественных началах или индивидуально-семейных; к первому принципу примкнуло незначительное большинство. Но помимо этого было много других второстепенных причин. Фаланга была ликвидирована в 1850 году, просуществовав шесть лет. Доказательством

экономической прочности этой общины служит тот факт, что при ликвидации ее на вложенный капитал было выдано 108%.

Причины гибели описанных и всех других фаланг были двух родов — общие и частные. Последние указаны выше; что же касается общих причин, то они коренились в социальных условиях. Как доказано практикой и теорией и подтверждено историческим опытом, социалистические и полусоциалистические общины не могут существовать в капиталистическом окружении *), так как ни их экономическая сущность, ни мелко-буржуазная психология их членов не создают надлежащих условий для успешной борьбы с капиталистическим строем и победы над ним; и так как хозяйственные условия внешнего крупно-капиталистического производства оказываются выгоднее и общинники имеют возможность убедиться в малопроизводительности и маловыгодности своих усилий и жертв, то создается такое состояние неустойчивого равновесия, при котором случайное обстоятельство может привести к краху. К указанному экономическому обстоятельству обыкновенно присоединяется различие идеологий членов, вошедших в общину, набранных из различных классов общества и при вступлении в нее руководящихся различными побуждениями. Такое явление мы наблюдаем в рассмотренных фалангах (в особенности в Брукской ферме), где часть членов составляли энтузиасты, главным образом, из среды интеллигенции и отчасти из рабочего класса, а другую часть — мелко-буржуазные и другие трудовые элементы, руководившиеся, главным образом, экономическими соображениями.

Члены первой категории вступали в эти общины, готовые на всевозможные жертвы, потому что они видели, в этих общинах средство преобразования всего мира на основе своего идеала. Когда они убеждались, что, несмотря на все их усилия и жертвы, они не находят себе подражателей, число фаланг не увеличивается, окружающий капиталистический мир стоит незыблемо, а их собственная община в лучшем случае только существует, но далеко не процветает и не развивается, они поневоле остывали к своей затее и не находили в себе ни мужества, ни энергии продолжать дело, в которое потеряли веру.

Что же касается рядовых членов, вступивших в фаланги, преимущественно из экономических соображений и ими руководившихся, то у них не было и не могло быть того стремления к общности и коллективизму, которое впоследствии должно было зародиться среди

*) Исключение составляют коммунистические общины, основанные религиозными сектами, члены которых готовы на всевозможные материальные жертвы и лишения во имя своей веры.

промышленного пролетариата под влиянием капиталистической эксплуатации и борьбы с ней. Прожив известное время в общине, они убеждались, что их доходы не выше и даже ниже тех, которые они могут получить от своего труда и имущества при обыкновенных условиях и с меньшими жертвами и что, следовательно, нет никаких оснований оставаться в фалангах, тем более, что экономический кризис, давший повод к тяге в фаланги, к концу 40 годов потерял свою остроту.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Фурьеризм в России *).

§ 1. Фурьеристские кружки в России, их состав и задачи.— Краткие биографические сведения о В. М. Петрашевском.

Знакомство с учениями великих утопистов началось в России еще в первой четверти XIX века. В этот период оно коснулось только отдельных лиц (каковы декабристы Пестель, Фонвизин, Кривцов и др.); более широкое распространение идеи утопистов получили у нас в тридцатых годах. Сначала преимущественным вниманием пользовалось учение Сен-Симона, но вскоре особенное распространение получили идеи Фурье.

Известно, что идеи Сен-Симона и Фурье имели большое влияние на миросозерцание замечательных русских людей рассматриваемой эпохи — Герцена и Огарева **). Под влиянием последних социалистическими идеями проникся и знаменитый наш критик В. Г. Белинский. В 40 годах эти идеи приобрели у нас такое распространение, что захватили почти всю интеллигенцию.

Когда в 1837 году Шарль Фурье умер в Париже, «Русский Инвалид» дал на страницах своих «Литературных Прибавлений» прочувствованный некролог о Фурье. «Великий преобразователь Шарль Фурье (Charles Fourier),— писала газета,— умер в Париже девятого октября нынешнего года на каком-то чердаке, забытый и оставленный

---

*) Настоящая статья составлена, главным образом, по следующим сочинениям В. И. Семевского:

1. В. М. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. I, М. 1922 г.
2. Статьи о петрашевцах в журнале „Голос Минувшего", 1915 г., №№ 11 и 12; 1916 г., №№ 2, 3, 4, 11 и 12.
3. Из Истории общественных идей в конце 1840 г., изд. Парамонова, 1905 г.
4. Крепостное право и крепостная реформа в произведениях М. Е. Салтыкова, изд Парамонова 1905 г.

Кроме того, пособиями при составлении этой статьи служили: „Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, изд. Н. Кирилловым», СПБ, MDCCCX, статья В. Л. Комаровича в „Былом", № 23 (1924 г.) работа В. Лейкиной „Петрашевцы", М 1924 г. и др.

**) Герцен утверждал, что сен-симонизм имел на него больше влияния, чем фурьеризм, который, как он уверял, был слишком узок, вследствие мелочной регламентации и казарменного характера жизни в фаланстере (что — заметим в скобках — не соответствует действительности). Но друг и единомышленник Герцена Огарев в своей „Исповеди лишнего человека" отмечает, что и фурьеризм имел для их развития неменьшее значение. Он называет себя и своего друга „детьми декабристов и учениками Сен-Симона и Фурье".

всеми. Знаменитый автор «Traité de C'association», «Théorie de quatre mouv.» и «Nouv. Monde industriel» испустил последнее дыхание на соломе; гений, посвятивший всю свою жизнь для блага человечества и решивший тайну извлекать пользу из самих страстей, жил в нищете, не имея насущного хлеба — и где же? в стране, которая гордится своим просвещением, которая называет народ свой первой нацией в мире...» «Он не мог подобно Моисею,— заканчивает газета свой теплый некролог,— увидеть богатые долины земли обетованной, земли грядущего, к которой отныне могущество его гения поведет людей без собственного их сознания» *).

Известный литератор П. В. Анненков, вернувшийся в 1843 году из-за границы, в следующих выражениях рассказывает об этом увлечении в России 40 годов социалистическими идеями: «Когда осенью 1843 г. я прибыл в Петербург, то далеко не закончил все расчеты с Парижем, а, напротив, встретил дома отражение многих сторон тогдашней интеллектуальной его жизни. Книга Прудона о собственности, тогда уже почти старая; «Икария» Кабэ, мало читаемая во Франции, за исключением небольшого круга мечтательных бедняков-работников; гораздо более ее распространенная и популярная система Фурье — все это служило предметом изучения, горячих споров, толков, вопросов и чаяний всякого рода... Книги названных авторов были во всех руках в эту эпоху, подвергались всестороннему изучению и обсуждению, породили, как прежде Шеллинг и Гегель, своих ораторов, комментаторов, толковников, а несколько позднее, чего не было с прежними теориями, своих мучеников. Теории Прудона, Фурье, к которым позднее присоединился Луи-Блан с известным трактатом «Organisation du travail» (Организация труда), образовали у нас особенную школу, где все эти учения жили в смешанном виде и исповедывались как-то за раз адептами ее.

Широкое распространение указанных идей во второй половине 40 годов обратило на себя внимание политической полиции Николая I. Началась полицейская и шпионская слежка, постепенно обнаружившая кружки, в которых происходила пропаганда этих идей, число членов которых особенно увеличилось в 48 г. Вспомним, что это был момент, когда во Франции только что прогремела февральская революция (48 года), охватившая в большей или меньшей степени почти все страны Европы. Само собою понятно, что правительство Николая I должно было чувствовать самое серьезное беспокойство за свою прочность, и потому в «сферах» решено было, что наступило время покончить с «гидрой революции».

*) „Русский Инвалид", „Литературн. Прибавл.", 1837 года, № 48, стр. 473. Цитировано по ст. В. Л. Комаровича в „Былом", № 23 (1924 г.).

В ночь с 22 на 23 апреля 1849 года в Петербурге, выражаясь языком официальным, «был открыт заговор» и захвачено до 40 человек, «обличенных в тайных замыслах». Большинство арестованных, как оказалось, принадлежали к сторонникам учения Фурье; главой их считался В. М. Петрашевский.

Василий Михайлович Буташевич-Петрашевский родился первого ноября 1821 года и был сыном военного врача, человека, несмотря на свою неприбыльную профессию, довольно состоятельного. В 1839 г. Василий Михайлович окончил Царскосельский Лицей и вскоре поступил на государственную службу. Одновременно с этим он стал посещать университет в качестве вольнослушателя юридического факультета. Как ни скверно было поставлено университетское преподавание в эпоху царя Николая I, но все же среди слабого состава профессоров оказался один недюжинный, который мог содействовать развитию в Петрашевском будущего социалистического миросозерцания. Это был профессор политической экономии и статистики В. С. Порошин, который в своих лекциях давал своим слушателям изложение учения Сен-Симона и Фурье и указывал им на источники для ознакомления с этими учениями, между прочим на фурьеристский журнал «La Phalange», преобразованный потом в «Democratie pacifique». В своих лекциях Порошин сочувственно отзывался о социализме, вообще, и о фурьеризме, в частности.

Из университета с званием кандидата Петрашевский вышел в 1841 г., продолжая оставаться на казенной службе (по министерству иностранных дел). Радикальное миросозерцание с социалистическим оттенком сложилось у Петрашевского еще в университете, где, по словам Герцена, он начал уже свою пропагандистскую деятельность среди товарищей. Но о миросозерцании и деятельности Петрашевского скажем дальше; здесь вернемся к «заговору» Петрашевского и следствию по этому делу, дающему представление о лицах, вовлеченных в это движение.

Каков был состав лиц, за которыми в продолжение года производилась полицейская слежка, и которые, наконец, были захвачены 22 апреля 1849 года. Сама власть была поражена демократическим составом «заговорщиков» сравнительно с аристократическим составом лиц, участвовавших в пережитом 24 года тому назад восстании декабристов. В составе арестованных были, выражаясь языком полицейского историка (барона Корфа), «учителя, мелкие чиновники, молодые люди маловедомых фамилий».

Действительно, в числе петрашевцев не было титулованных имен, какими пестрят списки декабристов; но зато среди них, как мы дальше увидим, было немало писателей, из коих некоторые стали

впоследствии знаменитостями; антиправительственная агитация, к великому удивлению официальных сфер, передвинулась в другие круги русского общества — в круги разночинной интеллигенции.

Еще в университете, как выше сказано, Петрашевский делал попытки пропаганды своих взглядов среди товарищей. В 1844 году у Петрашевского возникает мысль добиться должности преподавателя в Царскосельском Лицее, чтобы стать в непосредственные отношения с учащейся молодежью; но попытка оказалась неудачной, пробная лекция не была одобрена; тогда, согласно указаниям следственной комиссии, он стал приглашать к себе для пропаганды воспитанников старших классов, из коих Унковский (будущий деятель по освобождению крестьян) был исключен из лицея за свои сношения с Петрашевским.

С 1845 года Петрашевский стал устраивать свои знаменитые «пятницы», на которых, согласно официальным данным, собирались преимущественно «воспитатели, молодые литераторы и студенты». Сначала число лиц, собиравшихся у Петрашевского, не превосходило 10 — 15, но постепенно оно увеличилось, доходя в 1848 г. до 50, причем состав их был довольно текучий. В числе этих лиц, посещавших пятницы Петрашевского в разные времена были: знаменитый сатирик М. Е. Салтыков, писатель Вал. Майков, друг последнего Штрандман, сенатский чиновник Барановский, поэт (тогда только начинавший) А. Н. Плещеев, писатель В. А. Милютин, знаток Фурье В. А. Ханыков, товарищ Петрашевского по государственной службе и очень ему преданный Баласогло, окончивший курс лицея Е. С. Есаков, очень увлекавшийся идеями Фурье Кайданов, успевший уже приобрести известность Ф. М. Достоевский, поэт Апол. Майков, чиновник Чириков, бывший студент Деев, богатый курский помещик и самый крайний по своим воззрениям Н. А. Спешнев, сибирский золотопромышленник, славившийся своим красноречием Черносвитов, сын масона — видный и образованный чиновник В. А. Головинский, писатель С. Ф. Дуров и офицер л.-гв. полка писатель А. И. Пальм, братья Дебу, из которых один был сильно увлечен учением Фурье, Кашкин, образовавший отдельный кружок для изучения Фурье, далее Ник. Як. Данилевский, известный впоследствии автор книги «Россия и Европа» и теоретик национализма, а в то время один из наиболее выдающихся знатоков учения Фурье, братья Ахшарумовы, из коих Д. Д. был горячим приверженцем фурьеризма и написал интересные «Воспоминания» об этой эпохе, а Н. Д. стал впоследствии известен как писатель-романист, преподаватель политической экономии технологического института, остроумный и злой на язык поляк И. Л. Ястржембский, учитель Толь, чиновник Тимковский (предлагавший об'единить фурьеризм

с коммунизмом), офицер генерального штаба Кузьмин, чиновник департамента внешней торговли П. И. Ламанский, поручик лейб-гвардии московского полка Момбелли, поручик того же полка Ф. Н. Львов и друг.

Цели устраиваемых Петрашевским пятниц, согласно взглядам следственной комиссии, заключались в том, чтобы «потрясать молодые умы социальными книгами, разговорами, речами... и, не произведя самому восстания, мало-по-малу нанести удар правительству и настоящему порядку вещей». Каковы были действительные цели этих пятниц и содержание происходивших там бесед, увидим дальше. Во всяком случае, ни о тайном союзе, ни о заговоре тут не могло быть речи. Впрочем, сами члены следственной комиссии называли это дело «заговором идей», что не помешало судьям приговорить многих участников этого несуществующего заговора к смертной казни.

Чтобы дать полное представление о кругах интеллигенции, охваченных в ту эпоху радикальными и социалистическими идеями, перечислим все кружки, открытые полицейской слежкой в связи с наблюдением за петрашевцами. Согласно официальным данным, кроме собраний, происходивших у Петрашевского, существовали еще собрания у следующих лиц.

Поручик л.-гв. московского полка Н. Момбелли устраивал у себя еженедельные собрания зимой 1846 — 47 г.г., где читались литературные произведения либерального направления. Момбелли прекратил свои вечера, познакомившись с Петрашевским, и стал вместе со своими знакомыми посещать его пятницы. Очень незначительный период времени (от начала марта до середины апреля 1849 года) были собрания также у молодых литераторов Дурова и Пальма. Кружок этот состоял отчасти из лиц, бывавших у Петрашевского, но не во всем с ним согласных. Так как хозяева были люди небогатые, сообщает в своих воспоминаниях один из его участников, то чай и ужин устраивались в складчину участниками вечеров. В кружке получались и передавались недозволенные книги революционного и социального содержания. Здесь толковали о Нью-Ланарке, Роб. Оуэне, об Икарии Кабэ и в особенности о фаланстере Фурье. В этом кружке, кроме некоторых из вышеназванных лиц, бывали также: писатель Ф. Достоевский, поручик Григорьев, чиновники Е. И. Ламанский, Кашевский, Милюков и Мордвинов. Зимой 1848 — 1849 г.г. происходили также собрания у молодого поэта А. Н. Плещеева, у которого собирались те же лица, что и в других кружках, каковы: Спешнев, Дуров, Пальм, Момбелли, бр. Достоевские, Н. Я. Данилевский, П. Ламанский. Здесь на одном из вечеров обсуждался вопрос о печатании за границей общедоступного изложения учения Фурье на русском языке; участвовать в этом вызвался

Н. Я. Данилевский и некоторые другие *). В ту же зиму 1848 — 1849 г.г. были собрания у К. М. Дебу, на которых больше всего занимались обсуждением системы Фурье.— Наконец, зимой 1848 — 1849 г.г. были также собрания у Кашкина.

Остановимся несколько подробнее на кружке Кашкина, так как согласно показаниям его участников и мнению следственной комиссии, он задавался специальной целью изучения социального вопроса и, главным образом, системы Фурье.

В этом кружке, кроме самого Кашкина (молодого дворянина, поступившего незадолго перед тем на службу в азиатский департамент министерства иностранных дел), бывали: Европеус, Ващенко, Николаев, братья Ахшарумовы, братья Дебу, Ханыков, Отт, Пенский, Спешнев. Петрашевского решено было не приглашать, опасаясь, что он своим присутствием и деспотическим вторжением в разговоры будет стеснять свободу споров и обмен мыслей. Вечера у Кашкина начались осенью

*) Говоря о кружке Плещеева, остановимся подробнее на авторе „Братьев Карамазовых", считавшемся вместе с Плещеевым основателем этого кружка.

Социалистическое крещение Достоевский принял от Белинского (в мае 1845 г., когда он с ним впервые встретился), как впоследствии рассказывал сам Достоевский. Эта встреча тогда была оценена Достоевским, как „торжественный момент, перелом человека, начало чего то совсем нового". Сам Белинский в эту эпоху чрезвычайно увлекался социализмом утопистов, главным образом, Сен-Симона, но и Фурье остался на него не без влияния. (Об этом рассказывают в своих воспоминаниях Гончаров, Тургенев и др.).

В 1846 г. Достоевский сблизился с кружком бр. Бекетовых, душой которого был Валерьян Майков, принимавший в 1845 г. участие в составлении словаря Кириллова. Здесь же он подружился с Плещеевым. В 1847 году распался кружок братьев Бекетовых, уехавших в Казань, и Достоевский вместе с Плещеевым и Ханыковым примыкают к кружку Петрашевского. Барановский перед следственной комиссией показал, что Достоевский появился на вечерах Петрашевского зимой 1846 — 1847 г.г. Достоевский обыкновенно не принимал активного участия в прениях и часто оставался безмолвным в продолжение всего вечера. Антонелли показал, что Достоевский принимал участие 1 апреля в 1849 г. в прениях о трех главных вопросах: свободе книгопечатания, освобождении крестьян и преобразовании судопроизводства. Самым крупным его выступлением было чтение письма Белинского к Гоголю 15 апреля 1849 г., что было главным пунктом обвинения против него. Достоевский в своих показаниях объяснял свои незначительные выступления тем, что он во многом с Петрашевским не сходился. По словам А. Г. Достоевской Петрашевский производил на Ф. М. отталкивающее впечатление тем, что был безбожником и глумился над верой.

Осенью 1848 г. по инициативе Достоевского и Плещеева организовался «плещеевский» кружок. Собрания сначала происходили у Плещеева, а потом у Дурова, Пальма и Щелкова.

В своем показании на предварительном следствии Достоевский писал о системе Фурье: „фурьеризм — система мирная; она очаровывает душу своей изящностью, обольщает сердце той любовью к человечеству, которая воодушевляла Фурье, когда он создавал свою систему, и удивляет ум своей стройностью".

Вспоминая впоследствии давно прошедшую историю 1849 г., Достоевский говорит о своих убеждениях этой эпохи, „отречься от которых тогда, стоя на эшафоте, он, вместе с другими, почел бы за бесчестье". (Подробности смотр. ст. В. И. Семевского. «Петрашевцы С. Н. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев» в „Голосе Минувшего" 1915 г. №№ 11, т. 12, ст. В. Л. Комаровича „Юность Достоевского" в „Былом" № 23 (1924 г.) и В. И. Семевский „В. М. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы", ч. I, М. 1923 г.).

1848 года; продолжением их были вечера у Отта, товарища Кашкина по лицею, служившего в министерстве финансов, а в посту 1849 г. было опять несколько собраний у Кашкина.

По показанию Ахшарумова перед следственной комиссией «целью вечеров Кашкина было изучение одной системы Фурье, как всемирной истины, к которой постоянно стремится все человечество. О применении ее собственно у нас никогда не было говорено, может быть и потому, что мы все знали систему эту в общих чертах», и для осуществления ее нужно было иметь «около 2.000 людей» и капитала «до 2.000.000».— Сам Кашкин показал: «Я занимался только системой Фурье... Я полагал, если изучив ее, найду в ней что-либо удобоприменимое к земледельческому быту, составить... проект, по которому бы я просил от правительства позволения устроить, так сказать, модельную ферму».

По словам Дебу I и Ващенко на вечерах Кашкина часто говорили об учении Фурье и читали отрывки из его сочинений. Кружком вскладчину решено было составить собственную библиотеку из сочинений по социальным вопросам и, главным образом, по фурьеризму. По поводу этой библиотеки Ахшарумов говорит: «Между нами было одно только общее мнение: распространять как можно более систему Фурье и для этого назначено было выписать по нескольку экземпляров сочинений Консидерана и другие изложения его системы служащие введением к изучению самих сочинений Фурье, которые все непонятны с первого раза».

Отзыв *следственной комиссии о собраниях Кашкина был* следующий: «В этом кружке было гораздо более стройности и единомыслия, чем в кружке Петрашевского; в нем была определенная цель — изучение систем социальных и коммунистических и попреимуществу системы Фурье. Кружок этот составляли (кроме К. М. Дебу I) молодые люди высшего гражданского воспитания, все одинаково образованные, равные и по положению своему в обществе и по состоянию. Некоторые из них с безотчетным энтузиазмом предались социальным утопиям в смысле науки; некоторые начали применять их к быту России, другие же помышляли и о возможно скорейшем проведении их в действие и читали на собраниях речи, далеко опередившие все речи и все разговоры на собраниях у Петрашевского» *).

*) Все относящееся к кружку Кашкина цитировано по статьям В. И. Семевского в „Голосе Минувшего" №№ 2, 3 и 4 1916 г. — Трудно сказать, чем об'ясняется приведенный отзыв следственной комиссии о более передовом направлении кружка Кашкина. Как мы увидим дальше, на собраниях у Петрашевского речи были более радикального характера; здесь бывали люди с более серьезными и оформленными намерениями; да и сама следственная комиссия в центре всего с едствия поставила кружок Петрашевского, и более суровому наказанию подверглись участники этого кружка.

Развившаяся в Петербурге пропаганда получила некоторый отклик в провинции. Так, упомянутый выше Тимковский, переводивший сочинения Контагреля и Консидерана, распространял учение Фурье в Ревеле; точно также в Ревеле служил ревностный последователь Фурье,— Беклемишев; восторженный фурьерист Кайданов, живший в Ростове, в письмах к брату в Петербург благодарил его за присланные книги по социальным вопросам от своего имени и имени «здешней небольшой паствы»; он восторгается учением Фурье, «в истине и исполнимости которого он совершенно убежден». В Казани, по свидетельству современника, прибывшие из Петербурга несколько человек, принадлежавшие к кружку Петрашевского, распространяли ученье Фурье. Но отсюда еще было очень далеко до «пропаганды, охватившей почти всю Россию», о которой говорил в своем донесении чиновник министерства внутренних дел Липранди, которому поручена была слежка за Петрашевским и его единомышленниками.

§ 2. Русская действительность николаевской эпохи и идеология русских фурьеристов.

Спрашивается, отчего идеи Фурье получили такое значительное распространение в России 40 годов минувшего века? Что общего между этими идеями и русской действительностью указанной эпохи? На этот вопрос, быть может, следовало бы ответить после подробного ознакомления с идеями русских фурьеристов. Мы, однако, предпочитаем предварительно бросить беглый взгляд на русскую действительность рассматриваемого периода; тогда станет яснее, против чего и как восставали петрашевцы.

Что представляла собой Россия рассматриваемой эпохи, т.-е. Россия 40 годов? Феодально-помещичье государство, в котором промышленность в одних отраслях находилась в зачаточном состоянии, а в других,— как, например, в области обработки хлопка и добывания железа,— достигала уже более или менее заметного развития. Это слабое промышленное развитие было одето в пеструю ткань средневековой отсталости; фабрично-заводское дело в значительной степени находилось в руках казны, управляемое легионами чиновников, под неограниченной властью которых стонали тысячи рабочих рабов; частные фабрики обслуживались приписанными к ним крепостными крестьянами; все это переплеталось с пережитками цеховых порядков, насильственно пересаженных на русскую почву; частный почин не находил для себя простора, несмотря на всякие поощрения со стороны правительства. Еще со времен Петра I Россия стремилась к промышленному прогрессу и все же подвигалась очень медленно по новому пути. Промышленная революция в Англии, победоносное шествие машины

в экономике всех западно-европейских стран отразилось в России очень слабым эхом. Что же стесняло развитие русской промышленности? Прежде всего крепостное право, которое сосредоточивало земельную собственность в руках самого инертного слоя общества — дворян и чрезвычайно ограничивало количество свободных рабочих рук, прикованных к экстенсивному земледелию. Благодаря крепостному праву, Россия попрежнему продолжала оставаться родиной сырья, экономической данницей Европы, полуварварской страной в промышленном и культурном отношении.

Но, может быть, крепостное хозяйство было выгодно для тех, в пользу которых оно существовало, т.-е. для рабовладельцев-помещиков? Этого нельзя сказать. В рассматриваемую эпоху помещичьи хозяйства все более и более подпадали под влияние развивавшихся в стране денежных оборотов. Чтобы добыть эти деньги нужно было наиболее выгодным образом сбыть продукты своего хозяйства. Но культурные или вернее антикультурные условия страны были так неблагоприятны, что ни о внутреннем, ни о внешнем, более или менее выгодном, сбыте не могло быть и речи. Если принять, приблизительно, что после удовлетворения внутренних потребностей страны, оставалось около 30 миллионов четвертей хлеба, то из них удавалось сбыть за границу не более $^1/_6$ части; остальная часть хлеба, производимого тяжелым рабским трудом, являлась перепроизводством и гнила в кладовых всевозможных Плюшкиных и Маниловых или — что было чаще — расходовалась самым непроизводительным образом нашими многочисленными Ноздревыми. Одной из главных причин, препятствовавших выгодному сбыту, было отсутствие надлежащих путей сообщения и, в частности, железных дорог, вследствие чего провоз сельско-хозяйственных избытков и в особенности хлеба к портам или доставка их на отдаленные внутренние рынки не окупалась. В ценах на хлеб не было никакой устойчивости и они поднимались и падали по совершенно случайным и неожиданным причинам.

При таком экономическом застое государственные финансы России представляли очень печальную картину. Вся первая половина XIX века представляет собой непрерывное возрастание государственного дефицита *), ибо государственные расходы, вследствие разбухания государственно-полицейского аппарата, непрерывных военных авантюр и бесконечных чиновничьих хищений из года в год возрастали, а источником добывания этих средств оставался все тот же нищий раб-крестьянин.

*) Общая сумма всех процентных государственных долгов, внешних и внутренних, равнялась в 1817 году — 94 мил. рублей серебром, в 1852 году — 402 мил. рублей серебром.

Правительство Николая I сознавало отрицательное значение крепостного права для экономического прогресса России и для развития своей финансовой мощи, но пуще всего оно боялось всяких новшеств и, главным образом, малейшего ослабления гнета самодержавия; оно не без основания смотрело на крепостное право, как на главную опору трона и не только в действиях, но и в словах, направленных против этого института, оно видело заговор и бунт. Поэтому, когда вопрос о вреде народного рабства всплывал по тому или иному поводу наверх, советники царя в своих «секретных комитетах» ограничивались разговорами о жалких паллиативах и дальше этих разговоров не шли. Так русский экономический строй бился в своих противоречиях, не находя из них выхода.

Еще больше противоречий было в политической и умственной жизни страны. Промышленное развитие, с одной стороны, выдающееся международное положение крупнейшего из мировых государств,— с другой, — требовали значительных умственных сил для своего руководства. Государство нуждалось в образованных техниках, администраторах, военных руководителях и поневоле должно было содействовать умственному образованию. Но в то же время самодержавное правительство, имевшее крепкую опору в реакционной части господствующего класса, боясь «тлетворного» влияния науки и литературы, стремилось ставить им всяческие преграды, окутывая их строжайшей слежкой в университете, ограничивая и давя драконовской цензурой.

Между тем, в русской общественно-политической жизни накопилось много суб'ективных и об'ективных условий для изменения государственного строя в сторону конституционализма. Последнее диктовалось прежде всего интересами экономического развития России, необходимостью рядом с дворянско-помещичьим элементом поставить у кормила правления передовую часть промышленного класса; этого изменения требовали также политические интересы крупнейшего государства, игравшего выдающуюся роль в концерте европейских держав, государства, политика которого направлялась помимо воли всех просвещенных и передовых элементов страны, встречая нередко затаенную оппозицию в среде самого господствующего класса.

Не менее важны были суб'ективные условия, толкавшие Россию к конституционному строю. Здесь не приходится указывать, как велико было влияние западно-европейского образования на передовое русское общество, влияние, подготовленное собственными усилиями русского самодержавия, которое, начиная с XVII века, вследствие экономического и политического развития России, было поставлено в необходимость

войти в тесный контакт с Европой. Возникший под этим влиянием слой просвещенных людей, вначале принадлежавший целиком к богатому и родовитому дворянству, постепенно все более расширялся и в 40 годах стал захватывать средние общественные элементы, которые вышеуказанный бюрократический историк характеризует словами: «учителя, мелкие чиновники, молодые люди маловедомых фамилий», и даже спускаться все ниже к выходцам из духовенства и мещанства, одним словом, к тем слоям, которые вскоре получили название «разночинцев». Все эти общественные группы знатной и незнатной интеллигенции не могли примириться с экономической и политической отсталостью, невежеством, гнетом, произволом; они стремились к разрешению внутренних противоречий, в которых билась страна и которые раньше или позже должны были повести к внутреннему взрыву. Вышеозначенными причинами отчасти следует об'яснить конституционные стремления «сподвижников» Александра I; они же породили восстание декабристов; отсюда же проистекало движение, нами здесь описываемое. Как и предшествовавшие противоправительственные движения, движение петрашевцев базировалось на противоречиях русской действительности и питалось из западноевропейского духовного источника.

Как выше было сказано, в 30 годах среди передовых слоев русского общества большими симпатиями пользовалось учение Сен-Симона. Из названных двух учений — сен-симонизма и фурьеризма — первое смотрело вперед, а второе отчасти назад. Сен-симонизм строил свою систему на развитии промышленности, оплодотворенной техникой и наукой; фурьеризм все свое внимание концентрировал на отрицательных сторонах господства торгового капитала и, не заглядывая вперед, создавал утопию, приноровленную к экономическим силам Франции на переломе двух веков. Фурьеризм таким образом был критической идеологией более отсталой эпохи в сравнении с сен-симонизмом; он поэтому более подходил для периода русской действительности, экономические условия которой были ближе к той эпохе, которую с особенной силой критиковал Фурье.

Учение Фурье, насыщенное критическим духом и расцвеченное фантазией его утопии должно было найти живой отклик среди передовых элементов русского общества в николаевской России, где произвол и деспотизм достигли небывалых размеров, где хозяйство, стремившееся к развитию, встречало непреодолимое препятствие в крепостном праве и существующем политическом строе, основой которого являлись опека и усмотрение, ограничение прав граждан, господство ста тысяч даровых полицмейстеров в лице необузданных феодалов и где в то же время лучшим людям то

эпохи приходилось реализовать свои передовые и оппозиционные стремления в мечтах, не находя выхода для них в реальной политической жизни. Учение Фурье, следовательно, подходило для русской действительности, которая нуждалась в освобождении труженика, в организации труда с предоставлением свободного пути капиталу и таланту, в расширении и утончении потребностей населения для создания внутреннего рынка, которая, далее, нуждалась в создании свободных политических форм, в освобождении экономической жизни от всегнетущей централизации и губительного произвола самодержавия; оно, наконец, подходило для России 40 годов, потому что уже было не мало людей, мечтавших о водворении строя общности в противовес разделению интересов и взаимоистреблению. Учение Фурье еще потому получило широкое распространение, что оно заключало в себе элементы привлекательные для разных направлений. Более крайние могли заимствовать из этого учения его социалистические стороны, более умеренные — воззрения Фурье на роль промышленности и капитала, его религиозность, стремление к примирению классовых противоречий и отвращение к революционным мероприятиям; наконец, как мы увидим дальше, и как это бывало при заимствовании социально-политических учений, некоторые должны были сделать попытку приспособления взглядов Фурье к текущим нуждам русской действительности.

Так или иначе, но ни одно из западно-европейских социалистических учений не получило в России в середине XIX века такого распространения, как учение Фурье; нужно принять при этом во внимание, что распространение этого учения было прервано в самом начале.

§ 3. Политические, социальные и, в частности, фурьеристские идеи второго выпуска словаря Кириллова.

Изложение идей русского фурьеризма и истории их пропаганды мы должны начать со словаря Кириллова.

В апреле 1845 года, в Петербурге появился в печати «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», издаваемый неким Н. Кирилловым*). В этом издании Петрашевский вскоре принял деятельное участие с целью пропаганды идей социализма

*) В своей брошюре „Из истории общественных идей", изд. 1905 года, В. Семевский считает Кириллова псевдонимом Петрашевского. Он пишет: „Буташевич-Петрашевский... был также и писателем, так как участвовал в составлении изданного им под именем другого лица (Кириллова) „Словаря иностранных слов". А в своем капитальном труде о Петрашевском, изд. 1922 года, он совершенно изменяет свой взгляд. «Некоторые думают,—пишет он,—что Н. Кириллов—псевдоним Петрашевского; между тем, это лицо, действительно существовавшее: Николай Сергеевич Кириллов, штабс-капитан гвардейской артиллерии» (М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. I, стр. 58).

и, в частности, учения Фурье. Злоключения этого словаря представляют очень интересную страничку из истории общественной мысли в России, но мы на этом пункте не можем подробно останавливаться *). Согласно имеющимся данным, нужно полагать, что Петрашевский начал сотрудничать в словаре и отчасти редактировать его со второго выпуска. Главным же сотрудником и редактором первого выпуска был Вал. Майков. Кроме того, сотрудниками словаря были: приятель Майкова и товарищ его по университету Р. Штрандман, затем известный приятель Белинского и Некрасова И. И. Маслов и воспитатель кадетского корпуса Д. Кропотов; но душой этого издания, начиная со второго его выпуска, был Петрашевский.

И действительно, если мы ближе ознакомимся со словарем, то увидим, что он со второго выпуска совершенно меняет свою физиономию. Первый выпуск (от А до М) отличается краткостью об'яснений, не содержит никаких политических и социалистических тенденций, вообще носит печать благонамеренности. Начиная со второго выпуска, издание резко меняет свой характер. Сразу бросается в глаза, что цель его — пропаганда политического радикализма и социалистических учений. Приходится удивляться, как при цензуре Николая I могло проскользнуть в свет подобное издание. Здесь даются не об'яснения слов, а политико-социальные рассуждения в радикальном духе по поводу тех или иных слов. Так, в статьях «Ораторство», «Оратор», «Ораторская речь» автор недвусмысленно подчеркивает преимущества политической свободы и республиканского строя и пропагандирует идеи ассоциации и привлекательного труда; слово «Оракул» дает ему повод подчеркнуть элементы демократизма и коммунизма в учении Христа и т. п. Этот выпуск, заключающий всего три неполных буквы (М, Н, О) состоит из 148 страниц, между тем как в первом выпуске 176 страниц приходится на 12 букв. Во втором выпуске преобладающее влияние Петрашевского и его идей самоочевидно. В дальнейшем постараемся сгруппировать наиболее интересные об'яснения по рубрикам.

Философские и религиозные основы миросозерцания автора проглядывают в об'яснениях, даваемых под словами «Материализм», «Мистицизм», «Мораль», «Оптимизм» и др.

---

*) Издатель словаря штабс-капитан Н. Кириллов, служивший в кадетском корпусе по учебной части, был человек „благонамеренный", но одержимый страстью к литературе. Второй выпуск словаря „всеподданнейше" посвящен вел. князю Михаилу Павловичу, как нужно полагать, не без одобрения Петрашевского, который хотел этим придать словарю печать благонадежности. После выхода в свет, в апреле 1846 года второго выпуска, словарь был конфискован. Вопрос о нем рассматривался в цензурном комитете и дальнейшее печатание книги не было дозволено. 3 февраля 1853 г. конфискованные экземпляры, вследствие представления петербургского попечителя министру народного просвещения, были сожжены в количестве 1599.

В статье «Материализм» (стр. 178—179) автор делает выпад против тех, которые смешивают материализм философский с материализмом вульгарным; автор полагает, что понятие «материализм» не следует прилагать к неразвитым людям, склонным только к чувственным восприятиям и неимеющим понятия о духовных явлениях; это понятие, по его мнению, должно быть прилагаемо к «тем людям, которые размышляли равно о материи и о духе и уверились, что в мире нет ничего, кроме материи».— «Мистицизм» (стр. 191—192) автор называет «величайшим заблуждением, более всего препятствующим успехам человеческого разума», «нелепой, себе противоречащей системой», «отчаянием разума» по выражению Кузена.— Истинная мораль (слово «Мораль», стр. 203), как полагает автор (в согласии с учением Фурье), должна исходить «из опытного исследования природы человека и строгого анализа всех ее потребностей... ставить в священную обязанность всякому человеку всестороннее их развитие». «Отличительная черта всех положительных (т.-е. существующих) нравоучений,— преимущественно основанных на религиозных учениях,— есть односторонность, исключительность и нетерпимость.— Слово «Оптимизм» (стр. 290) дает автору повод высказать мысль, что «Теодицея» Лейбница есть... «весьма неудачная попытка защиты деизма против сокрушительных нападений атеизма практического, внушенного самой действительной жизнью и неудобосогласимостью с идеей о божественной благости и премудрости многих явлений, как бы нарочно брошенных током мировой жизни пред очи разумения человеческого для вечного пытания твердости и верности разного рода верований, предубеждений...»

Если к сказанному прибавить, что в статье «Натурализм» Петрашевский излагает учение Фейербаха, которое «считает всеобщее признание божества в положительных религиях, происшедшим от обоготворения человеком своей личности и общих законов своего мышления, все религии, которые представляет нам историческое развитие человечества, считает только постепенным приготовлением человечества к антропотеизму или полному самопознанию и сознанию жизненных законов природы»,— то нужно признать, что глава русских фурьеристов был очень близок к материализму и атеизму.

Политические воззрения редактора и составителя второго выпуска словаря Кириллова видны из слов «Национальное Собрание», «Оппозиция», «Нация», «Ораторство» и многих других.

«Национальному Собранию Великой Французской Революции» (стр. 223—225) посвящено более 4 столбцов. «Это собрание — говорит автор статьи — замечательно тем, что в нем впервые законно и законодательно выразилась сознательная мысль французского народа и его

можно принять за начало рационального развития общественности у сего народа...» Намекая, кому следует, он дальше замечает: «Можно сказать утвердительно, что, если бы Людовик XVI последовал вполне благоразумным решениям его собрания, советам Неккера и других просвещенных своих министров, то историку вовсе не пришлось бы упоминать о многих ужасах этой революции... и самое возрождение народа французского совершилось бы тихо, мирно без потрясений». Слово «Оппозиция» (стр. 282 — 286) дает повод автору статьи (одной из самых больших в словаре) высказать целый ряд мыслей, которые делают для нас ясным его политические воззрения. «Оппозиция, хорошо организованная,— говорит он,— составляет существенный элемент всякого благоустроенного правления; восставая против всякого рода как правительственных, так и административных злоупотреблений, она содействует прочности политического организма, поддерживая в нем элементы жизни и движения». Приводя мнение тех, которые полагают, что оппозиция должна опираться на определенные принципы, определенную доктрину, он замечает: «Такая оппозиция, будучи убеждена в истинности своих начал, заметив гибельное влияние на благосостояние общества тех людей, в руках которых находится правительственная власть, должна всеми силами стараться об отнятии у них оной, если силы ее к тому дают ей возможность и в этом случае, противясь их мерам, даже полезным, она поступит разумно и справедливо. Если же она слаба, то священной обязанностью ее будет поддерживать все общеполезные меры, из какого бы источника они ни проистекали. Так, она должна безусловно принять всякую меру министерства, содействующую к прочнейшему установлению средств охраны личной безопасности и гражданской свободы,— как, например, обобщение права избрания, улучшение форм судопроизводства, введение открытого судопроизводства, этого единственного благонадежного охранительного установления против неправдивости судейских решений, полную замену им суда инквизиционного или безгласного, уничтожение финансовых мер, стесняющих свободу книгопечатания и развития духа публичности и ассоциации...» Говоря о радикальной оппозиции, автор сочувственно замечает, что «во Франции этот отдел оппозиции составляют многие добросовестные люди, убежденные опытом в недостаточности учений республиканцев от неполноты их развития... и в несовершенстве, как формулы для организации общественной, конституционной монархии и потому требующие полной реорганизации общества» *). В ст. «Ораторство» (стр. 299 — 304) автор доказывает, что это искусство может развиваться преимущественно в республиках,

*) Здесь автор, очевидно, имеет в виду социалистов.

а не в странах, «где была бы жалкая посредственность законодательницей и где самая талантливость являлась бы чем-то враждебным духу тамошних общественных учреждений . . .», где всякое обнаружение разумности, всякое нововведение было бы чем-то противозаконным и безнравственным... где как бы все, и человека и природу покрыла плесень застоя и онемения...» *) Автор идет дальше и считает самой лучшей эпохой для проявления ораторства «часы великих потрясений, переворотов, торжеств или бедствий общественных, когда перестала преобладать инерция, когда все соки общественной жизни пришли в воспроизводительное брожение».

Из этих немногих строк ясно видны демократические воззрения автора; как мы дальше увидим, Петрашевский был сторонником республиканского строя, превращения России в союз автономных республик наподобие Северо-Американских Соединенных Штатов.— Космополитические симпатии автора видны из статьи «Нация», где он космополитический идеал называет «человечественным», достигаемым нацией, когда она утрачивает свои индивидуальные местные черты для общей жизни со всем человечеством». Свои симпатии к прогрессу самому быстрому, к возобновлению и переустройству жизни он высказывает на каждом шагу. Автор пользуется словом «Неология» (стр. 234 — 235), чтобы высказать мнение, что «беспрерывные нововведения и нововводительства являются выражением жизненного принципа в природе, и что жизнь сама по себе есть не что иное, как ежемгновенная неология. Он приглашает писателей к смелости и активности в деле введения неологии, заявляя, что скорее следует осуждать писателей «за их робость, за боязнь относительно нововводительства, нежели за самые нововведения». Говоря о том, что Наполеон не понял нововведений Фультона, он прибавляет: «не стратегии и тактике Наполеона, а силе сжатого пара суждено преобразить землю и возвысить человечество» (курсив наш. А. А.). Слова «Новаторство» и «Новатор» (стр.256 — 257) дают автору повод для выражения горячей симпатии смелым мыслителям и всем государственным деятелям, изобретателям и ученым, указывающим человечеству новые пути. Он горячо хвалит Петра I. «Примером смелого новаторства в быте общественном,— говорит он,— могут служить системы Оуэна, Сен-Симона, Фурье, где аналитическая мысль, с большей или меньшей точностью пройдя по всем составам общественного организма, пыталась вычислить все, даже сколько биений потребно в секунду для правильности и нормальности его отправлений». К числу новаторов он относит также Христа.

---

*) Более чем ясный намек на Россию той эпохи.

Свои социально-экономические взгляды и, в частности, симпатии к фурьеризму автор (или авторы) обнаруживает в целом ряде слов («Нормальное состояние», «Натуральное право», «Натуральная система», «Мода», «Ораторство», «Организатор», «Организация производства», «Непотизм», «Оракул», «Оратория» и др.).

Статья «Нормальное состояние» (ст. 250—251) дает автору повод развить ряд фурьеристских идей: Нормально развитым человеком обыкновенно называют того, в котором все силы его природы, все страсти гармонически развиты, являясь вполне свободно-деятельными... Такое нормальное развитие... всегда предполагает определенную массу средств, доставляемых обществом для удовлетворения нужд человека, без которой акт его жизненного развития является невозможным...

Нормально развитым или благоустроенным обществом... будет то, которое доставляет всякому из членов своих средства для удовлетворения их нужд пропорционально потребностям и поставляет всякого человека в такое положение или отношение к целому обществу, что он, предаваясь вполне влечению естественных своих побуждений, нисколько не может нарушить гармонию общественных отношений, но будет деятелем не только полезным самому себе, но и целому обществу без самозаклания личности.

«Человечество тогда только можно почесть достигшим нормального развития или состояния, когда дух единства и единения проникнет всех людей... когда физические и нравственные силы отдельного человека достигнут апогея возможного их развития и для человека вообще настанет пора самосознания, самозакония, общности и общительности. Когда человек войдет в непосредственное общение с природой и все люди в совокупности явятся полными властелинами живых и действительных сил ее, и они будут покорными орудиями человеческого произвола; когда все, что считается трудом удручающим, отвратительным... обратится в источник непосредственного наслаждения жизнью...» *) Смотр. ст. ст. «овенизм», «социализм», «фурьеризм», «эдем» и в Прибавлении к Словарю «Коммунизм».

Изложенные здесь идеи получают дополнение в словах «Натуральное право», «Натуральное состояние», «Мода» и др. Перечисляя положения натурального (естественного) права, которые теперь можно считать абсолютно верными, автор между ними указывает на следующее: сравнительная степень совершенства быта общественного

*) В этой статье несколько цензурных пропусков; такие пропуски встречаются и в других статьях.

определяется количеством и разнообразием средств или способов, доставляемых им для удовлетворения различных требований человеческой природы»; «всякое общество, недоставляющее положительно всех нужных средств для всестороннего развития его членов есть форма общественного быта преходящая, несовершенная и предуготовленная для другой более совершенной, как, например, варварство подготовляет феодализм и он в свою очередь устанавливает цивилизацию». В слове «Натуральное состояние» (стр. 218 — 219) автор, не соглашаясь с Руссо и подобными ему мыслителями, что золотой век человечества нужно искать в его прошлом, находит, однако, их правыми, поскольку они утверждают, что преобразование быта общественного соответственно требованиям природы человека безусловно необходимо. Он отсылает читателя, интересующегося этими вопросами, к сочинениям Фурье, где первобытное состояние названо «эденизмом». — Даже слово «Мода» (стр. 193 — 194) дает повод автору свернуть на любимую тему о человеческой природе, трактуемой в духе Фурье. Автор одобрительно отзывается о стремлениях человека к перемене, «ибо однообразие и тождество всего и во всем прямо противно жизненному принципу природы». Стремление к разнообразию, проявляемое в модах, «приискание новых способов для удовлетворения своих потребностей ни мало не заслуживает порицания, но полного поощрения, как ведущее к облагорожению, утончению чувствований и самых органов их восприятия».

Казалось бы, слово «Ораторство» (стр. 299 — 304) не имеет никакого отношения ни к экономике, ни к фурьеризму; однако, автор находит возможным, начав с характеристики этого искусства, попутно высказать, несколько фурьеристских мыслей, что «человеку, взятому в отдельности, почти ничего невозможно совершить в обществе и обществом (par l'association et dans l'association). Для него труд, уединенный и однообразный, не определенный природным влечением, будет всегда тяжелой казнью». Он заканчивает свою довольно длинную статью следующим замечанием: для того, чтобы ораторство, как и всякое обнаружение силы природы человека, не сделалось односторонним, а потому ненормальным, необходимо, чтобы все требования человека получили соответствующее удовлетворение, чтобы для деятельности как нравственных, так и материальных, сил его, самое это удовлетворение явилось началом гарантирующим их развитие.

Под словом «Организатор» и «Организация производства» (стр. 316 — 319) мы читаем: «...Для организатора, как и для устроителя какого-либо механизма, необходимо знание природы и свойств тех материалов, из которых он хочет построить машину, их взаимное

но всякому труду предлагается доля прямо пропорциональная его полезности и обратно пропорциональная его привлекательности. [См. ст. ст. — «Серия», «Талант», «Социализм», «Фурьеризм» и в Прибавл. к словарю ст. «Группа»] *).

Высшая задача общественной экономии состоит в умении постоянно уравнивать способы удовлетворения нужд с самыми потребностями и обеспечивать каждому члену общественного организма безбедные способы существования через доставление ему средств к общеполезному труду.

Несмотря на сочувственное изложение распределительной формулы Фурье, мы встречаем, однако, в словаре более социалистический взгляд на капитал и собственность. Так, в статье «Непотизм» (стр. 240) автор, с одной стороны, констатирует, что «стремление, замечаемое с половины прошедшего столетия у всех образованных народов, определять значение человека по его способностям (таланту), качеству и количеству его производительности (труду) и самым способам производительности (капиталу) значительно ослабило вредное влияние непотизма»; но в то же время автор делает поправку, показывающую, что он ближе к социалистическому идеалу, чем его учитель; он говорит: «теперь, в настоящее время, когда признание превосходства труда и таланта перед богатством и происхождением значительно увеличились», в такой же степени уменьшилось значение непотизма. Еще определеннее высказывается автор за уничтожение значения капитала и богатства в статьях «Оракул» и «Оратория», пользуясь для выражения своей мысли изложением учения Христа. «Учение Христово,— говорит он здесь,— в первобытной чистоте своей нанесло удар всем возможным теориям и прорицателям, изобличило их хищничество, коварство и деспотизм и в противоположность тому, являя пример бескорыстия, братолюбия, имея основным догматом милосердие, а целью — водворение свободы и уничтожение частной собственности, с каждым днем привлекало себе новых сподвижников... Как ни прекрасно начало сего учения, заканчивает с печалью автор, но оно еще не получило нормального развития», иначе говоря те, которые называют себя христианами, не следуют основным положениям этого учения. В слове «Оратория» (стр. 306 — 310) автор еще раз характеризует учение Христа, как «слово любви и свободы», которое заставляет человека, внявшего этому учению, «отказаться от стяжания, от мысли о «моем» и «твоем», когда простая притча показала ему нераздельность благ природы и равенство прав каждого живущего существа на все ее сокровища».

*) Статьи эти не были напечатаны, так как словарь, как известно, был конфискован после второго выпуска, прерванный на букве „О".

Подводя итог всем сделанным нами выпискам из 2 части словаря, мы видим, что составитель ее в философии был склонен к материализму и атеизму *), в политике — к строю политической свободы, а в социальном вопросе был сторонником учения Фурье, более левый чем Фурье в вопросах о частной собственности и о распределении благ. Для правильного суждения о миросозерцании составителя второго выпуска словаря, нужно принять во внимание, что в его работе, прерванной с самого начала, имеется много указаний на его намерение разработать вопросы социализма и, в частности, фурьеризма, и что эта работа была чрезвычайно стеснена тяжелыми цензурными условиями эпохи.

§ 4. «Пятницы» Петрашевского.

Гораздо свободнее и шире идеи Фурье развивались на «пятницах» Петрашевского. Конечно, не одни только эти идеи были предметом докладов, бесед и споров на этих вечерах. Здесь, как мы увидим дальше, затрогивались самые разнообразные вопросы политической и социальной жизни; но идеям Фурье здесь было отведено почетное место, и часто дебатировавшиеся вопросы рассматривались сквозь призму этих идей. Сведения о вопросах, дебатировавшихся на этих вечерах, основаны, главным образом, на поздних, большей частью отрывочных воспоминаниях отдельных членов этого кружка, на некоторых дошедших до нас документах, на агентских показаниях (Антонелли, Липранди) и на показаниях, данных подсудимыми на судебном следствии и перед судом; те и другие показания (в особенности первые) во многих случаях далеко не беспристрастны; но все же на основании всех этих источников, вместе взятых, можно составить вполне отчетливое представление как о дебатировавшихся вопросах, так и о способах их разрешения. Мы, впрочем, в дальнейшем постараемся держаться поближе нашей темы, т.-е. будем интересоваться указанными вопросами постольку, поскольку в них прямо или косвенно проявились идеи Фурье.

Существует несколько описаний этих вечеров в воспоминаниях их бывших участников (Д. Д. Ахшарумов, П. А. Кузьмин, А. Г. Рубинштейн и др.) и в показаниях подсудимых петрашевцев. Из всех этих описаний и показаний явствует, что петрашевцы не представляли никакого организованного общества и не имели никаких «общих планов действий»; что первоначально пятницы Петрашевского были периодическими собраниями интеллигентных мыслящих людей для обмена мнениями по всем животрепещущим вопросам текущей русской

*) Сочувственные отзывы об учении Христа вызваны не религиозностью, а стремлением проводить социалистические взгляды под флагом религии.

жизни, относительно деспотических распоряжений правительства, злоупотреблений и самоуправства чиновников, или о произведениях новейшей литературы по всем отраслям знания, или, наконец, о событиях иностранной политической жизни. Постепенно интересы собирающихся получают более определенный характер; от несистематических бесед и споров о текущих событиях стали переходить к докладам и лекциям по вопросам экономическим, политическим и религиозным. А. Г. Рубинштейн, попавший на пятницы Петрашевского в начале 1849 г., только что вернувшись из-за границы, был изумлен, когда «на эстраду» вышел докладчик и стал читать «что-то в роде социалистического и коммунистического трактата». Знаменитый пианист не ожидал встретить что-либо подобное в России, где для высказываемых принципов «не могло быть места».

Но факты показали, что в России тоже имелась почва для социально-политического движения, и только николаевский железный деспотизм задерживал его развитие с тем, чтобы через два десятилетия направить по другому более мощному руслу.

Характер систематических речей, произносимых в форме докладов, пятницы Петрашевского приобрели, начиная с 1848 г., а потому период 1848 — 1849 г. г. является самым плодотворным в смысле пропаганды идей Фурье. Весной в 1848 г. Данилевский, по предложению Петрашевского, прочел несколько лекций об учении Фурье. Как выше было указано, Данилевский считался лучшим знатоком Фурье в кружке Петрашевского и других кружках, связанных с предыдущим (как, например, Кашкина, Плещеева).

Насколько правильно Данилевский проник в смысл и дух учения Фурье, видно из изложения этого учения, сделанного им для следственной комиссии. Нужно при этом принять во внимание, что в указанном изложении он старался изобразить идеи Фурье в наименее «антиобщественном» виде.

Отметив, что, согласно учению Фурье, задача социальной науки заключается в открытии общественного строя, в основе которого должно лежать человеческое счастье, референт подчеркивает, что по взглядам Фурье основой этого счастья не может быть равенство, ибо равенство не существует в природе и нет среди людей; стремление ученых минувшей эпохи строить человеческое общество на равенстве потерпело крушение. Точно также поступали неправильно эти ученые и философы, выдвигая на первый план вопросы политические и оставляя в тени будничные отношения людей, которые только для поверхностного наблюдателя могут казаться ничтожными, а в действительности играют самую важную роль в вопросах человеческого счастья. Ученые, по мнению Фурье, слишком мало внимания обратили на анализ

природы человека и его страстей; правильное общественное устройство будет то, при котором страсти одних людей будут гармонически сочетаться со страстями других. Изложив учение Фурье о страстях, Данилевский указывает, как при их посредстве Фурье надеялся увеличить производство богатств; для этого люди должны об'единиться в ассоциации с тем, чтобы каждый делал такую работу, к которой он чувствует наиболее влечения. Далее он изображает, как Фурье намеревался сделать труд привлекательным, устранив его чрезмерную продолжительность, однообразие, уединенность, его принудительный характер и пр. В виде примера Данилевский приводит деревенский сенокос, который, несмотря на продолжительность и напряженность труда, составляет настоящий праздник для деревенского населения.

Он далее подчеркивает, что Фурье не отрицает частной собственности. Всякий вступающий в ассоциацию, сохраняет всю собственность, которую имел, и, сообразно оценке внесенной им доли, получает акцию, которую может продать или подарить; цена акции падает и поднимается вместе с уменьшением и увеличением цены той недвижимой собственности, которой она есть движимый представитель. Приведя далее распределительную формулу Фурье пропорционально капиталу, труду и таланту, Данилевский замечает, что Фурье не уничтожал в своей фаланге наследственного права, причем очень толково и вполне в духе Фурье об'ясняет, какой характер примет распределение наследства в фаланге, а именно, оно будет делиться наследодателем на многие мелкие доли и распределяться не только между родственниками, но и в значительной части между друзьями, приближенными и лицами, с которыми наследодатель так или иначе был связан.

В заключение Данилевский старается подчеркнуть полное отсутствие революционности в учении Фурье, который был ярым противником всякого насилия и покушений на свержение существующих тронов; он, кроме того, защищает это учение от упрека в половой безнравственности, так как отношения между полами, как вполне ясно указывает Фурье, сделаются свободными не «на деле, а по праву», т.-е. сама свобода любви будет урегулирована обычаями и законами, и она будет введена не ранее, чем через пять поколений после всеобщего принятия предложенного им социального строя. Во время следствия Данилевский заявил, что постепенно разочаровался в возможности немедленного осуществления идей Фурье, но не перестает считать это учение справедливым.

После лекций Данилевского в продолжение двух пятниц говорил Спешнев о религиозном вопросе с точки зрения коммунизма. Фурьеристы, и в том числе Петрашевский, готовились ему возражать, хотя, как нам известно из словаря Кириллова, и как увидим в дальнейшем,

они держались далеко не фурьеристских взглядов на религию и божество. Согласно показаниям Момбелли, Спешнев прочитал доклад об атеизме, что вполне вероятно, в виду крайности взглядов Спешнева *). Осенью того же года Баласогло произнес речь о семейном счастьи, по показанию свидетеля, в духе учения Фурье. Не безынтересную фигуру на пятницах Петрашевского представлял И. Л. Ястржембский, дворянин Минской губернии, католик, окончивший курс Харьковского университета, служивший помощником инспектора в технологическом институте и читавший в нем лекции по политической экономии. На пятницах Петрашевского он в продолжение пяти или шести вечеров об'яснял основные начала политической экономии. Так как это изложение делалось в духе либеральной школы, то мы на нем не будем останавливаться.

К. И. Тимковскому и его выступлениям осенью 1848 г. на вечерах Петрашевского должно быть отведено очень видное место, так как эти выступления сильно взбудоражили членов кружка и дали чувствительный толчок для проведения параллели между фурьеризмом и коммунизмом. В своем показании на судебном следствии Достоевский характеризует Тимковского следующим образом. «Это, как показалось мне, один из тех исключительных умов, которые, если принимают какую-нибудь идею, то принимают ее так, что она первенствует над всеми другими и в ущерб другим. Его поразила только одна изящная сторона системы Фурье и он не заметил других сторон, которые могли бы охладить его излишнее увлечение Фурье». Впрочем, Тимковский только вначале был правоверным последователем Фурье, а затем отклонился отчасти в сторону коммунизма под влиянием Спешнева. С изложением своих взглядов Тимковский выступал в продолжение 2 — 3 вечеров. Согласно показаниям, данным им по поводу этих выступлений перед следственной комиссией, он советовал раньше, чем учить других, самим изучить социальные системы и в первую очередь систему Фурье, и только после этого начать пропаганду в гостиных среди образованных людей; он даже предлагал ходатайствовать перед

*) Кашкин на одном из собраний своего кружка произнес речь, в которой отрицал бытие бога на основании существования страданий человечества. В заключение он сказал: „Но истина ни в слепой вере, ни в неверии, ни в том, ни в другом метафизическом учении,— истина в природе. В ней высший разум начертал свою волю, и из природы человек должен перенести ее в свою жизнь, в свое общественное устройство. Он научился открывать в естественных науках законы природы, остается применить их к науке общественной. И когда он это сделает, человечество будет иметь закон, счастье и совершенство; пока же он не осуществит воли высшего начала, творца своего, ясно начертанной в великой книге Природы, будет борьба, будет мрак, будет несчастье, царство лжи и зла". (В. И. Семевский, — „Из ист. общ. идей в России в конце 40 годов", стр. 45 — 46). Из этого отрывка мы видим, как некоторые русские фурьеристы стремились примирить атеизм русского просвещенного общества с учением Фурье о божестве и природе.

правительством об ассигновании денежных средств на устройство пробной фаланги в 1.800 человек.

Но это показание не соответствовало действительности. По показаниям некоторых из присутствовавших на его докладе он произнес «возбудительную речь в коммунистическом духе» (Ханыков), призывал истинных сторонников прогресса к ускорению возмущения и даже предлагал образовать необходимое для этого общество (Толь); он предлагал разделить мир на две части, отдав одну часть на опыт фурьеристам, а другую — коммунистам и рекомендовал образование кружков для изучения фурьеризма и коммунизма. Это показание, данное Момбелли, повидимому, соответствовало фактам. Тимковский, очевидно, был левее многих членов кружка Петрашевского и самого Петрашевского в социальном вопросе; он, очевидно, предлагал учение Фурье соединить с коммунизмом.

Это явствует из письма, написанного ему Петрашевским. Письмо это представляет большой интерес; оно характеризует склад мышления Петрашевского и его воззрения, как фурьериста и общественного деятеля. Отсылая читателей к книге Семевского *), где приведена значительная часть письма, мы здесь сделаем только несколько выписок.

Очень характерно для миросозерцания и программы Петрашевского, что, называя себя «старым фурьеристом», он отнюдь не считает необходимым слепо во всем следовать Фурье. Он пишет: «Вы об'явили себя фурьеристом... Но, сочувствуя какой-либо системе, следует ли еще принимать ее во всем безусловно, даже и в том, что в ней нельзя считать рационально доказанным, что в ней является гипотезой, внесенной в систему, так сказать, более для округленности системы, для симметрии распорядка ее частей, которую, как вводное предложение в любой фразе, можно откинуть без из'яна для полного уразумения мысли...» И далее: «Нападения ваши на философию, обвинения ее в том, что ею ничего не было сделано для блага человечества, могли быть об'яснены или тем, что все, встречаемое вами в сочинениях Фурье, было принято au pied de la lettre, и вы ему верите, как алкорану, и авторитет вашего смысла ему безусловно подчинили, или не знаете совершенно истории философии и незнакомы с влиянием философских систем на общественное развитие...» По поводу предложения Тимковского о разделении земли между фурьеристами и коммунистами, Петрашевский замечает, что фурьеризм доводит до того постепенно и естественно, чего желает установить мгновенно и насильственно коммунизм, и что в то время, как коммунисты своей революционностью рискуют в одну «минуту, пожалуй, величественного, но тем

*) В. И. Семевский — „Петрашевский и петрашевцы", ч. I, стр. 127 — 131.

не менее болезненного лихорадочного потрясения утратить результаты тысячелетних кровных трудов человечества; для него (т.-е. фурьеризма), чтобы получить полное осуществление, довольно мили земли, удобной к возделыванию, около двух тысяч человек с соответственным их потребностям количеством способов их удовлетворения, то-есть капиталов для первоначального осуществления, чтобы самую вычурную мечту о райском блаженстве сделать действительностью...» Высказываясь поэтому против девиза разрушения, выдвинутого Тимковским, он заявляет: «наша сила... в истине, прямоте наших убеждений, широте начал, точности их анализа и верности их применения к каждому данному и мелочному случаю...» *)

В противовес учению Фурье, русские фурьеристы не отличались религиозностью; даже, наоборот, их можно скорее заподозрить в атеизме. Ханыкову Петрашевский говорил: «Слепая вера в бога вредна, ибо она повергает человека в бездействие и косность». В вышецитированном письме к Тимковскому, Петрашевский называл Иисуса Христа «известным демагогом, несколько неудачно кончившим свою карьеру». Спешнев, как мы видели выше, два вечера говорил о религии в атеистическом духе; впрочем, как нам уже известно, он был склонен к коммунизму. Фурьерист Толь также прочитал лекцию в антирелигиозном духе. По словам Ястржембского, Толь об'яснял происхождение религии страхом перед внешней природой и ее силами, и по словам Дурова он старался доказать, что религиозное чувство в человеке есть следствие сознания своей ничтожности перед миром, его окружающим. Сам Толь показывал на допросе, что его рассуждения о религии были изложением учений Фейербаха, Бауера и других мыслителей **).

Наиболее горячим приверженцем Фурье был сам Петрашевский, несмотря на резкие отступления от этого учения, которые он делал в вопросах политики и религии.

Чтобы дать представление о его увлечении идеями Фурье, нужно обратиться к записке, поданной им в следственную комиссию.

«Когда я в первый раз прочитал его (Фурье) сочинения — пишет он в этой записке,— я как бы заново родился, благоговел перед величием его гения; будь я не христианин, а язычник, я бы разбил всех моих других богов... сделал бы его единым моим божеством».

Петрашевский далее с удивительной глубиной отмечает те стороны системы и учения Фурье, которые заслуживают особенного

*) Заявляя себя противником революции социальной, Петрашевский, как можно судить по имеющимся данным (о чем ниже), был сторонником революции политической.

**) У Толя было найдено его собственное сочинение „Историческое рассуждение о начале и развитии народов", в котором он сравнивал Иисуса Христа с основателями языческих религий.

внимания, как, например, организацию труда в общине, анализ человеческой природы, взгляд Фурье на историю. За одно изображение своей трудовой организации Фурье «должен быть назван гением из гениев», а в анализе человеческой природы он превзошел философов всех времен. Он предсказал господство больших капиталов и капитала вообще, под именем Féodalité industrielle, когда это явление еще неясно обнаружилось вовне. В его отношениях разбросана масса глубоких, остроумных и полезных предложений по всем отраслям промышленности, по части кредита... «Это — сокровище поднесь еще непочатое». Петрашевский советует читать сочинения Фурье всем государственным людям, всякому, кто хочет быть полезным своему отечеству гражданином.

Переходя к подробностям теории и системы Фурье, Петрашевский в своей записке замечает: «если бы описать один день фаланстерской жизни, то это превзошло бы рассказ тысячи одной ночи...» «Всякому отцу, который желает, чтобы его дети не сделались нравственными уродами», он советует прочесть сочинения ученика Фурье, Консидерана, «De l'Education» и «Destinée sociale» (третью часть) и следовать указанной методе, «результаты которой превзойдут все ожидания». Петрашевский рекомендует тем, для которых предназначены его записки, т.-е. своим судьям, прочитать сочинения Фурье и литературу о нем и остерегает их от источников, неверно и пристрастно излагающих его теорию и систему. Он выражает уверенность, что если они прочтут сочинения Фурье, то осудят его последователей не за пламенное увлечение этим учением, а, наоборот, за холодность «не по летам» и за недостаток рвения и увлечения *).

Уже из изложенного мы видим, что Петрашевский был наиболее ревностным и пламенным последователем учения Фурье. Это, повторяем, не мешало ему видеть отрицательные стороны этого учения и со свойственным ему умением их критиковать; зато он, как явствует из предыдущего, умел отдавать должную дань всему тому, что действительно есть в нем ценного.

Как мы выше видели, он вполне правильно отметил в своей записке выдающиеся стороны теории и системы Фурье, каковы, например, его организации труда или его предсказание о роли капитала в строе цивилизации; с такой же проницательностью Петрашевский на одной из своих пятниц анализировал различие между свободой политической и социальной. Известно, что Фурье с замечательной едкостью разоблачил однобокость «свободы», декретированной Великой Французской Революцией, т.-е политической свободы, которая для тружеников

*) Более подробное содержание этой записки у Семевского — „Петрашевский и петрашевцы", стр. 171 — 173.

часто означала свободу умереть с голода. Фурье очень убедительно доказывает теоретическими рассуждениями и примерами, что политическая свобода — мираж, если она не дополнена социальной свободой, которая заключается в полной материальной обеспеченности, ибо только материальная обеспеченность дает возможность гражданину использовать те свободы, которые ему предоставлены на бумаге конституцией. В согласии с учением Фурье Петрашевский на одном из своих вечеров произнес речь о различии между свободой социальной и политической. В этой речи Петрашевский проводил ту мысль, что человек только тогда будет пользоваться истинной свободой, «когда для него не только будет возможно развитие полное и гармоническое всех потребностей его природы, но самое такое развитие будет *действительно* *).

§ 5. Обед в память Фурье.

7 апреля 1849 г. (в день рождения Фурье) русскими фурьеристами был устроен вскладчину торжественный обед в память Фурье. Инициатива этого обеда исходила не от петрашевцев, а от кружка Кашкина, который, как выше было отмечено, задавался специальной целью изучения идей Фурье. На обеде (происходившем на квартире А. И. Европеуса), кроме Петрашевского, участвовали: Кашкин, два брата Дебу, два брата Европеуса, Ханыков, Ващенко, Спешнев, Д. Д. Ахшарумов и Есаков **).

На этом обеде было произнесено несколько речей, в которых проявились настроения и чаяния русских фурьеристов.

Петрашевский в своей речи (произнесенной после речи Ханыкова) называет собравшихся «социалистами фурьеристского толка». Определив социализм, как учение, «имеющее целью устройство быта общественного сделать согласным действию с потребностями человеческой природы, он указывает на трудность задачи, возложенной на русских фурьеристов — быть социалистами в России. «Несчастная случайность нашего рождения,— говорит он,— привязала нас к почве русской и сделала представителями социализма в невежественном и страждущем от невежества нашем отечестве. Вот наше призвание быть социалистами в России, возложенное на нас духом века. Социализм и Россия — вот две крайности, вот два понятия, которые друг на друга волком воют, сказал бы Прудон, и согласовать эти две крайности

*) Кроме того, Петрашевский произнес речь о влиянии пищи на умственное развитие народа. Здесь отчасти тоже сказалось влияние Фурье, а именно, то значение, которое он придавал „гастрономии" для всестороннего развития членов своей ассоциации. Далее из речей Петрашевского отметим: о необходимости свободы печати, о вреде басен и волшебных сказок для умственного развития детей.

**) Хотя один из ораторов (Д. Д. Ахшарумов) в своей речи под русскими фурьеристами подразумевает одиннадцать собравшихся человек, но в действительности число русских фурьеристов было гораздо значительнее.

должно быть нашей задачей». Как ни тяжела эта задача, одна сторона ее нам чрезвычайно облегчена. «Три четверти труда сделаны нашими предшественниками, нашими старшими братьями по вере в прогресс человечества. Гений Фурье освободил нас от великого труда изобретательности, дал нам подлинное учение». Но зная русскую действительность, мы не можем надеяться на мгновенный успех нашей пропаганды. Пусть же первым нашим шагом будет признание, что мы социалисты фурьеристского толка, а дальнейшим — изучение русской действительности и местных условий для скорейшего водворения строя, начертанного Фурье.

Ханыков в начале своей речи называет празднуемое событие, т.-е. рождение Фурье, событием, влекущим за собой «преобразование всей планеты и человечества, живущего на ней». Описав вкратце первобытное состояние человечества, привлекательные стороны которого он видит в отсутствии частной собственности и религиозного страха, оратор переходит к рассмотрению борьбы классов, проходящей через всю историю человечества. «Один закон, выражающий отрицание (прав человечества),— говорит оратор,— идет через всю историю в различных видах: это закон победителей и побежденных, проявлявшийся на востоке борьбой каст, в Греции — борьбой демоса с эвпатридами, в Риме — плебеев с патрициями, в средние века — разнообразной борьбой освобожденной личности с авторитетом, борьбой расколов, партий, сословий, наконец, новых образовавшихся в то время, характеристической, наконец, борьбой крестьян, промышленных комюн с вассалами и в наше время борьбой пролетариев с капиталистами...» Нейтрализовать, уничтожить этот закон может только наше учение. Да, наше учение есть то высшее начало, которое должно вытечь из антиномии победителей и побежденных, начало всемирного примирения, всеобщей свободы и счастья... Из взаимного проникновения Разума и Индустрии выйдет новое вожделенное начало, на котором построится будущая жизнь человечества...»

Оратор обращается к современному положению России: «Отечество мое в цепях, отечество мое в рабстве,— восклицает он,— религия, невежество, спутники деспотизма, затемнили, заглушили твои натуральные влечения; отечество мое, думал я, прислушиваясь к толкам современных славян, где твое общинное устройство, родное село, колыбель промышленной и гражданской жизни, где ты, народная вольница,— великий государь Новгород?.. Заунывной песнью отвечала ты мне, угнетенная женщина... — «Не люби меня, не ласкай меня,— закон царский, господский, христианский заклянет, угнетет мое детище, изведет меня семья...» Оратор называет семью «угнетением» и «деспотизмом», «нарушением гармонии страстей», «безнравственностью и развратом». «Семья есть исключительная собственность, эгоистическое

распределение богатства, семья есть нищета, семья есть нарушенное здоровье человечества, семья есть миазм, эпидемия, семья есть воплощенное зло, и государство, стоящее на ней, есть отравленный организм,— разрушение его близко».

Оратор вновь обращается к учению Фурье и находит в нем об'единительное начало для всего человечества, хотя основатель этого учения проповедывал на одном только языке среди своих последователей в своем отечестве. Это учение предстоит нам распространить, сделать достоянием всего человечества. «Как открытие ни будь, господа, истинно,— говорит оратор,— благодетельно само по себе, но по косности, невежеству большинства, вытекающему из теперешней организации обществ, оно не может быть принято скоро и повсеместно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживает до сих пор борьбу упорную и сильную. Но не нам бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, наш тесный дружный союз на всех концах земного шара во имя ее начал и закона. Преображение близко! Но не в вере, не в молитве, как делают это христиане, день которых пришелся с нашим днем (7 апреля 1849 г. пришлось на пасхальный четверг), не в вере, не в молитве, этом модном, светском, семейственном, детском препровождении времени, а в науке чистой будем мы приобретать бодрость наших страстей на терпение, на дело».

Ахшарумов начинает свою речь с констатирования всеобщего несчастья и неудовлетворенности, ибо «счастье, которым пользуются немногие, тоже незначительно, непрочно, пусто, однообразно, утомительно...» Но невозможно, чтобы природа нас создала для страданий. Это общество обезобразило, исковеркало наши страсти, сделало нас нуждающимися, больными». Назначение человека есть счастье, возможное только в другой жизни, «но не в той жизни, о которой говорят нам грязные попы, которая осрамила бы провидение и законы вселенной, но в жизни другой, другого общества, в наслаждении и роскоши на нашей высокой, прекрасной земле...» «И так как порядок установленный противоречит главному основному назначению человеческой жизни, как и всякой другой жизни, то он непременно рано или поздно прекратится и вместо него будет новый — новый, новый и новый. Когда? Вот это важный вопрос, и мы можем только отвечать, что скоро. Уже тот факт, что мы сознаем недостатки, ошибки в устройстве нашей жизни, уже представляется нам в общих чертах новая жизнь,— этот самый факт доказывает, что началось время его разрушения. И рухнет, и развалится все это дряхлое, громадное, вековое здание, и многих задавит оно при разрушении и из нас. Но жизнь оживет, и люди будут жить богато, раздольно и весело... Нас окружают 100 миллионов, которые оглушены бреднями

и не знают о том, что ожидает их новая жизнь и что они должны приготовляться к принятию ее. Наше дело высказать им всю ложь и жалость этого положения и обрадовать их и возвестить им новую жизнь. Да, мы все должны это сделать и должны помнить, за какое великое дело боремся: законы природы, растоптанные учением невежества, восстановить, реставрировать образ божий человека — во всем его величии и красоте, для которой он жил столько времени; освободить и организовать высокие стройные страсти, стесненные, подавленные. Разрушить столицы, города и все их материалы употребить для других зданий, и всю эту жизнь мучений, нищеты, бедствий, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья и всю землю нищую покрыть дворцами, палатами и разукрасить в цветах — вот цель наша, великая цель, больше которой не было на земле другой цели...» Оратор кончает свою речь вещей фразой: «Мы здесь в нашей стране начнем преобразование, а кончит его вся земля» *).

После речей Ханыкова и Ахшарумова, вызвавших всеобщее одобрение и аплодисменты, сказали краткие речи Кашкин и Есаков, после чего было произнесено несколько тостов, а затем Кашкин прочел принесенное Петрашевским в русском переводе стихотворение Беранже, где прославляются Фурье, Сен-Симон и Анфантен **). И. М. Дебу

*) Следственная комиссия поняла эти слова в буквальном смысле и вменяла Ханыкову в вину замысел разрушить Петербург.

Речи Ханыкова и Ахшарумова цитированы нами по ст. Семевского в № 4 „Голоса Минувшего" за 1916 г., где они изложены подробнее. — Комиссия поняла слова Ахшарумова о разрушении столиц и городов в буквальном смысле и отметила, что его речь призывает к совершенному разрушению настоящего порядка".

**) Вот несколько строф этого стихотворения в переводе В. С. Курочкина:

Безумцы.

Оловянных солдатиков строем
По шнурочку равняемся мы.
Чуть из ряда выходят умы—
„Смерть безумцам!" мы яростно воем,
Поднимаем бессмысленный рев,
Мы преследуем их, убиваем —
И статуи потом воздвигаем,
Человечества славу прозрев.
„Подними свою голову смело!"
Звал к народу Фурье: „разделись
На фаланги и дружно трудись
В общем круге для общего дела.
Обновленная вся, брачный пир
Отпирует земля с небесами.
И та сила, что движет мирами,
Человечеству даст вечный мир".
По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый Свет;
Нам безумцем дан братства завет,
И распятый безумец стал богом.
Если завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло,
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь.

сделал предложение о переводе на русский язык одного из главных произведений Фурье; предложение было принято; наметили Théorie de l'Unité universelle, которую тут же разделили на одиннадцать частей между всеми участниками обеда.

§ 6. Политические воззрения и чаяния Петрашевского и петрашевцев.— Планы образования тайного общества.— Попытка Петрашевского основать «фаланстер».

Чтобы дать законченное представление об идеологии русских фурьеристов, нужно познакомиться с их политическими воззрениями и с той совокупностью ближайших реформ, так сказать, программой-минимум, которую они выдвигали для ближайшего времени. Но наша тема не позволяет нам подробно останавливаться на этом вопросе и мы коснемся его вкратце.

Что сам Петрашевский, в отступлении от теории Фурье, придавал политическому вопросу большое значение, на это мы указывали уже много раз. Еще на университетской скамье Петрашевский в своих записках под заглавием «Мои афоризмы» писал: «Государства должны быть основаны по народам и каждое государство должно вмещать в себе один народ. Отношения между народами должны быть, как между штатами Северной Америки или провинциями одного и того же государства... Правление должно быть представительно-республиканское. Все должности замещаемы по выборам. Те огромные войска, которые ныне содержатся, были бы не нужны, ибо война не могла бы иметь места. В религии совершенная терпимость...» *) В тех же «Афоризмах» в разных местах прямо или косвенно он высказывается против правительственного деспотизма, против религиозной нетерпимости, против зловредной опеки правительства над народным образованием и т. п. Здесь Петрашевский выступает перед нами, как последовательный демократ. Те же мысли приблизительно высказаны Петрашевским в словаре Кириллова. В речи «о свободе политической и социальной» Петрашевский называет всеобщее избирательное право «одной из благонадежнейших основ свободы политической». По словам Антонелли (агента) Петрашевский в январе 1849 года сказал ему, что целость России поддерживается только военной силой и что когда эта сила уничтожится или, по крайней мере, ослабеет, то все народы, составляющие Россию, разделятся на отдельные племена, и что тогда Россия будет собой представлять нынешние Соединенные Штаты Северной Америки

Большинство петрашевцев отрицательно относилось к конституционному строю с высоким избирательным правом и высказывалось

*) В. И. Семевский — „Петрашевский и петрашевцы", ч. I, стр. 40.

прямо или косвенно за республику. Фурьерист Д. Д. Ахшарумов, хотя и полагал, что осуществление планов Фурье возможно и при конституционном правительстве, но в то же время в своей записной книжке писал, что для устройства фаланстера по учению Фурье «глупое, пустое, злое и сильное правительство — самое большое препятствие». Наконец, некоторые русские фурьеристы, в согласии с учением Фурье, мечтали о полном исчезновении правительства с его министрами, войсками и полицией и о замене государственного строя союзом фаланг, покрывающих весь земной шар.

Вопрос об освобождении крестьян занимал очень видное место в беседах и планах петрашевцев. В бумагах Петрашевского сохранился «Проект об освобождении крестьян», принадлежавший его перу. Автор проекта считает «самым простым способом» освобождение крестьян с той землей, которая была ими обрабатываема без всякого вознаграждения за то помещика *). Беклемишев на одной из пятниц внес проект об освобождении крестьян с землей, но за определенный выкуп, вносимый крестьянами. На вечерах Петрашевского также обсуждался вопрос о судебной реформе, которой Петрашевский придавал большое значение. Если взять всю совокупность политических и общественных реформ, проектировавшихся и обсуждавшихся в кружке петрашевцев, помимо вопросов, связанных с пропагандой и осуществлением идей Фурье, то их можно охарактеризовать следующими словами Д. Д. Ахшарумова: «Наш маленький кружок, сосредоточивавшийся вокруг Петрашевского в конце 40 годов, носил в себе зерно всех реформ 60 годов». Но петрашевцы шли дальше этих реформ уже потому, что, как мы выше видели, были в большинстве случаев сторонниками радикального изменения государственного строя.

Были ли они сторонниками революции? Стремились ли они к революционному перевороту, желали ли они его по крайней мере? На судебном следствии все фурьеристы отрицали свое сочувствие революции ссылками на то, что учение Фурье вполне миролюбиво и не предполагает никаких столкновений с правительством, никаких насильственных мероприятий; они, наоборот, указывали, что у них были предположения обратиться к правительству с просьбой о содействии осуществлению идей Фурье. Не подлежит, однако, сомнению, что Петрашевский был сторонником революции. Герцен в своей характеристике Петрашевского замечает, что «он постоянно занят был изысканием всех возможных средств для ниспровержения существующего правительства в России».

*) В своем духовном завещании, составленном им во время пребывания в Алексеевском равелине, он просит освободить крестьян, если таковые достанутся ему при разделе семейного имения.

Аналогично показывает о стремлениях Петрашевского Антонелли. Что к революции были склонны Спешнев, Черносвитов, Момбелли, Филиппов, Тимковский и некоторые другие, это видно из их предложений и попыток перейти от слов к делу.

Сделаем краткий обзор практической деятельности петрашевцев в области распространения и осуществления их идей.

Первым пунктом в программе петрашевцев стояла пропаганда среди интеллигенции, и этот пункт они выполняли по мере возможности; лучшим доказательством служит существование нескольких кружков в николаевскую эпоху, т.-е. в эпоху самого сурового политического гнета и самой строгой полицейской слежки, причем доступ в эти кружки, в особенности в кружок Петрашевского, был сравнительно нетруден. Для усиления пропаганды заведена была библиотека, которая возникла из того, что Петрашевский в 1845 году предложил нескольким единомышленникам выписывать вскладчину иностранные книги. Спешнев называл эту библиотеку «главной заманкой посещать Петрашевского». Эта библиотека состояла, главным образом, из книг по социальным вопросам. Тут были: Фурье, Консидеран, Мюирон, Пелларен, Прудон, Луи-Блан, Кабе, Мишле, Оуэн, Кондорсе, Руссо, Вольтер, Гельвеций, Огюст Конт, романы Жорж Занд и многие др. По словам Ахшарумова Петрашевский давал книги из своей библиотеки всем желавшим и снабжал ими уезжавших в провинцию. Таким образом, мы видим, что пропаганда посредством книг социалистического содержания была поставлена Петрашевским довольно широко.

Что касается планов и проектов образования тайных обществ с целями восстания, то они не выходили из области разговоров. У Спешнева был найден проект подписки, которая должна даваться при вступлении в члены тайного общества, где, между прочим, говорилось: «Когда распорядительный Комитет, сообразив силы общества, обстоятельства и представляющийся случай, решит, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участие в восстании и драке». Спешнев показал на допросе, что между ним и Черносвитовым шли разговоры и догадки о существовании в России тайного противоправительственного общества и что при этом Черносвитов якобы утверждал, что восстание нужно ожидать на Пермских заводах, где есть четыреста тысяч готового к этому народа, оружие под рукой и все только ждет первой вспышки. Другой проект тайного общества, по словам Спешнева, принадлежал Момбелли; в этот план, кроме него, Спешнева, были посвящены: Петрашевский, Львов, Дебу; предполагалось в проектируемое тайное общество принимать социалистов и людей «передовых мнений» и действовать против правительства всеми способами и между прочим путем восстания.

На одном из состоявшихся по этому вопросу собраний Петрашевский читал записку о необходимости образования общества по системе Фурье с той целью, чтобы «когда придет время, были люди готовы». Все эти проекты не получили осуществления, вследствие отсутствия единства взглядов у учредителей; но самый факт попыток, повидимому, не подлежит сомнению, и указывает, что наиболее активные из петрашевцев направились бы по этому пути, если бы их деятельность не была прервана разгромом их кружка.

В заключение нужно упомянуть о попытке Петрашевского устроить (в 1847 г.) «фаланстер» в принадлежавшей ему в Новгородской губернии деревушке, состоявшей из семи дворов с населением в сорок человек, считая в том числе детей. История этой неудачной попытки рассказана товарищем Петрашевского по лицею В. Р. Зотовым в его «воспоминаниях». Эта попытка показывает, каким нетерпением был проникнут Петрашевский увидеть осуществление системы Фурье, хотя бы в таком упрощенном виде, каким должна была явиться фаланга из семи дворов крепостных русских крестьян.

§ 7. Влияние идей Фурье на Н. Г. Чернышевского.

Наш очерк о русских фурьеристах был бы неполон, если бы мы не сказали несколько слов о влиянии идей Фурье на знаменитого русского экономиста и критика пятидесятых годов Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский выступил на литературное поприще в середине пятидесятых годов минувшего века, т.-е. в период, когда в русской экономической и общественной жизни намечался серьезный перелом, и своим проницательным взглядом недюжинного экономиста понял, что Россия находится в стадии перехода к западно-европейским формам капиталистического производства или, как он выражался в статье о славянофилах и общине (1857 года), «что Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него». Чернышевский, конечно, хорошо понимал прогрессивную роль капиталистического производства, но не менее ясно он видел и все те бедствия, которые развитие капитализма должно принести русскому рабочему и крестьянину; и вот он, идя по стопам утопистов, задумывается над вопросом, как избавить Россию от этих бедствий. Разве невозможно перейти к высшей, более совершенной форме экономической жизни, миновав капитализм. Искомое средство он находит у указанных утопистов и последующих западно-европейских социалистов. С усвоенной им точки зрения он критикует последователей Смита и Рикардо, не видящих, что на смену индивидуальному принципу и строю конкуренции идет принцип взаимопомощи и строй ассоциации; но неодинаково относится он и к проповедникам новых форм

экономической жизни. Сен-симонизм кажется ему искусственным, притор ным, аффектированным; он не находит ни серьезности, ни практичности в этой «ошибочной идеализации католицизма». Свою веру в ассоциацию он почерпнул из сочинений Фурье и Луи-Блана и приложимость ее к русской жизни он выводит из существования у нас крестьянской общины. Если Луи-Блан казался ему серьезнее, то Фурье был увлекательнее; если он Луи-Блану отдавал предпочтение в практических построениях, то к Фурье он уносился в мечтах. Если производительные товарищества в духе Бюше или Луи-Блана были для него исходной точкой движения, то в фаланстере Фурье он видел его завершение. Вот почему в своем знаменитом романе «Что делать?» он в четвертом сне его героини Веры Павловны рисует фаланстер и рисует его такими красками, каких нет у Фурье, которому неведомы были современные Чернышевскому успехи техники.

Среди лугов, садов и рощ высится удивительное здание, которому по грандиозности и своеобразной архитектуре нет равных в самых больших и красивых наших городах. Все оно сделано из металла и стекла, но это только футляр для жилья; внутри этого футляра находится огромный дом; его основные части сделаны из алюминия, простенки — сплошь зеркала, под ногами — мягкие ковры. К этому чудному сказочному зданию прилегает роскошный сад, в котором растут лимонные и апельсинные деревья, персики и абрикосы. Все эти несвойственные нашему климату деревья выращены в оранжереях и вся часть сада, где они растут, — сплошная оранжерея, раскрываемая на лето и закрываемая на зиму.

Столь же привлекательна картина работ на поле. Над работающими раскинут огромный полог, дающий им прохладу и передвигаемый по мере передвижения работ. Легка и приятна работа, ибо почти все трудное делается машинами, которые жнут, вяжут и отвозят; бодры и веселы лица рабочих, звонко и далеко раздается их песня. А в громадном здании старики и дети готовят для работников трапезу, ибо более легкие работы в фаланстере возложены на детей и стариков и тех, кто послабее. Прислуживающих за обедом мало, ибо всюду имеются механические приспособления, избавляющие от пользования чужими услугами.

Автор переносит нас на юг и рисует еще более роскошную картину гор и скал, покрытых искусственной нанесенной почвой, грандиозных плантаций, где пшеница чередуется с рисом, а пальмовые и кофейные деревья с смоковницей и сахарным тростником. Эти роскошные обильные насаждения через каждые 3 — 4 версты прерываются грандиозными дворцами, расположенными в шахматном порядке, устроенными по всем правилам новейшей техники и блистающими на солнце

хрусталем и алюминием... Их населяют счастливые люди, ни в чем не нуждающиеся, у которых обычная трапеза состоит из 5 — 6 блюд, которые никогда не работают свыше своих сил, и работа которых чередуется с развлечениями и играми, и для которых сама работа будет развлечением и игрой.

Таковы чудеса, к которым приведут принципы ассоциации и взаимности, водворенные на место конкуренции и раздельности.

* * *

Итак, мы видим, что Чернышевский подобно Петрашевскому верил в осуществимость системы Фурье; но в то же время, как последний верил, что ему на своем веку еще удастся пожить в фаланстере, Чернышевский яснее понимал практические трудности, стоящие на пути к осуществлению этого идеала, и потому, рекомендуя на ближайшее время более упрощенные виды производительной ассоциации, он относил полное осуществление чудес, рисуемых Фурье, на много поколений спустя. «То, что мы показали тебе, говорит Вере Павловне во сне старшая сестра, не скоро будет в своем полном развитии, какое видела теперь ты. Сменится много поколений прежде, чем осуществится то, что ты предощущаешь...»

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Литература на русском языке о Фурье.

1. *Ш. Фурье.* Избранные сочинения, с предисловием и биографией Фурье. Ш. Жида, пер. с французск., изд. «Кооперативный Мир», М. 1918 г.

2. *Щеглов.* История социальных систем, т. II, СПБ. 1889 г.

3. *П. Б.* Фурье и фурьеризм, Казань, 1905 г.

4. *Фр. Энгельс.* Отрывок из Ш. Фурье о торговле. Журнал «Под знаменем марксизма», 1922 г. № 4.

5. *А. Бебель.* Ш. Фурье, его жизнь и учение, перев. с немецк., изд. «Знание», 1906 г. и «Просвещение» 1907 г.

6. *Н. Водовозов.* Фурье, опыт критического обзора его учения, «Русск. Мысль», 1892 г., см. также его «Экономические Этюды» 1907 г.

7. *Н. Водовозов.* Шарль Фурье. Госиздат 1923 г.

8. *Н. Е. Кудрин.* Великий утопист. «Русск. Богатство» 1905 г. № 11—12.

9. *А. Исаев.* Место Фурье в общественно-хозяйственной науке, «Юрид. Вестник» 1898 г., №№ 4 и 5.

10. *Куперник.* Шарль Фурье, в «Киевском сборнике в пользу пострадавших от неурожая», Киев, 1892 г.

11. *Б. Фрометт.* Предшественники Фурье и Оуэна, изд. «Мысль», Петр. 1915 г.

12. *Б. Фрометт.* Революционное учение Фурье и кооперативная пропаганда, 2 изд. «Новь», Петр. 1917 г.

13. *Ш. Жид.* Пророчества Фурье, перев. с французск., изд. Моск. С. П. О. М. 1917 г.

14. *Ш. Жид.* Кооперация, перев. с французск., под ред. и с предисл. В. Тотомианца, изд. «Прометей», СПБ. 1909 г.

15. *В. Тотомианц.* Шарль Фурье и кооперация, изд. ВС Цен. С. П. О. М. 1918 г.

16. *Г. Бешкин.* Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев, Госиздат, 1923 г.

17. *В. Лейкина.* Петрашевцы, изд. О-ва б. политкаторжан. 1924 г.

18. *П. Луи.* Французские мыслители и деятели XIX в., пер. франц., изд. «Молот» М. 1908 г.

19. *П. Луи.* История социализма во Франции, изд. «Гран
М. 1908 г.

20. *М. Туган-Барановский.* Очерки из новейшей истории по
тической экономии и социализма, изд. 1903 г. и др.

21. *Л. Михайлов.* Пролетариат во Франции (1789 — 1852), «Ис
рические Очерки», СПБ. 1870 — 72 г.г.

22. *Фогт.* Социальные утопии, перев. с немецк., изд. «Проп
СПБ. 1903 г., изд. Суворина. СПБ. 1907 г.

23. *Ж. Сорель.* Социальные очерки современной эко
Дегенерация капитализма и дегенерация социализма, изд. Ж
и Чар., М. 1908 г.

24. *Н. Кареев.* История Западной Европы в новое время,
изд. 3, СПБ. 1907 г.

25. *Грегуар.* История Франции в XIX в., пер. с фран
изд. К. Солдатенкова, М., 93 — 97 г.г., т. I.

Литература о русских фурьеристах дана в ст. Бешкина в V
Вестника социалистической академии 1924 г. и в книге В. Лейк
«Петрашевцы», изд. О-ва б. политкаторжан. 1924 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Предисловие ко второму изданию. 3

Введение 5

Глава I. Краткие сведения о жизни и характере Фурье, его произведениях и литературной манере. — Отношение к Великой Французской Революции.

§ 1. Жизнь и сочинения Фурье 9

§ 2. Внешние особенности произведений Фурье. — Классификации и аналогии. — Предсказания Фурье о судьбах вселенной и человечества 20

§ 3. Явления личной и общественной жизни, повлиявшие на миросозерцание Фурье. — Его отношение к Великой Французской Революции и философам, ее подготовившим. — Стремление к созданию новой социальной науки 29

§ 4. Действительное значение Великой Французской Революции 33

Глава II. Критика современной системы цивилизации.

§ 1. Общая характеристика цивилизации. — Цивилизация есть война каждого против всех и всех против каждого. — Девять бичей цивилизации 39

§ 2. Мнимая свобода строя цивилизации. — Преимущества дикаря перед современным цивилизованным человеком. — Недовольство большинства цивилизацией 42

§ 3. Тягостный и непроизводительный труд строя цивилизации 47

§ 4. Индустриализм и его губительные для тружеников последствия. — Сосредоточение капиталов в немногих руках. — Прогрессивное обнищание трудящихся . . . 52

§ 5. Торговля и всеобщее увлечение ею. — Причины восхваления и превознощения торговли экономистами. — Господство капитала и биржи 57

§ 6. Торговля и промышленность. — Преступления, обманы и недуги торговли. — Свобода торговли, как основа всех причиняемых ею бедствий. 69

§ 7. Кризисы от изобилия. — Фальсификация продуктов. — Банкротства. — Косвенные последствия принципа свободы торговли. 83

§ 8. Нравы в цивилизации.— Положение женщины.— Любовь и брак.— Воспитание детей 93

§ 9. Общая картина строя цивилизации в изображении Фурье. 121

Глава III. Основы учения и миросозерцания Фурье.

§ 1. О единстве и закономерности вселенной и роли в ней божества 127

§ 2. Учение о движении и теория притяжения страстей.— Роль страстей, как факторов социальной интеграции.— Кабалист, папильон, композит 132

§ 3. Счастье и наслаждение, как назначение человека и цель его жизни.— Наслаждение желудка или гастрономическая страсть, как один из главных рычагов общественного механизма.— Неравенство, как одно из условий правильного действия страстей в строе прогрессивных серий. 148

§ 4. Социально-историческая теория Фурье.— Характеристика социальных периодов до цивилизации.— Цивилизация и ее фазы.— Промышленный феодализм.— Заключение. 159

Глава IV. Система Гармонии и кооперации.

§ 1. Две системы труда: труд обособленный (раздробленный) и труд комбинированный (кооперированный).— Теория ассоциации Фурье.— Хозяйственные выгоды ассоциации.— Выгоды кооперативного хранения и сбыта продуктов и кооперативного приготовления пищи . . 182

§ 2. Особая организация труда в ассоциации Фурье: группы и серии.— Индустриальные армии. 192

§ 3. Фаланга и фаланстер, их состав и устройство.— Экономический строй фаланги.— Основы питания в фаланге.— Распределение дня в фаланге 210

§ 4. Право на труд.— Гарантия минимума.— Принципы привлекательного труда 225

§ 5. Распределение общественного дохода в фаланге.— Распределительная справедливость, стимулируемая личной выгодой.— Принципы оплаты труда в группах.— Доли капитала, труда и таланта.— Примирение интересов различных классов и достижение всемирного единства . 232

§ 6. Воспитание детей в строе Гармонии.— Развитие индустриального влечения в детях.— Трудовая школа.— Опера и кухня и их образовательное значение.— Наглядный метод преподавания 248

§ 7. Роль детей в строе Гармонии.— Маленькие «орды» и маленькие «банды» 283

§ 8. Любовь и брак в переходные периоды в строе Гармонии. — Любовное совершеннолетие. — Любовные корпорации (дамуазели, галантные, независимые). — Любовные степени (фавориты, женитеры и супруги). — «Весталат» и «Дамуазелат». — Свободная любовь, как фактор расцвета индустрии 294

§ 9. Гарантизм или кооперативная система, как переход от строя цивилизации к строю Гармонии 330

Глава V. Общая оценка учения Фурье.

§ 1. Правда и поэзия в произведениях Фурье. — Идеи, заимствованные им у философов — просветителей, материалистов и экономистов XVIII века 335

§ 2. Новое и оригинальное в учении Фурье. — Чисто «фурьеристские» идеи 343

§ 3. Материализм, анархизм и социализм в учении и социальной системе Фурье 350

§ 4. Элементы диалектики и экономического материализма в воззрениях Фурье. — Анализ капиталистического строя 354

§ 5. Утопизм Фурье 359

Приложение I. Фурьеризм во Франции и в Америке 368

Приложение II. Фурьеризм в России.

§ 1. Фурьеристские кружки в России, их состав и задачи. — Краткие биографические сведения о В. М. Петрашевском 378

§ 2. Русская действительность николаевской эпохи и идеология русских фурьеристов 385

§ 3. Политические, социальные и, в частности, фурьеристские идеи второго выпуска словаря Кириллова 389

§ 4. «Пятницы» Петрашевского 398

§ 5. Обед в память Фурье 405

§ 6. Политические воззрения и чаяния Петрашевского и петрашевцев. — Планы образования тайного общества. — Попытка Петрашевского основать «фаланстер». 409

§ 7. Влияние идей Фурье на Н. Г. Чернышевского . . . 412

Приложение III. Литература на русском языке о Фурье. . . . 415